Н. И.
ГНЕДИЧ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

Н. И. ГНЕДИЧ

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

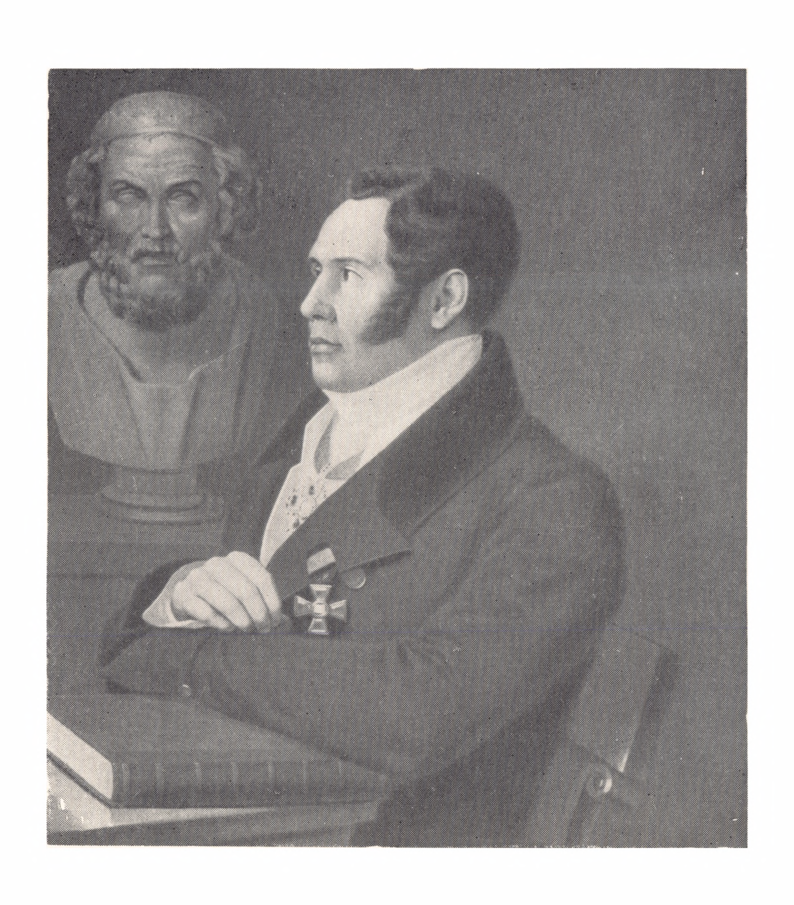
ЛЕНИНГРАД • 1956

Н. И. ГНЕДИЧ

СТИХОТВОРЕНИЯ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
И. Н. Медведевой



Н. И. ГНЕДИЧ

Среди нескольких произведений, которые русская «словесность с гордостью может выставить перед Европою», Пушкин называл «перевод Илиады».[1] Гнедич познакомил Россию с «духом древней классической литературы ...своим переводом «Илиады» — этим гигантским подвигом великого таланта и великого труда, переводом идиллии Теокрита «Сиракузянки», собственною идиллиею «Рыбаки» и др. произведениями» [2],— писал Белинский.

Широкий круг общественных и литературных интересов Гнедича обусловил прогрессивную сущность и поэтическую полноценность перевода «Илиады» Гомера.

В своих критических замечаниях Белинский останавливался и на деятельности Гнедича драматурга-переводчика, критика и театрального деятеля. Литературное наследие Гнедича обширно; стихотворная часть его наиболее значительна и своеобразна.

I

Жизнь Гнедича небогата событиями, но замечательна резкими переломами.

Характер Гнедича сложился в упорной борьбе за существование и право стать литератором.

Николай Иванович Гнедич родился 3 февраля 1784 года в Полтаве. Он происходил из казачьего роду Гнеденок, живших на Слободской Украине в местах, где позднее прошла граница Полтавской и Харьковской губерний. Предки Гнедича были Котелевскими, Ахтырскими, Куземенскими и Белевскими сотниками, т. е. начальство-

---

[1] А. С. Пушкин. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.

[2] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, под ред. С. А. Венгерова, т. VI. СПб., 1903, стр. 263.

вали над сотней казачьего полка, ведали сотенным городком и всеми прилежащими к нему селами. Здесь сотник был полновластный хозяин, «славетный пан» и «значный житель».

Предки Гнедича принадлежали к тому среднему слою казачества, который крепко держался за землю и ее доходы. Они округляли свои маленькие хозяйства, прикупая то «ниву», то «двор с хатами и пасеку с садом», то «пекарню и лес», то «шинковый двор», а особенно любили приобретать жернова и гребли в местах, где выгодно было «мирошничать». В царствование Екатерины II многие сотники, в том числе Гнеденко, получили дворянство (повидимому, именно тогда же приобрели они фамилию Гнедич), с тем вместе потеряли свою власть и сделались чиновниками или сельскими обывателями, громко именуемыми в тех местах помещиками. Последним Котелевским сотником был дед Гнедича — Петр Осипович. Отец Гнедича Иван Петрович уже никакой властью облечен не был и занимался своими хуторками, мельницами и тяжбами с братьями, пока совсем не разорился.

Усадебка его находилась в Богодуховском уезде Харьковского наместничества в маленьком сельце Бригадировка. После смерти Ивана Петровича бездоходная эта усадебка явилась единственным прибежищем для его дочери Галины Ивановны.

В местах, где рос Гнедич, степь изрыта оврагами, поросшими лесом. В те времена там еще были остатки стен древних городищ; дома даже самых «значных» людей там крыли соломою или очеретом. Ежегодно из этих мест отправлялось множество чумаков на южную соль. Возы их вереницами тянулись по степи, и «бодатели» бежали сбоку, подкалывая длинным кием ленивых волов, чтобы двигались проворней. Через много лет, работая над переводом «Илиады», Гнедич вспомнил этих «бодателей», когда понадобилось ему перевести слово, обозначающее бегущих за колесницей подстрекателей коней. Многое из простого, селянского обихода и обычаев врезалось в память Гнедича и пригодилось ему впоследствии в его многообразном хозяйстве поэта и переводчика. В отцовском доме, в окрестных селах, на ярмарках слушал Гнедич и импровизацию кобзарей. Не только впечатление, но даже самые темы этих героических песен запомнились на всю жизнь. «Посещавшие полуденную Россию... знают, что не на одной ярмонке, не на одном приходском празднике можно встретить... слепых нищих с кобзою за спиною...», — писал впоследствии Гнедич в предисловии к «Простонародным песням нынешних греков». «Оставив Малороссию в детстве, я, однако, имел случай слышать пение таких слепцов, и, сколько помню, в песне одного из них, очень длинной, часто упоминалось о *Черном море* и о каком-то *Царе Иване*».

О кобзарях, рассказывающих «про старые войны, про воинов русских, могучих», вспомнил Гнедич и в своей идиллии «Рыбаки».

Пение слепцов-кобзарей было самым сильным впечатлением детства Гнедича из тех впечатлений, которые воздействуют на образ мыслей и вкусы человека. Украинский народный «песнопевец»-импровизатор отождествился затем для Гнедича с образом великого аэда, творца «Илиады» и «Одиссеи».

Яркие и радостные впечатления детства были затемнены несчастными событиями и обстоятельствами. Мать Гнедича умерла при его рождении. Повидимому, еще в раннем детстве Гнедич перенес оспу, лишившую его одного глаза и оставившую следы на его правильном, красивом лице. Отцу было не до детей: дела шли плохо, и он торопился пристроить сына к казенному кошту. Девятилетнего Гнедича отвезли в Полтаву и отдали в «словенскую семинарию».

Гнедич очутился среди тех «грамматиков», о которых у Гоголя сказано, что они «были еще очень малы; идя, толкали друг друга и бранились между собою самым тоненьким дискантом; были все почти в изодранных или запачканных платьях» («Вий»). Однако среди толпы одичавших от побоев, схоластики и плохого корма бурсаков Гнедич нашел товарища, с которым потом сделал первые шаги в новую жизнь и сохранил дружбу навсегда. Это был будущий декабрист А. П. Юшневский, замечательный, по словам Гнедича, «светлостью ума, чувствительностью и благородством души... качествами, которые над толпою выдвигали» [1] его еще в детские годы. Несмотря на то, что преподавание древних языков в семинариях не отличалось серьезностью, а «профессора» сами не были особенно в них сильны, Гнедич с самого начала проявил особые способности к этим языкам. Кроме того, у него уже тогда была склонность к виршам и «лицедейству», т. е. к театральной игре. Должно быть, маленькому Гнедичу доводилось ходить по полтавским домам «с вертепами» и в награду получать «кусок полотна, или мешок проса, или половину вареного гуся», как это описано все на тех же первых страницах повести «Вий». Во всяком случае, Гнедич сам признавался, что участвовал в «народных театрах» и тогда еще пристрастился к ним.

Недюжинные способности Гнедича проняли даже косных семинарских «аудиторов». Кто-то покровительственно обратил на него внимание, и Гнедич вскоре был направлен в другое учебное заведение — в харьковский коллегиум, устроенный по образцу польских иезуитских школ. Этот коллегиум он окончил в 1800 году.

---

[1] См. Юбілейний збірник на пошану акад. Д. И. Багалія. Київ, 1927, стр. 872.

Но Гнедич не стал ни священником, ни учителем. Он стремился в Москву, в университет. Можно предполагать, что ему помогли какие-то рекомендательные письма к инспектору Московского университетского Благородного пансиона Прокоповичу-Антонскому, который «имел постоянною целью сближение своих земляков с москалями» и «открывал пути к образованию лицам всех сословий».[1]

По словам Жихарева, Гнедич-студент «замечателен был неутомимым своим прилежанием и терпением».[2] Такие, как Гнедич и подобные ему бедняки, стояли как бы в особом разряде студентов. Они должны были подавать пример прилежания и часто исполняли репетиторские и надзирательские обязанности. О таком типе студентов писал Д. Н. Свербеев в своих «Записках»: «В наше время можно было разделить студентов на два поколения: на гимназистов, и особенно семинаристов... и на нас, аристократов... Первые учились действительно, мы баловались и проказничали».[3]

Московский университетский пансион в то время был своеобразным учебным заведением. Своеобразие заключалось в широте программы и в том, что пансионеров поощряли к вольному изучению тех предметов, которые в программу не входили или составляли курсы лекций самого университета. Так, Гнедич посещал лекции известного классика П. А. Сохацкого, слушал его комментарии к древнегреческим и латинским авторам. Сохацкий был первым, кто пробудил в Гнедиче особый интерес к античной литературе. Страсть к театру воспиталась на пансионской сцене, причем, по свидетельству Жихарева, Гнедич «за представление некоторых трагических лиц осыпаем был единодушными похвалами» и пленял своих товарищей «одушевленным, сильным чтением писателей, особливо драматических». Гнедич любил декламировать монолог мужественного республиканца Веррины из трагедии Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе» (сам Шиллер именовал эту пьесу «республиканской трагедией»). Жихарев видел в склонности к подобным пьесам и ролям лишь свойственное Гнедичу увлечение «всем, что выходило из обыкновенного порядка вещей». Между тем выбор пьесы уже в какой-то мере определял политические симпатии юного Гнедича.

Мировоззрение Гнедича-студента, сказавшееся в первых пробах пера, характеризуется материалистическими идеями просветительной философии конца XVIII века. Этих идей Гнедич придерживался всю свою жизнь. В своей «Записной книжке» Гнедич писал о «законах

---

[1] Н. В. Сушков. Московский университетский Благородный пансион. М., 1858, стр. 30.

[2] С. П. Жихарев. Записки современника. М.—Л., 1955, стр. 190.

[3] Д. Н. Свербеев. Записки, т. I. М., 1899, стр. 86.

разума», которые «вечны и неизменны», и о том, что «философия есть наука просвещать людей, чтоб сделать их лучшими», и что «германцы занимаются истиною собственно для нее, не думая о том, что могут извлечь из нее люди», тогда как «истинная философия должна быть устремлена к изысканию или разрешению истин, полезных человечеству».

Просветительными идеями, сказавшимися в первых произведениях Гнедича, были проникнуты гуманитарные университетские курсы. Глава пансиона А. А. Прокопович-Антонский принадлежал в свое время к новиковскому кружку и в воспитательной работе неуклонно руководствовался передовыми идеями просветительства. Непосредственное влияние на Гнедича в этом отношении мог оказать профессор Сохацкий, который сотрудничал в новиковских журналах и читал курс эстетики под непосредственным влиянием мыслей Новикова.

Конечно, не следует преувеличивать идеологическую цельность программ и воспитания в университете и пансионе; руководители этих учебных заведений находились под сильным влиянием масонских мистических идей. Но Гнедич не был склонен к мистицизму; ему и его другу Алексею Юшневскому была свойственна трезвость ума, характерная для юношей, уже прошедших суровую школу жизни. Повидимому, они взаимно поддерживали друг в друге «культ разума» и неприязнь к «пустым отвлеченностям».[1]

В университете Гнедич впервые почувствовал различие между собой и студентами, получившими подлинно дворянское воспитание. Гнедич считал, что труд и житейские невзгоды содействуют развитию благородного образа мыслей. Впоследствии он писал А. П. Юшневскому, что «злополучие — училище людей».

Гнедичу и Юшневскому пришлось отказаться от дальнейшего пребывания в университете, необходимо было служить. В конце 1802 года Гнедич уехал в Петербург, несколько лет вел жизнь нищенскую, перебиваясь кое-как заработком писца во вновь организованном департаменте народного просвещения (в Министерстве народного просвещения).

II

Начало литературной деятельности Гнедича совпадает с началом века и характерных для этого времени надежд прогрессивной России. Однако в ранних произведениях Гнедича больше протеста, чем ожиданий.

---

[1] «Письма декабриста А. П. Юшневского». Киев, 1908, стр. 100.

Первым литературным опытом Гнедича, доставившим ему известность, был перевод трагедии Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе», который пользовался большой популярностью и продавался «по цене неслыханной».[1] Одновременно с первым переводом, в 1803 году появился роман Гнедича «Дон Коррадо де Герера», который, несмотря на литературную беспомощность, любопытен с идейной стороны. Герой романа олицетворяет политику испанского короля Филиппа II, о котором Гнедич пишет, что жизнь его «есть великая цепь злодейств». Коррадо осуществляет кровавую расправу в одной из провинций Испании. Его «послало правительство для усмирения восставших жителей, для восстановления покоя». Страдания народные и зверства Коррадо составляют основную тему романа.

Приблизительно к этому времени относятся и два стихотворения Гнедича, сделавшие его популярным поэтом в передовых кругах: «Общежитие» (1804) и «Перуанец к испанцу» (1805). Философская элегия «Общежитие» (вольное переложение одноименной оды Томá) посвящена рассуждению на тему об общественном назначении человека.

Характерно, что в элегии Гнедича не только усилена политическая тема (по сравнению с одой Томá), но и все рассуждение приближено к русской действительности (см. стр. 791). Элегия «Перуанец к испанцу» проникнута подлинным гражданским пафосом, и нет сомнения, что читатели журнала «Цветник», где это стихотворение было напечатано, думали не столько о судьбах перуанцев под гнетом испанских колонизаторов, сколько о судьбах русских рабов, конец терпению которых должен был наступить.

В ряду стихотворных произведений Гнедича, написанных до 1811 года (дата начала его труда над гекзаметрическим переводом «Илиады»), особое место занимает перевод и подражание так называемым песням Оссиана (т. е. имитациям Макферсона). Гнедич написал русским песенным стихом подражание поэме «Берратон», назвав отрывок «Последняя песнь Оссиана» (1804), а в 1806 году он перевел поэму «Песни в Сельме» (у Гнедича: «Красоты Оссиана»).

Фантастика с оттенком таинственности, элементы чувствительной мечтательности объединяли «оссиановскую» поэзию с тем направлением лирической поэзии (так называемые «унылые» элегии, баллады), которое принято называть ранним романтизмом. Но в «оссиановской» поэзии была не одна мечтательность. В основе поэм Макферсона были народные героические мотивы. Приближенные к изнеженным литера-

---

[1] С. П. Жихарев. Записки современника. М.—Л., 1955, стр. 191.

турным вкусам эпохи, поэмы тем не менее отвечали возрастающему интересу к народному творчеству. Именно эта сторона «оссиановских» поэм привлекла и Гнедича.

То обстоятельство, что до конца 10-х годов в русской поэзии было явное преобладание элегических и других «безделок», возбудило борьбу за высокую героическую поэзию, и в этой борьбе Гнедич сыграл роль не только как поэт и переводчик, но и как критик и советчик молодых поэтов декабристского поколения.

Пропаганду высокого и героического вел Гнедич и в области театра. Гнедич был одним из тех, кто боролся за национальный русский театр в противовес иностранному. Это была борьба за репертуар и актеров, за широкую доступность театра как средства воспитания масс.

Участвуя в этой борьбе и отчасти руководя ею, Гнедич действовал и как театральный критик, и как переводчик-драматург, и как педагог — руководитель лучших актеров.

Гнедич говорил, что с того времени, как на сцене появились трагедии Озерова и комедия Крылова («Модная лавка»), «люди большого света, приученные иностранным воспитанием смотреть с некоторым равнодушием на отечественные театральные произведения и русских актеров, вдруг стали предпочитать русский театр иностранному и охотнее посещать его, чем французский».[1]

Взгляд на драматургию Гнедич выразил в «Записной книжке». «Последователи французских драматических правил полагают, что интерес драмы не может более существовать, как скоро нет уже более неизвестности или сомнения для зрителя».[2] Не причисляя себя к последователям французского классицизма в драматургии, Гнедич развивает мысль о том, что чувства героев драматического произведения могут быть столь же занимательны, как и происшествия.

Те из драматургов обладают, по мнению Гнедича, бóльшей силой, «которые способны колебать сердца в покое действия». Драматургия чувств, как утверждает Гнедич, требует большего искусства слова, чем драматургия действия. «Едва обращают внимание на слова в то время, когда действие держит нас в недоумении; но когда все молчит, кроме страдания, когда мы не ожидаем никаких уже перемен и когда весь интерес истекает единственно из того, что происходит в душе, тогда самая легкая тень принужденности, неуместное слово поразит

---

[1] С. П. Жихарев. Записки современника. М.—Л., 1955, стр. 466.

[2] П. Тиханов. Н. И. Гнедич. Несколько данных для его биографии. СПб., 1884, стр. 70.

нас, как фальшивый звук в простом голосе задумчивой песни. Тогда все должно стремиться прямо к сердцу. Таким образом, в 5 действии «Марии Стуарт», трагедии Шиллера, где целое это действие основано на положении, уже решенном, производит движения самые истинные и самые глубокие». Гнедич высказывается здесь как приверженец новых принципов драматургии, которые Шиллер явственно выразил именно в трагедии «Мария Стюарт». Но было бы ошибкой в порицаемых классиках видеть Корнеля или Расина. Принимая романтическую драматургию, Гнедич стремился закрепить на сцене и лучшие образцы классической трагедии, особенно ценя Расина. Драматургию Шиллера Гнедич противопоставлял антипоэтическим трагедиям классиков-эпигонов.

Переводческая деятельность Гнедича содействовала обновлению репертуара.

Гнедич начал с перевода самой бунтарской из трагедий Шиллера. Затем он переводил «Гамлета» и перевел «Короля Лира» Шекспира, несколько приспособив его к вкусам, воспитанным классической трагедией (перевод именовался «Леар»). Наибольшим и длительным успехом пользовалась на русской сцене трагедия Вольтера «Танкред» в стихотворном переводе Гнедича.

Для Гнедича Вольтер был прежде всего великим просветителем и вольнолюбцем. В вольтеровской драматургии его привлекала эмоциональная сила патриотической, свободолюбивой проповеди. В «Танкреде» зритель оказывался под влиянием этой проповеди с первого явления, с начинающего пьесу монолога Аржира. В начале войны с Наполеоном такие стихи, как

Умрем, не потерпев властителя над нами,

и другие в том же духе, воспринимались зрителями очень бурно, так как применялись к захватническим замыслам Бонапарта, от ига которого страдали народы.

Роль Аменаиды оказалась решающей в состязании трагических актрис: француженки Жорж и ученицы Гнедича русской актрисы Екатерины Семеновой. Семенова победила Жорж трогательностью игры, той чувствительностью, «исторгающей слезы», которая была вполне допустима в данной роли. Таким образом, перевод «Танкреда» сыграл значительную роль в истории русского театра. Этим спектаклем было дано генеральное сражение французскому театральному мастерству, авторитету европейской знаменитости, и победа осталась за русским театром.

Со времени постановки первой трагедии Озерова Гнедич вошел в театральную жизнь как театральный педагог.

Он ввел особую систему декламации с некоторой напевностью и подчеркнутой эмоциональностью трактовки ролей. Подобное чтение стихов вызывало нарекания многих театральных деятелей. Началась борьба за актеров (с А. Шаховским, а позднее с П. Катениным), в которой Гнедич был победителем благодаря сценическому успеху обучавшихся у него.

В 1810 году Гнедич писал Батюшкову: «У меня бывают тайные театральные школы с людьми, которые не хотят иметь тому свидетелей, хотя свидетельства о сем весьма ясны, ибо Семенова в Гермионе превзошла Жорж».[1]

Гнедич не ограничивал задачи театра потребностями и вкусами дворянского общества. Мемуарист Жихарев приводит разговор Гнедича с декабристом Юшневским, в котором Гнедич утверждал, что «несколько хороших пьес и хороших актеров нечувствительно могут переменить образ мыслей и поведение наших слуг, ремесленников и рабочих людей». На это даже Юшневский, уже тогда весьма радикально настроенный, отвечал скептически: «до этого еще далеко».[2]

III

Решение посвятить себя литературе созрело у Гнедича, повидимому, вскоре по приезде в Петербург. В этом отношении служба ему открыла пути. Он оказался в окружении молодых литераторов: К. Н. Батюшкова, И. П. Пнина, Н. А. Радищева и Д. И. Языкова. С 1806 года в тот департамент, в котором служил Гнедич, поступил (или был вначале только зачислен по малолетству) Павел Александрович Катенин. Гнедич знал его ранние поэтические опыты и, видимо, одобрял их, так как в 1810 году, когда Катенин с гражданской службы перешел на военную, Гнедич советовал ему «более маршировать стихами, нежели ногами».[3]

Именно в департаменте Гнедич познакомился и с К. Н. Батюшковым, и вскоре знакомство перешло в дружбу, которая продолжалась до самого конца жизни Гнедича. Своеобразие этой классической дружбы поэтов заключалось в непрерывной литературной по-

---

[1] Письмо от 16 октября 1810 года. Не опубликовано. Автограф в Пушкинском доме АН СССР (Р. I, оп. 5, № 56). Семенова исполняла роль Гермионы в трагедии Расина «Андромаха», переведенной Хвостовым и поставленной впервые 16 сентября 1810 года.

[2] С. П. Жихарев. Записки современника. Academia, 1934, т. II, стр. 197—198.

[3] П. Тиханов. Н. И. Гнедич. Несколько данных для его биографии. СПб., 1884, стр. 41.

лемике, касающейся родов поэзии и вопросов языка. Оба поэта высказывались как сторонники незыблемых классических правил вкуса и стиля. «Истинный вкус,— говорил Гнедич в своем рассуждении «О вкусе и его влиянии на словесность и нравы» (1816),— не изменяет своих правил, везде сохраняет свою чистоту и приличие».[1] Об этих же, с античных времен незыблемых правилах хорошего литературного вкуса говорил и Батюшков в речи «О влиянии легкой поэзии на язык» (1816). Батюшков требовал от всех родов литературы «чистоты выражения... истины в чувствах и сохранения приличия во всех отношениях».[2] Классическая стройность и ясность составляли основное качество стихов Батюшкова. Законам классицизма были подчинены оригинальные произведения Гнедича, а также и его переводы. В этом отношении особенно показательным является приглаживание Шекспира в переводе трагедии «Король Лир». (Переводчик изъял сцены сумасшествия, как снижающие образ.)

Между тем в упомянутой речи «О вкусе» Гнедич говорит о «движении чувствительности», определяющей вкус, о «счастливом сочетании нежной чувствительности и быстрого понятия» и т. п. Тема человеческих чувств, «сердца» проходит через все высказывания Батюшкова («О лучших свойствах сердца», 1816, «Петрарка», 1816). Мечтательность, эмоции, сочетаемые с классической ясностью, составляли свойство поэзии Батюшкова. Элемент чувствительности, характерной для так называемых преромантиков, имеется не только в ранних элегиях Гнедича, но и в его зрелых произведениях и переводах.

Белинский называл стиль Батюшкова «подновленным классицизмом». «Подновленный» классицизм, но в иных чем у Батюшкова сочетаниях со стилем романтическим, был свойствен и поэзии Гнедича.

И Батюшков и Гнедич, сохраняя принципиальную верность классическому идеалу (а отчасти и канону французского классицизма), каждый по своему пути шли к романтизму. Батюшков — к психологической и исторической элегии, Гнедич — к жанрам, связанным с народным творчеством. В начале 1800-х годов — времени интенсивного

[1] Рассуждение было прочитано на годовом собрании в Публичной библиотеке 2 декабря 1816 года. Напечатано в отрывках в «Сыне отечества», 1816, ч. 27, № 1, стр. 50, и в «Трудах Вольного общества любителей российской словесности», 1819, ч. V, № 3, стр. 275.

[2] Речь была читана при вступлении Батюшкова в Общество любителей российской словесности при Московском университете в Москве, 17 июля 1816 года. Напечатана в «Трудах Общества», 1816, ч. VI, стр. 35—62.

обмена мнениями, литературных споров, характерных для этой дружбы,— оба поэта были на перепутье. Вот почему вопросы жанра и слога были для них животрепещущими. Именно здесь между поэтами возникли расхождения.

Батюшков был сторонником свободного выбора, равноправия жанров и тем. Гнедич требовал от поэта большой гражданственной темы, порицал увлечение элегической лирикой. Батюшков считал задачей русского поэта всяческое сглаживание русского языка и уничтожение в нем негармонических сочетаний. В этом смысле он был истовым карамзинистом. Гнедич, напротив, звал к изучению исконных свойств русской речи, к приближению современного литературного слова к языку древней письменности и живой, народной речи. Порицая склонность Батюшкова к элегиям и другим лирическим «безделкам», склоняя его к монументальным формам поэзии, Гнедич доказывал Батюшкову слабость так называемой мечтательной поэзии, писал, «что ни он, ни Жуковский, ни кто другой» не уверят его в том, «что цели так называемой северной поэзии» (т. е. произведений Т. Грея, Уланда, Бюргера и др.) основаны на том, в чем состоит истинная поэзия греческая или еврейская, китайская или цыганская, все равно. У всех народов она имеет одну основу и одну цель — простое изображение того, что достойно изображения, и чем какой народ ближе подошел к верности его изображения, тем его поэзия более нравится во всех веках, всем народам; здравый вкус неизменен... свет ума прояснит воображение, и все поэзии северной пни и кочки, завывания и рыкания, тучи и туманы останутся в туманах».[1] Продолжая нападать на поэзию, в которой «воображение не управляемо ни вкусом, ни рассудком», поэзию, «изыскивающую одно необыкновенное, черное и страшное», вместо того чтобы создавать «образы, возвышающие душу или услаждающие чувства», Гнедич в письме к Батюшкову привел сюжет возвращения Телемаха в отчий дом (Одиссея, п. XVI) как образец «высочайшей поэзии, доступной всем и великой в своей нагой простоте... между тем как в этом рассказе, составленном из слов низких и наипростейших... ничего не подобрано, рассказано, как говорят матросы и свинопасы, никаких искусственных фигур и оборотов».

Позднее, в 1816 году, Гнедич напечатал рецензию на катенинский перевод баллады Бюргера «Ленора»,[2] высказав свою точку зрения на романтическую фантастику в поэзии.

---

[1] Письмо Гнедича от начала марта 1811 года. Не опубликовано. Автограф в Пушкинском доме АН СССР (Р. I, оп. 5, № 56).

[2] «О вольном переводе Бюргеровой баллады „Ленора"» — «Сын отечества», 1816, ч. 31, № XXVII, стр. 3—22.

В отличие от перевода той же баллады у Жуковского («Людмила»), Катенин огрубил язык, стремясь передать народный дух баллады. Гнедич в своей рецензии осудил стиль Катенина, противопоставив его переводу блестящий перевод Жуковского. Рецензия была воспринята как панегирик Жуковскому. Между тем она являлась решительным осуждением балладной поэзии, лучшим представителем которой в России был Жуковский. Мысль рецензии состояла в том, что своим стремлением приблизить язык баллады к народному Катенин только подчеркнул антинародную сущность для русской поэзии самого жанра. Таким образом, выступление Гнедича в печати по поводу модного романтического жанра было лишь подтверждением тех его мыслей, которые он развивал перед Батюшковым в самом начале 10-х годов.

Именно Батюшков содействовал литературным связям Гнедича. Он ввел Гнедича в дом своего воспитателя, одного из просвещеннейших людей того времени — М. Н. Муравьева (отца декабриста Никиты и Александра). Гнедич был представлен и приятелю Муравьева А. Н. Оленину, дом которого посещали все знаменитости.

Сослуживцы Гнедича Батюшков, Пнин, Радищев и Языков являлись членами Вольного общества любителей наук и художеств, организованного в 1801 году. Повидимому, именно они привлекли Гнедича к журналу «Северный вестник», который в известной мере являлся органом Вольного общества.

Хотя Гнедич в Обществе не состоял, но именно он, а не Батюшков являлся наиболее активным участником журнала. Именно Гнедичу принадлежат высказывания в духе того направления, которое характеризует группу литераторов, составивших прогрессивный авангард Общества.[1] Группа эта составилась в основном из сослуживцев Гнедича и Батюшкова по департаменту, но наиболее энергичными деятелями ее, кроме И. Пнина, были И. Борн, В. Попугаев и А. Беницкий. С последним Батюшков и Гнедич находились в личной дружбе.

Идеологический кодекс, сложившийся у Гнедича еще в университетские годы, связывал его интересы и задачи с русскими и западноевропейскими просветителями XVIII века.

К Радищеву и Новикову обращался Гнедич в своих мыслях о гражданском воспитании молодежи (рассуждение «О причинах, замедливших ход нашей словесности»). В теме колониального рабства (стихотворение «Перуанец к испанцу») Гнедич восходил к знаме-

---

[1] См. книгу Вл. Орлова «Русские просветители 1790—1800-х годов». М., 1950.

нитому сочинению об европейских колониях французского просветителя Гильома Реналя (хотя подоплека темы касалась рабства в России и высказывания Радищева в этом смысле, несомненно, воздействовали на Гнедича).

Все это определило и близость Гнедича к группе Вольного общества, объясняемую не столько личными отношениями, сколько единством взглядов и направления.

То обстоятельство, что Гнедич некоторое время состоял в обществе «Беседа любителей российской словесности», создало ложный взгляд на убеждения Гнедича.

В начале 1807 года, когда Гнедич вошел в кружок Державина, который можно было бы назвать и кружком Шишкова, автора «Рассуждения о старом и новом слоге» (1803), борьба между европеистами-карамзинистами и так называемыми славянофилами только начинала обостряться. Существовали в то время два противостоящие авторитета: Державин и Карамзин. С именем Державина связывали поэзию гражданственную, громозвучно-одическую и то направление в области языка, которое, наряду с высоким слогом и архаикой, стремилось к сохранению основ простого русского языка. С именем Карамзина был связан культ интимной, чувствительной поэзии и та нивелировка языка, путем которой добивались благозвучия и гладкости. Гнедич с первых своих шагов в литературе был сторонником державинского направления. Имя Державина было окружено ореолом не только крупнейшего поэта. Державин был популярен как государственный деятель, боровшийся со всякими нарушениями законности, ратовавший за гласность решений сената и подавший в 1801 году особое мнение по поводу «Начертания прав и обязанностей сената». Впоследствии Чернышевский отмечал, что сам Державин всегда подчеркивал эту свою роль поэта-гражданина, «служение на пользу общую».[1] Именно это качество поэзии Державина, несмотря на далеко не радикальные политические убеждения, и привлекало к Державину передовую молодежь и побуждало ее «аналитически» читать стихи «русского Горация» на собраниях Вольного общества любителей наук и художеств. Гнедич был в числе поклонников Державина поэта-гражданина. На его суд принес он первые опыты перевода «Илиады» — начало труда, которому придавал большое значение. В качестве продолжателя дела Ермила Кострова Гнедич был принят восторженно. В качестве завзятого театрала, борющегося за новый трагедийный репертуар, Гнедич оказался желанным советчи-

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. III. М., 1947, стр. 137.

ком и слушателем Державина, который в то время увлекался сочинением и постановкой своих трагедий. Многие мысли Шишкова, являвшегося главным идеологом державинского кружка, были интересны и значительны для Гнедича. Его привлекало в «Рассуждениях» Шишкова[1] стремление пробудить интерес к древним русским памятникам литературы и народному творчеству. Мысли Шишкова о свойствах русского языка Гнедичу казались плодотворными; в них был вызов тем литераторам, которые, не ощущая исконных свойств языка и удаляясь от народного источника, стремились присвоить русским лексике и синтаксису легкость и изящество чужеземного образца.

В 1811 году державинский кружок оформился в литературное общество «Беседа». Собрания, прежде не носившие официального характера, превратились в торжественные заседания. Установилась иерархия членов, считавшаяся больше со служебным или имущественным положением, чем с литературными дарованиями. Державин и Шишков хотели поднять престиж литературы и литераторов в глазах светского общества. Этому должен был служить и строгий устав, и великолепие помещения, и пышность собраний, и, разумеется, значительность, серьезность литературных вопросов, обсуждаемых в обществе. Однако последнего, самого важного качества, «Беседа» добиться не могла.

Характер «Беседы» определяли мелкие литераторы, усвоившие для своих произведений от высокой поэзии Державина и теорий Шишкова лишь выспренность сюжетов и языка. Среди них выделялся автор мистических поэм Ширинский-Шихматов, олицетворявший идейное убожество «беседистов». Именно против этого церковника, неоднократно выступавшего с речами о вредоносном влиянии языческого, античного мира на современную культуру, была направлена сатира Гнедича, написанная в форме пародии на «Символ веры». Пародия эта начиналась словами: «Верую во единого Шишкова, отца и вседержителя языка славеноваряжского, творца своих видимых и невидимых сочинений. И во единого господина Шихматова, сына его единородного, иже от Шишкова рожденного прежде всех, от галиматьи галиматья, от чепухи чепуха, рожденная, несотворенная, единосущная, им же вся пишется, нас ради грешных писателей» и т. д.

В эпоху Отечественной войны оголилась реакционная сущность патриотизма «беседистов», боязнь политических сдвигов и реформ,

---

[1] «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка...» (1803). «Рассуждение о красноречии священного писания и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила российского языка, и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно...» (1810).

рассматриваемых как пагубное влияние Западной Европы с ее революциями. Дух «Беседы» стал особенно неприятным и сановно-бюрократическим. Борьба с влиянием западных языков начала принимать уродливые, смешные формы. По этому поводу Гнедич писал Капнисту: «Чтобы в случае приезда вашего и посещения «Беседы» не прийти вам в конфузию, предуведомляю вас, что слово проза называется у них *говор*, билет — *значок*, номер — *число*, швейцар — *вестник*... в зале «Беседы» будут публичные чтения, где будут *совокупляться знатные особы обоего пола* — подлинное выражение одной статьи Устава «Беседы».[1]

Гнедич перестал посещать собрания «Беседы» после ссоры с Державиным, которая явилась своеобразным бунтом разночинца, рассерженного вельможным и иерархическим устройством литературного Общества. Ссора произошла по той причине, что «Беседа» не сочла возможным зачислить Гнедича в члены. Вскоре, впрочем, она завершилась примирением, и неприятные воспоминания не изменили отношения Гнедича к утвердившемуся в его сознании облику Державина — поэта-гражданина. Недаром свою думу «Державин», где раскрыта эта высокая гражданственная роль Державина, Рылеев посвятил именно Гнедичу. И действительно, Гнедич стремился в меру своих сил нести в литературе это державинское знамя.

Путь Гнедича — поэта, переводчика и деятеля театра — целостен.

Творческие начинания Гнедича (переводы уже в первое десятилетие его литературной жизни составляют главную и сильнейшую часть начинаний его) разнообразны, пестры. Но в них уже видны истоки направления, которое привело поэта к героическому эпосу Гомера, «Простонародным песням нынешних греков», к оригинальной идиллии «Рыбаки», т. е. к центральным, определившим творческий путь Гнедича произведениям.

Поиски первого десятилетия закономерно ведут Гнедича к большой литературной задаче, которая должна стать делом его жизни Такой задачей, начиная с 1811 года, становится перевод «Илиады» Гомера. Начало труда относится к 1807 году, но перевод александрийским стихом Гнедич оставил в 1811 году, и он явился как бы пробой, подготовкой к большому гекзаметрическому переводу.

IV

Первый период петербургской жизни Гнедича (с 1802 по 1811 год) был временем тяжелой, беспросветной нужды, и чем больше втягивался Гнедич в литературную и театральную жизнь столицы,

[1] Г. Р. Державин. Сочинения, т. VI. СПб., 1871, стр. 376 (письмо от 25 августа 1811 года).

тем труднее ему было переносить свое положение совершенного бедняка, который не мог даже соблюдать обязательных по тому времени «приличий» в костюме и домашнем обиходе. В «Записной книжке» Гнедича мы читаем:

«Нищета и гордость, вот две фурии, сокращающие жизнь мою и останок ее осеняющие мраком скорби...»

Время, когда Гнедич принимался за свой многолетний труд над «Илиадой», явилось для него переломным и в личной жизни. С осени 1809 года он получил пособие на совершение перевода, небольшую пенсию, которую выхлопотал ему князь Гагарин в благодарность за занятия с актрисой Екатериной Семеновой, а с 1810 года Гнедич был приглашен для разборки книг и рукописей открывающейся Публичной библиотеки. Должность библиотекаря вместе с пенсией дала Гнедичу положение, резко отличавшееся от прежнего. Больше не должен был он избегать литературных сборищ, на которые не в чем ему было являться. Не надо было голодать и мерзнуть в чердачной каморке. Гнедич получил квартиру при Публичной библиотеке, над квартирой И. А. Крылова, также поступившего на службу в библиотеку. В «Старой записной книжке» П. А. Вяземского имеется любопытное сопоставление Крылова и Гнедича, соединенных «общим сожительством в доме императорской библиотеки». Они были «приятели и друзья», но «во всем быту, как и свойстве дарования их», высказывалось различие.

«Крылов был неряха, хомяк. Он мало заботился о внешности своей... Гнедич, испаханный, изрытый оспою, не слепой, как поэт, которого избрал он подлинником себе, а кривой, был усердным данником моды: он всегда одевался по последней картинке. Волоса были завиты, шея повязана платком, которого стало бы на три шеи». Крылов был прост во всем, и в чтении басен своих, которые «без малейшего напряжения... выливались из уст его, как должны были выливаться из пера его, спроста, сами собою». Гнедич был «несколько чопорен, величав; речь его звучала несколько декламаторски. Он как-то говорил гекзаметрами. Впрочем, это не мешало ему быть иногда забавным рассказчиком и метким на острое слово». Не без насмешки пишет аристократ Вяземский о демократе Гнедиче: «Любезный и во многих отношениях почтенный Гнедич был короче знаком с языком «Илиады», нежели с языком петербургских салонов... французская речь его была не только с грехом пополам, но и до невозможности забавна».[1]

---

[1] П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. VIII. СПб., 1883, стр. 454—455.

Между тем, по словам того же Вяземского, самое звание литератора Гнедич носил «с благородною независимостью».

Но ни новое служебное положение, ни литературная известность, упрочившаяся в начале 1810-х годов, не сделали Гнедича счастливым в его личной жизни. Он пережил несколько увлечений, не встретивших взаимности. Из них самым сильным и многолетним было увлечение Екатериной Семеновой. Это была любовь, которую он тщательно скрывал и в которой не было никакой надежды. В своей «Записной книжке» Гнедич писал: «Главный предмет моих желаний — домашнее счастье. Моих? Едва ли это не цель и конец, к которым стремятся предприятия и труды каждого человека. Но, увы, я бездомен, я безроден... Круг семейственный есть благо, которого я никогда не видал...» Единственной радостью Гнедича была дружба с сестрой Галиной Ивановной Бужинской, жившей на Украине. Смерть ее в конце 1810-х годов, а затем и смерть ее дочери Гнедич пережил как тяжелый удар.

Отсутствие семьи вызывало потребность в дружеских связях, в очаге, у которого можно было пригреться. Такой очаг был в семье Олениных, и Гнедич и Крылов, и Озеров и Батюшков были завсегдатаями дома Олениных. В конце 1810-х годов Гнедич уже настолько стал своим человеком в доме Олениных, что, так же как и Крылов, проводил летние месяцы в подгородней усадьбе Олениных «Приютино» (см. стр. 117 и 801), где имел постоянное жилье.

У Алексея Николаевича Оленина была большая семья и то, что называли открытым домом: приемы, чтения, домашние спектакли и т. п.

Мемуарист Вигель, склонный скорее чернить своих современников, чем изображать их в светлом виде, о доме Олениных писал так: «Нигде нельзя было встретить столько свободы, удовольствия и пристойности вместе, ни в одном семействе — такого доброго согласия... ни в каких хозяевах — столь образованной приветливости. Всего примечательнее было искусное сочетание всех приятностей европейской жизни с простотой, с обычаями русской старины».[1]

Сановник и чиновник, Оленин был деятелем особой, александровской формации, т. е. либерал в модном, дозволенном духе и реформатор постольку, поскольку нововведения были предусмотрены начальством. Ему свойственнее было примирять противоположные мнения, чем утверждать свои. Просвещение являлось служебной сферой Оленина, и хотя он был незаменимым секретарем Государственного совета и многих комитетов и комиссий, главные занятия его были

---

[1] Ф. Ф. Вигель. Записки, т. 2. М., 1928, стр. 47.

связаны с наукой и искусством. Он был директором и устроителем Публичной библиотеки и президентом Академии художеств. Оленина называли тысячеискусником. В качестве любителя-рисовальщика (его иллюстрации к сочинениям Державина и Озерова пользовались известностью) он считал себя принадлежащим миру искусств. Но он принадлежал и к миру науки в качестве любителя античной и древнерусской археологии, автора маленьких разысканий и исследований. Несколько журнальных статеек доставили ему славу литератора. Он был членом общества «Беседа» и в то же время поклонником Карамзина и Жуковского. В доме у Олениных бывали и те, кто покровительствовал хозяину (а он, по словам Вигеля, был, «не изменяя чести... искателен в сильных при дворе»),[1] и те, кому покровительствовал хозяин: художники, литераторы, ученые. Из несановных у Оленина бывали одни знаменитости. Здесь бывали и Брюллов, и Кипренский, и рисовальщик Орловский, и медальер Федор Толстой, Егоров, Мартос, Щедрин, гравер Уткин и многие другие художники и скульпторы. Здесь постоянно бывали ученые-классики: академик Грефе и профессор Петров, исследователь русских древностей Ермолаев и почти все известные писатели того времени. Симпатии Оленина были связаны с тем направлением в литературе и искусстве, которое условно можно назвать романтизованным классицизмом. Трагедии Озерова являются наиболее характерными произведениями этого стиля, недаром Оленин их иллюстрировал. С этим стилем была связана и поэзия раннего Батюшкова, так же как Озеров — завсегдатая кружка Оленина в начале 1800-х годов.

Позднее, в 1810-х годах, в кружке Оленина главенствовал Гнедич, являвшийся в известной мере представителем того же направления. Именно в салоне Оленина Гнедич сошелся с учеными, художниками, писателями, оказавшими ему ценные услуги в разысканиях, нужных для перевода «Илиады». Обширная статья Гнедича «Академия художеств»[2] свидетельствует о том, в какой мере он был в курсе вопросов искусства, академических споров, отчасти происходивших в доме Оленина. Эта статья является, пожалуй, наиболее ярким выражением эстетических взглядов, доминирующих в кружке Оленина, где был провозглашен вечный идеал античного искусства. Не менее интересна в этом смысле статья Гнедича «Письмо к Б. о статуе мира». Установив некоторые отличия статуи богини, изваянной итальянским скульптором Кановой, от «несотворенных» античных созданий,

---

[1] Ф. Ф. Вигель. Записки, т. 2. М., 1928, стр. 46.
[2] «Сын отечества», 1820, ч. 63, № XXXIX, и ч. 64, № X.

Гнедич восторженно отзывается именно об этих отличиях. Он говорит о «душевных свойствах» статуи Мира, которые заставляют и «твою душу погружаться в тихое сладостное умиление, наполняться любовию и нежностью». Совершенно чуждая античному ваянию светотень вызывает восторг Гнедича. Он восклицает: «Сколько игры в сей легкой драпировке, разнообразия в ее материях и в тонах, далеких мрамору».[1] Эти суждения Гнедича об отступлениях от классики в пределах классического искусства дают нам ключ к пониманию собственного стиля Гнедича в его оригинальных произведениях (поэма «Рождение Гомера», идиллия «Рыбаки») и в стиле его знаменитого перевода «Илиады».

V

«Я прощаюсь с миром,— Гомер им для меня будет»,— писал Гнедич, приступая к переводу «Илиады». Однако мир античной героики не увел Гнедича от действительности, так как и самая задача и принципы перевода были связаны с этой действительностью.

В то время, когда Гнедич погрузился в работу над переводом «Илиады», Россия переживала бедствия и патриотический подъем, связанный с Отечественной войной. Всех волновали неурядицы в командовании и первые поражения. Сведения о героических действиях армий и о военной мудрости Кутузова наполняли гордостью всех патриотов.

В этих условиях отрывки перевода героической троянской эпопеи, начавшие появляться в журналах, воспринимались как современная литература. Недаром сам Гнедич в тревожные дни, предшествующие назначению Кутузова, обратил внимание на связь происходящих событий с вечным героическим сюжетом «Илиады», напечатав в «Санктпетербургском вестнике» перевод сцены из трагедии Шекспира «Троил», где речь шла о неурядицах в ахейском стане. Военные вожди собрали совет для того, чтобы принять нужное решение. Мудрый Одиссей говорил об отсутствии единоначалия у ахейцев, что и являлось помехой в борьбе. Гнедич сделал следующее примечание к отрывку: «Не красот трагических должно искать в нем; чистое нравоучение глубоких истин, коими он исполнен, заслуживает внимание; а всего более превосходные мысли о необходимости терпения и твердости в важных предприятиях».[2]

---

[1] Статуя Мира сделана итальянским скульптором Кановой по заказу Н. П. Румянцева в память трех мирных договоров, которые Россия заключила в 1743, 1774 и 1809 годах. Ныне она находится в Киевском Государственном музее западного и восточного искусства.

[2] «Санктпетербургский вестник», 1812, ч. 3, стр. 131—138.

В этом примечании был сигнал читателю, который мог и в античном эпосе искать аналогий с современностью. Само собой разумеется, что отрывок из VI песни «Илиады», «Прощание Гектора с Андромахой», не требовал особых примечаний для того, чтобы произвести должное впечатление на отъезжающих героев и их жен.

Тема мужества, гражданской доблести была поднята войной, и вполне своевременным прозвучал призыв Гнедича к воспитанию мужественного патриотизма и гражданской сознательности (речь на открытии Публичной библиотеки 2 января 1814 года).

Гнедич утверждал, что примеры древних героев, витий и поэтов-трибунов подготовят русскую молодежь для полезной общественной жизни. Воспитание дворянского юношества, «расслабляемого негою и роскошью», Гнедич считал одной из важнейших причин, «замедляющих развитие нашей словесности». В чтении античных историков и поэтов Гнедич видел лучшее, оздоровляющее лекарство от болезней века: бесплодных фантазий, элегических вздохов и метафизики, так как «предмет поэзии никогда не состоял в том, чтоб отвлечениям метафизическим давать образы, ибо они не имеют ничего существенного, а поэзия творит существа и ими говорит чувствам».

Подъем патриотических чувств содействовал охлаждению дворянского общества ко всяческому влиянию Франции. С этим было связано и желание избавиться от некоторых законов французской поэтики, механически перенесенных в поэтику русскую, и, в частности, критическое отношение к французскому, так называемому александрийскому стиху в практике переводов античных авторов.

Журнал «Чтения в Беседе любителей русского слова» (1813) явился трибуной для полемики о гекзаметрах. С. С. Уваров [1] вывел вопрос за пределы узких кружковых интересов. В книге 13-й «Чтений» появилось его письмо с апологией гекзаметру. Уваров писал: «Когда вместо плавного, величественного гекзаметра я слышу скудный и сухой александрийский стих, рифмой прикрашенный, то мне кажется, что я вижу божественного Ахиллеса во французском платье... если мы хотим достигнуть до того, чтоб иметь словесность народную, нам истинно свойственную, то перестанем эпопею писать или переводить александрийскими стихами». Гнедич отвечал С. С. Уварову письмом «О греческом гекзаметре», или, вернее,

---

[1] С. С. Уваров, сделавший служебную карьеру в годы николаевской реакции, в самом начале века слыл либералом и прогрессивным литератором. В качестве любителя-знатока античной поэзии он предпринимал в 1810-х годах издания античных поэтов.

о возможности передачи его на русский язык аналогичным размером, т. е. дактилохореическим гекзаметром с варьированием трехсложных и двухсложных стоп. О решении своем Гнедич писал: «Давно чувствую невыгоды стиха александрийского для перевода древних поэтов... ясно видимые из того уже, что 17 слогов экзаметра вместить в 12 александрийского стиха нет возможности, не лиша его или живописных эпитетов, или силы, или вообще характера древней поэзии, часто разрушаемого малейшим изменением оборота, необходимым для рифмы. Таким образом, нет возможности в переводе стихами александрийскими удовлетворить желанию просвещенных читателей... знакомых с языком древних и дорого ценящих священные красоты древней поэзии».[1]

Возникла полемика о замене стихотворного размера, каким доныне пользовались переводчики античных классиков. Автор «Ябеды» поэт В. Капнист предлагал переводить античный эпос русским былинным стихом. Капнист писал: «Я надеюсь, что наконец почувствуем мы достоинство собственности нашей, и, ободренные отысканными в хладной Сибири богатыми золотыми рудами и драгоценными каменьями, постараемся искать стихослагательных драгоценностей в отечественной словесности».[2]

Однако приведенный Капнистом пример перевода шестой песни «Илиады» оказался фальшивым, надуманным.

Позднее Гнедич писал и в серьезно полемическом[3] и в сатирическом тоне[4] о стремлении некоторых поэтов, вопреки истинному духу русской поэзии, «одеждою музы русской убирать не к лицу муз иноземных». Дело было не в легком способе внешнего приближения гомеровского эпоса к русскому народному эпосу. Перед Гнедичем была многосложная задача усвоения русской поэзией всего комплекса идей героической античности и передача стиля поэмы в обширном смысле этого понятия. Выбор размера входил в общую стилистическую задачу. Здесь, так же как в языке, нужно было национальное соответствие. Таким соответствием греческому гекзаметру, «напевной прозодии древних» Гнедич считал шестистопный дактилохореический размер, который «существовал прежде, нежели начали им писать», так как «того нельзя ввести в язык, чего не дано

---

[1] «Чтения в Беседе любителей русского слова». Чтение пятнадцатое (1813).

[2] Письмо В. В. Капниста к С. С. Уварову о эксаметрах. «Чтения в Беседе любителей русского слова. Чтение пятнадцатое (1813).

[3] Замечания на опыт о русском стихосложении г-на В. — «Вестник Европы», 1818, ч. XCIX, №№ 9—11.

[4] Предисловие к пародии «Циклоп», см. стр. 99.

ему природою». Все дело состояло лишь в том, что первые опыты русского гекзаметра были сделаны литератором, имя которого стало синонимом бездарности. Нужна была смелость, чтобы «отвязать от позорного столпа» русский гекзаметр, «прикованный к нему Тредиаковским». По обстоятельствам резкой оппозиции, которую у многих встретил перевод в духе «Тилемахиды», Гнедич не мог в предисловии к «Илиаде» или в статьях о гекзаметре даже пытаться реабилитировать «Тилемахиду», хотя, по свидетельству Жихарева, еще в университете восхищался некоторыми стихами поэмы. Но именно в это трудное время борьбы Гнедича с предубеждением против гекзаметра раздался в защиту Тредиаковского мощный голос автора «Путешествия из Петербурга в Москву».

В четвертом томе «Собрания оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева», изданного в 1811 году другом Гнедича Николаем Радищевым, была опубликована статья «Памятник дактилохореическому витязю», и мысли этой статьи, если судить по высказываниям и по практическим выводам, были хорошо усвоены Гнедичем. Любопытно, что именно радищевская теория русского гекзаметра, а не противоположные ей, была принята Гнедичем. Вслед за Радищевым Гнедич основывал строй гекзаметра не на скандовке стоп, а на их декламационной выразительности.

Следуя в этом направлении мнению Радищева, Гнедич старался избежать тех недостатков гекзаметра, которые мешали ему войти в русскую поэзию. Первым таким недостатком являлось однообразие размера. Шесть дактилических стоп, однообразно ударяемых, создавали впечатление монотонности. Гнедич избежал этого, примешивая к дактилям хореи. На хореи, как на метод разнообразить ямб, Гнедич указывал в своем ответе Уварову и в замечаниях на работу Востокова. Вопрос о допустимости замены дактиля хореем не был разрешен с полной ясностью. Высказывались взгляды о необходимости ограничиваться одними дактилями: В. Капнист считал, что греческие спондеи должны передаваться спондеями же, т. е. сочетанием двух ударных слогов. Гнедич, принципиально высказавшись за варьирование ритма хореями, на практике пошел по пути умеренного применения этого средства, за что вызвал упреки Востокова. Во всей «Илиаде» на 15 690 стихов приходится только 2549 стихов, в которых встречается замена дактиля хореем. Однако, чтобы оценить эту цифру, необходимо учесть, что в переводе «Одиссеи», сделанном Жуковским, на 11 983 стиха приходится только 123 подобных стиха, т. е. почти в двадцать раз реже. Приведем образцы стихов «Илиады» с хореями.

На первой стопе (самый частый случай — 1042 стиха, т. е. почти половина стихов, имеющих хорей):

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса Пелеева сына.

На второй стопе:

Кто ж от богов бессмертных подвиг их к враждебному спору?

На третьей стопе:

Старец, чтоб я никогда тебя не видал пред судами!

На четвертой стопе:

Целый ахе́яне день ублажали пением бога.

На пятой стопе Гнедич хорея не допускал, хотя как исключение подобные стихи, в соответствии с античными «спондеическими» стихами, применялись изредка в русской поэзии и особо оговаривались в трактате Тредиаковского.

Допускал Гнедич и несколько хореев (не более трех) в одном стихе, например:

Вот сей муж Диомед и вот те самые кони.
Как тупа стрела ничтожного, слабого мужа.

Гнедич насчитывал шестнадцать вариаций гекзаметра по положению хорея, и сам применял все эти вариации.

В связи с употреблением хорея возник и еще один вопрос, вызвавший полемику. Тредиаковский отметил возможность употребления вместо хорея пиррихия, т. е. сочетания двух неударных слогов. На практике этот вопрос касался только первой стопы. Гнедич принял данную возможность и начинал свой гекзаметр с неударного слога (обычно с неударного односложного союза или предлога), что снова вызвало возражение Востокова. Вот образцы подобных стихов:

И когда питием и пищею глад утолили...
Да и след истребится огромной стены сей ахейской...
Но увидел то быстро отец и бессмертных и смертных...

Эти стихи звучат как пятистопные анапесты. В защиту их Гнедич выдвинул их декламационные достоинства: «Заметим для читателей, что стихи, начинающиеся хореем, в самом деле приятнее в чтении с рифмом (т. е. ритмом) анапестическим».[1] Таким образом, для Гнедича вопрос о ритме гекзаметра сливался с вопросом о его декламации.

---

[1] «Замечания на опыт о русском стихосложении г-на В».— «Вестник Европы», 1818, ч. XCIX, №№ 9—11.

Еще одно средство находил Гнедич для разнообразия гекзаметра. Средство это, указанное Клопштоком, оценил в своей статье о Тредиаковском Радищев, и Гнедич повторяет слова Радищева. Приводя пример из Тредиаковского, Радищев писал: «Сколь от сего произношения, то есть читая стопами слов по клопштокову наставлению, стих хорош, столь он дурен, если читаем его размером хореев и дактилей».[1] Гнедич говорит: «Течение стоп совсем отлично для слуха, образованного от естественного течения слов, как чувствовал и Клопшток. Вот почему он различает стопы, установленные правилами искусства, от стоп слов, как он называет, то есть от порядков стиха, делаемых цезурами, которые, разделяя стих на 2, на 3 и на 4 порядка, придают его течению особенную силу и приятность... Вот что делает гекзаметру превосходство перед стихом александрийским...» [2]

Здесь Гнедич ставит вопрос о речевом, синтаксическом строе гекзаметра. Он оценивает его не с точки зрения скандовки, а с точки зрения живой декламации, живой структуры стихотворной фразы. Снова сказалась декламационная оценка стиха, несомненно связанная с занятиями Гнедича декламацией и его интересом к театральному произнесению трагического стиха.

Гекзаметры дали Гнедичу возможность передать на русский поэтический язык всю величественную торжественность речевого строя «Илиады».

Основными принципами Гнедича в передаче гомеровской речи явилась архаизация языка и его народность, даже простонародность. Таким образом, изыскивая средства для установления лексики, приближающейся к словесному строю Гомера, Гнедич был занят тем обновлением русского поэтического языка, к которому призывали и «беседисты», но Гнедич в отличие от них придерживался умеренности и обладал чувством живого языка, чего не хватало архаистам-теоретикам. Только немногими были оценены как должно эти поиски и замечательные находки Гнедича, открывшие в русском языке средства для воссоздания поэтического памятника древности. И когда Пушкин говорил в 1820 году, что Гнедич освободил музу Гомера «от звонких уз» французского стихосложения, он тем самым

---

[1] Памятник дактилохореическому витязю. Апология Тилимахиды и шестистопов. Собрание оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева (ч. IV, 1811). В Полном собрании сочинений А. Н. Радищева, изд. АН СССР. М.—Л., 1941, т. 2, стр. 218.

[2] «Замечания на опыт о русском стихосложении г-на В.». Гнедич отступил от правила Тредиаковского вводить в гекзаметр на третьей стопе мужскую цезуру.

имел в виду и то, что в языке и стиле перевода Гнедич не пошел по стопам эпигонов французского классицизма.

Древний язык «Илиады», «еще не стесняемый условиями образованности», не мог быть подобен нашему. По определению Гнедича, язык «Илиады» — это «язык страстей человечества юного, кипящего всею полнотою силы и духа», отличающийся «торжественной важностью» и «величественной простотой».[1] Задача переводчика состояла в том, чтобы передать эти качества. Они должны были казаться как бы исконно принадлежавшими языку русскому. Стиль перевода был создан на основе русской фразеологии и лексики, исконно присущей русской литературе и народной поэзии.

В «Рассуждении о причинах, замедливших ход нашей словесности», Гнедич говорил о том, что в области языка «мы не знаем самих себя» и что «нам следует обратиться к источникам русского слова, лежащим и в наших книгах церковных и летописях». Этими книгами и пользовался Гнедич, работая над переводом.

Торжественную важность гомеровского стиля создает перифрастическая фразеология, которую Гнедич передал очень искусно. Близость к подлиннику достигалась перифразами такого, например, характера: вместо «никто не хочет» — «сердцем никто не пылает» и т. п. Гнедич пользовался старой русской церковной и светской книгой; славянской библией и летописями, вводя в перевод обороты, свойственные торжественной речи религиозных легенд и исторических сказаний. Но для того чтобы основной стилистический каркас перевода был столь же величествен, сколько прост, Гнедич обращался к народной поэзии. Характерным приемом народной фразеологии в переводе являются повторения, наличествующие у Гомера и типичные для песенной поэзии русской и украинской.

Таковы, например, строки:

Я на Пелида иду, хоть огню его руки подобны,
Руки подобны огню, а душа и могучесть — железу!
(Песнь XX, ст. 371—372).

Любая из песен, слышанных Гнедичем от украинских аэдов-кобзарей, обильна такого рода повторениями:

По синему морю хвиля грае,
Козацький корабличек разбивае,
Гей, козацький кораблик разбивае
и т. д.

Из того же источника древнерусской письменности и народной поэзии брал Гнедич и словарный состав перевода. В этом смысле весьма

[1] См. предисловие Гнедича к переводу, стр. 312.

показательным является отбор так называемых двухсоставных, или сложных эпитетов. Двухсоставные эпитеты характерны для Гомера и как бы задают стилистический тон его поэм, особенно «Илиады». В тесной строке александрийского стиха они были чересчур громоздкими, и в переводе Кострова даны в самом умеренном количестве и однотипном качестве. В первом переводе Гнедича, сделанном в александрийском размере, двухсоставных эпитетов введено немного и они не характерны для стиля перевода. В новый, гекзаметрический перевод Гнедич вводит такие эпитеты в большом, определяющем стиль количестве. Эти эпитеты состоят по большей части, так же как у Гомера, из соединения основ существительных и прилагательных: *лилейнораменная, румяноланитная, пространнодержавный*, но немалое количество имеется слов, составленных из основ существительных и глаголов, типа *конеборный, шлемовеющий* и т. п.

Схематически рассматривая историю двухсоставного эпитета в русской литературе, мы можем установить следующую преемственность: славянская библия вводит в обиход всей церковной русской литературы двухсоставные[1] слова типа: «памятоносная», «среброузный», «велеречивый», «высокомысленный», «страннолюбивый». Эти «духовные» определения затем отчасти находят свое место и в светской литературе: в «Повести временных лет» и в русских повестях XV—XVII веков. Но в древних русских повестях такого рода эпитеты уже разнообразятся эпитетами другого типа, такими, как: «градозабральные» (стены, т. е. крепости), «меднослиянные», «стенобитные», «темномрачные», «белокаменные», «самоцветные» и т. п. Из них нетрудно выделить большое количество эпитетов, которые вошли в словарь народной поэзии (былины и песни). Таковы, например, составные слова типа: «самоцветные», «новобранные», «белоглазая» (чудь), «белодубовые», «вислоухие» и т. п. Все эти слова, которые мы в изобилии находим в народной поэзии, присущи русскому языку и являются неотъемлемой частью его состава. Такие эпитеты имеются и в «Слове о полку Игореве» (например, «золотоверхий» — город, терем). Классифицируя составные эпитеты перевода Гнедича, мы приходим к выводу, что, вопреки обвинениям критики, осуждавшей его за книжную, чуждую живой поэзии архаичность, он не ограничивался эпитетами церковнокнижными (типа уже перечисленных). Эпитеты церковнокнижного характера нужны Гнедичу для перевода аналогичного велеречия подлинника. Для передачи гоме-

[1] Термин, употребленный И. И. Толстым в статье «Гнедич как переводчик «Илиады» в изд. «Гомер. Илиада. Перевод Н. Гнедича. М.—Л., 1935». Такого рода эпитеты принято еще называть сложными и двухосновными.

ровских определений иного характера — общеописательного и бытового — Гнедич пользовался аналогичными эпитетами, имеющимися в древних русских повестях и народной поэзии. В составе сложных эпитетов перевода мы находим и прямо совпадающие с теми, которые встречаются в древних русских повестях, вроде: «темномрачный», «градозабральные», «меднослиянные». Это совпадение не кажется нам случайным. Гнедич не только провозглашал в речах обращение к древним книгам, но и по роду своих занятий помощника библиотекаря Публичной библиотеки (должность эту он занял в 1810 году) был призван разбирать старые, рукописные книги и, следовательно, знал многое из того, что появилось в печати значительно позднее. Столь же несомненно, что такие эпитеты, как: *двуяремные*, *крепкостворчатые*, *самоцветные* и т. п., Гнедич черпал из живого источника русской народной поэзии, обращаясь к собственной памяти, к спискам и к известному сборнику былин («Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», 1804), где мы находим перечисленные эпитеты.

Церковнославянизмы и слова древнерусского языка, которыми изобилует лексика перевода, должны были служить торжественному лексическому строю поэмы. Чтобы воссоздать этот строй, Гнедич предпочитал устарелые: *устрояет*, *соделал*, *ланиты*, *рамена* — современным «устраивает», «сделал», «щеки», «плечи».

Многие из этих слов Гнедич позднее заменил словами современными,[1] так как не на них, а на общем тоне, на фразеологии держалась необходимая торжественность стиля.

Но независимо от своего назначения лексические архаизмы в переводе почти все имеют свое оправдание в русской литературе, преимущественно исторической, и, следовательно, не являются искусственно введенными в текст перевода. Гнедич брал эти архаизмы из литературы, имеющей условное (по времени) соответствие с текстом Гомера.

Филологические разыскания Гнедича можно проследить почти во всех случаях, когда он употребляет слова необычные в современном поэтическом языке. Так, например, слово *соступались* (в смысле встречи сражающихся врагов) потому так прочно было введено в словарь перевода, что это слово взято из «Повести временных лет» («соступишася») и там употреблено в том же значении встречи в битвах.

Несмотря на условные понятия о «приличиях» высокого слога, усвоенные Гнедичем в поэтике французского классицизма,— язык

---

[1] См. примечания на стр. 823.

перевода изобилует народными, диалектными словечками типа: *испод, переметник, рожны, котвы, верстаться, верея, цевка, своячина* и т. п. Именно этими словами Гнедич хотел достигнуть той простоты и народности «Илиады», которая сопутствовала величию стиля. Для характеристики переводческих методов Гнедича надо отметить то, что в подборе народных слов Гнедич руководствовался отнюдь не формальным стремлением придать народный оттенок стилю перевода. Гнедич не употребляет просторечия и диалектные слова без надобности. В большинстве случаев он вводит их для обозначения предметов бытового обихода и техники античного мира, иногда явлений природы, понимание которой у древних греков было далеко от современных, цивилизованных представлений.

Так, чтобы передать греческое слово εὐναί (эвна́й) Гнедич предпочитает старинное диалектное слово *котва* слову «якорь», слишком связанному с современным судоходством. Примитивной форме якоря у древних греков (в виде камней, привязанных канатом) именно соответствовала северная, поморская «котва».

Слово κέντορες (ке́нторес) Гнедич переводит — «бодатели коней». Украинское «бодатель» волов в данном случае оказывается в полном соответствии с погонщиком античного времени, который бежит за колесницей с остроконечной палкой, по временам подстрекая ею лошадей. Слово «катушка» кажется Гнедичу слишком новым для обозначения κανών (кано́н), античного ткацкого станка. Гнедич употребляет здесь русское диалектное слово «цевка», так как ткацкий станок троянцев или ахеян по своему характеру мало отличался от станка крепостной русской деревни. Слишком ученым кажется Гнедичу слово «водоросли» для передачи греческого φῦκος (фикос). Он передает это слово народным «пороси». Так почти все просторечные слова имеют свое внутреннее оправдание. Среди просторечий перевода немало украинизмов (вроде «вечерять», т. е. ужинать, и т. п.). Выросший среди селян и хуторян, Гнедич помнил народный язык, поэзию, обычаи. Все это нашло свое выражение и в переводе. Наблюдая за теми просторечиями, которые Гнедич решался вводить в состав пышной, торжественной речи своего перевода, нетрудно установить давнее или даже древнее употребление этих слов. В связи с этим Гнедич предпринимал особые разыскания. Так, он писал М. Е. Лобанову, делавшему ему стилистические замечания по изданию 1829 года: «Выражение: *речь говорил и молвил* — чисто народное, русское. Смотри: обряд утверждения гетмана Богд. Хмельницкого. Полн. собр. законов Рос. имп., т. I, стр. 319, СПб., 1830».

В своем предисловии к изданию «Илиады» Гнедич высказал мысли, которые и явились для него руководящими в работе над

переводами. Они сводились к формуле: переводчик обязан воссоздать подлинник в его своеобразии. Мысль эта была противоположна господствовавшему мнению французских переводчиков, утверждавших, что «надобно подлинник приноравливать к стране и веку, в которых работает переводчик». Гнедич вел борьбу со всяким модернизмом, вытравляя его в своем переводе.[1] Но он не мог уйти от вкусов и взглядов своей эпохи. В том же предисловии он указывал на «величайшую трудность», которая предстоит переводчику «древнего поэта»,— на «беспрерывную борьбу с собственным духом и собственною, внутреннею силою, которых свободу должно беспрерывно обуздывать, ибо выражение оной было бы совершенно противоположно духу Гомера».

Гнедич был поэтом, а не версификатором, и потому, хотя он и стремился сделать «слепок» с поэмы Гомера, признаки времени и литературного направления поэта видны в переводе при всей его исключительной точности. Свои понятия о свободе, праве, благородных поступках и высоких чувствах Гнедич привносит в изображение античного мира и здесь неизбежно приходит в противоречие с подлинником. Так, в стихе 831 песни XVI имеется следующий характерный пример:

Наших супруг запленишь и, лишив их священной свободы,
Всех повлечешь на судах в отдаленную землю родную...

Эпитета «священная» нет у Гомера. Стихи 526—529 VI песни Гнедич переводит так:

Но поспешим, а рассудимся после, когда нам Кронион
Даст в благодарность небесным богам, бесконечно живущим,
Чашу свободы поставить в обителях наших свободных,[2]
После изгнанья из Трои ахеян меднодоспешных.

В подлиннике нет «свободных» обителей. Гнедич не только усиливает тему свободы, но и придает понятиям древних характер современных ощущений, тогда как речь идет лишь о жертвоприношении богам, принятом у избавившихся от осады жителей.

Чуждый античному миру характер придает Гнедич главному сюжету двадцать четвертой песни — возвращению тела Гектора Приаму, отцу героя. Гнедич стремится облагородить поступок Ахиллеса. Эти благородные чувства Ахиллесу внушает сам Зевс, говорящий Фетиде (матери Ахиллеса):

Тело похитить склоняют бессмертные Гермеса-боги;
Я же, напротив, ту *славу* хочу даровать Ахиллесу...[3]

---

[1] См. примечания на стр. 824.
[2] См. вариант этих стихов на стр. 42.
[3] XXIV, ст. 109—110.

к выражению «ту славу» Гнедич делает под строкой примечание: «Чтобы он сам возвратил тело Гектора». По этому поводу комментатор советского издания «Илиады» в переводе Гнедича, проф. И. М. Тронский, пишет: «И переводом и комментарием Гнедич вносит в текст специфический оттенок морали, чуждый греческому подлиннику. Зевс хочет даровать Ахиллесу... возможность получить за убитого богатый выкуп, приличествующий достоинству Ахиллеса. Если боги приведут в исполнение свое намерение и выкрадут тело, Ахиллес лишится этой возможности. В получении ценного выкупа, а не в акте выдачи трупа отцу убитого, заключается та слава, которую Зевс намерен даровать Ахиллесу».[1]

Гнедич не был одинок в эмоциональном восприятии данного сюжета. Картина Александра Иванова «Приам, испрашивающий у Ахиллеса тело Гектора» (1824) написана в том же стиле романтизованного, эмоционального классицизма (см. воспроизведение картины и ее детали на стр. 768). Об этой картине М. В. Алпатов, автор монографии об А. Иванове, пишет: «В повествовании о смелости Приама, проникшего во вражеский стан в надежде получить труп своего сына от его победителя Ахилла, Иванов поражен был бесстрашием и доблестью древних героев. Он хотел перевести на язык живописных образов эпитеты гомеровской поэмы, в которой Приам всегда выступает как старец «боговидный», «почтенный», а Ахилл — как муж «благородный», «быстроногий». Следуя переводу Гнедича, он стремился подчеркнуть в Ахилле его великодушие».[2] Перевод Гнедича подсказал ему трогательность и торжественное великолепие изображения (драпировки, украшающие бревенчатый шалаш Ахиллеса, пейзаж и т. п.). Такое восприятие античности в живописи было принципиально новым.

Великодушие — одна из черт героя согласно новым понятиям, воспитанным в этом смысле представлениями о средневековом рыцарстве: эта черта присуща герою романтических и предромантических произведений, и Гнедич, переводчик трагедии о рыцаре Танкреде, наделяет рыцарскими чертами и гомеровского Ахиллеса. Самое

---

[1] Гомер. Илиада. Перевод Н. И. Гнедича. Редакция и комментарии И. М. Тронского при участии И. И. Толстого. М.—Л., 1935, стр. 575.

[2] М. В. Алпатов. Александр Иванов. Жизнь и творчество. М., 1955, стр. 27. Иванов, несомненно, знал перевод Гнедича по чтению отдельных глав у президента Академии художеств Оленина. К 1824 году, когда Иванов писал картину, XXIV песня была уже переведена. Отрывок, нужный Иванову, печатался в «Вестнике Европы», 1815, ч. 79, № 1.

понятие «герой» в античном мире не имело значения исключительности поступков. Героями именовались воины, все сражающиеся. Гнедич придает понятию «герой» чуждый Гомеру оттенок (см., например, ст. 3-й первой песни). Целиком принадлежит поэтике раннего романтизма и образ героя, погруженного в размышления (см., например, ст. 170-й второй песни). Стиль романтизованного классицизма, характерный для Гнедича, сказался и в деталях перевода — в эпитетах и сравнениях, не всегда имеющихся в оригинале.

Таковы особенности перевода, пока еще непревзойденного замечательным соединением поэтической силы, исследовательской глубины и точности.

Характерно, что самое понимание точности у Гнедича было творческим. Отвечая Оленину на его упреки в неточном переводе отдельных слов Гомера, Гнедич писал: «По мнению моему, тот переводчик может быть осуждаем за неточность, который к сумме слов своего подлинника прибавляет свои. Я, обнявши сумму слов гомерических, ни одного прибавлять к ним не намерен, а для стиха заменяю иногда одно слово другим, у Гомера же находящимся».[1]

Материалы показывают, что около 1816—1817 годов Гнедич начал усиленно готовить и комментарий к переводу. Комментарий этот Гнедичу не удалось осуществить, но характер и объем его можно себе представить по сохранившемуся фрагменту и заметкам Гнедича.[2]

В процессе работы над комментарием перед Гнедичем встал и так называемый «гомеровский вопрос», т. е. вопрос о происхождении поэмы, являлась ли она памятником народного творчества или принадлежала одному поэту и кто был этот поэт. Именно из этих разысканий создалась поэма «Рождение Гомера», которую Гнедич считал одним из лучших своих произведений.

Эта единственная оригинальная поэма, основанная на античных мифах, дает образное воплощение теоретическим размышлениям Гнедича на темы «гомеровского вопроса». Можно предполагать, что стихотворение «Сетование Фетиды на гробе Ахиллеса», связанное с «Илиадой», предшествовало поэме «Рождение Гомера» и как бы являлось первоначальным вариантом первой ее части.

VI

Гнедичу была свойственна некоторая театральная торжественность во всех внешних проявлениях. Он считал нужным подчеркивать

---

[1] Письмо от 26 марта 1825 года. Переписка А. Н. Оленина с разными лицами. СПб., 1877, стр. 91.

[2] См. примечания, стр. 827.

то исключительное положение, которое он занял в литературной среде как поэт, «вступивший в состязание с Гомером». «Прощаясь с миром», он возвещал в 1812 году о своем подъеме на высоты Геликона в стихотворении, названном «Подражание Горацию»:

Питомец пиерид — и суеты и горе
Я ветрам отдаю, да их поглотит море!
И, чужд мирских цепей,
В моей свободной доле
Я не страшусь царей,
Дрожащих на престоле;
Но Дия чту и муз и Фебовых жрецов...

Торжественное «священнодействие» поэта, углубленного в свой труд в течение многих лет, вызывало особый интерес и уважение к Гнедичу со стороны литературной молодежи, вступавшей в жизнь. Недаром Пушкин свое послание к Гнедичу, писанное уже в 30-х годах, начал с воспоминания об этом впечатлении:

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам свои скрижали.

В середине 10-х годов, когда Пушкин, Кюхельбекер и Дельвиг были лицеистами, произведения Гнедича уже входили в учебные программы русской словесности и включались в сборники «образцовых произведений». Илличевский писал из Лицея своему товарищу Фуссу: «Мы также хотим наслаждаться светлым днем нашей литературы, удивляться цветущим гениям Жуковского, Батюшкова, Крылова, Гнедича».[1] Несомненно, что «гений Гнедича» расценивался лицеистами по-разному. Лицейским вольнодумцам, к которым принадлежали Кюхельбекер и Пушкин, вероятно, была наиболее интересна политическая лирика Гнедича — его «Общежитие» и «Перуанец к испанцу». Кюхельбекеру, составителю лицейского «Словаря...», где помещались выписки на темы свободы и общественного блага, вольнолюбивые декламации Гнедича должны были казаться особенно близкими. Но и гражданская лирика юного Пушкина не могла не впитать в себя некоторых элементов гражданской лирики Гнедича. Аналогия напрашивается при чтении заключительной части оды «Лицинию» (1815). Стихи эти и стилем и общим тоном близки заключительной части послания «Перуанец к испанцу». Пушкин, так же как и Гнедич, заканчивает свое стихотворение пророчески обличительными стихами.

---

[1] К. Я. Грот. Пушкинский лицей. СПб., 1911, стр. 44. Письмо от 10 декабря 1814 года.

У Гнедича:

Но, может быть, при мне тот грозный час свершится,
Как братий всех моих страданье отомстится.

У Пушкина:

Придет ужасный час, день мщенья, наказанья,
Предвижу грозного величия конец

и т. д.

В 1817 году Кюхельбекер печатает в «Le Conservateur impartial», французской газете, издававшейся в Петербурге, статью под названием «Взгляд на нынешнее состояние русской словесности». В основе этой статьи — мысль, развитая Гнедичем в его «Рассуждении о причинах, замедляющих развитие нашей словесности». Она заключается в том, что Гнедич, а вслед за ним Кюхельбекер считают Отечественную войну тем переломным моментом, когда русская литература впервые начинает сбрасывать с себя цепи чуждых ей французских правил. Этих стеснительных для поэзии и драматургии правил, по мнению Кюхельбекера, придерживаются русские литераторы, «несмотря на усилия Радищева, Нарежного и некоторых других, на усилия, которым, быть может, со временем узнают цену».[1] Вслед за Гнедичем Кюхельбекер утверждает, что «тиранство» влияния французской словесности... простиралось так далеко, что не смели принимать никакой другой меры, кроме ямбической».[2] Одним из доказательств начала новой эры в поэзии Кюхельбекер считает перевод «Илиады» гекзаметрами.

Передовые взгляды, сказавшиеся в его ранней деятельности, и роль поэта, «состязающегося» с Гомером, содействовали тому, что Гнедич начал играть роль своеобразного наставника литературной молодежи декабристского поколения. Памятниками этого наставничества являлись многочисленные послания к Гнедичу: Пушкина, Кюхельбекера, Рылеева, Баратынского, Дельвига. Все эти послания единодушно говорят о том, что Гнедич в своем литературном учительстве обращал молодых поэтов к значительным, гражданственным темам, стремясь найти в даровании каждого поэта зародыши того, что могло сделать из него поэта-гражданина. Так, например, Гнедич всячески стремился отвратить Баратынского от избранного им пути поэта-элегика и, учитывая сатирические данные эпиграмм Баратынского, советовал ему испробовать род сатиры (см. стих. Баратынского: «Гнедичу, советовавшему сочинителю писать сатиры»). Блестящего мастера

---

[1] «Le Conservateur impartial», 1817, № 77.

[2] Там же.

антологической поэзии Дельвига, близкого Гнедичу по общим интересам к античному поэтическому миру, Гнедич стремился натолкнуть на создание народных идиллий с русским гражданственным сюжетом. Идиллия Дельвига «Отставной солдат» была подсказана Гнедичем.

Послание Пушкина к Гнедичу «В стране, где Юлией венчанный» свидетельствует о полной солидарности Гнедича с Пушкиным, поэтом-вольнодумцем, независимым литератором, пострадавшим в 1820 году за убеждения. Послание Гнедича «Пушкину при прочтении сказки его о царе Салтане и проч.» (1831) является лирическим обобщением мнений Гнедича о всем творчестве Пушкина.

Любопытно, что Гнедич, пророчествовавший в 1814 году (в «Рассуждении о причинах, замедляющих ход нашей словесности») о скором появлении русского народного гения, по первому движению Пушкина узнал в нем этого гения и уже никогда не снижал своего восторженно-обожающего отношения к Пушкину. Даже тогда, когда многие из друзей Пушкина стали говорить, что его поэзия меркнет, когда Баратынский неодобрительно критиковал сказки, а Вяземский политическую лирику Пушкина,— Гнедич оставался неизменным поклонником всего, что писал Пушкин.

Тяготение Рылеева к Гнедичу началось с первых его литературных шагов, и оно было вполне закономерным для автора такого произведения, как сатира «К Временщику». Стихотворением этим Рылеев установил свою преемственную связь с гражданской традицией в русской поэзии.

Несомненно, что Гнедич знал о замысле цикла исторических «Дум» Рылеева. Об этом свидетельствуют и нежелание Рылеева печатать первую думу («Курбский») без одобрения «почтенного Николая Ивановича» и посвящение Гнедичу последней в цикле думы «Державин», которая содержала в себе «ключ к раскрытию политических установок всего цикла».[1]

VII

1821 год, с которым связано оживление общественной деятельности Гнедича, был вехой, отделявшей период нарастающих революционных настроений от периода непосредственной подготовки к перевороту. Образование Южного и позднее Северного тайных обществ явилось началом перехода от идеологических объединений к действенно-политическим. Выдвинутые декабристами в это время во-

---

[1] К. Рылеев. Полное собрание стихотворений. Л., 1934. Примечания Ю. Г. Оксмана, стр. 383.

просы агитации определили и круг полезной в этом отношении художественной литературы.

В 1822 году, при допросе в Военно-судной комиссии при 6-м корпусе Южной армии, юнкера Перхалов, Михайловский, Бартенев и Шматковский показывали, что майор В. Ф. Раевский, который вел занятия с солдатами и младшими офицерами по ланкастерской системе, велел им учить некоторые примеры стихов наизусть. Примеры эти были всегда революционного содержания. Юнкера помнили некоторые из них. Так, перед комиссией был прочитан отрывок из стихотворения Гнедича «Перуанец к испанцу». Текст этого произведения воспринимался применительно к русской действительности и являлся воплощением тех идей, которые Муравьев выразил в своем недописанном агитационном листке «Любопытный разговор».[1]

В этом же плане, конечно, рассматривались и строфы о свободе в трагедии «Танкред» Вольтера, переведенной Гнедичем. Успех трагедии, возобновленной на сцене в 1820 году, объяснялся именно этими декламациями, чрезвычайно усиленными Гнедичем при исправлении старого текста его перевода. В свете декабристской пропаганды обращенными к русской действительности воспринимались слова Аржира:

Герои-мстители отеческой страны!
Вы, престарелые мои почтивши лета,
Собрались у меня для важного совета,
Как нам несущих брань *тиранов* отразить,
И славу и покой отчизне возвратить.
. . . .
О други! нам пора от гибели спасать
Стяжанных кровью благ остаток драгоценный,
Для благородных душ всех более священный,
Свободу. . .[2]

Недаром Рылеев уделил особое внимание «Танкреду» в переводе Гнедича,[3] размечая (быть может, для предполагаемого отзыва об исполнении пьесы)[4] в экземпляре отдельного издания трагедии удачные и неудачные, по силе впечатления, места.

---

[1] В. Г. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский. М.—Л., 1949, стр. 104.

[2] Курсив наш.— *И. М.*

[3] «Танкред», трагедия Вольтера. Перевод Н. Гнедича. СПб., 1816. Экземпляр с разметкой Рылеева принадлежит И. Н. Розанову, см. Сборник памяти П. Н. Сакулина. М., 1931, стр. 242—249 (статья «Книга с пометками К. Ф. Рылеева»).

[4] Пометки носят характер отзыва на игру актеров, главным образом на исполнение роли Аменаиды. Возможно, что Рылеев делал разметку непосредственно в театре. «Танкред» был возобновлен на петербургской сцене после одиннадцатилетнего перерыва, в 1820 году.

Но не эти, выигрышные для политической пропаганды произведения являются центральными в творчестве Гнедича и не ими определилось взаимоотношение его с декабристской идеологией.

Прогрессивное значение обращения к античному миру в борьбе с «феодальной тиранией» было характеризовано Белинским. Он указывал на то, что именно в античной героике надо искать начал «всякой разумной общественности», «ее первообразов и идеалов». Вдохновляющие идеалы древних республик были нужны дворянской революции 1825 года в той же мере, как они были нужны и буржуазной французской революции 1789 года, деятели которой, по словам Маркса, «вызывают к себе на помощь духов прошедшего», необходимых им, «чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии».[1]

В своих показаниях Следственной комиссии декабристы часто отмечали влияние на их мировоззрение примеров древних республик. Так, член Южного общества П. И. Борисов показал, что «чтение греческой и римской истории и жизнеописания великих мужей Плутарха и Корнелия Непота поселили во мне с детства любовь к вольности и народодержавию».[2] Лейтенант А. П. Арбузов показал, что с братьями Беляевыми (моряки, привлеченные по делу декабристов) он проводил свободное время, «занимаясь чтением исторических книг... и ...в мечтах переносились в древние республики, восхищаясь чистотой нравов, величеством характеров и истинной добродетелью».[3]

Героические и гражданственные примеры древности являлись в деле политического воспитания молодежи сильным и убедительным пособием. Именно с пробуждения интереса к древним республикам начинали деятели тайной организации, когда вербовали новых членов.

Интересным документом в этом отношении являются показания декабриста Поджио о методах Пестеля. «Вот три предмета, кои были им употреблены для испытания моего. Начал он от Немрода, подробно, медленно переходил через все изменения правлений, понятий народов о них; *перекинулся к временам свободы Греции, Рима, говоря, сколь мало она* (т. е. свобода.— *И. М.*) *понята была, не имея представительства своего*[4], пронесся быстро мимо варварских сред-

---

[1] К. Маркс. Сочинения, т. VIII, стр. 323 и 324.

[2] Восстание декабристов. Материалы, т. V. М.—Л., 1926, стр. 22.

[3] Там же, т. II, стр. 26.

[4]. Письмо Н. В. Поджио из крепости от 12 марта 1826 г. Декабристы. Сборник отрывков из источников. М.—Л., 1926, стр. 199—200. Курсив наш.— *И. М.*

них времен, поглотивших свободу и просвещение, приостановился на революции французской, не упуская из виду нерешимость оной цели, непрочность в достижении ее и основании и, наконец, пал на Россию. Тут он направил на нее свои ядовитые стрелы, стал говорить о монархическом правлении, сколь оно несогласно с представительным» и т. д. Пестель своим историческим пробегом как бы воскрешал забытые первообразы.

В связи с интересом к античной героике в глазах декабристов особое значение приобретал перевод «Илиады», заканчиваемый Гнедичем. Перевод мог сыграть большую воспитательную роль. Он останавливал внимание на великолепных подвигах храбрости во имя славы и свободы отечества. Так именно склонен был понимать назначение своего перевода и Гнедич, постоянно проповедовавший идеи воспитания молодежи на примерах гражданственной мудрости и героики античного мира.

Уже в начале 1820-х годов в среде декабристской молодежи означилось внимание к труду Гнедича. Интересным в этом плане является «Послание к Н. И. Гнедичу» Рылеева, где говорится об «отважности» перевода «Илиады», о том, что Гнедич

Воспел пленительно на лире золотой,
На древний лад ее с отважностью настроя.

Рылеев высоко ценил поэтические достоинства перевода Гнедича («воспел пленительно») и понимал трудность борьбы, которую пришлось выдержать Гнедичу за гекзаметры и стиль перевода. Именно эту борьбу, повидимому, имел в виду Рылеев, говоря об «отважности» Гнедича.

Вопрос о новаторстве Гнедича, в которое включалось и употребление древних слов и оборотов, был поднят лишь Белинским.[1] Но нет никакого сомнения, что мысли Белинского восходили к оценке перевода Гнедича, данной декабристами.

Как уже было сказано, Гнедич задумал комментарий к «Илиаде» совершенно нового типа, явно соотносившегося с просветительными задачами декабристов.

Комментарий должен был представлять собой циклы историко-культурных популярных очерков на темы исторические, историко-географические, историко-бытовые и другие. В основу этих очерков легла обширная исследовательская работа Гнедича, далеко не исчерпывающаяся чтением ученых сочинений европейских комментаторов Гомера: Х. Г. Гейне, Вольфа, Шубарта, Вебба и Найта, выписки

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, под ред. С. А. Венгерова, т. VII, СПб., 1904, стр. 31.

из которых мы находим в рукописной тетради «Материалов».[1] Наиболее своеобразным способом воссоздания образов античной героики у Гнедича было обращение к современному характеру военного и бытового обихода греков. События греческой революции привлекали особое внимание декабристов к греческой армии, ее воинскому духу и традициям. Гнедич видел в этих традициях прямую связь современных греческих воинов с воинами гомеровского эпоса. Так, например, в очерке «О тактике ахеян и троян, о построении войск, о расположении и укреплении станов (лагерей) у Гомера» Гнедич отметил, что в современной греческой армии соблюдается древний обычай выхода передового героя «для умножения и воспаления храбрости». Герой этот не только первый принимает сражение, вызывая «храбрейшего от неприятелей», но и говорит с ним, вызывающей речью своей укрепляя дух войска. Это обращение Гнедича к современности, сопоставление сражающихся за свою независимость революционных греков с античными воинами, было в полном соответствии с восприятием декабристской эпохи.

В какой мере Гнедич верил в значение греческих событий в общем ходе политических дел, можно судить по выписке из «Илиады», которую он сделал в альбоме академика П. Кеппена в разгар побед восставшей Греции:

Ныне пойдем; побеседуем после мы, ежели Кронид
Некогда даст нам, небесным богам, бесконечно живущим,
Чашу свободы поставить в наших чертогах свободных![2]

Помета «1821 мая 25 дня».

Комментирующий «Илиаду» очерк был написан весной 1825 года, т. е. в то время, когда память о революционных событиях в Греции воскрешалась в связи с нараставшими событиями русской революции. Пушкин, датируя письмо к Гнедичу 23 февраля 1825 года, сделал приписку о годовщине начала восстания Ипсиланти. Он напомнил эту дату потому, что Гнедич в 1821 году с достаточной горячностью, возбужденной особым интересом к Греции, отозвался на известие об этом восстании. Доказательством живого интереса Гнедича был перевод революционного гимна греков.

Немедленным отзывом на перевод Гнедича была «Греческая песня» Кюхельбекера (1821), который как бы перекладывал содер-

---

[1] Неопубликованные материалы. Хранятся в Гос. Публ. библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. F XVIII, № 6.
[2] Песнь VI, ст. 526—528.

жание революционного греческого гимна. Вместе с тем в стихотворении Кюхельбекера речь шла не о греческом народе, а о «народах»:

Проснулись, смотрят и встают
Доселе спавшие народы.
О радость! грянул час, великий час свободы!

Следующим произведением Гнедича, связанным с освободительным движением Греции, был перевод «Простонародных песен нынешних греков» (клефтов, или повстанцев). Перевод был актом общественно-политического значения и своеобразным литературным манифестом.

Сборник Гнедича, отразивший вековую борьбу греческого народа с поработителями, вызвал живой интерес в декабристских кругах, так как сам по себе являлся актом солидарности с греческой революцией, признанием ее глубоких народных корней. Именно эту солидарность и внимание имел в виду Пушкин, когда в письме к Гнедичу по поводу выхода его сборника подчеркнул дату «23 февраля», сделав приписку: «23 февраля — дата объявления греческого бунта Александром Ипсиланти».[1]

Сборник был принят как книга, утверждающая позиции русского романтизма. Именно обращение к народным источникам, своеобразным по протестующей героике и экзотической обстановке, было характерно для прогрессивного романтизма Западной Европы. Недаром Клодт-Шарль Фориель (1772—1844), собиратель сборника, был не только одним из вождей французского романтизма, но и вдохновителем итальянских романтиков. Республиканец, служивший Конвенту, он никогда не изменял революции (он оставил службу с приходом к власти Наполеона и вернулся в Париж лишь после июльской революции 1830 года). Фориель приветствовал греческое восстание, посвятив ему свой труд по собиранию народных песен греческих партизан. Гнедич не только перевел лучшие, самые боевые из этих песен (перевел с греческого текста, а не с французского), но пропагандировал и мысли Фориеля в своем предисловии. Между тем в этом предисловии была сделана попытка популяризации и русской национальной вольнолюбивой героики, так называемого «разбойничьего» цикла песен.

Сборник вызвал одобрение и живой отклик со стороны «Московского телеграфа», журнала, стоявшего в то время на позициях

[1] Значение сборника «Простонародных песен нынешних греков» для русской фольклористики и влияние мыслей Гнедича на Пушкина впервые отметил в своей книге М. К. Азадовский («Литература и фольклор». Л., 1938, гл. IV).

романтизма. Вяземский или Н. Полевой (разделявший в то время мнения Вяземского и совместно с ним работавший в журнале) написал восторженный отзыв о сборнике.[1] Рецензент высоко оценил поэтические достоинства перевода, имеющего явное преимущество перед французским.

Сохранились черновики, свидетельствующие и об оригинальных замыслах Гнедича в конце 10-х, в начале 20-х годов. К ним относятся: наброски драмы на тему о крещении Руси, наброски плана какого-то произведения о Святославе, фрагменты работы по истории Украины и поэмы о Васильке Теребовле.[2]

От поэмы Гнедича о Васильке Теребовле сохранились лишь несведенные наброски в прозе и стихах (некоторые из стихов стилизованы под «Слово о полку Игореве»). Главная мысль поэмы выражена в начальных строках:

Беда висит над землею русскою,
Беда грозит Киеву престольному.
Раздоры князей накликают беду на землю.

В 20-х годах интересы Гнедича попрежнему связаны с той поэзией, в которой видит он народную основу. Народностью проникнут, по его мнению, не только античный эпос, но и античные идиллии. Его увлекает мысль о воссоздании в России этого рода поэзии в его первозданной простоте, не искаженной салонной манерностью, характерной для современной идиллии. Именно народность подчеркивает Гнедич в своем переводе идиллии «Сиракузянки». В предисловии к этому переводу, высоко оцененном Белинским,[3] Гнедич оспаривает установившееся в поэтике определение идиллии как «пастушеского, или сельского стихотворения». «Идиллия греков,— говорит Гнедич,— есть вид, картина или то, что мы называем сцена, но сцена жизни и пастушеской, и гражданской, даже героической». Гнедич отмечает, что Феокрит, образовавший свою идиллию из народных сценических пред-

---

[1] «Московский телеграф», 1825, ч. 2, № 6, март, стр. 125—137. Рецензия не подписана. Вяземский впоследствии признавался, что статьи в «Московском телеграфе» 1825 года за подписью «А» (Асмодей) принадлежали ему, но что иногда этой подписью пользовался и Полевой. Вопрос о данной статье доныне не выяснен.

[2] Имя Василька находилось в словнике «Словаря знаменитым людям российского государства», задуманного членами общества «Зеленая лампа» (см. архив общества в Пушкинском доме АН СССР). Позднее на тему о Васильке Теребовле написал поэму А. Одоевский.

[3] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, под ред. С. А. Венгерова, т. VI. СПб., 1903, стр. 463.

ставлений, «предметы» для своих идиллий избирал «большею частью простонародные, чтобы пышности двора Александрийского, при котором он жил, противопоставить мысли простые, народные».

Перевод «Сиракузянок» является новаторским по стилю. Вопреки установившейся традиции несколько приподнятого и в то же время жеманного стиля в многочисленных переводах и подражаниях древним, Гнедич стремится внести в лексику и синтаксис перевода черты живой речи, свойственной тем, кого изобразил в своей идиллии Феокрит. Его сиракузянки — городские обывательницы, сплетницы и стрекотухи в переводе Гнедича, как и в подлиннике,— говорят на языке, резко отличающемся от языка богов и героев. Гнедич достигает живости и правдоподобия словарем, немыслимым для переводчиков и подражателей Феокрита типа Панаева (недаром Белинский противоставил его реакционное понимание античности — пониманию Гнедича).[1] Язык сиракузянок в переводе Гнедича полон таких выражений и слов, как: *продираясь, дуралей, болтать, заштопка, гадость, бестолковая девка, лезут как свиньи* и т. п. Резким стилистическим контрастом этому языку городских обывательниц III века до н. э. является гимн, посвященный богу Адонису с его языком величаво образным, свойственным молитвенному или героическому песнопению.

Однако эту живую, реалистическую манеру, найденную им для перевода, Гнедич не решается в полной мере применить в оригинальной идиллии из народного русского быта.

Уже Белинский, высоко ценивший эту идиллию, отмечал, что «быт и самый образ выражения действующих лиц в ней идеализированы», но не в смысле мнимоклассической идеализации, «а что от них веет духом древнеэллинской поэзии».[2] Стиль этот был определен советским исследователем как гомеровский.[3] Действительно, в то время как в переводе «Сиракузянок» Гнедич подчеркнул примитивную простоту речи, в своей оригинальной идиллии Гнедич нивелировал стиль, придав ему характер эпический, книжный. Было бы ошибкой приписывать этот неожиданный, после «Сиракузянок», возврат к традиции облагораживания «пейзан» лишь поэтической робости Гнедича (доля этой робости, впрочем, имеется в «Рыбаках», так же как и в других его оригинальных произведениях). Здесь мы имеем дело прежде всего с желанием возвысить самих героев в гла-

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, под ред. С. А. Венгерова, т. VI. СПб., 1903, стр. 95.

[2] Там же, стр. 96.

[3] А. М. Кукулевич. Русская идиллия Н. И. Гнедича «Рыбаки».— Ученые Зап. Ленинградского университета. Л., 1939, вып. 3.

зах читателя, вселить уважение к их труду и быту. Современная Гнедичу критика отмечала, что идиллия Гнедича «облагораживает нечувствительно в глазах наших таких людей, на которых мы часто, по странной привычке, смотрели с пренебрежением».[1] Несколько приподнятый стиль идиллии придавал простому сюжету важность героическую. Наравне с идеализацией героического прошлого русского народа, такая идеализация современного народного быта не противоречила понятиям декабристов. Напротив, низменный сюжет, изображенный во всей его натуралистической неприглядности, был бы заклеймен прогрессивной критикой того времени как лишенный возвышающего поэтического достоинства.

Проблемы, занимавшие Гнедича в эти годы, поставили его в ряд литераторов, на которых опирались будущие декабристы. Литературные призывы Гнедича оказались передовыми: они совпадали с теми культурно-просветительными идеями, которые были утверждены Союзом благоденствия и имели выражение в «Зеленой книге».[2]

В своем послании «Гнедичу, советовавшему сочинителю писать сатиры», Баратынский восклицал:

Враг суетных утех и враг утех позорных,
Не уважаешь ты безделок стихотворных,
Не угодит тебе сладчайший из певцов
Развратной прелестью изнеженных стихов.
Возвышенную цель поэт избрать обязан.

Эта проповедь Гнедича имеет соответствие в тех разделах «Зеленой книги», которые посвящены воспитанию юношества и отечественному «Слову», т. е. литературе. В параграфах 30-м, 50-м, 51-м и 55-м мы находим требования, которые предъявляли декабристы к нравственности и поэтическому слову. Так, говорилось со всей суровостью о «мнимых удовольствиях и предметах различных человеческих страстей», утверждалось, «что описание предмета, или изложение чувства, не возбуждающего, но ослабляющего высокие помышления, как бы оно прелестно ни было, всегда недостойно дара поэзии», что «изящным искусствам... следует... дать надлежащее направление, состоящее не в изнеживании чувств, но в укреплении, благородствовании и возвышении нравственного существа нашего» и т. д.

---

[1] П. А. Плетнев. Идиллия Гнедича «Рыбаки».— Труды Вольного общества любителей российской словесности, 1822, XVIII.

[2] «Законоположение Союза благоденствия», см. у А. Н. Пыпина «Общественное движение в России при Александре I». СПб., 1908; в выдержках в сб. «Декабристы». М.—Л., 1926, стр. 84—102.

Как нельзя больше соответствовал взглядам Гнедича и параграф 54-й «Зеленой книги», требовавший особенного внимания к «обогащению и очищению языка». Всей своей наставнической ролью Гнедич как бы осуществлял предначертания «Зеленой книги» «по отрасли второй», т. е. по образованию, «склонял своих молодых знакомых к полезным занятиям... занимал их различными предметами, но таким образом, чтобы всех занятий, всех действий, всех помышлений последствие было — общее благо».

Литературная и общественная деятельность Гнедича настолько близка к идеям «Зеленой книги», что неизбежно возникает предположение о близких связях Гнедича с Союзом благоденствия.

Как все передовые люди того времени, Гнедич, вероятно, знал или догадывался о существовании тайных организаций. Об этом свидетельствуют и факты, касающиеся его общения со старым приятелем А. П. Юшневским, который с 1821 года играет видную роль в Южном обществе, вскоре становится одним из членов директории и идеологом республиканских идей, противостоящих монархическим идеям «северян». Необходимость влияния на членов Северного общества заставила «южан» в 1822 и следующие годы укрепить связь с Петербургом. Весьма возможно, что Юшневский, не без некоторых политических расчетов, вспомнил о своем старом товарище Гнедиче, теперь видном, влиятельном литераторе. В ноябре или первых числах декабря 1822 года Юшневский прислал Гнедичу письмо, которое, судя по ответу,[1] было написано после очень длительного перерыва и носило характер не только излияний, но и каких-то убеждающих доводов, доказательств какой-то идеи. Гнедич в своем ответе говорит о деятельности Юшневского, «о пути, скользком для грешной черни», т. е. об опасном, трудном, непосильном для обыкновенного человека пути, по которому пошел Юшневский. Гнедич видит закономерность в избранном Юшневским пути, отмечает цельность его натуры.

Знал ли Гнедич о том, что деятели тайных организаций готовятся к действию? Если и не знал, то о многом догадывался. Жертвенная тема в героических произведениях Рылеева (весьма близкого Гнедичу) позволяла предполагать за ней реальную действительность. За образом Наливайки стоял сам Рылеев.

Отрывок из XIX песни «Илиады» в переводе Гнедича, напечатанный в «Полярной звезде» на 1825 год, в декабристском кругу не мог восприниматься иначе, как иносказание: несмотря на мрачные

---

[1] Юбілейний збірник на пошану акад. Д. И. Багалія. Київ, 1927. стр. 871—872.

пророчества, юноша Ахилл ринулся в бой, чтобы погибнуть с честью или победить.

Несомненно, что Гнедич тяжело пережил декабрьские события. Несмотря на всю его осторожность, он имел достаточные основания беспокоиться и о своей судьбе, так как было неясно, как широко будет захвачен правительственным розыском круг прикосновенных к движению. Припадок застарелой болезни, сваливший Гнедича на долгое время и явившийся началом его конца, мог быть результатом волнений 1825—1826 годов.

Вся литературная и общественная жизнь Гнедича была соединена с людьми, которые теперь числились государственными преступниками. Кроме ближайших друзей — Юшневского, Никиты Муравьева, Ф. Глинки, Рылеева,— среди арестованных было множество знакомых Гнедича, так или иначе связанных с ним.

Весна и начало лета, до приговора по делу декабристов, прошли в напряженной тревоге. В эти дни Гнедич не прерывал своих близких отношений с семьей Никиты Муравьева. Е. Ф. Муравьева записала во время свиданий с сыном в крепости среди прочих его поручений следующее: «У Гнедича спросить перевод Мартынова Софокла. Сочинения Гнедича и Пушкина».[1]

Через шесть дней после приговора и казней Гнедич написал матери Никиты Муравьева, осужденного по первому разряду на 20 лет каторги, письмо, которое свидетельствовало о его участии, верности дружбе и явном сочувствии героическому делу декабристов. Он писал ей:

«Простите, почтеннейшая Катерина Федоровна, что осмеливаюсь тревожить Вашу горечь священную, справедливую. Но побуждение печальной дружбы, может быть, уважит и горесть матери. Вам известно, люблю ли я Никиту Михайловича. Более, нежели многие, умел я ценить его редкие достоинства ума и уважать прекрасные свойства души благородной; более, нежели многие, я гордился и буду гордиться его дружбою. *Моя к нему любовь и уважение возросли с его несчастием;*[2] мне драгоценны черты его. Вы имеете много его портретов; не откажите мне в одном из них, чем доставите сладостное удовольствие имеющему быть с отличным уважением и совершенною преданностью Вашего превосходительства покорнейшим слугою.

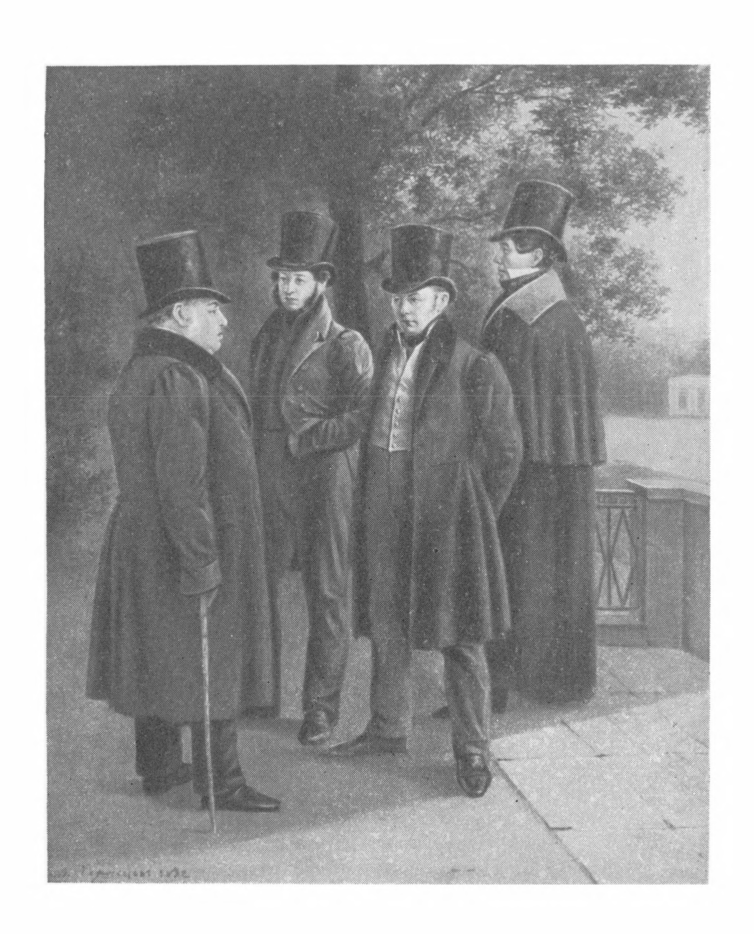
Н. Гнедич».[3]

---

[1] Центр. Гос. Исторический Архив, ф. 1153, оп. 1, № 28.

[2] Курсив наш.— *И. М.*

[3] Письмо Гнедича к Е. Ф. Муравьевой от 19 июля 1826 года в Р. О. Института Русск. Лит. АН СССР, I, ст. 83.



Можно предполагать, что тогда же и было написано стихотворение, которое, повидимому, является надписью к портрету Муравьева («Любовью пламенной отечество любя», см. стр. 140).

Разгром декабристов был не только крушением политических надежд и патриотических чаяний, но и крушением той литературной позиции, которую занимал Гнедич.

Весь цикл его произведений и переводов, объединенный вокруг грандиозного создания — перевода «Илиады», был кровными узами связан с декабристскими идеями, со своеобразной, действенной интерпретацией гражданственности и героического мира древней Греции. Теперь идейная сущность труда Гнедича должна была неизбежно стушеваться. Теряя высоты поэта-трибуна, Гнедич переставал быть в центре литературной жизни. Больше не было надежд и на прямое участие в общественной и государственной жизни. В своей «Записной книжке» Гнедич спрашивал: «Кто захочет писать, если он может действовать?» — и сам отвечал: «Но кто и кому дает действовать у нас?» [1]

VIII

Ко времени, когда совершились события, резко изменившие общественную и литературную жизнь России, Гнедич уже заканчивал перевод «Илиады». Датой окончания своего труда Гнедич считал 15 октября 1826 года, хотя весь 1827 год и начало 1828 прошли в доработках и исправлениях. Одновременно он занимался разысканиями для комментария. В предисловии к изданию, вышедшему в свет лишь в начале 1829 года, Гнедич объясняет причину отсутствия этого комментария. Для обширного замысла необходимы были еще несколько лет основательной, усидчивой работы. Состояние здоровья Гнедича было не таково, чтобы рассчитывать на эти годы.

Внимание его сосредоточилось на тексте перевода. Но выход в свет «Илиады», так долго всеми ожидавшейся, не мог уже быть для самого Гнедича тем большим и радостным событием, какое предвкушал он многие годы упорного, жестокого труда. Книге, дающей примеры «дивных подвигов народного героизма», описывающей битвы, которые «суть провозвестницы мужества человеческого», не суждено было в ближайшее время стать орудием в руках преобразователей России.

Один только Пушкин выступил в печати по поводу выхода в свет перевода как представитель декабристского поколения, создавшего в свое время своеобразный культ подвигу Гнедича. Заметка Пушкина

---

[1] П. Тиханов. Н. И. Гнедич. Несколько данных для его биографии. СПб., 1884, стр. 73—74.

в «Литературной газете» («Илиада Гомерова, переведенная Гнедичем») совпадает и по мысли и фразеологически с посланием «С Гомером долго ты беседовал один». И стихотворение и заметка писаны в том же высоком стиле, каким писано «Послание к Н. И. Гнедичу» Рылеева. Послание свое Пушкин начинает с напоминания стиха из стихотворения Рылеева 1823 года: «С Гомером отвечай всегда беседой новой». Слова «долго ожидали», «нетерпеливо ожидают» и в послании и в заметке не случайны. Эти слова подчеркивают значение, которое придавали переводу литераторы и деятели отошедшей эпохи.

Журнальные рецензии касались главным образом вопросов ритма и языка перевода. Вновь поднялись старые упреки по поводу недостатков гекзаметра и архаичности стиля. Отрицательные рецензии шли из лагеря «Московского вестника»,[1] в то время как «Московский телеграф», напротив, высоко оценил поэтические достоинства перевода.

Рецензент[2] писал: «Труд Н. И. Гнедича представляется нам как сокровище языка, из коего каждый литератор русский может почерпать важные и великие пособия, ибо в нем все оттенки, все переливы Омировой поэзии, выраженные с удивительным искусством, раскрывают богатство, силу, средства нашего языка». Именно эта точка зрения на перевод Н. И. Гнедича оказалась наиболее прогрессивной и объективно справедливой. Именно ее впоследствии со всей горячностью поддерживал Белинский, исходя прежде всего из того важного общекультурного значения, которое имел труд Гнедича.

Суд над переводом продолжался и после смерти Гнедича. Второе издание вызвало критические замечания, из которых наиболее резкие принадлежали Сенковскому.

Белинский выступил в защиту перевода. Он писал: «Невежды смеются над славянскими словами и оборотами в переводе Гнедича, но это именно и составляет одно из его существеннейших достоинств. Всякий коренной самобытный язык в период младенчества народа, в содержании которого жизнь еще не распалась на поэзию и прозу, но и самая проза жизни опоэтизирована,— такой язык, в своем начале, бывает полон слов и оборотов, дышащих какою-то младенческою простотою и высокою поэзиею; со временем эти слова и обороты заменяются другими, более прозаическими, а старые остаются богатым сокровищем для разумного употребления и, наоборот, если их некстати употребляют... в переводе «Илиады» наши слова (т. е. очи, уста, перси и т. д.) под пером вдохновенного переводчика, исполнен-

[1] Рецензия Надеждина на перевод появилась в «Московском вестнике», 1830, ч. 1, № 4, стр. 372.

[2] Вероятно, Н. Полевой, в «Московском телеграфе», 1830, № 12, ч. 31, стр. 87.

ного поэтического такта,— истинное и бесценное сокровище! Замените выражения: «ему покорилась лилейнораменная Гера-богиня» выражением «его послушалась жена...», тогда из высокой поэзии выйдет пошлая проза» («Русская литература в 1841 году»).[1]

IX

Уже в 1825 году Гнедич начал испытывать приступы тяжелой болезни. Летом этого года он уехал на Кавказские минеральные воды, которые ему немного помогли, но возвращение в Петербург оказалось совершенно пагубным, и осенью 1827 года он должен был уехать в Одессу, где прожил год. Оттуда он писал Жуковскому: «Поэтические струны души одни у меня опустились, другие совсем оборвались». За последние семь лет жизни Гнедич успел написать только несколько стихотворений и предисловие к переводу «Илиады» (1829). За год до смерти он собрал свои произведения и издал их сборником. Характерно то, что сборник Гнедича подвергся самому бдительному просмотру николаевской цензуры. Рассмотрев стихотворения, назначенные к печатанию, цензор Крылов представил в цензурный комитет выписку сомнительных мест и заметил, что «Гнедич как эллинист, напитанный духом классических творений, переносил в собственные произведения такие идеи, которыми было свойственно восхищаться древним грекам, выше всего ценившим республиканские добродетели. Таким образом, он очень часто увлекался к прославлению вольности и свободы, называя даже иногда свободу *святою*, Гомера *пророком*, о древних царях и греческих тиранах выражался с особою жестокостью, озлоблением и в уста перуанца, проклинающего порабощение, вложил такие слова, в которых заключается, собственно, хула на бога христианского».[2] Цензор требовал исключения ряда стихотворений, и некоторые из них действительно не были пропущены комитетом. Так, только цензурными причинами можно объяснить отсутствие в сборнике стихотворения «Общежитие» — одного из самых популярных лирических произведений Гнедича.

Быть может, именно потому, что ко времени создания сборника «поэтические струны души» Гнедича были ослаблены и остатки сил направлены на то, чтобы совершенствовать перевод «Илиады»,— сборник не имеет следов особой работы автора ни в отношении плана, ни в отношении текстов (в основном являющихся перепечаткой последних журнальных редакций). Для самосознания Гнедича-поэта харак-

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, под ред. С. А. Венгерова, т. VII. СПб., 1904, стр. 30—31.

[2] «Русская старина», 1904, кн. 1, стр. 208.

терен лишь первый раздел сборника. Обращение «К моим стихам» свидетельствует о том, что Гнедич не был склонен преувеличивать значение своих оригинальных произведений. Сборник начинается поэмой «Рождение Гомера». Несомненно то, что Гнедич выделил на первое место эту поэму не столько по ее достоинствам (идиллию «Рыбаки» считал он лучшим из оригинальных своих произведений), сколько по теме, связанной с главной задачей своей поэтической жизни — с переводом «Илиады». Характерно и то, что перевод идиллии «Сиракузянки» Феокрита поставил Гнедича перед оригинальной идиллией «Рыбаки», как бы указывая этим источник своего поэтического вдохновения.

В сборник вошли некоторые стихотворения Гнедича, которые не печатались до того времени. В них преобладают настроения уныния и безнадежности. Мысль о смерти не покидает его. Одним из предсмертных его произведений является «Дума» («Печален мой жребий, удел мой жесток!»)

Гнедич умер 1 февраля 1833 года в полном одиночестве. О нем вспомнили только после его смерти. Похороны его были пышным, торжественным шествием, собравшим представителей литературы всех направлений; за гробом его, в числе других литераторов, шел Пушкин.

Гнедича похоронили на кладбище Александро-Невской лавры. На могильном памятнике его друзья сделали надпись: «Гнедичу, обогатившему русскую словесность переводом Омира» и эпиграф к надписи: «Речи из уст его вещих сладчайшие меда лилися («Илиада», п. 1, ст. 249)».

X

Гнедич именовал себя классиком, но это значило не более того, что античное искусство было для него непререкаемым идеалом. Что касается правил так называемой классической поэтики, т. е. канонов французского классицизма, то отрицательное отношение к ним Гнедич высказал с достаточной ясностью в своей «Записной книжке» (по поводу драматургии Шиллера). Самым веским словом в этом отношении был отказ от александрийского стиха, которым Гнедич начал переводить «Илиаду».

Гнедич был противником мистицизма и фантастических туманностей в поэзии. Ему был чужд мечтательный индивидуализм. От такого рода увлечений романтической школы он считал своим долгом остерегать поэтов, объявляя себя врагом жанра баллад и так называемых унылых элегий. Но он был горячим сторонником драматургии

Шиллера, поэзии Байрона (Гнедич переводил и того и другого) и Пушкина (характерно, что он был издателем его первой романтической поэмы «Кавказский пленник»). Интерес к народному творчеству — эпосу, песням — привел Гнедича на путь тех романтиков, которые в литературной ассимиляции памятников народной поэзии видели возрождение национальных литератур. В этом отношении имя Гнедича стоит рядом с именем Фориеля, одного из идеологов французского романтизма. Имя Гнедича неизменно произносится и рядом с именем Фосса, поэта раннего немецкого романтизма. Фосс и Гнедич явились в литературах своих стран новаторами в области перевода античных авторов. И Фосс и Гнедич в свои переводы внесли те высокие идеалы и чувства, которые характеризовали передовую литературу эпохи, следовавшей за революционными потрясениями в Европе.

В русле романтического направления следует рассматривать и разнообразные опыты Гнедича в области русского стиха.

Для сторонников французского классицизма было характерно прикрепление определенных размеров к тем или иным жанрам. Романтики стремились к смещению традиции, к эксперименту.

В своей стихотворной технике, в выборе стихотворных размеров Гнедич соединяет две, казалось бы, взаимно исключающие наклонности: с одной стороны, приверженность традиции, с другой — склонность к новаторству.

Первое выразилось в многочисленных стихотворениях, писанных александрийским стихом, или же в элегиях и посланиях «вольного» разностопного ямба. Эти формы уже устарели в те годы, когда ими пользовался Гнедич, и окончательно устарели к концу его жизни. Так, известны строфы, посвященные умирающему александрийскому стиху в черновом тексте «Домика в Коломне» Пушкина (1830).

С другой стороны, Гнедич охотно обращался к разным стихотворным размерам, непривычным в русской поэзии конца XVIII, начала XIX века. Особенно это второе направление определилось тогда, когда Гнедич в переводе «Илиады» обратился к гекзаметру. Но не только гекзаметры разнообразили метрические опыты Гнедича.

Излюбленным размером Гнедича в оригинальных произведениях, писанных в подражание античным, является пятистопный амфибрахий женского окончания. Этим размером писаны «Рыбаки», «К моим стихам» и др. Это были опыты более спокойного, более ровного стиха, повидимому близкого к поэтической индивидуальности поэта:

Уже над Невою сияет беззнойное солнце;
Уже вечереет; а рыбаря нет молодого.
Вот солнце зашло, загорелся безоблачный запад...

В этом размере Гнедич не обращается к стяжению стоп в двусложные (как в дактилическом гекзаметре) и создает ритмическое разнообразие лишь синтаксическими членениями стиха:

Но поздно; повеяла свежесть; на Невские тундры
Роса опустилась; а рыбаря нет молодого.
. . . .
Нева не колыхнет; светла и спокойна, как небо...

К отстоявшимся ритмическим формам Гнедич шел через ряд опытов. Именно в порядке испытания различных метров он применял некоторые редкие размеры и изобретал новые. Так, экспериментальны его переводы новогреческих песен.

В рецензии 1825 года[1] обращено внимание на своеобразные ритмические опыты Гнедича в амфибрахии, анапесте и дактиле без рифм, отмечено при этом, что «механизм стихов его прекрасен». К ранним экспериментам относится применение карамзинского стиха «Ильи Муромца» (четырехстопный хорей дактилического окончания), рассматривавшегося как русский народный, к переводам из Оссиана:

Ты, которая являешься
Из-за темных облак запада...

Скоро он учел ограниченность применения «русских народных» размеров и обратился к опытам в античном духе, создавая собственные ритмы, не заимствуемые непосредственно у древних. Таков размер его «Гимна Венере» (два полустишия трехстопного ямба женского окончания с мужским окончанием четных стихов), вызвавший протест Батюшкова, назвавшего этот размер «перебитым шестистопным стихом»:

Пою златовенчанну прекрасную Венеру,
Защитницу веселых Киприйских берегов...

Таким же опытом являются еще более сложные стихи «Задумчивости». Не отстоявшиеся в поэзии Гнедича, эти ритмы свидетельствуют о его непрестанной заботе обогащать русскую поэзию, опираясь на античные размеры, но не перенося их в неприкосновенном виде. Гнедич стремился расширить сферу русской метрики и выйти за пределы классической традиции рифмованных ямбических и хореических стихов. Подражая античным размерам, Гнедич избегал рифмовки, являясь одним из первых пропагандистов белого стиха. Так написаны им «Рыбаки», «К моим стихам», «Ласточка» и др. Особенно любопытно, что в шестистопном ямбе — размере, неизбежно сопровождающемся рифмой, Гнедич отказывается от нее («Гимн Диане» и «Гимн

[1] «Московский телеграф», 1825, ч. 2, № 6, март, стр. 134 (сноска).

Минерве»). Теоретические рассуждения и опыты Гнедича, сами по себе ценные и обогатившие русскую поэтику, подчас являлись и причиной творческих неудач поэта. Теоретический замысел накладывал отпечаток на живые поэтические образы и порождал холодную дидактичность стиля.

Не то с переводами Гнедича.

Жуковский писал, что «переводчик в прозе есть раб, переводчик в стихах — соперник». Прекрасное, по мнению Жуковского, «редко переходит из одного языка в другой, не утратив несколько своего совершенства: что же обязан делать переводчик? Находить у себя в воображении такие красоты, которые бы могли служить заменою... не значит ли это быть творцом?»[1] Именно в такое состязание, или «единоборство»,[2] пришлось вступить Гнедичу с Гомером. Перевод Гнедича остается до наших дней единственным поэтическим соответствием подлиннику.

Существует мнение, которое восходит к старым взглядам, столь горячо оспариваемым Белинским, что перевод Гнедича неудобочитаем и недостатки его заключаются в архаическом стиле. Переводчики, бравшиеся за новый стихотворный перевод «Илиады», полагали свою задачу лишь в том, чтобы язык их перевода был более легок и прост. По существу эти переводы сводились лишь к модернизации стиля и полному сохранению поэтики, основанной на том отношении к античности, которое характерно для первой четверти XIX века.

Новый взгляд на античный мир и творения Гомера неизбежно создаст новую поэтику перевода, отличную от гнедичевской. Но пока еще ни один русский поэт не победил Гнедича ни в поэтической силе перевода, ни в его точности. Характерным является тот факт, что когда советские ученые, знатоки античного мира, издавали «Илиаду» Гомера,[3] то единственным переводом, в котором они сочли возможным дать античный памятник, оказался перевод Гнедича.

Сравнивая перевод «Одиссеи» Жуковского и перевод «Илиады» Гнедича, Белинский отдает должное легкости поэтического языка Жуковского, прибавляя при этом: «Но постигнуть дух, божественную простоту и пластическую красоту древних греков было суждено на Руси пока только одному Гнедичу».[4]

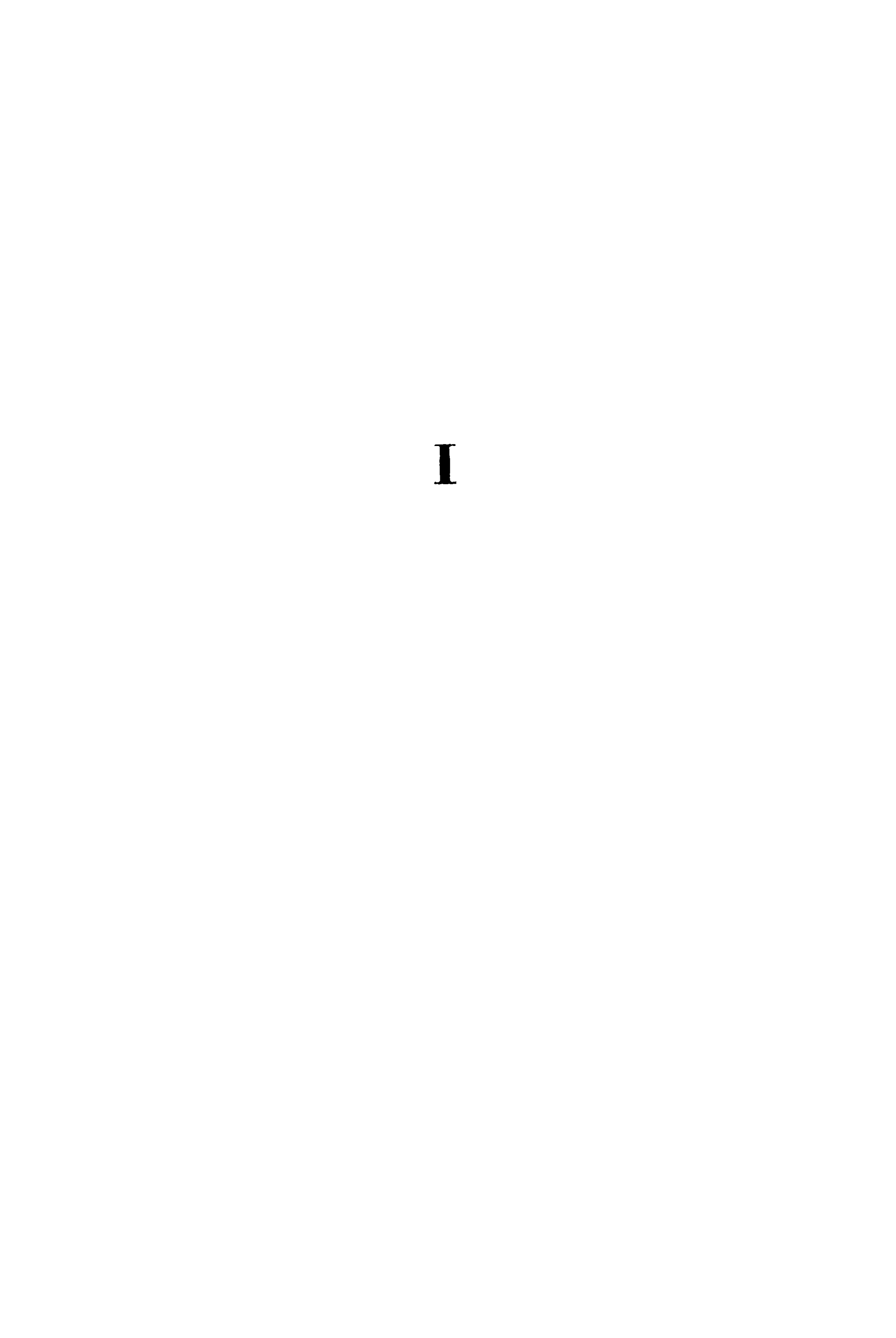
---

[1] Статья «О басне и баснях Крылова».

[2] Выражение Гнедича.

[3] Гомер. Илиада. Перевод Н. Гнедича. Редакция и комментарии И. М. Тронского при участии И. И. Толстого. М.—Л., 1935.

[4] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, под ред. С. А. Венгерова, т. IV. СПб., 1901, стр. 270. Сравнение перевода одних и тех же стихов у Гнедича и Жуковского см. в примечании к отрывку «Тантал и Сизиф в аде».



I

К МОИМ СТИХАМ

Пока еще сердце во мне оживляется солнцем,
Пока еще в персях, не вовсе от лет охладевших,
Любовь не угаснула к вам, о стихи мои, дети
Души молодой, но в которых и сам нахожу я
Дары небогатые строго-скупой моей музы,
Которые, может быть, вовсе отвергла б от сердца
Брюзгливая старость, и кажется, что по заслугам
(Но кто на земле не принес самолюбию дани),—
Спешу, о стихи, вас от грозного спасть приговора;
Спешу вас отдать под покров снисходительной дружбы.
И если она не найдет в вас ни прелестей слова,
Какими нас музы из уст их любимцев пленяют,
Ни пламенных чувствий, ни дум тех могучих, какие
Кипят на устах вдохновенных и души народов волнуют,
То, нежная в чувствах, найдет хоть меня в моих песнях,
Души моей слабость, быть может, ее добродетель;
Узнает из них, что в груди моей бьется, быть может,
Не общее сердце; что с юности нежной оно трепетало
При чувстве прекрасном, при помысле важном иль смелом,
Дрожало при имени славы и гордой свободы;
Что, с юности нежной любовию к музам пылая,
Оно сохраняло, во всех коловратностях жизни,
Сей жар, хоть не пламенный, но постоянный и чистый;
Что не было видов, что не было мзды, для которых

Душой торговал я; что, бывши не раз искушаем
Могуществом гордым, из опытов вышел я чистым;
Что, жертв не курив, возжигаемых идолам мира,
Ни словом одним я бессмертной души не унизил.

Но ежели дружба найдет в моих песнях нестройных
Хоть слово для сердца, хоть стих, согреваемый чувством;
Но ежели в сих безыскусственных звуках досуга
Услышит тот голос, сердечный язык тот всемирный,
Каким говорит к нам бессмертная матерь-природа,
Быть может, стихи мои, вас я сберег не к забвенью

ОБЩЕЖИТИЕ

Réveille-toi, mortele, deviens utile au monde,
Sors de l'indifférence, où languissent tes jours.
Thomas [1]

Неужли в этот мир родится человек,
С зверями дикими в лесах чтобы скитаться?
Или в бездействии, во сне провесть свой век,
Не знать подобных — и ничем не наслаждаться;
Как будто в пустоте ужасной — в мире жить,
И прежде смерти мертвым быть?
Посмотрим вкруг себя,— мы взглянем на вселенну,
Какая связь в вещах! На что ни кину взор — и оку изумленну
Громада вся один чудесный кажет хор!
И то, что там, вверху, и там, под нижним кругом,
И что во всех морях,
В лесах и на горах —
Всё в цепь одну плетет, всё вяжет друга с другом
Тот *разум*, что сей шар и небо утвердил,
Атома с существом премудро съединил.

* * *

О ты, над тварями, над всем здесь вознесенный,
Понятьем, разумом, бессмертною душой,
Проснися, человек,— проснися, ослепленный,
И цепи общия не разрывай собой!

---

[1] Проснися, отложи губительну беспечность,
О смертный! и потщись полезным свету быть.
Тома. (Перевод Нелединского-Мелецкого.)

Ты мнишь, что брошен в мир без цели неизвестной,
Чтоб ты в нем только жил,
И зрителей число умножил поднебесной;
Взгляни на этот мир:
Противному совсем и звери научают,
И звери в нем живут не для себя самих.
Трудятся и они: птенцов они питают,
Птенцы же, подрастя, трудятся и для них.
Зачем, ты говоришь, мне для других трудиться?
Какая нужда до людей?
Трудися только всяк для пользы лишь своей,
А приобрев трудом, не худо насладиться.
Ты наслаждаешься,— а тысяча сирот
Страдают там от глада;
Вдовицы, старики подле твоих ворот
Стоят — и падают, замерзнувши от хлада.
Ты спишь,— злодей уж цепь, цветами всю увив,
На граждан наложил, отечество терзает.
Сыны отечества, цепей не возлюбив,
Расторгнуть их хотят,— вопль слух мой поражает!
Какой ужасный стон!
Не слышишь ты его — прерви, прерви свой сон!
Несчастный, пробудися,
Взгляни на сограждан, там легших за тебя,
Взгляни на их вдовиц, детей — и ужаснися,
Взглянувши на себя!
Их вдовы стонут там, их дети мрут от глада,
Страшись и трепещи, чтоб тени их, стеня
Подобно фуриям, явившимся из ада,
В погибели своей тебя, тебя виня,
Не стали б день и ночь рыдать перед тобою. . .

* * *

Отечество, как ты еще младенец был,
Подобно матери обвило пеленою,
Чтоб в недрах ты его златые дни вкусил;
А ты за это всё и малую заботу
Считаешь глупостью — лишь у окна сидишь
И тешишь своея души ты тем охоту,
Что на людей глядишь.
Сидишь,— неужели сидеть в сей мир родился?
Всё, всё гласит тебе, чтоб для других трудился.

«Трудиться? — говорят.— Мне жертвовать
собою
Завистникам, льстецам,
Живущим подлостью одною,
Мне жертвовать сердцам,
Что, злобою кипя, тех самых умерщвляют,
Которые и их питают?
Хочу трудиться я, а змеи уж шипят,
Тружусь — труды мои к добру людей клонятся,
Но люди за добро одно лишь зло творят.
Так лучше буду я в лесах с зверьми скитаться».

* * *

Итак, людей пороки,
О мудрый человек!
От общества тебя женут в леса глубоки?
От злых и с добрыми ты связь совсем пресек?
Но радостей отца, но удовольствий друга
Не хочешь чувствовать и с добрыми делить?
Лапландца хладного в лачуге ждет супруга,
Желает бедный *фин* любить, любиму быть;
Взгляд, как *камчадал*, убеленный летами,
Лелеет внука — и сжимает у персей,
Любуется, как внук шалит его косами,—
Взгляни, и сердце ты холодно разогрей!
Скажи мне, что б было с невинными овцами,
Когда бы пастухи, лишь волк глаза явил,
Оставили овец и скрылись за кустами?
Ах! всех овец тогда тот волк бы задавил.
И ты, когда закон ногами попирают,
Болванам золотым курят все фимиам,
Достойных же венцов — всех пылью засыпают,
Ты должен ли тогда скитаться по лесам?
Ах, нет! но о добре всеобщем лишь радея,
Всем другом истинным себя ты окажи,
Гнетущу руку ты останови злодея,
И что гнетомый прав — ты свету покажи,
Неблагодарных обяжи!
Добро твори для всех глупцов, льстецов, коварных,
А злость их каменных сердец
И плата низкая их душ неблагодарных —
Ярчее золотят лишь для тебя венец.
И, ах! какой еще желать тебе награды?

Невинный и убог
Узрели чрез тебя блестящий луч отрады,
А это — видит бог.
Священный долг нам есть — для блага всех трудиться:
Как без подпор нельзя и винограду виться,
Так мы без помощи других не проживем;
Тот силу от подпор — мы от людей берем.
Всем вместе должно жить, всем вместе нам трудиться,
Гнушаться злом, добро любить
И радость из одной всем чаши пить —
Вот цель, с какою всяк из нас в сей мир родится.

1804

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЬ ОССИАНА

О источник ты лазоревый,
Со скалы крутой спадающий
С белой пеною жемчужною!
О источник, извивайся ты,
Разливайся влагой светлою
По долине чистой Лутау.
О дубрава кудреватая!
Наклонись густой вершиною,
Чтобы солнца луч полуденный
Не палил долины Лутау.
Есть в долине голубой цветок,
Ветр качает на стебле его
И, свевая росу утренню,
Не дает цветку поблекшему
Освежиться чистой влагою.
Скоро, скоро голубой цветок
Головою нерасцветшею
На горячу землю склонится,
И пустынный ветр полуночный
Прах его развеет по полю.
Звероловец, утром видевший
Цвет долины украшением,
Ввечеру придет пленяться им,
Он придет — и не найдет его!

Так-то некогда придет сюда
Оссиана песни слышавший!
Так-то некогда приближится

Звероловец к моему окну,
Чтоб еще услышать голос мой.
Но пришлец, стоя в безмолвии
Пред жилищем Оссиановым,
Не услышит звуков пения,
Не дождется при окне моем
Голоса ему знакомого;
В дверь войдет он растворенную
И, очами изумленными
Озирая сень безлюдную,
На стене полуразрушенной
Узрит арфу Оссианову,
Где вися, осиротелая,
Будет весть беседы тихие
Только с ветрами пустынными.

О герои, о сподвижники
Тех времен, когда рука моя
Раздробляла щит трелиственный!
Вы сокрылись, вы оставили
Одного меня, печального!
Ни меча извлечь не в силах я,
В битвах молнией сверкавшего;
Ни щита я не могу поднять,
И на нем напечатленные
Язвы битв, единоборств моих,
Я считаю осязанием.
Ах! мой голос, бывший некогда
Гласом грома поднебесного,
Ныне тих, как ветер вечера,
Шепчущий с листами топола.—
Всё сокрылось, всё оставило
Оссиана престарелого,
Одинокого, ослепшего!

Но недолго я останусь
Бесполезным Сельмы бременем;
Нет, недолго буду в мире я
Без друзей и в одиночестве!
Вижу, вижу я то облако,
В коем тень моя сокроется;
Те туманы вижу тонкие,

Из которых мне составится
Одеяние прозрачное.

О Мальвина, ты ль приблизилась?
Узнаю тебя по шествию,
Как пустынной лани, тихому,
По дыханью кротких уст твоих,
Как цветов, благоуханному.
О Мальвина, дай ты арфу мне;
Чувства сердца я хочу излить,
Я хочу, да песнь унылая
Моему предыдет шествию
В сень отцов моих воздушную.
Внемля песнь мою последнюю,
Тени их взыграют радостью
В светлых облачных обителях;
Спустятся они от воздуха,
Сонмом склонятся на облаки,
На края их разноцветные,
И прострут ко мне десницы их,
Чтоб принять меня к отцам моим!..
О! подай, Мальвина, арфу мне,
Чувства сердца я хочу излить.

Ночь холодная спускается
На крылах с тенями черными;
Волны озера качаются,
Хлещет пена в брег утесистый;
Мхом покрытый, дуб возвышенный
Над источником склоняется;
Ветер стонет меж листов его
И, срывая, с шумом сыплет их
На мою седую голову!

Скоро, скоро, как листы его
Пожелтели и рассыпались,
Так и я увяну, скроюся!
Скоро в Сельме и следов моих
Не увидят земнородные;
Ветр, свистящий в волосах моих,
Не разбудит ото сна меня,
Не разбудит от глубокого!

Но почто сие уныние?
Для чего печали облако
Осеняет душу бардову?
Где герои преждебывшие?
Рано, младостью блистающий?
Где Оскар мой — честь бестрепетных?
И герой Морвена грозного,
Где Фингал, меча которого
Трепетал ты, царь вселенныя?
И Фингал, от взора коего
Вы, стран дальних рати сильные,
Рассыпалися, как призраки!
Пал и он, сраженный смертию!
Тесный гроб сокрыл великого!
И в чертогах праотцев его
Позабыт и след могучего!
И в чертогах праотцев его
Ветр свистит в окно разбитое;
Пред широкими вратами их
Водворилось запустение;
Под высокими их сводами,
Арф бряцанием гремевшими,
Воцарилося безмолвие!
Тишина их возмущается
Завываньем зверя дикого,
Жителя их стен разрушенных.

Так в чертогах праотеческих
Позабыт и след великого!
И мои следы забудутся?
Нет, пока светила ясные
Будут блеском их и жизнию
Озарять холмы Морвенские,—
Голос песней Оссиановых
Будет жить над прахом тления,
И над холмами пустынными,
Над развалинами сельмскими,
Пред лицом луны задумчивой,
Разливаяся гармонией,
Призовет потомка позднего
К сладостным воспоминаниям.

1804

ПЕРУАНЕЦ К ИСПАНЦУ

Рушитель милой мне отчизны и свободы,
О ты, что, посмеясь святым правам природы,
Злодейств неслыханных земле пример явил,
Всего священного навек меня лишил!
Доколе, в варварствах не зная истощенья,
Ты будешь вымышлять мне новые мученья?
Властитель и тиран моих плачевных дней!
Кто право дал тебе над жизнию моей?
Закон? какой закон? Одной рукой природы
Ты сотворен, и я, и всей земли народы.
Но ты сильней меня; а я — за то ль, что слаб,
За то ль, что черен я,— и должен быть твой раб?
Погибни же сей мир, в котором беспрестанно
Невинность попрана, злодейство увенчанно;
Где слабость есть порок, а сила — все права!
Где поседевшая в злодействах голова
Бессильного гнетет, невинность поражает
И кровь их на себе порфирой прикрывает!

Итак, закон тебе нас мучить право дал?
Почто же у меня он все права́ отнял?
Почто же сей закон, тираново желанье,
Ему дает и власть и меч на злодеянье,
Меня ж неволит он себя перегродить,
И что я человек, велит мне то забыть?
Иль мыслишь ты, злодей, состав мой изнуряя,
Главу мою к земле мученьями склоняя,
Что будут чувствия во мне умерщвлены?

Ах, нет,— тираны лишь одни их лишены! ..
Хоть жив на снедь зверей тобою я проструся,
Что равен я тебе... Я равен? нет, стыжуся,
Когда с тобой, злодей, хочу себя сравнить,
И ужасаюся тебе подобным быть!
Я дикий человек и простотой несчастный;
Ты просвещен умом, а сердцем тигр ужасный.
Моря и земли рок тебе во власть вручил;
А мне он уголок в пустынях уделил,
Где, в простоте души, пороков я не зная,
Любил жену, детей, и, больше не желая,
В свободе и любви я счастье находил.
Ужели сим в тебе я зависть возбудил?
И ты, толпой рабов и громом окруженный,
Не прямо, как герой,— как хищник в ночь презренный
На безоруженных, на спящих нас напал.
Не славы победить, ты злата лишь алкал;
Но, страсть грабителя личиной покрывая,
Лил кровь, нам своего ты бога прославляя;
Лил кровь, и как в зубах твоих свирепых псов
Труп инки трепетал,— на грудах черепов
Лик бога твоего с мечом ты водружаешь,
И лик сей кровию невинных окропляешь.

Но что? и кровью ты свирепств не утолил;
Ты ад на свете сем для нас соорудил,
И, адскими меня трудами изнуряя,
Желаешь, чтобы я страдал не умирая;
Коль хочет бог сего, немилосерд твой бог!
Свиреп он, как и ты, когда желать возмог
Окровавленною, насильственной рукою
Отечества, детей, свободы и покою —
Всего на свете сем за то меня лишить,
Что бога моего я не могу забыть,
Который, нас создав, и греет и питает,[1]
И мой унылый дух на месть одушевляет! ..

Так, варвар, ты всего лишить меня возмог;
Но права мстить тебе ни ты, ни сам твой бог,

[1] Перуанцы боготворили солнце.

Хоть громом вы себя небесным окружите,
Пока я движуся — меня вы не лишите.
Так, в правом мщении тебя я превзойду;
До самой подлости, коль нужно, низойду;
Яд в помощь призову, и хитрость, и коварство,
Пройду всё мрачное смертей ужасных царство
И жесточайшую из оных изберу,
Да ею грудь твою злодейску раздеру!

Но, может быть, при мне тот грозный час свершится,
Как братий всех моих страданье отомстится.
Так, некогда придет тот вожделенный час,
Как в сердце каждого раздастся мести глас;
Когда рабы твои, тобою угнетенны,
Узря представшие минуты вожделенны,
На всё отважатся, решатся предпринять
С твоею жизнию неволю их скончать.
И не толпы рабов, насильством ополченных,
Или наемников, корыстью возбужденных,
Но сонмы грозные увидишь ты мужей,
Вспылавших мщением за бремя их цепей.
Видал ли тигра ты, горящего от гладу
И сокрушившего железную заграду?
Меня увидишь ты! Сей самою рукой,
Которой рабства цепь влачу в неволе злой,
Я знамя вольности развею пред друзьями;
Сражусь с твоими я крылатыми громами,
По грудам мертвых тел к тебе я притеку
И из души твоей свободу извлеку!
Тогда твой каждый раб, наш каждый гневный воин,
Попрет тебя пятой — ты гроба недостоин!
Твой труп в дремучий лес, во глубину пещер,
Рыкая, будет влечь плотоядущий зверь;
Иль, на песке простерт, пред солнцем он истлеет,
И прах, твой гнусный прах, ветр по полю развеет.

Но что я здесь вещал во слепоте моей?..
Я слышу стон жены и плач моих детей:
Они в цепях... а я о вольности мечтаю!..
О братия мои, и ваш я стон внимаю!
Гремят железа их, влачась от вый и рук;

Главы преклонены под игом рабских мук.
Что вижу? .. очи их, как огнь во тьме, сверкают;
Они в безмолвии друг на друга взирают...
А! се язык их душ, предвестник тех часов,
Когда должна потечь тиранов наших кровь!

1805

НА ГРОБЕ МАТЕРИ

От колыбели я остался
В печальном мире сиротой;
На утре дней моих расстался,
О мать бесценная, с тобой!
И посох странника бросаю
Я в первый раз в углу родном;
И в первый раз я посещаю
Твой тесный, безысходный дом!
И, землю в трепете лобзая
Святую сердцу моему,
Скажу впервое: тень святая,
Мир вечный праху твоему!

Как черный крест твой наклонился
К холму, поросшему травой!
Надгробный камень весь покрылся
Песком и мшистой муравой,
И холм с землею поровняло!
Увы! он скоро б был забыт;
Мне скоро б неизвестно стало
И место, где твой прах сокрыт!
И, сын печальный, я бы тщетно
Могилы матери искал;
Ее прошел бы неприметно
И, может быть, ногой попрал! . .
Прости! — оставленный тобою,
Я от пелен усыновлен
Суровой мачехой-судьбою.
Она, от берега мой челн

Толкнув, гнала его жестоко
Между бушующих зыбей
И занесла меня далеко
От тихой родины моей.
И лишь теперь волной счастливой
К брегам родным я принесен;
Любовью сирою, тоскливой
К твоей могиле приведен.
На гроб не кипариса лозы,
Но, лучший дар мне от творца,
Я песни приношу и слезы,
Богатство скромное певца.

Увы! когда ты испускала
Из уст последний жизни вздох,
Но взор еще на нас кидала,
Я траты чувствовать не мог.
Теперь возросшую со мною
Печаль я изолью в слезах;
Поплачу над землей сырою,
Сокрывшею мне милый прах!
Еще не раз, душой унылый,
Один, в полуночной тиши,
Приду я у твоей могилы
Искать отрады для души.
Приду — и холм, с землей сравненный,
Возвышу свежий над тобой;
И черный крест, к земле склоненный,
Возобновлю моей рукой;
И тризной, в день суббот священных,
Я, ублажая тень твою,
При воскуреньи жертв смиренных
Надгробны песни воспою.
А ты, слух к песням преклоняя,
От звезд к могиле ниспустись,
И, горесть сына утешая,
Тень матери — очам явись!
Узреть мне дай твой лик священный,
Хоть тень свою мне дай обнять,
Чтоб, в мир духов переселенный,
Я мог и там тебя узнать!

1805

МИЛЬТОН, СЕТУЮЩИЙ НА СВОЮ СЛЕПОТУ

ОТРЫВОК ИЗ III КНИГИ ПОТЕРЯННОГО РАЯ

Хвала, о музы! вам, я зрел селенья звездны,
Бесстрашно нисходил в подземны ада бездны;
Дерзаю вновь парить в священный эмпирей,
В пространство вечное лазоревых полей.
Хочу я небо зреть, сей новый мир блаженный,
Светилом золотым согретый, озаренный.
И се я чувствую огонь лучей его;
Но свет угаснул их для взора моего!
Зеницы тусклые во тьме ночной вращаю,
И тщетно средь небес я солнце зреть желаю!
Увы! не просветит оно моих очей;
Мой не увидит взор златых его лучей.—
Но ты, мой верный друг, божественная муза!
Ты не прервешь со мной священного союза;
Не перестанешь глас мой слабый оживлять,
Когда я буду песнь святую воспевать:
Скитаясь по горам, до облак вознесенным,
Среди густых лесов, по берегам зеленым,
Не наслаждаюсь я уже их красотой,
В одном безмолвии беседую с тобой.

Места, живившие мой томный дух смущенный,
Гора Сионская и ты, ручей священный,
Что при стопах ее задумчиво журчишь
И светлую лазурь между цветов катишь,—
Вас часто с музою, слепец, я посещаю;

О мужи славные, вас часто призываю!
Слепцы, живущие в бессмертных звуках лир,
Тирезий, Тамирис, божественный Омир!
Одним несчастием я с вами только равен;
Увы! подобно вам почто и я не славен? ..

Таким мечтанием дух слабый напитав
И силу новую воображенью дав,
Вселенной чудеса я с музой воспеваю
И огнь души моей в сих песнях изливаю,—
Так скромный соловей, в ночной, безмолвный час,
Сокрывшись в мрак лесов, лиет свой сладкий глас
И год, и день, и ночь — всё снова возродится;
Но для очей моих свет дня не возвратится;
Мой взор не отдохнет на зелени холмов:
Весна моя без роз, и лето без плодов.
Увы! я не узрю ни синих вод безмерных;
Ни утренних лучей, ни пурпуров вечерних;
Ни богомужнего и кроткого лица,
В чертах которого блистает лик творца.
Вотще красуются цветов различны роды;
Исчезли для меня все красоты природы;
И небо и земля покрылись страшной тьмой,
И книга дивная закрылась предо мной;
Всё пусто, вечною всё ночью поглотилось,
И солнце для меня навеки закатилось!
Простите навсегда, науки и труды,
Сокровища искусств и мудрости плоды!
Сокровищем искусств я больше не пленюся,
Плодами мудрости уже не наслажуся:
Всё скрыла ночь! — Но ты, любимица небес,
Сойди на помощь мне, расторгни мрак очес;
О муза, просвети меня огнем небесным;
И не останусь я в потомстве неизвестным,
Открыв бестрепетно в священной песне сей
Сокрытое доднесь от смертного очей.

1805

СКОРОТЕЧНОСТЬ ЮНОСТИ

Фиалка на заре блистала;
Пред солнцем красовался цвет;
Но в полдень с стебелька упала,
И к вечеру фиалки нет!

Печальный образ! .. Так умчится
И юность резвая от нас.
Блажен, кто жизнью насладится
В ее быстропролетный час!

Моя уж юность отцветает;
Златое время протекло!
Уже печаль мой дух стесняет,
Задумчивость мрачит чело.

Приходит старость, и отгонит
Последние часы утех;
Болезнями хребет мой склонит,
На голову посыплет снег.

Тоска, мрача мой век постылый,
Падет на сердце, как гора;
Застынет кровь в груди унылой,
И смерть воскликнет мне: пора! ..

О холм, где, лиру в детстве строя,
С цевницей сел я соглашал,

Ты будь одром мне вечного покоя!
Сего как счастья я желал:

Всегда желал, чтоб край священный,
Где кости спят отцов моих,
Близ них спокоил прах мой тленный
В своих объятиях родных;

Чтоб там безмолвная могила
Возвысилася надо мной
И только б с ветром говорила
Своей высокою травой.

А ты, для коей я вселенну
Любил и жизнь хотел влачить,
Сестра! когда ты грудь стесненну
Захочешь плачем облегчить,

Когда, печали к услажденью,
Придешь на гроб мой, при луне
Беседовать с моею тенью,
Часов полночных в тишине,—

Мою забвенную цевницу
Воспомни, принеси с собой;
Чтоб отличить певца гробницу,
Повесь под дубом надо мной.

Она в полночный час, унылый,
Тебе певца напомянет;
Со стоном ветра над могилой
И свой надгробный стон сольет.

Но если, бурей роковою
В страны чужие занесен,
Покроюсь я землей чужою,
Рукой наемной погребен,

Не усладит и вздох единый
Там тени горестной моей,
И мой надгробный холм, пустынный,
Лишь будет сходбищем зверей.

В ночи над ним сова завоет,
Воссев на преклоненный крест;
И сердце путника заноет,
Он убежит от скорбных мест.

Но, может быть, над ним стеная,
Глас томный горлица прольет;
И, песнью путника пленяя,
К моей могиле привлечет;

Быть может, путник — сын печали,
И сядет на могилу он;
И склонится на миг, усталый,
В задумчивый и сладкий сон;

Настроя дух свой умиленный
К мечтам и ими пробужден,
Он молвит, крест обняв склоненный:
«Здесь, верно, добрый погребен!»

Быть может... Что ж мой дух томится?
Пускай хоть с чуждою землей,
Хотя с родною прах смесится,
Узрю я вновь моих друзей!

1806

К К. Н. БАТЮШКОВУ

Когда придешь в мою ты хату,
Где бедность в простоте живет?
Когда поклонишься пенату,
Который дни мои блюдет?

Приди, разделим снедь убогу,
Сердца вином воспламеним,
И вместе — песнопенья богу
Часы досуга посвятим;

А вечер, скучный долготою,
В веселых сократим мечтах;
Над всей подлунною страною
Мечты промчимся на крылах.

Туда, туда, в тот край счастливый,
В те земли солнца полетим,
Где Рима прах красноречивый
Иль град святой, Ерусалим.

Узрим средь дикой Палестины
За божий гроб святую рать,
Где цвет Европы паладины
Летели в битвах умирать.

Певец их, Тасс, тебе любезный,
С кем твой давно сроднился дух,

Сладкоречивый, гордый, нежный,
Наш очарует взор и слух.

Иль мой певец — царь песнопений,
Неумирающий Омир,
Среди бесчисленных видений
Откроет нам весь древний мир.

О, песнь волшебная Омира
Нас вмиг перенесет, певцов,
В край героического мира
И поэтических богов.

Зевеса, мещущего громы,
И всех бессмертных вкруг отца,
Пиры их светлые и домы
Увидим в песнях мы слепца.

Иль посетим Морвен Фингалов,
Ту Сельму, дом его отцов,
Где на пирах сто арф звучало
И пламенело сто дубов;

Но где давно лишь ветер ночи
С пустынной шепчется травой,
И только звезд бессмертных очи
Там светят с бледною луной.

Там Оссиан теперь мечтает
О битвах и делах былых;
И лирой тени вызывает
Могучих праотцев своих.

И вот Тренмор, отец героев,
Чертог воздушный растворив,
Летит на тучах с сонмом воев,
К певцу и взор и слух склонив.

За ним тень легкая Мальвины,
С златою арфою в руках,
Обнявшись с тению Моины,
Плывут на легких облаках.

Но, друг, возможно ли словами
Пересказать, иль описать,
О чем случается с друзьями
Под час веселый помечтать?

Счастлив, счастлив еще несчастный,
С которым хоть мечта живет:
В днях сумрачных день сердцу ясный
Он хоть в мечтаниях найдет.

Жизнь наша есть мечтанье тени;
Нет сущих благ в земных странах.
Приди ж под кровом дружней сени
Повеселиться хоть в мечтах.

1807

ГОМЕРОВ ГИМН МИНЕРВЕ

Пою великую, бессмертную Афину,
Голубоокую, божественную деву,
Богиню мудрости, богиню грозных сил,
Необоримую защитницу градов,
Эгидоносную, всемощну Тритогену,
Которую родил сам Дий многосоветный,
Покрытую златой, сияющей броней.
Оцепенение объяло всех богов,
Когда из Зевсовой главы она священной
Исторглась, копием великим потрясая,
Во основаниях вострепетал Олимп
Под крепостью ее; земля из недр своих
Стон тяжкий издала, весь понт поколебался,
Смятен до чермных бездн; на брег побегло море;
Гиперионов сын средь дня остановил
Бег пышущих коней, доколь с рамен своих
Оружье совлекла божественная дева.
Возрадовался Дий рождением Афины.
О громовержцева эгидоносна дщерь,
Приветствую тебя. Услышь ты голос мой,
И впредь ко мне склоняй твой слух
благоприятный,
Когда я воспою тебе хвалебны песни.

1807 (?)

ГОМЕРОВ ГИМН ДИАНЕ[1]

Златоколчанную Диану воспою,
Стрелолюбивую губительницу ланей,
Звонкоголосую, божественную деву
И златомечного Аполлона сестру.
Она в тени лесов и на холмах ветристых
Преследует зверей; златый напрягши лук,
Крылату мещет смерть. Трепещут главы гор,
И гулы по лесам далеко отдаются
От воющих зверей; страшится вкруг земля
И многорыбный понт. Но с сердцем нестрашимым
Богиня шествует, род скачущих стреляя;
Увеселенная ж стрелянием зверей,
Спустя свой гибкий лук, вступает в дом великий,
Где обитает Фив, ее небесный брат,
В златом обилии Дельфийских древних стен,
И там харит и муз установляет хоры;
Там, свой повесив тул и опущенный лук,
Прелестно облачив божественное тело,
Она становится вождем небесных хоров;
Они ж, от уст своих амврозию лия,
Сереброногую Латону воспевают,
С Зевесом родшую делами славных чад,
Отличных меж богов премудростию их.
Ликуй, бессмертный род Латоны леповласой!
Хвалебну песнь тебе всегда я воспою.

1807 (?)

---

[1] Близкий перевод с подлинника.

ГИМН ВЕНЕРЕ

Пою златовенчанну, прекрасную Венеру,
Защитницу веселых Киприйских берегов,
Куда ее дыханье зефиров тиховейных
На нежной пене моря чрез волны принесло.
Там радостные оры владычицу, встречая,
В небесные одежды спешили облачить;
Власы благоуханны златым венцом покрыли,
Вокруг по нежной вые, по белым раменам
Обвесили монисты, какими оры сами,
Перевивая златом волнистые власы,
Себя изукрашают, идя на пир небесный
В чертог отца Зевеса, в священный лик богов.
Украсив так царицу, возводят в дом бессмертных,
И боги восхищенны, встречая, мать любви
С восторгом окружают, берут за белы руки,
И, очи услаждая все образом Киприды,
Желает в сердце каждый в любовь ее склонить
И девственной супругой возвесть на брачно ложе.
Приветствую тебя я, богиня черноока,
О мать сладкоречива веселий и любви!
Услышь мои ты песни и возлюби меня.

1807 (?)

СЕМЕНОВОЙ

ПРИ ПОСЫЛКЕ ЕЙ ЭКЗЕМПЛЯРА ТРАГЕДИИ „ЛЕАР“

Прими, Корделия, Леара своего:
Он твой, твои дары украсили его.
Как арфа золотая,
Под вдохновенною рукою оживая,
Пленяет нас, разит гармонией своей,
Равно душа твоя, страстями наполняясь,
Так быстро в видах их и звуках изменяясь,
Мертвит нас и живит огнем игры твоей!

. . . .

Могущество даров и прелестей твоих
Обезоружило и критиков моих:
Когда волшебством ты искусства
То раздирала нам, то умиляла чувства,
Как слезы, вестники довольных душ, текли;
Сатира бледная вдали
В смущеньи на тебя в безмолвии взирала,
Невольную слезу, закрывшись, отирала.

Свершай путь начатый, он труден, но почтен;
Дается свыше дар, и всякий дар священ!
Но их природа нам не втуне посылает:
Природа дар дает, а труд усовершает;
Цени его и уважай,
Искусством, опытом, трудом обогащай,
И шествуй гордо в путь, в прекрасный путь —
за славой!
Пусть зависть мрачная вслед за тобой ползет

И дышит на талант бессильною отравой;
Иль пусть с тобою в спор, бесстыдная, дерзнет;
    Ей с шумом пасть под собственным позором!
Лишь ты спокойна будь; и гордо-ясным взором
И светлого чела спокойствием одним
    Ты, как стрелами Аполлона,
Пронзишь исчадие нелепого Тифона!
    Почтенным торжеством таким
Убьешь все козни ты и ревность дерзновенных
    С тобой идти путем одним,
    Соперниц и врагов надменных.

Но как прекрасно, как возвышенно сказать:
    «Врагов я не имею;
Соперниц — я люблю или о них жалею;
Хочу и в славе их участье принимать;
    Одни искусства нас связали:
Хочу я разделить их радость и печали».

Счастлив так мыслящий! Он мир в душе хранит,
А зависть мрачная у ног его лежит.
Так дубы на холмах, соединясь корнями,
Спокойные растут, один другим крепясь;
    И, в ад стопами их упрясь,
Касаются небес их гордыми главами;
Колеблясь бурею дебелые их пни,
Ни под перунами не падают они,
Живут один другим, смеяся над громами;
Но между тем, под их широкими тенями,
    Во прахе видят подлых змей,
Где часто бой они со свистом начинают
    И черной кровию своей
        Их корни обагряют.

1808

ЗАДУМЧИВОСТЬ

Страшна, о задумчивость, твоя власть над душою,
Уныния мрачного бледная мать!
Одни ли несчастные знакомы с тобою,
Что любишь ты кровы лишь их посещать?
Или тебе счастливых невступны чертоги?
Иль вечно врата к ним златые стрегут
Утехи — жилищ их блюстители-боги? —
Нет, твой не в чертогах любимый приют;
Там нет ни безмолвия, ни дум, ни вздыханий.
Хоть есть у счастливцев дни слез и скорбей,
Их стоны не слышимы при шуме ласканий,
Их слезы не горьки на персях друзей.
Бежишь ты их шумных чертогов блестящих;
Тебя твое мрачное сердце стремит
Туда, где безмолвна обитель скорбящих
Иль где одинокий страдалец грустит.
Увы! не на радость приходишь ты к грустным,
Как друг их, любезная сердцу мечта:
Витает она по дубравам безмолвным;
Равно ей пустынные милы места,
Где в думах таинственных часто мечтает
И, дочерь печали, грустит и она;
Но взор ее томный отрадой сияет,
Как ночью осенней в тумане луна;
И грусть ее сладостна, и слезы приятны,
И образ унылый любезен очам;

Минуты бесед ее несчастным отрадны,
И сердцу страдальца волшебный бальзам:
Улыбкой унылое чело озаряя,
Хоть бледной надеждой она их живит
И, робкий в грядущее взор устремляя,
Хоть призраком счастья несчастному льстит.—
Но ты, о задумчивость, тяжелой рукою
Обнявши сидящего в грусти немой
И думы вкруг черные простря над главою,
Заводишь беседы с его лишь тоской;
Не с тем, чтоб усталую грудь от вздыханий
Надежды отрадной лучом оживить;
Нет, призраки грозные грядущих страданий
Ему ты заботишься в думах явить;
И смотришь, как грустного глава поникает,
Как слезы струит он из томных очей,
Которые хладная земля пожирает.
Когда ж, изнуренный печалью своей,
На одр он безрадостный, на одр одинокий
Не в сон, но в забвенье страданий падет,
Когда в его храмину, в час ночи глубокой
Последний друг скорбных — надежда придет,
И с лаской к сиротскому одру приникает,
Как нежная матерь над сыном стоит
И песни волшебные над ним воспевает,
Пока его в тихих мечтах усыпит;
И в миг сей последнего душ наслажденья
И сна ты страдальцу вкусить не даешь:
Перстом, наваждающим мечты и виденья,
Касаясь челу его, сон ты мятешь;
И дух в нем, настроенный к мечтаньям унылым,
Тревожишь, являя в виденьях ночей
Иль бедствия жизни, иль ужас могилы,
Иль призраки бледные мертвых друзей.
Он зрит незабвенного, он глас его внемлет,
Он хочет обнять ему милый призрак —
И одр лишь холодный несчастный объемлет,
И в храмине тихой находит лишь мрак!
Падет он встревоженный и горько прельщенный;
Но сон ему боле не сводит очей.
Так дни начинает он, на грусть пробужденный,
Свой одр одинокий бросая с зарей:

Ни утро веселостью, ни вечер красами
  В нем сердца не радуют: мертв он душой;
При девах ласкающих, в беседе с друзьями,
  Везде, о задумчивость, один он с тобой!

1809

НА СМЕРТЬ ДАНИЛОВОЙ

Амуры, зе́фиры, утех и смехов боги,
И вы, текущие Киприды по следам,
О нимфы легконоги,
Рассеяны в полях, по рощам и холмам,
И с распущёнными хариты поясами,
Стекайтеся сюда плачевными толпами!
Царицы вашей нет! . .
Вот ваше счастие, веселие и свет,
Смотрите — вот она, безгласна, бездыханна,
Лежит недвижима, хладна
И непробудная от рокового сна.

* * *

Данилова! ужели смерть нещадно
Коснулась твоего цветущего чела?
Ужель и ты прешла? . .
Нет, не прешла она, не отнята богами
От непризнательных, бесчувственных людей.
Так, боги, возжелав их мощь явить на ней,
Ущедрили ее небесными дарами:
Вдохнули в вид ее, во все ее черты
Приятность грации, сильнейшу красоты;
Влияли в душу огнь, которого бы сила
Краснее всех речей безмолвно говорила;
Чтоб в даре сем она единственной была,
И смертных бы очам изобразить могла
Искусство дивное, каким дев чистых хоры
На звездных небесах богов пленяют взоры.

Но помраченному ль невежеством уму
Пленяться прелестью небесных дарований?
Нет, счастие сие лишь суждено тому,
Кто сам дары приял и свет обрел познаний;
А ты, Данилова, в час жизни роковой
Печальну истину, что боле между нами
Богатых завистью, убогих же дарами,
Печальным опытом познала над собой.
Едва на поприще со славой ты ступила,
И утро дней твоих, как ядом, отравила
Завистная вражда!
От наших взоров ты сокрылась, как звезда,
Котора, в ясну ночь по небу пролетая
И взоры путников сияньем изумляя,
Во мраке исчезает вдруг
И в думу скорбную их погружает дух.
Кто вспомнит о тебе без слезного жаленья?
Бог скуп в таких дарах
И шлет их изредка людей для украшенья.
Но что теперь в слезах? ..
Она уж там, где нет ни слез, ни сокрушений,
Ни злобы умыслов, ни зависти гонений;
Она в хор чистых дев к Олимпу пренеслась
И в вечну цепь любви с харитами сплелась.

1810

ДРУЖБА

К БАТЮШКОВУ

Дни юности, быстро, вы быстро промчались!
Исчезло блаженство, как призрак во сне!
А прежние скорби на сердце остались;
К чему же и сердце оставлено мне?

Для радостей светлых оно затворилось;
Ему изменила младая любовь!
Но если бы сердце и с дружбой простилось,
Была бы и жизнь мне дар горький богов!

Остался б я в мире один, как в пустыне;
Один бы все скорби влачил я стеня.
Но верная дружба дарит мне отныне,
Что óтняла, скрывшись, любовь у меня.

Священною дружбой я всё заменяю:
Она мне опора под игом годов,
И спутница будет к прощальному краю,
Куда нас так редко доводит любовь.

Как гордая сóсна, листов не меняя,
Зеленая в осень и в зиму стоит,
Равно неизменная дружба святая
До гроба живительный пламень хранит.

Укрась же, о дружба, мое песнопенье,
    Простое, внушенное сердцем одним;
Мой голос, как жизни я кончу теченье,
    Хоть в памяти друга да будет храним.

1810

ОТВЕТ

НА ПОСЛАНИЕ ГР. Д. И. ХВОСТОВА, НАПЕЧАТАННОЕ 1810 ГОДА

Мне можно ли, Хвостов, любовью льститься муз?
Мне можно ли вступать с бессмертными в союз,
Когда и смертных дев пленить я не умею?
И дурен я, и хвор, и денег не имею.
Но если б я расцвел и к чуду стал богат —
Парнасских дев дары земные не прельстят:
Они красавицы не нынешнего века,
Они всегда глядят на душу человека;
И если чистая души в нем глубина
Священным от небес огнем озарена,
Коль дух в нем пламенный, восторгом окрыленный,
И к небу звездному парит неутомленный
И погружается бестрепетный во ад,—
Сей смертный чистых дев везде преклонит взгляд.
И рыбарь, даром сим ущедренный от неба,
У хладных вод Невы пленил и муз и Феба.
Мне, изволением всеправящих богов,
Не суждено в удел сих выспренних даров.
Мой дух лишь воспален любовию к наукам,
К священной истине, златыя лиры к звукам;
И счастлив, чувствуя волшебну сладость их.
Они отрада мне в прискорбных днях моих:
Восторженной душой при гласе лир священных
Живой я восхожу на пир богов блаженных!
Хвалюсь сим счастием, но в нем весь мой удел
И перейти его напрасно б я хотел;
А кто, горя одним честолюбивым жаром,
Дерзает, Фебовым его считая даром,

Идти поэтам вслед — стремится тот всегда
По славным их следам искать себе стыда.
Но ты, о ревностный поклонник Аполлона,
Стремись, Хвостов, им вслед к вершинам Геликона,
Куда наш невский бард, Державин, как орел,
Чрез многотрудный путь столь быстро прелетел.
Я ж, тихомолком жизнь неведому свершая
И древнего певца глас робко повторяя,
Ни славы не добьюсь, ни денег не сберу
И, вопреки тебе, с стихами весь умру.

Нет, нет, я не хочу быть мучеником славы,
И все твои, Хвостов, советы как ни правы,
Слепому Плутусу я также не слуга: [1]
Давно он чести враг, а честь мне дорога.
Нет, лучше темною пойду своей стезею,
Хоть с сумкой за плечьми, но с чистою душою.
Когда же парки мне прядут с кострицей нить,
Ее терпением я стану золотить,
И, злобный рок поправ, без страха и без стона
Увижу дикий брег скупого Ахерона!
Дотоле ж об одном молю моих пенат:
Да в свежести мой ум и здравие хранят,
И в дни, как сердце мне кровь хладная обляжет,
Как старость мрачная мои все чувства свяжет,
Да боги мне тогда велят оставить мир,
Чтоб боле я не жил бесчувствен к гласу лир.

1810 (?)

---

[1] В послании сочинитель шутя предлагал мне войти в откупы.

ГРАФУ***
КОТОРЫЙ, ВОСХИЩАЯСЬ ИГРОЮ ТРАГИЧЕСКОЙ АКТРИСЫ СЕМЕНОВОЙ, ГОВОРИЛ МНЕ, ЧТО САМ АПОЛЛОН УЧИТ ЕЕ

Известно, граф, что вам приятель Аполлон.
Но если этот небожитель
(Знать, есть и у богов тщеславие свое)
Шепнул вам, будто он
Семеновой учитель,
Не верьте, граф, ему: спросите у нее.

1810 (?)

ПОДРАЖАНИЕ ГОРАЦИЮ

Musis amicus.[1] Кн. I, од. XXVI

А. Н. О.

Питомец пиерид — и суеты и горе
Я ветрам отдаю, да их поглотит море!
И, чужд мирских цепей,
В моей свободной доле
Я не страшусь царей,
Дрожащих на престоле;
Но Дия чту и муз и Фебовых жрецов.
О веселящаясь на высоте холмов
Или в тени долин пространных,
Где сребреный шумит поток,
Нарви цветов благоуханных
И свей, пиéрида, достойному венок.
Незвучен песней глас, тобой не вдохновенных;
Коснися ж струн моих волшебной ты рукой
И мужа возвеличь бессмертною хвалой,
Достойного тебя и сестр твоих священных.

1812

---

[1] Друг муз (латинск.).— *Ред.*

ЦИКЛОП

ФЕОКРИТОВА ИДИЛЛИЯ, ПРИНОРОВЛЕННАЯ К НАШИМ НРАВАМ

Предисловие

Переводчик эклог Виргилиевых и идиллий Феокритовых, в Москве напечатанных, страдания от любви Феокритова Циклопа так описывает:

Цвет юности алой угас, и кудри не вьются.

И прибавляет: «от горести вянет лицо и кудри не вьются». Стих сей, незнакомый Феокриту, знаком каждому русскому, он из песни. Не знаю, кто как другой, а я думаю, что переводчику хотелось Циклопа сицилийского сделать московским. Эта благородная смелость мне очень полюбилась, я, подражая московскому переводчику, отложил старинные предрассудки, что в переводе древних должно рабски сохранять физиономию и характер,— оставил такое мнение писателям малодушным, пустился по следам московского переводчика и, смею сказать, был счастливее его. Мой Циклоп есть житель петербургский: физиономия его моим читателям должна быть знакома. Об достоинстве перевода, об стихах моих ни слова. Хвалить самому себя в предисловии, писанном от имени издателя, оставляю Делилю и гр. Хвостову.

Хотя, впрочем, для такого предисловия и толь низких похвал и предлагал мне свои услуги некто г. Батюшков, но я очень рад, что предисловие его ко времени издания труда моего не готово, или в самом деле от неумения написать его достойно, как он сам сознавался, или от зависти к новым успехам музы моей. Желаю ему от зависти лопнуть, а читателю веселиться.

Ах, тошно, о Батюшков, жить на свете влюбленным!
Микстуры, тинктуры врачей — ничто не поможет;
Одно утешенье в любви нам — песни и музы;
Утешно в окошко глядеть и песни мурлыкать!
Ты сам, о мой друг, давно знаком с сей утехой;
Ты бросил давно лекарей и к музам прибегнул.

К ним, к ним прибегал Полифем, циклоп
стародавний,
Как сделался болен любовью к младой Галатее.
Был молод и весел циклоп, и вдруг захирел он:
И мрачен, и бледен, и худ, бороды он не бреет,
На кудри бумажек не ставит, волос не помадит;
Забыл, горемычный, и церковь, к обедне не ходит.
По целым неделям сидит в неметеной квартире,
Сидит и в окошко глядит на народ православный;
То ахнет, то охнет, бедняга, и всё понапрасну;
Но стало полегче на сердце, как к музам прибегнул.
Вот раз, у окошка присев и на улицу смотря,
И кó рту приставив ладонь, затянул он уныво
На голос раскатистый «Чем я тебя огорчила?»:
«Ах, чем огорчил я тебя, прекрасная нимфа?
О ты, что барашков нежней, резвее козленков,
Белее и слаще млекá, но горше полыни! . .
Ты ходишь у окон моих, а ко мне не заглянешь;
Лишь зазришь меня, и бежишь, как теленок от волка.
Когда на гостином дворе покупала ты веер,
Тебя я узрел, побледнел, полюбил, о богиня!
С тех пор я не ем и не сплю я, а ты и не тужишь;
Мне плач, тебе смех! . . Но я знаю, сударыня, знаю,
Что нéмил тебе мой наморщенный лоб одноглазый.
Но кто же богаче меня? Пью всякий день кофе,
Табак я с алоем курю, ем щи не пустые;
Квартира моя, погляди ты, как полная чаша!
Есть кошка и моська, часы боевые с кукушкой,
Хотя поизломанный стол, но красного древа,
И зеркало, рот хоть кривит, но зато в три аршина.
А кто на волынке, как я, припевая, играет?
Тебя я, пастушка, пою и в полдень и в полночь,
Тебя, мой ангел, пою на заре с петухами!
Приди, Галатея, тебя угощу я на славу!
На Красный Кабак на лихом мы поедем есть вафли;
Ты станешь там в хоре плясать невинных пастушек;
Я, трубку куря, на ваш хор погляжу с пастухами
Иль с ними и сам я вступлю в состязанье на дудках,
А ты победителя будешь увенчивать вафлей!
Но если, о нимфа, тебе моя рожа противна,
Приди и, в печке моей схватив головешку,
Ты выжги, злодейка, мой глаз, как сердце мне выжгла! . .

О циклоп, циклоп, куда твой рассудок девался?
Опомнись, умойся, надень хоть сюртук, и завейся,
И, выйдя на Невский проспект, пройдись по бульвару,
Три раза кругом обернися и дунь против ветра,
И имя навеки забудешь суровой пастушки.
Мой прадед, полтавский циклоп, похитил у Пана
Сей верный рецепт от любви для всех земнородных».
Так пел горемычный циклоп; и, встав, приоделся,
И, выйдя на Невский проспект, по бульвару прошелся,
Три раза кругом обернулся и нá ветер дунул,
И имя забыл навсегда суровой пастушки.

О Батюшков! станем и мы, если нужда случится,
Себя от любви исцелять рецептом циклопа.

1813

СЕТОВАНИЕ ФЕТИДЫ

НА ГРОБЕ АХИЛЛЕСА

Увы мне, богине, рожденной к бедам!
И матери в грусти, навек безотрадной!
Зачем не осталась, не внемля сестрам,
Счастливою девой в пучине я хладной?
Зачем меня избрал супругой герой?
Зачем не судила Пелею судьбина
Связать свою долю со смертной женой?..

Увы, я родила единого сына!
При мне возрастал он, любимец богов,
Как пышное древо, долин украшенье,
Очей моих радость, души наслажденье,
Надежда ахеян, гроза их врагов!
И сына такого, Геллады героя,
Создателя славы ахейских мужей,
Увы, не узрела притекшего с боя,
К груди не прижала отрады моей!
Младой и прекрасный троян победитель
Презренным убийцею в Трое сражен!
Делами — богов изумивший воитель,
Как смертный ничтожный, землей поглощен!

Зевес, где обет твой? Ты клялся главою,
Что славой, как боги, бессмертен Пелид;
Но рать еще зрела пылавшую Трою,

И Трои рушитель был ратью забыт!
Из гроба был должен подняться он мертвый,
Чтоб чести для праха у греков просить;
Но чтоб их принудить почтить его жертвой,
Был должен, Зевес, ты природу смутить;
И сам, ужасая ахеян народы,
Сном мертвым сковал ты им быстрые воды.[1]

Отчизне пожертвовав жизнью младой,
Что добыл у греков их первый герой?
При жизни обиды, по смерти забвенье!
Что ж божие слово? одно ли прельщенье?
Не раз прорекал ты, бессмертных отец:
«Героев бессмертьем певцы облекают».
Но два уже века свой круг совершают,
И где предреченный Ахиллу певец?
Увы, о Кронид, прельщены мы тобою!
Мой сын злополучный, мой милый Ахилл,
Своей за отчизну сложённой главою
Лишь гроб себе темный в пустыне купил!
Но если обеты и Зевс нарушает,
Кому тогда верить, в кого уповать?
И если Ахилл, как Ферсит, погибает,
Что слава? Кто будет мечты сей искать?
Ничтожно геройство, труды и деянья,
Ничтожна и к чести и к славе любовь,
Когда ни от смертных им нет воздаянья,
Ниже от святых, правосудных богов.

Так, сын мой, оставлен, забвен ты богами!
И памяти ждать ли от хладных людей?
Твой гроб на чужбине, изрытый веками,
Забудется скоро, сровнявшись с землей!
И ты, моей грусти свидетель унылой,
О ульм, при гробнице взлелеянный мной,
Иссохнешь и ты над сыновней могилой;
Одна я останусь с бессмертной тоской!..

---

[1] Безветрие, долго удерживавшее греков от отплытия в домы, истолковано было Калхасом-жрецом как посланное Зевесом, гневным на греков, медливших воздать Ахиллесу честь закланием на гробе его Поликсены, честь, которой он, являясь из гроба грозною тенью, себе требовал.

О, сжалься хоть ты, о земля, надо мною!
И если не можешь мне жизни прервать,
Сырая земля, расступись под живою,
И к сыну в могилу прийми ты и мать!

1815

НОВОСТИ

— Что нового у нас? — «Открыта тьма чудес:
Близ Колы был Сатурн, за Колой Геркулес,
Гора Атлас в Сибири!
Чему ж смеешься ты? . . И музы и Парнас —
Всё было в древности на полюсе у нас.
Гиперборейцы мы,— нас кто умнее в мире! . .
Пиндар учился петь у русских ямщиков! . .
Гомер дикарь, и груб размер его стихов. . .
И нам ли подражать их лирам, петь их складом?. .
У русских балалайка есть! . .
И русские должны, их рода помня честь,
Под балалайки петь гиперборейским ладом!
Вот наши новости. . .»
— Ты, друг мой, дурно спал
И въяве говоришь, что говорил ты в бреде.
«Божуся, автор сам нам это всё читал!»
— Где, в желтом доме? — «Нет, в приятельской
беседе».

1815—1816 (?)

К МОРФЕЮ

Увы! ты изменил мне,
  Нескромный друг, Морфей!
Один ты был свидетель
  Моих сокрытых чувств,
И вздохов одиноких,
  И тайных сердца дум.
Зачем же, как предатель,
  В видении ночном
Святую тайну сердца
  Безмолвно ты открыл?
Зачем, меня явивши
  Красавице в мечтах,
Безмолвными устами
  Принудил всё сказать?
О, будь же, бог жестокий!
  Взаимно справедлив:
Открой и мне взаимно
  В безмолвии, во сне,
О тайных чувствах сердца,
  Сокрытых для меня.
О! дай мне образ милый
  Хоть в призраке узреть,
И, пылкими устами
  Прильнув к ее руке...
Когда увижу розы
  На девственном челе,
Когда услышу трепет
  Счастливой красоты,—

Довольно — всё открыто,
 И сердцу дан ответ!
Довольно — и, счастливец,
 Я богу сей мечты
И жертвы благовонны
 И пурпурные маки
С Авророй принесу!

1816

ПЕРСТЕНЬ

О перстень, часто на руках
Увянувшей любви блестящая примета,
Или залог надежд, лелеемых в сердцах,—
Что скажешь на руке ты у меня, поэта?
Ни слова, никому, как дружбы знак простой.
Но, перстень золотой!
О милый дар волшебницы мне милой!
Ей — выскажи ты всё, тверди ей про меня,
И будь с сего же дня
Мой талисман над ней с неотразимой силой,
Но талисман лишь для меня.

1817

К ***

ТРЕБОВАВШЕЙ ЭКЗЕМПЛЯРА СОЧИНЕНИЙ БАТЮШКОВА

Как? Вы хотите знать, что грации внушали
    Любимцу аонид?
Ужель они вам сами не сказали?
    Нет тайн между харит.

1817 (?)

К ПРОВИДЕНИЮ

Пред богом милости я сердце обнажил:
Он призрел на мое крушенье;
Уврачевал мой дух и сердце укрепил;
Несчастных любит провиденье.

Уже я слышал крик враждебных мне сердец:
Погибни он во мраке гроба!
Но милосердый бог воззвал мне как отец:
«Хвала тебе презренных злоба!

Друзья твои — льстецы, коварство — их язык,
Обман невинности смиренной;
Тот, с кем ты хлеб делил, бежит продать твой лик,
Его коварством очерненной.

Но за тебя на них восстановлю я суд
Необольстимого потомства;
И на челе своем злодеи не сотрут
Печати черной вероломства».

Я сердце чистое, как жертву для небес,
Хранил любви в груди суровой;
И за годы тоски, страдания и слез
Я ждал любви, как жизни новой;

И что ж? произнося обет ее святой,
Коварно в грудь мне нож вонзали;
И, оттолкнув меня, убитого тоской,
На гроб с улыбкой указали.

Увы, минутный гость я на земном пиру,
   Испивши горькую отраву,
Уже главу склонял ко смертному одру,
   Возненавидя жизнь и славу.

Уже в последний раз приветствовать я мнил
   Великолепную природу.
Хвала тебе, мой бог! ты жизнь мне возвратил,
   И сердцу гордость и свободу!

Спасительная длань, почий еще на мне!
   Страх тайный всё еще со мною:
От бури спасшийся пловец и по земле
   Ступает робкою стопою;

А я еще плыву, и бездны подо мной!
   Быть может, вновь гроза их взроет;
Синеющийся брег вновь затуманит мглой
   И свет звезды моей сокроет.

О провидение! ты, ты мой зыбкий челн
   Спасало бурями гонимой;
Не брось еще его, средь новых жизни волн.
   До пристани — уже мне зримой

1819

К ДРУГУ

Когда кругом меня всё мрачно, грозно было,
И разум предо мной свой факел угашал,
Когда надежды луч и бледный и унылой
На путь сомнительный едва мне свет бросал,

В ночь мрачную души, и в тайной с сердцем брани,
Как равнодушные без боя вспять бегут,
А духом слабые, как трепетные лани,
Себя отчаянью слепому предают,

Когда я вызван в бой коварством и судьбою
И предало меня всё в жертву одного,—
Ты, ты мне был тогда единственной звездою,
И не затмился ты для сердца моего.

О, будь благословен отрадный луч мне верный!
Как взоры ангела, меня он озарял;
И часто, от очей грозой закрытый черной,
Сквозь мраки, сладкий свет, мне пламенно сиял!

Хранитель мой! я всё в твоем обрел покрове!
Скажи ж, умел ли я, как муж, стоять в битвé?
О, больше силы, друг, в твоем едином слове,
Чем света целого в презрительной молве!

Ты покровительным был древом надо мною,
Что, гибко зыбляся высокою главой,
Не сокрушается и зеленью густою
Широко стелется над урной гробовой.

Гроза шумела вкруг, всё небо бушевало;
Шаталось дерево до матерого пня;
Но, некрушимое, с любовью покрывало
Ветвями влажными бескровного меня.

Пускай любовь обет священный попирает;
Изменой дружество не очернит себя.
И если верный друг взор неба привлекает,
То небо наградит, и первого тебя!

Всё изменило мне, ты устоял в обете.
О, если мог твое я сердце сохранить,
Не всё, еще не всё я потерял на свете;
Земля пустыней мне еще не может быть.

1819

ОСЕНЬ

Дубравы пышные, где ваше одеянье?
Где ваши прелести, о холмы и поля,
Журчание ключей, цветов благоуханье?
Где красота твоя, роскошная земля?

Куда сокрылися певцов пернатых хоры,
Живившие леса гармонией своей?
Зачем оставили приют их мирных дней?
И всё уныло вкруг — леса, долины, горы!

Шумит порывный ветр между дерев нагих
И, желтый лист крутя, далеко завевает, —
Так всё проходит здесь, явление на миг:
Так гордый сын земли цветет и исчезает!

На крыльях времени безмолвного летят
И старость и зима, гроза самой природы;
Они, нещадные и быстрые, умчат,
Как у весны цветы, у нас младые годы!

Но что ж? крутитесь вы сей мрачною судьбой,
Вы, коих низкие надежды и желанья
Лишь пресмыкаются над бренною землей,
И дух ваш заключат в гробах без упованья.

Но кто за темный гроб с возвышенной душой,
С святой надеждою взор ясный простирает,
С презреньем тот на жизнь, на мрачный мир взирает
И улыбается превратности земной.

Весна украсить мир, ужель не возвратится?
И солнце пало ли на вечный свой закат?
Нет! новым пурпуром восток воспламенится,
И новою весной дубравы зашумят.

А я остануся в ничтожность погруженный,
Как всемогущий перст цветок животворит?
Как червь, сей житель дня, от смерти
пробужденный,
На крыльях золотых вновь к жизни полетит!

Сменяйтесь, времена, катитесь в вечность, годы!
Но некогда весна несменная сойдет!
Жив бог, жива душа! и, царь земной природы,
Воскреснет человек: у бога мертвых нет!

1819

К NN

Когда из глубины души моей угрюмой,
  Где грусть одна живет в тоске немой,
Проступит мрачная на бледный образ мой
  И осенит чело мне черной думой, —
  На сумрачный ты вид мой не ропщи:
Мое страдание свое жилище знает;
Оно сойдет опять во глубину души,
Где, нераздельное, безмолвно обитает.

1819

ПРИЮТИНО

Посвящено Елисавете Марковне Олениной

Еще я прихожу под кров твой безмятежный,
Гостеприимная приютинская сень!
Я, твой старинный гость, бездомный странник
прежний,
Твою приютную всегда любивший тень.

Край милый, сколько раз с тобою я прощался;
Но как проститься с тем, что в нас слилось с душой?
Всё, чем я здесь дышал, чем втайне наслаждался,
Всё неизгла́димо везде ношу с собой!

Есть край, родной мне край зефиров легкокрылых:
Там небо и земля и воздух мне милей!
Но где людей найти, душе моей столь милых?
Где столько сладостных воспоминаний ей?

Здесь часто, удален от городского шума,
Я сердцу тишины искал от жизни бурь;
И здесь, унылая моя светлела дума,
Как неба летнего спокойная лазурь.

Здесь часто по холмам бродил с моей мечтою,
И спящее в глуши безжизненных лесов
Я эхо севера вечернею порою
Будил гармонией Гомеровых стихов.

Вам, дети тайные души моей свободной,
Вам, думы гордые, здесь глас мой жизнь давал;

И, пылкий юноша, ты, друг мой благородный,
Мой слыша смелый стих, кипел и трепетал!

Но чаще, сев я там, под сосной говорливой,
Где с нею шепчется задумчивый ручей,
Один, уединен, в час ночи молчаливой
Беседы долгие вел с думою моей.

О! кто переходил путь бедствий и крушенья,
Тот знает, отчего душа и дума в нас
Влечется в тихие лесов уединенья,
Зачем полуночный, безмолвный любит час.

Так, здесь я не один; здесь всё, чем сердце дышит,
Надежды юности, сердечные мечты,
Всё видит в образе, всего здесь голос слышит,
И ловит милого воздушные черты!

Уединение для сердца не пустыня:
Мечтами населит оно и дикий бор;
И в дебрях сводит с ним фантазия-богиня
Свиданья тайные и тайный разговор.

Пустыня не предел для мысли окрыленной:
Здесь я, невидимый, всё вижу над землей;
Воздушной жизни всей участник сокровенный,
Делюся бытием, живу не сам собой.

Душой сливаюся с лазурью бесконечной,
С златыми звездами, поэзией небес!
С тобой беседую, художник мира вечный!
И с книгой дивною божественных чудес!

Вот чем влеком опять под кров твой безмятежный,
Гостеприимная приютинская сень!
Я, твой старинный гость, бездомный странник
прежний,
Еще мою главу в твою склоняю тень.

Ты тот же всё еще, край мирный и прелестный!
Свежи твои цветы, предел твой так же тих;
Без шума всё течет поток твой неизвестный,
Как счастье скромное властителей твоих.

Но я уже не тот беспечный сын свободы,
Лелеявший мечты дубрав твоих в тиши.
Увы! не многие, но гибельные годы
Умчали молодость и жизнь моей души.

Они затмили свет надежд, меня жививших,
Убили жизнь младых и недоцветших лет.
Ударов роковых, мне мир опустошивших,
На бледном я челе ношу глубокий след.

Но, тщетным ропотом я року не скучая,
Как грусть бессловная, грущу наедине;
Я слезы, пред людьми души не унижая,
Скрыл в их источнике, в сердечной глубине.

Долины мирные, лесов уединенья!
Нет, я не прихожу покой ваш возмутить;
Живой я прихожу искать воды забвенья:
Поток приютинский, мне дай его испить!

Вот здесь я, заключен зеленой сей стеною,
Мой ограничу взор прудом недвижным сим:
С его спокойствием сольюсь моей душою
И обману печаль бесчувствием немым.

Вот здесь семья берез, нависших над водами,
Меня безмолвием и миром осенит;
В тени их мавзолей под ельными ветвями,
Знакомый для души, красноречивый вид!

При нем вся жизнь, как сон, с мечтами убегает,
И мысль покоится, и сердце здесь молчит.
И дружба самая здесь слез не проливает:
О храбром сожалеть ей гордость запретит.

За честь отечества он отдал жизнь тирану,
И русским витязям он может показать
Грудь с сердцем вырванным, прекраснейшую рану,
Его бессмертия кровавую печать! —

Но вечер наступил; вокруг меня молчанье.
О, как торжественна ночная тишина!

И вот, и на леса и на холмы сиянье,
Поднявшись, полная рассыпала луна.

О луч серебряный полночного светила!
Что одинокий ты к груди моей летишь?
Что за волшебная в твоем блистаньи сила?
О луч таинственный, ты что мне говоришь?

Нисходишь ли с высот, сиянием прекрасным
Прекрасный свет иной земле предвозвещать?
Иль утешительный склоняешься к несчастным,
Над бледным их челом надеждою сиять?

Твой свет в меня лиет святое трепетанье!
Резвей волнует кровь вкруг сердца моего!
О мертвом юноше родит воспоминанье!..
Небесный, кроткий луч, ты не душа ль его?

Как гласом ближнего, как друга призываньем
Мой слух ласкается в вечерней тишине!
Мне сердце говорит веселым трепетаньем,
Здесь есть невидимый, но кто-то близкий мне.

О ты, на дружество мне в жизни руку давший!
Я чувствую, ты здесь, небес незримый дух:
О, видим ты душе, тебе не изменявшей,
Не раз являясь ей как утешитель — друг.

Так, если, сбросив прах, дух чистый избирает
Места любезные обителью своей,
Здесь, в сих местах давно дух сына обитает
Незримым гением отеческих полей.

О гость приютинской обители смиренной!
За всё, что в ней найдешь для сердца твоего,
За всё благодари душою умиленной
Благого гения убежища сего.

И если, здесь бродя полуденной порою,
Ты сядешь, утомлен, берез в густой навес,
И вдруг тебе в лицо, горящее от зною,
Прохладою дохнет с незыблемых древес,

То будет он! Здесь он вливает в воздух сладость,
Свежит цветы, луга родных своих полей;
Ниспосылает он и мир на них и радость,
И тихим счастием лелеет их гостей.

О, дай ты, дай и мне, мой дух-благотворитель!
Хотя спокойствием все траты заменить.
Но, верно, не могуч и он, небесный житель,
Утраченного здесь для смертных возвратить.

Он не забыл того, чьей арфой тихострунной
Слух юный услаждать любил в земной стране,
Но, лишь являяся в виденьях ночи лунной,
На небо грустному указывает мне.

1820

К И. А. КРЫЛОВУ[1]

Сосед, ты выиграл! скажу теперь и я;
Но бог тебе судья,
Наверную поддел ты друга!
Ты, с музой Греции и день и ночь возясь,
И день и ночь не ведая досуга,
Блажил, что у тебя теперь одна и связь
С Плутусом и Фортуной;
Что музою тебе божественная лень,
И что тобой забыт звук лиры златострунной:
Сшутил ты басенку, любезный Лафонтень!
К себе он заманив Гомера, Ксенофона,
Софокла, Пиндара и мудреца Платона,
Два года у ночей сон сладкий отнимал,
Ленивец,
Чтоб старых греков обобрать;
И к тайнам слова их ключ выиграл, счастливец!
Умен, так с умными он знал на что играть.
Крылов, ты выиграл богатства,
Хотя не серебром —
Не в серебре же все приятства,—
Ты выиграл таким добром,
Которого по смерть, и как ни расточаешь,
Ни проживешь, ни проиграешь.

1820

---

[1] И. А. Крылов в течение двух лет изучил сам собою древний греческий язык; но, во все это время скрывая от меня свои занятия и уверяя, что он ничего более не делает, как играет в карты, наконец, к изумлению моему, обнаружил свои сведения очень забавно.

К И. А. КРЫЛОВУ,

ПРИГЛАШАВШЕМУ МЕНЯ ЕХАТЬ С НИМ В ЧУЖИЕ КРАЯ

Надежды юности, о милые мечты,
Я тщетно вас в груди младой лелеял!
Вы не сбылись! как летние цветы
Осенний ветер вас развеял!
Свершен предел моих цветущих лет;
Нет более очарований!
Гляжу на тот же свет —
Душа моя без чувств, и сердце без желаний!
Куда ж, о друг, лететь, и где опять найти,
Что годы с юностью у сердца похищают?
Желанья пылкие, крылатые мечты,
С весною дней умчась, назад не прилетают.
Друг, ни за тридевять земель
Вновь не найти весны сердечной.
Ни ты, ни я — не *Ариель*,[1]
Эфира легкий сын, весны любимец вечный.
От неизбежного удела для живых
Он на земле один уходит;
Утраченных, летучих благ земных,
Счастливец, он замену вновь находит.
Удел прекраснейший судьба ему дала,
Завидное существованье!
Как златокрылая пчела,
Кружится *Ариель* весны в благоуханьи;
Он пьет амврозию цветов,
Перловые Авроры слезы;

[1] Маленький воздушный гений.

Он в зной полуденных часов
Прильнет и спит на лоне юной розы.
Но лишь приблизится ночей осенних тьма,
Но лишь дохнет суровая зима,
Он с первой ласточкой за летом улетает;
Садится радостный на крылышко ея,
Летит он в новые, счастливые края,
Весну, цветы и жизнь всё новым заменяет.
О, как его судьба завидна мне!
Но нам ее в какой искать стране?
В какой земле найти утраченную младость?
Где жизнию мы снова расцветем?
О друг, отцветших дней последнюю мы радость
Погубим, может быть, в краю чужом.
За счастием бежа под небо мы чужое,
Бросаем дома то, чему замены нет:
Святую дружбу, жизни лучший цвет
И счастье душ прямое.

Приютино. 1821

АРФА ДАВИДА

Разорваны струны на арфе забвенной
Царя-песнопевца, владыки народов, любимца небес!
Нет более арфы, давно освященной
Сынов иудейских потоками слез!
О, сладостны струн ее были перуны!
Рыдайте, рыдайте! на арфе Давида разорваны струны!

Гармонией сладкой она проницала
Железные души, медяные груди суровых людей;
Ни слуха, ни сердца она не встречала,
Чтоб их не восхитить до звездных полей
Чудесным могуществом струнного звона.
Священная арфа Давида сильнее была его трона.

Вслух миру царя она славу гремела;
Величила в песнях могущество бога, его чудеса;
Веселием полнила грады и села,
И двигала горы и кедров леса;
Все песни ее к небесам возвышались,
И там, возлетевши, под скинией бога навеки остались.

С тех пор на земле их не слышно, небесных.
Но кроткая вера еще восхищает слух кротких сынов
Мелодией сладкой тех звуков чудесных:
Они, как от звездных слетая кругов,
Лелеют их души небесными снами,
Которых не может и солнце разрушить златыми лучами.

1821

ВОЕННЫЙ ГИМН ГРЕКОВ

(СОЧИНЕНИЕ РИГИ)

Воспряньте, Греции народы!
  День славы наступил.
Докажем мы, что грек свободы
  И чести не забыл.
Расторгнем рабство вековое,
  Оковы с вый сорвем;
Отмстим отечество святое,
  Покрытое стыдом!
К оружию, о греки, к бою!
  Пойдем, за правых бог!
И пусть тиранов кровь — рекою
  Кипит у наших ног!

О тени славные уснувших
  Героев, мудрецов!
О геллины веков минувших,
  Восстаньте из гробов!

При звуке наших труб летите
  Вождями ваших чад;
Вам к славе путь знаком — ведите
  На семихолмный град!
К оружию, о греки, к бою!
  Пойдем, за правых бог!
И пусть тиранов кровь — рекою
  Кипит у наших ног!

О Спарта, Спарта, мать героев!
  Что рабским сном ты спишь?
Афин союзница, услышь
  Клич мстительных их строев!
В ряды! и в песнях призовем
  Героя Леонида,
Пред кем могучая Персида
  Упала в прах челом.
К оружию, о греки, к бою!
  Пойдем, за правых бог!
И пусть тиранов кровь — рекою
  Кипит у наших ног!

Вспомним, братья, Фермопилы,
  И за свободу бой!
С трехстами храбрых — персов силы
  Один сдержал герой;
И в битве, где пример любови
  К отчизне — вечный дал,
Как лев он гордый — в волны крови
  Им жертв раздранных пал!
К оружию, о греки, к бою!
  Пойдем, за правых бог!
И пусть тиранов кровь — рекою
  Кипит у наших ног!

1821

КУЗНЕЧИК

ИЗ АНАКРЕОНА

О счастливец, о кузнечик,
На деревьях на высоких
Каплею росы напьешься,
И как царь ты распеваешь.
Всё твое, на что ни взглянешь,
Что в полях цветет широких,
Что в лесах растет зеленых.
Друг смиренный земледельцев,
Ты ничем их не обидишь;
Ты приятен человекам,
Лета сладостный предвестник;
Музам чистым ты любезен,
Ты любезен Аполлону:
Дар его — твой звонкий голос.
Ты и старости не знаешь,
О мудрец, всегда поющий,
Сын, жилец земли невинный,
Безболезненный, бескровный,
Ты почти богам подобен!

1822

ТЕРЕНТИНСКАЯ ДЕВА

(ИЗ АНДР. ШЕНЬЕ)

Стенайте, алкионы!
О птицы нежные, любимицы наяд,
Стенайте! ваши стоны
Окрестные брега и волны повторят.

•

Не стало, нет ее, прекрасной Эвфрозины!
Младую нес корабль на берег Камарины;
Туда ее Гимен с любовью призывал:
Невесту там жених на праге дома ждал.
При ней, на брачный день, хранил ковчег кедровый,
Одежды светлые и девы пояс новый,
И перлы для груди, и злато для перстов,
И благовонные мастики для власов.
Но, как Ниобы дочь, невинная душою,
На путь покрытая одеждою простою,
Фиалковым венком и ризою льняной,
На палубе, одна, стояла, и мольбой
Звала попутный ветр и мирные светила.
Но вихорь налетел и, грянувши в ветрила,
Невесту обхватил, корабль качнул: о страх!
Она уже в волнах!..

Она уже в волнах, младая Эвфрозина!
Помчала мертвую глубокая пучина.
Фетида, сжаляся, ее из бездн морских
Выносит бледную в объятиях своих.

На крик сестры, толпой, сквозь влажные громады,
Всплывают юные поверх зыбей наяды;
Несут бездушную, кладут под кипарис;
Там — принял девы прах зефиров тихий мыс;
Там — нимфы, воплями собрав подруг далеких,
И нимф густых лесов, и нимф полей широких,
И, распустив власы, над холмом гробовым
Весь огласили брег стенанием своим.

Увы! напрасно ждал тебя жених печальный;
Ты не украсилась одеждою венчальной;
Твой перстень с женихом тебя не сочетал,
И кудрей девственных венец не увенчал!

1822

В АЛЬБОМ ШИМАНОВСКОЙ

(славной музыкантши)

Как в громе звонких арф цевницы тихий стон,
И одинокий и унылый,
Как между гробовых сияющих колонн
Простая урна над могилой
Склоняют в тихую задумчивость сердца,—
Так неизвестного тебе певца
Здесь, между песнями Камены вдохновенной,
Быть может, взор твой привлечет
И хоть задумчивость на сердце наведет
Сей стих уединенный.

1822—1823 (?)

МЕЛОДИЯ

Душе моей грустно! Спой песню, певец!
Любезен глас арфы душе и унылой.
Мой слух очаруй ты волшебством сердец,
Гармонии сладкой всемощною силой.

Коль искра надежды есть в сердце моем,
Ее вдохновенная арфа пробудит;
Когда хоть слеза сохранилася в нем,
Прольется, и сердце сжигать мне не будет.

Но песни печали, певец, мне воспой:
Для радости сердце мое уж не бьется;
Заставь меня плакать; иль долгой тоской
Гнетомое сердце мое разорвется!

Довольно страдал я, довольно терпел;
Устал я! — Пусть сердце или сокрушится
И кончит земной мой несносный удел,
Иль с жизнию арфой златой примирится.

1824

ИНОСТРАНЦАМ ГОСТЯМ МОИМ

Приветствую гостей от сенских берегов!
Вот скифского певца приют уединенный:
Он, как и всех певцов,
Чердак возвышенно-смиренный.
Не красен, темен уголок,
Но видны из него лазоревые своды;
Немного тесен, но широк
Певцу для песней и свободы!
Не золото, не пурпур по стенам;
Опрятность — вот убор моей убогой хаты.
Цевница, куст цветов и свитки по столам,
А по углам скудельные пенаты —
Вот быт певца; он весь — богов домашних дар;
Убогий счастием, любовью их богатый,
Имею всё от них, и всё еще без траты:
Здоровье, мир души и к песням сладкий жар.
И если ты, поэт, из песней славянина
Нашел достойные отечества Расина
И на всемирный ваш язык их передал,[1]
Те песни мне — пенат Гомер внушал.
Воздайте, гости, честь моим богам домашним
Обычаем, у скифов нас, всегдашним:
Испей, мой гость, заветный ковш до дна
Кипучего задонского вина;

---

[1] Он переводил отрывки из русских писателей.

А ты, о гостья дорогая,
И в честь богам,
И в здравье нам,
Во славу моего отеческого края,
И славу Франции твоей,
Ковш меда русского, душистого испей.
А там усядемся за стол мой ненарядный,
Но за кипучий самовар.
О други, сладостно питать беседы жар
Травой Китая ароматной!
Когда-нибудь и вы в родимой стороне,
Под небом сча́стливым земли свободной вашей,
В беседах дружеских воспомните о мне;
Скажите: скиф сей был достоин дружбы нашей:
Как мы, к поэзии любовью он дышал,
Как мы, ей лучшие дни жизни посвящал,
Беседовал с Гомером и природой,
Любил отечество, но жил в нем не рабом,
И у себя под тесным шалашом
Дышал святой свободой.

1824

НА СМЕРТЬ***

Цвела и блистала
И радостью взоров была;
Младенчески жизнью играла
И смерть, улыбаясь, на битву звала;
И вызвав, без боя, в добычу нещадной,
С презрением бросив покров свой земной,
От плачущей дружбы, любви безотрадной
В эфир унеслася крылатой душой.

1824

К П. А. ПЛЕТНЕВУ

Ответ на его послание

Мой друг! себе не доверять —
Примета скромная питомца муз младого.
Так юные орлы, с гнезда слетев родного,
Полета к солнцу вдруг не смеют испытать;
Парят, но по следам отцов ширококрылых,—
Могучих гениев дерзая по следам,
Вверялся ты младым еще крылам,
Но в трудных опытах не постыдил их силы.
На что ж ты одарен сей силой неземной?
Чтоб смелое внушать другим лишь помышленье?
Чтоб петь великих душ победы над судьбой,
А первому бледнеть под первою грозой
И дать в певце узреть души его паденье? . .
Мужайся, друг! главы под громом не склоняй,
Ознаменованной печатию святою;
Воюй с враждебною судьбою,
И гордым мужеством дух юный возвышай:
Муж побеждает рок лишь твердою душою.
Гордись, певец, высок певцов удел!
Земная власть его не даст и не отнимет.
Богатство, знатность, честь — могила их предел;
Но дара божия мрак гроба не обнимет.
Богач, склоняй чело пред Фебовым жрецом:
Он имя смертное твое увековечит,
И в мраке гробовом
Он дань тебе потомства обеспечит.

Что был бы гордый Меценат
Без песней Флакка и Марона?
В могилу брошенный из золотых палат,
Бесславный бы рыдал, бродя у Ахерона,
Рыдал бы он, как бедный дровосек,
Который весь свой темный век
Под шалашом свое оплакивает бедство,
Печальное отцов наследство!
И ты, богини сын, и ты, Пелид герой!
Лежал бы под землей немой,
Как смертный безыменный,
И веки долгие забвения считал,
Когда б пророк Хиоса вдохновенный
Бессмертием тебя не увенчал.

От муз и честь и слава земнородным.
Гордись, питомец муз, уделом превосходным!
Но если гений твой,
Разочарованный и небом нашим хладным,
И хладом душ, не с тем уж духом, славы жадным,
Глядит на путь прекрасный свой,
Невольно унывает
И крылья опускает,
Убийственным сомненьем омрачен,
Не тщетно ли вступил на путь опасный он?
Не тщетно ли себя ласкал венком поэта?
И молча ждет нельстивого ответа...
Мой друг, не от толпы и грубой и слепой
Владыка лиры вдохновенной
Услышит суд прямой
И голос истины священной,
И не всегда его услышит от друзей:
Слепые мы рабы слепых своих страстей;
Пристрастен, друг, и я к стихам друзей-поэтов;
Прощаю грешный стих за слово для души.
Счастлив, кто сам, страстей своих в тиши,
Пристрастье дружеских почувствует советов;
Сам поэтических судья грехов своих,
Марает часто он хваленый другом стих.
О! есть, мой друг, и опыт убеждает,
Есть внутренний у нас,
Не всеми слышимый, мгновенный, тихий глас:

Как верно он хулит, как верно одобряет!
Он совесть гения, таланта судия.
Счастлив, кто голос сей бессловный понимает;
Счастлив Димитриев: что у него друзья
В стихах превозносили,
То чувства строгие поэта осудили.[1]
Любимцем муз уверен я,
Что наша совесть нам есть лучший судия.
Доверенность к друзьям, но не слепая вера.
Кто нашим слабостям из дружбы не ласкал?
А иногда — из видов, я слыхал.
«Быть может, юноша трубой Гомера
В России загремит,—
Тогда и я с потомством отдаленным
Жить буду именем, для рифмы в стих вмещенным.
Поклонник, друг певца, я буду ль им забыт!»
Вот для чего ничтожный Эполетов
Так набивается на дружество поэтов.
Кто жаждет в памяти людей
Оставить по себе след бытия земного,
Жизнь благородных дум и чувств души своей
Бессмертию предать могучим даром слова,—
Не от ласкательных друзей
Тот ожидай ответа,
Горит ли в нем священный огнь поэта;
Испытывай себя
Не на толпе слепой народа —
Есть беспристрастнейший поэтов судия,
Их мать, их первая наставница — природа.
Предстань перед лицо ея
В честь солнцева торжественного всхода,
Когда умытая душистою росой
Является со всей роскошной красотой
Бессмертно-юная природа,
Или в тот час, когда и ночь и тишина
Ленивым сном смыкает смертных очи:
Природа лишь под кровом ночи,
Как непорочная, прекрасная жена,
Любимцу тайные красы разоблачает.

[1] И. И. Дмитриев многие целые пьесы уничтожил в последнем издании своих стихотворений.

Пусть гений твой природу вопрошает;
И если ты достойный неофит,
Она к тебе заговорит
Своим простым, но черни непонятным,
Красноречивейшим для сердца языком;
И если в сердце он откликнется твоем
Глубоким трепетом, душе поэта внятным;
И если по тебе внезапно пробежит
Священный холод исступленья,
И дух твой закипит
Живою жаждой песнопенья,—
Рукою смелою коснися струн немых:
Они огнем души зажгутся,
Заговорят, и от перстов твоих
Живые песни разольются.

1824

Любовью пламенной отечество любя,
Всё в жертву он принес российскому народу:
Богатство, счастье, мать, жену, детей, свободу
И самого себя!..

1826 (?)

ТРОИЦА НА МАСЛЕНОЙ НЕДЕЛЕ[1]

На масленой неделе
В смиренный угол мой влетели
Три красоты,
Прелестные, как сестры Феба!
И чем-то неземным дышали их черты;
Над головами их играло пламя неба.
Одна — душой лица, могуществом очей
Не говоря, для сердца говорила
Сильнее всех речей!
Другая — лишь вступила,
И я узнал тебя, владычица сердец,
Тебя, прекрасная царица русской сцены!
А третья дочерью казалась Мельпомены,
И обвивал чело ей Талии венец;
Веселый ум сверкал из быстрых взоров,
В устах дышала жизнь и прелесть разговоров.
Они явилися втроем, рука с рукой,
Рука с рукой и улетели.
И видел я даров союз святой,
Я видел Троицу на масленой неделе,
И молвил я: о тройственный союз
Цариц по дарованью!
Да сохранится святость ваших уз
Наперекор враждебному желанью;

---

[1] На приезд ко мне Семеновой старш. *вместе* с обеими Колосовыми: союз дарований, по тогдашним их отношениям неожиданный.

Пусть лопнет завистью раздутый человек
Скорей, чем разорвет вам узы золотые;
И будете вы троицей в России
И поклоняемой и славимой вовек!

1826

МЕДВЕДЬ

Медведя по дворам цыган водил плясать.
В деревне русскую медведь увидев пляску,
Сам захотел ее, затейник, перенять.
Медведи, нечего сказать,
Ловки перенимать.
Вот раз, как днем цыган на солнце спал врастяжку,
Мой Мишенька поднялся на дыбки,
Платок хозяйский взял он в лапу,
Из-под цыгана вынул шляпу,
Набросил набекрень, как хваты-ямщики,
И, топнувши ногой, медведь плясать пустился.
«А, каково?» — Барбосу он сказал.
Барбос вблизи на этот раз случился;
Собака — умный зверь, и пляски он видал.
«Да плохо!» — пес Барбос медведю отвечал.
«Ты судишь строго, брат!» — собаке молвил
Мишка.—
Я чем не молодцом пляшу?
Чем хуже, как вчера плясал ямщик ваш Гришка?
Гляди, как ловко я платком машу,
Как выступаю важно, плавно! . .»
«Ай, Миша! славно, славно!
Такого плясуна
Еще не видела вся наша сторона!
Легок ты, как цыпленок!» —
Так крикнул мимо тут бежавший поросенок:
Порода их, известно, как умна!
Но Миша,
Суд поросенка слыша,

Задумался, вздохнул, трудиться перестал
И, с видом скромным, сам с собою бормотал:
«Хулит меня собака, то не чудо;
Успеху сам не очень верил я;
        Но если хвалит уж свинья —
            Пляшу я, верно, худо!»

Быть может, и людьми за правило взято
        Медвежье слово золотое:
Как умный что хулит, наверно худо то;
        А хвалит глупый — хуже вдвое!

1827

ТАНТАЛ И СИЗИФ В АДЕ

(Из Одиссеи. Песнь XI, ст. 581)

После увидел я Тантала; горькую муку он терпит:
В озере старец стоит, и вода к подбородку доходит;
Но, сгорая от жажды, напиться страдалец не может:
Каждый раз, лишь наклонится старец, напиться пылая,
Вдруг пропадает вода поглощенная; он под ногами
Видит лишь землю черную: демон ее иссушает.
Вкруг над его головою деревья плоды преклоняли,
Груши, блестящие яблоки, полные сока гранаты,
Яркозеленые маслин плоды и сладкие смоквы;
Но как скоро их старец рукою схватить устремлялся,
Ветер отбрасывал их, подымая до облаков темных.

Там и Сизифа узрел я; жестокие муки он терпит:
Тяжкий, огромный руками обеими камень катает:
Он и руками его и ногами, что сил подпирая,
Катит скалу на высокую гору; но чуть на вершину
Чает вскатить, как назад устремляется страшная тягость;
Снова на дол, закрутившися, падает камень коварный.
Снова тот камень он катит и мучится; льется ручьями
Пот из составов страдальца, и пыль вкруг главы его вьется.

1827

НА СМЕРТЬ БАРОНА А. А. ДЕЛЬВИГА

Милый, младой наш певец! на могиле, уже мне грозившей,
Ты обещался воспеть дружбы прощальную песнь; [1]
Так не исполнилось! Я над твоею могилою ранней
Слышу надгробный плач дружбы и муз и любви!
Бросил ты смертные песни, оставил ты бренную землю,
Мрачное царство вражды, грустное светлой душе!
В мир неземной ты унесся, небесно-прекрасного алчный;
И как над прахом твоим слезы мы льем на земле,
Ты, во вратах уже неба, с фиалом бессмертия в длани,
Песнь несловесную там с звездами утра поешь!

1831

---

[1] Покойный Дельвиг, во время опасной моей болезни, в дружеских разговорах, обещал написать стихи в случае смерти моей.

К НЕМУ ЖЕ,
ПРИ ПОГРЕБЕНИИ

Друг, до свидания! Скоро и я наслажусь моей частью:
Жил я, чтобы умереть; скоро умру, чтобы жить!

1831

А. С. ПУШКИНУ,

ПО ПРОЧТЕНИИ СКАЗКИ ЕГО О ЦАРЕ САЛТАНЕ И ПРОЧ.

Пушкин, Протей
Гибким твоим языком и волшебством твоих песнопений!
Уши закрой от похвал и сравнений
Добрых друзей;
Пой, как поешь ты, родной соловей!
Байрона гений, иль Гете, Шекспира,
Гений их неба, их нравов, их стран —
Ты же, постигнувший таинство русского духа и мира,
Пой нам по-своему, русский баян!
Небом родным вдохновенный,
Будь на Руси ты певец *несравненный*.

23 апреля 1832

Пушкин, прийми от Гнедича два в одно время привета:
Первый привет с новосельем; при нем, по обычаю предков,
Хлеб-соль прийми ты, в образе гекзаметрической булки; [1]
А другой привет мой — с счастьем отца, тебе новым,
Сладким, прекрасным и самой любви удвояющим сладость!

Мая 26 1832

---

[1] Она, как часто случается и с гекзаметрами, изломалась.

ДУМА

Печален мой жребий, удел мой жесток!
    Ничьей не ласкаем рукою,
От детства я рос одинок, сиротою:
    В путь жизни пошел одинок;
Прошел одинок его — тощее поле,
На коем, как в знойной ливийской юдоле,
Не встретились взору ни тень, ни цветок;
    Мой путь одинок я кончаю,
    И хилую старость встречаю
    В домашнем быту одинок:
Печален мой жребий, удел мой жесток!

1832

ДУМА

Кто на земле не вкушал жизни на лоне любви,
Тот бытия земного возвышенной цели не понял;
Тот предвкусить не успел сладостной жизни *другой:*
Он, как туман, при рождении гибнущий, умер, не живши.

1832

КАВКАЗСКАЯ БЫЛЬ

Кавказ освещается полной луной;
Аул и станица на горном покате
Соседние спят; лишь казак молодой,
Без сна, одинокий, сидит в своей хате.

Напрасно, казак, ты задумчив сидишь,
И сердца биеньем минуты считаешь;
Напрасно в окно на ручей ты глядишь,
Где тайного с милой свидания чаешь.

Желанный свидания час наступил,
Но нет у ручья кабардинки прекрасной,
Где счастлив он первым свиданием был
И первой любовию девы, им страстной;

Где, страстию к деве он сам ослеплен,
Дал клятву от веры своей отступиться,
И скоро принять Магометов закон,
И скоро на Фати прекрасной жениться.

Глядит на ручей он, сидя под окном,
И видит он вдруг, близ окна, перед хатой,
Угрюмый и бледный, покрыт башлыком,
Стоит кабардинец под буркой косматой.

То брат кабардинки, любимой им, был,
Давнишний кунак казаку обреченный;

Он тайну любви их преступной открыл:
Беда кабардинке, яуром прельщенной!

«Сестры моей ждешь ты? — он молвит.—
Сестра
К ручью за водой не пойдет уже, чаю;
Но клятву жениться ты дал ей: пора!
Исполни ее... Ты молчишь? Понимаю.

Пойми ж и меня ты. Три дня тебя ждать
В ауле мы станем; а если забудешь,
Казак, свою клятву,— пришел я сказать,
Что Фати в день третий сама к нему будет».

Сказал он и скрылся. Казак молодой
Любовью и совестью три дни крушится.
И как изменить ему вере святой?
И как ему Фати прекрасной лишиться?

И вот на исходе уж третьего дня,
Когда он, размучен тоскою глубокой,
Уж в полночь, жестокий свой жребий кляня,
Страдалец упал на свой одр одинокий,—

Стучатся; он встал, отпирает он дверь;
Вошел кабардинец с мешком за плечами;
Он мрачен как ночь, он ужасен как зверь,
И глухо бормочет, сверкая очами:

«Сестра моя здесь, для услуг кунака»,—
Сказал он и стал сопротиву кровати,
Мешок развязал, и к ногам казака
Вдруг выкатил мертвую голову Фати.

«Для девы без чести нет жизни у нас;
Ты — чести и жизни ее похититель —
Целуйся ж теперь с ней хоть каждый ты час!
Прощай! я — кунак твой, а бог — тебе мститель!»

На голову девы безмолвно взирал
Казак одичалыми страшно очами;
Безмолвно пред ней на колени упал,
И с мертвой — живой сочетался устами...

Сребрятся вершины Кавказа всего;
Был день; к перекличке, пред дом кошевого,
Сошлись все казаки, и нет одного —
И нет одного казака молодого!

ЛАСТОЧКА

Ласточка, ласточка, как я люблю твои вешние песни!
Милый твой вид я люблю, как весна и живой и веселый!
Пой, весны провозвестница, пой и кружись надо мною;
Может быть, сладкие песни и мне напоешь ты на душу.

Птица, любезная людям! ты любишь сама человека;
Ты лишь одна из пернатых свободных гостишь в его доме;
Днями чистейшей любви под его наслаждаешься кровлей;
Дружбе его и свой маленький дом и семейство вверяешь,
И, зимы лишь бежа, оставляешь дом человека.
С первым паденьем листов улетаешь ты, милая гостья!
Но куда? за какие моря, за какие пределы
Странствуешь ты, чтоб искать обновления жизни
прекрасной,
Песней искать и любви, без которых жить ты не можешь?
Кто по пустыням воздушным, досель не отгаданный нами,
Путь для тебя указует, чтоб снова пред нами являться?
С первым дыханьем весны ты являешься снова, как с неба,
Песнями нас привечать с воскресеньем бессмертной
природы.
Хату и пышный чертог избираешь ты, вольная птица,
Домом себе; но ни хаты жилец, ни чертога владыка
Дерзкой рукою не может гнезда твоего прикоснуться,
Если он счастия дома с тобой потерять не страшится.
Счастье приносишь ты в дом, где приют нетревожный
находишь,

Божия птица,[1] как набожный пахарь тебя называет:
Он как священную птицу тебя почитает и любит
(Так песнопевцев народы в века благочестия чтили).
Кто ж, нечестивый, посмеет гнезда твоего прикоснуться —
Дом ты его покидаешь, как бы говоря человеку:
«Будь покровителем мне, но свободы моей не касайся!»

Птица любови и мира, всех птиц ненавидишь ты хищных.
Первая, криком тревожным — домашним ты птицам смиренным
Весть подаешь о налете погибельном коршуна злого,
Криком встречаешь его и до облак преследуешь криком,
Часто крылатого хищника умысл кровавый ничтожа.

Чистая птица, на прахе земном ты ног не покоишь,
Разве на миг, чтоб пищу восхитить, садишься на землю.
Целую жизнь, и поя и гуляя, ты плаваешь в небе,
Так же легко и свободно, как мощный дельфин в океане.
Часто с высот поднебесных ты смотришь на бедную землю;
Горы, леса, города и все гордые здания смертных
Кажутся взорам твоим не выше долин и потоков,—
Так для взоров поэта земля и всё, что земное,
В шар единый сливается, свыше лучом озаренный.

Пой, легкокрылая ласточка, пой и кружись надо мною!
Может быть, песнь не последнюю ты мне на душу напела.

---

[1] Так в некоторых полуденных губерниях России народ называет ласточку.

ЭПИГРАММА

Помещик Балабан,
Благочестивый муж, Христу из угожденья,
Для нищих на селе построил дом призренья,
И нищих для него наделал из крестьян.

НАДПИСЬ К ГРОБУ КАНТЕМИРА

Порочный, не смей подходить к сей гробнице:
Твой бич, Кантемир здесь лежит.
Ты ж, добрый, к могиле приникни спокойно
И, если захочешь, усни.

НАДПИСЬ К ГРОБУ СУВОРОВА

Ты ищешь монумента?..
Суворов здесь лежит.

АМБРА

Амбра, душистая амбра, скольких ты и мух и червей
Предохраняешь от тленья!
Амбра — поэзия: что без нее именитость людей?
Блеск метеора, добыча забвенья!

II

РОЖДЕНИЕ ГОМЕРА

С тех дней, как в Трое жизнь могучего Пелида
Убийцей прервана пред брачным алтарем,
Прошли века; но скорбь глубокую о нем
Хранила в сердце мать, бессмертная Фетида.

«Героев подвиги во гробе не умрут;
Как холмы, гробы их бессмертьем процветут.
Поэзия — глагол святого вдохновенья;
Доколе на земле могуществен и свят,
Героям смерти нет, нет подвигам забвенья:
Из вековых гробов певцы их воскресят».—

Так утешал Зевес печальную Фетиду,
Когда она, взошед в высокий бога дом,
Напомнила ему о знамении том,
Каким он утвердил бессмертие Пелиду;
Так утешал он мать.— Меж тем рука времен
Дела полубогов с лица земли стирала
И самую молву с веками увлекала,
Хранительницу дел сих древности племен.
С тех дней, как пал Пелид, два века [1] протекали,
Но дел его певцы от мрака не спасли;
Как эхо, песни их, рождаясь, умирали;
Красноречивый прах безмолвствовал в земли;
О славном воине ахейцам говорила
Одна, в земле чужой, пустынная [2] могила.

Давно Пелида мать не видела при ней,
Как в дни минувшие, ни жертв, ни алтарей;

В те дни, когда, храня завет богов священный,
Додоны вещими дубами прореченный:
Чтить Ахиллеса гроб, отечеству святой,
Сыны Фессалии ко брегу Илиона,
На поклонение могиле Пелейона,
В урочный года срок стекалися толпой.

Бывало черными[3] одетый парусами
Корабль, с дружиною, и хором, и жрецами,
К Троаде приплывал, и с гимном гробовым
В пристанище входил под сумраком ночным;
И в жертву храброму на берег Илиона
Всё нес родимое с земли его отцов,
Всё фессалийское: и пламень, и тельцов,
И воды Сперхия и кедры Пелиона.
И становилася могила алтарем;
Кругом пылал огонь, дым жертв курился тучный;
И сонмы юношей с увенчанным челом
Сливали с лирами свой голос сладкозвучный;
Другой сонм юношей, воинственных, младых,
Блистая красотой их тел полунагих,
Лишь с копьями в руках и медными щитами,
В шеломах, конскими покрытых волосами,
Сплетясь в Ареев хор, пленительный очам,
И копьями звуча по звонким их щитам,
Вкруг гроба пляскою воинственной летали
И криком страшным тень Ахилла вызывали.

Всё смолкнуло; герой забыт родной землей!
В развалинах его надгробных алтарей
Выл ветер; могилы же его уединенной
И пастырь убегал, молвою устрашенный
Давно вокруг нее лишь ужас обитал;
Не раз, нарушивши молчание ночное,
Огромный Ахиллес из гроба восставал
И, грозный, ужасал создание живое,
Чтоб память о своих заслугах и делах
Вновь пробудить в людских умершую сердцах.

Всё скрылось от земли, что Ахиллеса чтило.
Лишь сердце матери в течение веков
Бессмертной, как сама, любви не изменило.

Мать, грусти верная, забыв обет небес,
Тот день, как сын ее погиб стрелой Парида,
Навеки обрекла для горести и слез,
Чтоб участь мрачную оплакивать Пелида.
И каждый год в сей день, в тиши ночных часов,
Из волн лазоревых богиня выходила
К полям, где бывшие Пелидова следов
Десница времени еще не истребила;
Где Ксанф и Симоис, прах Трои, ряд могил,
И каждый камень ей о сыне говорил.
Там, над могилою заглохлой и пустынной,
Но гордою еще всех высшею главой,
Черневшей издали над пенною пучиной,
Фетида каждый год являлась в час ночной.
С богиней скорбь деля, и сестры Нереиды
Бросали каждый год Нерея влажный дом;
И, выходя из волн, вкруг горестной Фетиды
Садились сетовать на холме гробовом.
И то безмолвные грустили вкруг богини;
То, вторя плачущей стенанием своим,
Смущали тишину и ночи и пустыни,
И плач их ветром был далеко разносим.
Далеко слыша их, смолкала Филомела;
Недвижно Цинтия на горестных смотрела
И слезы тихие задумчиво лила.
Так песнь их жалобна, так сладостна была.

«О милые сестры, о дщери Нерея! —
К ним часто Фетида вопила, стеня,—
Любви не изведав, не знав Гименея,
Стократно вы, девы, счастливей меня!
Неведома грусть вам быть матерью сына,
И всё с ним, единственным, в мире терять.
На бедство богиня, на горе я мать!
И нет мне отрады, какую судьбина
Послала для смертных несчастных сердец,
Найти хоть в могиле — печалей конец!»

Так годы протекли, так веки миновали;
Фетиде данных клятв не исполнял Зевес:
Века не унесли Фетидиной печали;
Она отчаялась и в промысле небес.

И некогда, в сей день, для плача посвященный,
Одна, без Нереид, возникла из зыбей
И, на сыновний гроб воссев уединенный,
Душой предавшися всей горести своей,
Мечтаний полная о незабвенном сыне,
Мать поверяла там печаль свою пустыне.
Глубокой наконец тоской омрачена,
Взроптала на свое бессмертие она;
Мечтая прекратить жизнь для нее постылу,
Ударилась в тоске об черную могилу;
И голос с высоты богини грянул в слух:

«Восстань, Нерея дочь, и укрепи твой дух:
Последним был сей день, печали посвященный!»

Фетида восстает; и, взор подняв смущенный,
Зрит бога над собой, метающего гром,
Сходящего к земле на облаке златом.

В священном ужасе и в радости немая,
Мать бросилась пред ним, стопы обнять пылая,
Но мрачных дум еще и горести полна:
«Кронион! . .— наконец воскликнула она,—
Или плачевный стон тоски моей глубокой
Достиг уже твоей обители высокой?
Или над матерью ты сжалился, Зевес?»

Рекла и, вновь упав к ногам царя небес,
Рукой его стопы священные объяла.

«О малодушная,— вещал ей Эгиох,—
Ты ль мыслила, что я забыть героя мог?
Ты ль вечности моих заветов не познала?
Забыла ль, что я сам, поклявшися главой,
Не в силах возвратить сей клятвы роковой?
Но есть еще судьбы: закон их довременной
Отвесть иль упредить — нет власти во вселенной.
Сии судьбы виной, что через столько лет
Еще не совершен священный мой обет,
Что блеск бессмертных дел мрак сокрывает гробный,
Что в песнях не воскрес твой сын богоподобный.
Но наконец судеб исполнился закон,

И вдохновенного свершилося рожденье:
Из праха глас его подымет Илион;
Он давнобытное, погрузшее в забвенье,
Всё в образах живых Гелладе возвратит;
В них зашумят моря, восстанут грады, горы,
Вкруг Трои загремят кровавой брани споры,
И царства целые он в песнь свою вместит.
Глава поэта — мир; в ней всё, земля и небо;
И всё животворит он, вдохновенный Фебом.
Восстань, гряди со мной, уверуешь ты вновь,
Что непреложен ввек глагол царя богов».

Молча на облако воссела мать Пелида;
И, туч гонителя велением Кронида,
Взвилось оно, как вихрь, к эфирным высотам;
Как вихрь, перенеслось к Ахейским островам;
Спустилось на холмы счастливого Иоса,
Меж благовонных древ и пышного лотоса.
И шествовать Зевес веля богине с ним,
Но взорам чад земных желая быть незрим,
Сквозь рощу яворов, на злачный холм пологой
Грядет невидимый с богиней среброногой.

Тогда в полдневный путь вступал Гиперион,
И от его лица твердь знойная пылала;
И томная земля как будто в сладкий сон
И воды, и поля, и воздух призывала;
И, будто чувствуя присутствие богов,
Невидимости их природа изменила,
И, жертву им неся, дыхание цветов,
Благоуханием весь воздух растворила.

Величественный Зевс с холмов свой путь склонял.
Там, при покате их, стоит уединенный,
Кругом бросая тень, высокий лавр священный;
При корне ключ шумит, прозрачный, как кристалл.
Под пышным лавром тем сидит жена младая;
У ног ее лежит младенец на цветах,
Прелестный, радостный, с улыбкой на устах,
Цветами с детскою беспечностью играя.
Недавно первенец, казалося, рожден;
И мать казалася от бедных смертных жен:

Убогой ризою она была покрыта,
Но красотой цвела, как юная харита.
К груди своей главой поникнувши она,
Сном амврозическим была окружена;
Дитя резвилося в цветистой колыбели.
И вдруг Фетида зрит: на лавре девять птиц
Явилися, как снег блестящих голубиц,
И, с лавра низлетев, кругом младенца сели;
И, тихо порхая, одна вослед другой,
Младенца дивного, казалося, лобзали,
Казалось, легкими с ним крыльями играли.
За ними пчел златых явясь веселый рой
И по цветам кружась, влеченьем непонятным
Неслись к его устам с их медом ароматным.
Вдруг, с высоты небес на лавр спустясь орел,
Над колыбелию величественный сел,
Спокойно быстрый взор на солнце устремляя,
Которое текло в среде небес пылая.
Младенец радостный весельем трепетал,
Несмежно, как орел, на солнце сам взирал;
И юный взор его горел, как огнь денницы,
И детский крик его был стройный глас цевницы.

Зевес невидимый в безмолвии стоял;
Пелида мать чудясь на отроча взирала
И тихо, чуть дыша, Зевеса вопрошала:

«Кто, кто младенец сей, поведай, Эгиох?
Не бог ли светлых вод, или небесный бог
Любовью посетил создание земное?
Над чадом зрю небес я знаменье святое».

И Зевс ей: «Над певцом героев и богов
Почиет с первых дней божественный покров:
Любимец их — певец могучего Пелида».

«О милосердый Зевс!» — воскликнула Фетида,
И, тихо на дитя невидимо припав,
И очи и уста лобзанием покрыла,
И сладкими его слезами оросила.
За ней отец богов к рожденному представ,
Младенца осенил божественной рукою;

И юная душа земного существа,
Почувствовав присутство божества,
Взыграла жизнию и радостью святою;
И светло засиял прекрасною звездой
Огонь, язык души, над юною главой.

«Но кто же смертный сей, сын таинства
священный?
Кому твой промысл дал сей жребий возвышенный?
На сей ли он земле счастливой порожден,
От нимф ли родшая или от смертных жен?
Не сын ли он царей, и от людей гоненья
Сокрыт в пустыне сей под взоры провиденья?
Иль сын он пастыря счастливых сих полей,
За добрые дела, за веру и смиренье
Благословенного любовию твоей?
Кто он? поведай, Зевс, певца сего рожденье».

«Он сын возлюбленный природы и богов.
В свои объятия, на лоно из цветов
Его от матери природа восприяла;
Небесных и земных исполнила даров:
Уста амврозией бессмертной напитала;
Сих горлиц простоту душе его дала,
И силу гордую и быстрый взор орла;
Да будет песнь его то сладостно журчащий
Ток тихий при лучах серебряной луны;
То бурный водопад, с нагорной вышины
Волнами шумными далеко вкруг гремящий.
Но колыбель и гроб Ахиллова певца
Есть тайна для земли: неведомо рожденный,
И неразгаданный, под именем слепца
Пройдет он по земле; таков закон священный
Судьбы; таинственный, как солнце он возник,
Как солнце он умрет в лучах бессмертной славы».

«Но, Кронов сын, судьбы суровые уставы
Не для отца богов. Ты мощен и велик,
Ты взором целый свет с Олимпа обнимаешь;
И таинств ли одной судьбы не проникаешь?» —
Так испытуем был Фетидой царь громов.

«Фетида, мрак судьбы священ и для богов,—
Он ей ответствовал,— и избранники неба,
Пророки и жрецы, таинственники Феба,
Очами тьму времен могущие пронзать,
Вотще о нем дерзнут бессмертных вопрошать:
Пред вечною судьбой безмолвствуют и боги.
Законы сей судьбы неумолимо строги;
Их проницать и ты, Фетида, не дерзай;
Кем смертный сей рожден, меня не вопрошай.
Его удел тебе я возвестить желаю;
Но открывать ему навеки воспрещаю:
И горько смертному в грядущем то познать,
Чего нет сил отвесть, ни средства избежать:
Определения судьбы неотразимы».

«Ах! ..— мать Пелида речь Зевеса прервала,—
Когда судьба его на бедства обрекла,
Да будут мной, о Зевс, все дни его хранимы;
Я спутница его до смертного конца».

«Мой промысл сохранит священного певца.
Но удалимся,— Зевс рек наконец богине,—
Певца Ахиллова о будущей судьбине
Тебе я прореку; но, часть его познав,
Пещись о нем богам Олимпа предоставь;
Вотще за жизнь его душа твоя страшится;
И власть его главы моей рукой хранится».

Скончав, с Фетидою грядет отец богов,
Направив путь на холм, над морем возвышенный;
И там он уклонясь под вещий лес дубов,
Ему издревле здесь, провидцу, посвященный,
И взором времена объемля до конца,
Так прорицал судьбу Ахиллова певца.

«Когда во тьме времен ахеян дремлют грады
И в мрак погружены земных сынов сердца,
Среди глубокого безмолвия Геллады
Раздастся дивный глас убогого слепца.
Слепец, в дни юности очей своих лишенный,
Очами разума пронзит он небеса;
Обымет весь Олимп, пространство всей вселенной,
И, мира горнего проникнув чудеса,
Узрит в лицо богов, дом славы их чудесный,
Беседы чистых муз и радость их пиров;
И, первый на землю сведя язык небесный,
Бессмертно воспоет героев и богов;
И, песнью славы мир наполнив бесконечной,
Гелладу сотворит землею славы вечной.

Во дни, как в плен рабы падет сия страна,
В ней будет ветр шептать героев имена;
Их тени населят леса, долины, горы;
И тот, чья будет грудь любовию полна
Ко славе, обратит к стране священной взоры,
Где вольность в первый раз зажжет людей сердца,
Где столько за нее бессмертных грянет боев;
И возбужденный он примерами героев
И песнью пламенной Ахиллова певца,
Дерзнет на варваров за Греции народы;
И полетит — мечом им добывать свободы!

Но ныне тьмой времен покрытые сердца,
Еще небесного душой не постигая,
В отчизне не почтут священного певца;

И будет он, слепец, скитаться в край из края,
Водимый бедностью за трапезы царей,
Единой спутницей его печальных дней.
И бедность мудрому во благо обратится.
Влачась из края в край всевидящий слепец,
Он глубину людских изведает сердец;
Деяний и вещей познаньем умудрится,
И будет убежден он жизнию своей,
Что бедность — лучшее училище людей.
И воспоет беды и странствия героя,
Где, опыты своей превратной жизни кроя,
Пример возвышенный оставит в песнях сих,
Что мудрый человек превыше бед земных.

Так двух героев он, любезных мне, прославит,
И двух бессмертных чад [4] потомству в них оставит;
И так исполнится его земной удел.
Тогда его с земли, с лица юдоли тленной,
Пророка на Олимп восхитит мой [5] орел;
Где, благовонием небесным умащенный
И в жизнь нетленную преображенный вновь,
На пир бессмертия воссядет меж богов
И с нами разделит от смертных поклоненье.
И сбудутся над ним бессмертных словеса,
Какими Пифию [6] исполнит вдохновенье:
Слепец, твой дом — Олимп, отчизна — небеса!»

Умолк; и перед ним душой благоговея,
Восторга полная, воззвала дочь Нерея:
«Любимца Зевсова благословен удел!
Но, Зевс, прости ты мать, рассей мне мрак сомнений:
Ужели, как земной певца сего предел,
Толь мрачна и кратка судьба его творений?
Не погребет ли Крон и их всеобщей тьмой,
Как преждебывшие поэтов песнопенья?
Неверной памятью хранимые одной
Иль бренной хартией, добычей быстрой тленья,
Погибнут, может быть, священные творенья?»

«Не гибнет слово муз,— вещал отец богов,—
Как бесконечна высь блистательного неба,
Таков удел земной святых внушений Феба.

Но должно зреть ряды бесчисленных веков,
Ряды имущих быть и царств и поколений,
Чтоб славу созерцать бессмертных песнопений.
Взирай, грядущие отверзу времена
И быть имущие страны и племена».

Он рек; и мрачная с времен завеса пала;
К событиям их мать взор жадный приковала;
И зрит:
Гомера песнь, во мраке двух веков,
Вначале тайное наследие певцов,
Убогих, как он сам, питомцев муз смиренных,
Едва приносит им крупицы современных.
Но извлеченную из тьмы рукой царей
Вдруг песнь его из уст скитавшихся людей
Уста оракулов принять соизволяют,
И боги языком Гомеровым вещают.
Тогда Фетида зрит, сколь славен рок певца!
За неизвестного, безродного слепца
Семь спорят городов,[7] готовые сражаться,
Все гордые певца отечеством назваться.
Скиталец он, родной неведомый землей,
Стал другом мудрецов, сопутником царей;
Наставники людей в нем ищут просвещенья,
Герои — образца, поэты — вдохновенья,
И все, признав его *источником умов,*
Им возвышаются к познанию богов.
И бога человек не видевший очами,
Но научен постичь возвышенным певцом,
Величье Зевсово одушевил [8] резцом,
И дышит в мраморе блистающий громами!
Вся древность наконец, признав в нем существо
Как бы верховное над земнородных миром,
Ахиллова певца, равно как божество,
Торжественно почла и храмом и кумиром.

Так множеством веков, Пелида зрела мать,
Испытывалась песнь Гомеровых творений;
И положил тогда времен священный гений
На свиток песней сих бессмертия печать.
Тогда и самый Крон из тьмы и разрушенья,
Из праха мертвых царств и стертых им градов

Повсюду исторгал Гомера песнопенья;
Чтоб дар божественный, на пользу всех веков,
От мрачной древности, от стран иноплеменных,
Достиг до новых стран, до царств невозрожденных.

Но с сею славою всемирною певца,
Кроме одной молвы о мрачных днях слепца,
Дивясь Пелида мать сретала в каждом веке
Безмолвие о сем чудесном человеке,
Сокрытом от людей покровом роковым.
И тщетно Греция, наполненная им,
Взносила громкий глас во всех градах цветущих:
«Кто сей неведомый, сей дивный человек,
Который, как перун, тьму времени рассек?
Который, как гигант, на раменах могущих
Всю славу Греции подъял из тьмы времен?»
И тщетно странники рожденных вновь племен
Стекались на брега разрушенной Геллады,
Чтоб вопрошать о нем пустыни, камни, грады,
Чтоб вызвать тень певца из вековых гробов:
Никто не находил земных его следов!
Подобно божествам, от смертных сокровенным,
Судьба сокрыла тьмой Ахиллова певца:
Его возвышенным твореньям вдохновенным
Дивится вся земля, не ведая творца.

Но на лице земном нет славы несомненной.
Не скрылся и Гомер от зависти людей.
Немолчной славою, гремящей по вселенной,
Он гордость уязвил и сильных и царей.
И между тем как месть из века в век ходила,
Свет коей первому врагу его отмстил
(Свет имя самое завистного Зоила
В обиду и позор повсюду обратил),
Тирана древности узрела дочь Нерея,
Который, низкою враждою пламенея,
Что нищий славою царей переживал,
Певца священный лик, безумец,[9] поругал.
Так древле видели в Эгипте воды Нила,
Как черные сыны пустынных их брегов
Над лучшим делом рук ругалися богов,
Над ликом блещущим всемирного светила.

Но злоба тщетная! безумный гнев людей!
Меж тем как варвары, беснуясь в сонме диком,
Пронзали небеса их богохульным криком,
Царь света шествовал блистательной стезей
И волны проливал своих лучей священных
На мрачную толпу ругателей презренных!

Но что? в дали времен, в дни поздных тех веков,
Как пала Греция под суд иноплеменных,
В стране, светильником Геллады озаренных,
Богиня новых зрит певца сего врагов.
После трех тысяч лет, хвалу о нем гремевших,
Вновь споры он возжег меж книжников толпой,
Богатых завистью, но духом обедневших:
Гомера слава им представилась мечтой,
Тяжелым бременем, для одного безмерным;
И, заблуждением гордясь неимоверным,
Они бессмертное наследие певца
Терзают и делят меж многими певцами.
Другие, в областях, прославленных умами,
И кто? служители священного слепца,
Те, кои, приобщась всей мудрости Востока,
Постигли таинства ахейского пророка,
Мечтанье древнее извлекшие из тьмы,
Оружье ветхое [10] лжемудрецов забвенных,
Им помрачить хотят свет истин несомненных;
И, пред толпой ища прославить их умы,
Сии жрецы его, из глубины чертога,
Где с славою ему служили столько лет,
Дерзают отвергать существованье бога,
Которого познать они учили свет,
Дерзают... Не стерпев их дерзости Фетида,
«О, века стыд! — рекла,— о, разума обида!
Зевес, и не казнишь ты Фебовых врагов?» —

«Отринь, Фетида, страх,— прервал отец богов,—
Как первого врага священных песнопений,
Сам Феб казнит их всех; сим ложным мудрецам
Не даст он чувствовать чистейших наслаждений,
Прекраснейших из благ, какие песней гений
Дарует на земле возвышенным сердцам.
Но от клевет людей, от злобы и хуленья

Сильнее всех творца творенье защитит;
Взирай, грядущее откроет убежденья».

И дочь Нереева в виденьи новом зрит,
Что на развалинах, на прахе Илиона,
В пустынях сим певцом прославленной земли,
Его поборники оружия нашли,
Чтоб правду защитить и славу Аполлона.
Там камни самые, Ахилла видит мать,
Там гробы начали глаголы издавать
За бытие творца и истину творенья.

Так созерцая лет потомственных явленья,
Богиня наконец в мерцании времен
Судьбу Гомера зрит под небом той державы,
Где узнает славян, потомков гордых славы,
Бессмертной матери воинственных племен,
Племен еще во тьме пред ней паривших веков,
Являющих ряды великих человеков,
И мощных витязей и доблестных царей;
И, видя их дела, мечтает мать Ахилла,
Что вновь Земля сынов-титанов породила
И навела их гнев на греческих мужей.
Под гордый греков град племен сих предводитель,
На зыбких ладиях примчавшись по волнам,
Визáнтию потряс и, греков победитель,
Победы знак — свой щит — прибил к ее[11] вратам.

Но скрыл отец богов те веки сей державы,
Когда Нерея дочь меж храбрых сих племен
Дивиться лишь могла делам их бранной славы;
И бытия отверз счастливейших времен.
Он вдруг раскрыл очам Фетиды изумленной
Блистательнейший век страны преображенной;
Тот век, как царь ее, любимый сын небес,
Ее величия до звезд главу вознес;
И, мир склонив к стопам,[12] его душой плененный,
Наук божественных, прямых к добру вождей,
Свет чистый разливал над отческой землей,
Высоких истин сам ревнитель просвещенный.
В сей век блистательный, под небом сих племен,
Гомерову судьбу раскрыл отец времен.

И, светлые кругом свои вращая очи,
Зрит мать Ахиллова, что и сыны полночи,
Огнем божественным согрев уже сердца
И дух возвысивши поэзией священной,
Пленялись песнями поэзии отца.
С восторгом зрит она, что в камнях оживленной
Стоит у них почтен Гомера древний лик
Вельмож в домах — как муж, достойный удивленья,
И в храминах певцов как гений вдохновенья.
Но что? в блистательных чертогах их владык,
В сокровищнице их — вдруг познает Фетида
Знакомый образ ей, лик [13] милого Пелида,
Блестящий в мраморе пред взорами царей!
И в тот же миг узрев царей, свой слух склонивших
На робкий глас певцов, Гомера песнь вторивших,
Мать, в полной радости, не находя речей,
Бросается в слезах обнять стопы Зевеса...
И опустилася грядущего завеса.
И Зевс уже отец на светлых облаках,
Горевших пурпуром при западных лучах,
Парил над темною дубравой откровений.

«Фетида,— он вещал,— довольно ль убеждений,
Что сына Кронова невозвратим обет?
Он совершается; и будет полон свет
Гомера песнями и славою Ахилла».

Мать, сыном гордая, речей не находила;
И, руки лишь воздев с мольбой к царю богов,
Которого чело еще из туч сияло,
Она в пучину волн низверглася с брегов,
И под богинею всё море заиграло.

1816

Примечания

(1) Гомер родился в исходе второго века после войны Троянской.
(2) Могила, доныне известная под названием гроба Ахиллесова, находится на берегу Геллеспонта.
(3) Это не вымысел. Фессалийцы, соотечественники Ахиллеса, по свидетельству греческих писателей, в продолжение многих лет

после взятия Трои, ежегодно плавали в Троаду, чтобы, по повелению оракула Додонского, чествовать гроб Ахиллеса, и совершали как самое путешествие, так и поминовение герою на гробе его по *обряду*, тем же оракулом заповеданному. По сему обряду, корабль с воинами, жрецами и проч., отправлявшийся в Троаду, долженствовал быть с парусами *черными*, *nigris* velis sublatis; в пристань, при пении гимнов, входил *ночью;* для жертвоприношения привозил огонь из Фессалии, дрова с горы Пелиона, воду из Сперхия, и проч. Обо всем этом, также о плясках, пении на гробе Ахиллеса и проч. можно читать *сокращенно* у Страбона: Lib. XIII; а *пространно* у Philostrat: Vita Apollon. Lib. IV, Cap XI, и Cap. XVI; там же Heroic. Cap. 19.

(4) Илиаду и Одиссею.

(5) Так изображался древними апофеоз Гомера: орел на хребте своем возносит его на небо.

(6) Все оракулы об Гомере находятся в его жизнеописании у Плутарха.

(7) Спор об родине Гомера, по свидетельству римского писателя Варона, вели следующие города: Смирна, Родос, Колофон, Саламины, Хио, Аргос, Афины.

(8) Знаменитую статую Зевса Олимпийского, величественнейшее изображение отца богов, какое произвела рука человека, Фидиас образовал, как сам сознавался, по идеям Гомера. «Когда я читаю Гомера,— говорил великий художник,— люди представляются мне вдвое бо́льшими».

(9) Римский император Калигула оплевал бюст Гомера и велел выбросить из чертогов.

(10) Немногим, может быть, известно, что все писатели наших времен, противники общего мнения о существовании Гомера, начиная от итальянца Вико до германца Вольфа, и даже англичанина Бриана (который, между прочим, доказывал, что никогда не существовало ни царства Троянского, ни города Трои, ни ополчения на нее греков), немногим известно, что писатели сии, мужи, впрочем, весьма ученые, выдавая такие мнения, ничего не выдали, ничего не сказали *нового:* это мнения *старые*, принадлежащие софистам школы Александрийской и порожденные таким же духом скептицизма тогдашней философии и словесности греческой, как теперь господствует в Европе. Сей скептицизм нашего времени поднял из мрака гипотезы софистов александрийских, дабы ввести *в сомнение* то, о чем свидетельствует целый свет древний. Но сомнение далеко еще от истины.

(11) Олег.

(12) Император Александр Павлович.

(13) Древний бюст Ахиллеса находится в Эрмитаже.

СИРАКУЗЯНКИ,
ИЛИ
ПРАЗДНИК АДОНИСА

ИДИЛЛИЯ

Поэзия идиллическая у нас, как и в новейших литературах европейских, ограничена тесным определением *поэзии пастушеской;* определение ложное. Из него истекают и другие, столько же неосновательные мнения, что поэзия пастушеская (т. е. идиллии и эклоги) в словесности нашей существовать не может, ибо у нас нет пастырей, подобных древним, и проч. и проч.

Идиллия греков, по самому значению слова,[1] есть *вид, картина*, или то, что мы называем *сцена;* но сцена жизни и пастушеской, и гражданской, и даже героической. Это доказывают идиллии Феокрита, поэта первого, а лучше сказать — единственного, который, в сем особенном роде поэзии, служил образцом для всех народов Запада. Хотя не он начал обрабатывать сей род, но он усовершенствовал его, приблизив боле к природе. Заняв для идиллий своих формы из *мим* — сценических представлений, изобретенных в отечестве его Сицилии, он обогатил их разнообразием содержаний; но предметы для них избирал большею частию простонародные, чтобы пышности двора Александрийского, при котором жил, противопоставить мысли простые, народные, и сею противоположностью пленить читателей, которые были вовсе удалены от природы. Двор Птоломеев совершенно не знал нравов пастырей сицилийских; картины жизни их должны были иметь для читателей идиллий двоякую прелесть — и по новости предмета и по противоположности с чрезмерною изнеженностью и необузданною роскошью того времени. Сердце, утомленное бременем роскоши и шумом жизни, жадно пленяется тем, что напоминает ему жизнь более тихую, более сладостную. Природа никогда не теряет своего могущества над сердцем человека.

Везде, где общества человеческие доходили до предела, на котором был тогда Египет, поэты также пытались производить подобные противоположности. Но одни греки умели быть вместе и естественными и оригинальными. Все другие народы хотели улучшивать или по-своему переиначивать самую природу: чувство заменяли чувствительностью, простоту — изысканностью. У римлян несколько раз пытались представить горожанам картины жизни сельской. Идиллиями начал свое поприще Виргилий; но несмотря на прелесть стихов, он остался позади Феокрита; пастухи его большею частью ораторы. Калпурний и другие из римлян подражали Виргилию, не природе.

---

[1] Εἰδύλλιον происходит от εἶδος — *вид*, и есть слово уменьшительное, так сказать, *видик*.

В литературах новейших времен, особенно в итальянской, когда все роды поэзии были испытаны, являлось множество идиллий посреди народа развращенного; но как мало естественности в Санназаро, какая изысканность в Гварини! О французах и говорить нечего. Гесснер, которого много читали при дворе Людовика XV, также не мог выдержать испытания времени: он создал природу сентиментальную, на свой образец; пастухов своих идеализировал, а что хуже — в идиллии ввел мифологию греческую. В этом состояло его важнейшее заблуждение: нимфы, фавны, сатиры для нас умерли и не могут показаться в поэзии нашего времени, не разливая ледяного холода. Таким образом, Феокрит остается, как Гомер, тем светлым фаросом, к которому всякий раз, когда мы заблуждаемся, должно возвратиться.

До сих пор одни поэты германские, нам современные, хорошо поняли Феокрита: Фосс, Броннер, Гебель произвели идиллии истинно народные; пленительные картины оных переносят читателя к той сладостной жизни в недрах природы, от которой нынешнее состояние общества так нас удаляет; они вселяют даже любовь к сему роду жизни. Успех сей производят не одни дарования писателей: Санназаро, Гесснер имели также дарования. Германские поэты поняли, что род поэзии идиллической, более нежели всякий другой, требует содержаний народных, отечественных; что не одни пастухи, но все состояния людей, по роду жизни близких к природе, могут быть предметами сей поэзии. Вот главная причина их успеха.

Где, если не в России, более состояний людей, которых нравы, обычаи, жизнь так просты, так близки к природе? Это правда, русские пастухи не спорят в песнопении, как греческие; не дарят друг друга вазами и проч.; но от этого разве они не люди? Разве у них нет *своих* сердец, *своих* страстей? А у других простолюдинов наших разве нет своей веры, поверий, нравов, костюмов, своего быта домашнего и своей, русской природы? Наши многообрядные свадьбы, наши хороводы, разные игрища, праздники сельские, даже церковные суть живые идиллии народные, ожидающие своих поэтов. Как умел Феокрит всем этим пользоваться! Желая описать, например, *Праздник Адо́ниса*, как он искусно возвышает похвалу его, влагая оную в уста лиц низшего состояния. Идиллию сию я перевесть осмелился. Одна из труднейших, по множеству пословиц и простонародных оборотов, она в переводе, может быть, не удовлетворит требованиям знатоков языка греческого; но да простят слабости перевода за намерение познакомить сколько-нибудь читателей, не знающих по-гречески, с одним из необыкновенно оригинальных произведений поэта древнего, которое более других его идиллий доказывает, что и в новейших литературах идиллия также существовать может, если поэты будут уметь, подобно Феокриту, пользоваться предметами. Вот содержание сей идиллии:

Сиракузянки, с семействами их, приехавшие в Александрию, приходят одна к другой; желая видеть праздник Адониса, идут во дворец Птоломея Филадельфа, где жена его, Арсиноя, великолепно устроила это празднество.

В такой раме, повидимому тесной, чего не заключается? Образ жизни, нравы семейные, обычаи народные, военные, дела царствования Птоломеева, обряды религии, великолепие ее празднеств, всё тут видимо, и всё в живом действии, не в холодном описании.— Такова идиллия древних, или, лучше сказать, таков гений Феокрита.

Лица: Горго, Праксиноя — сиракузянки; Эвноя, Эвтихида — их служанки; Старуха, незнакомец первый, незнакомец второй.

Горго

Дома иль нет Праксиноя?

Эвноя

Ах, Горго, как поздно ты... дома.

Праксиноя

Диво, что ты и пришла. Посмотри-ка ей кресел, Эвноя;
Брось и подушку.

Горго

Спасибо; ах, как хорошо!

Праксиноя

Ну, сиди же.

Горго

Счастливы души бесплотные, я — так насилу спаслася,
К вам продираясь; такая толпа там четверок, народу!
Всё сапоги да хламиды, всё лишь военные люди.
Ну да и путь — без конца! Далеко ты, мой друг,
поселилась.

Праксиноя

Это всё он, дуралей: (*муж*) на краю мне света здесь нанял
Нору, не дом; и всё для того, чтоб с тобою в соседстве
Не была я; он во всем мне перечит, злодей
мой всегдашний! . .

Горго

Не говори, моя милая, этаких слов ты про мужа
Вслух при ребенке; смотри, как глаза на тебя он уставил.

Праксиноя
(*к дитяти*)

Нет, мой Зопирион, я говорю не про тятю, мой милый!

Горго
(*в сторону*)

Зевсом клянуся, дитя понимает. (*Вслух*) Твой тятя
прекрасен!

Праксиноя

Этот тятя — вчера... (я вчерашним все дни называю)
В рынок пошел, чтобы мне притираний купить и селитры;
Что же принес он мне? .. соли,— в тринадцать лóктей
мужчина!

Горго

То же сделал, точь-в-точь, Диоклид мой, пагуба денег!
Дал семь драхм он за пять овчинок, ну шкуры собачьи,
Старых сум лоскутки, на заштопке заштопка, ну гадость! —
Но надевай же ты платье и плащ твой с застежками новый;
Время; пойдем-ка в палаты царя-богача, Птоломея,
Видеть Адóниса праздник; я слышу, царица готовит
Много прекрасного.

Праксиноя

Дивно ли? *всё у богатых богато.*
Ты ж, что увидишь, рассказывать станешь тем, кто
не видел.

Горго

Время, однако, отправиться: *праздным всякий день праздник.*

Праксиноя

Эвно, воды ключевой, и поставь посредине; скорее ж;
Ах ты неженка! .. *спать спокойно хотят уж и кошки.*
Двигайся ж, мигом воды; вода всего мне нужнее.
Как она держит кувшин! Но давай; бестолковая, тише
На руки лей мне; несчастная, ты мне хитон обливаешь!
Полно.— Ну вот, как боги мне дали, я так и умылась.
Ключ от шкатулки большой? поскорей сама принеси мне.

Горго

Ах, Праксиноя, как пристало к тебе это платье
С частыми сборами! прелесть! А что оно стоит с работой?

Праксиноя

Лучше не спрашивай; чистым сребром поболее мины,
Или и две; об работе молчу; приложила всю душу.

Горго

Вышло зато по желанию.

Праксиноя

Да, твоя речь справедлива.
Плащ мне, Эвноя, и шляпу: приладь же, смотри, хорошенько;
Так. *(К ребенку.)* А дитя не возьму я; там бука, там лошадь кусает...
Плачь сколько хочешь, да я не хочу, чтобы был ты калекой.
Горго, идем.— Ну возьми же дитя, забавляй его, няня;

В дом позови собаку, и двери сенные запри ты.—
Боги, какая толпа! .. неужели должны перейти мы
Эту беду? муравьи неисчетные, нет и конца им!
Сколько прекрасных дел, Птоломей, для народа ты сделал
После того, как к богам приобщен твой родитель. Злодеи
Путникам боле не страшны египетским подлым коварством:
Прежде каким шаловствам предавались искусники эти.
Все на единую стать, негодяи, разбойники, воры...
Милая Горго... что с нами будет? воины сзади,
Конники царские скачут... Друг мой, меня ты задавишь! ..
Стал на дыбы его рыжий! .. он дик совершенно,
он бешен! ..
Где ты, Эвноя? куда ты? .. убьет этот конь человека!
Как хорошо я сделала, дома оставив ребенка!

Горго

Ну, ободрись, Праксиноя! теперь позади мы всех конных;
Строй их пошел на площадь.

Праксиноя

Теперь я, мой друг, оживаю.
Зме́я да лошади пуще всего я на свете боюся
С самого детства.— Пойдем, приближаются волны народа.

Горго
(к старухе, идущей навстречу)

Ты из дворца, моя матушка?

Старуха

Да, мои дети.

Горго

Легко ли
Будет войти нам?

Старуха

С попыткою в Трою вошли аргивяне:
Да, мое дитятко, да, до всего с попыткой доходят.

Горго

Слышишь? старуха уходит и словно оракул бормочет.

Праксиноя

Женщины знают про всё, и про свадьбу Зевеса с Юноной.

Горго

Ах, Праксиноя, взгляни ты, какая толпа пред дверями!

Праксиноя

Страшная! Дай ты мне руку; а ты Эвтихи́ды, Эвно́я,
Руку возьми и держися ее, чтоб от нас не отстала.
Надобно вместе войти нам; держися же нас ты, Эвноя.
Ах я, несчастная... платье мое уж разорвано, Горго,
Точно разорвано!.. *(К незнакомцу)* Ради Зевеса, да
будешь ты счастлив,
Добрый мой человек, я прошу, охраняй мое платье.

Незнакомец 1-й

Здесь я не властен; но буду стараться...

Праксиноя

Ужасная давка.
Лезут как свиньи.

Незнакомец 1-й

Спокойтеся, женщины, мы на просторе.

Праксиноя

Годы и годы тебе благоденствовать, странник любезный!
Ты оказал нам покров, человек добродушный и честный!..
Давят, Эвно́я! вперед, несчастная...: силой ломися;
Славно! *все дома:* как тот говорит, кто жену молодую,
Введши в свой дом, запирает.[1]

Горго

Здесь остановимся прежде,
Здесь, Праксиноя, на эти мы ткания прежде посмотрим:
Как они тонки, прекрасны! творение божие, скажешь.

---

[1] Свадебный обряд.

Праксиноя

Дева Афина! какие работали их мастерицы?
Кто живописец, чертивший прекрасные эти рисунки?
Точно как будто стоят и как будто движутся люди!
Это живое, не тканое! — Много ума в человеке!
Сам же, о, как он прекрасен лежит на серебряном ложе,
Юный Адóнис, первый лишь пух по ланитам рассыпав,
Многолюбезный Адóнис, и в самом Аиде любимый!

Незнакомец 2-й

Вы перестанете ль, жалкие, вздор болтать бесконечный?
Горлицы... каждую речь во весь рот распевают несносно!

Горго

Кто ты, друг мой? и что тебе нужды, хоть мы и болтаем?
Слугам приказывай, ты сиракузянкам разве указчик?
Мы сиракузянки, да, чтобы знал ты, коринфянки родом,
Так, как и Беллерофон. Наш выговор пелопонесский;
Но говорить по-дорически, чаю, дориянкам можно.

Праксиноя

Нет, сохрани, о Сладчайшая,[1] нас от владыки другого;
Есть он один. На тебя не смотрю и в обиду не дамся
Даром...

Горго

Молчи, Праксиноя: выходит Адóниса славить
Дева аргивская, та песнопевица, славная даром,
Коею Спéрхис-певец побежден в элегических песнях.
Нечто прекрасное, верно, споет; вот, она приступает.

Аргивянка

(поет)

О владычица Гóлгоса, ты, что Идалию любишь,
Холмный Эрикс посещаешь, Киприда, играюща златом!
Вот какового Адóниса с мрачных брегов Ахерона,
В месяц двенадцатый, вновь привели нежноногие Горы,
Тихие в шествии, дщери богов, но желанные всем нам

---

[1] Эпитет Прозерпины.

Горы, всегда приносящие что-либо нового смертным.
Дщерь Дионе́и, Киприда могучая, ты Беренисе,
Так человеки гласят, даровала бессмертие смертной,
В перси жены земнородной амврозию капая неба.
Днесь, в благодарность тебе, многочтимая в множестве храмов,
Дочь Беренисы, Елене аргивской подобная ликом,
Здесь Арсиноя Адо́ниса всем угощает прекрасным.
Собрано всё вкруг него, что древесные ветви приносят,
Всё перед ним, что сады производят сладчайшего, блещет
В сребряных кошах, и Сирии миро в златых алавастрах;
Здесь и снедомое всё, что на противнях жены готовят,
С белой мукою мешая цветы и душистые травы
И растворяя их сладостным медом иль светлым елеем;
Всё, что летает и ходит, ядомое, здесь, перед гостем;
Здесь и зеленые кущи, покрытые нежным анефом,
Окрест устроены, сверху летают малютки эроты,
Словно младые певцы-соловьи, по деревьям кудрявым
Силу их крыл испытуя, летают с ветки на ветку.
Злато, эбен и слоновая кость, из вас образован
Быстрый орел, виночерпца младого Крониду несущий.
Вот ковры пурпуро́вые: мягче сна их поверхность,
Скажет про них восхищенный миле́тянин или самосец.
Вот уготованы два, одинаково пышные ложа;
В сем почивает Киприда, а в том белорукий Адо́нис,
Юный, супруг девятнадцатилетний; его поцелуи
Нежны, не колют: уста его пухом едва озлатились.
Радуйся, о Афродита, обретшая паки супруга!
Завтра его, при росистой заре, всенародно отсюда
На́ берег мы понесем, перед пенные волны морские,
И, распустивши власы, хитоны до ног разрешивши,
Мы, с обнаженными персями, звучно начнем песнопенье:
«Странствуешь ты, о Адо́нис, и к нам и от нас к Ахерону:
Доля, какой ни единый земной полубог не сподоблен;
Ни Агаме́мнон, ни грозный свирепством герой Теламонид,
Ни из Гекубиных многих сынов досточтимейший Гектор,
Ни Патрокл благородный, ни Пирр, Илиона рушитель,
Ни древнейшие оных, лапифы, или девкалиды,
Ни пелопиды, ни родоначальники греков пелазги.
Милостив будь нам, Адо́нис, и в будущем годе возрадуй.
Ныне пришел ты, Адо́нис, и паки придешь нам любезен!»

Горго

Ах, Праксиноя, чудесное пенье! Аргивская дева
Счастлива даром, стократ она счастлива голосом
сладким! —
Время, однако, домой: Диоклид мой еще не обедал;
Муж у меня он презлой, а как голоден, с ним не встречайся.
Милый Адо́нис, прости! возвратися опять нам на радость.

1820—1821 (?)

РЫБАКИ

ИДИЛЛИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Таланты от бога, богатство — от рук человека.

На острове Невском, омытом рекою и морем,
Под кущей одною два рыбаря жили пришельцы;
Один престарелый, другой лишь брадой опушался.
Гонимые нуждой из милого края родного,
На промысел вместе пришли земляки на чужбину.
Лишь честную бедность они принесли за спиною,
И вместе товарищи нужду и труд разделяли.
В печальных трудах для убогого песни — услада;
И младший прекрасно играл их на звонкой свирели.
Есть тайные чувствий минуты, когда вдохновенье
Сердца и простые природы сынов посещает:
В час утра златого, как день загорается летний
И всё на земле воскресает для счастия жизни;
Иль в вечер, как солнце в багряные волны тонуло;
Иль в ясные ночи, когда он, смотря, дивовался
На месяц, на звезды, на высь беспредельную неба,—
В такие минуты теснились в грудь юноши чувства,
И он изливал их в простых, безыскусственных звуках,
Но чистых, но свежих, как юные листья на ветвях.
Давно он окрестность пленял вдохновенной свирелью;
Он, звуками сердца по светлой Неве разливаясь,
Не раз у гребцов останавливал шумные весла;
Но, сердцем невинный, чудес, им творимых, не ведал.—
Однажды, уставши от ловли несчастливой, оба
Сидели у кущи, из ветвей древесных сложенной:

Старейший работал из гибкия вербы кошницу;
А младший у брега, главою на руку поникший,
Уныло смотрел на бегущие темные волны.
Шумели, бежали в пучину незримую волны:
Так юноши думы в синевшуюсь даль уносились!
По долгом молчаньи к устам поднес он цевницу
И в песни унылой излил вдохновенное сердце.
Но рыбарь старейший, работая, начал беседу:

Рыбак старший

Любезный товарищ, ведь песнями рыбы не ловят!
Ты сладко играешь, и мне твои песни отрадны;
Но вижу, ты часто работу меняешь на песни;
Поешь ты до птиц, для свирели и сон забываешь.
Охота — другая неволя; но молвлю я слово:
Наш невод изорван и верша твоя не в исправе.
Не песнями ль, милый, ты здесь затеваешь кормиться?
Ты с голоду сгибнешь иль с сумкой воротишься к дому.

Рыбак младший

Не сгибну, товарищ: нас песни до бед не доводят;
Любил их, ты помнишь, и дед мой.

Рыбак старший

Пастух горемычный!
Что детям оставил он?

Рыбак младший

Доброе имя!

Рыбак старший

И бедность.
Отец твой рыбак и детей бы не в скуде оставил,
Когда б не пришли на семью его черные годы.
Пожар за пожаром его разорил до основы.

Рыбак младший

А кто же помог нам? И кто на дорогу снабдил нас,
Отдавши последнее? Дед мой, пастух горемычный.
Он, он подарил мне и эту пастушью цевницу;
Он к песням меня заохотил.

Рыбак старший

Так что же, товарищ!
Ты хочешь отцовский наследственный промысел кинуть?
Но промысел рыбный есть промысел чистый и честный:
Рыбак не губитель, своей он руки не кровавит;
Рыбак не обманщик, товар продает не поддельный;
Сим промыслом честным отцы наши хлеб добывали.
Знать, друг мой любезный, тяжел тебе труд рыболова?
Так лучше б с свирелью остался ты дома, при стаде.
Там ясное небо, там ясные души, и песни
Там милы людям; а здесь, брат, и люди, как небо,
Суровы: здесь хлеба не выпоешь, выплачешь легче.
Опомнись, земляк; что скажет и мать, как услышит?

Рыбак младший

Услышит, любезный, о мне она добрые вести;
А ты понапрасну меня не кори,— обижаешь.
Свое ремесло я люблю и его не чуждаюсь;
Быть может, ленив я, а больше того бесталанлив;
Но справлюсь, товарищ. Сулит рыболов мне приморский
Клуб ниток и вершу за выучку песней свирельных.
Вот, видишь ты, песни любят и здешние люди;
Их слушают часто, на шлюпках по взморью гуляя,
Бояре градские, их любят все добрые люди!
Я помню издетства, как в нашем селении старец,
Захожий слепец, наигрывал песни на струнах
Про старые войны, про воинов русских могучих.
Как вижу его: и сума за плечами и кобза,
Седая брада и волосы до плеч седые;
С клюкою в руках проходил он по нашей деревне
И, зазванный дедом, под нашею хатой уселся.
Он долго сперва по струнам рокотал молчаливый,
То важною думой седое чело осеняя,
То к небу подъемля незрячие, белые очи.
Как вдруг просветлело седое чело песнопевца,
И вдруг по струнам залетали костистые пальцы;
В руках задрожала струнчатая кобза, и песни,
Волшебные песни, из старцевых уст полетели!
Мы все, ребятишки, как вкопаны в землю стояли;
А дед мой старик, на ладонь опираяся, думный,
На лавке сидел, и из глаз его капали слезы.
О, кто бы меня изучил сладкогласным тем песням,

Тому б я отдал из счастливейших всю мою тоню!
Вон там, на Неве, под высоким теремом светлым
Из камня, где львы у порога стоят как живые,
Под теремом тем боярин живет именитый,
Уже престарелый, но, знать, в нем душа молодая:
Под теремом тем, ты слыхал ли, как в летние ночи
И струны рокочут и вещие носятся гласы?
Знать, старцы слепые боярина песнями тешат.
Земляк, и свирель там слышна: соловьем распевает!
Всю душу проходит, как трель поведет и зальется!
Ты видишь, земляк, и бояре разумные любят
Свирель. Не хули же моей ты сердечной забавы.
Люблю свое ремесло, но и песню люблю я;
А дед мой говаривал: что в кого бог поселяет,
То, верно, не к худу. И что же в песнях худого?
Мне сладко, мне весело, радостно, словно я в небе,
Когда на свирели играю! Да сам ты, товарищ,
Ты сам, как пою я про сторону нашу родную,
Про реки знакомые, где мы училися ловле,
Про долы зеленые, где мы играли младые,
Зачем ты, любезный, глаза закрываешь рукою?
Да ты же меня и коришь и сумою стращаешь!
Мне бедность знакома издетства; ее не боюся.
Поколе ж есть руки, я их не простру за подачей.

Рыбак старший

Задел я тебя, да и сам уже каюсь; речист ты!
Но если бы столько в сей день наловил ты и рыбы,
Как слов насказал, повернее была б наша прибыль.

Рыбак младший

Что правда, то правда; но день ведь еще не окончен.
А видишь ли, друг, надо мною как ласточка вьется?
Ведь это не к худу; о! ласточка — вестница счастья!
Сегодня, сказал ты, не станем закидывать невод;
У берега рыба гуляет. Один попытаюсь;
Сажуся на лодку, беру я и сети и уды...

Рыбак старший

Берешь и свирель ты, земляк?

Рыбак младший

Расстаюсь ли я с нею?

Рыбак старший

Худое предвестье!

Рыбак младший

Да ласточка — вестница счастья!
Смотри, ведь опять надо мной и щебечет и вьется.
О, ловля, счастливая ловля! лишь день вечереет,
Лишь солнце садится, и рыба стадами играет.
«Ловися мне рыба, ловися и окунь и щука!»
И песнь рыболова исчезла у дальнего брега.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Уже над Невою сияет беззнойное солнце;
Уже вечереет; а рыбаря нет молодого.
Вот солнце зашло, загорелся безоблачный запад;
С пылающим небом слиясь, загорелося море,
И пурпур и золото залили рощи и домы.
Шпиц тверди Петровой, возвышенный, вспыхнул
над градом,
Как огненный столп, на лазури небесной играя.
Угас он; но пурпур на западном небе не гаснет;
Вот вечер, но сумрак за ним не слетает на землю;
Вот ночь, а светла синевою одетая дальность:
Без звезд и без месяца небо ночное сияет,
И пурпур заката сливается с златом востока;
Как будто денница за вечером следом выводит
Румяное утро.— Была то година златая,
Как летние дни похищают владычество ночи;
Как взор иноземца на северном небе пленяет
Сиянье волшебное тени и сладкого света,
Каким никогда не украшено небо полудня;
Та ясность, подобная прелестям северной девы,
Которой глаза голубые и алые щеки
Едва отеняются русыми локон волнами.
Тогда над Невой и над пышным Петрополем видят
Без сумрака вечер и быстрые ночи без тени;
Как будто бы новое видят беззвездное небо,
На коем покоится незаходимый свет солнца;
Тогда филомела полночные песни лишь кончит,
И песни заводит, приветствуя день восходящий.
Но поздно; повеяла свежесть; на Невские тундры

Роса опустилась; а рыбаря нет молодого.
Вот полночь; шумевшая вечером тысячью весел,
Нева не колыхнет; светла и спокойна, как небо;
Разъехались все городские веселые гости.
Ни гласа на бреге, ни зыби на влаге, всё тихо;
Лишь изредка гул от мостов над водой раздается,
Да изредка крик из деревни, протяжный, промчится
Где в ночь откликается ратная стража со стражей.
Всё спит; над деревнею дым ни единый не вьется.
Огонь лишь дымится пред кущею рыбаря-старца.
Котел у огнища стоит уже снятый с тренога:
Старик заварил в нем уху в ожидании друга;
Уха уж остывши, подернулась пеной янтарной.
Не ужинал он и скучал, земляка ожидая;
Лежал у огня, раскинув свой кожаный запон,
И часто посматривал вдоль по Неве сребороводной.
Но скучил старик, беспокоимый грустью и гладом,
И в первый он раз без товарища ужинать думал:
Взял чашу из древа, блестящую лаком златистым;
Лишь начал уху — через край, призадумавшись, пролил
И, в сердце на друга, промолвил суровое слово.
Присел, и лишь руку для крестного знаменья поднял,
Шум весел раздался, и крест сотворил он не к ястве,
Но к радости сердца: ладья на реке показалась,
И голос знакомый ударился в берег отзывный.

Рыбак младший

Ты спишь ли, товарищ? Вставай, помогай выгружаться.

Рыбак старший

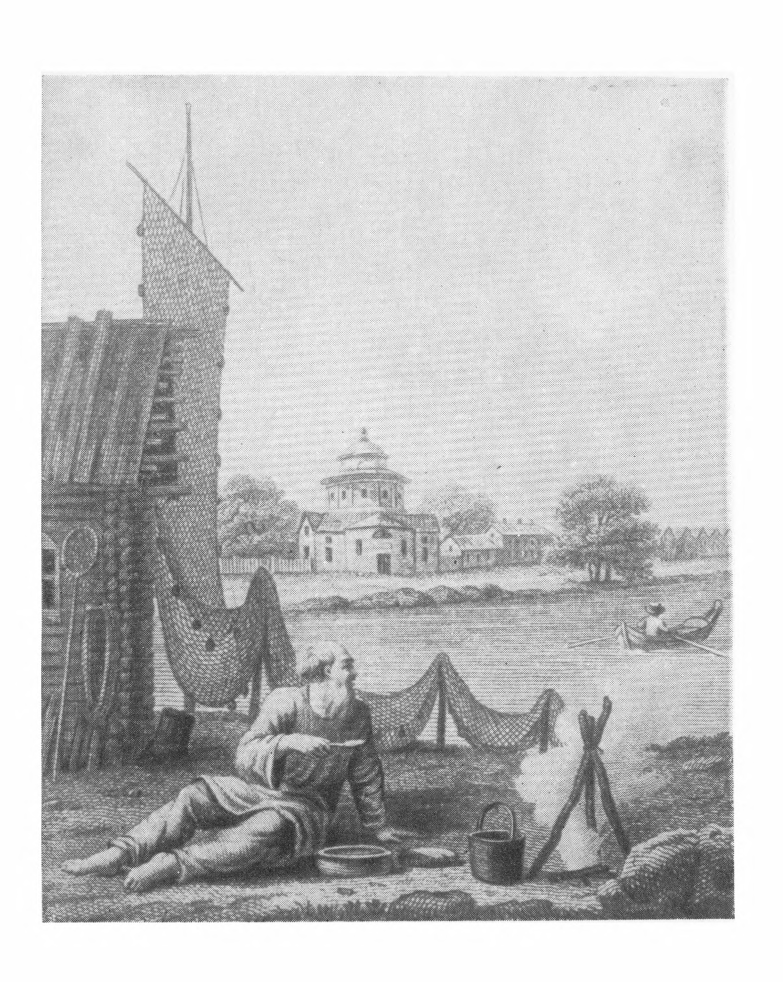
Люби тебя бог, наважденный свирельник несчастный!
Не сон на глаза, а кручину на сердце навел ты.
Пропасть до полночи? Я бог знает что передумал.

Рыбак младший

А что же ты думал?

Рыбак старший

Что думал? Светает, повеса!
По Новой деревне, ты слышишь, стучат уж телеги;
И где разъезжал ты? светло, все окольноости видно;



А лодки твоей, просмотрел я глаза, не завидел.
Хожу, окликаю: с Невы ни ответа, ни гласа.
Пал на сердце страх: до беды далеко ль человеку!
Таких, брат, как ты, подцепляли не раз водяные;
А мать за тебя у кого бы ответа спросила,
Негодный повеса? .. Здорово! дай руку, товарищ!

Рыбак младший

Друг милый, друг милый! ведь ласточка нам
не солгала.
Ты сердцем не чуял, что я привезу тебе радость?

Рыбак старший

Что? щуку с пером голубым или лосося жирного
песнью
Сманил ты на уду? О, рыба ведь лакома к песням!
Не рыбу, мой друг, а сердца подгородных красавиц
Ловил ты свирелью. Удачен ли лов, признавайся;
Рассказывай всё... Но на челне, как видится, невод?
Ты невода не брал?

Рыбак младший

О неводе после, товарищ!
А эта свирель какова? посмотри, полюбуйся!

Рыбак старший

Свирель дорогая, сдается; ужели купил ты?
Нет, поднял у мыз понадречных; наверно, боярин
Ее обронил: дорогая, заморской работы!
Из пальмова древа, с слоновою костью и златом;
А скважины в ней — как пчела на сотах вылепляет!
На ней-то, земляк, соловьиные трели ты б вывел!
Сознай ты ее, объяви, чтоб тебя не клепали;
Чужое добро не в корысть.

Рыбак младший

Не присвою чужого.
А эта свирель, мой любезный, и невод на челне
Мои!

Рыбак старший

Перестань, молодой, старика ты морочишь.

Рыбак младший

Так счастью, земляк, моему и не веришь ты?

Рыбак старший

Счастью?
Ума приложить не могу, и не знаю, какому?

Рыбак младший

Вот этой простою, пастушеской деда свирелью
И невод, что в лодке, и эту свирель дорогую
Я выиграл!

Рыбак старший

Что?

Рыбак младший

И за что бы купил я?
За эту свирель рыболовного мало снаряда.
Нет, бог, о товарищ, мне бог даровал их за песни!

Рыбак старший

Да молви же, кто? Не томи, расскажи мне скорее!
От радости сердце играет; пропал мой и голод;
На ум не идет мне и ужин. Товарищ, ты весел?
Скорей поделися весельем, порадуй и друга!

Рыбак младший

О, радостно будет об этом всю жизнь говорить мне.
Но сядем мы там, на холме, под душистою липой,
Где в ясные ночи с тобою рыбу мы удим.
Оттоле нам видны далекие рощи и мызы
По брегу Невы среб진водной; оттоле увидим
И дом, о котором тебе поведу мое слово,
Тот терем, которого мне не забыть до могилы! —
Как солнце садилось, подъехал я с удами в челне
К противному берегу. Рыба, как день вечереет,
Там рунами ходит; и вправду, стадами металась.
Рука уставала закидывать гибкие уды;
Двух щук изловил, окуням и счет уж терял я;
Запасная верша кипела серебряной рыбой.
Но скоро, не ведаю как, против мызы боярской
С ладьей очутился я. Ночь между тем наступала,
Чудесная ночь! ни единой звезды на лазури,
А сребряный свет разливался по небу ночному!
Всё было так тихо! не дрогнул ни лист на осине;
Понесся из терема сладостный гул тихострунный.
Всё было безмолвно! И вот над Невою недвижной

Мне радостно стало! и начал я робкой свирелью
Подыгрывать тихо под струны; как вдруг меж древами
Почулся мне шорох, и слуги боярские вышли,
И с берега стали меня зазывать в его терем.
Я сеть отвязал, чтоб боярину рыбу живую —
Огромную щуку и окуней несть красноперых.
«Не с рыбой, с свирелью! — веселые вскрикнули слуги,—
В свой терем высокий тебя призывает боярин».

Рыбак старший

Царю мой небесный! идти ты, земляк, не боялся?

Рыбак младший

Боялся, товарищ! в груди моей дрогнуло сердце;
Как вот и боярин из теремных окон хрустальных
Свой ласковый голос мне подал; и пролил он в душу
Веселость и смелость! Вступил я в хоромы; но страшно
Мне стало опять, как я начал идти по хоромам.
Со стен их лики глядят на тебя как живые!
Из мрамора девы, прелестные, только не дышат!
Но диву я дался, увидевши терем высокий!
Чудесный, прозрачный! как в сказке, земляк, говорится:
Что на небе звезды и в тереме звезды! и месяц,
И вся в терему красота поднебесная видна!
В нем старец боярин сидел сребровласый в семействе
Цветущих детей, средь бояр и вельмож именитых.
Смутился я, друг; у порога стоял полумертвый;
Но ожило сердце, забилось весельем, и слезы
Из глаз у меня проступили, как добрый боярин
Приветно взглянул на меня и ласково молвил:
«Люблю я невинных сердец вдохновенья простые,
Люблю я свирельные песни, а ты их приятно играешь.
Не раз и ко мне доходили их сладкие звуки;
Давно я желал насладиться твоею свирелью;
Давно приготовил награду, достойную песней:
Тебя подарю я прекрасной свирелью из пальмы.
Сыграй нам, о рыбарь, приятную сельскую песню!»
Зачем ты, товарищ, под теремом не был со мною?
Напомнил бы ты мне, какие я песни играю;
От радости все позабыл я, стоял безответный;

Но очи лишь поднял и взоры боярина встретил,
Безвестная, друг, обняла меня дивная сила!
Взыграл я, и песнь разлилась по зеленому саду!
И вот мне награда.

Рыбак старший

Постой, товарищ, ты видишь,
Досадные слезы мешают мне слушать.— Ну дале?

Рыбак младший

Но лучшей наградой мне было боярское слово:
«Кто был твой учитель?» — измолвил он. «Бог»,—
отвечал я.
Боярин, из рук подавая свирель дорогую,
«Играй,— мне примолвил,— без бога, как ты, не играют.
Но в промысле ты не ленишься ли, рыбарь, для песней?
Таланты от бога, богатство — от рук человека».
«Наш промысел,— молвил я,— промысел чистый
и честный»,
Твои пред боярином смело я высказал речи.
«Разумные речи,— боярин мне весело молвил,—
За них я тебя дарю еще неводом новым;
Ты ж лучший твой лов продавай для меня на трапезу».

Рыбак старший

Как сказку я слышу! правдиво предвестие птицы!

Рыбак младший

Не птицы, а деда правдиво мне вещее слово:
Он, дед мой, говаривал: что в кого бог поселяет,
То, верно, не к худу.— Молчишь ты, любезный!

Рыбак старший

Устал я
От радости сердца; скажу я короткое слово:
От деда в наследство ты принял цевницу из липы,
А внукам своим передай цевницу из пальмы.

Рыбак младший

И имя того, кто почтил дарование бога,
Я внукам моим передам с любовию к песням.

1821

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ПЕСНИ НЫНЕШНИХ ГРЕКОВ

ВВЕДЕНИЕ

I

Намерение сделать известными европейцам простонародные песни нынешних греков не ново: доказательство, что они изобилуют не одними красотами частными, местными, но достоинством поэтическим общим, чувствительным и для других народов. Еще в 1676 году ученый француз Ла Гиллетьер в предисловии своем к сочинению *Лакедемон древний и новый* изъявил желание издать собрание греческих простонародных песен. В наше время отличнейшие германские писатели, сам знаменитый Гете,[1] собирали их с намерением напечатать; француз упредил: г. Фориель (Fauriel) издал собрание греческих песен, с переводом и предисловием. Первое основание сего собрания положено, как говорит издатель, знаменитым Кораем; последние песни он получал от гг. Газе, Мустоксиди и других ученых и патриотов греческих, его намерению споспешествовавших.

«Простонародные греческие песни,— говорит издатель в начале предисловия,— даже и без всяких изъяснений, каких они могут требовать, доставят некоторые новые сведения, научат оценять с большею, как доныне было, точностью, с большею справедливостью нравы, характер и гений нынешних греков.

Ученые европейцы, в продолжение четырех веков посещая Грецию, отыскивали развалины храмов, прах городов, решась наперед восхищаться над следами, часто сомнительными, вместо того, что за две или за три тысячи лет было; а восемь миллионов людей, остатки несомненные, остатки живые древнего народа сей земли классической, бросали без всякого внимания, или говорили об них как о племени отверженном, падшем, не заслуживающем ничего более, кроме презрения или сожаления людей образованных.

Таким образом, ученые европейцы не только оказывали несправедливость нынешней Греции, но вредили сами себе, своей любимой

---

[1] Пукевиль в своем «Путешествии в Грецию» говорил как о слухе, будто Гете издал уже в Германии подобное собрание.— Voyage dans la Grèce, t. V, p. 415.

надежде: они сами отказывались от способов лучше узнать Грецию древнюю, лучше открыть то, что есть преимущественного, собственного и неизгладимого в характере и гении сынов сей земли благословенной. Не в одной черте обычаев и нравов нынешних они легко узнали бы следы любопытные обычаев и нравов древних, и таким образом составили бы себе мысли гораздо высшие о силе и твердости последних. Они открыли бы причину и более общую и более основательную той пламенной любви к отечеству, к свободе, той деятельности общественной, промышленности и предприимчивости, которым удивляются у греков древних: ибо уверились бы, что греки нынешние, даже под игом турок, более несчастные, чем униженные, никогда совершенно не теряли ни своих преимуществ душевных, ни чувства независимости; что они умели удержать народность свою, отличную от их победителей, умели сохранить, под правительством насильственным и хищным, способность удивительную к мореходству и торговле.

Чем более ученые любили язык Гомера и Пиндара, тем более нашли бы они пользы в изучении языка нового, который, живая отрасль языка мертвого, сохраняет многие черты его, не вошедшие в книги древних. Наконец, что касается до словесности вообще и в особенности до поэзии, они хотя не нашли бы у новейших греков древнего поэтического гения, гения, который им ничего уже не говорит и которого не могут они понимать; но узнали бы, что они также имеют свои титла славы, свою степень образованности. Вот предмет,— говорит издатель,— о котором намерен я пополнить сколько могу безмолвие писателей и путешественников».

С таким побуждением, в предисловии весьма обширном и занимательном, он между прочим излагает краткую историю новейшей словесности греков. Извлекаю только то, что должно познакомить читателя с их поэзией простонародною, и позволяю себе некоторые замечания на суждения [1] почтенного издателя.

«Греки нынешние, кроме поэзии письменной, имеют поэзию изустную, народную, во всей силе этого слова, выражение прямое и верное характера и духа народного; ее каждый грек понимает и любит, потому единственно, что он грек, что живет на земле и дышит воздухом Греции. Поэзия сия живет не в книгах, не жизнию искусственною, но в самом народе и всею жизнию народа: она заключается в песнях».

Издатель разделяет их на три главные рода: семейственные, исторические и мечтательные, или романические. Под родом семейственных разумеет он песни, которые поются при разных годовых празднествах и важнейших обстоятельствах жизни: свадьбах, пирах и, между прочим, при похоронах. Обращая более внимания на песни семейственные, которые более других изображают нравы народа, издатель замечает черты, сближающие нравы и обычаи нынешних греков и их предков. Таким образом, из числа песен праздничных он упоминает об одной, весьма известной в целой Греции под названием: *Песня ласточки;* она поется при начале весны, в марте, купами детей, которые, нося в руках ласточку, из дерева сделанную, ходят из дома в дом, чтоб славить новую весну и получать за это небольшую на-

---

[1] Суждения издателя французского отличены, при начале и при конце их, двумя запятыми.

граду. При сем издатель указывает на подобную древнюю простонародную песню, которая во всей целости сохранена Афенеем; она, по словам издателя, также была известна под названием: *Хелидонизма, Песня ласточки*, и пелась у родосцев также детьми, в марте месяце, с тем же намерением.

Возбудив любопытство, издатель, к сожалению, не удовлетворяет его, не приводит ни той, ни другой песни. Кроме этого, должно заметить, что древняя песня у Афенея не названа: *Хелидонизма:* он только говорит, что петь эту песню называлось *Хелидонизин*, так сказать, *петь ласточкой*, и что это обыкновенно бывало в месяце Воедромионе. Месяц сей у греков также не март, а наш август; впрочем, как противоречие самой песни, к весне относящейся, так и некоторые издатели Афенея утверждают, что подлинник в названии месяца сомнителен. *Хелидонизин*, говорит Афеней, произошло от того, что пели следующую песню: [1]

Пришла, пришла ласточка, прекрасные времена
   Приносящая и прекрасные годы,
   Черевцом белая, а спинкой черная.
   Не вынесешь ли вязанки фиг
      Из полного дома?
      Сыру коробочки,
      Вина чарочки
      И пшеницы?
   Ласточка и от пирожка
      Не откажется.
Уйти нам? или что-нибудь получим?
Если подашь, уйдем; если нет, не отстанем:
   Двери унесем и притолоки;
Или женушку твою, которая сидит в комнате:
   Маленькая, легко унесем.
Если малость подать, велико будет даяние.
Отпирай, отпирай дверь! не отказывай ласточке!
Не старые мы, видишь, все молодые.[2]

«Оплакивание мертвых составляет у греков также род как бы песней, которые имеют особое название — *мирологи*,[3] *печальнословия*. Их произносят над мертвым одни женщины, свои, но употребляют и чужих: у греков есть женщины, которые за плату исполняют обя-

---

[1] В данном издании считаем возможным не давать греческого текста, имеющего точный перевод (*Ред.*)

[2] Редкий сей памятник древней простонародной поэзии греков, между прочим, напоминает удивительную черту ума греческого. В городе Линде нужно было сделать сбор денег для общественной надобности; и с сею-то песнею дети посланы по домам, для испрошения денег у граждан линдских, что было, как доказывает песня, *весною*. И когда, в самом деле, доступнее сердце человека, если не в то время, как сама природа растворяет его для радости и, стало быть, для всех чувствований добрых.

[3] Франц. издатель везде пишет, как видно по выговору, с дигаммою — *мириологи;* но слово пишется μοιρολόγι.

занность мирологисток, *плакальщиц*. Из мирологов издатель не мог предложить ничего любопытству читателей. Миролог, минутное вдохновение горести, исторгается из души без участия памяти. Самые слушатели могут вспоминать одни черты, более их поразившие; вообще всякий миролог забыт, как скоро произнесен. Но любопытен обряд, при них у греков наблюдаемый. По опрятании и убранстве мертвого все женщины, сколько их ни соберется в дом, и родственные и чужие, становятся кругом тела и изливают печаль свою, без порядка и принуждения, слезами, воплями и словами. После сего плача, произвольного и совокупного, следуют оплакивания другого рода — это *мирологи*. Обыкновенно ближайшая по связи к покойнику произносит свой миролог первая; за нею другие родственницы, приятельницы, самые соседки; одним словом, все присутствующие женщины могут платить умершему последнюю дань нежности и выполняют это одна за другою, а иногда многие вместе. Род сих надгробных песней сколько особен, удивителен для европейцев (но не для русских, как увидим ниже), столько в самом деле поразителен сходством с подобного рода песнями, у древних греков употреблявшимися при таких же случаях и в таком же порядке. Это можно видеть из «Илиады» (песнь XXIV), когда семейство Приама плачет над телом Гектора: вокруг него Андромаха первая, за нею Гекуба и наконец Елена произносят род *мирологов*, одна за другою; с ними участвуют как певцы особенные, так и все жены троянские».

Таких признаков сходства между семейственными песнями новых греков и древних издатель находит еще более в древних же простонародных песнях греческих, Афенеем, Аристофаном и «Анфологиею» нам сохраненных; на таких признаках основывает он свои заключения, что простонародная поэзия нынешних греков, исключая из нее песни исторические, не есть поэзия, в наши времена рожденная, ни в века средние; но что она есть и должна быть не что иное, как следы, продолжение, порча медленная и постепенная древней греческой поэзии, и в особенности простонародной.

К роду песен исторических издатель между прочими относит песни клефтические; они почти одни и несколько песен сулиотских составляют первый том собрания. Жаль, если одним томом заключится издание; нет сомнения, что полное собрание таких песен было бы и лучшею историею нынешней Греции и самою верною картиною нравов народных. Из песен клефтических, как занимательнейших, я перевел некоторые, думая, что читателям русским любопытно будет узнать сии произведения не в одном общем их достоинстве поэтическом, но и в другом отношении, как увидят ниже. Не можно, однако ж, хорошо разуметь их, не имея идеи о предметах; все они относятся к положению дел и людей, без знания которых будут неясны. Извлекаю сокращенно сведения о *клефтах* из предисловия издателя.

«На греческом новом, как и на древнем языке, слово *клефт* значит *разбойник*. Но подвиги и приключения разбойников не были бы предметом, достойным песней, не заслужили бы прославления народного в продолжение трех веков. Суждение о предмете по названию будет в этом случае несправедливо. Ничто менее в сущности своей не сходствует с разбойниками других земель, как клефты греческие.— До первых времен вторжения турок в земли греческие

восходит начало земского ополчения, у греков известного под названием *арматолов*, т. е. людей, носящих оружие; оно началось в Фессалии. Обитатели долин покорились жребию своему. Жители гор, Олимпа, Пелиона, хребтов Фессалийских, Пинда и гор Аграфских противились победителям. Часто, с оружием в руках, они набегали на поля и небольшие города; грабили победителя, а при случае и побежденных, упрекая их в том, что поддаются неверным. С этой поры *арматолов* начали называть *клефтами*. Устав воевать с людьми неустрашимыми и бедными, турки начали поступать с ними кротко; предоставили им право распоряжаться по своим законам, жить независимо по округам горным, какие занимали, и носить оружие для своей защиты, но с условием платить дань. Племена, жившие в части гор более стремнистой, в местах почти недоступных, отвергли всякое условие с магометанами и сохранили до наших времен совершенную свободу. Другие жители гор вошли в условия, и им позволено было содержать вооруженных ратников для собственной безопасности; эти ратники были *арматолы*. Таким образом, название арматолов давалось часто тем самым людям, которые, в прежнем состоянии войны и противуборства, были называемы *клефтами*. Что касается до округов горных, более диких и дебристых, где греки почитали себя безопасными от турок и отказывались от примирения с ними, места сии с того времени сохранили или получили название *клефтохории*, то есть стороны, или жилищ клефтов; они носят его и поныне. Таковы,— говорит издатель,— предания греков о начале арматолов и клефтов».

Может быть таковы предания простого народа; может быть, что со времени завоевания Греции турками греки вооруженные начали именоваться словом латинским — *арматолы*, от *arma tollo, ношу оружие;* но обычай у греков *всегда носить* оружие и употреблять его иногда для частных видов гораздо древнее вторжения турок в Грецию. Кроме Геродота,[1] вот что говорит Фукидид: [2] «В древности геллены и варвары, проживавшие у моря или обитавшие по островам, едва начали на судах сообщаться, обратились к разбою, под предводительством людей могущественных, иногда для собственной пользы, иногда для доставления пропитания бедным... Сей промысел не казался бесславным, напротив — доставлял еще славу. Это ясно свидетельствуют как народы твердой земли, между которыми почитается небесчестно производить, при известном порядке, сей промысел, так и древние поэты, у которых (в сочинениях) разъезжающие по морю спрашивают встречных: *не разбойники ли вы?* Однако ж ни те, у которых спрашивают, не отрекаются от промысла, как недостойного, ни те, которые спрашивают, сим их не порицают. На твердой земле также разбойничали. *Еще и поныне следуют сему обычаю древнему многие племена Геллады, как то: локры-озолы, этольцы, акарнанцы* и другие сих областей обитатели. Таким образом, обычай всегда *носить оружие* между сих народов твердой земли остался от древнего разбойничества». Вот, кажется, где начало истории, или, лучше сказать, и нынешняя история арматолов и клефтов: ибо и ныне главные их обители *Этолия* и *Акарнания*.

---

[1] Herod. 3. 133, p. 265.

[2] Thucyd. de bell. Pellopon. Lib. I, Cap. 5.

«Благодаря учреждению арматолов,— продолжает французский издатель,— Греция не была совершенно во власти варваров. Лишить мало-помалу побежденных остатка их благ и прав составляло главнейшую цель правительства турецкого. Арматолы были всегдашнею преградою сему намерению: пока грекам оставалось что-нибудь для потери, туркам оставалось дело. Короче, история арматолов, со времени, когда становится известною, есть не что иное, как картина долгой и мужественной их борьбы с пашами и беями. Диван наконец почувствовал их опасность: образовал особые частные отряды, учредил особых чиновников под названием дервенджи-баши, *главный охранитель дорог*, чтобы противопоставить их арматолам и преследовать мятежных. Впоследствии времени должность дервенджи-баши поручена пашам албанцев, племени воинственному, искони враждебному грекам. Арматолы мятежные, или клефты, располагая станы свои в горных бесплодных местах, будучи всегда готовы бросить их, не могши ни на миг оставить оружия, не подвергая жизни опасности, принуждены были жить грабежом, принуждены были нападать даже на греков; но обыкновенно туркам гибельны были их набеги. Клефты похищали стада, жгли деревни, пленяли аг и беев, уводили их в горы и возвращали только за выкуп. Таким образом, когда арматолы, преследуемые и принужденные защищать оружием свою жизнь и права, входили в первое их состояние независимости и начинали воевать с турками, следственно их грабить, им снова давали имя клефтов, или, может быть, они его принимали сами, как древнее титло их славы. То слабые и принужденные воевать в горах, то сильные и часто отнимавшие округ, из которого изгнаны были и который обыкновенно назывался *Арматóлик*, воины сии переходили от состояния арматолов к клефтам так часто и быстро, что имя арматола и клефта могло быть принимаемо, почти без разбора, одно за другое. Есть области, где слово арматол употребляется для означения того и другого; в других, напротив, как в Фессалии, клефт означает как арматола, покорного туркам, так и клефта, на горах воюющего».

«С основания арматолов дружины их имели предводителей под именем *капитанов*. Титло сие и обязанности, как полагает издатель, были наследственны и передавались отцом старшему сыну, с саблей, как знаком пожалования. Ратник арматолов назывался *паликар* — слово, означающее человека в цвете лет и сил, так сказать, храбрый, удалый, а проще, но вернее — *молодец*. Одежда их совершенно албанская, оружие также: сабля, кинжал и ружье, длинное необыкновенно. Переходя в горы, чтобы жить клефтами, арматолы сохраняли ту же одежду; имели, однако ж, признак, по которому можно отличить клефта покорного от мятежного. Последний носил, гораздо длиннее первого, аркан, несколько раз обвитый кругом тела; арканом сим он обыкновенно вязал пленных. Дружины клефтов простираются от двух до трех сот человек и более. Главнейшие становища их — горы Этолии, отделяющие Фессалию от Македонии, и горы Аграфские, то есть разные горные хребты, из которых одни принадлежат Акарнании, другие — западной Фессалии. Но гора Олимп — любимейшая, главнейшая обитель храбрых и, можно сказать, гора священная клефтов. Впрочем, род обожания, с каким гора сия прославляется в песнях клефтических, может быть, происходит более от преданий о древней знаменитости ее, нежели от существенного превосходства гор, клефтами избираемых».

«Ведя на горах жизнь простую, суровую, беспрерывно деятельную, воины сии все физические способности тела раскрывают до необыкновенной степени. Сверх того, упражняяся в станах своих разными родами игр воинственных, они приобретают силу, гибкость и легкость изумительную. Капитан Ник-царѝ перепрыгивал через семь лошадей, рядом поставленных. Называют других капитанов, которые, под одеждой и оружием, равнялись бегом с обыкновенною скоростию лошади скачущей. Но важнейшее и, без сомнения, полезнейшее искусство, в каком они отличаются,— стрельба. Все они из длинных ружей своих стреляют с верностию удивительною. Искуснейшие — в двухстах шагах попадают пулею в кольцо, которого окружность немного более пули. Эта превосходная степень искусства в стрельбе родила между ними род поговорки: *вдеть пулю в кольцо*».

Должно присовокупить, что многие храбрые воины, отличавшиеся в первое восстание Мореи, были капитаны армáтолов, в нынешнее также; Одиссей и еще некоторые прославившиеся победами предводители греков вышли из среды сих дружин воинственных, на которых просвещенные патриоты Греции издавна полагали великие надежды отечества.

Но этого довольно, чтоб иметь понятие об арматолах и клефтах, сколько нужно для песен; обратимся к ним. Из переведенных некоторые относятся к нашим временам, другие старинные; они сохранились или письменно, любителями, или в устах народа и особого класса людей, их поющих. Древнейшие из них, напр. *Олимп*, принадлежат, по словам издателя, к концу XVI века.

«Особенность всех произведений поэзии простонародной везде общая: сочинители их остаются неизвестными. Особенность сия обнаруживается и в песнях греческих. Никто не знает сочинителей; но большая часть песен слывет произведением *слепых-нищих*, рассыпанных по всей Греции, людей, изображающих собою древних рапсодов с точностию, в которой есть что-то поразительное. Слепцы эти обыкновенно выучивают наизусть песни простонародные; иные знают их удивительное множество. С сим сокровищем памяти они беспрерывно странствуют: проходят Грецию во всех направлениях, из Мореи в Константинополь, от берегов моря Эгейского до Ионийского. В селах встречаются они чаще, нежели в городах, и особенно во время приходских праздников или ярмонок. Там кругом их собираются охотнее слушатели, пред которыми они поют и получают небольшую плату, составляющую весь их доход. Пение сопровождают они музыкальным орудием со струнами, по которым играют смычком. Орудие это совершенно древняя лира греческая, которой оно сохранило как имя, так и форму.[1] Лира сия полная, имеет пять струн; но часто бывает с двумя или тремя струнами, которых звуки, как легко представить, не весьма сладкогласны».

«Новые рапсоды сии разделяются (что составляет бóльшую или меньшую их важность относительно к истории поэзии) на два рода. Одни — и эти, кажется, многочисленнее — только собирают, выучивают и распространяют песни, которых они не сочиняли. Другие составляют разряд более отличный: повторяя и распространяя поэзию

---

[1] В рассуждении большого сходства упоминаемого орудия с лирою древних не все из знающих нынешнюю Грецию соглашаются. Г.

другого, они сами делаются поэтами, и к числу песен, ими выученных, присоединяют собственные. Сходство, не менее примечательное между рапсодами древними и новыми, состоит еще в том, что эти бывают, как бывали те, вместе музыканты и поэты. Каждый слепец, сочинивший песню, сочиняет и голос на нее. Между сими слепцами-рапсодами встречаются, от времени до времени, одаренные талантом импровизаторов. Один из них, как слышал издатель, жил в конце последнего века, в маленьком городке Ампелакии, что в Фессалии, недалеко от горы Оссы. Он назывался Гавоянис, или Иван слепой; достиг до глубокой старости и приобрел во всем округе большую славу легкостию, с какою импровизировал на всякий исторический предмет песни, слывшие прекрасными. Он также изумлял памятованием необыкновенного множества происшествий из истории клефтов. Сделавшись богат, по сравнению с его братьями, скитальцами и нищими, он представлял пример, действительно редкий, рапсода-домоседа. Народ его посещал, к нему сходился, чтоб слушать песни или требовать новых, без приготовления им воспеваемых».

«Всякий предмет песни, лишь бы он был народен, хорош для певцов сих; но есть содержания, ими особенно предпочитаемые, которые воспевать они вменяют себе как бы в обязанность. Содержания сии суть подвиги и приключения клефтов, предметы, действительно заключающие в себе всех более народного и любезного грекам».

«Таким образом, что касается до свойства, изобретения и сочинения сих песен, не должно ни на минуту упускать из виду, что эти песни — произведения простого народа, что никакое искусство не присутствовало при сочинении оных, или, по крайней мере, выказывается в них в самой юности. Сочинения такого рода можно ли судить по правилам искусства зрелого? Или сочинения, чуждые правил их, могут ли заслужить удивление или уважение? Дело должно отвечать на последний вопрос; и оно отвечает как нельзя утвердительнее».

«Между всеми искусствами подражательными поэзия имеет ту особенность, что одно побуждение, одно вдохновение гения необразованного, самому себе преданного, может достигать цели искусства без ухищрений, без способов, им обыкновенно употребляемых, если только цель сия не слишком сложна, не слишком отдаленна. Это бывает во всяком сочинении поэтическом, которое под формами первоначальными и простыми, как бы они безыскусственны ни были, заключает сущность предметов или мыслей истинных и прекрасных. Еще более: именно этот недостаток искусства, или это несовершенное употребление искусства, этот род противоположности или несоразмерности между простотою способов и полнотою действия составляют главную прелесть такого сочинения. Без сомнения, творение поэзии, в котором гений ничего не заимствовал от искусства, кроме способов, какими он очищается, возвышается, увеличивается, будет всегда, и при равенстве предметов, гораздо выше и действием и достоинством всякого творения гения необразованного. Но успехи решительные искусства так редки, его опыты несчастные так часты, и есть нечто столь печальное при виде такого значительного числа умов человеческих, изнуряющихся в усилиях напрасных, что красоты без искусства или искусство без затейливости должны нравиться потому единственно, что они чужды искусства и доказывают, что

гений старее искусства и может производить без его пособий. Чем более встречаем произведений, где естественное, истинное и прекрасное от усильного искания, тщательности и украшений потеряны, тем более находим прелести в произведениях, в которых воображение юное и смелое излилося со всею свободою, и для одного удовольствия изливаться. Почти таким образом, и по причинам одинаким, выходя из душного бала, даваемого роскошью суете и скуке, мы вкушали бы наслаждения чистейшие, когда бы вдруг случилось нам увидеть картину радостей невинных, живые игры детства».

«Рассуждения сии относятся ко всякой поэзии простонародной, поэзии естественной, в противоположности с поэзиею искусственною, когда только будет она выражением чего-либо истинного, благородного, чувствованного. Но они еще более могут относиться к простонародным песням греков, как к таким, которые более других соединяют с необыкновенною занимательностию и истиною особенность форм народных. Свойство их, почти всех, одинаково: краткость, сжатость, и сжатость гораздо бо́льшая, нежели бы нужно для вкуса каждого другого народа, кроме греков. Это не те оконченные произведения, для которых поэт наперед изучил всё, что должно сказать, всё, что должно описать; это одни черты, из которых каждая есть черта характера, жизни, и в красках которой сияют воздух и небо Греции. Происшествие ли, мысль, чувство или игра воображения составляет предмет песни, изложения их чрезвычайно просты, но почти всегда возвышены оригинальностию исполнения. Иногда поэт прямо, без всякого приготовления, излагает предмет, иногда начинает приступом лирическим, родом короткого пролога приготовляет воображение слушателей. Сии приступы в простонародной поэзии греческой суть как бы образцы освященные: они изменяются по роду песен, перед которыми помещены; но каждый из них может быть употреблен для другой песни в том же роде. Во многих песнях, при чрезвычайной простоте мыслей и выражений, встречается, иногда в мысли главной, иногда в побочной, а временем и в выражении, что-то неожиданное, в первую минуту кажущееся изысканным, чрезмерным или, по крайней мере, странным; но, рассмотрев его ближе, тотчас уверяешься, что это изысканное или показавшееся чрезмерным есть способ самый живой, самый искренний и даже невинный как нельзя более, чтобы выразить мысль очень простую или чувство очень естественное; тотчас видишь, что весьма далекая от принужденности и изысканности эта резкость выражения или мысли есть отпечаток чего-то национального, есть особенное свойство воображения народного. В песнях греки заставляют говорить предметы неодушевленные, горы, животных, но *более всего птиц*».

«Сия примесь чудесного, сия смелость выражений и воображения, удивляющие вкус европейца, сия гордость духа, сей пыл чувств и жар исполнения дают,— замечает издатель,— простонародным песням нынешних греков *что-то восточное*, ясно их отличающее от всего, что мы теперь знаем или представить можем из простонародной поэзии древних греков. Это различие вкуса и воображения греков современных и их предков не будет, может быть, неизъяснимо; по крайней мере, оно существенно, и довольно, если замечено».

II

Вот что находит издатель французский в исторических песнях греков; и что он говорит об их поэтических свойствах — этого довольно; но что касается до особенности вкуса и воображения, и французом в них замечаемой, но приписываемой Востоку, для русского читателя этого, я думаю, не довольно.

Уже при описании греческих песен семейственных читатель русский заметил, что так называемые у них *мирологи* и у нас, хотя не имеют названия, но существуют: что простонародные женщины в России, а особенно в Малороссии, оплакивая мертвых, прибегают не к одним слезам и не имеющим связи воплям горести, но что плач их составляет особенный, у простых людей почти общий род оплакивания, в котором они обыкновенно исчисляют добродетели умершего, хвалят его и, жалуясь на свое вдовство или сиротство, распевают: *Закрыл ты ясные очи свои! на кого же ты меня покинул? на кого оставил?* что к сим, так сказать, формулам общим приговаривают разные нежные выражения — *голубчик мой, ясный сокол мой!* и проч.; так что плач сей, произносимый всегда особенным родом напева, носит на себе совершенное свойство миролога. — Читатель также помнит, что для празднества весны и мы имеем песню; что она хотя не под названием «Песня ласточки» известна, но существует в Малороссии и называется *веснянка*, и что в начале весны молодые сельские женщины нарочно собираются на улицах, чтобы петь *веснянку;* что в Великороссии девятого марта в старинных домах, даже дворянских, делают для детей из теста птичек *жаворонков;* и что, стало быть, существовал и у нас какой-то обычай праздновать весну, и птица, такая же вестница весны, была вводима и в наше празднество, которое время истребило, но сохранило очевидный памятник оного. Посещавшие полуденную Россию также знают, что не на одной ярмонке, не на одном приходском празднике можно встретить и у нас *слепых-нищих* с кобзою за спиною; что одни из них играют на струнах сего орудия смычком, другие перстами и поют разные песни; что песни эти суть не простые, общенародные, или не одни духовные, так называемые народом *псалмы*, которые в Великой и Малой России обыкновенно поют под окнами слепые-нищие, но какие-то особенные, в роде большею частию повествовательном, исторические, довольно длинные песнопения;[1] что песнопения сии рукописно нигде не существуют, хранятся только в устах слепых певцов, и, конечно, суть произведения людей сего состояния; произведения, у нас еще незнаемые, еще не обратившие на себя внимания наших литераторов, но не менее того доказывающие, что и наша поэзия простонародная давно имеет своих рапсодов, может быть немногим россиянам известных, как еще многое в отечестве нашем, но тем не менее подобных рапсодам

---

[1] Оставив Малороссию в детстве, я, однако, имел случай слышать пение таких слепцов, и, сколько помню, в песне одного из них, очень длинной, часто упоминалось о *Черном море* и о каком-то *царе Иване.*

нынешней Греции. При сих замечаниях нельзя не вспомнить еще и того, что в языке русском, а особенно малороссийском, встречаются слова гелленские — и такие, которые остались в языке новогреческом, и такие, которые не вошли в него; но что у нас сохраняют они как значения, иногда прямые, иногда переносные, так и звуки гелленские,[1] следовательно весьма давно занятые славянами у гелленов. Таким образом, когда нравы и обычаи греческие, как описывает их сам Фориель, представляют явные признаки древнего сближения славян с гелленами, и когда язык первых сохраняет явные следы взаимного влияния племен сих,[2] трудно читателю русскому согласиться, чтоб особенный вкус и дух новейшей народной поэзии греков можно было изъяснить тою одною причиною, которой издатель французский гадательно их приписывает.

Резкая особенность греческих песен исторических, для иностранца, конечно, чуждая, сильно поражает каждого русского, так сильно, что и тот, кто читал вскользь перевод французский, не мог во многих песнях не заметить чего-то знакомого, чего-то похожего на песни русские. Не читающие по-гречески могут подумать, что переводчик усиливался сообщить дух русский песням греков: так много между ними сходства. Не станем говорить о диких порывах гения и своевольных его переходах, сих свойствах, отличающих нашу поэзию простонародную, и находимых в песнях греков; не станем говорить об оборотах, движении стиха, любимых повторениях речей и фраз, о многих чертах, которые составляют особенность песен русских и встречаются в греческих, но которые приметны знающим оба языка. Обратимся к особенностям главнейшим песен греческих, к таким, ко-

---

[1] Предлагаю, сколько память на этот раз представит, одни слова гелленские: новогреческих очень много. Слова, в Великороссии или Малороссии употребляющиеся: Βουγάϊος — бугай, Γλάγος — глечик молочный, и оттуда же глязанка, чем заквашивают молоко; Κρηνς — криница, источник; Κρύβδα — от наречия существительное кривда, неправда, коварство; Λάγανον — лохань, таз; Μήστωρ — мастер; Σχελετός — скелет; Σχήπων — скипка, щепка; Τέττα — тато, отец, в общем и почтительном выражении; Χαλεπὰ — халепа, беды, несчастия; Χῆρος — хирый, хворый, бедный здоровьем; Δρύπτω — дряпаю, царапаю, Μάσσω — мацаю, щупаю; Χολάδες — внутренности, кишки, последнее слово для любителей гипотез и толкований.— Праздник и песни коляды, в Малороссии и теперь существующие, можно изъяснять сими *холядес*. Обыкновенно о Рождестве делают там из свиных кишек колбасы, *холядес;* в это же время простолюдины ходят под окнами домов *колядовать*, так сказать выпрашивать колбас, ибо в песне, которую при этом случае поют, требуют в награду, между прочим, *кольцо колбасы*.

[2] Знатоки музыки также находят, что напев наших протяжных песен сходен с древним греческим, судя по сохранившимся отрывкам древней музыки: *Гимн Немезиде* и *Оды Пиндара*, которую Киршер и Бюрет переложили на наши ноты.— Собрание русск. народн. песен с их голосами, положенных на музыку Ив. Прачем. СПб., в типогр. Горн. училища, 1790, Предисл. стр. III.

торые с первого взгляда поражают читателя русского, в каком бы переводе он ни читал их. Песня, например, *Буковалл* своими сравнениями отрицательными: *Не быков ли то бьют, не зверей ли травят? нет, то бьют не быков*, и проч. так сходствует с нашими песнями простонародными, что если б не собственные имена и обстоятельства, нам чуждые, можно бы сказать, что это песня русская, по-гречески переведенная.— Род сих сравнений отрицательных, неизвестный древней поэзии греческой, составляет отличительное свойство нашей древнейшей поэзии, и высшей и простонародной; начиная с «Слова о полку Игореве»,[1] до новейших песен простонародных,[2] эти сравнения встречаются в них беспрерывно. Они встречаются и во многих песнях греческих.

Далее: французский издатель заметил, что греческие песни, кроме других особенных свойств, отличаются еще следующими: родом лирических приступов, например в песне *Гифтак* и многих непереведенных; что приступы сии, как образцы освященные, употребляются и для других песней с небольшим изменением, смотря по содержанию. Так, например, пташка, которая в переведенной песне «Сон Дима» сидит над Димовой головою и говорит языком человеческим, употреблена также в песне «Сон Зидра». Три птицы, которые вместе садятся, смотрят в разные стороны, горюют и между собою разговаривают, составляют приступ нескольких песен греческих.

Сколько русских песен начинаются сим родом лирических приступов! [3] Сколько раз они употреблены в других песнях с небольшим изменением! [4] Но что не менее заслуживает внимания, что еще более подкрепляет заключения, какие из того следуют: песни славян-чехов, старинные, XII и XIII века, отличаются сими же свой-

---

[1] Не буря соколов занесла — чрез поля широкие слетаются галки стадами к Дону великому... Не сороки стрекочут — ездит по следам Игоревым Гзак и Кончак.

[2] Не сокол летал по поднебесью —
Что ходил, гулял добрый молодец...

[3] Ах талан ли, мой талан такой
Или участь моя горькая?
Ты звезда моя злосчастная!
Высоко звезда всходила,
Выше светла млада месяца...
. . . .
Во Азове, славном городе,
Как была тут темна темница, и проч.

Или:

Вылетала голубина на долину, и проч.

[4] Два вышеприведенные приступа находятся при других песнях; это можно видеть в каждом песеннике.

ствами, имеют такие же лирические приступы;[1] песни сербов — тоже.[2]

Греки, заметил французский издатель, в песнях заставляют говорить предметы неодушевленные, *но более всего — птиц*. Нужно ли приводить доказательства, что ни один из народов, которых словесность нам известна, не употреблял с такою любовию птиц в песнях своих, как русские, и вообще, должно думать, доказательство — песни чехов и сербов,[3] племена славянские. Соловьи, гуси, утки, ласточки, кукушки составляют действующие лица наших песен, любимейшие сравнения древнейших произведений поэзии, начиная с «Слова о полку Игореве». Есть песни, например: *Протекало теплое море* или *За морем синица не пышно жила*, в которых, с необыкновенною веселостью ума русского, перебраны почти все птицы домашние и окружающие жилища человеческие. В песнях чешских то же свойство: птицы разговаривают, птицы составляют предметы песен.

Сия примесь чудесного, сии вообще особенные свойства, по словам французского издателя, дают греческим простонародным песням *что-то восточное*. Читатель видит, что это чудесное, что эти особенные свойства песен суть: частые введения в них птиц, разговоры их между собою или с людьми и сравнения отрицательные. Теперь да судит сам, к чему должно относить свойства сии, чему должно приписывать особенный дух простонародной поэзии греков, европейцам чуждый, но родной русскому, знакомый славянину. Откуда же это знакомство? Как сей дух русский или всё равно славянский зашел к народу греческому? Предлагающим эти вопросы надобно прежде вспомнить следующие обстоятельства: Албания, Этолия, Акарнания и горы Аграфские были искони главнейшими обителями арматолов, непокорных туркам, или клефтов. *Гифтак*, *Буковалл* и многие воспетые клефты в сих областях подвизались и, конечно, между их жителями, свидетелями их славы, нашли певцов своих подвигов. Помня это, пусть любопытные, для объяснения своих вопросов, потрудятся взглянуть на карту нынешней Греции, и особенно вышесказанных областей — Албании, Этолии, Акарнании и Аграиды: увидят, что там озера называются *озерами;* что города, горы, реки, деревни носят вот какие имена: города: *Скаланова*, *Клиново*, *Войница*, *Вистица*, *Ледорики*, *Ливно*, *Острово*. Горы: *Баба*, *Клокова*. Реки: *Белица*, *Десница*, *Добра-вода*. Деревни: *Славена*, *Слави*, *Грабли*, *Курка*, *Лавка*, *Ново-село*, *Косовица*, *Каменица*, *Борки*, *Бутки*, *Добро-поле*, *Бабино-поле*,

---

[1] Песня Роза:

Ах ты роза, красна роза,
К чему рано расцвела,
Расцветши, померзла,
Померзши, увяла,
Увядши, опала?
Вчера я сидела, долго сидела, и проч.

Также песня *Сиротинка*. Известия Российск. академ., книжка 8. Собрание чешских народных песнопений, перев. А. Ш.

[2] Изданные Вуком Стефановичем.

[3] Известия Российск. академ. книжка 8; и издан. Вук. Стефановичем.

и пр. и пр. и пр. Видя это, можно, кажется, *подозревать*, что народ, покрывший своими названиями области греков, должен был иметь на их дух, на их нравы сильное влияние, что народ сей, без сомнения, был из племени славянского, и что таким образом не один, может быть, слепой рапсод, воспевший подвиги клефтов, был славянин, впечатлевший и дух и вкус собственный в свои песни греческие. Подозрения эти могут обратиться и в заключения для тех, которые пожелают читать историков византийских и путешественников по Греции, нам современных. Из первых уведают, что племена славян, под разными наименованиями хорватов, сербов, гуннов, болгар, скифов, еще с 6-го века стали слишком знакомы грекам; что они опустошали нашествиями ежегодными [1] Иллирию, Фракию, собственно Грецию, Херсонес и все, от залива Ионийского моря до подгородных земель Византии, области греческие; и что, наконец, в 746 году, они было покорили власти своей весь Пелопонес.[2] От путешественников узнают, что часть племен сих, там оставшихся, укоренившихся и обитающих в средине Греции, до сих пор сохраняют много собственного в нравах и в самой наружности; что жены болгар пелагонских до сих пор отличаются волосами русыми и глазами голубыми; [3] что Николай-чудотворец предпочитается болгарами всем св. угодникам,[4] и что они до сих пор говорят языком славянским.[5]

Сообразив такие обстоятельства, кажется, должно будет изъяснять особенность вкуса и духа нынешней простонародной поэзии греков не одним влиянием Востока.

Знаю, что иностранец, незнакомый с словесностью русскою, не может и подозревать сходства между песнями русскими и новогреческими; он, конечно, должен предполагать, что особенности последних откуда-нибудь заимствованы. Но предположение, что они заимствованы из словесности восточной: арабской, персидской или, что всё равно, турецкой, едва ли не будет гадательное. И поэт Востока, если б спросили его, вы ли сообщали нынешним грекам особенные свойства, их простонародную поэзию отличающие? — едва ли не будет отвечать, как брамину в басне Крылова отвечал бесенок:

Я, право, вижу в первый раз,
Как яица пекут на свечке.

Если б *сравнения отрицательные* были общенародным свойством поэзии восточной, как некоторые думают, стоило бы раскрыть стихотворения Сади или песни Гафиса, знаменитейших поэтов Персии, чтоб эти сравнения встретить в таком же изобилии, как в песнях русских,

---

[1] Procop. Caesar. Histor. Arcan. C. 18, p. 316. Edit. Venet.

[2] Constant. Porphyrog. de Them., p. 25. Edit. Paris.

[3] Pouquev. Voyage dans la Grèce, t. II, p. 191. Хотя вероятно, что болгары не славянского происхождения, но они еще в половине 7-го века смешались с славянами и составили один народ. Штриш: Извест. Визант. истор. Часть IV, стр. 6.

[4] Pouquev. Tom. II, p. 373.

[5] Там же Пукевиль говорит, что для объяснения с болгарами он принужден был прибегнуть к нескольким словам славянским, в Рагузе им выученным.

которых они, так сказать, печать составляют. Но перевод немецкий Гафиса,[1] признаваемый прекрасным, перевод Сади, латинский,[2] в котором с знатоками персидского языка сверял я несколько сравнений, думая, не потеряна ли форма оных в переводе, не представили мне сравнений отрицательных.

Предположим, однако, что эти сравнения, может быть, находятся у народов восточных в таких же песнях простонародных: но и с этим предположением *сила обстоятельств* не разрушит ли заключения тех, которые не хотят, чтоб влияние на простонародную поэзию нынешних греков. было славянское? Влияние между народами, до сих пор разделяемыми верою, языком, нравами и ненавистью непримиримою, влияние поэзии восточной на простонародную греческую, т. е. на песни клефтические, сочиняемые именно в областях, наполненных славянами, с которого времени могло начаться? Конечно, со времени завоевания турками Греции, т. е. 370 лет назад. А славяне, которые в 6-м еще веке, перед императором Византии хвалилися любовию их к музыке, которых, как описывают историки византийские, греки в одном дальнем странствии нашли с кифарами или гуслями,[3] племена, из коих многие давно водворилися в землях и на пределах Греции, с жителями ее сблизилися верою и связями семейными, племена эти могли ли сообщать дух своих песнопений простонародной поэзии греков, и с которого времени? С 7-го века, 1200 лет назад!

Впрочем, если мне представят образцы поэзии восточной, которых сходство с песнями клефтическими греков, не одними сравнениями, но множеством свойств, так же будет разительно, как сходство их с песнями русскими, я докажу, что мои заключения внушало мне не тщеславие народное, но любовь к истине,— переменю их.

---

[1] Der Diwan von Moh. Hafis. Vebersetz. von Joseph Hammer, 1812.
[2] Rosarium Politicum Sadi. Amstelaed. 1651.
[3] История Государ. Российского Н. М. Карамзина, т. I, стр. 26.

ПЕСНИ КЛЕФТИЧЕСКИЕ

ОЛИМП

Содержание и примечания

Это одна из древнейших и лучшая из клефтических песен, в собрании г. Фориеля напечатанных. В сочинении и подробностях ее видно, более нежели в других, дикой смелости соображения и тех дерзких порывов гения, той сильной простоты, которые составляют свойство сих произведений. Фориель предполагает, что она сочинена в Фессалии, но известна в целой Греции. Французский издатель из трех разных копий составлял текст; но в его издании опущены стих 2 и 9, которые, по совету отца Экономоса, я внес как принадлежащие сей песни и дающие оной больше ясности. 2-й из них: *И первый за сабли, за ружья другой* означает спор за сражающихся саблями и ружьями. *Киссав* — нынешнее название горы Пелиона; *коньяры* — племя магометан, самое презренное у греков; *Ксеромер* и *Луру* — арматолики в Акарнании.

ОЛИМП

Заспорили горы, Олимп и Киссав,
И первый за сабли, за ружья другой.
Олимп обернулся, к Киссаву шумит:
Молчи, пресмыкайся во прахе, Киссав,
Не раз оскверненный Коньяра ногой!
Я славен в подлунной, Олимп я седой!
Высок я, на мне сорок две головы;
Я шумен, струю шестьдесят два ключа;
Где ключ лишь — тут знамя, где дерево — клефт.
Сидит у меня на вершине орел,
В когтях у орла — голова храбреца.

Клюет он ее и расспрашивает:
«Что сделала ты, удалая глава?
За что, как у грешного, срублена с плеч?» —
«Съедай мою молодость, птица-орел,
Съедай мою храбрость; твои подрастут
И крылья на локоть и когти на пядь!
В Ксеро́мере, в Лу́ру я был арматол
И клефт на Олимпе двенадцать годов;
Сто аг истребил я, сто сел их сожег,
А турок, албанцев, положенных мной...
Их множество, птица, и счета им нет.
Но жребий пришел мой — лег в битве и я!»

II

СОН ДИМА

Содержание и примечания

Дим, или Димос, сокращенное имя Димитрия. Дим, капитан клефтов, погиб жертвою своей гордости и отваги. Албанцы подстерегли его и засели убить; но он не хотел послушаться совета друзей, не хотел переодеться, чтобы не быть узнанным, и убит неожиданно. Содержание песни есть рассказ сна, которым поражен Дим как предчувствием несчастья. В сочинении есть что-то поэтическое и необыкновенно оригинальное; птицы и многие свойства песни сильно напоминают песни русские.

СОН ДИМА

Не раз и не два я говаривал Диму:
«Понизь свою шапку, доспех свой прикрой;
Албанцы приметят, албанцы убьют,
Узнав по сребру и по гордому виду».
Кокуют кокушки кругом по горе,
Кричат куропатки, сидя под горою;
А малая пташка, слетевши с небес,
Щебечет, над Димовой сев головою,
Не птицей, не ласточкой пташка поет —
Поет, говорит языком человечьим:
«Что бледен, что смутен сего дня ты, Дим?» —
«Ты хочешь то ведать, скажу тебе, пташка!

Пришел отдохнуть я, немного соснуть;
Заснул лишь, и вдруг в первосоньи я вижу:
Потусклое небо, кровавые звезды,
Кровава булатная сабля моя!»

III и IV

БУКОВАЛЛ И ИВАН СТАФА

Содержание и примечания

Буковалл, один из славнейших капитанов клефтских, был из Акарнании, сражался с турками в горах Аграфских и прославился своею победою над Вели, дедом известного Али-паши.— *Керáссово* и *Кенýрио* — деревни, между которыми сражается Буковалл. Первые три стиха сей песни сделались общими в поэзии клефтической, тем образцом приступов для однородных песен, о которых говорено во введении.— Пукевиль также напечатал сию песню в своем «Путешествии в Грецию» (т. 3, ст. 16), но со списка, как видно, дурного, искаженную, лишенную всякого смысла, и удивляется, отчего она так славна в Греции, любима шипетарами и производит, как говорит сам, магическое действие над албанцами-христианами. Песня «Иван Стафа» занимательна, сколько по родству героя с Буковаллом, столько и по содержанию: другой о морских клефтах в собрании не находится.

БУКОВАЛЛ

Что за шум, что за гром раздается кругом?
Не быков ли то бьют, не зверей ли травят?
Нет, то бьют не быков, не зверей то травят:
То сражается с турками клефт Буковалл,
И сражается он против тысячи их;
От Керассово дым до Кенурио лег,
Белокурая дева кричит из окна:
«Перестань, Буковалл, воевать и стрелять;
Пусть уляжется пыль, пусть поднимется дым,
Сосчитаем, узнаем, скольких у нас нет».

Сосчиталися турки, их нет пяти сот;
Сосчиталися клефты, троих не дочлись.
Отлучились с побоища два храбреца:
За водою один, за едою другой;
А третий, храбрейший, стоит под ружьем.

СТАФА

Черный корабль у Кассандры брегов разъезжал:
Черные парусы, флаг голубой развевал,
Встречу корвета под флагом багровым летит:
«Сдайся! спусти паруса!» — налетая, кричит.
«Я не сдаюсь, не спускаю моих парусов!
К вам не жена, не невеста пришла на поклон:
Зять Буковалла пред вами, Иван я Стафа.
Бросить канаты, товарищи, нос наперед!
Бейте неверных! пролейте турецкую кровь!»
Турки навстречу, и сшибся с корветом корабль.
Первый Стафа устремляется, с саблей в руках.
Кровь через палубу хлещет, багро́веет зыбь;
«Алла!» — неверные взвыли и храбрым сдались.

V

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОЩАНИЕ КЛЕФТА

Содержание и примечания

Должно предполагать, что два клефта, врагами или каким-либо случаем, принуждены были удалиться от родины; а область другая — для грека чужбина, земля печальная, которой он никогда не именует, не прибавя эпитета ἔρημα, *пустынная*, эпитета, выражающего вместе и сожаление обо всем сладостном, что должно в ней терять, и предчувствие всего ужасного, чего должно ожидать в ней. Оба, пробираясь, надобно думать, на родину, приходят к возвышению; внизу бежит река, которую переплыть должно. И вдруг один из них, каким случаем — поэт оставил в неизвестности, поражен смертию внезапно.— «Конец песни,— замечает издатель французский,— отличается невинностью (naïveté), немного странною, но он совершенно во вкусе народа греческого».— Кому из русских конец сей не напомнит последних стихов лучшей между старинными нашими песнями:

Уж как пал туман на сине море
. . . .
Ты скажи моей молодой вдове,
Что женился я на другой жене;
Что за ней я взял поле чистое.
Нас сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрела.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОЩАНИЕ КЛЕФТА

Бросайся, пускайся, на берег противный плыви,
Могучие руки раскинь ты на волны, как весла,
Грудь сделай кормилом, а гибкое тело челном.
И если дарует господь и пречистая дева

И выплыть и видеть и стан наш и сборное место,
Где, помнишь, недавно томбрийскую козу пекли;
И если товарищи спросят тебя про меня,
Не сказывай, друг, что погиб я, что умер я, бедный!
Одно им скажи, что женился я в грустной чужбине;
Что стала несчастному черна земля мне женой
И тещею камень, а братьями — остры кремни!

ГРОБ КЛЕФТА

Содержание и примечания

Одна из славнейших в своем роде песен. Ее поют во всей Греции, с изменениями, которые доказывают народность ее. Она замечательна и потому, что изображает старого клефта, редкий пример в их истории, умирающего дома, посреди семейства и своей дружины, смертию естественною. Поразительна невинность воображения и сила духа, дышащие в последних словах старого клефта, который несет в гроб жажду еще воевать с турками и надежду еще дышать воздухом весенним.— Эти черты гения дики, но возвышенны: источник их — чувство бессмертия.

ГРОБ КЛЕФТА

Садилося солнце, а Дим свой завет говорил:
«Подите вы, дети, на ужин пора за водой;
А ты, мой племянник, садися, Лабракис, ко мне.
Тебе моя сбруя, оденься и будь капитан;
А вы, мои храбрые, саблю мою, сироту,
Возьмите и мне на постель нарубите зеленых ветвей;
Другие, подите сыщите священника мне.
В грехах я покаюсь, я много их на душу брал:
Арматолом тридцать, а клефтом я двадцать был лет;
Но смерть наступает, я мирно хочу умереть.
Постройте мне гроб, но чтоб был он широк и высок,

Чтоб, стоя мне прямо, сражаться и в турок стрелять.
На правую сторону сделайте в гробе окно,
Чтоб ласточки мне прилетали весну возвещать,
Чтоб красный мне май воспевали певцы-соловьи».

VII

УМИРАЮЩИЙ ИОТ

Содержание и примечания

Ио́т — сокращенное и́мя Панагиота. Первые четыре стиха сей песни оборотами, распространениями и формою сравнения очень близки к свойствам песен русских. Она полна чувства, вдохновения и весьма оригинальна. Последние три стиха, по мнению Фориеля, должны быть началом той песни старинной, какую умирающий клефт поет или хочет петь, как напоминающую для него всё, что он наиболее любил в жизни, которую теряет.

УМИРАЮЩИЙ ИОТ

Проснулся я рано, поднялся я раньше рассвета,
Водой умывался, водою от сна освежался,
И слышу — и сосны и дубы шумят по дубраве,
А клефты в пещере над их предводителем плачут.
«Проснися, Иот! от тяжелого сна подымися:
Враги сследили, враги в нас готовятся грянуть!» —
«Но что мне сказать вам, несчастные, храбрые други?
Горька во мне пуля, и рана моя неисцельна!
С одра подымите, на камень меня посадите
И дайте вина мне; хочу, умирая, напиться!
Хочу я пропеть заунывную старую песню:
Зачем я теперь не стою на горе на высокой?
Зачем я теперь не сижу под дубравою темной,
Где овцы и агнцы по пажитям тучные бродят?»

VIII

ПЛИАСКА

Содержание и примечания

Плиа́ска имя не греческое; клефт сей должен быть албанец или волох. Раненный, он, видно, не хотел более вступать в дружины храбрых и потерял жизнь, как бы в наказание. Мысль об Олимпе достойна лучших поэтов древней Греции. Собственные имена людей и областей суть имена знаменитых капитанов клефтских и их арматоликов. *Турна́в* или *Турна́во* есть в Греции округ, город и деревня.

ПЛИАСКА

Слег наш Плиаска, лежит при печальном потоке,
Бедный, по пояс в воде и воды еще жаждет.
С птицею, с ласточкой он разговоры заводит:
«Есть ли мне, птица, лекарство? мне чем излечить мою рану?» —
«Хочешь лекарства ты? хочешь ты вылечить рану?
Встань и взойди на Олимп, на прекрасную гору;
Храбрые там не больны, и больные там храбры.
Там у бесчисленных клефтов четыре начальства;
Там они делят сребро, раздают капитанства.
Нику Потамия, Хресту достался Алассон,
Толий на нынешний год капитан в Катерине,
Младший Лазопул по жребию взял Платомопу».
Встал и Плиаска несчастный, побрел злополучный!
В Турнов пошел: разгуляюсь по Турнову, думал;
Следом албанец, и голову снес ему саблей,

IX

АНДРИКО

Содержание и примечания

Андрико, знаменитейший из капитанов арматольских, оставивший по себе более всех славы, и славы прекрасной. Трудно найти грека, который бы не знал имени Андрика, который бы не произносил его с удивлением и уважением. Андрико сражался за свободу Греции, когда еще Греция не чувствовала своего могущества. В первых годах молодости, характером гордым и независимым сделавшись подозрителен правительству турецкому, он принужден был жить в горах, клефтом. В 1770 году, когда Морея пыталась восстать противу Порты, он с своими паликарами явился к армии российско-греческой. По отплытии русских Андрико в сражениях противу турок с тремя стами храбрых, а особенно в беспрерывном отступлении своем к Патрасу, преследуемый или окружаемый лучшим войском турецким, оказал подвиги, наполнившие славою его целую Грецию, и был общим голосом греков назван первым из храбрых. С 1786 года война вновь началась между Россиею и Портою, и Андрико вновь старался возбудить морean к восстанию. После этого сделавшись еще более ненавистен туркам и не могши покойно оставаться в Греции, он решился было ехать в Петербург, чтобы предложить себя правительству в службу военную. Но венециане, в то время потворствовавшие Порте, схватили его и отослали в Константинополь. Диван, может быть уважая храбрость Андрика, может быть надеясь обратить к исламизму, не казнил его, а заключил в темницу. Говорят, что султан предлагал ему свободу и почетную шубу с условием, чтоб он сделался мусульманином. Андрико отвечал, что он умрет христианином, и остался в темнице, в темнице и умер около 1800 года.

Сколько был он славен силою духа, столько был знаменит и удивителен силою тела, высотою и красотою роста, грозным величием лица и взора. Ничьи усы не имели такого вида и знаменитости, как его. В случаях, когда они могли беспокоить, он туго их свивал и ус с усом связывал сзади головы. Наружность столь дикая, столь гроз-

ная скрывала душу нежную, спокойную, способную на все дела великие. Те, которые не знают подвигов Андрика, уважат его, без сомнения, узнав, что он отец *Одиссея*, героя, которому новая Греция вверила хранение Термопил. Вот почему перевел я песню о нем, слабую в сравнении с другими, но по предмету достойную внимания. Мать сокрушается об отсутствии сына, когда он, может быть с русскими, подвизался в Морее. *Аспр* и Аспро-Потамос — древняя река Ахелой; *Карпеница* — область.

АНДРИКО

Андрика мать горюет, Андрика мать рыдает;
На горы часто смотрит, и горы проклинает:
«О горы Аграиды! о дикие утесы!
Что сделали вы с сыном, с Андриком-капитаном?
Где он? и отчего всё лето не являлся?
Не чуть о нем на Аспре, не чуть и в Карпенице.
Будь прокляты Геронты, и ты, Георгий Черный!
Услали вы мне сына, храбрейшего из храбрых.
О реки, упадите! к истокам побегите!
И верный путь Андрику откройте в Карпеницу!»

X

КАЛЬЯКУД

Содержание и примечания

Кальяку́д был протопаликар (адъютант) Андрика. Избегая преследований, жертвою которых начальник его погиб в землях, находившихся под покровительством венециан, он бросился в горы Этолии, где мужественно воевал с турками и албанцами. Песня сия трогательна, оригинальна и живописна: печаль жены Кальякудовой, сравнения, ее обращение к кораблям — очень в духе русском. В 3-м стихе употреблено выражение оригинальное: жена Кальякуда названа τὴν Λούκαιναν — это род прозвания жены по имени мужа; оно употребляется и у нас между народом; жену Николая, Лукьяна, Ивана называют: Николаиха, Лукьяниха, Иваниха; но имя Луки, как и некоторые другие, своим изменением может означить только отчество — Лукична, но не прозвание. Последние стихи песни — легко начертанная, но живая картина горной жизни клефтов.

КАЛЬЯКУД

Зачем я не птица! взлетел бы, взвился бы высоко!
Взглянул бы на франков, на остров Итаку печальный;
Послушал бы я, как младая жена Кальякуда
Тоскует, горюет и черными плачет слезами.
Как утица перья, она свои кудри терзает;
Как крылья у ворона, платья всё черные носит.
Сидит под окошком и смотрит на синее море,
И все корабли и морские суда вопрошает:
«Суда, корабли, золочены ладьи, бригантины!

В печальный ли Вальтос, из Вальтоса ль, быстрые,
мчитесь,—
Подайте мне весть о супруге моем Кальякуде!» —
«Вчера Кальякуда мы видели близ Гавролими:
Сидел капитан перед ярким огнем и с дружиной;
Пеклись для него на рожнах молодые бараны,
А рожны те ворочали пять полоненных им беев».

XI

ГИФТАК

Содержание и примечания

Гифта́к из Акарнании — потомок Буковалла, которого род Али-паши преследовал до последнего человека, мстя за позор деда своего, Буковаллом побежденного. Юсуф-арап — полководец Али-паши, прозывавшегося Тебелином. Первые два стиха составляют также приступ, не принадлежащий собственно сей песни, но многим.

ГИФТАК

Вод жаждут долины, снегов — островерхие горы •
И ястребы — пташек, а турки — голов христианских.
«Что с матерью сталось, с Гифтаковой матерью бедной?
Двух милых сынов, да и третьего, в брате, лишилась,
И ум потеряла; безумная бродит и плачет.
Но где? не видать ни в горах, ни в полях злополучной?
Она, говорили, брела ко овчарням волохов.
А тою порою стрельба там из ружей гремела;
И то не на празднике, то не на свадьбе стреляли:
Свинцом там Гифтак и в колено и в руку прострелен.
Как древо разбит, как младой кипарис повалился —
И голосом зычным вскричал молодец, озираясь:
«Где, милый ты брат мой? любезнейший друг, воротися!
Умчи ты меня, иль умчи мою голову с поля,
Чтоб Черный Юсуф, чтоб албанцы ее не отсекли
Отнесть во Янину, янинскому псу Тебелину».

XII

СКИЛЛОДИМ

Содержание и примечания

Суровые люди, клефты, отличаются добродетелями, достойными душ образованных. Поведение их в отношении к женщинам заслуживает внимания. Им часто случается приводить в плен дочерей или жен турецких, даже греческих, и держать их несколько дней в своей власти, среди гор и лесов дремучих, пока не получат выкупа. Но ни капитан, ни его паликар никогда не позволят себе нанесть малейшее оскорбление пленнице. Капитан, который осмелится оскорбить ее, будет немедленно оставлен паликарами; рассказывают, что один был за это умертвлен ими, как человек навсегда себя обесчестивший и недостойный повелевать храбрыми. Сия благородная черта нравов и чувствований клефтов видна в песни «Скиллодим». Гордость, с какою женщина отказывает в легкой услуге начальнику дружины, будучи у него в плену, среди леса и гор, выражает, кажется, очень красноречиво, до какой степени она была уверена в уважении сего начальника и его подчиненных. Таких людей Сципион не удивил бы, что он не оскорбил своей пленницы.

Кроме сей черты нравственной и картины необыкновенно живописной, какою открывается песня, она не менее замечательна по роду драматического искусства, с каким происшествие, составляющее предмет, раскрывается в ней не просто, не быстро, как в других песнях, но связанное и как бы прерываемое небольшими приключениями, которые увеличивают любопытство.

Брат Скиллодима, Спирос, в 1806 году впал, неизвестно каким случаем, в руки Али-паши, который бросил его в ужасную Янинскую темницу. Скоро, после чудесного избавления, Спирос вошел в милость Али-паши и был протопаликаром у Одиссея, когда его Али-паша назначил управляющим Ливадиею.

СКИЛЛОДИМ

Под зелеными елями ужинать сел Скиллоди́м.
И вино наливать при себе посадил он Ирену.
«Наливай мне, красавица, пить наливай до утра,
До восхода денницы, как ты, полонянка, румяной.
Поутру я тебя отпущу с паликарами в дом».—
«Не рабыня я, Дим, чтоб вино для тебя наливать:
Я невестка Проеста, я дочь городского архонта!»
На заре, на рассвете два лесом прохожих идут,
С бородами отросшими, с черными лицами оба;
К Скиллодиму подходят, приветствуют оба его:
«Скиллодиму день добрый!» — «Добро вам пожаловать!
Кто вы?
Да и как вам, прохожим, известно, что я Скиллодим?»—
«Принесли мы поклон Скиллодиму от Спироса-брата».—
«От любезного брата? но где вы видали его?» —
«Мы видали его во Янине, в глубокой темнице;
По рукам и ногам он заклепан железом сидел».
Зарыдал Скиллодим и с тоски побежал от прохожих.
«Воротись, Скиллодим! ты от брата бежишь, капитан!
Не узнал ли ты брата? Скорее обнять себя дай мне!»
И узналися братья, и крепко они обнялись,
Целовалися сладко, в уста целовались и в очи.
Взговорил Скиллодим и любезному брату сказал:
«Но садися, брат милый, садись и скорее поведай:
И когда ты и как от албанских избавился рук?» —
«В одну ночь, от цепей свободивши и руки и ноги,
Я решетку сломал, я скакнул из окошка на топь,
Я сыскал там челнок, через озеро птицей проплыл,
И вот третия ночь, как взошел я на вольные горы».

1824

ТАНКРЕД

ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ ВОЛЬТЕРА

(Переведено 1809)

Представлена в первый раз 1810 года

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Аржир,
Танкред,
Орбассан
Лоредан,
Катан
} рыцари.

Альдамон, воин.

Аменаида, дочь Аржира.

Фани, наперсница Аменаиды.

Многие рыцари, присутствующие в совете, щитоносцы, воины и народ.

Действие в зале совета в Аржировом доме, потом на площади.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Собрание рыцарей, которые сидят полукружием.

Аржир

Вожди и рыцари, Сицилии сыны,
Герои-мстители отеческой страны!
Вы, престарелые мои почтивши лета,
Собрались у меня для важного совета,
Как нам несущих брань тиранов отразить,
И славу и покой отчизне возвратить.
Давно сей стонет град от наших распрь несчастных.
Бесплодно мужество, где нет сердец согласных.
Пора — соединясь, на мусульман восстать;
О други! нам пора от гибели спасать
Стяжанных кровью благ остаток драгоценный,
Для благородных душ всех более священный,
Свободу,— вот о чем пещись мы все должны.
Два сильные врага сей бедственной страны,
Бичи народных прав, враги святой свободы,
Византские цари, срацинские народы
Презренным рабством нам досель еще грозят.
Сии властители вселенную делят
И спорят лишь о том, какой тиран меж ними
Нас вправе отягчить оковами своими.
Уже Мессину грек тиранством утеснил,
Надменный Соламир давно поработил

И Этной пламенной венчанные равнины,
И древний Агригент, и Эннские долины.
Всё предвещало нам паденье Сиракуз,
Отечеству позор и бремя рабских уз!
Но алчные враги взаимно взревновали;
Восставши нас терзать, друг на друга восстали,
Ведя о жертве спор, лишились сами сил.
К свободе верный путь сам бог для нас открыл!
Вот миг тот счастливый и жданный многи лета:
Уже стареется величье Магомета;
Европу менее страшит уже сей враг:
Во Франции Мартель, в Гишпании Пелаг,
И церкви римской вождь Леон, поборник веры,
Как гордого смирять нам подали примеры,—
Я знаю, город наш раздорами смущен,
И прежней вольности и прежних сил лишен.
Не буду вспоминать дней горестных пред вами,
Когда против себя мы восставали сами,
Когда отчизна кровь детей своих лила,—
Забвенью предадим позорные дела!
Мы душу, Орбассан, единую составим,
К единой цели мы все помыслы направим,
Чтоб славу возвратить отеческим странам;
И, не терпевшие доселе равных нам,
Умрем, не потерпев властителя над нами!

Орбассан

Ты справедлив, Аржир; меж нашими домами
Несчастная вражда давно поселена;
Страдала от нее родимая страна.
Давно желают зреть печальны Сиракузы,
Чтобы мой род с твоим связали дружбы узы.
Аржир, теперь должны друг другу мы помочь:
Супругой я беру твою любезну дочь;
Отечеству, тебе полезным быть горжуся,
И сам, от алтаря, где в том вам поклянуся,
Иду за вас мечом я Соламиру мстить.
    Но должно не его единого сразить;
И на других врагов нам время обратиться;
Других тиранов мы должны еще страшиться,
К которым подла чернь поднесь хранит любовь.
И по каким правам от Сенских берегов,

Везде скитаяся, надменные французы
Вселились на брегах цветущих Аретузы?
И по каким правам, стран чуждых гражданин,
Кусси надменный к нам пришел как властелин
И Сиракуз в стенах свободно водворился?
Сначала кроток был и службой нам гордился;
Но вдруг он напыщен, как повелитель, стал.
Наследства род его несметные стяжал
И, нагло властвуя прельщенным здесь народом,
Дерзнул возвыситься над Орбассана родом.
За то наказан он: мы всех его детей
Узрели изгнанных из здешних областей.
Танкред, от племени враждебного рожденный,
Еще в младенчестве из стен сих удаленный,
Служил в Византии под знаменем царей.
Он горд и, верно, храбр и, верно, всей душой
Не терпит наших прав, законы презирает,
И чтобы нам отмстить — лишь время избирает.
Француза каждого приязнь для нас страшна!
Три ратника простых в недавни времена,
Скитальцы бедные, сыны снегов нормандских,
Поставили их власть в полях апулианских
Без всяких прав, кроме единых прав войны:
Свергать властителей и расхищать страны.
Аравлянин и грек, германцы и французы —
Все пожирают нас, стекаясь в Сиракузы;
И наши, тучностью несчастные поля,
И зависть хищную и алчность воспаля,
Манят грабителей и с севера и с юга.
Всем должно нам восстать и мстить им друг за друга.
Измену сколько раз мы зрели в граде сем.
Восставим свой закон и строго соблюдем:
Лишает чести он и смертию карает
Того, кто со врагом в связь тайную вступает,
На гибель стран родных с ним явно устремлен:
Пощадою всегда изменник ободрен.
Не должно снисходить ни к возрасту, ни к роду.
Господство утвердить и сохранить свободу
Венеция могла лишь строгостью своей.
В благоразумии последуем мы ей,
Врагов отечества без жалости карая.

Лоредан

Так, истинно позор для сицилийска края,
Что Соламир, сей мавр, магометанин сей
Находит для себя в Сицилии друзей!
Что в бранной сей земле, в стране сей християнской,
Что между нас самих властитель мусульманской
Развратных граждан мог дарами закупить!
То при дворах царей стараясь нам вредить,
То в град наш с хитрыми условьями вступая,
Там бранию грозя, здесь мир нам предлагая,
Вселял меж нас раздор, старался обольщать
И души роскошью восточной развращать.
Взгляните, как меж нас от сладкой сей отравы
Растлились честные отеческие нравы!
И сколько ныне здесь обольщено граждан
Науками, трудом лишь праздных аравлян;
Они им преданных навек порабощают;
Прямые рыцари науки презирают.
Нам нужно знать одно — науку побеждать;
Других наук, друзья, я не желаю знать.
На мужество свое, на ваше уповаю,
И так, как Орбассан, я строгость одобряю,
Блюстительницу прав свободных областей.
Гишпанию один поработил злодей.
Он между нами был, он может вновь явиться.
Пусть кар ужаснейших измена здесь страшится;
Для блага общего всю жалость истребим.
Сразимся с маврами, Танкреда отчуждим.
Противной крови нам потомок сей последний,
Свободы нашей враг, и враг всех боле вредный.
Совет наш праведно и мудро положил,
Чтоб Орбассан в его наследие вступил:
Да истребится сонм злодеев сокровенных,
К Танкреда имени доселе прилепленных.
Его имущество да будет в род твоим,
О храбрый Орбассан!

Катан

Мы все то утвердим.
Танкред могуществом в Царьграде пусть блистает;
Пусть подвиги его двор вражеский венчает.
Танкред, свою главу склонивши пред царем,

Всего себя лишил в отечестве своем
И отчуждился сам от наших прав священных.
Да будет изгнан он; раб кесарей надменных
В республике ничем не должен обладать.
Но Орбассан всегда стремился охранять
Свободу наших прав; так можно ль меньшей мздою
Признательной стране воздать сему герою?

Аржир

Люблю я дочь мою, и Орбассан мой зять;
Но собственность для них у сироты отнять? . .
Вы вняли, рыцари, что я не соглашаюсь.

Лоредан

Сенат поносишь?

Аржир

Нет, жестокостью гнушаюсь.
Когда ж покорствовать закону должно мне,
Когда в том выгода отеческой стране,
Для ней сердечное роптанье заглушаю.

Орбассан

Награды слабой сей искать я не желаю;
Пусть общество возьмет Танкредов весь удел.

Аржир

Оставим речь сию для больше важных дел.
Так, завтра брак сверша, приблизим день
счастливый,
В который общий наш смирится враг кичливый
И победителя познает Соламир.
Сей враг, соперник твой, нам предлагая мир,
С моею дочерью дерзал союзом льститься,
И мнил, что должен я родством его гордиться.
Иди, и торжествуй над наглым сим врагом.
Друзья, да будет наш готов весь ратный сонм.
Но я, лишенный сил преклонными годами,
Повелевать в бою не смею боле вами.
Да будет Орбассан вам вождь в пути побед,
Я ж, старец, коль смогу идти за вами вслед,
И в том поставлю честь; я буду близ героев,
И духом обновлюсь среди кровавых боев;

И прежде чем глаза навеки затворю,
В победе над врагом еще я вас узрю.

Лоредан

Ты будешь нам вождем, и мы надеждой льстимся,
Что с боя в сей же день со славой возвратимся.
Сражаясь при тебе, иль лавры мы пожнем
Или в глазах твоих все мертвыми падем.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Аржир и Орбассан.

Аржир

Могу ли, Орбассан, обнять тебя как сына?
Раздора нашего забыта ли причина?
Могу ли, как отец, себя надеждой льстить,
Что ты подпора мне?

Орбассан

Уверен можешь быть.
Люблю отечество, оно нас примиряет,
И брак и общая нас польза съединяет.
Но не ввело б ничто меня в союз с тобой,
Когда б душа моя, горевшая враждой,
И в самой сей вражде тебя не почитала.
Цепь новую для нас хотя любовь сплетала,
Но не одна любовь на брак влечет меня;
Не будет наш союз плодом того огня,
Который миг родит и миг уничтожает
И часто вслед за ним вражду лишь оставляет.
Сын Марсов и слуга отеческой страны,
Я не привык вздыхать средь ужасов войны,
Надежда с браком мне важнее представлялась:
Скрепленье дружбы той, что между нас рождалась,
И слава Сиракуз и польза обоих.
Любовь, пред важностью взаимных выгод сих,
Свое могущество минутное теряет.
Пусть узы дружества рука ее скрепляет;
Но слабый глас любви в то время да молчит,
Когда вкруг наших стен оружие гремит.

Аржир

Сей гордый, бранный дух почтение внушает;
Но не суровость нас, а кротость лишь пленяет.
Я льщуся, что, любви ты сердце покоря
И грозное чело пред девою смиря,
Признаешь страсти плен, тебе, конечно, новый.

Орбассан

Я льщусь равно, что ты простишь мой нрав суровый:
Возросши в воинстве, я к лести не привык;
Сей суетных учтивств обманчивый язык,
Сия для слабых душ сокрытая отрава
Чужда для прямоты воинственного нрава.
В Аменаиде я не красоты мечту,
Но добродетели и дочь героя чту,
И, с ней вступя в союз, тобой усыновленный,
Снискать ее любовь почту за долг священный.

Аржир

Но, призванная мной, она идет пред нас.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Аржир, Орбассан и Аменаида.

Аржир

Ко благу сей страны граждан всеобщий глас,
Отец и бог — тебе назначили супруга.
Сей рыцарь, в ком теперь я обретаю друга,
Согласья твоего меня порукой зрит.
Ты знаешь, сколько здесь он саном знаменит:
Сильнейший гражданин, к победам вождь избранный,
Танкреда весь удел ему законом данный...

Аменаида

(в сторону)

Танкреда!

Аржир

Но не сей, ничтожной мне ценой,
Возвысится союз, свершаемый тобой.

Орбассан

Союз сей лестен мне, и будет лестен боле,
Коль сердце дочери отца покорно воле.
Да возмогу и я сей выбор заслужить
И счастья всех троих надежду совершить.

Аменаида

Всегда твоя душа, родитель, разделяла
Все горести мои, и счастья мне желала.
Героя выбор твой супругом мне дает;
И скорбный ваш раздор, пылавший столько лет,
Когда от вас навек забвенью предается,
То дружбы вашей дочь залогом остается.
Союза важного всю цену вижу я.
Но Орбассан простит, когда душа моя,
Разима с юности судьбою раздраженной
И возмущенная внезапной переменой,
В объятиях отца спокоится на миг.

Орбассан

И сделать то должна; почтенных чувств таких
Дочерней нежности я воспретить не смею;
Тех прав, что над тобой с сего я дня имею,
Во зло не обращу. Теперь — спешу на бой;
Мне должно заслужить почтенный брак с тобой;
Ласкаюсь, что в сей день свершу надежду вашу,
И брачные венцы я лаврами украшу.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Аржир и Аменаида.

Аржир

Но ты смущаешься, безмолвствуешь, стеня,
И слезы на очах скрываешь от меня?
Упреки ясно мне сей вздох предзнаменует:
Язык преслушен нам, коль сердце негодует.

Аменаида

Родитель! признаюсь — я думать не могла,
Чтоб, столько претерпев от Орбассана зла,

Ты некогда престал пылать к нему враждою;
Чтоб я, соединя вас трепетной рукою,
Супругом назвала злодея твоего?
Забуду ль ужасы раздора я того,
Как мятежом граждан, врагов твоих к отраде,
Ты крова был лишен в отечественном граде?
Как мать, гонимая в родных своих стенах,
Искала жалости на чуждых берегах?
Как, от груди отца оторванная с нею,
В столице кесарей, с опорой слабой сею
Делила я печаль, сносила иго бед
И злополучие познала с юных лет!
Но я у матери, в стране чужой и дальной
Училася терпеть изгнанных рок печальный;
Сносить училася в несчастии моем
И гордого двора презорливый прием,
И жалость хладных душ, тягчайшую презренья!
И в мрачной доле сей, в училище терпенья
Примером матери образовалась я.
Но вдруг лишась всего с потерею ея,
Я в мире с ужасом одну себя узрела,
Как трость пустынная, защиты не имела!
Но рок смягчился к нам: несчастливый сей град
Стяжанье, честь, права отдал тебе назад;
Судьбу оружия вручил твоей он длани,
И пали пред тобой враги в кровавой брани;
В объятия отца я вновь возвращена;
И новая гроза над мною собрана!
Ты брака моего светильник возжигаешь;
Я знаю выгоды, которых ожидаешь;
Но жертвою врагов была до сих я дней;
А ныне зрю себя — я жертвою твоей!
И день, который вы для брака мне избрали,
Быть может, будет нам днем бедствий и печали.

Аржир

Он будет счастливым, отцу поверь ты в том;
Блаженства твоего не буду я врагом.
Любезную мне дочь вручаю я герою,
Который мавру, нам грозящему войною,
В сей самый день за нас мстить бранию готов;
Он был противник мой, теперь он наш покров.

Аменаида

Покров? возносишь ты заслуги Орбассана;
Но блеск меня не льстит высокого толь сана;
И я желала бы, чтоб вождь толиких сил
Для выгод собственных невинных не теснил.

Аржир

Так, весь сенат, храня от рабства град сей вольный,
В Танкреде наказал род чуждый и крамольный.
Он, долго власть свою нам обращая в вред,
Здесь приобрел врагов.

Аменаида

Но и досель Танкред,
Коль верить мне молве, в сем граде уважаем.

Аржир

И мы в нем доблести героя почитаем;
Уже Иллирию, гласят, он покорил;
Но чем усерднее он кесарям служил,
От родины своей тем боле отчуждался,
И навсегда отсель законами изгнался.

Аменаида

Танкред!

Аржир

Опасен нам крамольника возврат;
В Царьграде ты могла приметить много крат
К нам ненависть его.

Аменаида

Нет! — мавра победитель,
И слабых Сиракуз был, верно б, он спаситель —
Вот мать моя всегда как думала о нем.
Когда ж свирепствуя враги во граде сем,
За Орбассанов род все на тебя восстали,
Расхитили твой дом, родных твоих изгнали,
Танкред презрел бы смерть, чтоб защитить тебя:
Вот как судила я.

Аржир

О дочь, приди в себя:
К советам нежного родителя склонися,
С местами, с временем теперь сообразися:
Танкред и Соламир и византийский двор
Здесь ненавистны всем, друзья их нам позор!
Путь к счастию тебе в покорности остался.
Я весь мой долгий век за родину сражался;
Неблагодарной, ей, как верный сын служил;
Несправедливую, всегда ее любил;
Так буду поступать до самой я могилы.
Последуй мне, утешь ты старца дни унылы.
Жизнь треволненную готов я окончать:
Твою — обязана ты долгу покорять;
И с миром очи я, сходя во гроб, закрою,
Коль счастие твое пред смертию устрою.

Аменаида

Заботься менее об участи моей.
Не сожалею я, оставив двор царей:
Родитель, всё в моем ты сердце заменяешь;
Но им поспешно так почто располагаешь?
На Орбассанову ты дружбу положась,
Считаешь прочною и власть его и связь;
Но всё применчиво. Увы! сему герою,
Быть может, рано ты дал право надо мною.

Аржир

Как, что ты говоришь?

Аменаида

Прости, коль речью сей,
Быть может, нанесла я скорбь душе твоей.
Я знаю, что наш пол, в сей области свободы,
Законом осужден скрывать и глас природы;
Но сердце пред тобой не в силах чувств сокрыть,
Прости, когда дерзну родителя спросить:
Зачем, как сей союз предположить решился,
Ты сердца дочери несчастной не спросился?
Ах! что переменить любовь твою могло?

Аржир

Ты, ты одна, ее употребя во зло.
Доселе я внимал, скрывая гнев правдивый,
Но больше не внемлю я дочери строптивой.
Не можно твоего союза мне прервать:
Я слово дал; ему бесчестно изменять.
Несчастным я рожден, сама ты мне вещала:
Всегда судьба мои надежды разрушала;
Весь скорбный век мой был как море в бурный час.
Порадуй, о мой бог, меня ты в первый раз!
Да дочь, сверша сей брак, в нем счастие познает
И радостней, чем я, путь жизни протекает.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Аменаида

Танкред, о друг души! как, мне толь слабой быть?
Для твоего врага любовь твою забыть?
Быть низкою, как он, и, клятвам изменяя,
С сим хищником твое наследство разделяя,
Чтоб я теперь могла...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Аменаида и Фани.

Аменаида

О Фани, поспеши!
Познай, о верный друг, всю грусть моей души:
Отцом я названа супругой Орбассану!

Фани

Как! сердцу твоему наносят нову рану?
Но тщетно льстился им кичливый мусульман,
И тщетно, вняв отцу, сей рыцарь Орбассан
Над избранным тобой дерзает возвышаться;
Твоя душа верна.

Аменаида

Ах! можно ль сомневаться?
Танкред лишен всего, гоним здесь от врагов;

Но быть в гонении — героя рок таков;
А мой — его любить всех более на свете!
О Фани, в сих стенах жалеют о Танкреде?
Народом он любим...

Фани

Гонимый с юных дней,
В своем отечестве забыт он от друзей;
Об участи его немногие жалеют.
Вельможи здесь одну корысть в виду имеют;
Народ, сей страстью чувств еще не заглушив,
И боле жалостлив...

Аменаида

И боле справедлив.

Фани

Но здесь он угнетен; и сонм друзей сокрытый
Изгнанника сего не смеет быть защитой.
Жесток и всемогущ верховный здесь совет.

Аменаида

Он всемогущ, когда отсутствует Танкред.

Фани

О, если бы он мог во граде сем явиться,
Тогда могла б твоя надежда совершиться.
Но тщетно всё, увы, от нас он удален;
Надежда...

Аменаида

В боге вся! меня услышит он!
Вверяюся тебе: Танкред уж недалеко;
И как толпа врагов, свершая ков жестокий,
Его на вечное изгнанье обрекла,
И как тиранов власть пределы превзошла,—
Вот время — и Танкред к их трепету явится.
Уже в Мессине он.

Фани

О небо! и свершится
Сей недостойный брак в Танкредовых глазах?

Аменаида

Нет — не свершится он... нет, Фани, тщетен страх!
И, может быть, мои гонители со мною
Владыку одного признают над собою.
Познай, открою всё,— но твердость нам нужна:
Постыдно иго мне — и свергнуть я должна.
Гоненьем робкая душа моя крепится.
Бесчестно изменить, и подло покориться.
Так, для меня одной здесь явится Танкред,
И льщусь, того меня достойною найдет.—
Кто? я, отцом моим жестоко угнетенна,
Как слабая раба тирану обреченна,
Чтоб я могла, как долг, измену совершить?..
Нет, нет! меня ничто не может устрашить!
Любовь и в робкий пол бесстрашие вселяет.
Пускай моя любовь Танкреда возвращает;
И если зрю беды в намереньях моих,
Они приятны мне, любовь рождает их.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Аменаида и Фани.

Аменаида

Что делаю? в душе невольное волненье!
Не угрызения ль?.. родит их преступленье,
Но небо ведает, как чуждо мне оно.—
Так успокоимся. *(Ко входящей Фани)* Всё ль,
Фани, свершено?

Фани

Невольник отошел с письмом, тобой врученным.

Аменаида

Важнейшим таинством, в сем сердце заключенным,
Теперь владеет он; не сомневаюсь в нем;
Всегда он верен мне в служении своем;
Им убежденный мавр письмо мое к герою
В Мессину принесет с заутренней зарею.

Фани

Страшусь — и тем одним я рассеваю страх,
Что имя рыцаря, о коем в сих стенах
Молва единая тиранов ужасала,
Что имя ты сие в письме не начертала;

И что его один узнает лишь Танкред.
Но всё смущаюсь я, чтоб небо новых бед...

Аменаида

Сим небом дни мои от юности хранятся;
Танкред к нам им ведом, и мне ль теперь
смущаться?

Фани

В других пределах вас да съединит оно;
Здесь всё против него враждой возбуждено.
Друзья его молчат, и кем он защитится?

Аменаида

Своею славою! Лишь должен здесь явиться —
Владыкой будет он; он всех пленит собой:
Смягчает все сердца страдающий герой.

Фани

Опасен враг его...

Аменаида

Рассей боязнь мечтаний
И не смущай моих ты твердых ожиданий;
Ты не забудь, что мать в последний жизни час,
На смертном уж одре благословила нас,
Что мой с тех пор Танкред, что нет на свете власти,
Могущей истребить взаимность нашей страсти.—
Ах, в недрах славы с ним, Византии в стенах
Тужили часто мы о скорбных сих странах;
С ним часто жадный взор к полям сим обращали,
К полям, где обрести блаженство мы мечтали.
И думала ли я, чтоб здесь враждебный рок
Танкредова врага супругом дать мне мог.
И чтоб сей враг принес — как дар, мне на терзанье,
Им похищенное Танкредово стяжанье?..
Нет — пусть уведает он о злодействах сих;
Пусть вспомнит о себе, о бедствиях моих,
И защитит права, нарушенны безбожно.
Чтоб за Танкреда мстить, я делаю что должно;
Коль можно б — сделала и более сего!..
Люблю, страшусь отца и старость чту его,

Но я воздвигла б здесь стенящие народы
На Орбассана, нас лишившего свободы.
Он славных рыцарей почтенный сан срамит:
Корыстен, горд, жесток, и он о чести мнит!
И вольности граждан покровом быть мечтает!
Он стыд готовит мне, а мой отец свершает!
И я должна терпеть? и я должна молчать?
Брак с ненавистным мне должна я в честь вменять?..
Ах! в вольном граде сем тиранство так гонимо;
Но всех несноснее и больше всех терпимо
Хотящее сердцам законы подавать
И силою своей их чувства изменять.
Но жребий мой решен.

Ф а н и

Но ты пред сим страшилась.

А м е н а и д а

Я боле не страшусь.

Ф а н и

Молва распространилась,
Что страшный изречен Танкреду приговор;
Он смертью всем грозит, кто б смел с ним
в заговор...

А м е н а и д а

Я слышала о нем, и ужасом смутилась;
Но верная любовь, скажи, когда страшилась?
О Фани! мной любим бестрепетный герой;
Бестрепетна и я.

Ф а н и

Ужель и над тобой
Жестокий сей закон возможет совершиться?
Одной лишь черни в страх он, верно, возвестится.

А м е н а и д а

Танкреда он гнетет, и ненавистен он!
О, сколь сих рыцарей достоин сей закон!
Ах, нет! не так себя их предки прославляли;
Не так они страны и души покоряли.

Италия, признав господство воев сих
И их меча страшась, любила кротость их;
Завистная вражда их душ не помрачала,
И честь — сих витязей сердца соединяла.
Они вселяли страх в одних своих врагов;
Народ любил их власть и лил на битвах кровь
Для славы рыцарей и собственной свободы.
Смирялися тогда византские народы,
И мавра грозного не трепетал сей град.
А ныне что в нем зрю? бессильный лишь сенат,
Подозревающий, враждою разделенный,
Страшащий сам себя и гражданам презренный.
Чрезмерно, может быть, мой дух воспламенен;
Предубеждением, быть может, ослеплен;
Но всё, что не Танкред,— я всё то ненавижу;
Я в мире ничего, кроме его, не вижу;
Танкред один везде, всегда в моих очах,
И каждый враг его — Аменаиде враг!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Аменаида, Фани, вблизи Аржир и рыцари во глубине театра.

Аржир

Удар сей перенесть, друзья, мне дайте силу...
Не мнил я низойти с бесчестием в могилу!

(К дочери, со вздохами, прерываемыми гневом)

Беги, несчастная, не возмущай собой...
Беги...

Аменаида

Что слышу я? и ты, родитель мой...

Аржир

И имя ты сие произносить дерзаешь,
Когда отечеству и чести изменяешь?

Аменаида

(сделав шаг, чтобы идти, склоняется на Фани).

Погибла я!

Аржир

Постой и зри ток слез моих.
Ах! что ты сделала?

Аменаида

(рыдая)

Несчастье обоих.

Аржир

Иль слезы о твоем злодействе проливаешь?

Аменаида

Злодейства я чужда.

Аржир

Письмо ты отвергаешь?

Аменаида

Нет.

Аржир

Так, черты сии преступницу винят,
Изобличают всё и сердце мне разят!
Итак, всё истинно? Ты отвечать не смеешь?
Скажи, ах, нет! молчи, когда отца жалеешь.
Почто до бедствий сих велел дожить мне бог,
Велел мне зреть... Ах! что ты сделала?..

Аменаида

Мой долг;
Ты совершил ли твой?

Аржир

Ах, рода поношенье!
Или себе ты в честь вменяешь преступленье?
Беги, оставь меня убитого тоской;
Закроются глаза мне чуждою рукой.

Аменаида

(почти лишенная чувств и поддерживаемая от Фани, уходит)

Нет боле сил!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Аржир и рыцари.

Аржир

Друзья, в сем страшном положеньи,
Как дочь обличена в бесчестном преступленьи,
Простите старцу вы его прискорбный стон:
Внемля отечеству, природе внемлет он.
Вы не потребуйте, чтобы отец стенящий
В ваш грозный приговор вмешал свой глас
дрожащий
Увы! не может быть невинной дочь моя;
Но вдруг произнести мой срам и смерть ея? ..
Нет, нет, не требуйте, чтобы отец несчастный
Превыше сил своих исполнил долг ужасный.

Лоредан

Почтенного отца мы горести делим
И тяжких язв его в душе не растравим,—
Но сам, Аржир, ты зрел несчастной начертанье;
Зрел в нем преступное изменницы желанье.
Гонец захвачен с ним близ стана самого,
И дерзкий Соламир мог видеть казнь его.
Их злые замыслы открыты слишком были
И явной гибелью отечеству грозили.
Его опасность, долг, народа общий глас
Не суетных угроз днесь требуют от нас.
Отцовской жалости законы не внимают;
Пред ними всё молчит.

Аржир

Чего они желают,
Я знаю, знаю я, чего ей должно ждать;
Но ах! она мне дочь — вот мой несчастный зять.
Я скорбию убит... вам жребий мой вверяю,
И прежде дочери лишь умереть желаю!

Уходит

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Рыцари.

Катан

Уже повелено ей с стражей здесь предстать.
Так, без сомнения, прискорбно нам взирать
На юность, красоту, на деву толь почтенну,
С надеждой двух домов в могилу заключенну.
Но на бесстрастный суд, друзья, мы призваны.
За поругание мы веры мстить должны;
Отечество равно отмщенья ожидает:
Изменница в наш град злодея призывает!
Видали в Греции и жен мы и граждан,
Что, славы отложась и веры християн,
Передавалися неверным мусульманам,
Сим алчным хищникам, презренным сим тиранам;
Но чтобы дочь отца, почтенного всем нам,
Для клятв супружеских вступая в божий храм,
Свершила заговор толь гнусный и презренный!..
Неслыханным наш град злодейством посрамленный,
К примеру вечному желает казнь узреть.

Лоредан

Стеня, произнесу: ей должно умереть.
Чем род ее славней, важней тем злодеянье.
Известно мавра нам надменное мечтанье,
Любовь к изменнице и дар его — пленять,
Вселять разврат в сердца и взоры ослеплять.
К нему относится в письме ее воззванье:
«Приди и царствуй здесь». Преступное желанье
Нам возвещает их открытый заговор;
О прочем умолчу, *(к Орбассану)* скрывая твой позор
И общий стыд.— И кто, всему в бесчестье граду,
Здесь кто из рыцарей, по древнему обряду,
Отважится мечом измену защищать
И, презря чести долг, злодейство оправдать?

Катан

Обиду, Орбассан, мы все делим с тобою,
И в ратном поле мы ее омоем кровью.
Изменой прерван брак; забудь преступный взор:
Немедля казнь ее отмстит за твой позор.

Орбассан

Ужасна казнь ее... Верна или неверна,
Я был ее жених... и грусть моя безмерна.
Но стражей вижу я — и вот сама она!
Темниц ведома в мрак, цепьми отягчена...
Позорище сие мне стыд и оскорбленье!
Друзья! оставьте с ней меня.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Рыцари, вблизи; Аменаида, вдали окруженная стражею.

Аменаида

О провиденье!
Не оставляй меня ты в час сей роковой.
Предмет любви моей ты знаешь, боже мой!
Виновна ли я в чем, мое ты сердце знаешь.

Катан

Преступницу сию еще ты зреть желаешь?

Орбассан

Хочу.

Катан

Пойдем, друзья; но, говоря ты с ней,
Законы помни, честь и святость алтарей;
Они поруганы и мести ожидают.

Орбассан

Всё знаю; долг и честь мне то напоминают.

(К стражам)

Вы удалитеся.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Аменаида и Орбассан.

Аменаида

Что смеешь ты начать?
Иль хочешь ты меня при смерти упрекать?

Орбассан

Не постыжу себя жестокостью такою.
Супругой избрана была самим ты мною;
И, может быть, любовь внушала выбор сей.
Не знаю, помнит ли душа моя об ней
Или уже скорбит, что власть ее познала;
Но я не потерплю, чтоб честь моя страдала;
Я думать не хочу, что презрен Орбассан
Для нечестивого владыки мусульман,
Для вечного врага священной нашей веры —
Злодейства равного неслыханны примеры!
Для чести сей страны, для собственной моей
Я верить не хочу ужасной вести сей.
Со дня сего тебе супругом нареченный,
Твоим бесславием сам лично оскорбленный,
Честь защитить твою за долг считаю мой.
Законы рыцарей определяют бой,
В котором мощь руки *суд божий?* [1] совершает;
В нем меч решит, и он невинность возвращает.
На бой сей я готов.

Аменаида

Ты?

Орбассан

Я один, и льщусь,
Что после подвига, к которому стремлюсь,
Который честию пред всеми оправдится,
Принадлежавшее мне сердце вновь потщится
Меня достойным быть. Входить не стану я,
Была ли юная пред сим душа твоя
Коварного врага соблазнена прельщеньем,
Иль, ослепленная минутным заблужденьем,
Противилася ты вступить во брак со мной.
Над благородною, чувствительной душой
Благотворение власть сильную имеет;
Над добродетелью — один упрек успеет.
Не сомневаюся о чести я твоей;
Но мало мне сего: от гордости ль моей

[1] Сии битвы называли судом божиим.

Или то от любви,— хочу, по праву власти,
Увериться в твоей нелицемерной страсти.
Клятв строгих требуют законы в сих странах;
Я требую одной — не той, какую страх
Иль принуждение у слабых исторгают,
Что чувствам вопреки во храмах расточают:
Ты прямо говори моей душе прямой.
Скажи — и меч в руке, и я готов на бой,
Готов на смерть — но с тем, что я любим тобою.

Аменаида

В пучину бедствия низверглась я судьбою,
И, к ужасу, едва приведена в себя,—
Сей подвиг доблестный, нежданный от тебя,
Ударом душу мне последним поражает
И в ждавшую меня могилу повергает!
О рыцарь! я должна тебя благодарить;
И в час, когда во гроб готова я ступить,
В последний жизни час — тебя я почитаю.
Познай меня теперь: я сердце открываю.
Ни чести, ни стране не изменяла я,
Ни самому тебе; я не была твоя.
Ты можешь упрекать душе моей смятенной
Неблагодарностью, но никогда изменой.—
Я не могу тебя любить... Нет, сей ценой
Защиты не куплю: я отвергаю бой.
Я знаю, что у вас законы беспощадны,
Что казнь готовят мне тираны кровожадны;
Суровой гордостью я не могу блистать,
Чтобы без ужаса смерть грозную встречать.
Нет, жизнь любезна мне... В сем бедствии ужас
Я плачу о себе и об отце несчастном.
Но и в несчастии, в ужасной доле сей
Не обману тебя: не жди любви моей.
Теперь кажуся я виновна пред тобою;
Но знай, что я была б преступница душою,
Когда бы до того забыла долг и честь,
Чтоб сердце в дар тебе решилася принесть.
Ни женихом, прости, коль речью оскорбляю,
Ни рыцарем моим тебя не избираю.
Вот мой ответ; суди — и честь свою отмщай.

Орбассан

Я буду отомщать — отечественный край;
Презрение ж простив, а дерзость презирая,
Забуду их.— Итак, бой судный оставляя,
Пред мной и пред тобой чист в совести моей,
Отныне становлюсь твоим лишь судией,
Закону преданным, равно как он бесстрастным,
Ни сожалению, ни гневу непричастным.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Аменаида и стражи вдали.

Аменаида

Теперь свершилось всё... я жертвую собой!
О друг единственный, о друг несчастный мой!
Ты, для которого я жизнью дорожила,
Я за тебя теперь свой приговор свершила!
Так, за тебя умру... Но тяжкий сей позор!
Но горестный отец, представший вдруг пред взор!
Оковы, сонм убийц, орудья грозной казни!
Смерть страшную снести без трепетной боязни?
Мученье, вечный стыд?.. Ах, мысль одна мертвит!
Нет! за Танкреда смерть меня не постыдит.
Не наказать меня, но умертвить лишь можно.
Как? пасть в глазах граждан преступницей мне должно?..
Я верной им была — и казнь несу от них!
Но ах, в невинности свидетелей других
Не буду я иметь кроме души невинной!

(К входящей Фани)

Ах! где ты, где, Танкред?.. О друг мой здесь единой!

Фани, рыдая, целует ее руки.

Еще позволено тебя мне, Фани, зреть!

Фани

Зачем я не могу здесь прежде умереть!

Стражи приближаются.

Аменаида

Чудовища идут нас разлучить с тобою!
Скажи ты некогда любимому герою,
С какими чувствами я в самый гроб сошла;

Пусть знает, Фани, он, верна ли я была;
Скажи, какой меня постигнул рок ужасный:
Он, может быть, слезу прольет о мне, несчастной!
О Фани! за него себя я предаю;
Но мыслию об нем смягчу я смерть мою.

Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Танкред, сопровождаемый двумя щитоносцами, которые несут его копье, щит и проч., и Альдамон.

Танкред

Для благородных душ мила страна родная!
Приветствую тебя, о родина святая!
О храбрый Альдамон, друг юности моей,
Тебе обязан я блаженством жизни сей;
Твоим усердием сюда я возвратился.
Как счастлив стал Танкред! мой жребий изменился!
О друг мой! сколь важна услуга мне твоя —
Лишь чувствовать могу, сказать не в силах я.

Альдамон

Ничтожную, Танкред, услугу выхваляешь,
И низкий жребий мой ты много возвышаешь;
Я гражданин простой, и счастлив тем стократ...

Танкред

Я то же, что и ты: всяк гражданин мой брат.

Альдамон

Два года при тебе я в бранях подвизался,
И славе дел твоих два года удивлялся,
Смотря, как превышал ты праотцев своих;

Вот всё достоинство услуг и дел моих.
В почтенном доме мне отцов твоих рожденный,
Воскормленный от них, тебе препорученный,
Я должен...

Танкред

Должен ты теперь мне другом быть.
Вот град, который я стремился защитить;
Вот град отеческий, вот стены те святые,
Где я увидел свет, и в дни мои младые
Из коих изгнан я! О друг, в каких местах
Живет Аржира дочь?

Альдамон

Во древних тех стенах;
Пред ними пышный кров чертогов возвышенных,
Где заседает сонм тех рыцарей почтенных,
Судей священный сонм, тот бодрственный сенат,
В чьей длани жезл суда и меч на сопостат.
Их сонм везде б разил магометан средь боя,
Коль не был бы лишен храбрейшего героя.
Вот копья их, щиты, их надписи висят,
И пышностью своей народу говорят
Об их деяниях, со славою свершенных:
Не зрят лишь твоего меж сих имен почтенных.

Танкред

Сокроем имя мы в враждебных сих стенах;
Известно, может быть, оно в других странах.

(К щитоносцам)

Вы знак мой с именем повесьте истребленным,
Чтоб не был в ярость он врагам моим презренным;
Доспехи без убранств, знак горести моей,
Какими их носил средь бранных я полей,
Копье и щит простой и шлем неукрашенный
Повесьте, воины, на те печальны стены.

Щитоносцы вешают его оружие на пустых местах между другими трофеями.

Но надпись на щите храните, о друзья!
В ней всё, что славно мне, и всё, в чем жизнь моя!
Она всегда в боях мне мужество вдыхала,
Она везде мою надежду составляла;

Священны в ней слова; они — *Любовь и Честь.*
Пришедшим рыцарям вы объявите весть,
Что воин чуждый им, но имя сокрывая,
Пришел в сей град, служить в их воинстве пылая,
И славу ставит в том, чтоб им лишь подражать.

(К Альдамону)

Кто вождь их?

Альдамон

Третий год уж начал истекать,
Как ревностный Аржир.

Танкред

(в сторону)

Отец Аменаиды!

Альдамон

Но долго рыцарь сей неправые обиды
От страшных нам досель его врагов сносил.
Власть должну наконец сенат ему вручил;
Здесь имя чтут его и честь и важность сана;
За старостью ж его избрали Орбассана.

Танкред

Танкредова врага! злодея моего!
Друг, что еще дошло до слуха твоего?
Скажи мне, правда ль то, что рыцарь сей надменный,
Незлобного отца прельстивши дух смиренный,
Приязни от него обет уже приял?
Что и на дочь его взор дерзкий простирал,
Что даже смел уже мечтать о браке с нею?..

Альдамон

Вчера я поражен молвой противной сею;
Но, находясь всегда при укрепленьи том,
Где мною встречен ты при вшествии твоем,
От града удален, я более не знаю,
Что делалось в стенах, которы презираю;
Они ужасны мне, ты в них гоним враждой.

Танкред

О друг, вверяюся тебе я всей душой!
Спеши в Аржиров дом, узри Аменаиду,
Скажи, что гражданин, неведомый по виду,
Усердьем движимый и к чести дома их
И к имени ее, кто с юных дней своих
Ее почтенну мать, почтенный род их знает,
О тайном слове лишь молить ее дерзает.

Альдамон

В их доме заслужил свободный я прием;
Всех видят с радостью, всех уважают в нем,
Которые к тебе осталися усердны.
Коль небо помощь даст — мои успехи верны.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Танкред

Поможет мне оно; сим небом сохранен,
Сим небом я к стопам любезной приведен.
Везде, всегда готов щит неба неизменной
Для чести истинной и для любви священной.
Под ним я протекал стан мавровых полков;
Сей щит и здесь меня покроет от врагов.
От воинств кесарских, от Иллирии дальной,
К любезной я спешил в край родины печальной,
Неблагодарной мне, — но и в судьбе сей злой,
С Аменаидою толико мне драгой!
Порукой мне была любовь Аменаиды,
Что сердце здесь мое не понесет обиды.
Пришел — другой готов здесь с нею в брак вступить!
Ужель она сама могла мне изменить?
И кто сей Орбассан? и кто сей дерзновенный?
Какой здесь и когда им подвиг совершенный
Так возгордил его, что требовать он смел
Награды, должной быть наградой славных дел,
Заслуженной в боях и ранами и кровью,
И присужденной мне хотя одной любовью.
Чтобы лишить ее, пусть враг мне жизнь прервет;
Но верность мне она и в самый гроб снесет.
Не может мой злодей господствовать над нею;

Душа ее во всем равна с душой моею.
Аменаида! так, ты в бедствиях тверда,
Боязни, ужаса, неверности чужда.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Танкред и Альдамон.

Танкред

Ты был, ты зрел ее, о друг стократ счастливый!
Ах, предводи меня, мой взор нетерпеливый...

Альдамон

Не подходи, Танкред, к ужасным тем местам.

Танкред

Что слышу! по твоим что думать мне словам?

Альдамон

Что должен ты бежать от сих брегов несчастных
После соделанных в сей день злодейств ужасных
Здесь быть не возмогу — я, гражданин простой.

Танкред

Как?

Альдамон

Мужеством твоим служи стране иной:
В Царьграде честь тебя и слава ожидает;
Но в сих местах уже не обитает.
Беги — сей град навек покрыл позор и срам.

Танкред

Я с ужасом внемлю сим нежданным словам!
Что зрел, что слышал ты из уст Аменаиды?

Альдамон

Забудь, о рыцарь, ты смертельные обиды;
Забудь...

Танкред

Так Орбассан уже владеет ей?
Гонитель злобный мой, отца ее злодей?

Альдамон

Сим утром от отца союз их утвердился,
И пир погибельный в стенах провозгласился...

Танкред

И мне весь ужас зреть предательства сего!

Альдамон

Вся область древнего наследства твоего
Дана им в брачный дар. Соперник твой презренный
Похитил твой удел, отцами обретенный.

Танкред

Польстился, подлый, тем, что я в ничто вменял.
Но, небо, и ее властителем он стал?
Аменаида...

Альдамон

Ах! свирепою судьбою
Удар ужаснейший свершен здесь над тобою.

Танкред

Жестокий! перестань мне душу раздирать,
Умолкни... Нет, вещай.

Альдамон

Чтоб браком сочетать
Аржира дочь с твоим гонителем надменным,
Уже возжгли огонь пред алтарем священным;
Но вдруг открылося предательство ее:
То мало, что душа обманута твоя;
Неверной обоим нанесена вам рана.

Танкред

О небо! для кого?

Альдамон

Для чуждого тирана,
Для злобного врага свободных наших стран,
Для Соламира.

Танкред

Как? неверный мусульман,
Сей мавр! .. о ней вздыхал в Царьграде он,
несчастный,
Но презрен ею был, но я любим был страстно.
Не будет от нее обет святой забыт;
То ль сердца чистого порок не осквернит.
Нет, нет, не может быть.

Альдамон

И сам я сомневался;
Но страшный слух о сем по стогнам всем раздался.

Танкред

Постой — я клевету и зависть сам познал.
Ах! честный человек где оных избегал?
С младенчества гоним, в напастях возрастая
И с мужеством одним скитаясь в край из края,
Я зрел, как зависти везде шипят уста;
Я зрел от юных лет, что мрачна клевета
Равно в республиках, как в царствах, обитает
И из нечистых уст яд черный извергает.
Аржир, терзаемый здесь кознями ее,
Страдал подобно мне. Коль не ошибся я,
Сие чудовище гнездится в здешнем граде
И лютых змей своих растит в том смертном яде,
Что в пленных им сердцах крамолы лишь родит.
Враждебны сонмища, я знаю, что крутит:
Аменаида их здесь терпит оскорбленья.
Хочу я зреть ее, вещать для убежденья.

Альдамон

Остановись — сказать я должен обо всем.
Уже разлучена с своим она отцом,
Уже в цепях. . .

Танкред

Она!..

Альдамон

И, может быть, ты вскоре
Ее увидишь здесь в ужаснейшем позоре.

Танкред

Аменаиду!

Альдамон

Ах, коль здесь таков закон —
Жесток, несправедлив, бесчеловечен он!
Здесь ропщут, плачут все, но только плакать смеют.

Танкред

Аменаиду!.. нет,— поверь мне, не успеют;
Нет, варварство сие не будет свершено!

Альдамон

Уже судилище толпой окружено.
Чернь вопит на нее, преступной называя,
И, к виду грустному взор жадно устремляя,
С нетерпеливостью и жалостью в очах
Вокруг темничных стен волнуется в толпах.
Чрез миг предстанут здесь.

Танкред

Кто старец сей почтенный,
Который шествует из храма толь смущенный?
И слуги грустные последуют ему.

Альдамон

Несчастнейший Аржир...

Танкред

Поди, и никому
Не говори о мне.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Аржир выходит со стороны, Танкред впереди, Альдамон вдали.

Аржир

О смерть, скончай мученье!

Танкред

(после молчания)

Почтеннейший Аржир! .. прости мне дерзновенье:
Ты знаешь рыцарей, которых грозный сонм
Внес в области Луны господен крест и гром,
Чтоб лавры заслужить среди священных боев:
Ты зришь всех меньшего из тех великих воев.
Пришел я,— но прости нескромность ты мою,
Коль слезы вдруг мои с твоими я солью.

Аржир

Одна твоя душа скорбеть со мной дерзает;
Здесь всё меня бежит или терзать желает.
Прости, прости и ты сей горести моей.
Но с кем я говорю?

Танкред

Пришлец в земле я сей,
Исполненный к тебе и дружбой и почтеньем,
Трепещущий спросить, терзаемый сомненьем...
Несчастный, как и ты! .. Но, для небес самих,
Еще ты раз прости мне дерзость слов моих:
Как, правда ль, дочь твоя..?

Аржир

О, правда безотрадна! ..
В сей самый час ее постигнет казнь нещадна!

Танкред

Она преступница?

Аржир

(задыхаясь от рыдания)

Она — мой вечный срам!

Танкред

Как, дочь сия? .. Аржир, по дальным сторонам
Об имени ее молвы я быв свидетель,
Считал, когда живет в сем мире добродетель,
Аменаидина душа — есть храм ея.
Она преступница! правдива весть сия?
О день, ужасный день!

Аржир

Что боле ужасает,
Что гроб отверзло мне и дух мой заставляет
Без утешения в могилу нисходить,
Что дочь, в злодействе сем, спокойной может быть.
Увы, в защиту ей никто здесь не явился;
Со стоном приговор на смерть ее свершился;
И не зря на обряд старинный в сих странах,
Чтоб защищать сей пол в торжественных боях,
Дочь злополучная в сей миг на смерть исходит
И рыцаря себе к защите не находит.
Вот что меня срамит, вот что меня гнетет;
Всё стонет, всё молчит, никто не предстает!

Танкред

Предстанет, и страшись ты, старец, сомневаться.

Аржир

Какой надеждою велишь ты мне ласкаться?

Танкред

Предстанет,— но не дочь твою чтоб защитить,
Достойною сего она не может быть,
Но за святую честь отцов ее почтенных,
За славу добрых дел, тобою совершенных.

Аржир

Ах! мой унылый дух твой оживляет глас.
Но кто же явится на поприще за нас?
Весь град сей в ужасе, и кто меня спокоит?
Кто руку помощи подать мне удостоит?
Не смею льститься тем... Кто станет в битву? ..

Танкред

Я!

Я, говорю тебе; и коль рука моя
От праведных небес в бою благословится,
Тогда в признательность позволь мне удалиться,
Ни дочери твоей не быв перед лицом,
Ни открывая вам об имени моем.

Аржир

Ах! бог тебя к нам вел спасительной рукою.
Хоть чужд веселия, убитый я тоскою,
Но чувствую, что я отраднее дышу.
Ах! можно ли мне знать, прости, когда спрошу,
К кому питаю я признательность, почтенье?
Всё кажет мне твое высокое рожденье.
Кого, кого в тебе зрю?

Танкред

Мстителя ты зришь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Орбассан, Аржир, Танкред, рыцари и воины.

Орбассан

Страна в опасности. Аржир, ты так ли мнишь,
Чтоб с воинством из стен мы завтра выходили?
Мы так решили все.— Те, кои изменили,
Врагам перенесли прошедший наш совет,
И Соламир на нас полки свои ведет;
Мы сами встретим их.— Теперь, Аржир, скрепися;
Или от зрелища ты лучше удалися,
Печального для нас, позорного стране.

Аржир

Довольно, Орбассан; теперь осталось мне
Идти, и между вас пасть мертвым среди боя.

(Указывая на Танкреда)

Туда сведут меня стопы сего героя;

И я хоть тем свой род от срама свобожу,
Что за отечество главу мою сложу.

Орбассан

Такие чувствия души твоей достойны.
Рассей в последний раз врагов толпы нестройны.
Но прежде удались, и стогн оставь ты сей;
Здесь уготовлен вид не для твоих очей.
Подходят. . .

Аржир

Боже мой!

Орбассан

От отческого взора
Сокрой ты ужасы несносного позора.
Меня здесь держит сан, и долг жестокий мой
Велит мне воздержать волненье черни злой.
Законами ни в чем небрежность не терпима;
Их сила грозная должна быть мной хранима.
Тебя ж, кого сей долг ужасный не тягчит,
Что держит здесь, и кто тебе смотреть велит,
Как кровь виновная законами прольется?
Идут — ты удались.

Танкред

(взяв за руку Аржира)

Нет, здесь он остается.

Орбассан

(осматривая его)

Но ты — ты кто такой?

Танкред

Твой враг и старцев друг,
Отмститель, может быть, и тот, чьих здесь услуг,
Равно как и твоих, отчизна ожидает.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же; Аменаида, в цепях, окруженная стражею, рыцари и народ наполняют площадь.

Аржир

(Танкреду)

Дай руку, рыцарь, мне... мой дух изнемогает;
Сокрой меня отсель... Увы, вот дочь моя!

Танкред

О, недостойный вид!

Аменаида

Небесный судия!
Ты всё протекшее и будущее знаешь;
Один ты справедлив, ты в помыслах читаешь.
Но мрачная толпа неправедных людей
И судит и винит во слепоте очей.
Граждане, рыцари, вы все, чьей днесь рукою
Кровавый приговор свершался надо мною,
Не к оправданию предстала я пред вас:
Небесный судия пускай рассудит нас.
Безбожного суда орудий сонм надменный,
Так, мной поруган ты и твой закон презренный;
Закон сей был свиреп, и нестерпим он стал;
Так, оскорблен отец, меня он угнетал;
Поруган Орбассан, и нагло и кичливо
Мечтавший сердцем сим владеть несправедливо.
Народ, когда за то должна я казнью пасть,
Рази, но выслушай, познай мою напасть:
Кто к богу на ответ без трепета стремится,
Тот людям истины сказать не устрашится;
И ты, о мой отец! сей видя мой позор,

(Увидя Танкреда)

Как мог ты... Боже мой! кого встречает взор?
О боже! — это он?..

(Падает без чувств.)

Танкред

Ах! взор дерзнув простерти,
Упреком сражена!.. Постойте, слуги смерти,

Постойте, граждане, и отложите месть.
Защиту я беру, я оправдаю честь,
Сей девы рыцарь я: отец ее почтенный,
И сам, равно как дочь, ко смерти осужденный,
В покров невинности мой меч избрать почтил,
Чтоб он в моих руках *суд божий* совершил.
Вот храбрых рыцарей священнейшие правы.
Раскройте поприще для чести и для славы;
Устройте, судии, обряд нам боевой.
О гордый Орбассан! — тебя зову на бой.
Ты знаменит, ты вождь, ты чтешься первый воин,
Так чести вызова, надеюсь, ты достоин.
Иди предать свой дух или исторгнуть мой.
Смертельной битвы знак бросаю пред тобой.

(Бросает перчатку)

Осмелишься ль поднять?

Орбассан

С надменностью твоею
Не стоишь, чтоб тебя почтил я честью сею:

(Дает знак щитоносцам, чтобы подняли перчатку)

Честь делаю себе; и сердца глас внушив
И старца власть, тебя избравшего, почтив,
В единоборство я хочу вступить с тобою
И наказать тебя за дерзость удостою.
Кто ты? какой твой сан и имя? Сей твой щит
Не много о твоей нам славе говорит.

Танкред

Его прославить я сегодня уповаю;
Об имени ж моем — молчу, и так желаю;
Познаешь ты его с оружием в руках.
Пойдем.

Орбассан

Да в сей же миг на боевых местах
Ограду растворят. Аменаида боле
Не остается здесь под стражею дотоле,
Пока ничтожный сей не совершится бой.

С Аменаиды снимают оковы.

Друзья, мгновенно круг оставив боевой,

Иду, куда нас мавр к победе призывает.
Честь поединщиков с их жизнью погибает.
Одна прямая честь — отечеству служить.

Танкред

Пойдем! О рыцари, я смею возвестить,
Что принесет не он отечеству спасенье.

Аржир

(уводя с Фани Аменаиду)

О боже, призри ты на старцево моленье! [1]

Конец третьего действия.

---

[1] Следующее за сим явление, никогда не играемое и на французских театрах, в переводе выпущено. Переводчик вообще осмелился опустить некоторые стихи и сократить разговоры, которыми часто, как признали и французские критики, охлаждается ход сей трагедии, писанной Вольтером уже в старости.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Танкред, Лоредан и рыцари.
Воинский марш; перед Танкредом несут его оружия
и доспехи Орбассана.

Лоредан

Так, бой твой знаменит, но гибелен нам был:
Избраннейшего ты нас рыцаря лишил,
Который к родине любовию был славен
И мужеством своим с тобою только равен;
Позволишь ли теперь узнать твой род, твой сан?

Танкред
(в мрачной задумчивости)

Его со смертию познал лишь Орбассан,
И тайну и мой гнев сокрыл с собой в могилу.
Оставь в безвестности судьбу мою унылу;
Коль я полезен вам, нет нужды знать, кто я.

Лоредан

Да будет скрытою от нас судьба твоя;
Но добродетели яви свои пред нами
Полезным мужеством и славными делами.
Здесь веют знамена враждебной нам Луны;
Ты защити права и веру сей страны.
Надменный Соламир нас вызывает к бою:

Героя нас лишив, ты замени собою;
Тебя ждет гордый мавр.

Танкред

Даю я слово вам,
Пред воинством идти во сретенье врагам,
И слово то сдержу. Срацин вам ненавистный
Стократно меньше ваш, чем мой, есть враг завистный,
Непримиримый . . но кто б ни был он такой,
Иду я, и готов вступить с ним в новый бой.

Катан

Ты многим нас польстил, сим мужеством пылая;
И сам ты жди всех жертв признательного края,
Достойных жди наград за мужество твое.

Танкред

Здесь нет награды мне; не требую ее,
И вовсе не приму; для жертвы воздаяний
Здесь нет того, в чем зрел я верх моих желаний.
Когда несчастным я средь боя упаду,
Ни славы, ни наград, ни жалости не жду;
Я совершу мой долг; но тем одним ласкаюсь,
Что с Соламиром я на битве повстречаюсь.

Лоредан

И в том вся наша цель. Но время нас зовет,
И с ним единственный всех наших душ предмет —
Победа. С нами ты делить ее идущий,
Всеобщей вестию познаешь час зовущий
В поля, где встретить нас мечтает вождь врагов.
Дружины все кипят пролить неверных кровь;
Да будет чуждо всем нам чувствие другое.
Умрем, или спасем отечество драгое.

Уходят.

Танкред

Достойно или нет отечество того,
Но за него умру.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Танкред и Альдамон.

А л ь д а м о н

(в сторону)

Не ведают его
Смертельной горести, в душе им заключенной.

(К Танкреду)

Но ты, обидою и скорбью сокрушенный,
Исполнишь ли обряд, хранимый сей страной?
Явишься ль в торжестве ты взорам девы той,
Которой честь и жизнь возвращена тобою?
Представишь ли ты ей победною рукою
Кровавый рыцаря сраженного доспех?

Т а н к р е д

Нет, не узрю ее.

А л ь д а м о н

Как, пред очами всех
Для ней ты в подвиг стал, где смерть тебе грозила,
И от нее бежишь?

Т а н к р е д

Она то заслужила.

А л ь д а м о н

Я вижу, сколь ее ты раздражен виной;
Но в оправдание ты дал кровавый бой.

Т а н к р е д

Всё сделал для нее, и мне то сделать должно.
Хоть вероломная, но зреть мне невозможно,
Чтоб в гроб она несла бесчестие свое.
Хоть меньше б я любил, оставить ли ее?
Я должен был спасти, измены ж не прощаю.
Пускай живет она, и пусть я погибаю.
Но некогда о мне восплачет и она,
О друге, коего навеки лишена,

Чье сердце верное так жестоко терзала...
О! до чего она меня уничижала!
И от нее ли мог неверности я ждать?
Ах! существо небес мечтал я обожать;
Считал, что самых клятв и алтарей священных
Святее речь одна из уст ее смиренных..

Альдамон

Иль вероломств одних страна сия полна?
Глава твоя в позор была здесь предана;
Законом здесь гоним, любовью оскорбленный,
Оставь, Танкред, сей край, злодейством отягченный.
Иду с тобой на брань, спешу навек от стен,
От сей обители злодейства и измен.

Танкред

Что за волшебство в ней и в самом преступленьи
Ту добродетель мне живит в воображеньи,
Которой образ в ней, мечтающий, я зрел!
Ты, повелевшая, чтоб я в тот гроб нисшел,
В котором без меня сама была б ты зрима,
О вероломная... но всё еще любима!
О ты, которою душа моя жила,
Ах, если б быть могло, ах, если б ты была
То, чем казалася очам моим прельщенным...
Нет, с смертью призрак сей лишь может быть забвенным;
Но должно вознестись над слабостию сей;
Мне должно... умереть, не думая об ней.

Альдамон

Но менее она винилася тобою.
Неправдой, ты вещал, и мрачной клеветою
Наполнена земля...

Танкред

Ах! узнано о всем;
Всё обнаружено в ужасном деле сем:
Она своей красой прельстила Соламира;
Сей мавр ее руки просил залогом мира.
Дерзнул ли б он искать, любви ее не знав?

Взаимность их была. Вотще я сердцу вняв,
Сомнение питал: и сам ее родитель,
Нежнейший сей отец... ее он обвинитель,
И дочь преступная винит себя сама.
Я зрел, я зрел слова ужасного письма:
«Будь повелителем над нашею страною,
Над Сиракузами и над моей душою».
Мой жребий совершен!

Альдамон

Но презрит пусть герой
Неблагодарную с толь низкою душой.

Танкред

И, к ужасу, она гордиться тем дерзает!
Мнит, что славнейшего героя избирает!
Ах, мысль сия одна мою всю душу рвет!
Срацин презрительный Италию гнетет;
И безрассудный пол, душою легковерный,
Сей пол, в их областях до рабства угнетенный,
Почтеньем пóражен, которое родит
Завоевателей властолюбивый вид,
Сердцами жертвует тиранам, их гнетущим;
А нам, защите их, для их любви живущим,
У ног их дышащим и гибнущим за них,
Изменой платит нам для варваров своих!
Достанет гнева мне в обиде сей безмерной,
Чтоб проклинать мне жизнь и скрыться от неверной!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Танкред, Альдамон и многие рыцари.

Катан

Все рыцари сошлись, и время их зовет.

Танкред

Я здесь его терял; иду за вами вслед.

Любимица безсмертной Мельпомены!
Въ Россіи первая успѣла ты открыть
Искуство тайное — какъ сердцу говорить;
Твои черты — потомству драгоцѣнны.

Рис. О. Кипренской — Вырѣз. и Гравир. Н. Уткинъ

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Аменаида и Фани.

Аменаида

(прибегая стремительно)

К ногам твоим паду, о ангел мой хранитель!

Танкред, отвращая лицо, поднимает ее.

Не унижаюсь сим; и скорбный мой родитель
Колена ног твоих идет со мной обнять.
Священный образ твой почто от нас скрывать?
Кто правое мое осудит нетерпенье?
Мной старец упрежден... Но сердца восхищенье
И чувства все излить могу ли пред тобой?
Страшусь тебя назвать... Но вид печален твой?
Могу ли зреть тебя, в местах сих безотрадных,
Не посреди убийц, на кровь мою толь жадных?
Не отвечаешь ты... трепещет грудь моя...
Не смею говорить... увы! что вижу я —
Ты отвращаешь взор... не внемлешь что вещаю.

Танкред

(прерывающимся голосом)

Поди... утешь отца; его я почитаю.
Другой, важнейший долг отсель меня зовет.
Перед тобой, пред ним исполнил я обет,
И награжден... другой мзды сердце не желает:
Признательность без мер нам тягостна бывает.
Освобождаю я навеки вас от ней...
И ты... располагать властна судьбой своей.
Будь счастлива... а я, я смерть найти желаю.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Аменаида и Фани.

Аменаида

Жива ли я? на свет еще ли я взираю?
То правда ли, что жизнь мне небом отдана?
И из могилы я ужель извлечена?

О Фани, слышала ль ты приговор мой грозный,
Жестокий, яростный и более поносный,
Чем тот, которым я на казнь осуждена!

Фани

И тем мне и другим душа поражена.

Аменаида

Танкред ли, небеса! здесь говорил со мною?
Ты зрела хладность ту и гордость ту, с какою
Меня презрением обременять он смел?
О Фани! на меня он с ужасом смотрел.
Он спас мне жизнь, чтоб смерть лютей меня сразила!
За что ж, Танкред, и чем твой гнев я заслужила?

Фани

Так, пламенный сей гнев сверкал в его очах
И прерывалася речь хладная в устах;
Он отвращал свой взор, но слезы сокрывая.

Аменаида

Он бросил, он презрел, меня здесь посрамляя!
Чем страшная сия гроза возбуждена?
Чего он хочет? чем в нем ярость возжена?
К кому ревнивым быть он может во вселенной? ..
Я славлюсь, я горжусь Танкредом быть спасенной;
Так, он один мне всё, он бог-хранитель мой;
Он жизнь мне возвращал, сам жертвуя собой;
Но я ту саму жизнь не за него ль теряла?

Фани

Быть может, он не знал; быть может, увлекала
Его всеобщая молва у нас людей;
Кто и неверящий не покорится ей?
Невольник, смерть его, несчастное посланье,
Сей мавр, его любовь и дерзкое мечтанье —
Всё, самое тебя молчание винит,
Которым от врагов Танкред тобой сокрыт.
Чей взор сквозь мрак сего покрова проницает?
Но предрассудок в нем наружность осуждает.

Аменаида

Он осуждал меня! ..

Фани

Коль слаб он до того,
Вини любовь.

Аменаида

(приняв свою твердость и силу)

Ничто не извинит его,
Хотя б меня судил весь мир сей ослепленный:
Великий человек, на суд свой утвержденный,
И миру б целому противостать посмел.
Так он меня спасать из жалости хотел?
О поругание! .. тебя ль я ожидала?
Я, гибнув за него, с отрадой умирала,
И он осмелился меня подозревать!
Напрасно он всю жизнь прощенья будет ждать.
Так, не забуду я услуги, им свершенной;
Она начертана в душе, им оскорбленной;
Но если он не мог моей любви ценить,
Так сам не может он меня достоин быть,
Увы! из всех обид, перенесенных мною,
Я не растерзана толь тяжко ни одною!

Фани

Но он еще не знал.

Аменаида

Меня он должен знать!
Он сердце должен был такое почитать;
Уверен должен быть, что невозможно было,
Чтоб сердце ввек мое обету изменило.
Столь твердо и оно, как грудь его тверда,
Возвышенно, как дух высок его всегда;
Но справедливее, чувствительнее боле.
Я отвергаюся в моей ужасной доле
Танкреда — и всего сообщества людей;
Они коварны, злы, все с слабою душой,
То обольстители, то жертвы обольщений;
И, ждущая в тоске конца моих мучений,
Танкреда, всех людей, весь свет забуду я.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Аржир, Аменаида и свита.

Аржир

(поддерживаемый щитоносцами)

Престаньте обо мне крушиться, о друзья,
И, предводя меня на поприще вы боя,
Мне дайте там обнять почтенного героя.

(Увидев Аменаиду)

Ах! кто, поведай мне, твоих спаситель дней?

Аменаида

(погруженная в горесть, склоненная одною рукою на Фани и немного обращенная к отцу)

Кто некогда любви достоин был моей,
Герой, моим отцом в сем граде угнетенный,
Врагами изгнанный, священных прав лишенный,
Единственный предмет посланья моего,
Последня, славная ветвь рода своего,
Великий человек, увы! несправедливый;
И словом — он Танкред!

Аржир

Что слышу, несчастливый?

Аменаида

Что в грустной я душе скрыть боле не могла
И, трепеща о нем, тебе передала.

Аржир

Танкред!

Аменаида

И кто другой мой был бы защититель?

Аржир

Танкред, которого сенат наш был гонитель?

Аменаида

Он самый.

Аржир

И для нас что он в сей день свершил!
Отчизны, прав, добра, всего лишен он был,
И сам пришел за нас он жертвовать собою!
Судьи несчастные, мы слабою рукою
Весы и казни меч держа во слепоте,
Как легкомысленны и лживы мы в суде!
Как гордой мудростью ведемся мы в обманы!
Что сделали мы с ним, мы, злобные тираны?

Аменаида

Родитель, на тебя скорбеть могла б и я...
Но столько чувствует вину душа твоя,
Что упрекать тебя дочь грустная страшится.
Упреком сим один Танкред обременится.

Аржир

Как! тот, кем я живу? твои продлил кто дни?

Аменаида

Уничижительны и тяжки мне они!
Надежда вся в тебе: дай зреть их перемену;
Ах! оправдай мне честь, тобою помраченну.
Кто Орбассана сверг, тот жизнь мне только спас;
Родитель, пусть меня твой оправдает глас.

Аржир

Я должен и спешу —

Аменаида

Я следую с тобою.

Аржир

Будь здесь ты.

Аменаида

Мне здесь быть? Нет, нет, иду я к бою.
Я зрела смерть вблизи, ужаснейшую смерть!
На поле чести, верь, ее отрадней зреть,
Чем на воздвигнутой отцом позорной плахе.
Не время, чтоб меня ты отвергал во страхе:
Несчастие дает мне право над тобой.
Иль два раза меня отец покинет мой?

Аржир

Нет, боле над тобой я не имею власти;
Я самовластием привел тебя к напасти.
Но мысли страшные питаешь в сердце ты;
Не исступленья ли то пылкие мечты?
Не здесь, в других странах иных обыкновений
Ваш пол, воспитанный без скорбных принуждений,
Идет на брань, едва от воев отличен;
Но не позволит здесь обычай и закон. . .

Аменаида

Какой закон! какой обычай сей презренный!
Знай, что мой дух теперь над ними вознесенный,
В сей день, день ужаса, и в сей неправды час
Приемлет за закон один сердечный глас.
Как? будет ваш закон для варварских заклятий
Лишь исторгать детей из отческих объятий?
Он будет позволять, народа при глазах,
Влачить здесь дочь твою в поноснейших цепях;
И не позволит он с отцом идти мне к бою,
Чтоб честь там защищать мне собственной рукою?
И пол наш, смертию казнимый в сих странах,
Быть может только зрим одних убийц в толпах!
Тиранство наконец рождает непокорство.
Трепещешь? . . трепещи, когда твое потворство,
Здесь собственным врагам желая угождать,
Тебя принудило на смертного восстать,
Который жизнь терял, чтоб дать нам оправданье.
Вот чем ты сам привел меня в непослушанье. . .

Аржир

Несчастного отца души не возмущай,
И прав меня винить во зло не обращай.
Я чувствую вину; я сам свой обвинитель;
Щади ты скорбь мою; и если твой родитель
Когда-либо в тебе дочь нежную имел,
Позволь, чтоб я один погиб от вражьих стрел.
С Танкредом, верь ты мне, враг вместе нас повержет.

(К свите)

Храните вы ее.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Аменаида

Здесь кто меня удержит?
О ты! который мог вражду ко мне питать,
Который мстив меня, дерзаешь презирать,
Танкред! перед тобой хочу я стать для бою,
Все тучи стрел в тебя хочу сдержать собою,
Принять удары их... и спасть главу твою;
Хочу тебе явить признательность мою:
Мстить смертию моей твою несправедливость;
Коль можно, превзойти и гнев твой и кичливость;
В твоих объятиях дух испуская мой,
Обременить тебя всей праведной враждой,
И в сердце страстном мной, тебе на сокрушенье,
Неисцелимое оставить угрызенье,
Терзания по гроб, без утешенья в них,
Весь яд моей любви, весь ужас мук моих.

Конец четвертого действия.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Рыцари и их щитоносцы с обнаженными мечами; воины, несущие трофеи; вдали народ.

Лоредан

Победную вы песнь, граждане, воспевайте,
И бога браней все во храмах ублажайте;
Победа наша в нем, и слава вся ему!
Народ, воздай хвалу поборнику сему:
Он стрелы сокрушил, разрушил он те ковы,
Что ставили на нас мучители суровы,
Поработители свободных областей.
На трупах их, народ, воздвигни свой трофей
И, мертву ярость их поправши вновь стопами,
Сокровищем Луны укрась господни храмы.
Пускай Гишпания, Италия в цепях,
Египет, Сирия, поверженные в прах,
Узрят, чтó мог народ, за вольность ополченный,
Против тиранов сих, колеблющих вселенной.
Аржира мы теперь утешить поспешим
И общей радостью печаль его смягчим.
О! если бы в сей день, для Сиракуз блаженный,
Обрел спокойствие отец сей огорченный.
Но где воитель тот, сей чуждый нам герой,
Который, говорят, решил наш славный бой?
Он с сонмом рыцарей во град не возвращался.
Ужели торжеством он сам не восхищался?

Иль счел, что мы его завидуем делам?
Довольно славны мы, и зависть чужда нам.
Иль Сиракуз бежит, им жертвовав собою?

(К Катану)

Катан, он долго вел бой жаркий пред тобою.
Почто, желая нам победой ускорить,
Всеобщей радости не хочет он делить?

Катан

Склони внимание, узнаешь ты причину:
Когда наш полк облег под Этною равнину
И по хребту горы проходы замыкал,
От вас тогда вдали, близ брега я стоял,
Где враг выдерживал всю нашу крепость боя.
Вдруг рыцарь сей, я зрел, исторгнулся из строя,
Его прерывный глас, свирепое чело
Души отчаянье нам ясно зреть дало.
Он Соламира звал, вопль страшный испуская;
Аржира дочери он имя повторяя,
Неверной называл, и в ярости своей,
Я видел, слезы лил из пламенных очей.
На смерть кидался он, но невредим и страшен,
Чем боле в сечу шел, тем боле был ужасен.
Пред нами пало всё, иль лучше — перед ним.
Я с войском к вам спешил, победой предводим;
Бесчувствен к славе, он, с главою преклоненной,
Безмолвен, горестен и в думы погруженный,
Вдруг Альдамона, к нам спешившего, зовет,
Объемлет, говорит и быстро вдаль идет,
Подобно как в бою на сечу он бросался.
«Так, навсегда!» — он рек. Смысл речи оправдался:
Достойный памяти, великий рыцарь сей
Незнаем хочет быть средь наших областей;
Но нам неведомы его печальны виды.
В сей миг услышавши я вопль Аменаиды,
Узрел бегущую в воинственных толпах:
Трепещуща, бледна, с отчаяньем в очах,
К герою вопия, стремится в исступленьи.
Отец, за ней влачась и удержа в стремленьи,
Рыдающую дочь, рыдая, к нам ведет.
«Друзья,— он возопил,— герой сей — есть Танкред!
Герой, дивящий нас, великий сей воитель,

Защитник Сиракуз, Аменаиды мститель,
Есть тот, кого в сей день наш общий приговор
Изменником назвал и предал на позор;
Есть тот, чье имя здесь законом поругалось».
О друг! что думать нам, что делать нам осталось?

Лоредан

Раскаяться — вот всё, что остается нам;
Не сознавать вины злым свойственно сердцам.
Да устыдимся мы, героя угнетая.
Страдает в мире сем заслуга, честь прямая;
Но кто их ведает, тот должен их почтить.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Рыцари, Аржир и Аменаида, вдали поддерживаемая служительницами.

Аржир

(входя с поспешностью)

Им должно помощь дать, их должно защитить:
Танкред в опасности, усердьем ослепленный;
Танкред напал один на сонм врагов спасенный,
Набегший на него и в битву ставший с ним.
О, горе старцу мне с бессилием моим!
Вы, коих мужеству не уступает сила,
Чьих старость пламенных сердец не охладила,
Спешите все, друзья, к защите сей главы;
Невинной дочери спасите друга вы.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Аржир и Аменаида.

Аржир

О дочь, для нас лучи надежды воссияли;
Утешу ль я тебя, предавшуюсь печали?

Аменаида

Утешусь я тогда, как будет здесь Танкред;
Как страха моего несчастный сей предмет

Предстанет и спасен и справедлив душою;
И скажешь ты, что он желает предо мною
Раскаяньем стереть обиды мне его.

Аржир

Ах! тягостны они для сердца твоего.
Но, дочь моя, Танкред, из наших стен изгнанный,
Теперь от всех почтен, и, славою венчанный,
Он самую тебя сей славой озарил;
Он, зависть постыдя, торжественно открыл,
Чрезмерностью услуг, для нас им совершенных,
Чрезмерность клеветы врагов его презренных.
Довольствуется чернь, один свой долг сверша,—
Герою мал сей труд; геройская душа
Над упованьем всех возвыситься желает —
Так общую Танкред надежду превышает.
Он будет справедлив, познав любовь твою.
Смягчился весь народ, узря вину свою.
Танкред уже готов оставить подозренье;
Чтоб укротить его, рассеять заблужденье,
Лишь нужно слово...

Аменаида

Но не сказано его.
Ах! что обиды мне народа твоего,
И легковерная любовь и сожаленье,
И всё его ко мне ничтожное почтенье?
Во мненьи одного мою я ставлю честь;
И знай, что дочь твоя смерть легче может снесть,
Чем миг прожить, его почтения лишася.
Признаюсь наконец, и, может быть, гордяся,
Что в защитителе — люблю супруга я.
Обет наш приняла в час смерти мать моя;
Нам руки трепетной рукой соединила
И, закрывая взор, союз благословила.
Ее мы тению, тобою, мой отец,
Перед лицом небес клялись в любви сердец;
Клялися, чтоб тебе быть в радость, в утешенье,
У ног твоих принять на брак благословенье...
Родитель... эшафот нам был здесь алтарем!
И грустный мой жених, в отчаяньи своем,
Со смертию одной желает сочетаться;

А мне одним стыдом осталося терзаться.
Вот жребий мой.

Аржир

Рассей печальные мечты;
Мы боле обретем, чем ожидаешь ты.

Аменаида

Страшусь всего.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и вестник.

Вестник

Восторг народа разделяйте,
И боле нас сердца сим чудом восхищайте:
Танкред, один Танкред победу совершил,
Один рассыпал он остаток вражьих сил,
И в жертву славную и вольности и мира
Танкред своей рукой сразил и Соламира.
Свершилась грозная за Сиракузы месть,
Но боле за твою обиженную честь.
Уже гремит молва, все стогны наполняя;
Восторженный народ, героя окружая,
Своим защитником, спасителем зовет,
О троне говорит, которого Танкред
За добродетели, за подвиги достоин.
Ему сопутствовал один усердный воин,
Под властию твоей служивший Альдамон.
Сим ратником одним герой был подкреплен,
Сей ратник разделял с ним подвиг беспримерный,
Когда ж сонм рыцарей в опасности чрезмерной
С оружием в руках на помощь им предстал,
Танкред уж бой решил, Танкред торжествовал.
Вы слышите ль сей клик, его превозносящий?
Идите зреть народ, во сретенье спешащий,
Чтоб в сонмах радостных героя увенчать;
Иди зреть торжество и жертву воспринять,
Толь долго от него желанную тобою;
Всё дышит счастием и радостью одною,

Всё мстит за скорбь твою, весь град сей восхищен;
Танкред твоей душе навеки возвращен.

Аменаида

Ах! оживаю я и познаю веселье.
Родитель,— воздадим творцу благодаренье!
Так неожиданно он всё мне возвратил;
Так щедро нас за все страданья наградил!
В сей миг, в сей только миг я жить лишь начинаю,
И сердца полного блаженство постигаю!
Я всё хочу забыть; простите плач вы мой,
Упреки, тщетный страх, рожденные тоской;
Граждане, рыцари, враждебные герою,
Падите все пред ним, он пасть идет пред мною.

Аржир

Благоволил творец скончать наш плач и стон.
Что вижу? к нам идет бесстрашный Альдамон,
Танкреда подвигов один свидетель верный;
Вот он, вот воин тот, издавна мне усердный,
И наше счастие он верно подтвердит.
Но не от язв ли он едва стопы влачит?
Ах, мрачен вид его, он скорби возвеститель! ..

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Альдамон.

Аменаида

Скажи, о Альдамон, Танкред ли победитель?

Альдамон

Он, без сомнения.

Аменаида

При кликах, внятных нам,
При песнях радостных идет он к сим местам?

Альдамон

Ах! песней глас на вопль пременится плачевный.

Аменаида

Что слышу я!

Альдамон

Сей день, навеки незабвенный,
Увы! последний день, в который жил Танкред.

Аменаида

Он мертв!

Альдамон

Взирает он еще на дневный свет,
Но от жестоких язв кончается с мученьем.
Я к вам предстал с его ужасным извещеньем,
С письмом сим, кровию начертанным его;
В нем тайну он открыл вам сердца своего.
С слезами тяжкое свершаю порученье.

Аржир

О, день отчаянья! о, неба пораженье!

Аменаида

(приходя в себя)

Подай мой приговор; предел моих он дней:
Приятен он.— Танкред! о бог судьбы моей!
Твой голос есть завет мне следовать с тобою?
Подай письмо — и смерть!

Альдамон

Услугой роковою,
Мне толь ужасною, не оскорбися ты.

Аменаида

О очи! зрите ль вы кровавые черты?
Могу ль? .. в последний раз мне укрепиться должно.

(Читает)

«Мне пережить твоей измены невозможно.
На битве гибну я, но умерщвлен тобой;
Тебе, жестокая, я, жертвуя собой,
Желал бы сохранить честь с жизнию твоею».
Что, мой отец!

(Падает на руки Фани)

Аржир

Увы! всей яростью своею
Неумолимый рок в сей день нас поразил!
Теперь он всех надежд и страха нас лишил;
Ни ты уже, ни я стенать не можем боле.
Но, дочь бесценная! влачу я жизнь доколе,
Пусть учит страшное раскаянье мое
Отечество, весь свет, как имя чтить твое.

Аменаида

Что мне в почтении, всех радостей лишенной?
Что мне в отечестве и что во всей вселенной?
Он умирает!

Аржир

Ах! терплю безмолвно я.

Аменаида

И умирает он во гневе на меня!
Сему виновник ты... Но пусть хоть в час он страшный...
Что вижу я? моих убийц!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лоредан, рыцари, свита, Аменаида, Аржир, Фани, Альдамон, Танкред, вдали несомый воинами.

Лоредан

Аржир несчастный!
Несчастнейшая дочь! К вам принесен с полей
Покрытый язвами великий рыцарь сей.
Кипящей яростью водимый он средь боя,
Желал лишь умереть, но смертию героя.
Его драгая кровь, струившаясь рекой,
От язв сдержалася усердною рукой;
Великая душа хоть смертию томилась,
Аменаиду зреть еще остановилась;
Ее он называл, и каждый слезы лил;
Свое смущенье скрыть я не имею сил.

Между тем как он говорит, Танкреда медленно приносят к Аменаиде, почти бесчувственной, поддерживаемой Фани и воинами. Она быстро исторгается из рук их и с ужасом обращается к Лоредану.

Аменаида

Оставьте, варвары, смущенья бесполезны.

(Подбегая к Танкреду и бросаясь к ногам его)

Танкред! о друг души, жестокий и любезный!
Ты можешь ли твой слух в последний раз склонить?
Ты можешь ли ко мне взор темный обратить?
Взгляни, узнай меня, и мой удел ужасный,
Хоть в гробе место мне, супруге дай несчастной!
Она завидует единой чести сей;
Бессмертный сей союз ты обещал для ней.
Не будь немилосерд, не будь врагом ты другу;
Хоть взором удостой невинную супругу...

(Он взглядывает на нее)

Ужель в последний раз взглянул ты на нее!..
Ужель совсем отверг и сердце ты мое?..
Ты мог подозревать?..

Танкред

(немного поднимаясь)

Ах! ты мне изменила.

Аменаида

Кто! я? Танкред!

Аржир

(бросившись к ногам с другой стороны и обнявши Танкреда, потом вставая)

Ах, нет! она тебя любила,
И за любовь к тебе на казнь осуждена;
За верность лишь к тебе страдала здесь она.
Мы все жестоки к ней и пред тобой виновны:
Законы, рыцари и наш совет верховный —
Все, все преступны мы; невинна дочь моя;
Вооружило нас одно письмо ея;
Письмо ж сие к тебе, к любимому герою;
А ты обманут был, обманут даже мною.

Танкред

Аменаида... как! так я любим тобой?

Аменаида

Достойна б я была позорной казни той,
От коей здесь меня рука твоя спасала,

Когда б я миг один тебя не обожала,
Когда б забыла я священный наш обет.

Танкред

(немного пришедши в силы и возвыся голос)

Любим я! .. счастие, превысшее всех бед!
Теперь об жизни я скорблю — ее кончая;
Но смерть я заслужил, клеветникам внимая.
Ужасны дни мои... и их свершен предел,
Как в слове я твоем всё счастие обрел.

Аменаида

И слово то сказать я время обретаю
Лишь в миг сей роковой, когда тебя теряю!
Танкред!

Танкред

Оставь твой плач; — теперь спокоен я.
Но расстаюсь с тобой; печальна смерть моя!
Я чувствую ее... Внемли, Аржир почтенный:
Вот сей драгой предмет моей любви священной,
Вот жертва скорбная злодейской клеветы
И подозрений всех. Соедини же ты
С кровавой сей рукой ее дрожащу руку;
Мне дай отраднее снести смертельну муку;
С супруга именем мне дай во гроб сойти;
Будь мне отцом.

Аржир

(принимая их руки)

О сын мой! да возможешь ты
Утешить жизнью нас, супругою любимый...

Танкред

Я жил, чтобы отмстить жену и край родимый;
И в их объятиях умру достойным их,
От них любим... счастлив в желаниях моих...
Аменаида... друг! ..

Аменаида

(быстро)

Танкред!

Танкред

Прости... страшися
За мною следовать... и жить мне поклянися.

(Упадает)

Катан

Свершилось! — Плачут все; но поздно он, увы!
Здесь узнан был.

Аменаида

(бросаясь на тело Танкреда)

Он мертв! .. как! плачете и вы?
Вы, тигры, вы, его изгнавшие со света!

(Встает и идет исступленная)

Да тартар вас пожрет, вас, всех убийц Танкреда,
И родину мою, и лютый ваш закон,
Который здесь с мечом в невинных устремлен!
Почто я не паду в прах стен сих раздробленных,
Меж трупов сих убийц, громами пораженных!

(Бросается на тело Танкреда)

Танкред, Танкред!

(Встает в исступлении)

Он мертв! .. а зрю живых я вас?
Я следую за ним... его я слышу глас...
Зовет меня — зовет к обители он вечной —
Я оставляю всех вас муке бесконечной.

(Упадает на руки Фани)

Аржир

О дочь!

Аменаида

(в исступлении отвергая его)

Остановись... Нет, ты мне не отец;
Ты чувства не имел отеческих сердец:
Сообщник ты убийц... увы! что я вещаю?
Умру, тебя любив... Танкред! — я умираю.

(Упадает близ него)

1809

Конец

Ὅμηρος δὲ παντὶ παιδὶ καὶ ἀνδρὶ καὶ γέροντι, τοσοῦτον ἀφ' αὐτοῦ διδους, ὅσον ἕκαστος δυναται λαβεῖν. Гомер каждому, и юноше и мужу и старцу, столько дает, сколько кто может взять.

Δίων. Χρυσόστ. περὶ Λόγον ἀσκήσεως

III

ИЛИАДА ГОМЕРА, ПЕРЕВЕДЕННАЯ ГНЕДИЧЕМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Позже, нежели бы мог, и не в том виде, как бы желал, издаю перевод «Илиады». Долговременная болезнь воспрепятствовала мне ранее напечатать его и *присовокупить введение* и *примечания;* они требовали много времени для такого рода объяснений творения древнего, какой избран мною и отрывком был напечатан в «Сыне отечества».[1]

Впрочем, изъяснение древних писателей не есть непременная обязанность переводчиков, когда от нее отказывается даже Вольф, ученейший, последний издатель поэм Гомеровых: он почитает изъяснение их делом, для него посторонним,[2] трудом, для которого нужна целая жизнь. Оно, в самом деле, когда изъяснять писателя не для детей, составляет особую, обширную науку археолога. Ввесть в круг понятий, нравов и вещей, познакомить с страною и духом века, в которых писатель жил,— вот что способствует к лучшему уразумению творений древних и чего требует читатель.

Не удовлетворяя сей нужды его, я сожалею тем более, что у нас нет еще никаких руководств к понятиям справедливым о древности и, следственно, к чтению с удовольствием и пользою писателей древних. Фосс мог издать свой перевод Гомера без всяких примечаний: он не опасался никаких недоразумений со стороны читателя. Германец, желающий изучать поэмы Гомера в славном переводе Фосса, может окружить себя целою библиотекою ученейших творений, разливающих яркий свет на словесность и мир древних. Шлоссер, глубокомысленный немецкий писатель, в сочинении своем *Всеобщая История Древности*,[3] быстро излагая характер и дух веков героических Греции, для изображения коих заимствует важнейшие черты из поэм Гомеровых, между прочим, говорит: «Нахожу бесполезным долее останавливаться на сем предмете: изучение Гомера так же тесно соединено с воспитанием юношества германского, как могло быть у греков». Когда бы и мне можно было то же сказать о воспитании русского юношества, я также почел бы ненужным говорить об Гомере при переводе поэмы его.

Но древняя тьма лежит на рощах русского Ликея. Наши учители до сих пор головы героев Гомеровых ненаказанно украшают перьями, а руки вооружают сталью и булатом. И мы, ученики, оставляемые

---

[1] 1826 г., № 20.

[2] Wolf. Homer. Oper. Lips. 1804. Praefat. Prior. Edit. pag. IX.

[3] Histoire universelle de l'Antiquité, par Schlosser. Paris, 1828.

учителями в понятиях о древности, совершенно превратных, удивляемся, что Гомер своих героев сравнивает с мухами, богинь с псицами; сожалеем о переводчиках его, которые такими дикостями оскорбляют вкус наш. *«Надобно подлинник приноравливать к стране и веку, в котором пишут;* adapter (l'original) au pays et au siècle, où l'on écrit».[1]

Так некогда думали во Франции, в Англии;[2] так еще многие не перестали думать в России; у нас еще господствуют те односторонние литературные суждения, которые достались нам в наследство от покойных аббатов. Предисловие к поэме Гомера, хотя краткое, у нас не лишнее. Читатель «Илиады», если она его найдет, по крайней мере не будет искать в древнем поэте чего не должно и требовать от переводчика чего не следует.

Поэмы Гомера, по признанию лучших критиков, древни, как псалмы Давида; они сочинены около 150 лет после разорения Трои. Предполагают, что «Илиада» первоначально не составляла одной поэмы и что нынешняя форма ей дана после. Здесь не место входить в исследования подробнейшие. Сто лет после Гомера Ликург, законодатель спартанский, принес из Ионии в Грецию отдельные песни «Илиады» и «Одиссеи»; 250 лет спустя Пизистрат, правитель афинский, собрал их, и его сын, Гиппарх, повелел, чтобы их пели во время Панафенеев, празднеств в честь Афины, покровительницы города. Аристотель сделал из них для Александра Великого список, старательно им выправленный. После, не упоминая о рапсодах, философах, софистах, грамматиках, схолиастах, толковавших и поправлявших Гомера, Аристарх Самосский и Аристофан, библиотекарь александрийский, более всех других занимались исправлением текста, щедро награждаемые за труды свои золотом Птоломея, царя египетского, который одною любовью к наукам обессмертил имя свое. Их список есть образец печатных изданий поэм Гомеровых.

Ошибается, кто сии поэмы принимает в понятии этого слова народном или школьном. Понятие и суждение о предмете всегда несправедливо, когда смотрят на него с одной и сверх того не с надлежащей точки зрения. Подобные понятия, неясные, часто ложные, не удовлетворяют ни уму, ни сердцу. По мере верности и разносторонности воззрений удовольствие возрастает, и мы с новым, живейшим чувством наслаждаемся книгою, картиною, статуей, на которые прежде смотрели равнодушно, не зная, с какой стороны должно было смотреть.

Гомер никогда не мог быть книгою общею, а тем более в наше время, в век переворотов всех мнений человеческих, переворотов, бывших, впрочем, и прежде, вновь быть имеющих и всегда оканчивающихся тем, что разум человека обращался вновь к одним и тем же вечным началам истинного и прекрасного. Поэмы Гомера не суть произведения

---

[1] Woode, sur le Génie d'Homer. Примечания французского переводчика, стр. 73. Также примечания к переводам Гомера г-жи Дасье и Битобе.

[2] «Повторения речей, употребляемые Гомером, могли нравиться слуху древних, но они оскорбят наш; должно их оставлять, когда из этого происходит красота». Так рассуждает Попе в своем предисловии к Гомеру. OEuvres complet. d'Alex. Pope. Tom. V, p. 367.

чисто поэтические; в них напрасно будут искать одного наслаждения, какое привыкли находить в поэзии современной, живой для нас всеми своими сторонами. «Илиада», в отношении к нам, есть, так сказать, первая история народа мертвого; но какая история! Были герои до Ахиллеса, не одно приключение романическое и не в одном царстве волновало, подымало, вооружало народы; «Илиада» одна сотворила великое воспоминание. Как греки достигли общежития, в «Илиаде» изображенного? Мы не знаем — история молчит; но творения песнопевца, подобно яркому воздушному огню среди глубокой ночи, озаряют мрачную древность. «Илиада» заключает в себе целый мир, не мечтательный, воображением украшенный, но списанный таким, каков он был, мир древний, с его богами, религиею, философиею, историею, географиею, нравами, обычаями — словом, всем, чем была древняя Греция. Творение Гомера есть превосходнейшая энциклопедия древности.

С такой точки зрения должно смотреть на поэмы Гомера. Они подобны книгам Бытия, суть печать и зерцало века. И кто любит восходить к юности человечества, чтобы созерцать нагую прелесть природы или питаться уроками времен минувших, пред тем целый мир, земной и небесный, разовьется в «Илиаде» картиною чудесною, кипящею жизнью и движением, прекраснейшею и величайшею, какую только создавал гений человека. Не славу одного какого-либо племени, но целого великого народа; не одни блестящие свойства какого-либо героя, но все характеры, все страсти человечества юного, все стороны жизни героической обнял и изобразил великий живописец древности. Чтобы читать картину его, чтобы наслаждаться и исполинскими образами, рукой гения набросанными, и мелкими подробностями, художнически оконченными, нужны предуготовительные познания. Но большая часть людей не считает их нужными, когда произносит суждения. Мы, с образом мыслей, нам свойственным, судим народ, имевший другой образ мыслей, подчиняем его обязанностям и условиям, какие общество налагает на нас. Забывая даже различие религии, а с нею и нравственности, мы заключаем, что справедливое и несправедливое, нежное и суровое, пристойное и непристойное наше, сегодняшнее, было таким и за три тысячи лет. И вот почему судим ложно о героях Гомеровых. Воображание без понятий не говорит, или темно говорит сердцу. Надобно переселиться в век Гомера, сделаться его современником, жить с героями, чтобы хорошо понимать их. Тогда Ахиллес, который на лире воспевает героев и сам жарит баранов, который свирепствует над мертвым Гектором и отцу его, Приаму, так великодушно предлагает и вечерю и ночлег у себя в куще, не покажется нам лицом фантастическим, воображением преувеличенным, но действительным сыном, совершенным представителем великих веков героических, когда воля и сила человечества развивалась со всей свободою, когда добродетели и пороки были еще исполинские, когда силою, мужеством, деятельностью и вдохновением человек возвышался до богов. Тогда мир, за три тысячи лет существовавший, не будет для нас мертвым и чуждым во всех отношениях: ибо сердце человеческое не умирает и не изменяется, ибо сердце не принадлежит ни нации, ни стране, но всем общее; оно и прежде билось теми же чувствами, кипело теми же страстями и говорило тем же языком. Мы поймем язык сей, вечно живой, и в гневе Ахиллеса, и в гордости Агамемнона, и в горести Приама, несмотря на образ выражения, столь далекий от нашего.

Так, язык страстей человечества юного, кипящего всею полнотою

силы и духа, еще не стесняемый условиями образованности, излившийся со всей свободой и со всей простотою душ царей-пастырей, не мог быть образом выражения подобен нашему; он не облекался в блестящие и разнообразные формы, которые мы изыскиваем; или, лучше сказать, он не имел других форм, кроме вдохновению принадлежащих — *простоты и силы*. Из сих начал истекают величайшие красоты поэзии гомерической, красоты, не включая местных, всемирные и вечные, как природа и сердце человека. Гомер и природа — одно и то же. «Двадцать столетий протекло по лицу земли,— говорит почтенный Муравьев (М. Н.),— а я нахожу, что самые сокровеннейшие чувствования сердца моего столь же живы в творениях Гомера, как будто происходят во мне самом».

Сия простота сказания, жизни, нравов, изображаемых в «Илиаде», и многие особенные свойства поэзии, в ней раскрытой, сильно напоминают глубокую древность Востока, и поэмы Гомера сближают, в литературном отношении, с писаниями Библии. Та же торжественная важность и величественная простота в речах; то же участие божества в связях семейств, непосредственное явление его, торжественность и значительность его слов. Сии многоразличные сравнения и подобия в «Илиаде», как образы, как примеры для объяснения и вразумления, суть явные свойства языка жителя восточного, который обыкновенно рассеянное в обширном кругу природы и опыта собирает, чтобы быстро означить предметы. Патриархальность, свойственная всему западному Востоку, очевидна как в жизни, так и в образе управления многих племен, в «Илиаде» изображаемых, но более всех у троян: цари их сами еще пасут стада; Приам в семействе своем более, нежели глава семейства: отец многочисленных сынов, он и царскую славу свою основывает, собственно, на обширном родстве; возвышаемый глубоким уважением, которое дети к нему оказывают, он их и отец и деспот; они его страшатся; воля его для них непременна. Сам Зевс, обыкновенно сидящий на Иде, являющийся среди грома и молнии, благодетельствующий вообще роду человеческому в древнем поколении Дардана, но частно способствующий одному против другого, племени Анхизову против преемников Приамовых, есть такой же бог семейства, как Иегова в истории праотцев.

Таким образом, язык, и вообще образ повествования творца «Илиады», истекающий из тех же начал простоты, более всего отличен; он совершенно противоположен всем его последователям, начиная от Виргилия. В нем не найдут обычных красот стихотворцев ученых, выражений искусственных, фраз сочиняемых, в которых видна работа и которым в наше время предпочтительно удивляются. Из уст сына природы, гения, одушевляемого полнотою духа и силы, не исходит ничего мелкого, ничего изысканного. Выражение духа его вольно, как игра фантазии, и льется свободно, подобно реке величественной. К стихам его, кажется, не касались поправки: все они излилися, кажется, по первому внушению. Музы диктовали, а Гомер писал, говорили древние.

В образе повествования гений Гомеров подобен счастливому небу Греции, вечно ясному и спокойному. Обымая небо и землю, он в высочайшем парении сохраняет важное спокойствие, подобно орлу, который, плавая в высотах поднебесных, часто кажется неподвижным на воздухе. Богатства его поэзии неисчислимы: она заключает в себе все роды. Гений Гомеров подобен океану, который приемлет в себя все

реки. Сколько задумчивых элегий, веселых идиллий смешано с грозными, трагическими картинами эпопеи. Картины сии чудны своей жизнию, Гомер не описывает предмета, но как бы ставит перед глаза: вы его видите. Это волшебство производят простота и сила рассказа. Не менее удивительна противоположность сих картин: ничего нет проще, естественнее и трогательнее одних, в которых дышит нагая красота природы; ничего нет величественнее, поразительнее, в которых все образцы ознаменованы возвышенностью и величием необычайным, титаническим, как образы сынов мира первобытного, воспоминания о котором носилися в веках героических и питали поэзию.

Говоря вообще, гений Гомера мужествен, иногда даже суров; его картины подобны ваяниям древности, которых формы, сильные и строгие, как в ваяниях Парфенона, удивляют изнеженность нашего вкуса. Причины сей мужественности гения древнего заключаются сколько в простоте нравов, столько в религии и отношениях женского пола к тогдашнему обществу, совершенно противоположных нашему. От сей последней причины словесность древних, и особенно греков, была, по выражению Ф. Шлегеля, словесностью, так сказать, мужеской и в некоторых частях осталась навсегда суровее и грубее, нежели их умственное образование.

Не ставя алтарей Гомеру, как Скалигер Виргилию — поклонение, несообразное с успехами разума,— скажем вообще: Гомер, в отношении к нам, не есть образец, до которого дух человеческий в поэзии возвыситься может; но он определяет ту черту, от которой гений древнего человека устремил смелый полет, круг, который обнял, и предел, до которого достигнул. В таком отношении поэтические творения Гомера, без сомнения, суть произведения совершеннейшие. Поэт, оратор, историк, воин и гражданин — могут черпать в них полезные уроки; они исполнены глубокого смысла. Начиная от Александра Великого, который хранил «Илиаду» в золотом ковчеге и клал себе под голову, Гомер есть любимый писатель всех великих людей и, как говорит знаменитый историк Мюллер, лучший учитель первейшей науки — мудрости.

По сим легким очертаниям [1] можно видеть, что, за исключением свойств механических, как гармония и проч., отличительные свойства поэзии, языка и повествования Гомерова суть простота, сила и важное спокойствие. Да не помыслят, однако, что важность сия состоит в однообразной высокости слога, которую иначе не можно передать нам, как языком славянским. При бесчисленном разнообразии характеров и предметов, заключаемых «Илиадой» в сих переходах от Олимпа

---

[1] Для дополнения понятий о Гомере едва ли найдет читатель, даже на языках иностранных, что-либо лучшее и столь верное, как мысли о нем Муравьева (М. Н.), писателя, который так хорошо был знаком с древними и в творениях своих оставил прекрасную душу и богатые плоды познаний. Не излишним считаю присовокупить их:

«Кажется, что юная природа истощила все свои силы и хитрости на образование разумов и дарований. Каких она имела любимцев и наперсников в первых зрителях ее прелести! Нет, скажу я (подобно Гомерову Нестору), нынешний век не увидит мужей, равняющихся с богоподобным певцом Ахиллесовым... Природа сияла тогда собственными красотами и не обременялася украшениями, которые думают ныне придать ей люди. Люди воспитаны были в лоне ее и не

к кухням, от совета богов к спорам героев, часто грубым, от Ферсита, представителя наглой черни, каркающего подобно вороне, по выражению Гомера,[1] к пышному витийству Одиссея, от пламенного Ахиллеса к кроткому сладкоречивому Нестору, и проч., Гомер, естественно, не мог быть однообразен ни в языке, ни в слоге; от высокости их он должен был нисходить до простоты языка народного. Но важное спокойствие повествования его состоит в каком-то важном течении речей, одному гекзаметру свойственном, которое, связывая стих со стихом, льется, как волны, непрерывно, до конца периодов поэтических, без сих оборотов коротких, фраз отрывистых, принадлежащих слогу искусственному.

Чтобы сохранить свойства сии поэзии древней, столь вообще противоположные тому, чего мы от наших поэтов требуем, переводчику Гомера должно отречься от раболепства перед вкусом гостиных, перед сей прихотливой утонченностью и изнеженностью обществ, которых одобрения мы робко ищем, но коих требования и взыскательность связывают, обессиливают язык. Преимущества нашего языка поэтического пленительны, и особенно сей цвет прекрасного пола, сладостная нежность; но они были бы неуместны в поэмах Гомера. Знаю, что для наших читателей успех мог быть несомнительнее вроде перевода вольного, как Попиев или Чезаротти. Но почитатели древности не прощают сим великим поэтам, что они осмелились преобразить отца поэзии,[2] дабы сделать его более сообразным с требованием и вкусом века их. Требования переменятся, вкус века пройдет, между тем как многие тысячи лет Гомер не проходит. Это памятник древности, требующий от переводчика не новой «Илиады», как Попиева, но, так сказать, слепка, который бы, сколько позволяет свойство языка, был подобен слепкам ваятельным. А какой язык, если не наш, богатый,

---

гнушались тем, что представляла им с младенчества любящая их воспитательница. Вкус их не был изнежен. Красоты природные преимуществовали над красотами условными. Роскошь не налагала насильственных и странных своих законов. Благопристойностию была только единая драгоценная стыдливость, вдохновенная природою, тем более наблюдаемая и ненарушаемая, что предписания ее не отягощалися хитрыми толкованиями ложного стыда. Все таинства природы выражены у древних с сим восхитительным чистосердечием, которое не мыслит худого. Не есть то бесстыдство, но некая прелесть целомудрия, не имеющего причины таиться. Любовь имела только одну простоту и беззлобие покрывалом. Сие покрывало есть такое одеяние, которое наиболее ее ограждает от очей непросвещенных. Изменило бы ей притворство; и простота, хранитель священного к ней почтения, простота, прекраснейшая хитрость любви... Нет ни одной черты величественного и чудесного стихотворства, которая не была бы в сокровищнице древних... Не знает тот эпического стихотворства, кому не нравится Гомер. Его сказки, его длинные речи в сражениях, самые ошибки его стократно драгоценнее для стихотворства, нежели измеренные шаги писателя, никогда не падающего единственно потому, что он никогда не имеет силы возвыситься». Полн. собр. соч. М. Н. Муравьева, т. III, стр. 295.

[1] Илиада. Песнь II, стих греческ. и русск. 212.

[2] Prolegom. ad Homer. F. Wolfii, p. 82.

гибкий, прозодический, обладает драгоценнейшим свойством, особенно для перевода с греческого, *свободным словорасположением*, свойством, давшим и переводу славянской Библии точность слепка; хотя, впрочем, сему благоприятствовал не один язык, но и самое время: народ не имел еще ни литературы, ни критики.[1] Как бы то ни было, но вольные переводы выгоднее для переводчика, нежели для подлинника. Я предпочел выгоды Гомера своим, решился переводить с возможною верностью, но переводить поэта стихами на язык, имеющий словесность: условия, которые, разумеется, лишили меня способов, хотя бы я и желал, переводить, как Мефодий и Кирилл, буквально, не страшась оскорблять язык и не опуская даже греческих частиц γάρ, δὲ, μὲν, и проч., которые сими прелагателями Библии на язык славянский все удержаны.[2] Впрочем, известно, что один грамматический смысл не составляет еще поэзии. Смысл иностранных слов находится в лексиконе, и каждый умеющий приискать значение слова был бы в таком случае хороший переводчик. Робкое сохранение мыслей — не перевод их, ежели они, как говорит Муравьев (М. Н.), *не производят того же чувствования, не приводят в действо сего насильственного волшебства,* которое обладает душою.

---

[1] Почтенные прелагатели Библии, по набожному образу мыслей, переводили слово в слово, не опасаясь оскорблять язык, еще не имевший словесности, и не думая, хорош ли оборот или нет. Но красоты подлинника выливались в переводе сами собою: следствие того, что язык славянский, как и русский, имея свободное словорасположение, легко принимает и движение фраз и формы идей греческих. Сему, впрочем, не менее способствовало и чудное сродство сих языков, так хорошо доказанное отцом К. Экономидом. *Опыт о сродстве языка славяно-российского с греческим. С.-Петербург, 1828.*

[2] Обстоятельство, повидимому, мелочное, но в отношении к переводу «Илиады» достойное примечания. В языке Гомера и вообще поэтов греческих находится необыкновенное обилие частиц и союзов: ρα, γαρ, μεν, δε, τε, και. Это произошло оттого, думает Платон, что у греков стих образовался прежде прозы. Частицы сии, особенно δὲ, по-русски — *же*, так часто употребляются Гомером, что иные стихи, как замечает Гейне, кажутся необработанными. Как бы то ни было, но именно эти частицы составляют связь, порядок и необыкновенную ясность речи Гомеровой и так часто, так хорошо служат поэту к наполнению меры. Эти частицы для стиха Гомерова то, что маленькие камушки для строения, готовые всегда наполнить промежуток и наконец составить с большими камнями целое крепкое здание. Таким образом, опущение сих частиц составляет немаловажное затруднение в стихотворном переводе Гомера. Чем заменить пустоту, отсутствие звуков, не имеющих иногда значения, но составляющих полноту стиха или гармонию ритма?

Кстати другое примечание. Для всех переводчиков правило без исключения: собственные имена писать, как произносятся в языке, с которого переводят. Но, увлеченный употреблением, освятившим у нас даже Святцами неправильное произношение многих имен греческих, я, никем не остановленный, нечувствительно ему следовал и в половине уже перевода почувствовал, что делаю сам себе большое затруднение. Стих с собственным именем, а их в «Илиаде» обильно, если в нем сохранять и выговор и ударение греческое, легче для перевода;

В таком понятии о достоинстве перевода я был верен Гомеру; и, следуя умному изречению:[1] *должно переводить нравы так же, как и язык*, я ничего не опускал, ничего не изменял. У великих писателей есть такие выражения, которых сила, хорошо чувствуемая, более, нежели целая книга, дает понятие о лице, которое произносит их, или о народе, который их употребляет. Делая выражения греческие русскими, должно было стараться, чтобы не сделать русскою мысли Гомеровой, но, что еще более,— не украшать подлинника. Очень легко украсить, а лучше сказать — подкрасить стих Гомера краскою нашей палитры, и он покажется щеголеватее, пышнее, лучше для нашего вкуса; но несравненно труднее сохранить его гомерическим, как он есть, ни хуже, ни лучше. Вот обязанность переводчика, и труд, кто его испытал, не легкий. Квинтилиан понимал его: facilius est plus facere, quam idem: *легче сделать более, нежели то же*.[2]

Таким образом, величайшая трудность, предстоящая переводчику *древнего* поэта, есть беспрерывная борьба с собственным духом, с собственною внутреннею силою, которых свободу должно беспрестанно обуздывать, ибо выражение оной было бы совершенно противоположно духу Гомера. До сих пор одни поэты Германии, в качестве переводчиков, вступали в сей подвиг и совершили его со славою.

Заключая, прошу об одном: не осуждать, если какой-либо оборот или выражение покажется странным, необыкновенным, но прежде или сверить с подлинником, или вспомнить, что и самые предметы, в «Илиаде» изображаемые, многие для нас чужды, странны. Для перевода такой поэмы, исполненной подробностей и предметов технических, без сомнения, невозможно и не должно было ограничиваться языком гостиных и скудными еще нашими словарями. Я осмелился пользоваться и наречиями областными; хорошо или худо, это дело иное, но почему ими не пользоваться?[3] Так диалекты греческие обогатили язык. Позволил себе вольности, нашею критикою осуждаемые, но употребляемые Гомером; оружия однородные, например: копье, пика,

---

но с изменением их затруднение представляется в каждом стихе, разумеется для механизма, а не для смысла. Таким образом, я почти сам себя наказал за нарушение вышесказанного правила, в нового рода именах, как Агамѐмнон и проч., удержал я греческое произношение, а не во всех, как бы следовало; постараюсь загладить вину сию, если нужда потребует второго издания. Впрочем, трудно сладить нам с собственными именами греческими. Одни из них введены в русский язык по произношению латинскому: Тезей, Феб, вместо Физей, Фив; другие по-греческому: Афина, Фивы, вместо латинского Атена, Тебы и проч. Надобно совершенно опрокинуть употребление; но тогда многие из имен зазвучат незнакомо, напр., под словами: Ива, Ихо узнает ли читатель Гебу, Эхо?

[1] Кажется, Вальтер-Скотта.

[2] De Institut. Orat. Lib. X. C. II.

[3] Например, словом *воз*? Некоторые принимают его только за кладь; но основательно ли это и по самому словопроизводству? Кроме того, миллионы людей русских, Украина и Малороссия, иначе не называют телеги, как воз. Гомерова ἅμαξα, от ἅμ-ἄγω, *со-возу*, точнее и переведена быть не может, как воз, дабы отличить от его же слова ἀπήνη — повозка.

дрот, дротик, ἔγχος, δόρυ, βέλος, ἀκόντιον, или меч, сабля, нож,[1] φάσγανον, ξίφος, μάχαιρα, он употребляет, иногда в том же стихе, одно за другое, может быть для меры, может быть по своенравию; я желал сохранить и своенравия Гомера. В некоторых местах «Илиады», особенно где касается до оружий, кораблей и проч.,[2] я, по моему понятию, может быть и ошибочному, не согласился с известными доныне переводами. Не могу в кратком предисловии изложить доказательств на защиту моего перевода, но предаю оный читателям, которые могут сверить с подлинником. Не прошу о снисхождении: читатель образованный сам окажет его к слабостям и ошибкам, человеку свойственным, если в труде моем худое не превышает хорошего. Что до критик, знаю, что если б сам великий Гомер поднял из гроба почтенную главу свою, Зоил, бросив обитель мрака, снова бы явился. Счастлив буду, когда найду суд просвещенный; он окажется полезным не мне одному: суждение есть жизнь словесности. Не могу, впрочем, думать, что перевод мой удовольствовал читателей, более меня сведущих в греческом языке, ибо я первый остаюся им недоволен.

Мне советовали, при издании «Илиады», изложить теорию гекзаметра: труд бесполезный, как в нескольких тысячах стихов не найдут ее. Не считаю также нужным защищать гекзаметр как бы мою собственность; он сам себя защищает в стихах Жуковского и так же красноречиво, как некогда отвергаемое движение защитил тот грек, который, вместо возражений, встал и начал ходить. Русский гекзаметр существует, как существовал прежде, нежели начали им писать. Того нельзя ввести в язык, чего не дано ему природою. Французы могут ли иметь стопы? Не имели бы и мы, если б не было их в стихиях языка; мы только заняли имена греческие для стоп русских, и имею причины думать, что с помощью музыки, если б она так же тесно была соединена с поэзиею у нас, как у греков, мы могли бы иметь все те же стопы и то же их *количество*, quantitas, которое одна музыка, то есть род нотного, напевного произношения стихов, называвшегося *Мелопея*, придавала стопам в языках древних, и таким образом напевную прозодию поэтическую разрознила с прозодиею прозы. Иначе язык греческий выходил бы из закона природы, общего всем языкам на свете. Закон сей есть *ударение*.

О причинах, заставивших меня для перевода «Илиады» избрать гекзаметр, сказать несколько слов почитаю нужным. Для трудящихся, в каком бы то ни было роде искусства, ничего нет печальнее, как видеть, что труд свой можно сделать лучше, и не иметь к тому способа.

---

[1] Ξίφος — кривой меч, сабля (ein Sabel, *Riemer*). Что у древних народов, особенно варварских, как фракийцы и другие союзники троян, употреблялась сабля, доказывают лучшие лексикографы, писатели древности и памятники оной. A collection of antiq. vases etc. By Hen. Moses. Lond. 1814, planch. 125.

[2] Не могу не свидетельствовать благодарности А. Н. Оленину, как вообще за участие, какое принимал он в труде моем, так и за снисхождение, с каким сей просвещенный любитель древностей, похищая свободные минуты от своих многих занятий, предлагал мне изъяснения, касающиеся до греческих оружий и проч., изъяснения, которыми так бедны толкователи Гомера.

Таковы были мои чувствования при переводе «Илиады» рифмованном. Кончив шесть песен, я убедился опытом, что перевод Гомера, как я его разумею, в стихах александрийских невозможен, по крайней мере для меня; что остается для этого один способ, лучший и вернейший — гекзаметр. Плененный образом повествования Гомерова, которого прелесть нераздельна с формою стиха, я начал испытывать, нет ли возможности произвесть русским гекзаметром впечатления, какое получил я, читая греческий. Люди образованные одобрили мой опыт,[1] и вот что дало мне смелость отвязать от позорного столпа стих Гомера и Виргилия, прикованный к нему Тредиаковским.

Говорю смелость, ибо читателям известно, что должно было вынести дерзнувшему из рук Геркулеса вырывать его палицу, а говоря проще, осмелившемуся бороться с предрассудком и врагом еще упорнейшим — самолюбием. Мы уступчивы в мнениях, которые составляем сами, собственным суждением; согласие, даваемое добровольно, вознаграждает наше самолюбие. Но в мнениях, которые нам внушены, которые приняты без рассуждения, так сказать на веру, и которые переменить нас заставляют,— мы непреклонны; обидно обнаружить, что мы были в невежах и судили без разумения дела. Вот главная причина воплей староверов литературных против гекзаметра. Читатель, может быть, помнит, какие познания обнаружили они в суждениях своих об гекзаметре; иные жаловались даже, что стих сей трудно читать: так дети, плохо ученые, с трудом читают книгу, по которой не учились. Но возрастет новое поколение, которого детство будет образованнее нашей старости, и гекзаметр покажется для него тем, чем он признан от всех народов просвещенных: высшим соображением гармонии поэтической.

Но кто уже и теперь не читает с восхищением Аббадоны, Гальционы, разрушения Трои — произведений, обогативших поэзию русскую? Кого не пленяет и лира Дельвига, счастливыми вдохновениями и стихом, столько музе любезным? — Итак, если мои собственные усилия несчастны, по крайней мере последствия не бесплодны.

Впрочем, не стих, Тилемахидою опозоренный, должен был устрашать меня при мысли о переводе «Илиады». Верный своему убеждению, что гекзаметр, и без спондеев, имеет в языке русском обильные стихии для своего состава, я не смущался ни толками, ни пересудами. Но труд, в котором всё было для меня ново; стих, не имевший образцов и который, каково бы ни было его достоинство, с переводом поэмы чуженародной не мог вдруг сделаться родным, живым для слуха народа, и самая поэма, которой предмет так отдален от нас, которой красоты так чужды, так незнакомы нашему вкусу, но в которой между тем 17 т. стихов... Вот что должно было устрашать меня. Часто думал я: стих, которым я внутренне горжуся, может быть, исчезнет в огромной поэме; может быть, никто не обратит на него нового внимания после того, как я прочел его с чувством удовольствия...

Но не хочу быть неблагодарным: чистейшими удовольствиями в жизни обязан я Гомеру, и забывал труды, которые налагала на меня любовь к нему, и почту себя счастливейшим, если хотя искра огня небесного, в его вечных творениях горящего, и мои труды одушевила.

---

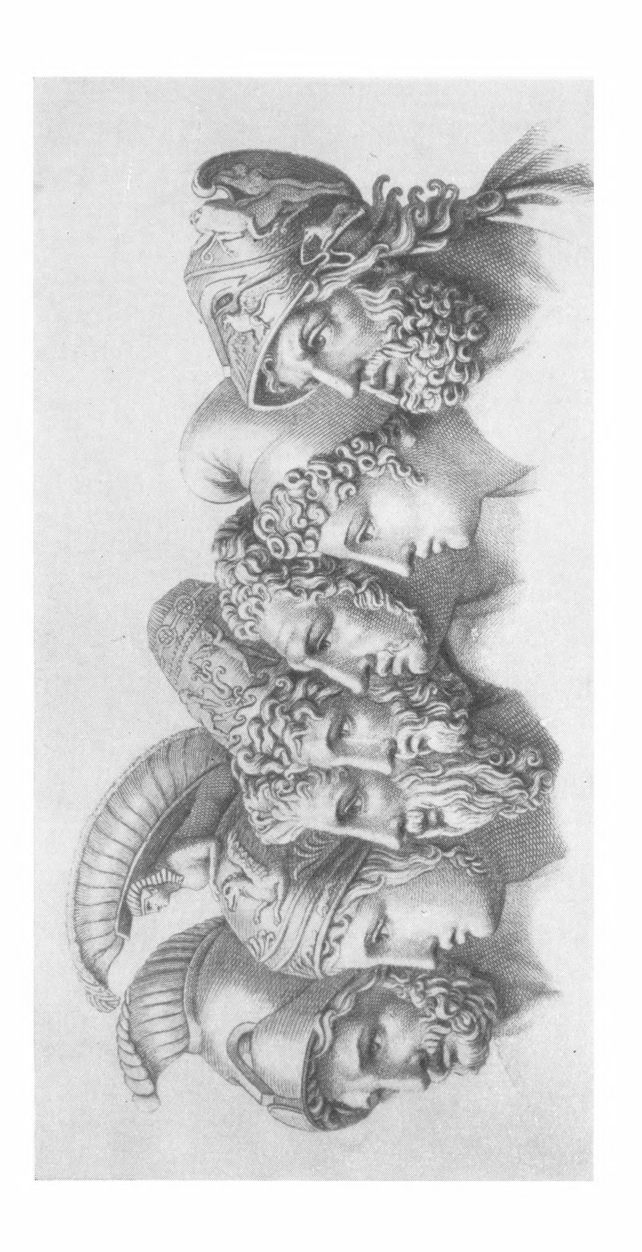
[1] И если кто-либо из них в том раскаиваться должен, то, без сомнения, первый С. С. Уваров. Красноречивое письмо его об гекзаметрах напечатано в книжк. Беседы, 1813 года.

ПЕСНЬ I

СОДЕРЖАНИЕ

Воззвание к музе и изложение предмета песней, гнева Ахиллесова и его последствий, ст. 1—7. Причина распри между Агамемноном и Ахиллесом: Хриз, жрец Аполлона, приходит в стан ахеян, чтобы выкупить дочь свою, в предшествовавшие битвы, при разорении Фив плененную и наградою из добыч Агамемнону данную, 8—21 и 366. Агамемнон отвергает его с поруганием; жрец удаляется и молит Аполлона о мщении за обиду; бог на воинство ахейское посылает язву; она свирепствует, 22—32. Ахиллес, по внушению Геры, собирает совет, чтобы изыскать средство к отвращению бедствия; Калхас, верховный жрец, открывает истинную причину оного и объявляет, что только возвращением Хризеиды отцу ее и принесением жертв Аполлону прекратится язва, 53—100. Таким образом, раздраженный Агамемнон начинает распрю с Ахиллесом; возвратить Хризеиды не отказывается, но с тем, чтобы немедленно дано ему было возмездие; Ахиллес, негодуя на корыстолюбие царя, оскорбительно упрекает его; Агамемнон возражает еще оскорбительнее, и наконец грозит, что у самого Ахиллеса похитит Бризеиду, полученную им наградою от ахеян, 101—187. Ахиллес, оскорблением ожесточенный, обнажает меч на Агамемнона; является Паллада; ей покоряяся, он укрощает гнев; но, понося Агамемнона, объявляет, что он с мирмидонами более не участвует в брани, 188—244. Нестор убеждает их смириться, но тщетно, 245—304. Собрание прервано. Ахиллес и Агамемнон удаляются враждебные; первый в стан свой, где, преданный гневу, остается без действия, 305 и 488. Последний отправляет Хризеиду к отцу с умилостивительными жертвами богу; воинство очищается и также приносит жертвы Аполлону, 305—317. Между тем Агамемнон, совершая угрозы, посылает увесть насильственно Бризеиду от Ахиллеса, 318—348. Ахиллес молит матерь свою Фетиду об отмщении за обиду; она обещает просить Зевса, когда он возвратится на Олимп, ибо, со всеми богами отшед к эфиопам, он не прежде как в двенадцатый день возвратится, 349—425. Между тем Хризеида привезена

к отцу с жертвами Аполлону; по принесении оных бог умилостивляется и язву прекращает, 430—488. Зевс возвращается на Олимп; Фетида предстает ему тайно и молит бога отмстить за сына ее; он преклоняется и дает ей обет, что трояне будут победителями в брани, пока Ахиллеса не удовлетворят за оскорбление Агамемнон и ахейцы, 492—533. Гера, недоброжелательная троянам, уведав о сем тайном совете, пагубном, как подозревает она, ахейцам, ею покровительствуемым, раздражается; распря Геры и Зевса во время пиршества, 534—567. Опечален весь сонм богов; Гефест возвращает их к веселости, 568—600; и боги, с наступлением ночи прекратив пиршество, отходят ко сну, 601—611.



ПЕСНЬ I

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса Пелеева сына
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид, и самих распростер их в корысть плотоядным
Птицам окрестным и псам (совершалася Зевсова воля),—
С оного дня, как, воздвигшие спор, воспылали враждою
Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес благородный.

Кто ж от богов бессмертных подвиг их к враждебному спору?
Сын громовержца и Леты — Феб, царем прогневленный,
Язву на воинство злую навел; погибали народы
В казнь, что Атрид обесчестил жреца непорочного Хриза.
Старец, он приходил к кораблям быстролетным ахейским
Пленную дочь искупить; и, принесши бесчисленный выкуп
И держа в руках, на жезле золотом, Аполлонов
Красный венец, умолял убедительно всех он ахеян,
Паче ж Атридов могучих, строителей рати ахейской.

«Чада Атрея и пышнопоножные мужи ахейцы!
О! да помогут вам боги, имущие домы в Олимпе,
Град Приамов разрушить и счастливо в дом возвратиться;
Вы ж свободите мне милую дочь и выкуп примите,
Чествуя Зевсова сына, далеко разящего Феба».

Все изъявили согласие, криком всеобщим, ахейцы
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп;
Только царя Агамѐмнона было то нелюбо сердцу;
Гордо жреца отослал и прирек ему грозное слово:

«Старец, чтоб я никогда тебя не видал пред судами!
Здесь и теперь ты не медли и впредь не дерзай показаться!
Или тебя не избавит ни скиптр, ни венец Аполлона.
Деве свободы не дам я; она обветшает в неволе,
В Аргосе, в нашем дому, от тебя, от отчизны далече —
Ткальный стан обходя или ложе со мной разделяя.
Прочь удались и меня ты не гневай, да здрав возвратишься!»

Рек он; и старец трепещет и, слову царя покоряся,
Идет, безмолвный, по брегу немолчношумящей пучины.
Там, от судов удалившися, старец взмолился печальный
Фебу-царю, лепокудрыя Леты могущему сыну:

«Бог сребролукий, внемли мне: о ты, что, хранящий, обходишь
Хризу, священную Киллу и мощно царишь в Тенедосе,
Сминфей! если когда я храм твой священный украсил,
Если когда пред тобой возжигал я тучные бедра
Коз и тельцов,— услышь и исполни одно мне желанье:
Слезы мои отомсти аргивянам стрелами твоими!»

Так вопиял он, моляся; и внял Аполлон сребролукий:
Быстро с Олимпа вершин устремился, пышущий гневом,
Лук за плечами неся и колчан, отовсюду закрытый;
Громко крылатые стрелы, биясь за плечами, звучали
В шествии гневного бога: он шествовал, ночи подобный.
Сев наконец пред судами, пернатую быструю мечет,
Звон поразительный издал серебряный лук стреловержца,
В самом начале на месков напал он и псов празднобродных;
После постиг и народ, смертоносными прыща стрелами;
Частые трупов костры непрестанно пылали по стану.

Девять дней на воинство божие стрелы летали;
В день же десятый Пелид на собрание созвал ахеян.
В мысли ему то вложила богиня державная, Гера:
Скорбью терзалась она, погибающих видя ахеян.
Быстро сходился народ, и когда воедино собрался,
Первый, на сонме восстав, говорил Ахиллес быстроногий:

«Должно, Атрид, нам, как вижу, обратно исплававши море,
В до̀мы свои возвратиться, когда лишь от смерти спасемся.
Вдруг и война и погибельный мор истребляет ахеян.
Но испытаем, Атрид, и вопросим жреца, иль пророка,
Или гадателя снов (и сны от Зевеса бывают):
Пусть нам поведают, чем раздражен Аполлон-небожитель?
Он за обет несвершенный, за жертву ль стотельчую гневен?
Или от агнцев и избранных коз благовонного тука
Требует бог, чтоб ахеян избавить от пагубной язвы?»

Так произнесши, воссел Ахиллес; и мгновенно от сонма
Ка̀лхас восстал Фесторид, верховный птицегадатель.
Мудрый, ведал он всё, что минуло, что есть и что будет,
И ахеян суда по морям предводил к Илиону
Даром предвиденья, свыше ему вдохновенным от Феба.
Он, благомыслия полный, речь говорил и вещал им:

«Царь Ахиллес! возвестить повелел ты, любимец Зевеса,
Праведный гнев Аполлона, далеко разящего бога?
Я возвещу; но и ты согласись, поклянись мне, что верно
Сам ты меня защитить и словами готов и руками.
Я опасаюсь, прогневаю мужа, который верховный
Царь аргивян, и которому все покорны ахейцы.
Слишком могуществен царь, на мужа подвластного гневный:
Вспыхнувший гнев он на первую пору хотя и смиряет,
Но сокрытую злобу, доколе ее не исполнит,
В сердце хранит. Рассуди ж и ответствуй, заступник ли ты мне?»

Быстро ему отвечая, вещал Ахиллес благородный:
«Верь и дерзай, возвести нам оракул, какой бы он ни был!
Фебом клянуся, Зевса любимцем, которому, Ка̀лхас,
Молишься ты, открывая данаям вещания бога:
Нет, пред судами никто, покуда живу я и вижу,
Рук на тебя дерзновенных, клянуся, никто не подымет
В стане ахеян; хотя бы назвал самого ты Атрида,
Властию ныне верховной гордящегось в рати ахейской».

Рек он; и сердцем дерзнул, и вещал им пророк непорочный:
«Нет, не за должный обет, не за жертву стотельчую гневен
Феб, но за Хриза-жреца: обесчестил его Агамѐмнон,
Дщери не выдал ему, и моленье и выкуп отринул.

Феб за него покарал и бедами еще покарает,
И от пагубной язвы разящей руки не удержит
Прежде, доколе к отцу не отпустят, без платы, свободной
Дщери его черноокой и в Хризу святой не представят
Жертвы стотельчей; тогда лишь мы бога на милость преклоним».

Слово скончавши, воссел Фесторид; и от сонма воздвигся
Мощный герой, пространновластительный царь Агамѐмнон,
Гневом волнуем; ужасной в груди его мрачное сердце
Злобой наполнилось; очи его засветились, как пламень.
Ка́лхасу первому, смотря свирепо, вещал Агамѐмнон:

«Бед предвещатель, приятного ты никогда не сказал мне!
Радостно, верно, тебе человекам беды лишь пророчить;
Доброго слова еще ни измолвил ты нам, ни исполнил.
Се, и теперь ты для нас как глагол проповедуешь бога,
Будто народу беды дальномечущий Феб устрояет,
Мстя, что блестящих даров за свободу принять Хризеиды
Я не хотел; но в душе я желал черноокую деву
В дом мой ввести; предпочел бы ее и самой Клитемнестре,
Девою взятой в супруги; ее Хризеида не хуже
Прелестью вида, приятством своим и умом и делами!
Но соглашаюсь, ее возвращаю, коль требует польза:
Лучше хочу я спасение видеть, чем гибель народа.
Вы ж мне в сей день замените награду; да в стане аргивском
Я без награды один не останусь: позорно б то было;
Вы же то видите все — от меня отходит награда».

Первый ему отвечал Пелейон, Ахиллес быстроногий:
«Славою гордый Атрид, беспредельно корыстолюбивый!
Где для тебя обрести добродушным ахеям награду?
Мы не имеем нигде сохраняемых общих сокровищ;
Что в городах разоренных мы добыли, всё разделили;
Снова ж, что было дано, отбирать у народа — позорно!
Лучше свою возврати, в угождение богу. Но после
Втрое и вчетверо мы, аргивяне, тебе то заплатим,
Если дарует Зевс крепкостенную Трою разрушить».

Быстро, к нему обратяся, вещал Агамѐмнон могучий:
«Сколько ни доблестен ты, Ахиллес, бессмертным подобный,

Хитро не умствуй: меня ни провесть, ни склонить не успеешь.
Хочешь, чтоб сам обладал ты наградой, а я чтоб, лишенный,
Молча сидел? и советуешь мне ты, чтоб деву я выдал?..
Пусть же меня удовольствуют новою мздою ахейцы,
Столько ж приятною сердцу, достоинством равною первой.
Если ж откажут, предстану я сам и из кущи исторгну
Или твою, иль Аяксову мзду, или мзду Одиссея;
Сам я исторгну, и горе тому, пред кого я предстану!
Но об этом беседовать можем еще мы и после.
Ныне черный корабль на священное море ниспустим,
Сильных гребцов изберем, на корабль гекатомбу поставим
И сведем Хризеиду, румяноланитую деву.
В нем да воссядет начальником муж от ахеян советных,
Идоменей, Одиссей Лаертид иль Аякс Теламо̀нид,
Или ты сам, Пелейон, из мужей в ополченьи страшнейший!
Шествуй и к нам Аполлона умилостивь жертвой священной!»

Грозно взглянув на него, отвечал Ахиллес быстроногий:
«Царь, облеченный бесстыдством, коварный душою мздолюбец!
Кто из ахеян захочет твои повеления слушать?
Кто иль поход совершит, иль с враждебными храбро сразится?
Я за себя ли пришел, чтоб троян, укротителей ко̀ней,
Здесь воевать? Предо мною ни в чем не виновны трояне:
Муж их ни ко̀ней моих, ни тельцов никогда не похитил;
В счастливой Ффии моей, многолюдной, плодами обильной,
Нив никогда не топтал; беспредельные нас разделяют
Горы, покрытые лесом, и шумные волны морские.
Нет, за тебя мы пришли, веселим мы тебя, на троянах
Чести ища Менелаю, тебе, человек псообразный!
Ты же, бесстыдный, считаешь ничем то и всё презираешь,
Ты угрожаешь и мне, что мою ты награду похитишь,
Подвигов тягостных мзду, драгоценнейший дар мне ахеян?..
Но с тобой никогда не имею награды я равной,
Если троянский цветущий ахеяне град разгромляют.
Нет, несмотря что тягчайшее бремя томительной бра́ни
Руки мои подымают, всегда, как раздел наступает,
Дар богатейший тебе, а я и с малым, приятным
В стан не ропща возвращаюсь, когда истомлен ратоборством.
Ныне во Ффию иду: для меня несравненно приятней
В дом возвратиться на быстрых судах; посрамленный тобою,
Я не намерен тебе умножать здесь добыч и сокровищ».

Быстро воскликнул к нему повелитель мужей Агамѐмнон:
«Что же, беги, если бегства ты жаждешь! Тебя не прошу я
Ради меня оставаться; останутся здесь и другие;
Честь мне окажут они, а особенно Зевс-промыслитель.
Ты ненавистнейший мне меж царями, питомцами Зевса!
Только тебе и приятны вражда, да раздоры, да битвы.
Храбростью ты знаменит; но она дарование бога.
В дом возвратись, с кораблями беги и с дружиной своею;
Властвуй своими фессальцами! Я о тебе не забочусь;
Гнев твой вменяю в ничто; а, напротив, грожу тебе так я:
Требует бог Аполлон, чтобы я возвратил Хризеиду;
Я возвращу,— и в моем корабле и с моею дружиной
Деву пошлю; но к тебе я приду, и из кущи твоей Бризеиду
Сам увлеку я, награду твою, чтобы ясно ты понял,
Сколько я властию выше тебя, и чтоб каждый страшился
Равным себя мне считать и дерзко верстаться со мною!»

Рек он; и горько Пелиду то стало: могучее сердце
В персях героя власатых меж двух волновалося мыслей:
Или, немедля исторгнувши меч из влагалища острый,
Встречных рассыпать ему и убить властелина Атрида;
Или свирепство смирить, обуздав огорченную душу?
В миг, как, подобными думами разум и душу волнуя,
Страшный свой меч из ножен извлекал он,— явилась Афина,
С неба слетев; ниспослала ее златотронная Гера,
Сердцем любя и храня обоих браноносцев; Афина,
Став за хребтом, ухватила за русые кудри Пелида,
Только ему лишь явленная, прочим незримая в сонме.
Он ужаснулся и, вспять обратяся, познал несомненно
Дочь громовержцеву: страшным огнем ее очи горели.
К ней обращенный лицом, устремил он крылатые речи:

«Что ты, о дщерь Эгиоха, сюда низошла от Олимпа?
Или желала ты видеть царя Агамѐмнона буйство?
Но реку я тебе, и реченное скоро свершится:
Скоро сей смертный своею гордынею душу погубит!»

Сыну Пелея рекла светлоокая дщерь Эгиоха:
«Бурный твой гнев укротить я, когда ты бессмертным покорен,
С неба сошла; ниспослала меня златотронная Гера;
Вас обоих равномерно и любит она и спасает.

Кончи раздор, Пелейон, и, довольствуя гневное сердце,
Злыми словами язви, но рукою меча не касайся.
Я предрекаю, и оное скоро исполнено будет:
Скоро трикраты тебе знаменитыми столько ж дарами
Здесь за обиду заплатят: смирися и нам повинуйся».

К ней обращаяся вновь, говорил Ахиллес быстроногий:
«Должно, о Зевсова дщерь, соблюдать повеления ваши.
Как мой ни пламенен гнев, но покорность полезнее будет:
Кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внемлют».

Рек, и на сребреном черене стиснул могучую руку
И огромный свой меч в ножны опустил, покоряся
Слову Паллады; Зевсова дочь вознеслася к Олимпу,
В дом Эгиоха-отца, небожителей к светлому сонму.
Но Пелид быстроногий суровыми снова словами
К сыну Атрея вещал и отнюдь не обуздывал гнева:
«Грузный вином, со взорами песьими, с сердцем еленя,
Ты никогда ни в сраженьи открыто стать перед войском,
Ни пойти на засаду с храбрейшими рати мужами
Сердцем твоим не дерзнул: для тебя то кажется смертью.
Лучше и легче стократ по широкому стану ахеян
Грабить дары у того, кто тебе прекословить посмеет.
Царь пожиратель народа! Зане над презренными царь ты,—
Или, Атрид, ты нанес бы обиду, последнюю в жизни!
Но тебе говорю, и великою клятвой клянуся,
Скипетром сим я клянуся, который ни листьев, ни ветвей
Вновь не испустит, однажды оставив свой корень на холмах,
Вновь не прозябнет — на нем изощренная медь обнажила
Листья и кору — и ныне который ахейские мужи
Носят в руках судии, уставов Зевесовых стражи,—
Скиптр сей тебе пред ахейцами будет великою клятвой:
Время придет, как данаев сыны пожелают Пелида
Все до последнего; ты ж, и крушася, бессилен им будешь
Помощь подать, как толпы их от Гектора-мужеубийцы
Свергнутся в прах; и душой ты своей истерзаешься, бешен
Сам на себя, что ахейца храбрейшего так обесславил».

Так произнес, и на землю стремительно скипетр он бросил,
Вкруг золотыми гвоздями блестящий, и сел меж царями.
Против Атрид Агамемнон свирепствовал сидя; и Нестор
Сладкоречивый восстал, громогласный вития пилосский:

Речи из уст его вещих, сладчайшие меда, лилися.
Два поколенья уже современных ему человеков
Скрылись, которые некогда с ним возрастали и жили
В Пилосе пышном; над третьим уж племенем царствовал старец.
Он, благомыслия полный, советует им и вещает:

«Боги! великая скорбь на ахейскую землю приходит!
О! возликует Приам и Приамовы гордые чада,
Все обитатели Трои безмерно восхитятся духом,
Если услышат, что вы воздвигаете горькую распрю,
Вы, меж данаями первые в сонмах и первые в битвах!
Но покоритесь, могучие! оба меня вы моложе,
Я уже древле видал знаменитейших вас браноносцев;
С ними в беседы вступал, и они не гнушалися мною.
Нет, подобных мужей не видал я и видеть не буду,
Воев, каков Пирифой и Дриас, предводитель народов,
Грозный Эксадий, Кеней, Полифем, небожителям равный,
И рожденный Эгеем Фезей, бессмертным подобный!
Се человеки могучие, слава сынов земнородных!
Были могучи они, с могучими в битвы вступали,
С лютыми чадами гор, и сражали их боем ужасным.
Был я, однако, и с оными в дружестве, бросивши Пилос,
Дальную Апии землю: меня они вызвали сами.
Там я, по силам моим, подвизался; но с ними стязаться
Кто бы дерзнул от живущих теперь человеков наземных?
Но и они мой совет принимали и слушали речи.
Будьте и вы послушны: слушать советы полезно.
Ты, Агамѐмнон, как ни могущ, не лишай Ахиллеса
Девы: ему как награду ее даровали ахейцы.
Ты, Ахиллес, воздержись горделиво с царем препираться:
Чести подобной доныне еще не стяжал ни единый
Царь-скиптроносец, которого Зевс возвеличивал славой.
Мужеством ты знаменит, родила тебя матерь-богиня;
Но сильнейший здесь он, повелитель народов несчетных.
Сердце смири, Агамѐмнон: я, старец, тебя умоляю,
Гнев отложи на Пелида-героя, который сильнейший
Всем нам, ахейцам, оплот в истребительной брани троянской».

Быстро ему отвечал повелитель мужей, Агамѐмнон:
«Так, справедливо ты всё и разумно, о старец, вещаешь;
Но человек сей, ты видишь, хочет здесь всех перевысить,

Хочет начальствовать всеми, господствовать в рати над всеми,
Хочет указывать всем; но не я покориться намерен.
Или, что храбрым его сотворили бессмертные боги,
Тем позволяют ему говорить мне в лицо оскорбленья?»

Гневно его перервав, отвечал Ахиллес благородный:
«Робким, ничтожным меня справедливо бы все называли,
Если б во всем, что ни скажешь, тебе угождал я, безмолвный.
Требуй того от других, напыщѐнный властительством; мне же
Ты не приказывай: слушать тебя не намерен я боле!
Слово иное скажу, и его сохрани ты на сердце:
В битву с оружьем в руках никогда за плененную деву
Я не вступлю, ни с тобой и ни с кем; отымайте что дали!
Что ж до корыстей других, в корабле моем черном хранимых,
Противу воли моей ничего ты из них не похитишь!
Или, приди и отведай, пускай и другие увидят:
Черная кровь из тебя вкруг копья моего заструится!»

Так воеводы жестоко друг с другом словами сражаясь,
Встали от мест и разрушили сонм пред судами ахеян.
Царь Ахиллес к мирмидонским своим кораблям быстролетным
Гневный отшел, и при нем Менетид с мирмидонской дружиной.
Царь Агамѐмнон легкий корабль ниспустил на пучину,
Двадцать избрал гребцов, поставил на нем гекатомбу,
Дар Аполлону, и сам Хризеиду, прекрасную деву,
Взвел на корабль; повелителем стал Одиссей многоумный;
Быстро они, устремяся, по влажным путям полетели.
Тою порою Атрид повелел очищаться ахейцам;
Все очищались они и нечистое в море метали.
После, избрав совершенные Фебу-царю гекатомбы,
Коз и тельцов сожигали у брега бесплодного моря;
Туков воня̀ до небес восходила с клубящимся дымом.

Так аргивяне трудилися в стане; но царь Агамѐмнон
Злобы еще не смирял и угроз не забыл Ахиллесу:
Он, призвав пред лицо Талфибйя и с ним Эврибата,
Верных клевретов и вестников, так заповедывал, гневный:

«Шествуйте, верные вестники, в сень Ахиллеса Пелида;
За руки взяв, пред меня Бризеиду немедля представьте;
Если же он не отдаст, возвратитеся, сам я исторгну:
С силой к нему я приду, и преслушному горестней будет».

Так произнес и послал, заповедавши грозное слово.
Мужи пошли неохотно по берегу шумной пучины;
И, приближася к кущам и к быстрым судам мирмидонов,
Там обретают его, перед кущей своею сидящим
В думе; пришедших увидя, не радость Пелид обнаружил.
Оба смутились они и в почтительном страхе к владыке
Стали, ни вести сказать, ни его вопросить не дерзая.
Сердцем своим то проник и вещал им Пелид благородный:

«Здравствуйте, мужи-глашатаи, вестники бога и смертных!
Ближе предстаньте; ни в чем вы не винны, но царь Агамѐмнон!
Он вас послал за наградой моей, за младой Бризеидой.
Друг, благородный Патрокл, изведи и отдай Бризеиду;
Пусть похищают; но сами они же свидетели будут
И пред сонмом богов, и пред племенем всех человеков,
И пред царем сим неистовым — ежели некогда снова
Нужда настанет во мне, чтоб спасти от позорнейшей смерти
Рать остальную... свирепствует, верно, он, ум погубивши!
Свесть настоящего с будущим он не умея, не видит,
Как при судах обеспечить спасение рати ахейской!»

Рек; и Менетиев сын покорился любезному другу,
За руку вывел из сени прекрасноланитую деву,
Отдал послам; и они удаляются к сеням ахейским;
С ними отходит печальная дева.— Тогда, прослезяся,
Бросил друзей Ахиллес, и далеко от всех, одинокий,
Сел у пучины седой и, взирая на понт темноводный,
Руки в слезах простирал, умоляя любезную матерь:

«Матерь! когда ты меня породила на свет кратковечным,
Славы не должен ли был присудить мне высокогремящий
Зевс Эгиох? Но меня никакой не сподобил он чести!
Гордый могуществом царь, Агамѐмнон, меня обесчестил;
Подвигов бранных награду похитил, и властвует ею!»

Так он в слезах вопиял; и услышала вопль его матерь,
В безднах сидящая моря, в обители старца Нерея.
Быстро из пенного моря, как легкое облако, вышла,
Села близ милого сына, струящего горькие слезы;
Нежно ласкала рукой, называла и так говорила:

«Что ты, о сын мой, рыдаешь? какая печаль посетила
Сердце твое? не скрывайся, поведай, да оба мы знаем».

Ей, тяжело застонав, отвечал Ахиллес быстроногий:
«Знаешь, о матерь: почто тебе, знающей всё, возвещать мне?
Мы на священные Фивы, на град Этионов ходили;
Град разгромили, и всё, что ни взяли, представили стану;
Всё меж собою, как должно, ахеян сыны разделили:
Сыну Атрееву Хризову дочь леповидную дали.
Вскоре Хриз, престарелый священник царя Аполлона,
К черным предстал кораблям аргивян меднобронных, желая
Пленную дочь искупить; и, принесши бесчисленный выкуп
И держа в руках, на жезле золотом, Аполлонов
Красный венец, умолял убедительно всех он ахеян,
Паче ж Атридов могучих, строителей рати ахейской.
Все изъявили согласие криком всеобщим ахейцы
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп;
Но Атриду-царю одному не угодно то было:
Гордо жреца он отринул, суровые речи вещая.
Жрец огорчился и вспять отошел; но ему сребролукий
Скоро молящемусь внял, Аполлону любезен был старец;
Внял и стрелу истребленья послал на данаев; народы
Гибли, толпа на толпе, и бессмертного стрелы летали
С края на край по широкому стану.— Тогда прорицатель,
Ка́лхас премудрый, поведал священные Феба глаголы.
Первый советовал я укротить раздраженного бога.
Гневом вспылал Агамѐмнон и, с места, свирепый, воспрянув,
Начал словами грозить, и угрозы его совершились!
В Хризу священника дщерь быстроокие чада ахеян
В легком везут корабле и дары примирения богу.
Но недавно ко мне приходили послы и из кущи
Бризову дщерь увели, драгоценнейший дар мне ахеян!

Матерь! когда ты сильна, заступися за храброго сына!
Ныне ж взойди на Олимп и моли всемогущего Зевса,
Ежели сердцу его угождала ты словом иль делом.
Часто я в доме родителя, в дни еще юности, слышал,
Часто хвалилася ты, что от Зевса, сгустителя облак,
Ты из бессмертных одна отвратила презренные козни
В день, как отца оковать олимпийские боги дерзнули,
Гера и царь Посида̀он и с ними Афина Паллада.

Ты, о богиня, представ, уничтожила ковы на Зевса;
Ты на Олимп многохолмный призвала сторукого в помощь,
Коему имя в богах Бриарей, Эгеон — в человеках:
Страшный титан, и отца своего превышающий силой,
Он близ Кронида воссел, и огромный, и славою гордый.
Боги его ужаснулись, и все отступили от Зевса.
Зевсу напомни о том и моли, обнимая колена,
Пусть он, отец, возжелает в боях поборать за пергамлян,
Но аргивян, утесняя до самых судов и до моря,
Смертью разить, да своим аргивяне царем насладятся;
Сам же сей царь многовластный, надменный Атрид, да познает,
Сколь он преступен, ахейца храбрейшего так обесчестив».

Сыну в ответ говорила Фетида, лиющая слезы:
«Сын мой! почто я тебя воспитала, рожденного к бедствам!
Даруй, Зевес, чтобы ты пред судами без слез и печалей
Мог оставаться. Краток твой век, и предел его близок!
Ныне ты вместе — и всех кратковечней и всех злополучней!
В злую годину, о сын мой, тебя я в дому породила!
Но вознесусь на Олимп многоснежный; метателю молний
Всё я поведаю, Зевсу: быть может, вонмет он моленью.
Ты же теперь оставайся при быстрых судах мирмидонских,
Гнев на ахеян питай, и от битв удержись совершенно.
Зевс-громовержец вчера к отдаленным водам Океана
С сонмом бессмертных на пир к эфиопам отшел непорочным;
Но в двенадцатый день возвратится снова к Олимпу;
И тогда я пойду к меднозданному Зевсову дому,
И к ногам припаду, и царя умолить уповаю».

Слово скончала и скрылась, оставя печального сына,
В сердце питавшего скорбь о красноопоясанной деве,
Силой Атрида отъятой.— Меж тем Одиссей велемудрый
Хризы веселой достиг с гекатомбой священною Фебу.
С шумом легкий корабль вбежал в глубодонную пристань;
Все паруса опустили, сложили на черное судно,
Мачту к гнезду притянули, поспешно спустив на канатах,
И корабль в пристанище дружно пригнали на веслах.
Там они кòтвы бросают, причалы к пристанищу вяжут,
И с дружиною сами сходят на берег пучины,
И низводят тельцов, гекатомбу царю Аполлону,
И вослед Хризеида на отчую землю нисходит.

Деву тогда к алтарю повел Одиссей благородный,
Старцу в объятия отдал и словом приветствовал мудрым:

«Феба служитель! меня посылает Атрид Агамѐмнон
Дочерь тебе возвратить, и Фебу-царю гекатомбу
Здесь за данаев принесть, да преклоним на милость владыку,
В гневе на племя данаев пославшего тяжкие бедства».

Рек, и вручил Хризеиду, и старец с веселием обнял
Милую дочь.— Между тем гекатомбную славную жертву
Вкруг алтаря велелепного стройно становят ахейцы,
Руки водой омывают, и соль и ячмень подымают.
Громко Хриз возмолился, горѐ воздевающий руки:

«Феб сребролукий, внемли мне! о ты, что, хранящий, обходишь
Хризу, священную Киллу и мощно царишь в Тенедосе!
Ты благосклонно и прежде, когда я молился, услышал
И прославил меня, поразивши бедами ахеян;
Также и ныне услышь, и исполни моление старца:
Ныне погибельный мор отврати́ от народов ахейских».

Так он взывал; и услышал его Аполлон сребролукий.
Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертвы,
Выи им подняли вверх, закололи, тела освежили,
Бедра немедля отсекли, обрезанным туком покрыли
Вдвое кругом и на них положили останки сырые.
Жрец на дровах сожигал их, багряным вином окропляя;
Юноши окрест его в руках пятизубцы держали.
Бедра сожегши они и вкусивши утроб от закланных,
Всё остальное дробят на куски, прободают рожнами,
Жарят на них осторожно и, всё уготовя, снимают.
Кончив заботу сию, ахеяне пир учредили;
Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем;
И когда питием и пищею глад утолили,
Юноши, паки вином наполнивши доверху чаши,
Кубками всех обносили, от правой страны начиная.
Целый ахеяне день ублажали пением бога;
Громкий пеан Аполлону ахейские отроки пели,
Славя его, стреловержца, и он веселился, внимая.
Солнце едва закатилось и сумрак на землю спустился,
Сну предалися пловцы у причал мореходного судна.

Но, лишь явилась заря розоперстая, вестница утра,
В путь поднялися обратный к широкому стану ахейцы.
С места попутный им ветер послал Аполлон сребролукий.
Мачту поставили, парусы белые все распустили;
Средний немедленно ветер надул, и поплывшему судну,
Страшно вкруг киля его зашумели пурпурные волны;
Быстро оно по волнам, бразды оставляя, летело.
После, как скоро достигли ахейского ратного стана,
Черное судно они извлекли на покатую сушу,
И, высокò, на песке, подкативши огромные бревна,
Сами рассеялись вдруг по своим кораблям и по кущам.

Он между тем враждовал, при судах оставаяся черных,
Зевсов питомец, Пелид, Ахиллес, быстроногий ристатель.
Не был уже ни в советах, мужей украшающих славой,
Не был ни в грозных боях; сокрушающий сердце печалью,
Праздный сидел; но душою алкал он и брани и боя.

С оной поры наконец двенадцать денниц совершилось,
И на светлый Олимп возвратилися вечные боги
Все совокупно; предшествовал Зевс. Не забыла Фетида
Сына молений; рано возникла из пенного моря,
С ранним туманом взошла на великое небо, к Олимпу;
Там, одного восседящего, молний метателя Зевса
Видит на самой вершине горы многоверхой, Олимпа;
Близко пред ним восседает и, быстро обнявши колена
Левой рукою, а правой подбрадия тихо касаясь,
Так говорит, умоляя отца и владыку бессмертных:

«Если когда я, отец наш, тебе от бессмертных угодна
Словом была или делом, исполни одно мне моленье!
Сына отмсти мне, о Зевс! кратковечнее всех он данаев;
Но его Агамѐмнон, властитель мужей, обесславил:
Сам у него и похитил награду, и властвует ею.
Но отомсти его ты, промыслитель небесный, Кронион!
Ратям троянским даруй одоленье, доколе ахейцы
Сына почтить не предстанут и чести его не возвысят».

Так говорила; но, ей не ответствуя, тучегонитель
Долго безмолвный сидел; а она, как объяла колена,
Так их держала, припавши, и снова его умоляла:

«Дай непреложный обет, и священное мание сделай,
Или отвергни: ты страха не знаешь; реки, да уверюсь,
Всех ли презреннейшей я меж бессмертных богинь остаюся».

Ей, воздохнувши глубоко, ответствовал тучегонитель:
«Скорбное дело, ненависть ты на меня возбуждаешь
Геры надменной: озлобит меня оскорбительной речью;
Гера и так непрестанно, пред сонмом бессмертных, со мною
Спорит и вопит, что я за троян побораю во брани.
Но удалися теперь, да тебя на Олимпе не узрит
Гера; о прочем заботы приемлю я сам и исполню,—
Зри, да уверенна будешь: тебе я главой помаваю.
Се от лица моего для бессмертных богов величайший
Слова залог: невозвратно то слово, вовек непреложно,
И не свершиться не может, когда я главой помаваю».

Рек, и во знаменье черными Зевс помавает бровями:
Быстро власы благовонные вверх поднялись у Кронида
Окрест бессмертной главы, и потрясся Олимп многохолмный.

Так совещались они и расстались. Быстро Фетида
Ринулась в бездну морскую с блистательных высей Олимпа;
Зевс возвратился в чертог, и боги с престолов восстали
В встречу отцу своему; не дерзнул ни один от бессмертных
Сидя грядущего ждать, но во стретенье все поднялися.

Там олимпиец на троне воссел; но владычица Гера
Всё познала, увидя, как с ним полагала советы
Старца пучинного дочь, среброногая матерь Пелида.
Быстро, с язвительной речью, она обратилась на Зевса:

«Кто из бессмертных с тобою, коварный, строил советы?
Знаю, приятно тебе от меня завсегда сокровенно
Тайные думы держать; никогда ты собственной волей
Мне не решился поведать ни слова из помыслов тайных!»

Ей отвечал повелитель, отец и бессмертных и смертных:
«Гера, не все ты ласкайся мои решения ведать;
Тягостны будут тебе, хотя ты мне и супруга!
Что невозбранно познать, никогда никто не познает
Прежде тебя, ни от сонма земных, ни от сонма небесных.

Если ж один, без богов, восхощу я советы замыслить,
Ты ни меня вопрошай, ни сама не изведывай оных».

К Зевсу воскликнула вновь волоокая Гера-богиня:
«Тучегонитель! какие ты речи, жестокий, вещаешь?
Я никогда ни тебя вопрошать, ни сама что изведать
Век не желала; спокойно всегда замышляешь что хочешь.
Я и теперь об одном трепещу, да тебя не преклонит
Старца пучинного дочь, среброногая матерь Пелида:
Рано воссела с тобой и колена твои обнимала;
Ей помавал ты, как я примечаю, желая Пелида
Честь отомстить и толпы аргивян истребить пред судами».

Гере паки ответствовал тучегонитель Кронион:
«Дивная! всё примечаешь ты, вечно меня соглядаешь!
Но произвесть ничего не успеешь; более только
Сердце мое отвратишь, и тебе то ужаснее будет!
Если соделалось так,— без сомнения, мне то угодно!
Ты же безмолвно сиди и глаголам моим повинуйся!
Или тебе не помогут ни все божества на Олимпе,
Если, восстав, наложу на тебя необорные руки».

Рек; устрашилась его волоокая Гера-богиня
И безмолвно сидела, свое победившая сердце.
Смутно по Зевсову дому вздыхали небесные боги.
Тут олимпийский художник, Гефест, беседовать начал,
Матери милой усердствуя, Гере лилейнораменной:

«Горестны будут такие дела, наконец нестерпимы,
Ежели вы и за смертных с подобной враждуете злобой!
Ежели в сонме богов воздвигаете смуту! Исчезнет
Радость от пиршества светлого, ежели зло торжествует!
Матерь, тебя убеждаю, хотя и сама ты премудра,
Зевсу-царю окажи покорность, да паки бессмертный
Гневом не грянет и нам не смутит безмятежного пира.
Если восхощет отец, олимпиец, громами блестящий,
Всех от престолов низвергнет: могуществом всех он превыше!
Матерь, потщися могучего сладкими тронуть словами,
И немедленно к нам олимпиец милостив будет».

Так произнес и, поднявшись, блистательный кубок двудонный
Матери милой подносит и снова так ей вещает:

«Милая мать, претерпи и снеси, как ни горестно сердцу!
Сыну толико драгая, не дай на себе ты увидеть
Зевса ударов; бессилен я буду, хотя и крушася,
Помощь подать: тяжело олимпийцу противиться Зевсу!
Он уже древле меня, побужденного сердцем на помощь,
Ринул, за ногу схватив, и низвергнул с небесного прага;
Несся стремглав я весь день и с закатом блестящего солнца
Пал на божественный Лемнос, едва сохранивший дыханье.
Там синтийские мужи меня дружелюбно приялиь».

Рек; улыбнулась богиня, лилейнораменная Гера,
И с улыбкой от сына блистательный кубок приялa.
Он и другим небожителям, с правой страны начиная,
Сладостный нѐктар подносит, черпая кубком из чаши.
Смех несказанный воздвигли блаженные жители неба,
Видя, как с кубком Гефест по чертогу вокруг суетится.

Так во весь день до зашествия солнца блаженные боги
Все пировали, сердца услаждая на пиршестве общем
Звуками лиры прекрасной, бряцавшей в руках Аполлона,
Пением муз, отвечавших бряцанию сладостным гласом.

Но когда закатился свет блистательный солнца,
Боги, желая почить, уклонилися каждый в обитель,
Где небожителю каждому дом на холмистом Олимпе
Мудрый Гефест хромоногий по замыслам творческим создал.
Зевс к одру своему отошел, олимпийский блистатель,
Где и всегда почивал, как сон посещал его сладкий;
Там он, восшедши, почил, и при нем златотронная Гера.

ПЕСНЬ II

СОДЕРЖАНИЕ

Зевс, дабы отмстить за обиду, Ахиллесу нанесенную, посылает Агамемнону, во время ночи, обольстительное сновидение, что он наконец завоюет Трою, ст. 1—40. Агамемнон, обольщенный и жаждущий без Ахиллеса взять Трою, спешит, и сновидение его и намерение вести на бой всех данаев, открыть старейшинам; потом немедленно сзывает собрание народное, 41—100. Но, не доверяя, готов ли народ, без Ахиллеса, вступить в сражение, испытывает дух его и притворно советует возвратиться в отечество, произнося свою речь с знаменитым в руках наследственным скиптром, 101—141. Народ, войною утомленный, не поняв намерения царя, быстро волнуется и бросается к кораблям, чтобы готовиться к отплытию, 142—154. Одиссей, Палладою возбужденный, нисшедшею с неба, убеждениями и угрозами укрощает смятение народное и своею властию вновь восстановляет собрание, 155—210. Ферсита, мужа безобразного и злословного, жестоко наказывает для примера другим, 211—277. Так укротив народ, Одиссей новою речью возбуждает его на брань, вспоминая, между прочим, прежние счастливые знамения и пророчество Калхаса, что Троя будет взята в десятый год брани, 278—335. В таком же разуме произносит речь Нестор, и вместе советует употребить некоторый род тактики, разделив народ на племена и колена, 336—368. Агамемнон начинает уже раскаиваться в своей распре с Ахиллесом; приказывает бой и бранным жаром одушевляет всех, 369—393. Все спешат вооружиться; между тем Агамемнон, заклав жертвы, старейших вождей приглашает на пиршество; прочие быстро, по своим кущам, приносят жертвы богам, насыщаются и готовятся к сражению, 394—440. Вестники, по совету Нестора, сзывают ахеян на бой; вожди строят их, каждый свое племя, и выводят к сражению, 441—483. Подробное исчисление кораблей, народов и вождей, которые с Агамемноном пришли на брань троянскую, 484—785. Трояне также, Политом извещенные о наступлении ахеян, под предводительством Гектора, и сами и союзники их, выходят в поле, к холму Батиеи; краткое исчисление троян, союзников и вождей их, 786—877.

ПЕСНЬ II

Все, и бессмертные боги и коннодоспешные мужи,
Спали всю ночь; но Крониона сладостный сон не покоил.
Он волновался заботными думами, как Ахиллеса
Честь отомстить и ахеян толпы истребить пред судами.
Сердцу его наконец показалася лучшею дума:
Сон послать обманчивый мощному сыну Атрея
Зевс призывает его и крылатые речи вещает:

«Мчися, обманчивый Сон, к кораблям быстролетным ахеян;
Вниди под сень и явись Агамѐмнону, сыну Атрея;
Всё ты ему возвести непременно, как я завещаю:
В бой вести самому повели кудреглавых данаев
Все ополчения; ныне, вещай, завоюет троянский
Град многолюдный: уже на Олимпе имущие домы
Боги не мнят разномысленно; всех наконец согласила
Гера своею мольбой; и над Троею носится гибель».

Рек он; и Сон отлетел, повелению Зевса покорный.
Быстрым полетом достиг кораблей мореходных аргивских,
К кущам Атридов потек и обрел Агамѐмнона; в куще
Царь почивал, и над ним амврозический сон разливался.
Стал над главой он царевой, Нелееву сыну подобный,
Нестору, более всех Агамѐмноном чтимому старцу;
Образ его восприяв, божественный Сон провещает:

«Спишь, Агамѐмнон, спишь, сын Атрея, смирителя ко̀ней!
Ночи во сне провождать подобает ли мужу совета,

Коему вверено столько народа и столько заботы!
Быстро внимай, что реку я: тебе я Крониона вестник;
Он и с высоких небес о тебе, милосердый, печется;
В бой вести тебе он велит кудреглавых данаев
Все ополчения; ныне, он рек, завоюешь троянский
Град многолюдный: уже на Олимпе имущие домы
Боги не мнят разномысленно; всех наконец согласила
Гера мольбой; и над Троею носится гибель от Зевса.
Помни глаголы мои, сохраняй на душе и страшися
Их позабыть, как тебя оставит сон благотворный».

Так говоря, отлетел и оставил Атреева сына,
Сердце предавшего думам, которым не сужено сбыться.
Думал, что в тот же он день завоюет Приамову Трою.
Муж неразумный! не ведал он дел, устрояемых Зевсом:
Снова решился отец удручить и бедами и стоном
Трои сынов и данаев на новых побоищах страшных.
Вспрянул Атрид, и божественный голос еще разливался
Вкруг его слуха; воссел он и мягким оделся хитоном,
Новым, прекрасным, и сверху набросил широкую ризу;
К белым ногам привязал прекрасного вида плесницы,
Сверху рамен перекинул блистательный меч сребrогвоздный;
В руки же взявши отцовский, вовеки не гибнущий скипетр,
С ним отошел к кораблям медянодоспешных данаев.

Вестница утра, заря, на великий Олимп восходила,
Зевсу-царю и другим небожителям свет возвещая;
И Атрид повелел провозвестникам звонкоголосым
Всех к собранию кликать ахейских сынов кудреглавых.
Вестники подняли клич,— и ахейцы стекалися быстро.
Прежде же он посадил на совет благодумных старейшин,
Их пригласив к кораблю скиптроносного старца Нелида.
Там Агамѐмнон, собравшимся, мудрый совет им устроил:

«Други! объятому сном, в тишине амврозической ночи,
Дивный явился мне Сон, благородному сыну Нелея
Образом, ростом и свойством Нестору чудно подобный!
Стал над моей он главой и вещал мне ясные речи:
Спишь, Агамѐмнон, спишь, сын Атрея, смирителя кòней!
Ночи во сне провождать подобает ли мужу совета,
Коему вверено столько народа и столько заботы!
Быстро внимай, что реку я: тебе я Крониона вестник.

Он и с высоких небес о тебе, милосердый, печется;
В бой вести тебе он велит кудреглавых данаев
Все ополчения: ныне, вещал, завоюешь троянский
Град многолюдный: уже на Олимпе имущие домы
Боги не мнят разномысленно; всех наконец согласила
Гера мольбой, и над Троею носится гибель от Зевса.
Слово мое сохрани ты на сердце.— И так произнесши,
Он отлетел, и меня оставил сон благотворный.
Други! помыслите, как ополчить кудреглавых данаев?
Прежде я сам, как и следует, их испытаю словами;
Я повелю им от Трои бежать на судах многовеслых,
Вы же один одного от сего отклоняйте советом».

Так произнес и воссел Атрейон,— и восстал между ними
Нестор почтенный, песчаного Пилоса царь седовласый;
Он, благомысленный, так говорил пред собраньем старейшин:

«Други! вожди и правители мудрые храбрых данаев!
Если б подобный сон возвещал нам другой от ахеян,
Ложью почли б мы его и с презрением верно б отвергли;
Видел же тот, кто слывет знаменитейшим в рати ахейской;
Действуйте, други, помыслите, как ополчить нам ахеян».

Так произнесши, первый из сонма старейшин он вышел.
Все поднялись, покорились Атриду, владыке народов,
Все скиптроносцы ахеян; народы же реяли к сонму.
Словно как пчелы из горных пещер вылетая роями,
Мчатся густые, всечасно за купою новая купа;
В образе гроздий они над цветами весенними вьются,
Или то здесь, неисчетной толпою, то там пролетают,—
Так аргивян племена, от своих кораблей и от кущей,
Вкруг по безмерному брегу, несчетные, к сонму тянулись
Быстро толпа за толпой; и меж ними пылая летела
Осса, их возбуждавшая, вестница Зевса; собрались;
Бурно собор волновался; земля застонала под тьмами
Седших народов; воздвигнулся шум, между оными девять
Гласом гремящих глашатаев, говор мятежный смиряя,
Звучно вопили, да внемлют царям, Зевеса питомцам.
И едва лишь народ на местах учрежденных уселся,
Говор унявши, как пастырь народа восстал Агамѐмнон,
С царственным скиптром в руках, олимпийца Гефеста созданьем.

Скиптр сей Гефест даровал молниеносному Зевсу Крониду;
Зевс передал возвестителю Гермесу, аргоубийце;
Гермес вручил укротителю коней Пелопсу-герою;
Конник Пелопс передал властелину народов Атрею;
Сей, умирая, стадами богатому предал Тиесту,
И Тиест наконец Агамѐмнону в роды оставил,
С властью над тьмой островов и над Аргосом, царством пространным.
Царь, опираясь на скиптр сей, вещал к восседящим ахеям:

«Други, герои данайские, храбрые слуги Арея!
Зевс-громовержец меня уловил в неизбежную гибель!
Пагубный, прежде обетом и знаменьем сам предназначил
Мне возвратиться рушителем Трои высокотвердынной;
Ныне же злое прельщение он совершил, и велит мне
В Аргос бесславным бежать, погубившему столько народа!
Так, без сомнения, богу, всемощному Зевсу, угодно:
Многих уже он градов сокрушил высокие главы,
И еще сокрушит: беспредельно могущество Зевса.
Так,— но коликий позор об нас и потомкам услышать!
Мы, и толикая рать и народ таковой, как данаи,
Тщетные битвы вели и бесплодной войной воевали
С меньшею ратью врагов и трудам конца не узрели.
Ибо когда б возжелали ахейцы и граждане Трои,
Клятвою мир утвердивши, народ обоюдно исчислить,
И трояне собрались бы, все, сколько есть их во граде;
Мы же, ахейский народ, разделяся тогда на десятки,
Взяли б на каждый из них от троянских мужей виночерпца,—
Многим десяткам у нас недостало б мужей виночерпцев!
Столько, еще повторяю, числом превосходят ахейцы
В граде живущих троян.— Но у них многочисленны други,
Храбрые, многих градов копьеборные мужи; они-то
Сильно меня отражают и мне не дают, как ни жажду,
Града разрушить враждебного, пышно устроенной Трои.
Девять прошло круговратных годов великого Зевса;
Древо у нас в кораблях изгнивает, канаты истлели;
Дома и наши супруги, и наши любезные дети,
Сетуя, нас ожидают; а мы безнадежно здесь медлим,
Делу не видя конца, для которого шли к Илиону.
Други, внемлите, и что повелю я вам, все повинуйтесь:
Должно бежать! возвратимся в драгое отечество наше;
Нам не разрушить Трои, с широкими стогнами града!»

Так говорил; и ахеян сердца взволновал Агамѐмнон
Всех в многолюдной толпе, и не слышавших речи советной.
Встал, всколебался народ, как огромные волны морские,
Если и Нот их и Эвр, на водах Икарийского понта,
Вздуют, ударивши оба из облаков Зевса-владыки;
Или, как Зѐфир обширную ниву жестоко волнует,
Вдруг налетев, и над нею, бушующий, клонит колосья,—
Так их собрание всё взволновалося; с криком ужасным
Бросились все к кораблям; под стопами их прах, подымаясь,
Облаком в воздухе стал; вопиют, убеждают друг друга
Быстро суда захватить и спускать на широкое море;
Рвы очищают; уже до небес подымалися крики
Жаждущих в домы; уже кораблей вырывали подпоры

Так бы, судьбе вопреки, возвращение в домы свершилось
Рати ахейской, но Гера тогда провещала к Афине:

«Что это, дщерь необорная тучегонителя Зевса!
Или обратно в до̀мы, в любезную землю отчизны
Рать аргивян побежит по хребтам беспредельного моря?
Или на славу Приаму, на радость гордым троянам
Бросят Елену аргивскую, ради которой под Троей
Столько данаев погибло, далёко от родины милой?
Мчися стремительно к воинству меднодоспешных данаев!
Сладкою речью твоей убеждай ты каждого мужа
В море для бегства не влечь кораблей обоюдувесельных».

Так изрекла; покорилась Афина владычице Гере;
Бурно помчалась, с вершины Олимпа высокого бросясь,
Быстро достигла широких судов аргивян меднобронных;
Там обрела Одиссея, советами равного Зевсу;
Думен стоял и один доброснастного черного судна
Он не касался: печаль в нем и сердце и душу пронзала.
Став близ него, прорекла светлоокая дщерь Эгиоха:

«Сын благородный Лаерта, герой, Одиссей многоумный!
Как? со срамом обратно, в любезную землю отчизны
Вы ли отсель побежите, в суда многоместные реясь?
Вы ли на славу Приаму, на радость троянам Елену
Бросите, Аргоса дочь, за которую столько ахеян
Здесь перед Троей погибло, далёко от родины милой?

Шествуй немедля к народу ахейскому; ревностно действуй;
Сладостью речи твоей убеждай ты каждого мужа
В море для бегства не влечь кораблей обоюдувесельных».

Так провещала; и голос гремящий познал он богини:
Ринулся, сбросив и верхнюю ризу; но оную поднял
Следом спешивший за ним Эврибат, ифакийский глашатай.
Сам Одиссей Лаертид, на пути Агамѐмнона встретив,
Взял от владыки отцовский вовеки не гибнущий скипетр;
С оным скиптром пошел к кораблям аргивян меднобронных;
Там, властелина или знаменитого мужа встречая,
К каждому он подходил и удерживал кроткою речью:

«Муж знаменитый! тебе ли, как робкому, страху вдаваться?
Сядь, успокойся и сам, успокой и других меж народа;
Ясно еще ты не знаешь намерений думы царевой;
Ныне испытывал он, и немедля накажет ахеян;
В сонме не все мы слышали, что говорил Агамѐмнон;
Если он гневен, жестоко, быть может, поступит с народом.
Тягостен гнев царя, питомца Крониона Зевса;
Честь скиптроносца от Зевса, и любит его промыслитель».
Если ж кого-либо шумного он находил меж народа,
Скиптром его поражал и обуздывал грозною речью:

«Смолкни, несчастный, воссядь и других совещания слушай,
Боле почтенных, как ты! Невоинственный муж и бессильный,
Значащим ты никогда не бывал ни в боях, ни в советах.
Всем не господствовать, всем здесь не царствовать нам, аргивянам!
Нет в многовластии блага; да будет единый властитель,
Царь нам да будет единый, которому Зевс прозорливый
Скиптр даровал и законы; да царствует он над другими».

Так он господствуя, рать подчинял; и на площадь собраний
Бросился паки народ, от своих кораблей и от кущей,
С воплем: подобно как волны немолчношумящего моря,
В брег разбиваясь огромный, гремят; и ответствует понт им.

Все успокоились, тихо в местах учрежденных сидели;
Только Ферсит меж безмолвными каркал один, празднословный;
В мыслях вращая всегда непристойные, дерзкие речи,
Вечно искал он царей оскорблять, презирая пристойность,

Всё позволяя себе, что казалось смешно для народа.
Муж безобразнейший, он меж данаев пришел к Илиону;
Был косоглаз, хромоног; совершенно горбатые сзади
Плечи на персях сходились; глава у него подымалась
Вверх острием, и была лишь редким усеяна пухом.
Враг Одиссея и злейший еще ненавистник Пелида,
Их он всегда порицал; но теперь скиптроносца Атрида
С криком пронзительным он поносил; на него аргивяне
Гневались страшно; уже восставал негодующих ропот;
Он же, усиля свой крик, порицал Агамѐмнона, буйный:

«Что, Агамѐмнон, ты сетуешь, чем ты еще недоволен?
Кущи твои преисполнены меди, и множество пленниц
В кущах твоих, которых тебе аргивяне избранных
Первому в рати даем, когда города разоряем.
Жаждешь ли злата еще, чтоб его кто-нибудь из троянских
Конников славных принес для тебя, в искупление сына,
Коего в узах я бы привел иль другой аргивянин?
Хочешь ли новой жены, чтоб любовию с ней наслаждаться,
В сень одному заключившися? Нет, недостойное дело,
Бывши главою народа, в беды вовлекать нас, ахеян!
Слабое, робкое племя, ахеянки мы, не ахейцы!
В домы свои отплывем; а его мы оставим под Троей,
Здесь насыщаться чужими наградами; пусть он узнает,
Служим ли помощью в брани и мы для него иль не служим.
Он Ахиллеса, его несравненно храбрейшего мужа,
Днесь обесчестил: похитил награду и властвует ею!
Мало в душе Ахиллесовой злобы; он слишком беспечен;
Или, Атрид, ты нанес бы обиду, последнюю в жизни!»

Так говорил, оскорбляя Атрида, владыку народов,
Буйный Ферсит; но незапно к нему Одиссей устремился.
Гневно воззрел на него и воскликнул голосом грозным:

«Смолкни, безумноречивый, хотя громогласный вития!
Смолкни, Ферсит, и не смей ты один скиптроносцев порочить.
Смертного боле презренного, нежели ты, я уверен,
Нет меж ахеян, с сынами Атрея под Трою пришедших.
Имени наших царей не вращай ты в устах, велереча!
Их не дерзай порицать, ни речей уловлять о возврате!
Знает ли кто достоверно, чем окончится дело?

Счастливо или несчастливо мы возвратимся, ахейцы.
Ты, безрассудный, Атрида, вождя и владыку народов,
Сидя, злословишь, что слишком ему аргивяне-герои
Много дают, и обиды царю произносишь на сонме!
Но тебе говорю я, и слово исполнено будет:
Если еще я тебя безрассудным, как ныне, увижу,
Пусть Одиссея глава на плечах могучих не будет,
Пусть я от оного дня не зовуся отцом Телемака,
Если, схвативши тебя, не сорву я твоих одеяний,
Хлены с рамен и хитона, и даже что̀ стыд покрывает,
И, навзрыд вопиющим, тебя к кораблям не пошлю я
Вон из народного сонма, позорно избитого мною».

Рек, и скиптром его по хребту и плечам он ударил.
Сжался Ферсит, из очей его брызнули крупные слезы,
Вдруг по хребту полоса, под тяжестью скиптра златого,
Вздулась багровая; сел он, от страха дрожа; и, от боли
Вид безобразный наморщив, слезы отер на ланитах.
Все, как ни были смутны, от сердца над ним рассмеялись;
Так говорили иные, взирая один на другого:

«Истинно, множество славных дел Одиссей совершает,
К благу всегда и совет начиная и брань учреждая.
Ныне ж герой Лаертид совершил знаменитейший подвиг:
Ныне ругателя буйного он обуздал велеречье!
Верно, вперед не отважит его дерзновенное сердце
Зевсу любезных царей оскорблять поносительной речью!»

Так говорила толпа.— Но восстал Одиссей-градоборец,
С скиптром в руках; и при нем светлоокая дева, Паллада,
В образе вестника став, повелела умолкнуть народам,
Чтоб и в ближних рядах и в далеких данайские мужи
Слышали речи его и постигнули разум совета.
Он, благомыслия полный, витийствовал так перед сонмом:

«Царь Агамѐмнон! тебе, скиптроносцу, готовят ахейцы
Вечный позор перед племенем ясноглаголивых смертных,
Слово исполнить тебе не радеют, которое дали,
Ратью сюда за тобою летя из цветущей Геллады,—
Слово, лишь Трою разрушив великую, вспять возвратиться.

Ныне ж ахейцы, как слабые дети, как жены-вдовицы,
Плачутся друг перед другом и жаждут лишь в дом возвратиться.
Тягостна брань, и унылому радостно в дом возвратиться.
Путник, и месяц один находяся вдали от супруги,
Сетует близ корабля, снаряженного в путь, но который
Держат и зимние вьюги и волны мятежного моря.
Нам же девятый уже исполняется год круговратный,
Здесь пребывающим. Нет, не могу я роптать, что ахейцы
Сетуют сердцем, томясь при судах. Но, ахейские мужи,
Стыд нам и медлить так долго, и праздно в дома возвратиться!
Нет, потерпите, о други, помедлим еще, да узнаем,
Верить ли нам пророчеству Ка̀лхаса или не верить.
Твердо мы оное помним; свидетели все аргивяне,
Коих еще не постигнули смерть наносящие Парки.
Прошлого, третьего ль дня, корабли аргивян во Авлиду
Сонмом слетались, несущие гибель Приаму и Трое;
Мы, окружая поток, на святых алтарях гекатомбы
Вечным богам совершали, под явором стоя прекрасным,
Где из-под корня древесного била блестящая влага.
Там явилося чудо! Дракон и кровавый и пестрый,
Страшный для взора, самим олимпийцем на свет извлеченный,
Вдруг из подножья алтарного выполз и взвился на явор.
Там, на стебле высочайшем, в гнезде, под листами таяся,
Восемь птенцов воробьиных сидели, бесперые дети,
И девятая матерь, недавно родившая пташек;
Всех дракон их пожрал, испускающих жалкие крики.
Матерь кругом их летала, тоскуя о детях любезных;
Вверх он извившись, схватил за крыло и стенящую матерь.
Но, едва поглотил он и юных пернатых и птицу,
Чудо на нем совершает бессмертный, его показавший:
В камень его превращает сын хитроумного Крона;
Мы, безмолвные стоя, дивились тому, что творилось:
Страшное чудо богов при священных явилося жертвах.
Ка̀лхас исполнился духа и так, боговещий, пророчил:
Что вы умолкнули все, кудреглавые чада Геллады?
Знаменьем сим проявил нам событие Зевс-промыслитель,
Позднее, поздный конец, но которого слава бессмертна!
Сколько пернатых птенцов поглотил дракон сей кровавый
(Восемь их было в гнезде и девятая матерь пернатых),
Столько, ахейцы, годов воевать мы под Троею будем;
Но в десятый разрушим обширную стогнами Трою.

Так нам предсказывал Ка̀лхас, и всё совершается ныне.
Бодрствуйте ж, други, останемся все, браноносцы данаи,
Здесь, пока не разрушим Приамовой Трои великой!»

Рек; и ахеяне подняли крик; корабли и окрестность
С страшным отгрянули гулом веселые крики ахеян,
Речь возносящих хвалой Одиссея, подобного богу.
Вскоре вещать меж ахейцами Нестор божественный начал:

«Боги! в собрании мы разглагольствуем праздно, как дети
Слабые, коим и думы о бранных делах незнакомы.
Что и моления наши и клятвы священные будут?
Или в огонь и советы пойдут и заботы ахеян,
Вин возлиянья и рук сочетанья на верность союзов?
Мы лишь словами стязаемся праздными; помощи ж делу
Мы изыскать не могли, долговременно здесь оставаясь.
Светлый Атрид, и теперь, как и прежде, душою ты твердый,
Властвуй, ахейских сынов предводи на кровавые битвы.
Если ж из оных один или два помышляют не с нами,
Их ты оставь исчезать,— не исполнятся помыслы робких:
Нет, не воротимся в Аргос, доколе мы въявь не познаем,
Зевса, эгиды носителя, ложен обет иль не ложен.
Я утверждаю, успех знаменал всемогущий Кронион,
В самый тот день, когда на суда быстролетные сели
Рати ахеян, троянам грозя и бедою и смертью:
Он одесную блистал, благовествуя рати ахейской.
Нет, да никто из ахеян не думает в дом возвратиться
Прежде, покуда троянской жены на одре не обымет
И не отмстит за печаль и за тайные слезы Елены.
Если же кто-либо сильно желает лишь в дом возвратиться,
Пусть корабля своего многовеслого он прикоснется:
Прежде других, малодушный, найдет себе смерть и погибель.
Царь, предлагай ты совет, но внимай и другого совету.
Мысль не презренная будет, какую тебе предложу я.
Воев, Атрид, раздели ты на их племена и колена;
Пусть помогает колено колену и племени племя.
Если решишься на то и исполнить преклонишь ахеян,
Скоро узнаешь, какой у тебя из вождей иль народов
Робок иль мужествен: всяк за себя ратоборствовать будет;
Вместе узнаешь, по воле ль бессмертных не рушишь ты града,
Или по слабости войск и неведенью ратного дела».

Сыну Нелея немедля ответствовал царь Агамѐмнон:
«Всех ты ахейских мужей побеждаешь, старец, советом!
Если б, о Зевс-отец, Аполлон и Афина Паллада,
Десять таких у меня из ахеян советников было,
Скоро пред нами поникнул бы град крепкостенный Приама,
Наших героев руками плененный и в прах обращенный!
Но Кронид-громовержец мне лишь беды посылает;
В тщетную распрю меня, во вражду злополучную вводит.
Я с Ахиллесом Пелидом стязался за пленную деву
Спором враждебным; и я раздражаться, на горе мне, начал.
Если же некогда мы съединимся с героем, уверен,
Гибели грозной от Трои ничто ни на миг не отклонит!
Ныне спешите обедать, а после начнем нападенье.
Каждый потщися и дрот изострить свой и щит уготовить;
Каждый кормом обильным коней напитай подъяремных,
Вкруг осмотри колесницу, о брани одной помышляя.
Будем целый мы день состязаться в ужасном убийстве;
Отдыха ратным рядам ни на миг никакого не будет,
Разве уж ночь наступившая воинов ярость разнимет.
По̀том зальется ремень на груди не единого воя,
Щит всеобъемный держащий; рука на копье изнеможет;
По̀том покроется конь под своей колесницей блестящей.
Если ж кого я увижу, хотящего вне ратоборства
Возле судов крутоносых остаться, нигде уже после
В стане ахейском ему не укрыться от псов и пернатых!»

Рек; и ахейцы вскричали ужасно; подобно как волны
Воют при бреге высоком, прибитые Нотом порывным
К встречной скале, от которой волна никогда не отходит,
Каждым вздымаяся ветром, отсель и оттоль находящим.
Встав, устремился народ, меж судами рассеялся быстро,
Вкруг задымилися кущи, спешили обедать ахейцы.
Жертвовал каждый из них своему от богов вечносущих,
Смерти избавить моля и спасти от ударов Арея.
Он же тельца пятилетнего, пастырь мужей Агамѐмнон,
Тучного в жертву заклал всемогущему Зевсу Крониду.
Созвал старейшин отличных, почтеннейших в рати ахейской:
Первого Нестора-старца и критского Идоменея,
После Аяксов двоих и Тидеева славного сына,
И за ним Одиссея, советами равного Зевсу.
Но Атрид Менелай добровольно пришел и незванный,

Зная любезного брата и как он в душе озабочен.
Стали они вкруг тельца и ячмень освященный подъяли;
В сонме их, громко моляся, воззвал Агамѐмнон державный:

«Славный, великий Зевс, чернооблачный житель эфира!
Дай, чтобы солнце не скрылось и мрак не спустился на землю
Прежде, чем в прах я не свергну Приамовых пышных чертогов,
Черных от дыма, и врат не сожгу их огнем неугасным;
Прежде, чем Гектора лат на груди у него не расторгну,
Медью пробив; и кругом его многие други трояне
Ниц не полягут во прахе, зубами грызущие землю!»

Так он взывал; но к молитве его не склонился Кронион:
Жертвы приял, но труд беспредельный Атриду готовил.
Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертву,
Выю загнули тельцу и заклали и тук обнажили,
Бедра немедля отсекли, обрезанным туком покрыли
Вдвое кругом и на них распростерли части сырые.
Всё сожигали они на сухих, безлиственных ветвях;
Но утробы, пронзив, над пылавшим огнем обращали.
Бедра сожегши они и вкусивши утробы от жертвы,
Всё остальное дробят на куски, прободают рожнами,
Жарят на них осторожно и, так уготовя, снимают.
Кончив заботу сию, немедленно пир учредили;
Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем.
Вскоре ж, когда питием и брашном насытили сердце,
Начал меж оными слово Нестор, конник геренский:

«Царь знаменитый, Атрид, повелитель мужей, Агамѐмнон!
Более здесь оставаясь, ни времени тратить, ни медлить
Делом великим не будем, которое бог нам вверяет.
Царь, повели, да глашатаи меднодоспешных данаев
Кликом, нимало не медля, народ к кораблям собирают,
Мы ж, совокупные все, по широкому стану ахеян
Сами пройдем, да скорее возбудим жестокую битву».

Рек; не отринул совета владыка мужей Агамѐмнон;
В тот же он миг повелел провозвестникам звонкоголосым
Кликом сзывать на сражение меднодоспешных данаев.
Вестники подняли клич,— и они собирались поспешно.

Быстро цари, вкруг Атрида стоявшие, Зевса питомцы,
Бросились строить толпы, и в среде их явилась Паллада,
В длани имея эгид, драгоценный, нетленный, бессмертный.
Сто на эгиде бахром развевалися, чистое злато,
Дивно плетенные все, и цена им — стотельчие каждой.
С оным, бурно носяся, богиня народ обтекала,
В бой возбуждая мужей, и у каждого твердость и силу
В сердце воздвигла, без устали вновь воевать и сражаться.
Всем во мгновенье война им кровавая сладостней стала,
Чем на судах возвращенье в любезную землю родную.

Словно огонь истребительный, вспыхнув на горных вершинах,
Лес беспредельный палит и далёко заревом светит:
Так, при движении воинств, от пышной их меди чудесной
Блеск лучезарный кругом восходил по эфиру до неба.
Их племена, как птиц перелетных несчетные стаи,
Диких гусей, журавлей, иль стада лебедей долговыйных
В злачном азийском лугу, при Каистре широко текущем,
Вьются туда и сюда и плесканием крыл веселятся,
С криком садятся противу сидящих и луг оглашают,—
Так аргивян племена, от своих кораблей и от кущей,
С шумом неслися на луг Скамандрийский; весь дол под толпами
Страшно кругом застонал под ногами и коней и воев.
Стали ахеян сыны на лугу Скамандра цветущем,
Тьмы, как листы на древах, как цветы на долинах весною.
Словно как мух неисчетных рои собираясь густые
В сельской пастушеской куще, по ней беспрестанно кружатся
В вешние дни, как млеко изобильно струится в сосуды,—
Так неисчетны противу троян браноносцы данаи
В поле стояли и, боем дыша, истребить их горели.

Их же, как пастыри коз меж бродящих стад необъятных
Скоро своих отлучают от чуждых, смешавшихся в пастве,
Так предводители их, впереди, позади учреждая,
Строили в бой; и меж них возвышался герой Агамѐмнон,
Зевсу, метателю грома, главой и очами подобный,
Станом — Арею великому, персями — Энносигею.
Словно как бык среди стада стоит, перед всеми отличный,
Гордый телец, возвышается он меж телиц превосходный:
В день сей таким сотворил Агамѐмнона Зевс-олимпиец,
Так отличил между многих, возвысил средь сонма героев,

Ныне поведайте, музы, живущие в сенях Олимпа:
Вы — божества, вездесущи, и знаете всё в поднебесной;
Мы ничего не знаем, молву мы единую слышим;
Вы мне поведайте, кто и вожди и владыки данаев?
Всех же бойцов рядовых не могу ни назвать, ни исчислить,
Если бы десять имел языков я и десять гортаней,
Если б имел неслабеющий голос и медные перси;
Разве, небесные музы, Кронида великого дщери,
Вы бы напомнили всех приходивших под Трою ахеян.
Только вождей корабельных и все корабли я исчислю.

Рать беотийских мужей предводили на бой воеводы:
Аркезилай и Леит, Пенелей, Профоенор и Клоний.
Рать от племен, обитавших в Гирии, в камнистой Авлиде,
Схен населявших, Скол, Этеон лесисто-холмистый;
Феспии, Греи мужей и широких полей Микалесса;
Окрест Илезия живших и Гармы и окрест Эрифры;
Всех обитателей, Гил, Элеон, Петеон населявших;
Также Окалею, град Медеон, устроением пышный,
Копы, Эвтрез, и стадам голубиным любезную Физбу,
Град Коронею, и град Галиарт на лугах многотравных;
Живших в Платее, и в Глиссе тучные нивы пахавших;
Всех, населяющих град Гипофивы, прекрасный устройством;
Славный Онхест, Посидонов алтарь и заветную рощу;
Арн, виноградом обильный, Мидею, красивую Ниссу,
И народ, наконец, населявший Анфедон предельный.
С ними неслось пятьдесят кораблей, и на каждом из оных
По сту и двадцать воинственных, юных беотян сидело.

Град Аспледон населявших и град Миниеев Орхомен
Вождь Аскалаф предводил и Иялмен, Ареевы чада;
Их родила Астиоха в отеческом Актора доме,
Дева невинная: некогда терем ее возвышенный
Мощный Арей посетил и таинственно с нею сопрягся.
С ними тридцать судов прилетели, красивые, рядом.
Вслед ополченья фокеян Схедий предводил и Эпистроф,
Чада Ифита, царя потомки Навбола-героя.
Их племена Кипарисс и утесный Пифос населяли;
Криссы веселые долы и Давлис и град Панопею;
Жили кругом Гиампола, кругом Анемории злачной;
Вдоль по Кефиссу-реке, у божественных вод обитали;

Жили в Лилее, при шумном исходе Кефисского тока.
Сорок под их ополченьями черных судов принеслося.
Оба вождя устрояли ряды ополчений фокейских,
И близ беóтян, на левом крыле, ополчалися к бою.

Локров Аякс предводил, Оилеев сын быстроногий;
Меньше он был, не таков, как Аякс, Теламòнид могучий,
Меньше далеко его; невеликий в броне полотняной,
Но копьеметец отличный меж гелленов всех и данаев.
Он предводил племена, населявшие Кѝнос и О̀пус,
Вессу, Каллѝар и Скарф и веселые долы Авгеи;
Тарфы и Фроний, где воды Воàгрия быстро катятся.
Сорок черных судов принеслося за ним к Илиону
С воинством локров мужей, за священною живших Эвбеей.

Но народов эвбейских, дышащих боем абантов,
Чад Эретрѝи, Халкѝды, обильной вином Гистиѐи,
Живших в Коринфе приморском и в Дѝуме, граде высоком,
Стир населявших мужей, и народ, обитавший в Карѝсте,
Вывел и в бой предводил Элефѐнор, Ареева отрасль,
Сын Халкодòнов, начальник нетрепетных духом абантов.
Он предводил сих абантов, на тыле власы лишь растивших,
Воинов пылких, горящих ударами ясневых копий
Медные брони врагов разбивать рукопашно на персях.
Сорок черных судов принеслося за ним к Илиону.

Но мужей, населяющих град велелепный Афины,
Область царя Эрехфѐя, которого в древние веки
Матерь земля родила, воспитала Паллада Афина,
И в Афины ввела, и в блестящий свой храм водворила,
Где и тельцами и агнцами ныне ее ублажают
Чада Афин, при урочном исходе годов круговратных,—
Сих предводил Петеѝд Менесфѐй, в ратоборстве искусный.
С ним от мужей земнородных никто не равнялся в искусстве
Строить на битвы и быстрых коней и мужей-щитоносцев.
Нестор один то оспаривал, древле родившийся старец.
С ним пятьдесят кораблей, под дружиною, черных примчалось.

Мощный Аякс Теламòнид двенадцать судов саламинских
Вывел и с оными стал, где стояли афинян фаланги.

В Аргосе живших мужей, населявших Тиринф крепкостенный,
Град Гермиону, Азину, морские пристанища оба,
Грады Трезену, Эйон, Эпидавр, виноградом обильный,
Живших в Масете, в Эгине, ахейских юношей храбрых —
Сих предводителем был Диомед, знаменитый воитель,
Также Сфенел, Капанея великого сын благородный;
С ними и третий был вождь, Эвриал, небожителю равный,
Храбрый Мекестия сын, потомок царя Талайона.
Вместе же всех предводил Диомед, знаменитый воитель,—
Осьмдесят черных судов под дружинами их принеслося.

Но живущих в Микене, прекрасно устроенном граде,
И в богатом Коринфе, и в пышных устройством Клеонах;
Орнии град населявших, веселую Арефирею,
Град Сикион, где царствовал древле Адраст браноносный;
Чад Гиперезии всех, Гоноессы высокоутёсной;
Живших в Пеллене, кругом Эгиона мужей обитавших,
Вдоль по поморью всему и окрест обширной Гелики —
Всех их на ста кораблях предводил властелин Агамемнон.
Рать многочисленней всех, превосходнее всех ратоборцы
С ним принеслися; он сам облекался сияющей медью,
Славою гордый, что он перед сонмом героев блистает
Саном верховным своим и числом предводимых народов.

Град населявших великий, лежащий меж гор Лакедемон,
Фару, Спарту, стадам голубиным любезную Мессу;
В Бризии живших мужей и в веселых долинах Авгии,
Живших Амиклы в стенах и в Гелосе, граде приморском;
Град населяющих Лаас и окрест Этила живущих —
Сих Агамемнона брат, Менелай, знаменитый воитель,
Вел шестьдесят кораблей, но отдельно на бой ополчался;
Ратников сам предводил, на душевную доблесть надежный,
Сам их на бой возбуждал и пылал, как никто из ахеян,
Страшно отмстить за печаль и за стон похищенной Елены.

В Пилосе живших мужей, обитавших в Арене веселой,
Фриос, Алфейский брод и славные зданием Эпи,
Град Кипариссию, град Амфигению вкруг населявших,
Птелеос, Гелос и Дорион, место, где некогда музы,
Встретив Фамира Фракийского, песнями славного мужа,
Дара лишили: идя от Эврита, царя эвхалиян,

Гордый, хвалиться дерзал, что победу похитит он в песнях,
Если и музы при нем воспоют, Эгиоховы дщери.
Гневные музы его ослепили, похитили сладкий
К песням божественный дар и искусство бряцать на кифаре.
Сих предводил повелитель их Нестор, конник геренский,—
С ним девяносто судов принеслися, красивые строем.

Живших в Аркадии, вдоль под Килленской горою высокой,
Близко могилы Эпи̍та, мужей рукопашных на битвах,
В Феносе живший народ, в Орхомѐне, стадами богатом,
В Рипе, Стратѝи мужей обитавших и в бурной Эниспе,
И Тегѐи в стенах и в странах Мантинѐи веселой,
В Стѝмфале живших мужей и в Паррàзии нивы пахавших —
Сими начальствуя, отрасль Анкеева, царь Агапѐнор
Гнал шестьдесят кораблей; многочисленны в каждом из оных
Мужи сидели аркадские, сильно искусные в битвах.
Их ополчениям сам повелитель мужей Агамѐмнон
Дал корабли доброснастные, плыть им по черному понту
К Трое высокой: они небрегли о делах мореходных.

Вслед вупразийцы текли и народы священной Элиды,
Жители тех областей, что Гирмѝна, Мирзѝн пограничный,
И утес Оленийский и холм Алезийский вмещают,—
Их предводили четыре вождя, и десять за каждым
Быстрых неслось кораблей с многочисленной ратью эпѐян.
Сих устремляли на бой Амфимах и воинственный Фалпий —
Первый Ктеàтова отрасль, второй Акторѝда Эврита;
Тех предводителем шествовал храбрый Диор Амаринкид;
Вождь их четвертый был Поликсѐн, небожителю равный,
Доблестный сын Агасфѐна, народов царя Авгеида.

Рать из Дулихии, рать с островов Эхинадских священных,
Тех, что за морем широким лежат против брега Элиды,
Мегес Филид предводил, ратоборец, Арею подобный,
Сын любимца богов, конеборца Филея, который
Некогда в край Дулихийский укрылся от гнева отцова.
Сорок за ним кораблей, под дружиною, черных примчалось.

Царь Одиссей предводил кефаллѐнян, возвышенных духом.
Живших в Ифаке мужей и при Нѐрите трепетолистном;

Чад Крокилѐи, пахавших поля Эгилѝпы суровой,
В власти имевших Закинф и кругом обитавших в Самосе,
Живших в Эпире мужей и на бреге противулежащем —
Сих предводил Одиссей, советами равный Зевесу;
И двенадцать за ним принеслось кораблей красноносых.

Рать из племен этолийских Фоа̀с предводил Андремо̀нид,
Рать из мужей, обитавших в Олѐне, Пилѐне, Плевроне,
И в Калидо̀не камнистом, и в граде Халкѝде приморской.
Не было больше на свете сынов бранoccных Инея;
Мертв и сам уже был он, и мертв Мелеа̀гр светлокудрый;
И в Это̀лии царствовать вверено было Фоасу.
Сорок за ним, под дружиною, черных судов принеслося.

Критян же Идоменѐй предводил, знаменитый копейщик;
В Кноссе живущих мужей, в укрепленной стенами Гортине,
Ликт населявших, Милет и град белокаменный Ликаст,
Ритий обширный и Фест, многолюдные, славные грады,
И других, населяющих Крита стоградного земли,
Был воеводою Идоменѐй, знаменитый копейщик,
И Мерион, Эниа̀лию равный, губителю смертных;
Осьмдесят черных судов принеслося под критской дружиной.

Но Тлиполѐм Гераклид, как отец, и огромный и мощный,
Гордых родосцев извел в девяти кораблях из Родоса,
Кои в родосской земле, разделенные на три колена,
Линд, Ияли̇̀с и Камѝр белокаменный вкруг населяли,—
Сих предводил Тлиполѐм, копьеборец, гибельный в битвах,
Силы Геракловой сын, рожденный с младой Астиохой,
Взятой героем в Эфире, у вод Селлѐйса, когда он
Многие грады рассыпал питомцев Зевсовых юных.
Сей Тлиполем лишь возрос в благосозданном доме Геракла,
Скоро убил, безрассудный, почтенного дядю отцова,
Старца уже седого, Ликѝмния, отрасль Арея.
Быстро сплотил он суда и с великою собранной ратью
Скрылся, бежа по морям, устрашаяся мести грозивших
Всех остальных, и сынов и потомков Геракловой силы.
Прибыл в Родос наконец он, скиталец, беды претерпевший;
Там поселились пришельцы тремя племенами и были
Зевсом любимы, владыкой богов и отцом человеков:
Он им богатства несметные свыше пролил, олимпиец.

Вслед их Нирей устремлялся с тремя кораблями из Сима,
Юный Нирей, от Харо̀па-царя и Аглаи рожденный;
Оный Нирей, что с сынами данаев пришел к Илиону,
Смертный, прекраснейший всех, после дивного мужа Пелида;
Но немужествен был он, и малую вывел дружину.

Живших в Низи̇ре мужей, населяющих Ка̀зос и Крапаф,
Град Эврипилов Коо̀с и народ островов Калиднийских
Два предводили вождя: и Фидипп и воинственный Антиф,
Оба Фесса̀лом рожденные, царственным сыном Геракла.
Тридцать за ними судов принеслися, красивые строем.

Ныне исчислю мужей, в пелазгическом Аргосе живших,
Алос крутом населявших, и А̀лоп удел, и Трахину,
Холмную Ффию, Гелладу, славную жен красотою,
Всех — мирмидонов, ахеян и гелленов имя носящих;
Сих пятьдесят кораблей предводил Ахиллес знаменитый.
Но народы сии о гремящей не мыслили брани;
Некому было водить на сражения строев их грозных.
В стане, при черных судах, возлежал Ахиллес быстроногий,
Гневный за дочь Бризееву, пышноволосую деву,
Деву, которую взял, по жестоких трудах, из Лирнесса,
Самый Лирнесс разгромя и высокие фивские стены,
Где и Эвѐна сынов, копьеборцев, гибельных в битвах,
Внуков Селепа-царя, и Эпѝстрофа сверг и Минета.
Грустен по ней, возлежал он; но скоро воспрянет, могучий.

В Фи̇лаке живших мужей, населявших Пи̇раз цветущий,
Область Деметры любимую, матерь овец Итонѐю,
Травами тучный Птелѐй и Антро̀н, омываемый морем,—
Сих ополчения Протезила̀й предводил браноносный
В жизни своей; но его уже черная держит могила.
В Филаке он и супругу, с душою растерзанной, бросил,
Бросил и дом полуконченный: пал, пораженный дарданцем,
Первый от всех аргивян с корабля соскочивший на берег.
Рать не была без вождя, но по нем воздыхали дружины;
Их же к сражениям строил Пода̀ркес, Ареева отрасль,
Сын Филакида Ификла, владетеля стад среброрунных,
Брат однокровный героя, бесстрашного Протезилая,
Но летами юнейший; и старше его и сильнее
Протезила̀й воинственный был; потерявши героя,

Рать не нуждалась в вожде, но о нем воздыхали, о храбром;
Сорок за ним кораблей, под дружиной, примчалося черных.

В Ферах живущих и вкруг при Бебѐидском озере светлом,
Беб населявших, Глафиры и град Иаолк пышнозданный,
Быстрых одиннадцать мчалось судов; предводил же Эвмел их,
Сын Адмета любимый, который рожден им с Алкестой,
Дивной женою, прекраснейшей всех из Пелиевых дщерей.

Живших в Мефо̀не и о̀крест Фавма̀кии нивы пахавших,
Чад Мелибѐи, и живших в полях Олизо̀на суровых,—
Сих племена Филоктет-предводитель, стрелец превосходный,
Вел на семи кораблях; пятьдесят воссидело на каждом
Сильных гребцов и стрелами искусных жестоко сражаться.
Но лежал предводитель на острове Лемне священном
В тяжких страданиях, где он оставлен сынами ахеян,
Мучимый язвою злой, нанесенною пагубной гидрой.
Там лежал он, страдалец. Но скоро ахейские мужи,
Скоро при черных судах о царе Филоктете воспомнят.
Рать не была без вождя, но желала вождя Филоктета.
Мѐдон над нею начальствовал, сын Оилѐя побочный,
Коего с Реной младою родил Оилей-градоборец.

Трѝккой владевший народ, и Ифо̀мой высокоутёсной,
И обитавший в Эха̀лии, граде владыки Эврита,
Два извели воеводы, Асклѐпия мудрые чада,
Славные оба данаев врачи, Подалѝр и Маха̀он.
Тридцать за ними судов принеслися, красивые строем.

Живших в Ормении храбрых мужей, у ключа Гипереи,
В власти имевших Астѐрий и белые главы Титана,—
Сих предводил Эврипил, блистательный сын Эвемонов;
Сорок за ним кораблей, под дружиною, черных примчалось.

В Аргиссе живших мужей и кругом населявших Гиртону,
Орфу, широкий Эло̀н, белокаменный град Олоо̀ссон,—
Сих предводил Полипѐт, воеватель бесстрашнейший в битвах,
Ветвь Пиритоя, исшедшего в мир от бессмертного Зевса,
Сын, Пиритою рожденный женой Ипподамией славной,
В самый тот день, как герой покарал чудовищ косматых:
Сбил с Пелиона кентавров и гнал до народов эфиков.

Он предводил не один, но при нем Леонтѐй бранодушный,
Отрасль Ареева, чадо Кенея, Корȯнова сына.
Сорок за ними судов, под дружиной, примчалося черных.

Но из Кифа Гунѐй с двадцатью и двумя кораблями
Плыл, предводя эниа̀н и воинственных, сильных перребов,
Племя мужей, водворившихся окрест Додоны холодной,
Земли пахавших, по коим шумит Титарѐзий веселый,
Быстро в Пеней устремляющий пышно катящиесь воды,
Коих нигде не сливает с Пенеем сребристопучинным,
Но всплывает наверх и подобно елею струится;
Он из ужасного Стикса, из вод заклинаний исходит.

Прȯфоой, сын Тендредȯнов, начальствовал ратью магнетов.
Окрест Пенея и вкруг Пелиона шумного лесом
Жили они; предводил их в сражение Прȯфоой быстрый,
Сорок за ним кораблей, под дружиною, черных примчалось.

Се и вожди и властители меднодоспешных данаев.
Кто же из них знаменитейший был, поведай мне, муза,
Доблестью или конями, из всех за Атридом притекших?

Кȯней извел превосходнейших славный Эвмел Феретиад;
Он устремлял кобылиц на бегу, как пернатые быстрых,
Масти одной, одинаковых лет и хребтом как под меру.
Сам Аполлон воспитал на зеленых лугах пиерийских
Сих кобылиц, разносящих в сражениях ужас Арея.
Мужем отличнейшим слыл Аякс Теламȯнид, доколе
Гневом Пелид сокрушался; но он был могучее всех их,
Также и кони, носящие в битвах Пелида-героя.
Но бездействовал он при своих кораблях мореходных,
Пламенный гнев на владыку народов, Атреева сына,
В сердце питая; дружины его на береге моря
Дисков и сулиц и стрел забавлялися пра̀здным метаньем.
Рьяные кони вождей при своих колесницах стояли,
Праздные, лотос один и селину болотную щипля.
Все колесницы и сбруя, заботно покрыты, лежали
В сенях владык; а они, предводителя храброго алча,
Праздные, с края на край по широкому стану бродили.

Двинулась рать, и как будто огнем вся земля запылала;
Дол застонал, как под яростью бога, метателя грома

Зевса, когда над Тифеем сечет он перунами землю,
Горы в Аримах, в которых, повѐствуют, ложе Тифея;
Так застонала глубо̀ко земля под стопами народов,
Вдруг устремившихся: быстро они проходили долиной.

Тою порою троянам, подобная вихрям Ириса,
Вестница Зевса Кронида, явилася с вестию грозной.
Те ж совещали совет у дверей Приамова дома,
Все на дворе воедино столпясь, и младые и старцы.
Став посреди, провещала посланница Зевса, Ириса,
Голос заявши Полита, Приамова сына, который
Стражем троянским сидел, уповая на быстрые ноги,
В поле, на высшей могиле старца троян Эзиета,
Вкруг соглядая, когда от судов нападут аргивяне.
В виде его провещала посланница Зевса Ириса:

«Старец почтенный! и ныне ты любишь обильные речи,
Так же, как в мирные дни,— неизбежная брань угрожает!
Часто я, часто бывал на кровавых бранях народов,
Но вовек таковых и толиких я ратей не видел!
Как листы на древах, как пески при морях, неисчетны
Воинства мчатся долиною ратовать около града.
Гектор, тебе предлагаю совет мой полезный исполнить:
Много народов союзных в Приамовом граде великом,
Разных своим языком, по земле рассеянных смертных.
Каждым из оных да властвует муж, повелитель народа;
Он и вождем на боях и строителем граждан да будет».

Так прорекла; и богиню вещавшую Гектор постигнул;
Сонм распустил, и к оружию бросились граждане Трои.
Все растворились ворота; из оных зареяли рати,
Конные, пешие; шум и смятение страшное встало.

Есть перед градом троянским великий курган и высокий,
В поле особенный, круглый равно и отсель и оттоле.
Смертные с древних времен нарицают его Батиѐей,
Но бессмертные боги — могилою быстрой Мирины.
Там и троян и союзников их разделилися рати.

Храбрых троян Приамид, шлемоблещущий Гектор великий,
Всех предводил; превосходные множеством, мужеством духа,
С ним ополчилися мужи, копейщики, бурные в битве.

Вслед их дарданцам предшествовал сын знаменитый Анхизов,
Мощный Эней; от Анхиза его родила Афродита,
В рощах на холмах Идейских, богиня, почившая с смертным.
Он предводил не один, но при нем Акамас и Архилох —
Оба сыны Антенора, искусные в битвах различных.

В Зелии живших мужей, при подошве холмистыя Иды,
Граждан богатых, пиющих Эсеповы черные воды,
Племя троянское лучник отличнейший вел Ликаòнид,
Пандар, которого Феб одарил сокрушительным луком.

Но Адрастèи мужей, Питиèи и веси Апèза,
И народ, заселявший Терею, высокую гору,—
Сих предводили Адраст и Àмфий, в броне полотняной,
Оба сыны перкозийца Меропа, который славнейший
Был предвещатель судьбы и сынам не давал позволенья
К брани убийственной в Трою идти; не послушали дети
Старца родителя — рок увлекал их на черную гибель.

В Пèркоте живших мужей и кругом населявших Практион,
Грады Сèстос, Абѝдос и граждан священной Аризбы
Рати устроивал Азий, мужей повелитель, Гиртàкид,
Азий Гиртàкид, который на пламенных кòнях великих
В Трою принесся из дальней Аризбы, от вод Селлеиса.
Гиппофоòй предводил племена копьеборных пелазгов,
Тех, что в Ларисе бугристой, по тучным полям обитали;
Гиппофоòй предводил их и Пѝлей, Ареева отрасль,
Оба сыны пелазгийского Лефа, Тевталова сына.
Но фракиян предводил Акамàс и воинственный Пѝрос.
Всех, которых страны̀ Геллеспонт бурнотечный объемлет.
Храбрый Эвфем ополчал племена копьеборных киконов,
Сын браноносца Трезена, любезного Зевсу Кеада.
Вслед им Пирèхм предводил криволуких пеонов, далеко
Живших в странах Амидòна, где катится Аксий широкий,
Аксий, водою чистейшей священную землю поящий.
Вождь Пилемèн пафлагонам предшествовал, храброе сердце,
Выведший их из Генèт, где стадятся дикие мески,
Племя народов, которые жили в Китòре, Сесàме,
Окрест потока Парфения в славных домах обитали,
Крòмну кругом, Эгиал и скалы̀ Эрифѝн населяли.

Рать гализо̀нов Годи̇̀й и Эпи̇̀строф вели из Алибы,
Стран отдаленных, откуда исход серебра неоскудный.
Мизам предшествовал Хро̀мий и Энно̀мос-птицегадатель,
Но и гаданием он не спасся от гибели черной —
Лег, низложенный руками Пелеева быстрого сына,
В бурной реке, где троян и других истреблял он, могучий.

Форкис и храбрый Асканий вели из Аскании дальней
Рати фриги̇̀ян, и оба, бесстрашные, боем пылали.

Вслед их Антиф и Месфл, воеводы мужей меонийских,
Оба сыны Пилемѐна, Гигейского озера дети,
Рать предводили мео̀нов, при Тмоле высоком рожденных.

На̀стес вел говорящих наречием варварским каров,
Кои Милет занимали и Ффиров лесистую гору,
И Меа̀ндра поток и Мика̀ла вершины крутые;
Сих предводили на бой Амфима̀х и воинственный На̀стес,
На̀стес и тот Амфима̀х, Номионова отрасль, который
Даже и в битвы ходил наряжаяся златом, как дева.
Жалкий! и златом не мог отвратить он погибели грозной —
Лег, низложенный руками Пелеева быстрого сына,
В бурной реке, и Пелид его злато унес, победитель.
Рать лики̇̀ян Сарпедон и блистательный Главк предводили,
Живших далеко в Лики̇̀и, при Ксанфе глубокопучинном.

ПЕСНЬ III

СОДЕРЖАНИЕ

Построенные воинства сходятся, трояне с криком, ахеяне тихо, ст. 1—15. Но до начатия сражения Парис вызывает на единоборство храбрейших из ахеян; выходит Менелай; устрашенный Парис отступает, 16—37. Скоро, однако, порицаемый Гектором, он решается на единоборство, долженствующее положить конец брани, 38—75. Гектор объявляет условия боя: победитель останется обладателем Елены и сокровищ, с нею похищенных, 76—95. Менелай, согласясь на оные, требует, чтобы договор был освящен присутствием Приама, 96—110. Воинства полагают оружия; с обеих сторон приготовляют жертвоприношения, 111—120. Между тем Елена, Ирисою извещенная о единоборстве Париса с Менелаем, всходит на башню Скейскую, откуда был вид на поле, 121—145. Старейшины троянские, там же собравшиеся, удивляются красоте ее; Приам ее расспрашивает, а она ему указывает и именует вождей ахейских: Агамемнона, 146—190, Одиссея, 191—224, Аякса, Идоменея, 225—233. Елена ищет в воинстве и братьев своих Диоскуридов, но не находит, 234—245. Приам, вестником приглашенный, приезжает к воинству, сопровождаемый Антенором, 246—268. Договор единоборства освящается жертвоприношением, которое совершается с обрядами и обыкновениями древности, 269—303. Приам возвращается в Трою; Гектор с Одиссеем измеряет место для битвы, бросает жребий, кому прежде начать ее; Парис и Менелай вооружаются, выходят, 304—344; сражаются; но Париса, уже побеждаемого, Киприда похищает и невредимого переносит в его почивальню, 345—382. Богиня туда же приводит Елену, против ее воли, и, негодующую, поносящую Париса, покоряет нежным его желаниям, 383—448. Менелай бесполезно ищет скрывшегося противника; Агамемнон требует от троян условленных наград победителю, 449—461.

ПЕСНЬ III

Так лишь на битву построились оба народа с вождями,
Трои сыны устремляются, с говором, с криком, как птицы:
Крик таков журавлей раздается под небом высоким,
Если, избегнув и зимних бурь и дождей бесконечных,
С криком стадами летят через быстрый поток Океана,
Бранью грозя и убийством мужам малорослым, пигмеям,
С яростью страшной на коих с воздушных высот нападают.
Но подходили в безмолвии, боем дыша, аргивяне,
Духом единым пылая — стоять одному за другого.

Словно туман над вершинами горными Нот разливает,
Пастырям стад нежеланный, но вору способнейший ночи:
Видно сквозь оный не дальше, как падает брошенный камень,—
Так из-под стоп их прах, подымаяся мрачный, крутился
Вслед за идущими; быстро они проходили долину.

И когда уже сблизились к битве идущие рати,
Вышел вперед от троян Александр, небожителю равный,
С кожею парда на раме, с луком кривым за плечами
И с мечом при бедре; а в руках два копья медножалых
Гордо колебля, он всех вызывал из данаев храбрейших,
Выйти противу него и сразиться жестокою битвой.

Но лишь увидел его Менелай, любимый Ареем,
Быстро вперед из толпы выступающим поступью гордой —
Радостью вспыхнул, как лев, на добычу нежданно набредший.

Встретив еленя рогатого или пустынную серну;
Гладный, неистово он пожирает, хотя отовсюду
Сам окружен и ловцами младыми и быстрыми псами,—
Радостью вспыхнул такой Менелай, Александра-героя
Близко узрев пред собой; и, отмстить похитителю мысля,
Быстро Атрид с колесницы с оружием прянул на землю.

Но лишь увидел его Приамид, Александр боговидный,
Между передних блеснувшего, сердце его задрожало;
Быстро он к сонму друзей отступил, избегающий смерти.
Словно как путник, увидев дракона в ущелиях горных,
Прядает вспять и от ужаса членами всеми трепещет,
Быстро уходит, и бледность его покрывает ланиты,—
Так убежавши, в толпу погрузился троян горделивых
Образом красный Парис, устрашаясь Атреева сына.

Гектор, увидев его, поносил укорительной речью:
«Видом лишь храбрый, несчастный Парис, женолюбец, прельститель!

Лучше бы ты не родился, или безбрачен погибнул!
Лучше б сего я желал, и тебе б то отраднее было,
Чем поношеньем служить и позорищем целому свету!
Слышишь, смеются ряды кудреглавых данаев, считавших
Храбрым тебя первоборцем, судя по красивому виду.
Вид твой красѐн, но ни силы в душе, ни отважности в сердце!
Бывши таков ты, однако дерзнул в кораблях мореходных
Бурное море исплавать, с толпою клевретов любезных,
В чуждое племя войти и похитить из стран отдаленных
Славу их жен, и сестру и невестку мужей браноносных,
В горе отцу твоему, и народу, и целому царству,
В радость ахейцам-врагам, а себе самому в поношенье!
Что́ же с оружьем не встретил царя Менелая? Узнал бы
Ты, браноносца какого владеешь супругой цветущей.
Были б не в помощь тебе ни кифара, ни дар Афродиты,
Пышные кудри и прелесть, когда бы ты с прахом смесился.
Слишком робок троянский народ, иль давно б уже был ты
Каменной ризой одет, злополучий толиких виновник!»

Гектору быстро в ответ возразил Александр боговидный:
«Гектор, ты вправе хулить, и твоя мне хула справедлива.
Сердце в груди у тебя, как секира, всегда непреклонно:

Древо пронзает она под рукой древодела и рьяность
Мужа сугубит, когда обсекает он брус корабельный,—
Так в груди у тебя непреклонен дух твой высокий.
Не осуждай ты любезных даров златой Афродиты.
Нет, ни один не порочен из светлых даров нам бессмертных.
Их они сами дают; произвольно никто не получит.
Ныне, когда ты желаешь, чтоб я воевал и сражался,
Всем повели успокоиться, Трои сынам и ахейцам;
И посреди их поставьте меня с Менелаем-героем;
Мы за Елену Аргивскую с ним перед вами сразимся.
Кто из двоих победит и окажется явно сильнейшим,
В дом и Елену введет, и сокровища все он получит.
Вы ж, заключившие дружбу и клятвы святые, владейте
Троей холмистой; ахейцы же в Аргос, конями богатый,
Вспять отплывут и в Ахаию, славную жен красотою».

Так говорил; и восхитился Гектор услышанной речью;
И, на средину исшед и копье ухватив посредине,
Спнул фаланги троянские; все успокояся стали.
Но на Гектора луки ахеян сыны натянули,
Многие метили копьями, многие бросили камни.
К ним громогласно воззвал повелитель мужей Агамѐмнон:

«Стойте, аргивцы друзья! не стреляйте, ахейские мужи!
Слово намерен вещать шлемоблещущий Гектор великий».

Рек; и ахеяне прѐрвали бой, и немедленно стали
Окрест, умолкнув; и Гектор великий вещал среди воинств:

«Сонмы троян и ахеян красивопоножных! внимайте,
Что предлагает Парис, от которого брань воспылала.
Он предлагает троянам и всем меднолатным ахейцам
Ратные сбруи свои положить на всеплодную землю;
Сам посреди ополчений с воинственным он Менелаем
Битвой, один на один, за Елену желает сразиться.
Кто из двоих победит и окажется явно сильнейшим,
В дом и Елену введет, и сокровища все он получит;
Мы ж на взаимную дружбу священные клятвы положим».

Рек он; ахейцы безмолвные все сохраняли молчанье;
И меж них провещал Менелай, знаменитый воитель:

«Ныне внимайте и мне; жесточайшая горесть пронзает
Сердце мое; помышляю давно я: пора примириться
Трои сынам и ахейцам; довольно вы бед претерпели
Ради вражды между мной и Парисом, виновником оной.
Кто между нами двумя судьбой обречен на погибель,
Тот да погибнет! а вы, о друзья, примиритесь немедля.
Пусть же представят и белого агнца и черную овцу
Солнцу принесть и земле; а Крониду пожрем мы другого.
Пусть призовут и Приама-владыку, да клятву положит
Сам (а сыны у него напыщенны, всегда вероломны):
Да преступник какой-либо Зевсовых клятв не разрушит:
Сердце людей молодых легкомысленно, непостоянно;
Старец, меж ними присущий, вперед и назад прозорливо
Смотрит, обеих сторон соблюдая взаимную пользу».

Так говорил; и наполнились радостью оба народа,
Чая почить наконец от трудов изнурительной брани;
Ко̀ней становят в ряды, с колесниц своих прядают сами;
Быстро снимают доспехи, на зѐмлю слагают их близко
Друг против друга: меж воинств осталося узкое поле.

Гектор немедленно к граду глашатаев двух посылает
Агнцев поспешно принесть и вызвать владыку Приама.
Царь Агамѐмнон равно повеление дал Талфиби̇ю
К сеням ахейским идти и принесть на заклание агнца;
Он поспешил, повинуясь державному сыну Атрея.

С вестью Ириса явилась к Елене лилейнораменной.
Вестница, образ принявши любезной Елене золовки,
С коей в супружестве был Антено̀рид, царь Гелика̀он,
Образ младой Лаоди̇ки, прекраснейшей дщери Приама,
В терем вошла, где Елена ткань великую ткала,
Светлый, двускладный покров, образуя на оном сраженья,
Подвиги конных троян и медянодоспешных данаев,
В коих они за нее от Ареевых рук пострадали.
К ней приступив, быстроногая так говорила Ириса:

«Выйди, любезная нимфа, деяния чудные видеть
Конников храбрых троян и медянодоспешных данаев.
Оба народа недавно, стремимые бурным Ареем,
В поле сходились, пылая взаимно погибельной бранью.

Ныне безмолвны стоят; прекратилася брань; ратоборцы
Все на щиты преклонилися, копья их воткнуты в землю.
Но герой Александр и Атрид Менелай браноносный
Выдти желают одни за тебя на копьях сразиться.
И супругой любезной тебя наречет победитель».

Так изрекла, и влияла ей в душу сладкие чувства,
Думы о первом супруге, о граде родимом и кровных.
Встала она и, сребристыми тканями вкруг осеняся,
Быстро из дому идет со струящеюсь нежной слезою.
Следом за ней поспешили прислужницы верные обе —
Эфра, Питеева дочь, и Климена, с блистательным взором.
Скоро они притекли ко вратам возвышавшимся Скейским.
Там и владыка Приам, и Панфо̀й, и Фимѐт благородный,
Клитий, божественный Ламп, Гикета̀он, Ареева отрасль,
Укалего̀н, и герой Антенор, прозорливые оба,
Старцы народа сидели на Скейской возвышенной башне,
Старцы, уже не могучие в брани, но мужи совета,
Сильные словом, цикадам[1] подобные, кои по рощам,
Сидя на ветвях дерев, разливают голос их звонкий,—
Сонм таковых илионских старейшин собрался на башне.
Старцы, лишь только узрели идущую к башне Елену,
Тихие между собой говорили крылатые речи:

«Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы
Брань за такую жену и беды столь долгие терпят:
Истинно, вечным богиням она красотою подобна!
Но, и столько прекрасная, пусть возвратится в Елладу;
Пусть удалится от нас и от чад нам любезных погибель!»

Так говорили; Приам же ее призывал дружелюбно:
«Шествуй, дитя мое милое! ближе ко мне ты садися;
Узришь отсюда и первого мужа, и кровных, и ближних.
Ты предо мною невинна; единые боги виновны:
Боги с плачевной войной на меня устремили ахеян!
Сядь и поведай мне имя величеством дивного мужа:

---

[1] Τέττιξ, , cicada; это не стрекоза и не кузнечик, и в России не водится.— *Цикада поет, сидя на деревьях; древние употребляли их в пищу.* Aristot. Histor. Animal. Lib. V, c. XXX.

Кто сей, пред ратью ахейскою, муж и великий и мощный?
Выше его головой меж ахеями есть и другие,
Но толико прекрасного очи мои не видали,
Ни толико почтенного — мужу-царю он подобен!»

Старцу в женах знаменитая так отвечала Елена:
«Ты и почтен для меня, возлюбленный свекор, и страшен!
Лучше бы горькую смерть предпочесть мне, когда я решилась
Следовать с сыном твоим, как покинула брачный чертог мой,
Братьев, и милую дочь, и веселых подруг мне бесценных!
Но не сделалось так; и о том я в слезах изнываю!..
Ты вопрошаешь меня, и тебе я скажу, Дарданион:
Муж сей есть пространнодержавный Атрид Агамѐмнон,
Славный в Гелладе как мудрый царь и как доблестный воин.
Деверь он был мне; увы, недостойная, если б он был им!»

Так говорила; и старец, дивяся Атриду, воскликнул:
«О Агамѐмнон, счастливым родившийся, смертный блаженный!
Сколько под властью твоею ахейских сынов браноносных!
Некогда, быв во фригийской земле, виноградом обильной,
Зрел я великую рать фригиян, колесничников быстрых;
Зрел я Атрея полки и Мигдона, подобного богу:
Станом стояло их воинство вдоль берегов Сангария;
Там находился и я, и союзником оных считался,
В день, как мужам подобные ратью нашли амазонки,—
Но не столько их было, как здесь быстрооких данаев».

После, узрев Одиссея, Приам вопрошает Елену:
«Ныне скажи и об этом, дитя мое: кто сей данаец?
Менее целой главой, чем великий Атрид Агамѐмнон,
Но, как сдается мне, он и плечами и персями шире.
Сбруя его боевая лежит на земле плодоносной;
Сам же, подобно овну, по рядам ратоборным он ходит:
Он мне подобным овну представляется, пышному вòлной,
В стаде ходящему между овец среброрунных».

Вновь отвечала Приаму Елена, рожденная Зевсом:
«Муж сей, почтенный Приам, Лаертид Одиссей многоумный,
Взросший в народе Ифаки, питомец земли каменистой,
Муж, преисполненный козней различных и мудрых советов».

К ней обративши слова, говорил Антенор благоумный:
«Подлинно, речь справедливую ты, о жена, произносишь:
Некогда к нам приходил Одиссей Лаертид знаменитый,
Присланный, ради тебя, с Менелаем воинственным купно.
Я их тогда принимал и угащивал дружески в доме;
Свойство узнал обоих и советов их разум изведал.
Если они на собранья троянские вместе являлись —
Стоя, плечами широкими царь Менелай отличался;
Сидя же вместе, взрачнее был Одиссей благородный.
Если они пред собранием думы и речи сплетали —
Царь Менелай всегда говорил, изъясняяся бегло,
Мало вещал, но разительно; не был Атрид многословен,
Ни в речах околичен, хоть был он и младший годами.
Но когда говорить восставал Одиссей многоумный,
Тихо стоял и в землю смотрел, потупивши очи;
Скиптра в деснице своей ни назад, ни вперед он не двигал,
Но незыбно держал, человеку простому подобный.
Счел бы его ты разгневанным мужем, или скудоумным.
Но когда издавал он голос могучий из персей,
Речи, как снежная вьюга, из уст у него устремлялись!
Нет, не дерзнул бы никто с Одиссеем стязаться словами;
Мы не дивились тогда Одиссееву прежнему виду».

Третьего видя Аякса, Приам вопрошает Елену:
«Кто еще оный ахеянин, столько могучий, огромный?
Он и главой и плечами широкими всех перевысил.

Старцу в женах знаменитая вновь отвечала Елена:
«Муж сей — Аякс Теламо̀нид великий, твердыня данаев.
Там, среди критских дружин, возвышается, богу подобный,
Идоменѐй, и при нем предводители критян толпятся.
Часто героя сего Менелай угощал дружелюбно
В нашем доме, когда приходил он из славного Крита.
Вижу и многих других быстрооких данайских героев;
Всех я узнала б легко и поведала б каждого имя.
Двух лишь нигде я не вижу строителей воинств: незримы
Ка̀стор, коней укротитель, с могучим бойцом Полидевком —
Братья, которых со мною родила единая матерь.
Или они не оставили град Лакедѐмон веселый?
Или, быть может, и здесь, принеслись в кораблях мореходных;
Но одни не желают вступать в ратоборство с мужами,
Срамом гнушаясь и страшным позором, меня тяготящим!»

Так говорила; но их уже матерь земля сокрывала
Там, в Лакедѐмоне, в недрах любезной земли их родимой.

Тою порой через Трою жертвы для клятвы священной,
Агнцев и дар полей, вино, веселящее сердце,
В козьем меху несли провозвестники; нес совокупно
Вестник Идей и блестящую чашу и кубки златые;
Он же, и к старцу представ, призывал Дарданида, вещая:

«Сын Лаомѐдонов, шествуй, тебя приглашают вельможи,
Трои сынов коneборных и меднодоспешных данаев;
Выди на ратное поле, да клятвы святые положат.
Ныне герой Александр и с ним Менелай-браноносец
С длинными копьями выйдут одни за Елену сразиться.
Кто победит — и жены и сокровищ властителем будет;
Мы ж, заключившие дружбу и клятвы священные, будем
Троей владеть, а данаи в Аргос, конями обильный,
Вспять отплывут и в Ахаию, славную жен красотою».

Так произнес; ужаснулся Приам, но друзьям повелел он
Коней запречь в колесницу; они покорились охотно;
Старец взошел и бразды натянул к управлению коней;
Подле него Антенор на блистательной стал колеснице;
В поле они через Скейские быстрых направили коней.

И когда достигнули воинств троян и ахеян,
Там, с колесницы прекрасной сошедши на злачную землю,
Между троян и ахеян срединою шествуют старцы.
В встречу им быстро восстал повелитель мужей Агамѐмнон,
Мудрый восстал Одиссей; и почтенные вестники оба
Жертвы для клятвы священной представили; в чаше единой
Вина смесили и на руки воду царям возлияли.
Тут Агамѐмнон, владыка, десницею нож обнажившн
Острый, висящий всегда при влагалище мечном великом,
Вѐлну отрезал на агнчих главах, и глашатаи оба,
Взяв, разделили ее меж избранных троян и ахеян.
Царь Агамѐмнон воззвал, с воздеянием дланей моляся:

«Мощный Зевс, обладающий с Иды, преславный, великий!
Гелиос, видящий всё и слышащий всё в поднебесной!
Реки, земля, и вы, что в подземной обители души
Оных караете смертных, которые ложно клянутся!

Будьте свидетели вы и храните нам клятвы святые:
Если Парис Приамид поразит Менелая Атрида,
Он и Елену в дому и сокровища все да удержит;
Мы ж от троянской земли отплывем на судах мореходных.
Если Париса в бою поразит Менелай светловласый,
Граждане Трои должны возвратить и жену и богатства;
Пеню должны заплатить аргивянам, какую прилично;
Память об ней да прейдет и до поздных племен человеков.
Если же мне и Приам и Приама сыны отрекутся
Должную дань заплатить по паденьи уже и Париса,
Снова я ратовать буду, пока не истребую дани;
Здесь я останусь, пока не увижу конца ратоборству».

Рек, и гортани овнов пересек он суровою медью
И обоих на земле положил их, в трепете смертном,
Жизнь издыхающих: юную силу их медь сокрушила.
После, вино из чаши блистательной черпая кубком,
Все возливали и громко молились богам вечносущим;
Так не один возглашал меж рядами троян и ахеян:

«Зевс многославный, великий, и все вы, бессмертные боги!
Первых, которые смеют священную клятву нарушить,
Мозг, как из чаши вино, да по черной земле разольется,
Их, вероломных, и чад,— и пришельцы их жен да обымут!»

Так возглашали; моления их не исполнил Кронион.
Старец Приам между тем обратился к народам, вещая:

«Слову внимайте, трояне и храбрые мужи ахейцы:
Я удаляюсь от вас, в Илион возвращаюсь холмистый.
Мне недостанет сил, чтобы видеть своими очами
Сына любезного бой с Менелаем, питомцем Арея.
Ведает Зевс Эгиох и другие бессмертные боги,
В битве кому из подвижников смертный конец предназначен».

Рек, и овнов в колесницу влагает божественный старец;
Всходит и сам и бразды к управленью коней напрягает;
Подле него Антенор на блистательной стал колеснице.
Старцы, назад обратяся, погнали коней к Илиону.

Гектор тогда Приамид и с ним Одиссей благородный
Прежде измерили место сражения; после, повергнув

Жребии в медный шелом, сотрясали, да ими решится,
Кто в сопротивника первый копье медяное пустит.
Рати же окрест молились и длани к богам воздевали;
Так не один восклицал меж рядами троян и ахеян:

«Мощный Зевс, обладающий с Иды, преславный, великий!
Кто между ими погибельных дел сих и распрей виновник,
Дай ты ему, пораженному, в дом погрузиться Аида,
Нам же опять утвердить и священные клятвы и дружбу!»

Так возглашают; а Гектор великий два жребия в шлеме,
Взор отвратив, сотрясает, и выпрянул жребий Париса.
Воины быстро уселись рядами, где каждый оставил
Коней своих звуконогих и пестрые ратные сбруи.
Тою порой вкруг рамен покрывался оружием пышным
Юный герой Александр, супруг лепокудрой Елены.
И сперва наложил он на белые ноги поножи
Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглезной;
Перси кругом защищая, надел медяные латы,
Брата Ликàона славный доспех, и ему соразмерный;
Сверху на рамо набросил ремень и меч сребргвоздный
С медяным клинком; и щит захватил, и огромный и крепкий;
Шлем на могучую голову яркоблестящий надвинул
С гривою конскою; гребень ужасный над ним волновался;
Тяжкое поднял копье, но которое было споручно.
Так и Атрид Менелай покрывался оружием, храбрый.

И едва лишь каждый в дружине своей воружился,
Оба они аргивян и троян на средину выходят
С грозно блестящими взорами; ужас смотрящих объемлет
Конников храбрых троян и красивопоножных данаев.
Близко герои сошлись и на месте измеренном стали,
Копья в руках потрясая, свирепствуя друг против друга.
Первый герой Александр послал длиннотенную пику
И ударил жестоко противника в щит круговидный;
Но — не проникнуло меди, согнулось копейное жало
В твердом щите. И воздвигся второй с занесенною пикой
Царь Менелай, умоляющий пламенно Зевса-владыку:

«Зевс! помоги покарать сотворившего мне оскорбленье!
В прах моею рукой низложи Приамида Париса;

Пусть ужасается каждый и в позднорожденных потомках
Злом воздавать за приязнь добродушному гостеприимцу».

Рек он, и, мощно сотрясши, поверг длиннотенную пику
И ударил жестоко противника в щит круговидный;
Щит светозарный насквозь пробежала могучая пика,
Броню насквозь, украшением пышную, быстро пронзила
И на паху подреберном хитон у Париса рассекла,
Бурная; он, лишь отпрянув, погибели черной избегнул.
Сын же Атреев, исторгнув стремительно меч среброгвоздный,
Грянул с размаху по бляхе шелома; но меч, над шеломом
В три и четыре куска раздробившися, пал из десницы.
Царь Менелай возопил, на пространное небо взирая:

«Зевс, ни один из бессмертных, подобно тебе, не злотворен!
Я наконец уповал покарать Александра-злодея;
И в руках у меня сокрушается меч, и напрасно
Вылетел дрот из десницы моей: не могу поразить я!»

Рек, и напал на него, и, за шлем ухватив коневласый,
Быстро повлек, обратившися к пышнопоножным ахейцам.
Стиснул Парисову нежную выю ремень хитрошвенный —
Вплоть у него под брадой проходившая подвязь шелома.
Он и довлек бы его, и покрылся бы славой великой;
Но любимца увидела Зевсова дочь Афродита;
Кожу вола, пораженного силой, она разорвала —
Шлем последовал праздный за мощной рукой Менелая.
Быстро его Атрейо̀н, закруживши на воздухе, ринул
К пышнопоножным данаям, и подняли верные други.
Сам же он бросился вновь, поразить Александра пылая
Медным копьем; но Киприда его от очей, как богиня,
Вдруг похищает и̇, облаком темным покрывши, любимца
В ложницу вводит, в чертог, благовония сладкого полный;
Быстро уходит Елену призвать, и на башне высокой
Ледину дочь, окруженную сонмом троянок, находит,
Тихо рукой потрясает ее благовонную ризу
И говорит, уподобяся старице древлерожденной,
Пряхе, что в прежние дни для нее в Лакедѐмоне-граде
Во̀лну прекрасно пряла и царевну вседушно любила̀,—
Ей уподобяся, так говорит Афродита-богиня:

«В дом возвратися, Елена; тебя Александр призывает.
Он уже дома, сидит в почивальне, на ложе точеном,
Светел красой и одеждой; не скажешь, что юный супруг твой
С мужем сражался и с боя пришел, но что он к хороводу
Хочет идти, иль воссел опочить, хоровод лишь оставив».

Так говорила, и душу Елены в груди взволновала;
Но лишь узрела Елена прекрасную выю Киприды,
Прелести полные перси и страстноблестящие очи,
В ужас пришла, обратилась к богине, и так говорила:

«Ах, жестокая! снова меня обольстить ты пылаешь?
Или меня еще дальше, в какой-либо град многолюдный,
Фригии град иль Меонии радостной хочешь увлечь ты,
Если и там обитает любезный тебе земнородный?
Ныне, когда Менелай, на бою победив Александра,
Снова в семейство меня возвратить, ненавистную, хочет,
Что ты являешься мне с злонамеренным в сердце коварством?
Шествуй к любимцу сама, от путей отрекися бессмертных
И, стопою твоей никогда не касаясь Олимпа,
Вечно при нем изнывай и ласкай властелина, доколе
Будешь им названа или супругою, или рабою!
Я же к нему не пойду, к беглецу; и позорно бы было
Ложе его украшать; надо мною троянские жены
Все посмеются; довольно и так мне для сердца страданий!»

Ей, раздраженная Зевсова дочь, отвечала Киприда:
«Смолкни, несчастная! Или, во гневе тебя я оставив,
Так же могу ненавидеть, как прежде безмерно любила.
Вместе обоих народов, троян и ахеян, свирепство
Я на тебя обращу, и погибнешь ты бедственной смертью!»

Так изрекла; и трепещет Елена, рожденная Зевсом,
И, закрывшись покровом сребристоблестящим, безмолвно,
Сонму троянок невидимо, шествует вслед за богиней.
Скоро достигли они Александрова пышного дома;
Обе служебницы бросились быстро к домашним работам.
Тихо на терем высокий жена благородная всходит.
Там для нее, улыбаясь пленительно, кресло Киприда,
Взяв сама, пред лицом Александровым ставит, богиня.
Села на оном Елена, рожденная Зевсом Кронидом,
Очи назад отвратила и так упрекала супруга:

«С битвы пришел ты? о лучше б, несчастный, навеки погибнул,
Мужем сраженный могучим, моим преждебывшим супругом!
Прежде не сам ли хвалился, что ты Менелая-героя
Силой своей и рукой и копьем превзойдешь в ратоборстве!
Шествуй теперь и Атрида могучего вызови снова;
Лично с героем сразися. Но я не советую; лучше
Мирно покойся и впредь с светлокудрым Атреевым сыном
Ратовать ратью, ни битвою биться не смей безрассудно;
Или, страшись, да его копием укрощен ты не будешь!»

Ей отвечая, Парис устремляет крылатые речи:
«Нет, не печаль мне, супруга, упреками горькими сердца;
Так, сегодни Атрид победил с ясноокой Афиной;
После и я побежду: покровители-боги и с нами.
Ныне почием с тобой и взаимной любви насладимся.
Пламя такое в груди у меня никогда не горело;
Даже в тот счастливый день, как с тобою из Спарты веселой
Я с похищенной бежал на моих кораблях быстролетных,
И на Кранàе с тобой сочетался любовью и ложем.
Ныне пылаю тобою, желания сладкого полный».

Рек он, и шествует к ложу; за ним и Елена-супруга.
Вместе они на блистательно убранном ложе почили.

Сын же Атреев по воинству рыскал, зверю подобный,
Взоры бросая кругом, не увидит ли где Александра.
Но ни единый из храбрых троян и союзников славных
Мощному сыну Атрея не мог указать Александра.
Верно, из дружбы к нему не сокрыл бы никто его зревший:
Всем он и им уже был ненавистен, как черная гибель.

Громко тогда возгласил повелитель мужей Агамѐмнон:
«Слух преклоните, трояне, дардане и рати союзных!
Видимо всем торжество Менелая, любимца Арея.
Вы аргивянку Елену, с богатством ее похищенным,
Выдайте нам и немедленно должную дань заплатите,
Память об ней да прейдет и до поздних племен человеков».
Так Агамѐмнон вещал; и в хвалу восклицали ахейцы.

ПЕСНЬ IV

СОДЕРЖАНИЕ

Боги пиршествуют у Зевса, ст. 1—4. Он между тем говорит о бывшем единоборстве. (Оно, как видели, осталося сомнительным; ибо Парис хотя побежден, но не убит. Кроме этого, с исполнением условий единоборства, т. е. с возвращением Елены Менелаю, как победителю, кончилась бы брань троянская, и Зевс не исполнил бы обета, данного Фетиде, отмстить за обиду Ахиллеса уничижением ахеян в брани.) Вот почему Зевс предлагает на размышление богам: как устроить дело? возобновить ли брань, или положить мир между враждебными народами, возвратив Елену Менелаю и сохранив Трою? 6—19; Гера раздражается, ибо миром она не может удовольствовать ненависти своей к троянам; возражает, упрекает и принуждает Зевса согласиться на разрушение Трои, 20—49. Зевс, по ее убеждению, посылает на землю Афину, равно враждебную троянам; она убеждает Пандара пустить стрелу в Менелая, чтобы таким образом трояне нарушили договор и подали новую причину к брани, 50—104. Но Менелай ранен не в опасное место: Афина отвратила стрелу; язву осматривает и врачует Махàон, 105—219. Между тем трояне, вновь приняв оружие, наступают; ахеяне вооружаются; Агамемнон обходит воинство, 220—250; одних, как Идоменея, 251, Аяксов, 279, Нестора, 293, которые стояли уже в готовности, хвалит ревность; других, Менесфея, Одиссея, 327—364, Диомеда, которые нового нападения еще не слышали, упрекает в медленности, 365—421. После сего брань с обеих сторон возобновляется; боги воспламеняют сердца, Арей и Аполлон — троян, Афина — ахеян, 422—456; многие ознаменовывают доблесть: Антилох убивает Эхепола, 457; Агенор — Элефенора, 463; Аякс Теламонид — Симоизия, 473; Одиссей — Демокоона, 499; Диора, вождя эпеян, поражает Пирос-фракиец, 517; его — Фоас-этолиец, 527—538. С обеих сторон дело идет пламенно, 539—544.

ПЕСНЬ IV

Боги, у Зевса-отца, на помосте златом заседая,
Мирно беседу вели; посреди их цветущая Геба
Нектар кругом разливала; и, кубки приемля златые,
Чествуют боги друг друга, с высот на Трою взирая.
Вдруг олимпиец Кронион замыслил Геру прогневать
Речью язвительной; он, издеваясь, беседовать начал:

«Две здесь богини, помощницы в бранях царя Менелая:
Гера Аргивская и Тритогѐния Алалкомѐна.
Обе, однако, далеко сидя и с Олимпа взирая,
Тем утешаются, но с Александром везде Афродита,
Помощь ему подает, роковые беды отражает,
И сегодня любимца спасла, трепетавшего смерти.
Но, очевидно, победа над ним Менелая-героя.
Боги, размыслим, чем таковое деяние кончить?
Паки ли грозную брань и печальную распрю воздвигнем,
Или возлюбленный мир меж двумя племенами положим?
Если сие божествам и желательно всем и приятно,
Будет стоять нерушимою Троя Приама-владыки,
И с Еленой Аргивскою в дом Менелай возвратится».

Так он вещал; негодуя, вздыхали Афина и Гера;
Вместе сидели они и троянам беды умышляли.
Но Афина смолчала; не молвила, гневная, слова
Зевсу-отцу, а ее волновала свирепая злоба.
Гера же гнева в груди не сдержала, воскликнула к Зевсу:

«Сердцем жестокий Кронион! какой ты глагол произносишь?
Хочешь ты сделать и труд мой ничтожным и пот мой бесплодным,
Коим, трудясь, обливалася? я истомила и коней,
Рать подымая на гибель Приаму и чадам Приама.
Волю твори; но не все от бессмертных ее мы одобрим».

Ей негодующий сердцем ответствовал Зевс-тучеводец:
«Злобная! старец Приам и Приамовы чада какое
Зло пред тобой сотворили, что ты непрестанно пылаешь
Град Илион истребить, благолепную смертных обитель?
Если б могла ты, войдя во врата и троянские стены,
Ты бы пожрала живых и Приама, и всех Приамидов,
И троянский народ — и тогда б лишь насытила злобу!
Делай что сердцу угодно; да горький сей спор напоследок
Грозной вражды навсегда между мной и тобой не положит.
Слово еще изреку я, а ты впечатлей его в сердце:
Если и я, пылающий гневом, когда возжелаю
Град ниспровергнуть, отчизну любезных тебе человеков,—
Гнева и ты моего не обуздывай, дай мне свободу!
Град сей тебе я предать соглашаюсь, душой несогласный.
Так, под сияющим солнцем и твердью небесною звездной
Сколько ни зрится градов, населенных сынами земными,
Сердцем моим наиболее чтима священная Троя,
Трои владыка Приам и народ копьеносца Приама.
Там никогда мой алтарь не лишался ни жертвенных пиршеств,
Ни возлияний, ни дыма: сия бо нам честь подобает».

Вновь провещала к нему волоокая Гера-богиня:
«Три для меня наипаче любезны ахейские града:
Аргос, холмистая Спарта и град многолюдный Микена.
Их истреби ты, когда для тебя ненавистными будут;
Я не вступаюсь за них и отнюдь на тебя не враждую.
Сколько бы в гневе моем ни противилась их истребленью,
Я не успела б и гневная: ты на Олимпе сильнейший.
Но труды и мои оставаться должны ли бесплодны?
Я божество, как и ты, исхожу от единого рода;
И, богиня старейшая, дщерь хитроумного Крона,
Славой сугубой горжусь, что меня и сестрой и супругой
Ты нарицаешь, ты, над бессмертными всеми царящий.
Но оставим вражду и, смиряяся друг перед другом,
Оба взаимно уступим, да следуют нам и другие

Боги бессмертные. Ныне, Кронид, повели ты Афине
Быстро сойти к истребительной брани троян и данаев;
Пусть искушает она, чтоб славою гордых данаев
Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву».

Так говорила; и внял ей отец и бессмертных и смертных;
Речи крылатые он устремил к светлоокой Афине:

«Быстро, Афина, лети к ополченьям троян и данаев;
Там искушай и успей, чтоб славою гордых данаев
Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву».

Рек, и подвигнул давно пылавшую сердцем Афину;
Бурно помчалась богиня, с Олимпа высокого бросясь.
Словно звезда, какую Кронион Зевс посылает
Знаменьем или пловцам иль воюющим ратям народов,
Яркую; вкруг из нее неисчетные сыплются искры,—
В виде таком устремляясь на землю Паллада Афина,
Пала в средину полков; изумление обняло зрящих
Конников храбрых троян и медянодоспешных данаев;
Так говорил не один ратоборец, взглянув на другого:

«Снова войне ненавистной, снова сече кровавой
Быть перед Троей; или полагает мир между нами
Зевс всемогущий, который меж смертными браней решитель».

Так не один говорил в ополченьях троян и ахеян.
Зевсова ж дочь, Антенорова сына приявшая образ,
Мужа Лаодока храброго, в сонмы троянские входит,
Пандара, богу подобного, ищет, кругом вопрошая;
Видит его: непорочный и доблестный сын Ликаонов,
Пандар, стоял, и при нем густые ряды щитоносцев —
Воев, пришедших за ним от священных потоков Эсепа.
Став близ него, устремила богиня крылатые речи:

«Будешь ли мне ты послушен, воинственный сын Ликаона?
Смеешь ли быстрой стрелою ударить в царя Менелая?
В Трое от каждого ты благодарность и славу стяжаешь;
Более ж всех от Приамова сына, царя Александра.
Так, от него ты от первого дар понесешь знаменитый,
Если узрит он, что царь Атрейон, Менелай браноносный,

Свержен твоею стрелой, на костер подымается грустный.
Пандар, дерзай! порази Менелая высокого славой!
Прежде ж обет сотвори луконосцу ликийскому, Фебу,
Агнцев ему первородных принесть знаменитую жертву,
В отческий дом возвратяся, в священные Зелии стены».

Так говоря, безрассудного сердце Афина подвигла.
Лук обнажил он лоснистый, рога быстроскачущей серны,
Дикой, которую некогда сам он под перси уметил,
С камня готовую прянуть: ее, ожидавший в засаде,
В грудь он стрелой угодил и хребтом опрокинул на камень.
Роги ее от главы на шестнадцать ладоней вздымались.
Их, обработав искусно, сплотил рогодел знаменитый,
Вылощил ярко весь лук и покрыл его златом поверхность.
Лук сей блестящий, стрелец, натянувши, искусно изладил,
К долу склонив; и щитами его заградила дружина,
В страхе, да слуги Арея в него не ударят, ахейцы,
Прежде чем будет пронзен Менелай, воевода ахӗян.
Пандар же крышу колчанную поднял и выволок стрѐлу,
Новую стрѐлу крылатую, черных страданий источник.
Скоро к тугой тетиве приспособил он горькую стрѐлу,
И, обет сотворя луконосцу ликийскому, Фебу,
Агнцев ему первородных принесть знаменитую жертву,
В отческий дом возвратяся, в священные Зелии стены,
Разом повлек он и уши стрелы и воловую жилу;
Жилу привлек до сосца и до лука железо пернатой;
И едва круговидный огромный свой лук изогнул он,
Рог заскрипел, тетива загудела, и прянула стрелка
Остроконечная, жадная в сонмы влететь сопротивных.

Но тебя, Менелай, не оставили жители неба,
Вечные боги, и первая дщерь светлоокая Зевса;
Став пред тобою, она возбраняет стреле смертоносной
К телу касаться; ее отражает, как нежная матерь
Гонит муху от сына, сном задремавшего сладким.
Медь направляет богиня туда, где застежки златые
Запон смыкали и где представлялася броня двойная:
Бурноперната горькая в сомкнутый запон упала
И насквозь просадила изящно украшенный запон,
Броню насквозь, украшением пышную, быстро пробила,
Нàвязь медную, тела защиту, стрел сокрушенье,

Часто его защищавшую, самую нàвязь пронзила
И рассекла могучая верхнюю кожу героя;
Быстро багряная кровь заструилась из раны Атрида.

Так, как слоновая кость, обагренная в пурпур женою,
Кàрскою или меòнской, для пышных нащечников кòням,
В доме лежит у владелицы — многие конники страстно
Жаждут обресть, но лежит драгоценная царская утварь,
Должная быть и коню украшеньем и коннику славой,—
Так у тебя, Менелай, обагрилися пурпурной кровью
Бедра крутые, красивые ноги и самые глезны.

В ужас пришел Атрид, повелитель мужей Агамèмнон,
Брата увидевши кровь, изливавшуюсь током из язвы.
В ужас пришел и сам Менелай, воеватель отважный;
Но лишь увидел шипы и завязку пернатой вне тела,
Вновь у Атреева сына исполнились мужества перси.
Тяжко стеная и за руку брата держа, Агамèмнон
Так между тем говорил, и кругòм их стенала дружина:

«Милый мой брат! на погибель тебе договор заключил я,
Выставив против троян одного за данаев сражаться;
Ими пронзен ты; попрали трояне священную клятву!
Но не будут ничтожными клятва, кровавая жертва,
Вин возлиянье и рук сопряженье на верность обета.
Если теперь совершить олимпийский Зевес не рассудит,
Поздно, но он совершит,— и трояне великою платой,
Женами их и детьми, и своими главами заплатят.
Твердо уверен я в том, убеждаяся духом и сердцем,
Будет некогда день, как погибнет высокая Троя,
Древний пòгибнет Приам и народ копьеносца Приама.
Зевс Эгиох, обитатель эфира высокоцарящий,
Сам над главами троян заколеблет ужасным эгидом,
Сим вероломством прогневанный, то неминуемо будет.
Но меж тем, Менелай, и жестокая будет мне горесть,
Если умрешь ты, о брат мой, и жизни предел здесь окончишь.
Я, отягченный стыдом, отойду в многожаждущий Аргос!
Скоро тогда по отечестве все затоскуют ахейцы.
В славу Приаму и в радость троянам, здесь мы оставим
Нашу Елену, и кости твои середь поля истлеют,
Легшие в чуждой троянской земле, не свершенному делу.

Скажет тогда не один беспредельно надменный троянец,
Гордо на гроб наскочив Менелая, покрытого славой:
Если бы так над всеми свой гнев совершал Агамѐмнон!
Он к Илиону ахейскую рать приводил бесполезно;
Он с кораблями пустыми в любезную землю родную
Вспять возвратился, оставивши здесь Менелая-героя.
Так он речет; и тогда расступися земля подо мною!»

Душу ему ободряя, вещал Менелай светловласый:
«Брат, ободрися и в страх не вводи ополчений ахейских;
В место, мне не смертельное, медь вонзилася; прежде
Пояс мой испещренный ее укротил, а под оным
Запон и нȁвязь, которую медники-мужи ковали».

Быстро ему отвечал повелитель мужей Агамѐмнон:
«Было бы истинно так, как вещаешь, возлюбленный брат мой!
Язву же врач знаменитый немедля тебе испытает
И положит врачевств, утоляющих черные боли».

Рек, и к Талфи̊бию-вестнику речь обратил Агамѐмнон:
«Шествуй, Талфи̊бий, и к нам призови ты Махȁона-мужа,
Славного рати врача, Асклѐпия мудрого сына.
Пусть он осмотрит вождя аргивян, Менелая-героя,
Коего ранил стрелою стрелец знаменитый ликийский,
Или троянский, на славу троянам, ахейцам на горесть!»

Рек; и глашатай немедленно слову царя повинулся —
Быстро пошел сквозь толпы, по великому войску данаев,
Окрест смотря по рядам; и героя Махȁона видит:
Пеш он стоял, и кругом его храбрых ряды щитоносцев —
Воев, за ним прилетевших из Трики, обильной конями.
Став близ него, устремляет Талфибий крылатые речи:

«Шествуй, Асклепиев сын; Агамѐмнон тебя призывает;
Шествуй увидеть вождя аргивян, Менелая-героя,
Коего ранил стрелою стрелец знаменитый ликийский,
Или троянский, на славу троянам, ахейцам на горесть!»

Так говорил он, и душу Махȁона в персях встревожил.
Быстро прошли сквозь толпы по великому войску данаев,
И когда притекли, где Атрид Менелай светлокудрый

Был поражен, где собравшись ахейские все властелины
Кругом стояли, а он посреди их, богу подобный,
Врач из плотного запона стрѐлу извлечь поспешает;
Но когда он повлек, закривились шипы у пернатой.
Быстро тогда разрешив пестроблещущий запон, под оным
Пояс и нàвязь, которую медники-мужи ковали,
Язвину врач осмотрел, нанесенную горькой стрелою;
Выжал кровь и, искусный, ее врачевствами осыпал,
Силу которых отцу его Хирон открыл дружелюбный.

Тою порой, как данаи заботились вкруг Менелая,
Быстро троянцев ряды наступали на них щитоносцев;
Снова данаи оружьем покрылись и вспыхнули боем.
Тут не увидел бы ты Агамѐмнона, сына Атрея,
Дремлющим, или трепещущим, или на брань неохотным —
Пламенно к брани, мужей прославляющей, он устремился.
Коней Атрид с колесницею, медью блестящей, оставил;
Их браздодержец могучий держал недалеко, храпящих,
Муж Эвримѐдон, потомок Пирàосов, сын Птолемеев:
Близко держаться Атрид заповедал, на случай, когда он
Члены трудом истомит, обходящий и строящий многих.
Сам, устремившися пеш, проходил он ряды ратоборцев.
Где поспешавших на бой находил аргивян быстроконных,
Духа еще им, представ, придавал возбудительной речью:

«Аргоса вои, воспомните ныне кипящую доблесть!
Нет, небожитель Кронид в вероломствах не будет помощник
Первых, которые, клятвы поправ, нанесли оскорбленье,—
Белое тело их, верно, растерзано вранами будет;
Мы же супруг их цветущих и всех их детей малолетних
В плен увлечем на судах, как возьмем крепкостенную Трою».

Но встречая мужей, на печальную битву коснящих,
Сильно на них нападал, порицая жестокою речью:

«Аргоса вои, стрельцы презренные, нет ли стыда вам?
Что пораженные страхом, как робкие лани, стоите?
Лани, когда утомятся, по чистому бегая полю,
Купой стоят, и нет в их персях ни духа, ни силы,—
Так, пораженные, вы здесь стоите и медлите к бою.
Ждете ли вы, чтоб трояне до самых рядов приступили

Наших судов лепокормных, на береге моря седого,
Там чтоб увидеть вам, вас ли рукой покрывает Кронион?»

Так он начальствуя, вкруг обходил ратоборные строи.
Скоро приближился к критским, идя сквозь толпу ратоборцев:
Критяне строились в бой вкруг отважного Идоменѐя;
Идоменѐй впереди их подобился вепрю, могучий;
Вождь Мерион у него позади возбуждал ополченья.
Их усмотревши, наполнился радостью царь Агамѐмнон
И предводителя критян приветствовал ласковой речью:

«Идоменѐй, тебя среди сонма героев ахейских
Чествую выше я всех, как в боях и деяниях прочих,
Так и на празднествах наших, когда благородным данаям
К пиру почетного чермного чашу вина растворяют;
Где предводители прочие меднодоспешных данаев
Пьют известною мерой, но кубок тебе непрестанно
Полный стоит, как и мне, да пьешь до желания сердца.
Шествуй же к брани таков, как и прежде ты быть в ней гордился».

И Атриду ответствовал критских мужей воевода:
«Славный Атрид, неизменно твоим я останусь другом,
Верным всегда, как и прежде тебе обещал я и клялся.
Но спеши и других возбудить кудреглавых данаев.
Битву скорее начнем; разорвали священные клятвы
Трои сыны! И постигнут их первых беды и погибель;
Первые, клятвы поправ, вероломно они оскорбили!»

Так он вещал; и Атрид удалился, радостный сердцем;
Он устремился к Аяксам, идя сквозь толпу ратоборных:
Оба готовились в бой, окруженные тучею пеших.
Словно как с хо̀лма высокого тучу великую пастырь
Видит, над морем идущую, ветром гонимую бурным,
Издали взору его как смола представляяся черной,
Мчится над морем она, предводящая страшную бурю;
С ужасом пастырь глядит и стада свои гонит в пещеру,—
Вслед таковы за Аяксами юношей, пламенных в битвах,
К брани кровавой с врагом устремлялись фаланги густые,
Черные, грозно кругом и щиты воздымая и копья.
Видя и сих, наполняется радостью царь Агамѐмнон
И, к вождям обратяся, крылатую речь устремляет:

«Храбрые мужи, Аяксы, вожди меднолатных данаев!
Вам я народ возбуждать не даю повелений ненужных:
Сильно вы сами его поощряете к пламенным битвам.
Если б, о Зевс Олимпийский, Афина и Феб-луконосец!
Если б у каждого в персях подобное мужество было,
Скоро пред нами поникнул бы град крепкостенный Приама,
Наших героев руками плененный и в прах обращенный!»

Так произнесши, оставил он их и к другим устремился.
Встретился Нестор ему, сладкогласный вития пилосский:
Строил свои он дружины и дух распалял их на битву.
Окрест его Пелагòн возвышался, Алàстор и Хрòмий,
Гемон, воинственный царь, и Биàнт, предводитель народов.
Конных мужей впереди с колесницами Нестор построил;
Пеших бойцов позади их поставил, и многих и храбрых,
Стену в сражениях бурных; но робких собрал в середину,
С мыслью, чтоб каждый, когда не по воле, по нужде сражался.
Конникам первым давал наставленья, приказывал им он
Коней рядами держать и нестройной толпой не толпиться.

«Нет,— чтоб никто, на искусство езды и на силу надежный,
Прежде других не пылал впереди с сопостатами биться
Или назад обращаться: себя вы ослабите сами.
Кто ж в колеснице своей на другую придет колесницу,
Пику вперед уставь: наилучший для конников способ.
Так поступая, и древние стены и грады громили,
Разум и дух таковой сохраняя в доблестных персях».

Так им советовал старец, давно испытанный в бранях.
Царь Агамèмнон, узрев и его, веселится душою
И, обратяся к нему, устремляет крылатые речи:

«Если бы, старец, доныне еще, как душа твоя в персях,
Ноги служили тебе и осталися в свежести силы?
Но угнетает тебя неизбежная старость; пускай бы
Мужи другие старели, а ты бы блистал между юных!»

И Атриду ответствовал Нестор, конник геренский:
«Так, благородный Атрид, несказанно желал бы и сам я
Быть таковым, как я был, поразивший Эревфалиòна.
Но совокупно всего не дают божества человекам:

Молод я был, а теперь и меня постигнула старость.
Но и таков я пойду между конными; буду бодрить их —
Словом моим и советом: вот честь, остающаясь старцам.
Копья пускай устремляют ахеяне младшие, мужи,
Родшиесь после меня и надежные больше на силу».

Так произнес; и Атрид удаляется, радостный сердцем;
Он Менесфѐя, отличного конника, близко находит
Праздно стоящим, и окрест — афинян, искусных в сраженьях.
Там же, близ Менесфѐя, стоял Одиссей многоумный;
Окрест его кефалленов ряды, не бессильных во брани,
Праздно стояли, еще не слыхавшие бранной тревоги,
Ибо едва устремленные к бою сходились фаланги
Конников быстрых троян и ахеян, и стоя дружины
Ждали, когда, наступивши, ахейская башня[1] другая
Прежде ударит в троян и кровавую битву завяжет.
Так их нашед, возроптал повелитель мужей Агамѐмнон
И к вождям возгласил, устремляя крылатые речи:

«Сын скиптроносца Петея, питомца Крониона Зевса!
Также и ты, одаренный коварствами, хитростей полный!
Что, укрываяся здесь, вы стоите, других ожидая?
Вам из ахейских вождей обоим надлежало бы первым
Быть впереди и пылающей брани в лицо устремляться.
Первые вы от меня и о пиршествах слышите наших,
Если старейшинам пиршество мы учреждаем, ахейцы.
Там приятно для вас насыщаться зажаренным мясом,
Кубками вина сладкие пить до желания сердца;
Здесь же приятно вам видеть, хотя бы и десять ахейских
Вас упредили фаланг и пред вами сражалися медью».

Гневно воззрев на него, отвечал Одиссей знаменитый:
«Речи какие, Атрид, из уст у тебя излетают?
Мы, говоришь ты, от битв уклоняемся? Если, ахейцы,
Мы на троян быстроконных воздвигнем свирепство Арея,
Узришь ты, если захочешь и если участие примешь,
Узришь отца Телемакова в битве с рядами передних
Конников храбрых троян; а слова произнес ты пустые!»

---

[1] Род построения войск.

Гневным узрев Одиссея, осклабился царь Агамѐмнон,
И, к нему обращаяся, начал он новое слово:

«Сын благородный Лаерта, герой Одиссей многоумный!
Я ни упреков отнюдь, ни приказов тебе не вещаю.
Слишком я знаю, что сердце твое благородное полно
Добрых намерений; ты одинаково мыслишь со мною.
Шествуй, о друг! а когда что суровое сказано ныне,
После исправим; но пусть то бессмертные всё уничтожат!»

Так произнесши, оставил вождей и к другим устремился.
Там он Тидида нашел, Диомеда-героя, стоящим
Подле коней и своей составной колесницы блестящей;
С ним стоял и Сфенел, благородная ветвь Капанея.
Гневно и их порицал повелитель мужей Агамѐмнон;
Он к Диомеду воззвал, устремляя крылатые речи:

«Мужа бесстрашного сын, укротителя ко̀ней Тидея,
Что ты трепещешь? и что озираешь пути боевые?
Так трепетать не в обычае было Тидея-героя;
Он впереди, пред дружиною, первый сражался с врагами.
Так говорили — дела его зревшие; я с браноносцем
В подвигах не был, не видел; но всех, говорят, превышал он.
Некогда он, не с войной, но как странник, в микенские стены
Мирный вошел, с Полиником божественным рать собирая.
Брань подымали они на священные фивские стены
И просили микенян дать им союзников славных.
Те соглашалися дать и решились исполнить прошенье;
Но Зевес отвратил их явлением знамений грозных.
Оба вождя отошли и путем обратным достигли
Брега Асопа густокамышного, тучного злаком.
Снова оттуда послом аргивяне послали Тидея
В Фивы, куда и пришел он и вместе обрел там кадмеян
Многих, пирующих в царском дому Этеокловой силы.
Там, невзирая, что странник, Тидей, конеборец могучий,
В страх не пришел, находяся один среди многих кадмеян,
К подвигам их вызывал и на каждом легко сопротивных
Всех победил: таково поборала Тидею Афина.
Злобой к нему воспылали кадмейцы, гонители коней,
И на идущего вспять пятьдесят молодых ратоборцев
Выслали тайно в засаду; и два их вождя предводили:

Мѐон младый, Гемонид, обитателям неба подобный,
И Автофо̀нов сын, Ликофо̀н, ненасытимый боем.
Но Тидей и для них жестокий конец уготовил:
Всех поразил их и дал лишь единому в дом возвратиться;
Мѐона он отпустил, покоряяся знаменьям бога.
Так был воинствен Тидей-этолиец! Но сына родил он,
Доблестью бранною низшего, высшего только витийством».

Рек он; ни слова царю Диомед не ответствовал храбрый,
Внемля с почтеньем укоры почтенного саном владыки;
Но возразил Агамѐмнону сын Капанея-героя:

«Нет, о Атрид, не неправдуй, тогда как и правду ты знаешь.
Мы справедливо гордимся, что наших отцов мы храбрее:
Воинство в меньшем числе приведя под Арееву стену,
Мы и престольные Фивы разрушили, град семивратный,
Знаменьям веря богов и надеясь на Зевсову помощь.
Наши ж отцы своим безрассудством себя погубили.
Славы отцов не равняй, Агамѐмнон, со славою нашей!»

Грозно взглянув на него, возразил Диомед благородный:
«Молча стой, Капанид, моему повинуясь совету:
Я не вменяю в вину, что владыка мужей Агамѐмнон
Дух возбуждает к сражению пышнопоножных данаев.
Слава ему, предводителю, если данайские мужи
Мощь одолеют троян и святой Илион завоюют;
Тяжкая горесть ему же, когда одолеют данаев.
Но устремимся, и сами воспомним кипящую храбрость!»

Рек, и с высот колесницы с оружием прянул на землю.
Страшно медь зазвучала вкруг персей царя Диомеда,
В бой полетевшего; мужа храбрейшего обнял бы ужас.

Словно ко брегу гремучему быстрые волны морские
Идут, гряда за грядою, клубимые зѐфиром-ветром;
Прежде средь моря они воздымаются; после, нахлынув,
С громом об берег дробятся ужасным, и выше утесов
Волны понурые плещут и брызжут соленую пену,—
Так непрестанно, толпа за то̀лпою, данаев фаланги
В бой устремляются; каждой из них отдает повеленья
Вождь; а воины идут в молчании; всякий спросил бы;

Столько народа идущего в персях имеет ли голос?
Вои молчат, почитая начальников: пышно на всех их
Пестрые сбруи сияют, под коими шествуют стройно.
Но трояне, как овцы, богатого мужа в овчарне
Стоя, тьмочисленные, и млеком наполняя дойницы,
Все непрестанно блеют, отвечая блеянию агнцев,—
Крик такой у троян раздавался по рати великой;
Крик сей и звук их речей не у всех одинаковы были,
Но различный язык разноземных народов союзных.
Их возбуждает Арей, а данаев Паллада Афина,
Ужас насильственный, Страх и несытая бешенством Распря,
Бога войны, мужегубца Арея сестра и подруга —
Малая в самом начале, она пресмыкается; после
В небо уходит главой, а стопами по долу ступает.—
Распря, на гибель взаимную, сеяла ярость меж ратей,
Рыща кругом по толпам, умирающих стон умножая.

Рати, одна на другую идущие, чуть соступились,
Разом сразилися кожи, сразилися копья и силы
Воинов, медью одеянных; выпуклобляшные разом
Сшиблись щиты со щитами; гром раздался ужасный.
Вместе смешались победные крики и смертные стоны
Воев губящих и гибнущих; кровью земля заструилась.
Словно когда две реки наводненные, с гор низвергаясь,
Обе в долину единую бурные воды сливают,
Обе из шумных истоков бросаясь в пучинную пропасть;
Шум их далеко пастырь с утеса нагорного слышит,—
Так от сразившихся воинств и гром разлиялся и ужас.

Первый тогда Антилох поразил у троян браноносца
Храброго, между передних, Фалѝзия ветвь, Эхепо̀ла.
Быстро его поражает он в бляху косматого шлема
И пронзает чело: пробежало глубо̀ко внутрь кости
Медное жало, и тьма Эхеполовы очи покрыла;
Грянулся он, как великая башня средь бурного боя.
Тело упадшего за̀ ноги царь захватил Элефѐнор,
Сын Халкодо̀нов, воинственный вождь крепкодушных абантов,
И повлек из-под стрел, поспешая скорее с троянца
Латы совлечь,— но недолго его продолжалась забота:
Влекшего труп усмотрев, крепкодушный воитель Агѐнор
В бок, при наклоне его от ограды щита обнаженный,

Сулицей медной пронзил и могучего крепость разрушил.
Там он дух испустил; и при нем загорелося дело —
Яростный бой меж троян и ахеян: как волки бросались
Вои одни на других; человек с человеком сцеплялся.

Тут поражен Теламонидом сын Анфемиона юный,
Жизнью цветущий, герой Симоисий, которого матерь,
Некогда с Иды сошедшая вместе с своими родными
Видеть стада, родила на зеленых брегах Симоиса;
Родшийся там наречен Симоисием, но и родившим
Он не воздал за свое воспитание: краток во цвете
Был его век, Теламонова сына копьем пресеченный.
Он устремлялся вперед, как его поразил Теламонид
В грудь близ десного сосца; на другую страну через рамо
Вышло копье, и на землю нечистую пал он, как тополь,
Влажного луга питомец, при блате великом возросший,
Ровен и чист, на единой вершине раскинувший ветви,
Тополь, который избрав, колесничник железом блестящим
Ссек, чтоб в колеса его для прекрасной согнуть колесницы;
В прахе лежит он и сохнет на бреге потока родного,—
Юный таков Симоисий лежал, обнаженный доспехов
Мощным Аяксом. В Аякса же вдруг Приамид, пестролатный
Антиф, наметя меж толпища, пикою острой ударил,
Но промахнулся; она Одиссеева доброго друга
Левка ударила в пах, увлекавшего мертвое тело;
Вырвалось тело из рук, и упал он близ мертвого мертвый.
Гневом герой Одиссей за его, пораженного, вспыхнул;
Выступил дальше передних, колебля сверкающей медью;
К телу приближася, стал и, кругом оглянувшися, мощно
Ринул блистающий дрот; отступили враги от удара
Мужа могучего; он же копье ненапрасное ринул:
Демокоона уметил, побочного сына Приама,
В дом из Абида притекшего, с паств кобылиц легконогих.
Пикой его Лаертид, раздраженный за друга, уметил
Прямо в висок — на другую страну сквозь висок просверкнула
Острая пика,— и тьма Приамидовы очи покрыла:
С шумом на дол он упал, и взгремели на падшем доспехи.
Вспять подались и передних ряды и божественный Гектор;
Громко вскричали ахеян сыны и, похитивши трупы,
Ринулись прямо, пробились вперед; Аполлон раздражился,
Смотря с Пергамских высот, и воскликнул, троян возбуждая:

«Конники Трои, вперед! не давайте вы бранного поля
Гордым ахейцам; их груди не камень, тела не железо,
Чтобы меди удары, пронзающей тело, ничтожить.
Днесь и Пелид не воинствует, сын лепокудрой Фетиды:
Он пред судами гнев, сокрушительный сердцу, питает».

Так им из града гремел он, ужасный; но воев ахейских
Зевсова славная дочь, Тритогения, дух возбуждала,
Быстро носясь по толпам, где медлительных видела воев.

Тут Амари̇нкова сына, Дио̇ра, судьба оковала:
Камнем он был поражен рукометным, жестоко зубри̇стым,
В правую голень; его поразил предводитель фракиян,
Пи̇рос-герой, Имбрази̇д, к Илиону из Эны притекший.
Обе на голени жилы и кость раздробил совершенно
Камень бесстыдный, и навзничь, шатаяся, в прах Амаринкид
Грянулся, руки дрожащие к милым друзьям простирая,
Дух преда̇ющий; а тут прилетел поразивший фракиец,
Пи̇рос могучий, и пику вонзил средь утробы; на землю
Вылилась внутренность вся, и мрак осенил ему очи.

Пироса бурного пикой ударил Фоас-этолиец
В перси, выше сосца, и вонзилася в легкое пика.
Быстро примчался Фоас-этолиец; могучую пику
Вырвал из персей фракийца и, меч обнажив изощренный,
В чрево его посредине ударил и душу исторгнул;
Сбруи ж похитить не мог: обступали героя фракийцы,
Мужи высокочубастые, грозно уставивши копья.
Ими, сколь ни был огромен, и крепок, и мужеством славен,
Прогнан Фоас; и назад отступил, поколебанный силой.
Так по кровавому праху один близ другого простерлись
Копьями грозных фракиян и меднооружных эпеян
Два воеводы, и окрест их многие пали другие.

Делу сему не хулу произнес бы свидетель присущий,
Если б, еще невредимый, не раненный острою медью,
Он среди боя вращался и если б Афины Паллады
Дланию был предводим и от ярости стрел охраняем.
Много и храбрых троян и могучих данаев в день оный
Ниц, по кровавому праху, простерлося друг подле друга.

ПЕСНЬ V

СОДЕРЖАНИЕ

Диомед, воспламененный Афиною, отличается мужеством: сынов Дареса одного убивает, другого обращает в бегство, ст. 1—29. Между тем Афина удаляет от битвы Арея; ахеяне отражают троян, многих убивают, которые и исчисляются, 30—84. Но ужасней всех свирепствует Диомед: раненный стрелою Пандара, 95—113, он немедленно исцеляется Афиною, его мольбой призванною, и, ею возбужденный разить Киприду, если бы она явилася в брани, сражается пламеннее прежнего и многих убивает, 114—165: Пандара, прежде пешим сражавшегося, а теперь на колеснице, вдвоем с Энеем, на него нападающего, убивает, 167—296; Энея, защищающего тело друга, ранит камнем, 297—310; Киприду, раненого сына уносящую из брани, уязвляет копьем в руку, 311—361. Киприда, Ирисою из битвы изведенная, выпрашивает у Арея колесницу и удаляется на Олимп, где матерь ее, Диона, утешает, Гера и Афина над нею издеваются, а Зевс дает ей благие советы, 352—431. Энея, оставленного Кипридою, Аполлон избавляет от свирепства Диомедова и вносит в свой храм троянский, где Лета и Артемида его исцеляют; а сам он, призрак Энея представя сражающимся, Арея вновь призывает ко брани, 432—460. Арей одушевляет троян; Сарпедон упреками воспламеняет Гектора; сражение возобновляется, и Эней, исцеленный, вновь предстает обрадованным троянам, 461—518. Ахеяне вновь одушевляются Агамемноном, 519—532. С обеих сторон сражаются храбро и убивают многих, 533—627. Тлиполем и Сарпедон, оба, друг другом раненные, уносятся из битвы, 628—669. Сарпедона силы восстанавливаются; между тем Гектор воспламеняет бой, принуждает ахеян отступить и многих убивает, 680—710. Гера и Афина, чтобы помочь утесненным ахейцам, готовятся к брани; описание их колесницы и оружий, 711—756. Богини, с согласия Зевса, устремляются от Олимпа, 757—777. Гера, голосом Стентора, одушевляет ахеян; Афина упрекает Диомеда, восходит с ним на колесницу, возбуждает его на самого Арея, на которого Диомед нападает и ранит бога, 778—863. Арей немедленно удаляется на Олимп и по повелению Зевса Пеоном исцеляется; Гера и Афина, вслед за ним, возвращаются на небо, 864—909.

ПЕСНЬ V

В оное время Афина Тидея великого сыну
Крепость и смелость дала, да отличнейшим он между всеми
Аргоса воями будет и громкую славу стяжает.
Пламень ему от щита и шелома зажгла неугасный,
Блеском подобный звезде той осенней, которая в небе
Всех светозарнее блещет, омывшись в волнах Океана,—
Пламень подобный зажгла вкруг главы и рамен Диомеда
И устремила в средину, в ужасное брани волненье.

Был в Илионе Дарѐс, непорочный священник Гефеста,
Муж и богатый и славный, и было у старца два сына,
Хабрый Фегѐс и Идей, в разнородных искусные битвах.
Оба они, отделясь, полетели против Диомеда;
Но они на конях; Диомед устремляется пеший.
Только лишь стали сближаться, идущие друг против друга,
Первый троянец Фегѐс устремил длиннотенную пику;
Низко, блестящая жалом, над левым плечом Диомеда
Медь пронеслася, не ранив его; и воздвигнулся с пикой
Он, и его не напрасно копье из руки полетело:
В грудь меж сосцов поразил и противника сбил с колесницы.
Спрянул Идей, побежал, колесницу прекрасную бросив;
В трепете сердца не смел защитить и убитого брата;
Он бы и сам не избег от грозящего, черного рока,
Но исторгнул Гефест и, покрытого мрачностью ночи,
Спас, да не вовсе отец сокрушится печалью о детях.
Коней меж тем изловив, Диомед, воеватель могучий,
Вверил дружине, да гонят к судам многоместным. Трояне,

Бодрые в битве дотоле, узрев, что Даресовы чада —
Тот устрашенный бежит, а другой с колесницы низвержен,
Духом смутилися все; и тогда Паллада Афина,
За руку взявши, воскликнула к бурному богу Арею:

«Бурный Арей, истребитель народов, стен сокрушитель,
Кровью покрытый! не бросим ли мы и троян и ахеян
Спорить одних, да Кронид-промыслитель им славу присудит?
Сами ж с полей не сойдем ли, да Зевсова гнева избегнем?»

Так говоря, из сражения вывела бурного бога
И посадила его на возвышенном бреге Скамандра.
Гордых троян отразили данаи; низверг браноносца
Каждый их вождь; и первый владыка мужей Агамѐмнон
Мощного сбил с колесницы вождя гализо̀нов, Годѝя;
Первому, в бег обращенному, пику ему Агамѐмнон
В спину меж плеч углубил и сквозь перси широкие выгнал;
С шумом на землю он пал, и взгремели на падшем до̀спехи.
Идоменѐй поразил меонийцем рожденного Бором,
Феста, притекшего к брани из Тарны, страны плодоносной.
Мужа сего Девкалѝд-копьеносец копьем длиннотенным
Вдруг, в колесницу всходившего, в правое рамо ударил,
В прах с колесницы он пал и ужасною тьмой окружился;
Быстро его обнажили царя Девкалѝда клевреты.

Там же Скама̀ндрий Строфѝд, молодой звероловец иску̀сный,
Пал, Менелая Атрида поверженный ясенной пикой,
Славный стрелец; изученный самою богинею Фебой,
Всех он зверей поражал, и холмов и дубравы питомцев;
Но его не спасла ни стрельбой веселящаясь Феба,
Ни искусство, каким он, стрелец дальнометкий, гордился:
Юношу сильный Атрид Менелай, знаменитый копейщик,
Близко его убегавшего, ясенной пикою острой
В спину меж плеч поразил и сквозь перси кровавую выгнал;
Грянулся в прах он лицом, зазвучала кругом его сбруя.

Вождь Мерион Ферѐкла повергнул, Гармонова сына,
Зодчего мужа, которого руки во всяком иску̀сстве
Опытны были; его безмерно любила Паллада;

Он и Парису-герою суда многовеслые строил,
Бедствий начало, навлекшие гибель как всем илионцам,
Так и ему: не постигнул судеб он богов всемогущих.
Воя сего Мерион, пред собою гоня и настигнув,
Быстро в десное стегно поразил копием — и глубоко,
Прямо в пузырь, под лобковою костью, проникнуло жало;
С воплем он пал на колена, и падшего смерть осенила.

Мѐгес Педѐя сразил. Антенорова храброго сына.
Сын незаконный он был, но его воспитала Феана
С нежной заботой, как собственных чад, угождая супругу.
Мегес Фили̇д, на него устремяся, копейщик могучий,
В голову около тыла копьем поразил изощренным —
Медь, меж зубов пролетевши, подсекла язык у Педея,
Грянулся в прах он и медь холодную стиснул зубами.

Вождь Эврипил Эвемо̀нид сразил Гипсено̀ра-героя,
Ветвь Долопи̇она-старца, который, возвышенный духом,
Был у Скамандра священник и чтился как бог от народа.
Мужа сего Эврипил, блистательный сын Эвемонов,
В бегстве узрев пред собою, догнал на бегу и по раму
Острым мечом поразил и отнес жиловатую руку;
Там же рука кровавая пала на прах, и троянцу
Очи смежила кровавая Смерть и могучая Участь.

Так воеводы сии подвизались на пламенной битве.
Но Диомеда-вождя не узнал бы ты, где он вращался,
С кем воевал — с племенами троян, с племенами ль ахеян?
Реял по бранному полю, подобный реке наводненной,
Бурному в осень разливу, который мосты рассыпает;
Бега его укротить ни мостов укрепленных раскаты,
Ни зеленых полей удержать плотины не могут,
Если незапный он хлынет, дождем отягченный Зевеса;
Вкруг от него рассыпаются юношей красных работы,—
Так от Тидида кругом волновались густые фаланги
Трои сынов и стоять не могли, превосходные силой.

Скоро героя увидел блистательный сын Ликао̀нов,
Как он, крутясь по полям, волновал пред собою фаланги;
Скоро на сына Тидеева лук напрягал со стрелою
И, на скакавшего бросив, уметил по правому раму

В бронную лату. Насквозь пролетела крылатая стрелка,
Прямо вонзилась в плечо,— оросилася кровию броня.
Громко воскликнул, гордяся, блистательный сын Ликаонов:

«Други, вперед! ободритесь, трояне, бодатели коней!
Ранен славнейший аргивец; и он, уповаю, не может
Долго бороться с стрелою могучею, ежели точно
Феб сребролукий меня устремил из пределов ликийских!»

Так он кричал, возносясь; но героя стрела не смирила:
Мало Тидид отступив, впереди колесницы и коней
Стал и к Сфенелу воззвал, Капанееву храброму сыну:

«Друг Капанид, поспеши на мгновенье сойти с колесницы
Чтоб извлечь у меня из рама горькую стрѐлу».

Так он сказал; и Сфенел с колесницы спрянул на землю;
Стал за хребтом и из рама извлек углубившуюсь стрѐлу;
Брызнула быстро багряная кровь сквозь кольчатую броню;
И взмолился тогда Диомед, воеватель могучий:

«Слух преклони, необорная дщерь громоносного Зевса!
Если ты мне и отцу поборать благосклонно любила
В брани пылающей, будь мне еще благосклонной, Афина!
Дай мне того изойти и копейным ударом постигнуть,
Кто, упредивши, меня уязвил и, надмен, предвещает,—
В жизни недолго мне видеть свет лучезарного солнца!»

Так восклицал он, молясь, и вняла ему дочь громовержца;
Члены героя соделала легкими, ноги и руки,
И, приближась к нему, провещала крылатые речи:

«Ныне дерзай, Диомед, и без страха с троянами ратуй.
В перси тебе я послала отеческий дух сей бесстрашный,
Коим, щита потрясатель, Тидей обладал конеборец;
Мрак у тебя от очей отвела, окружавший их прежде;
Ныне ты ясно познаешь и бога и смертного мужа.
Шествуй, и если бессмертный, тебя искушая, предстанет,
Ты на бессмертных богов, Диомед, не дерзай ополчаться,
Кто ни предстанет; но если Зевесова дочь, Афродита,
Явится в брани, рази Афродиту острою медью».

Так говоря, отошла светлоокая дочь громовержца.
Сын же Тидеев, назад обратившися, стал меж передних,
И, как ни пламенно прежде горел он с врагами сражаться,
Ныне трикраты сильнейшим, как лев, распылался он жаром,
Лев, которого пастырь в степи, у овец руноносных,
Ранил легко, чрез ограду скакавшего, но, не сразивши,
Силу лишь в нем пробудил; и уже, отразить не надеясь,
Пастырь под сень укрывается; мечутся сирые овцы;
Вкруг по овчарне толпятся, одни на других упадают;
Лев распаленный назад, чрез высокую скачет ограду,—
Так распаленный Тидид меж троян ворвался, могучий.

Там Астинòя поверг и народов царя Гипенòра;
Первого в грудь у сосца поразил медножальною пикой,
А другого мечом, по плечу возле выи, огромным
Резко ударив, плечо отделил от хребта и от выи.
Бросивши сих, на Абàса напал и вождя Полиѝда,
Двух Эвридàма сынов, сновидений гадателя-старца;
Им, отходящим, родитель не мог разгадать сновидений;
С них Диомед могучий, с поверженных, сорвал корысти.
После пошел он на Ксàнфа и Фòона, двух Фенопѝдов,
Фенопса поздных сынов; разрушаемый старостью скорбной,
Он не имел уже сына, кому бы стяжанья оставить.
Их Диомед повергнул и сладкую жизнь у несчастных
Братьев похитил; отцу же — и слезы и мрачные скорби
Старцу оставил: детей, возвратившихся с брани кровавой,
Он не обнял; наследство его разделили чужие.

Там же двух он сынов захватил Дарданѝда Приама,
Бывших в одной колеснице, Хромѝя и с ним Эхемòна;
И, как лев на тельцов нападает и вдруг сокрушает
Выю тельцу иль телице, пасущимся в роще зеленой,—
Так обоѝх Приамѝдов с коней Диомед, не хотящих,
Сбил беспощадно на прах и сорвал с пораженных доспехи,
Коней же отдал клевретам, да гонят к кормам корабельным.

Храбрый Эней усмотрел истребителя строев троянских;
Быстро пошел сквозь гремящую брань, сквозь жужжащие копья,
Пандара, богу подобного, смòтря кругом, не найдет ли;
Скоро нашел Ликаонова храброго, славного сына,
Стал перед ним и такие слова говорил, негодуя:

«Пандар! где у тебя и лук и крылатые стрелы?
Где твоя слава, которой никто из троян не оспорил,
И в которой ликиец тебя превзойти не гордился?
Длани к Зевесу воздень и пусти ты пернатую в мужа,
Кто бы он ни был, могучий: погибели много нанес он
Ратям троянским; и многим и сильным сломил он колена!
Разве не есть ли он бог, на троянский народ раздраженный?
Гневный, быть может, за жертвы? а гнев погибелен бога!»

Быстро Энею ответствовал славный сын Ликаонов:
«Храбрый Эней, благородный советник троян меднолатных!
Сыну Тидея могучему, кажется, муж сей подобен:
Щит я его узнаю и с забралом шелом дыроокий;
Вижу его и коней, но не бог ли то, верно не знаю.
Если сей муж, как поведал я, сын бранодушный Тидеев,
Он не без бога свирепствует; верно, при нем покровитель
Бог предстоит, обвив рамена свои облаком темным:
Он от него и стрелу налетавшую быстро отринул.
Я уже бросил стрелу и уметил Тидеева сына
В рамо десное, пробив совершенно доспешную лату,
И уже уповал, что его я повергнул к Аиду;
Нет, не повергнул! Есть, без сомнения, бог прогневленный!
Ко̀ней со мною здесь нет, для сражения нет колесницы;
В Зелии, в доме отца, у меня их одиннадцать пышных,
Новых, недавно отделанных; к бережи их, покрывала
Окрест висят, и для каждой из них двуяремные кони
Подле стоят, утучняяся полбой и белым ячме́нем.
Нет, не напрасно меня Ликаон, воинственный старец,
Так увещал, отходящего к брани, в отеческом доме:
Старец наказывал мне, ополчась на конях, в колеснице
Трои сынов предводить на побоищах бурных сражений.
Я не послушал отца, а сие бы полезнее было.
Коней хотел пощадить, чтоб у граждан, в стенах заключенных,
В корме они не нуждались, привыкнув питаться роскошно.
Коней оставил, и так устремился я пеш к Илиону,
Твердо надежный на лук, но сей лук для меня не помощник!
В двух воевод знаменитейших бросил я меткие стрелы:
В сына Тидея и в сына Атрея; того и другого
Ранивши, светлую кровь я извлек и озлобил их больше.
В злую годину, я вижу, и лук и пернатые стрелы
Снял со столба я в тот день, как решился в веселую Трою

Рати троянские весть, угождая Приамову сыну.
Если я вспять возвращусь и увижу моими очами
Землю родную, жену и отеческий дом наш высокий —
Пусть иноземец враждебный тогда же мне голову срубит,
Если я лук сей и стрелы в пылающий пламень не брошу,
В щепы его изломав: бесполезный он был мне сопутник!»

Пандару быстро Эней, предводитель троян, возражает:
«Так не вещай, Ликаонид любезный! не будет иначе
Прежде, нежели мы человека сего, в колеснице
Противостав, не изведаем оба оружием нашим.
Шествуй ко мне, взойди на мою колесницу, увидишь,
Троса кони каковы, несказанно искусные полем
Быстро летать и туда и сюда, и в погоне и в бегстве.
К граду и нас унесут они, бурные, если б и снова
Славу Зевс даровал Диомеду Тидееву сыну.
Шествуй, любезный; и бич и блестящие конские вожжи
В руки прийми ты, а я с колесницы сойду, чтоб сразиться.
Или врага принимай ты, а я озабочусь конями».

Но ему возражает блистательный сын Ликаонов:
«Сам удержи ты бразды и правь своими конями:
Прытче они под возницей привычным помчат колесницу,
Ежели мы побежим пред могучим Тидеевым сыном.
Или, они оробевши замнутся, и с бранного поля
Нас понесут неохотно, знакомого крика не слыша.
Тою порою нагрянет на нас Диомед дерзновенный,
Нас обоих умертвит и похитит коней знаменитых.
Ты, Анхизид, удержи и бразды, управляй и конями;
Я же его, налетевшего, пикою острою встречу».

Так сговоряся и оба в блистательной став колеснице,
Вскачь на Тидеева сына пустили коней быстроногих.
Их усмотревши, Сфенел, знаменитый сын Капанеев,
К сыну Тидея немедля крылатую речь устремляет:

«Храбрый Тидид Диомед, о друг, драгоценнейший сердцу!
Вижу могучих мужей, налетающих биться с тобою.
Мощь обоих неизмерима: первый — стрелец знаменитый
Пандар, гордящийся быть Ликаона Ликийского сыном;
Тот же — троянец Эней, добродушного мужа Анхиза

Сын, нарицающий матерью Зевсову дочь Афродиту.
Стань в колесницу, и вспять мы уклòнимся; так не свирепствуй,
Между передних бросаясь, да жизни своей не погубишь».

Грозно взглянув на него, отвечал Диомед нестрашимый:
«Смолкни, о бегстве ни слова! к нему ты меня не преклонишь!
Нет, не в породе моей, чтобы вспять отступать из сражений,
Или, робея, скрываться: крепка у меня еще сила!
Мне даже леность всходить в колесницу; но так, как ты видишь,
Пеш против них я иду; трепетать не велит мне Афина.
Их в колеснице обратно не вынесут быстрые кони;
Оба от нас не уйдут, хоть один и укрылся бы ныне.
Молвлю тебе я иное, а ты сохрани то на сердце:
Ежели мне Тритогения мудрая славу дарует
Их обоих поразить, быстроногих ты собственных коней
Здесь удержи, затянувши бразды за скобу колесницы;
Сам, не забудь, Капанид, на Энеевых коней ты бросься
И гони от троян к ополчениям храбрых данаев.
Кони сии от породы, из коей Кронид-громовержец
Тросу, ценою за сына, за юного дал Ганимеда;
Кони сии превосходнее всех под авророй и солнцем.
Сей-то породы себе у царя Лаомèдона тайно
Добыл Анхиз-властелин, из своих кобылиц подославши:
Шесть у Анхиза в дому родилòся породы сей кòней;
Он, четырех удержав при себе, воспитал их у яслей;
Двух же Энею отдал, разносящих в сражениях ужас.
Если сих кòней похитим, стяжаем великую славу!»

Тою порой, как на месте герои взаимно вещали,
Близко враги принеслися, гонящие кòней их бурных.
Первый к Тидиду воскликнул блистательный сын Ликаонов:

«Пламенный сердцем, воинственный, сын знаменитый Тидея!
Быстрой моею стрелой не смирен ты, пернатою горькой;
Ныне еще испытаю копьем, не вернее ль умечу».

Рек он, и, мощно сотрясши, послал длиннотенную пику
И поразил по щиту Диомеда; насквозь совершенно
Острая медь пролетела и звучно ударилась в броню.

Радуясь, громко воскликнул блистательный сын Ликаонов:
«Ранен ты в пах и насквозь! и теперь, я надеюсь, недолго
Будешь страдать; наконец даровал ты мне светлую славу!»

Быстро ему, не смутясь, отвечал Диомед благородный:
«Празден удар, ты обманут! но вы, я надеюся, оба
Прежде едва ль отдохнете, доколе один здесь не ляжет,
Кровью своею насытить несытого бранью Арея!»

Так произнес, и поверг; и копье направляет Афина
Пандару в нос близ очей; пролетело сквозь белые зубы,
Гибкий язык сокрушительной медью при корне отсекло
И, острием просверкнувши насквозь, замерлò в подбородке.
Рухнулся он с колесницы, взгремели на падшем доспехи
Пестрые, пышноблестящие; дрогнули троские кони
Бурные; там у него и душа разрешилась и крепость.

Прянул на землю Эней со щитом и с огромною пикой
В страхе, да Пандаров труп у него не похитят ахейцы.
Около мертвого хòдя, как лев, могуществом гордый,
Он перед ним и копье уставлял и щит круговидный,
Каждого, кто б ни приближился, душу исторгнуть грозящий
Криком ужасным. Но камень рукой захватил сын Тидеев,
Страшную тягость, какой бы не подняли два человека
Ныне живущих людей; но размахивал им и один он;
Камнем Энея таким поразил по бедру, где крутая
Лядвея ходит в бедре по составу, зовомому чашкой;
Чашку удар раздробил, разорвал и бедèрные жилы,
Сорвал и кожу камень жестокий; герой пораженный
Пал на колено вперед; и, колеблясь, могучей рукою
В дол упирался, и взор его черная ночь осенила.

Тут неизбежно погиб бы Эней, предводитель народа,
Если б того не увидела Зевсова дочь Афродита,
Матерь, его породившая с пастырем юным, Анхизом.
Около милого сына обвив она белые руки,
Ризы своей перед ним распростерла блестящие сгибы,
Кроя от вражеских стрел, да какой-либо конник данайский
Медию персей ему не пронзит и души не исторгнет.
Так уносила Киприда любезного сына из боя.

Тою порою Сфенел Капанѝд не забыл наставлений,
Данных ему Диомедом, воинственным сыном Тидея:
Коней своих звуконогих вдали от бранной тревоги
Он удержал и, бразды затянув за скобу колесницы,

Бросился быстро на праздных Энея коней пышногривых,
И, отогнав от троян к меднолатным дружинам ахеян,
Другу отдал Деипи́лу, которого сверстников в сонме
Более всех он любил, по согласию чувств их сердечных,
Гнать повелев к кораблям мореходным; сам же, бесстрашный,
Став в колеснице своей и блестящие вожжи ослабив,
Вслед за Тидидом-царем на конях звуконогих понесся,
Пламенный. Тот же Киприду преследовал медью жестокой,
Знав, что она не от мощных богинь, не от оных бессмертных,
Кои присутствуют в бранях и битвы мужей устрояют,
Так, как Афина или как громящая грады Энио.
И едва лишь догнал, сквозь густые толпы пролетая,
Прямо уставив копье, Диомед, воеватель бесстрашный,
Острую медь устремил и у кисти ранил ей руку
Нежную; быстро копье сквозь покров благовонный, богине
Тканный самими харитами, кожу пронзило на длани
Возле перстов; заструилась бессмертная кровь Афродиты,
Влага, какая струится у жителей неба счастливых,
Ибо ни брашн не ядят, ни от гроздий вина не вкушают;
Тем и бескровны они, и бессмертными их нарицают.
Громко богиня вскричав, из объятий бросила сына;
На руки быстро его Аполлон и приял и избавил,
Облаком черным покрыв, да какой-либо конник ахейский
Медию персей ему не пронзит и души не исторгнет.

Грозно меж тем на богиню вскричал Диомед-воеватель:
«Скройся, Зевесова дочь! удалися от брани и боя.
Или еще не довольно, что слабых ты жен обольщаешь?
Если же смеешь и в брань ты мешаться, вперед, я надеюсь,
Ты ужаснешься, когда и название брани услышишь!»

Рек; и она удаляется смутная, с скорбью глубокой.
Быстро Ириса ее, поддержав, из толпищ выводит
В омраке чувств от страданий; померкло прекрасное тело!
Скоро ошуюю брани богиня находит Арея;
Там он сидел; но копье и кони бессмертные были
Мраком одеты; упав на колена, любезного брата
Нежно молила она и просила коней златосбруйных:

«Милый мой брат, помоги мне, дай мне коней с колесницей,
Только достигнуть Олимпа, жилища богов безмятежных.

Страшно я мучуся язвою; муж уязвил меня смертный,
Вождь Диомед, который готов и с Зевесом сразиться!»

Так изрекла; и Арей отдает ей коней златосбруйных.
Входит она в колесницу с глубоким крушением сердца;
С нею Ириса взошла и, бразды захвативши в десницу,
Ко̀ней стегнула бичом; полетели послушные кони;
Быстро достигнули высей Олимпа, жилища бессмертных.
Там удержала коней ветроногая вестница Зевса
И, отрешив от ярма, предложила амврозию в пищу.
Но Киприда стенящая пала к коленам Дионы,
Матери милой, и матерь в объятия дочь заключила,
Нежно ласкала рукой, вопрошала и так говорила:

«Дочь моя милая, кто из бессмертных с тобой дерзновенно
Так поступил, как бы явно какое ты зло сотворила?»

Ей, восстенав, отвечала владычица смехов Киприда:
«Ранил меня Диомед, предводитель аргосцев надменный,
Ранил за то, что Энея хотела я вынесть из боя,
Милого сына, который всего мне любезнее в мире.
Ныне уже не троян и ахеян свирепствует битва;
Ныне с богами сражаются гордые мужи данаи!»

Ей богиня почтенная вновь говорила Диона:
«Милая дочь, ободрись, претерпи, как ни горестно сердцу.
Много уже от людей, на Олимпе живущие боги,
Мы пострадали, взаимно друг другу беды устроя.
Так пострадал и Арей, как его Эфиа̀лтес и О̀тос,
Два Алоѝда огромные, страшною цепью сковали;
Скован, тринадцать он месяцев в медной темнице томился.
Верно бы там и погибнул Арей, ненасытимый бранью,
Если бы мачеха их, Эривѐя прекрасная, тайно
Гермесу не дала вести; Гермес Арея похитил,
Силы лишенного: страшные цепи его одолели.
Гера подобно страдала, как сын Амфитрио̀на мощный
В перси ее поразил треконечною горькой стрелою.
Лютая боль безотрадная Геру-богиню терзала!
Сам Айдѐс, меж богами ужасный, страдал от пернатой.
Тот же погибельный муж, громовержцева отрасль, Айдеса,
Ранив у врат подле мертвых, в страдания горькие ввергнул.

Он в Эгиохов дом, на Олимп высокий вознесся,
Сердцем печален, болезнью терзаем; стрела роковая
В мощном Айдесовом раме стояла и мучила душу.
Бога Пеон врачевством, утоляющим боли, осыпав,
Скоро его исцелил, не для смертной рожденного жизни.
Дерзкий, неистовый! он не страшась совершал злодеянья:
Луком богов оскорблял, на Олимпе великом живущих!
Но на тебя Диомеда воздвигла Паллада Афина.
Муж безрассудный! не ведает сын дерзновенный Тидеев:
Кто на богов ополчается, тот не живет долголетен;
Дети отцом его, на колени садяся, не кличут,
В дом свой пришедшего с подвигов мужеубийственной брани.
Пусть же теперь сей Тидид, невзирая на гордую силу,
Мыслит, да с ним кто иной, и сильнейший тебя, не сразится;
И Адрастова дочь, добродушная Эгиалѐя,
Некогда воплем полночным от сна не разбудит домашних,
С грусти по юном супруге, храбрейшем герое ахейском,
Верная сердцем супруга Тидида, смирителя коней».

Так говоря, на руке ей бессмертную кровь отирала;
Тяжкая боль унялась, и незапно рука исцелела.
Тою порою, зревшие всё, и Афина и Гера
Речью язвительной гнев возбуждали Крониона Зевса;
Первая речь начала светлоокая дева Афина:

«Зевс, наш отец, не прогневаю ль словом тебя я, могучий?
Верно, ахеянку новую ныне Киприда склоняла
Ввериться Трои сынам, беспредельно богине любезным?
И, быть может, ахеянку в пышной одежде лаская,
Пряжкой златою себе поколола нежную руку?»

Так изрекла: улыбнулся отец и бессмертных и смертных
И, призвав пред лицо, провещал ко златой Афродите:

«Милая дочь! не тебе заповеданы шумные брани.
Ты занимайся делами приятными сладостных браков;
Те же бурный Арей и Паллада Афина устроят».

Так взаимно бессмертные между собою вещали.
Тою порой на Энея напал Диомед нестрашимый.
Зная, что сына Анхизова сам Аполлон покрывает,

Он не страшился ни мощного бога; горел непрестанно
Смерти Энея предать и доспех знаменитый похитить.
Трижды Тидид нападал, умертвить Анхизида пылая;
Трижды блистательный щит Аполлон отражал у Тидида;
Но, лишь в четвертый раз налетел он, ужасный, как демон,
Голосом грозным к нему провещал Аполлон-дальновержец:

«Вспомни себя, отступи и не мысли равняться с богами,
Гордый Тидид! никогда меж собою не будет подобно
Племя бессмертных богов и по праху влачащихся смертных!»

Так провещал; и назад Диомед отступил недалеко,
Гнева боящийся бога, далеко разящего Феба.
Феб же Энея похитив из толпищ, его полагает
В собственном храме своем, на вершине святого Пергама.
Там Анхизиду и Лета и стрелолюбивая Феба
Сами в великом святилище мощь и красу возвращали.
Тою порой Аполлон сотворил обманчивый призрак —
Образ Энея живой и оружием самым подобный.
Около призрака Трои сынов и бесстрашных данаев
Сшиблись ряды, разбивая вкруг персей воловые кожи
Пышных кругами щитов и крылатых щитков легкометных.
К богу Арею тогда провещал Аполлон-дальновержец:

«Бурный Арей, мужегубец кровавый, стен разрушитель!
Или сего человека из битв удалить не придешь ты,
Воя Тидида, который готов и с Кронидом сразиться?
Прежде богиню Киприду копьем поразил он в запястье;
Здесь на меня самого устремился ужасный, как демон!»

Так произнесши, воссел Аполлон на вершинах Пергама;
Но свирепый Арей троян возбудить устремился,
Вид Акамаса приняв, предводителя быстрого фраков,
Звучно к сынам Приама, питомца Зевеса, взывал он:

«О сыны Приама, хранимого Зевсом владыки!
Долго ль еще вам убийство троян попускать аргивянам?
Или пока не начнут при вратах Илиона сражаться?
Пал воевода, почтенный для нас, как божественный Гектор!
Доблестью славный Эней, знаменитая отрасль Анхиза!
Грянем, из бранной тревоги спасем благородного друга!»

Так говоря, возбудил он и силу и мужество в каждом.
Тут Сарпедон укорять благородного Гектора начал:

«Гектор! где твое мужество, коим ты прежде гордился?
Град, говорил, защитить без народа, без ратей союзных
Можешь один ты с зятьями и братьями; где ж твои братья?
Здесь ни единого я не могу ни найти, ни приметить.
Все из сражения прячутся, словно как псы перед скимном;
Мы же здесь ратуем, мы, чужеземцы, притекшие в помощь;
Ратую я, союзник ваш, издалека пришедший.
Так и ликийские долы и ксанфские воды — далеки,
Где я оставил супругу любезную, сына-младенца
И сокровища многие, коих убогий алкает.
Но невзирая на то, предвожу ликиян, и готов я
С мужем сразиться и сим, ничего не имея в Троаде,
Что бы могли у меня иль унесть, иль увесть аргивяне.
Ты ж — неподвижен стоишь и других не бодришь ополчений
Храбро стоять, защищая и жен и детей в Илионе.
Гектор, блюдись, да объяты, как всеувлекающей сетью,
Все вы врагов разъяренных не будете плен и добыча!
Скоро тогда сопостаты разрушат ваш град велелепный!
Ты о делах сих заботиться должен и денно и нощно,
Должен просить воевод, дальноземных союзников ваших,
Бой непрестанно вести, а грозы̀ и упреки оставить».

Так говорил он, и речь уязвила Гектора сердце:
Быстро герой с колесницы с оружием прянул на землю.
Острые копья колебля, кругом полетел по дружинам,
В бой распаляя сердца; и возжег он жестокую сечу!
Вспять возвратились трояне и стали в лицо аргивянам;
Те же, сомкнувши ряды, нажидали врагов, не робели.

Так, если ветер плевы̀ рассевает по гумнам священным,
Жателям, веющим хлеб, где Деметра с кудрями златыми
Плод отделяет от плев, возбуждая дыхание ветров,
Гумны кругом под плевою белеются,— так аргивяне
С глав и до ног их белели под прахом, который меж ними
Даже до медных небес воздымали копытами кони
В быстрых, крутых поворотах; ворочали в бой их возницы,
Прямо с могуществом рук на врагов устремляясь; но мраком
Бурный Арей покрывает всю битву, троянам помощный,

Вкруг по рядам их носясь: поспешал он исполнить заветы
Феба, царя златострельного; Феб заповедал Арею
Души троян возбудить, лишь узрел, что Паллада Афина
Бой оставляет, богиня, защитница воинств ахейских.
Сам же Энея-вождя из святилища пышного храма
Вывел и крепостью перси владыки народов наполнил.

Стал Анхизид меж друзьями величествен: все веселились,
Видя, что он, живой, невредимый, блистающий силой,
Снова предстал; но его вопросить ни о чем не успели;
Труд их заботил иной, на который стремил Сребролукий,
Смертных губитель Арей и неустально ярая Распря.

Оба Аякса меж тем, Одиссей и Тидид воеводы
Ревностно в бой возбуждали ахейских сынов; но ахейцы
Сами ни силы троян не страшились, ни криков их грозных;
Ждали недвижные, тучам подобные, кои Кронион
В тихий, безветренный день, на высокие горы надвинув,
Черные ставит незыбно, когда и Борей и другие
Дремлют могучие ветры, которые мрачные тучи
Шумными уст их дыханьями вкруг рассыпают по небу,—
Так ожидали данаи троян, неподвижно, бесстрашно.
Царь Агамѐмнон летал по рядам, ободряя усердно:

«Будьте мужами, друзья, и возвыстеся доблестным духом;
Воина воин стыдися на поприще подвигов ратных!
Воинов, знающих стыд, избавляется боле, чем гибнет;
Но беглецы не находят ни славы себе, ни избавы!»
Рек, и стремительно ринул копье и переднего мужа
Деико̀на уметил, Энеева храброго друга,
Сына Перга̀сова, в Трое равно, как сыны Дарданида,
Чтимого: ревностен был он всегда между первых сражаться.
Пикой его поразил по щиту Агамѐмнон могучий;
Щит копия не сдержал — сквозь него совершенно проникло
И сквозь запон блистательный в нижнее чрево погрузло;
С шумом на землю он пал, и взгремели на падшем доспехи.

Тут Анхизѝд ниспровергнул храбрейших мужей из данаев.
Двух Диоклесовых чад, Орсило̀ха и брата Крефо̀на.
В Фере, красиво устроенной, жил Диоклес, их родитель,
Благами жизни богатый, ведущий свой род от Алфея,

Коего воды широко текут чрез Пилийскую землю.
Он Орсилòха родил, неисчетных мужей властелина;
Царь Орсилòх породил Диоклèса, высокого духом;
И от сего Диоклèса сыны-близнецы родилися,
Вождь Орсилòх и Крефòн, в разнородных искусные битвах.
Оба они, возмужалые, в черных судах к Илиону,
Славному кòнями, с силой ахейских мужей прилетели.
В брани Атрея сынам, Агамèмнону и Менелаю,
Чести ища, но кончину печальную оба снискали.
Словно два мощные льва, на вершинах возросшие горных,
Оба под матерью львицей вскормленные в лесе дремучем,
Тучных овец и тельцов круторогих из стад похищая,
Окрест дворы у людей разоряют, доколе и сами
Ловчих мужей от руки под убийственной медью не лягут,—
Так и они, пораженные мощной рукою Энея,
Рухнулись оба на землю, подобные соснам высоким.

Падших увидя, воссетовал царь Менелай браноносный,
Выступил дальше передних, покрытый сверкающей медью,
Острой колеблющий пикой: Арей распалял ему душу
С помыслом тайным, да будет сражен он руками Энея.
Но увидел его Антилох, Несторѝд благòродный,
Выступил сам за передних, страшася, да пастырь народов
Зла не потерпит и тяжких трудов их плоды уничтожит.
Тою порою герои и руки и острые копья
Друг против друга уже подымали, пылая сразиться;
Но предстал Антилох к воеводе ахеян Атриду,
И остаться Эней не посмел, сколь ни пламенный воин,
Двух браноносцев увидя, один за другого стоящих.
Те же, убитых поспешно увлекши к дружинам ахейским,
Там их оставили, бедных, друзьям возвративши печальным;
Сами, назад обратившися, между передних сражались.

Там Пилемèна повергли, Арею подобного мужа,
Бранных народов вождя, щитоносных мужей пафлагонян.
Мужа сего Атрейон Менелай, знаменитый копейщик,
Длинным копьем, сопротиву стоящего, в выю уметил;
Вождь Антилох поразил у него и возницу Мидона,
Отрасль Атѝмния, кòней своих обращавшего бурных,
Камнем его угодил он по локтю; бразды у Мидона,
Костью слоновой блестящие, пали на пыльную землю,

Прянул младый Антилох и мечом в висок его грянул;
Он, тяжело воздохнувший, на прах с колесницы прекрасной
Рухнулся вниз головой и, упавший на темя и плечи,
Долго в сем виде стоял он, в песок погрузившись глубокий,
Кони покуда, ударив, на прах опрокинули тело;
Их, поражая бичом, Антилох угонял к аргивянам.

Гектор героев узнал меж рядов и на них устремился
С яростным криком; за ним и троян понеслися фаланги
Сильные; их предводили кровавый Арей и Энио
Грозная, следом ведущая бранный мятеж беспредельный;
Бурный Арей, потрясая в деснице огромною пикой,
То выступал перед Гектором, то позади устремлялся.

Бога узрев, ужаснулся Тидид, воеватель могучий,
И, как неопытный путник, великою степью идущий,
Вдруг перед быстрой рекою, падущею в понт, цепенеет,
Пеной кипящую видя, и смутный назад отступает,—
Так отступил Диомед и немедля воскликнул к народу:

«Други, почто мы дивимся, что ныне божественный Гектор
Стал копьеборец славнейший, боец дерзновеннейший в битве?
С ним непрестанно присутствует бог, отражающий гибель!
С ним и теперь он — Арей, во образе смертного мужа!
Други, лицом к сопостатам всегда обращенные, с поля
Вы отступайте, с богами отнюдь не дерзайте сражаться!»

Так говорил он; но близко на них наступили трояне.
Гектор двух ратоборцев повергнул, испытанных в битвах,
Бывших в одной колеснице,— Менѐсфа и с ним Анхиа̀ла.
Падших узрев, пожалел их великий Аякс Теламонид;
К ним приступил он и стал и, пославши сверкающий дротик,
Амфия свергнул, Села̀гова сына, который средь Песа
Жил, обладатель богатств и полей; но судьба Селагида
В брань увлекла поборать за Приама и всех Приамидов.
В запон его поразил Теламониев сын многомощный;
В нижнее чрево ему погрузилась огромная пика;
С шумом он грянулся в прах; и Аякс прибежал, победитель,
Жадный доспехи совлечь; но трояне посыпали копья
Острые, яркоблестящие; много их щит его принял.
Он же, пятой наступив на сраженного, медную пику

Вырвал назад; но других не успел драгоценных доспехов
С плеч унести Селагидовых: стрелы его засыпали.
Он окружения сильного гордых троян убоялся:
Много их, мощных, отважных, уставив дроты, наступало;
Ими, сколь ни был огромен и сколь ни могуч и ни славен,
Прогнан Аякс и назад отступил, поколебанный силой.

Так браноносцы сии подвизалися в пламенной битве.
Тою порой Тлиполѐм Гераклѝд, и огромный и сильный,
Злою судьбою сведен с Сарпедоном божественным в битву.
Чуть соступились герои, идущие друг против друга,
Сын знаменитый и внук воздымателя облаков Зевса,
Так Тлиполѐм Гераклѝд к сопротивнику первый воскликнул:

«Ликии царь Сарпедон! какая тебе неизбежность
Здесь между войск трепетать, человек незнакомый с войною?
Лжец, кто расславил тебя громоносного Зевса рожденьем!
Нет, несравненно ты мал пред великими теми мужами,
Кои от Зевса родились, меж древних племен человеков,
И каков, повествуют, великая сила Геракла
Был мой родитель, герой дерзновеннейший, львиное сердце!
Он, приплывши сюда, чтоб взыскать с Лаомѐдона коней,
Только с шестью кораблями, с дружиною ратною малой,
Град Илион разгромил и пустынными стогны оставил!
Ты же робок душой и предводишь народ на погибель.
Нет, для троян, я надеюся, ты обороной не будешь,
Ликию бросил напрасно, и будь ты стократно сильнейший,
Мною теперь же сраженный, пойдешь ко вратам Аидеса!»

Ликии царь Сарпедон Тлиполѐму ответствовал быстро:
«Так, Тлиполѐм, Геракл разорил Илион знаменитый,
Но царя Лаомѐдона злое безумство карая:
Царь своего благодетеля речью поносной озлобил
И не отдал коней, для которых тот шел издалека.
Что ж до тебя, предвещаю тебе я конец и погибель;
Их от меня ты приймешь и, копьем сим поверженный, славу
Даруешь мне, и Аиду, конями гордящемусь, душу».

Так говорил Сарпедон; но сотрясши свой ясенный дротик,
Взнес Тлиполѐм; обоих сопротивников длинные копья
Вдруг полетели из рук: угодил Сарпедон Гераклида

В самую выю, и жало насквозь несмиримое вышло:
Быстро темная ночь Тлиполемовы очи покрыла.
Но и сам Тлиполем в бедро улучил Сарпедона
Пикой огромною; тело рассекшее бурное жало
Стукнуло в кость; но отец от него отвращает погибель.

Тут Сарпедона-героя усердные други из битвы
Вынесть спешили; его удручала огромная пика,
Влекшаясь в теле; никто не подумал, никто не помыслил
Ясенной пики извлечь из бедра, да с спешащими шел бы;
Так озабочены были трудящиесь вкруг Сарпедона.
Но Тлиполема данаи, блестящие медью, спешили
Вынесть из боя; увидел его Одиссей знаменитый,
Твердый душою, и вспыхнуло в нем благородное сердце;
Он между помыслов двух колебался умом и душою:
Прежде настигнуть ли сына громами звучащего Зевса?
Или, напав на ликиян, у множества души исторгнуть?
Но не ему, Одиссею почтенному, сужено было
Зевсова сына могучего медию острой низвергнуть.
Сердце его на ликийский народ обратила Паллада.
Там он Кера̀на, Ала̀стора, Хро̀мия битвой низринул,
Га̀лия, вслед Ноемо̀на, Алка̀ндра убил и Прита̀на;
И еще бы их более сверг Одиссей знаменитый,
Если бы скоро его не узрел шлемоблещущий Гектор:
Ринулся он сквозь передних, сияющей медью покрытый,
Ужас данаям несущий. Обрадован друга приходом,
Зевсов сын, Сарпедон, говорил ему гласом печальным:

«Гектор! не дай, умоляю, лежать мне добычей ахеян;
Друг, защити! и пускай уже в вашем приязненном граде
Жизнь оставит меня; не судила, как вижу, судьбина,
В дом возвратившемусь, в землю отечества милого сердцу,
Там обрадовать мне и супругу и юного сына!»

Так говорил; но ему не ответствовал Гектор великий;
Быстро пронесся вперед, нетерпеньем пылая скорее
Рать аргивян отразить и у множества души исторгнуть.
Тою порой Сарпедона-героя друзья посадили
В поле, под буком прекрасным метателя молнии Зевса.
Там из бедра у него извлек длиннотенную пику
Храбрый, могучий Пела̀гон, друг, им отлично любимый.

Дух Сарпедона оставил, и очи покрылися мглою.
Скоро опять он вздохнул, и кругом его ветер прохладный
Вновь оживил, повевая, тяжелое персей дыханье.

Рать аргивян пред Ареем и Гектором меднодоспешным,
Тесно фаланги сомкнувши, как к черным судам не бежала,
Так и вперед не бросалася в бой, но лицом непрестанно
Вся отступала, узнав, что Арей в ополченьях троянских.

Кто же был первый и кто был последний, которых доспехи
Гектор могучий похитил и медный Арей-душегубец?
Тевфрас, бессмертным подобный, и после Орест-конеборец,
Воин бесстрашный Эно̀маос, Трех, этолийский копейщик,
Энопа отрасль Гелен и Орезбий пестропоясный,
Муж, обитающий в Гиле, богатства стяжатель заботный,
Около озера живший Кефисского, где и другие
Жили семейства беотян, уделов богатых владыки.

Их лишь узрела лилейнораменная Гера-богиня,
Храбрый ахейский народ истребляющих в битве свирепой,
Быстро к Афине Палладе крылатую речь устремила:

«Горе, дочь необорная молний метателя Зевса!
Тщетным словом с тобой обнадежили мы Менелая
В дом возвратить разрушителем Трои высокотвердынной,
Если свирепствовать так попускаем убийце Арею!
Нет, устремимся, помыслим и сами о доблести бранной!»

Так говоря, преклонила дочь светлоокую Зевса;
Но сама, устремясь, снаряжала коней златосбруйных
Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона.
Геба ж с боков колесницы набросила гнутые круги
Медных колес осьмиспичных, на оси железной ходящих;
Ободы их золотые, нетленные, сверху которых
Медные шины положены плотные, диво для взора!
Ступицы их серебром, округленные, окрест сияли;
Кузов блестящими пышно сребром и златом ремнями
Был прикреплен, и на нем возвышались дугою две скобы;
Дышло серебряное из него выходило; на оном
Геба златое, прекрасное вяжет ярмо, продевает
Пышную упряжь златую; и быстро под упряжь ту Гера
Коней бессмертных подводит, пылая и бранью и боем.

Тою порою Афина, в чертоге отца Эгиоха,
Тонкий покров разрешила, струей на помост он скатился,
Пышноузорный, который сама, сотворив, украшала;
Вместо ж его облачася броней громоносного Зевса,
Бранным доспехом она ополчалася к брани плачевной.
Бросила около персей эгид, бахромою косматый,
Страшный очам, поразительным Ужасом весь окруженный:
Там и Раздор, и Могучесть, и, трепет бегущих, Погоня,
Там и глава Горгоны, чудовища страшного образ,
Страшная, грозная, знаменье бога, всесильного Зевса!
Шлем на чело возложила украшенный, четыребляшный,
Златом сияющий, ста бы градов ратоборцев покрывший.
Так в колеснице пламенной став, копием ополчилась
Тяжким, огромным, могучим, которым ряды сокрушает
Сильных, на коих разгневана дщерь всемогущего бога.

Гера немедля с бичом налегла на коней быстроногих;
С громом врата им небесные сами разверзлись при Горах,
Страже которых Олимп и великое вверено небо,
Чтобы облак густой разверзать иль смыкать перед ними.
Сими богини вратами коней подстрекаемых гнали;
Скоро они обрели, далѐко от бессмертных сидящим,
Зевса царя одного, на превыспреннем холме Олимпа.
Там, коней удержавши, лилейнораменная Гера
Кронова сына царя вопрошала и так говорила:

«Или не гневен ты, Зевс, на такие злодейства Арея?
Сколько мужей и каких погубил он в народе ахейском
Нагло, насильственно! Я сокрушаюсь, тогда как спокойно
В сердце своем веселятся Киприда и Феб, подстрекая
К брани безумца сего, справедливости чуждого всякой.
Зевс, наш отец! на меня раздражишься ли, если Арея
Брань я принужу оставить ударом, быть может, жестоким?»

Гере немедля ответствовал туч воздыматель Кронион:
«Шествуй, восставь на Арея богиню победы, Палладу;
Больше обыкла она повергать его в тяжкие скорби».

Рек; и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Коней хлестнула бичом; полетели покорные кони,
Между землею паря и звѐздами усеянным небом.

Сколько пространства воздушного муж обымает очами,
Сидя на холме подзорном и смо̀тря на мрачное море,—
Столько прядают разом богов гордовыйные кони.
К Трое принесшимся им и к рекам совокупно текущим,
Где Симоис и Скамандр быстрокатные воды сливают,
Там коней удержала лилейнораменная Гера
И, отрешив от ярма, окружила облаком темным;
Им Симоис разостлал амврозию сладкую в паству.

Сами богини спешат, голубицам подобные робким,
Поступью легкой, горя поборать за данаев любезных.
И, лишь достигли туда, где и многих мужей и храбрейших
Вкруг Диомеда-вождя, укротителя мощного ко̀ней,
Сонмы густые стояли, как львы, пожиратели крови,
Или как вепри, которых мощь нелегко одолима,—
Там пред аргивцами став, возопила великая Гера,
В образе Стентора, мощного, медноголосого мужа,
Так вопиющего, как пятьдесят совокупно другие:

«Стыд, аргивяне, презренные, дивные только по виду!
Прежде, как в грозные битвы вступал Ахиллес благородный,
Трои сыны никогда из Дардановых врат не дерзали
Выступить: все трепетали его сокрушительной пики!
Ныне ж далеко от стен, пред судами, трояне воюют!»

Так говоря, возбудила и силу и мужество в каждом.
Тою порой к Диомеду подходит Паллада Афина;
Видит царя у своей колесницы; близ коней он стоя,
Рану свою прохлаждал, нанесенную Пандара медью.
Храброго пот изнурял под ремнем широким, держащим
Выпуклый щит: изнурялся он им, и рука цепенела;
Но, подымая ремень, отирал он кровавую рану.
Зевсова дочь, преклоняся на конский ярем, возгласила:

«Нет, Тидей произвел себе не подобного сына!
Ростом Тидей был мал, но по духу воитель великий!
Некогда я запрещала ему подвизаться, герою,
Бурной душой увлекаясь, когда он один от ахеян
В Фивы пришел послом к многочисленным Кадма потомкам.
Я повелела ему пировать спокойно в чертогах;
Но Тидей, как всегда, обладаемый мужеством бурным,
Юных кадмеян к борьбам вызывал и легко сопротивных

Всех победил: таково я сама поборала Тидею!
Так я тебе предстою, благосклонно всегда охраняю
И ободряю тебя с фригиянами весело биться;
Но иль усталость от подвигов бурных тебя поразила,
Или связала робость бездушная! После сего ты
Сын ли героя Тидея, великого в бранях Энида?»

Ей отвечая немедленно, рек Диомед благородный:
«О! познаю я тебя, светлоокая дочь громовержца!
Искренно всё пред тобой изреку, ничего не сокрою.
Нет, не усталость меня и не робость бездушная держит,
Но заветы я помню, какие мне ты завещала:
Ты повелела не ратовать мне ни с одним из блаженных
Жителей неба, но если Крониона дочь, Афродита,
Явится в брани, разить Афродиту острою медью.
Вот для чего отступаю и сам я, и прочим аргивцам
Всем повелел, уклоняяся, здесь воедино собраться:
Вижу Арея; гремящею битвою он управляет».

Вновь провещала к нему светлоокая дочь Эгиоха:
«Чадо Тидея, о воин, любезнейший сердцу Афины!
Нет, не страшися теперь ни Арея сего, ни другого
Сильного бога; сама за тебя я поборницей буду!
Мужествуй, в бой на Арея лети на конях звуконогих;
Смело сойдись и рази, не убойся свирепства Арея,
Буйного бога сего, сотворенного к злу, вероломца!
Сам он недавно обет произнес предо мной и пред Герой
Ратовать против троян и всегда поборать за ахеян;
Ныне ж стоит за троян, вероломный, ахеян оставил!»

Так говоря, с колесницы Сфенела согнала на землю,
Быстро повлекши рукой,— и, покорный, мгновенно он спрянул;
Быстро сама в колесницу к Тидиду восходит богиня,
Бранью пылая; ужасно дубовая ось застонала,
Зевса подъявшая грозную дщерь и храбрейшего мужа.
Разом и бич и бразды захвативши Паллада Афина,
Вдруг на Арея на первого бурных коней устремила.
В те поры он обнажал Перифаса, вождя этолиян,
Мужа огромного, мощного, славную ветвь Охезия;
Мужа сего кровавый Арей обнажал; но Афина
Шлемом Аида покрылась, да будет незрима Арею.

Смертных губитель едва усмотрел Диомеда-героя,
Вдруг этолиян вождя, Перифа̀са огромного, бросил
Там распростертого, где у сраженного душу исторгнул;
Быстро и прямо пошел на Тидида, смирителя коней.
Только лишь сблизились оба, летящие друг против друга,
Бог, устремяся вперед, над конским ярмом и браздами
Пикою медной ударил, пылающий душу исторгнуть;
Но рукой ухватив, светлоокая дщерь Эгиоха
Пику отбросила вбок, да напрасно она пронесется.
И тогда на Арея напал Диомед нестрашимый
С медным копьем; и, усилив его, устремила Паллада
В пах под живот, где бог опоясывал медную повязь;
Там Диомед поразил и, бессмертную плоть растерзавши,
Вырвал обратно копье; и взревел Арей меднобронный
Страшно, как будто бы девять иль десять воскликнули тысяч
Сильных мужей на войне, зачинающих ярую битву.
Дрогнули все, и дружины троян и дружины ахеян,
С ужаса: так заревел Арей, ненасытный войною.

Сколько черна и угрюма от облаков кажется мрачность,
Если неистово дышащий, знойный воздвигнется ветер,—
Взору Тидида таков показался, кровью покрытый,
Медный Арей, с облаками идущий к пространному небу.
Быстро бессмертный вознесся к жилищу бессмертных, Олимпу.
Там близ Кронида-владыки воссел он, печальный и мрачный,
И, бессмертную кровь показуя, струимую раной,
Тяжко стенающий, к Зевсу вещал он крылатые речи:

«Или без гнева ты, Зевс, на ужасные смотришь злодейства?
Боги, мы непрестанно, по замыслам друг против друга,
Терпим беды жесточайшие, благо творя человекам;
Все на тебя негодуем: отец ты неистовой дщери,
Пагубной всем, у которой одни злодеяния в мыслях!
Боги другие, колико ни есть их на светлом Олимпе,
Все мы тебе повинуемся, каждый готов покориться.
Сей лишь одной никогда не смиряешь ни словом, ни делом;
Но потворствуешь ей, породивши зловредную дочерь!
Ныне она Диомеда, Тидеева гордого сына,
С диким свирепством его на бессмертных богов устремила!
Прежде Киприду-богиню из рук поразил он в запястье;
После с копьем на меня самого устремился, как демон!

Быстрые ноги меня лишь избавили; иначе долго б
Там я простертый страдал, между страшными грудами трупов,
Или б живой изнемог, под ударами гибельной меди!»

Грозно воззрев на него, провещал громовержец Кронион:
«Смолкни, о ты, переметник! не вой близ меня воссидящий!
Ты ненавистнейший мне меж богов, населяющих небо!
Только тебе и приятны вражда, да раздоры, да битвы!
Матери дух у тебя, необузданный, вечно строптивый,
Геры, которую сам я с трудом укрощаю словами!
Ты и теперь, как я мню, по ее же внушениям страждешь!
Но тебя я страдающим долее видеть не в силах:
Отрасль моя ты, и матерь тебя от меня породила.
Если б от бога другого родился ты, столько злотворный,
Был бы уже ты давно преисподнее всех Уранидов!»

Рек; и его врачевать повелел громовержец Пеону.
Язву Пеон врачевством, утоляющим боли, осыпав,
Быстро его исцелил, не для смертной рожденного жизни.
Словно смоковничный сок, с молоком перемешанный белым,
Жидкое вяжет, когда его быстро колеблет смешавший,—
С равной Пеон быстротой исцелил уязвленного бога.
Геба омыла его, облачила одеждою пышной,
И близ Зевса Кронида воссел он, славою гордый.

Паки тогда возвратилась в обитель великого Зевса
Гера Аргивская купно с Афиною Алалкомѐной,
Так обуздав истребителя, мужеубийцу Арея.

ПЕСНЬ VI

СОДЕРЖАНИЕ

После отшествия богов из брани, ахейцы, поразив многих троян, до того одолевают, что они готовы бежать в город, ст. 1—74. Гелен-прорицатель убеждает Гектора, чтобы он повелел всенародно молить Палладу в замке троянском, 75—101. Гектор, немедленно восстановив бой, отходит в город. В сей битве Диомед и Главк, вождь ликийский, сошедшись к сражению, говорят о своем роде и, вспомнив об отцах, почитают себя соединенными правом гостеприимства, отцами их друг другу оказанного, обмениваются оружием и, в знак дружбы дав друг другу десницы, расходятся, 102—236. Гектор, вошед в город, идет к Приамову дому; описание оного, 237—250. Гекуба, по совету Гектора, которого на пути встречает, отправляется с знаменитыми троянками, торжественным ходом, в храм Паллады, несет драгоценную ризу, богине посвящаемую, и совершает моление о спасении Трои, 251—312. Между тем Гектор приходит к Парису, дома покоящемуся, и упреками возбуждает его выйти снова на сражение, 313—369; посещает свой дом и, узнав, что Андромаха отошла к городским воротам, сам туда поспешает; у башни Скейской встречает ее с сыном Астианаксом, вступает с нею в трогательный разговор, утешает ее, и сына поручает богам, 369—502. Расставшись, он скоро настигнут Парисом, на брань вооруженным, который сравнивается с конем, из стойла вырвавшимся, 503—529.

ПЕСНЬ VI

Страшную брань меж троян и ахеян оставили боги;
Но свирепствовал бой, или здесь, или там по долине,
Воинств, одни на других устремляющих медные копья,
Между брегов Симоиса и пышноструистого Ксанфа.

Первый Аякс Теламонид, стена меднобронных данаев.
Прòрвал фалангу троян и возрадовал светом дружины,
Мужа сразив, браноносца храбрейшего рати фракийской,
Эвсора ветвь, Акамаса, ужасного ростом и силой.
Мужа сего поражает он первый в шелом коневласый
И вонзает в чело; погрузилось глубоко внутрь кости
Медное жало, и тьма Акамасовы очи покрыла.
Там же Аксѝла поверг Диомед, воеватель могучий,
Сына Тевфрàсова; он обитал в велелепной Аризбе,
Благами жизни богатый и друг человекам любезный:
Дружески всех принимал он, в дому при дороге живущий;
Но никто из друзей тех его от беды не избавил,
В помощь никто не предстал; обоѝх Диомед-воеватель
Жизни лишил — и его и Калèзия-друга, который
Правил конями; и оба сошли неразлучные в землю.

Дрèса, герой Эвриал, и Офèлтия мощного свергнув,
Быстро пошел на Эсèпа и Пèдаса, нимфой рожденных,
Абарбарèей наядой, прекрасному Буколиòну;
Буколиòн же был сын Лаомèдона, славного мужа,
Старший в семействе, но матерью тайно, без брака рожденный:

Пастырь, у стад он своих сочетался любовию с нимфой;
Нимфа, зачавшая, двух близнецов-сынов сих родила;
Юношам вместе и дух сокрушил и прекрасные члены
Сын Мекистѐев, герой, и с рамен их похитил доспехи.

Там же, дышащий бранью, сразил Полипѐт Астиа̀ла;
Царь Одиссей перкозийского воя Пидйта низринул
Медною пикой; и Тевкр — Арета̀она, храброго в битвах
Несторов сын, Антилох, устремивши сияющий дротик,
Аблера сверг; и владыка мужей Агамѐмнон — Элата;
Он обитал на брегах светлоструйной реки Сатниона,
В граде высоком Педа̀се. Фила̀ка бегущего сринул
Лѐит-герой; Эврипил же, сразив, обнажил Меланфѐя.

Но Адра̀ста живым изловил Менелай копьеносный:
Кони его, пораженные страхом на битвенном поле,
Вдруг об мирйковый куст колесницу с разбега ударив,
Дышло ее на конце раздробили и сами помчались
К граду, куда и других устрашенные кони бежали.
Сам же Адраст, с колесницы стремглав к колесу покатяся,
Грянулся о̀земь лицом; и пред павшим стал налетевший
Сильный Атрид Менелай, грозя длиннотенною пикой.
Ноги его обхватил и воскликнул Адраст, умоляя:

«Даруй мне жизнь, о Атрид, и получишь ты выкуп достойный!
Много сокровищ хранится в отеческом доме богатом,
Много и меди, и злата, и хитрых изделий железа.
С радостью выдаст тебе неисчйслимый выкуп отец мой,
Если услышит, что я нахожуся живой у данаев!»

Так говорил, и уже преклонял Менелаево сердце;
Храбрый уже помышлял поручить одному из клевретов
Пленника весть к кораблям мореходным, как вдруг Агамѐмнон,
В встречу бегущий, предстал и грозно вскричал Менелаю:

«Слабый душой Менелай, ко троянцам ли ныне ты столько
Жалостлив? Дело прекрасное сделали эти троянцы
В доме твоем! Чтоб никто не избег от погибели черной
И от нашей руки; ни младенец, которого матерь
Носит в утробе своей, чтоб и он не избег! да погибнут
В Трое живущие все, и лишенные гроба исчезнут!»

Так говорящий, герой отвратил помышление брата,
Правду ему говоря; Менелай светлокудрый Адраста,
Молча, рукой оттолкнул; и ему Агамѐмнон в утробу
Пику вонзил; опрокинулся он, и мужей повелитель,
Ставши ногою на перси, вонзенную пику исторгнул.

Нестор меж тем аргивян возбуждал, громогласно вещая:
«Други, данаи герои, бесстрашные слуги Арея!
Ныне меж вас да никто, на добычи бросаясь, не медлит
Сзади рядов, чтобы больше отнесть их в стан корабельный.
Нет, поразим сопротивников; после и их вы спокойно
Можете все обнажить на побоище мертвые трупы».

Так говоря, возбудил он и душу и мужество в каждом.
В оное время трояне от дышащих бранью данаев
Скрылись бы в град, побежденные собственной слабостью духа,
Если б Энею и Гектору мудрого не дал совета
Сын Приамов Гелен, знаменитейший птицегадатель:

«Гектор, Эней! на вас, воеводы, лежит наипаче
Бремя забот о народе троянском; отличны вы оба
В каждом намереньи вашем, сражаться ли нужно иль мыслить.
Станьте же здесь и бегущие рати у врат удержите,
Сами везде устремляясь, доколе в объятия жен их
Все беглецы не падут и врагам в посмеянье не будут!
Но, когда вы троянские вкруг ободрите фаланги,
Мы, оставаяся здесь, с аргивянами будем сражаться,
Сколько бы ни были ими теснимы: велит неизбежность.
Гектор, но ты поспеши в Илион и совет мой поведай
Матери нашей: пускай соберет благородных троянок
В за̀мок градской, перед храм светлоокой Паллады-богини.
Там, заключенные двери отверзя священного дома,
Пышный покров, величайший, прелестнейший всех из хранимых
В царском дому и который сама наиболее любит,
Пусть на колена его лепокудрой Афины положит.
Пусть ей двенадцать крав, однолетних, ярма не познавших,
В храме заклать обрекается, если, молитвы услыша,
Град богиня помилует, жен и младенцев невинных;
Если от Трои священной она отразит Диомеда,
Бурного воя сего, повелителя мощного бегства,
Мужа, который, я мыслю, храбрейший в народе ахейском!

Так ни Пелид не страшил нас, великий мужей предводитель,
Сын, как вещают, богини бессмертной! Тидид-аргивянин
Пуще свирепствует: в мужестве с оным никто не сравнится!»

Так говорил он; и Гектор послушался брата советов:
Быстро герой с колесницы с оружием прянул на землю;
Острые копья колебля, кругом обходил ополченья,
Дух распаляя на бой; и восставил он страшную сечу.
В бой обратились трояне и стали в лицо аргивянам;
Вспять подалися ряды аргивян, укротили убийство,
Мысля, что бог незримый, нисшедший от звездного неба,
Сам за врагов их поборствует; так обратились трояне.

Гектор еще возбуждал, восклицающий звучно к троянам:
«Храбрые Трои сыны и союзники славные наши!
Будьте мужами, о други, воспомните бурную силу.
Я ненадолго от вас отлучуся в священную Трою
Старцам советным поведать и нашим супругам, да купно
Молят небесных богов, обетуя стотельчие жертвы».

Так говоря им, шествовал шлемом сверкающий Гектор;
Билася сзади его, по стопам и по вые, концами
Черная кожа, которая щит окружала огромный.

Главк между тем, Гипполо̀хид, и сын знаменитый Тидея
Между фаланг на средину сходились, пылая сразиться.
Чуть соступились герои, идущие друг против друга,
Первый из них взговорил Диомед, воеватель могучий:

«Кто ты, бестрепетный муж от земных обитателей смертных?
Прежде не зрел я тебя на боях, прославляющих мужа;
Но сегодня, как вижу, далеко ты мужеством дерзким
Всех превосходишь, когда моего копия нажидаешь.
Дети одних злополучных встречаются с силой моею!
Если бессмертный ты бог, от высокого неба нисшедший,—
Я никогда не дерзал с божествами Олимпа сражаться.
Нет, и могучий Ликург, знаменитая отрасль Дриаса,
Долго не жил, на богов-небожителей руки поднявший.
Некогда, дерзкий, напав на питательниц буйного Вакха,
Их по божественной Ниссе преследовал; нимфы-вакханки
Фирсы зеленые бросили в прах, от убийцы Ликурга

Сулицей острой свирепо разимые; Вакх устрашенный
Бросился в волны морские и принят Фетидой на лоно,
Трепетный, в ужас введенный неистовством буйного мужа.
Все на Ликурга прогневались мирно живущие боги;
Кронов же сын ослепил Дриатида, и после недолгой
Жизнию он наслаждался, бессмертным всем ненавистный.
Нет, с богами блаженными я не желаю сражаться!
Если же смертный ты муж и воскòрмлен плодами земными,
Ближе предстань, да к пределу ты смерти скорее достигнешь».

Быстро ему отвечал воинственный сын Гипполохов:
«Сын благородный Тидея, почто вопрошаешь о роде?
Листьям в дубравах древесных подобны сыны человеков:
Ветер одни по земле развевает, другие дубрава,
Вновь расцветая, рождает, и с новой весной возрастают;
Так человеки: сии нарождаются, те погибают.
Если ж ты хочешь, тебе и о том объявлю, чтобы знал ты
Наших и предков и род; человекам он многим известен.
Есть в конеславном Аргосе град знаменитый Эфира;
В оном Сизиф обитал, препрославленный мудростью смертный,
Тот Сизиф Эолид, от которого Главк породился.
Главк даровал бытие непорочному Беллерофòнту,
Коему щедрые боги красу и любезную доблесть
В дар ниспослали; но Прет неповинному гибель умыслил:
Злобно его из народа изгнал, повелитель ахеян
Был он сильнейший: под скипетр его покорил их Кронион.
С юношей Прета жена возжелала, Антия младая,
Тайной любви насладиться; но к ищущей был непреклонен,
Чувств благородных исполненный, Беллерофòнт непорочный;
И жена, клевеща, говорила властителю Прету:
«Смерть тебе, Прет, когда сам не погубишь ты Беллерофòнта:
Он насладиться любовью со мною хотел, с не хотящей».
Так клеветала; разгневался царь, таковое услыша;
Но убить не решился: в душе он сего ужасался;
В Ликию выслал его и вручил злосоветные знаки,
Много на дщице складной начертав их, ему на погибель;
Дщицу же тестю велел показать, да от тестя погибнет.
Беллерофòнт отошел, под счастливым покровом бессмертных.
Мирно достиг он ликийской земли и пучинного Ксанфа;
Принял его благосклонно ликийских мужей повелитель:
Девять дней угощал, ежедневно тельца закалая.

Но воссиявшей десятой богине Заре розоперстой,
Гостя расспрашивал царь и потребовал знаки увидеть,
Кои принес он ему от любезного зятя, от Прета.
И когда он приял злосоветные зятевы знаки,
Юноше Беллерофòнту убить заповедал Химеру
Лютую, коей порода была от богов, не от смертных:
Лев головою, задом дракон и коза серединой,
Страшно дыхала она пожирающим пламенем бурным.
Грозную он поразил, чудесами богов ободренный.
После войною ходил на солимов, народ знаменитый;
В битве, ужаснее сей, как поведал он, не был с мужами;
В подвиге третьем разбил амазонок он мужеобразных.
Но ему, возвращавшемусь, Прет погибель устроил:
Избранных в царстве пространном ликиян храбрейших в засаду
Скрыл на пути; но они своего не увидели дома:
Всех поразил их воинственный Беллерофонт непорочный.
Царь наконец познал знаменитую отрасль бессмертных;
В доме его удержал и дочь сочетал с ним царевну;
Отдал ему половину блистательной почести царской;
И ликийцы ему отделили удел превосходный,
Лучшее поле для сада и пашен, да властвует оным.
Трое родилося чад от премудрого Беллерофòнта:
Мужи Исàндр, Гипполох и прекрасная Лаодамия.
С Лаодамией прекрасной почил громовержец Кронион,
И она Сарпедона, подобного богу, родила.—
Став напоследок и сам небожителям всем ненавистен,
Он по Алейскому полю скитался кругом, одинокий,
Сердце глодая себе, убегая следов человека.
Сына Исàндра ему Эниàлий, несытый убийством,
Свергнул, когда воевал он с солимами, славным народом.
Дочь у него — златобраздая, гневная, Феба сразила.
Жил Гипполох, от него я рожден и горжуся сим родом.
Он послал меня в Трою и мне заповедывал крепко
Тщиться других превзойти, непрестанно пылать отличиться,
Рода отцов не бесчестить, которые славой своею
Были отличны в Эфире и в царстве ликийском пространном.
Вот и порода и кровь, каковыми тебе я хвалюся».

Рек; и наполнился радостью сын благородный Тидеев;
Медную пику свою водрузил в даровитую землю
И приветную речь устремил к предводителю Главку:

«Сын Гипполохов! ты гость мне отеческий, гость стародавный!
Некогда дед мой Иней знаменитого Беллерофо̀нта
В собственном доме двадцать дней угощал дружелюбно.
Оба друг другу они превосходные дали гостинцы:
Дед мой Иней предложил блистающий пурпуром пояс;
Беллерофонт же — златой подарил ему кубок двудонный;
Кубок и я, при отходе, оставил в отеческом доме;
Но Тидея не помню: меня он младенцем оставил
В дни, как под Фивами-градом ахейское воинство пало.
Храбрый! отныне тебе я средь Аргоса гость и приятель,
Ты же мне — в Ликии, если приду я к народам ликийским.
С копьями ж нашими будем с тобой и в толпах расходиться.
Множество здесь для меня и троян и союзников славных;
Буду разить, кого бог приведет и кого я постигну.
Множество здесь для тебя аргивян, поражай кого можешь.
Главк! обменяемся нашим оружием; пусть и другие
Знают, что дружбою мы со времен праотцовских гордимся».

Так говорили они, и, с своих колесниц соскочивши,
За руки оба взялись и на дружбу взаимно клялися.
В оное время у Главка рассудок восхитил Кронион:
Он Диомеду-герою доспех золотой свой на медный,
Во сто ценимый тельцов, обменял на стоящий девять.

Гектор меж тем приблизился к Скейским воротам и к дубу.
Окрест героя бежали троянские жены и девы,
Те вопрошая о детях, о милых друзьях и о братьях,
Те о супругах; но он повелел им молиться бессмертным
Всем, небеса населяющим: многим беды угрожали!

Но когда подошел он к прекрасному дому Приама,
К зданию с гладкими вдоль переходами (в нем заключалось
Вкруг пятьдесят почивален, из гладко отесанных камней,
Близко одна от другой устроенных, в коих Приама
Все почивали сыны у цветущих супруг их законных;
Дщерей его на другой стороне, на дворе, почивальни
Были двенадцать, под кровлей одною, из тесанных камней,
Близко одна от другой устроенных, в коих Приама
Все почивали зятья у цветущих супруг их стыдливых),—
Там повстречала его милосердая матерь Гекуба,
Шедшая в дом к Лаодике, своей миловиднейшей дщери;
За руку сына взяла, вопрошала и так говорила:

«Что ты, о сын мой, приходишь, оставив свирепую битву?
Верно, жестоко теснят ненавистные мужи ахейцы,
Ратуя близко стены? И тебя устремило к нам сердце;
Хочешь ты, с замка троянского, руки воздеть к олимпийцу?
Но помедли, мой Гектор, вина я вынесу чашу
Зевсу-отцу возлиять и другим божествам вековечным;
После и сам ты, когда пожелаешь испить, укрепишься:
Мужу, трудом истомленному, силы вино обновляет;
Ты же, мой сын, истомился, за граждан твоих подвизаясь».

Ей отвечал знаменитый, шеломом сверкающий Гектор:
«Сладкого пить мне вина не носи, о почтенная матерь!
Ты обессилишь меня, потеряю я крепость и храбрость.
Чермное ж Зевсу вино возлиять неомытой рукою
Я не дерзну; и не должно сгустителя облаков Зевса
Чествовать или молить оскверненному кровью и прахом.
Но иди ты, о матерь, Афины добычелюбивой
В храм, с благовонным курением, с сонмом жен благородных.
Пышный покров, величайший, прекраснейший всех из хранимых
В царском дому и какой ты сама наиболее любишь,
Взяв, на колена его положи лепокудрой Афине;
И двенадцать крав однолетних, ярма не познавших,
В храме заклать обрекайся ты, если, молитвы услыша,
Град богиня помилует, жен и младенцев невинных;
Если от Трои священной она отразит Диомеда,
Бурного воя сего, повелителя мощного бегства.
Шествуй же, матерь, ко храму Афины добычелюбивой;
Я же к Парису иду, чтобы к воинству из дому вызвать,
Ежели хочет советы он слушать. О! был бы он там же
Пожран землей! Воспитал олимпиец его на погибель
Трое, Приаму-отцу и всем нам, Приамовым чадам!
Если б его я увидел сходящего в бездны Аида,
Кажется, сердце мое позабыло бы горькие бедства!»

Так говорил; и Гекуба немедля служительниц дома
Вызвала; жен благородных они собирали по граду.
Тою порою сама в благовонную горницу всходит;
Там у нее сохранялися пышноузорные ризы,
Жен сидонских работы, которых Парис боговидный
Сам из Сидона привез, преплывая пространное море,
Сим он путем увозил знаменитую родом Елену.

Выбрав из оных одну, понесла пред Афину Гекуба
Бо̀льшую, лучшую в доме, которая швением пышным
Словно звезда сияла и в самом лежала исподе.
С оной пошла, и за ней благородные многие жены.

В за̀мок градской им притекшим, ко храму Афины-богини,
Двери пред ними разверзла прелестная ликом Феано,
Дщерь Киссѐя, жена Антенора, смирителя коней,
Трои мужами избранная жрица Афины-богини.
Там с воздеянием рук возопили они пред Афиной;
Ризу Гекубы румяноланитая жрица Феано
Взяв, на колена кладет лепокудрой Афины Паллады
И с обетами молит рожденную богом великим:

«Мощная в бранях, защитница града, Паллада Афина!
Дрот сокруши Диомедов и дай, о богиня, да сам он
Ныне, погибельный, грянется ниц перед башнею Скейской!
Ныне ж двенадцать крав однолетних, ярма не познавших,
В храме тебе мы пожертвуем, если, молитвы услыша,
Град помилуешь Трою, и жен и младенцев невинных!»

Так возглашала, молясь; но Афина молитву отвергла.
Тою порой, как они умоляли рожденную Зевсом,
Гектор великий достигнул Парисова пышного дома.
Сам он дом сей устроил с мужами, какие в то время
В целой Троаде холмистой славнейшие зодчие были:
Мужи ему почивальню, и гридню, и двор сотворили
В за̀мке градском, невдали от Приама и Гектора дому.
В двери вступил божественный Гектор; в деснице держал он
Пику в одиннадцать лактей; далеко на древке сияло
Медное жало копья и кольцо вкруг него золотое.
Брата нашел в почивальне, в трудах над оружием пышным:
Щит он и латы и гнутые луки испытывал праздный.
Там и Елена Аргивская в круге сидела домашних
Жен-рукодельниц, и славные им назначала работы.
Гектор, взглянув на него, укорял оскорбительной речью:

«Ты не во врѐмя, несчастный, теперь напыщаешься гневом.
Гибнет троянский народ, пред высокою града стеною
Ратуя с сильным врагом; за тебя и война и сраженья
Вкруг Илиона пылают; ты сам поругаешь другого,

Если увидишь кого оставляющим грозную битву.
Шествуй, пока Илион под огнем сопостатов не вспыхнул».

Быстро ему отвечал Приамид Александр боговидный:
«Гектор! ты вправе хулить, и твоя мне хула справедлива;
Душу открою тебе, преклонися и выслушай слово:
Я не от гнева досель, не от злобы на граждан троянских
Праздный сидел в почивальне; хотел я печали предаться.
Ныне ж супруга меня дружелюбною речью своею
Выйти на брань возбудила; и ныне, чувствую сам я,
Лучше идти мне сражаться: победа меж смертных превратна.
Ежели можно, помедли, пока ополчусь я доспехом;
Или иди; поспешу за тобой и настичь уповаю».

Рек он; ни слова ему не ответствовал Гектор великий.
К Гектору с лаской Елена смиренную речь обратила:

«Деверь жены бесстыдной, виновницы бед нечестивой!
Если б в тот день же меня, как на свет породила лишь матерь,
Вихорь свирепый, восхитя, умчал на пустынную гору
Или в кипящие волны ревущего моря низринул,—
Волны б меня поглотили и дел бы таких не свершилось!
Но, как такие беды божества предназначили сами,
Пусть даровали бы мне благороднее сердцем супруга,
Мужа, который бы чувствовал стыд и укоры людские!
Сей и теперь легкомыслен, подобным и после он будет;
И зато, я надеюсь, достойным плодом насладится!
Но войди ты сюда и воссядь успокоиться в кресло,
Деверь; твою наиболее душу труды угнетают,
Ради меня, недостойной, и ради вины Александра.
Злую нам участь назначил Кронион, что даже по смерти
Мы оставаться должны на бесславные песни потомкам!»

Ей немедля ответствовал Гектор великий: «Елена,
Сесть не упрашивай; как ни приветна ты, я не склонюся:
Сильно меня увлекает душа на защиту сограждан,
Кои на ратных полях моего возвращения жаждут.
Ты же его побуждай; ополчившися, пусть поспешает;
Пусть он потщится меня в стенах еще града настигнуть.
Я посещу лишь мой дом и на малое время останусь
Видеть домашних, супругу драгую и сына-младенца,

Ибо не знаю, из боя к своим возвращусь ли еще я;
Или меня уже боги погубят руками данаев».

Так говоря, удалился шеломом сверкающий Гектор.
Скоро достигнул герой своего благозданного дома;
Но в дому не нашел Андромахи лилейнораменной.
С сыном она и с одною кормилицей пышноодежной
Вышед, стояла на башне, печально стеная и плача.
Гектор, в дому у себя не нашед непорочной супруги,
Стал на пороге и так говорил прислужницам-женам:

«Жены-прислужницы, вы мне скорее поведайте правду:
Где Андромаха-супруга, куда удалилась из дому?
Вышла ль к золовкам своим, иль к невесткам пышноодежным,
Или ко храму Афины-поборницы, где и другие
Жены троян благородные грозную молят богиню?»

И ему отвечала усердная ключница дома:
«Гектор, когда повелел ты, тебе я поведаю правду.
Нет, не к золовкам своим, не к невесткам пошла Андромаха,
Или ко храму Афины-поборницы, где и другие
Жены троян благородные грозную молят богиню,—
К башне пошла илионской великой: встревожилась вестью,
Будто троян утесняет могучая сила ахеян;
И к стене городской, торопливая, ринулась бегом,
Словно умом исступленная; с ней и кормилица с сыном».

Так отвечала; и Гектор стремительно из дому вышел
Прежней дорогой назад, по красиво устроенным стогнам.
Он приближался уже, протекая обширную Трою,
К Скейским воротам (чрез них был выход из города в поле);
Там Андромаха-супруга, бегущая, в встречу предстала,
Отрасль богатого дома, прекрасная дочь Гетиона;
Сей Гетион обитал при подошвах лесистого Плака,
В Фивах Плакийских, мужей-киликиян властитель державный;
Оного дочь сочеталася с Гектором меднодоспешным.
Там предстала супруга; за нею одна из прислужниц
Сына у персей держала, бессловного вовсе, младенца,
Плод их единый, прелестный, подобный звезде лучезарной.
Гектор его называл Скамандрием; граждане Трои —
Астианаксом: единый бо Гектор защитой был Трои.

Тихо отец улыбнулся, безмолвно взирая на сына.
Подле него Андромаха стояла, лиющая слезы;
Руку пожала ему и такие слова говорила:

«Муж удивительный, губит тебя твоя храбрость! ни сына
Ты не жалеешь, младенца, ни бедной матери; скоро
Буду вдовой я, несчастная! скоро тебя аргивяне,
Вместе напавши, убьют! а тобою покинутой, Гектор,
Лучше мне в землю сойти, никакой мне не будет отрады;
Если, постигнутый роком, меня ты оставишь — удел мой
Горести! Нет у меня ни отца, ни матери нежной!
Старца отца моего умертвил Ахиллес быстроногий,
В день, как и град разорил киликийских народов цветущий,
Фивы высоковоротные. Сам он убил Гетиона,
Но не смел обнажить: устрашался нечестия сердцем;
Старца он предал сожжению вместе с оружием пышным.
Создал над прахом могилу; и окрест могилы той ульмы
Нимфы холмов насадили, Зевеса великого дщери.
Братья мои однокровные — семь оставалось их в доме —
Все и в единый день преселились в обитель Аида:
Всех злополучных избил Ахиллес, быстроногий ристатель,
В стаде застигнув тяжелых тельцов и овец белорунных.
Матерь мою, при долинах дубравного Плака царицу,
Пленницей в стан свой привлек он с другими добычами брани,
Но даровал ей свободу, приняв неисчислимый выкуп;
Феба ж и матерь мою поразила в отеческом доме!
Гектор, ты всё мне теперь — и отец, и любезная матерь,
Ты и брат мой единственный, ты и супруг мой прекрасный!
Сжалься же ты надо мною и с нами останься на башне,
Сына не сделай ты сирым, супруги не сделай вдовою;
Воинство наше поставь у смоковницы, там наипаче
Город приступен врагам и восход на твердыню удобен:
Трижды туда приступая, на град покушались герои,
Оба Аякса могучие, Идоменей знаменитый,
Оба Атрея сыны и Тидид, дерзновеннейший воин.
Верно, о том им сказал прорицатель какой-либо мудрый,
Или, быть может, самих устремляло их вещее сердце».

Ей отвечал знаменитый, шеломом сверкающий Гектор:
«Всё и меня то, супруга, не меньше тревожит; но страшный
Стыд мне пред каждым троянцем и длиннодежной троянкой,

Если, как робкий, останусь я здесь, удаляясь от боя.
Сердце мне то запретит; научился быть я бесстрашным,
Храбро всегда, меж троянами первыми, биться на битвах,
Славы доброй отцу и себе самому добывая!
Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью и сердцем,
Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
С нею погибнет Приам и народ копьеносца Приама.
Но, не столько меня сокрушает грядущее горе
Трои, Приама-родителя, матери дряхлой Гекубы,
Горе тех братьев возлюбленных, юношей многих и храбрых,
Кои полягут во прах под руками врагов разъяренных,
Сколько твое, о супруга! тебя меднолатный ахеец,
Слезы лиющую, в плен повлечет и похитит свободу!
И, невольница, в Аргосе будешь ты ткать чужеземке,
Воду носить от ключей Мессейса или Гиппeрея,
С ропотом горьким в душе; но заставит жестокая нужда!
Льющую слезы тебя кто-нибудь там увидит и скажет:
Гектора это жена, превышавшего храбростью в битвах
Всех конеборцев-троян, как сражалися вкруг Илиона!
Скажет — и в сердце твоем возбудит он новую горечь:
Вспомнишь ты мужа, который тебя защитил бы от рабства!
Но, да погибну и буду засыпан я перстью земною
Прежде, чем плен твой увижу и жалобный вопль твой услышу!»

Рек, и сына обнять устремился блистательный Гектор;
Но младенец назад, пышноризой кормилицы к лону
С криком припал, устрашася любезного отчего вида,
Яркою медью испуган и гребнем косматовласатым,
Видя ужасно его закачавшимся сверху шелома.
Сладко любезный родитель и нежная мать улыбнулись.
Шлем с головы немедля снимает божественный Гектор,
Нàземь кладет его, пышноблестящий, и, на руки взявши
Милого сына, целует, качает его и, поднявши,
Так говорит, умоляя и Зевса и прочих бессмертных:

«Зевс и бессмертные боги! о, сотворите, да будет
Сей мой возлюбленный сын, как и я, знаменит среди граждан;
Так же и силою крепок, и в Трое да царствует мощно.
Пусть о нем некогда скажут, из боя идущего видя:
Он и отца превосходит! И пусть он с кровавой корыстью
Входит, врагов сокрушитель, и радует матери сердце!»

Рек, и супруге возлюбленной на руки он полагает
Милого сына; дитя к благовонному лону прижала
Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супруг умилился душевно,
Обнял ее и, рукою ласкающий, так говорил ей:

«Добрая! сердце себе не круши неумеренной скорбью.
Против судьбы человек меня не пошлет к Аидесу;
Но судьбы, как я мню, не избег ни один земнородный
Муж, ни отважный, ни робкий, как скоро на свет он родится.
Шествуй, любезная, в дом, озаботься своими делами;
Тканьем, пряжей займися, приказывай женам домашним
Дело свое исправлять; а война — мужей озаботит
Всех, наиболе ж меня, в Илионе священном рожденных».

Речи окончивши, поднял с земли бронеблещущий Гектор
Гривистый шлем; и пошла Андромаха безмолвная к дому,
Часто назад озираясь, слезы ручьем проливая.
Скоро достигла она устроением славного дома
Гектора-мужегубителя; в оном служительниц многих,
Собранных вместе, нашла и к плачу их всех возбудила;
Ими заживо Гектор был в своем доме оплакан.
Нет, они помышляли, ему из погибельной брани
В дом не прийти, не избегнуть от рук и свирепства данаев.

Тою порой и Парис не медлил в высоких палатах.
В пышный одевшись доспех, испещренный блистательной медью,
Он устремился по граду, надежный на быстрые ноги.
Словно конь застоялый, ячменем раскормленный в яслях,
Привязь расторгнув, летит, поражая копытами поле;
Пламенный, плавать обыкший в потоке широкотекущем,
Пышет, голову кверху несет; вкруг рамен его мощных
Грива играет; красой благородною сам он гордится;
Быстро стопы его мчат к кобылицам и паствам знакомым,—
Так лепокудрый Парис от высот Илионского за̀мка,
Пышным оружием окрест, как ясное солнце, сияя,
Шествовал радостно-гордый; быстро несли его ноги;
Гектора скоро настиг он, когда Приамид лишь оставил
Место, где незадолго беседовал с кроткой супругой.
К Гектору первый вещал Приамид Александр боговидный:

«Верно, почтеннейший брат, твою задержал я поспешность
Долгим медленьем своим и к поре не приспел, как велел ты?»

И ему отвечал шлемоблещущий Гектор великий:
«Друг! ни один человек, душой справедливый, не может
Ратных деяний твоих опорочивать: воин ты храбрый,
Часто лишь медлен, к трудам неохотен; а я непрестанно
Сердцем терзаюсь, когда на тебя поношение слышу
Трои мужей, за тебя подымающих труд беспредельный.
Но поспешим, а рассудимся после, когда нам Кронион
Даст в благодарность небесным богам, бесконечно живущим,
Чашу свободы поставить в обителях наших свободных,
После изгнанья из Трои ахеян меднодоспешных».

ПЕСНЬ VII

СОДЕРЖАНИЕ

Гектор и Парис, вышед из города, немедленно вступают в сражение, и ахеян, с успехом сражавшихся, преодолевают, ст. 1—16. Паллада и Аполлон нисходят на побоище и соглашаются, дабы укротить свирепство ратующих, возбудить мужество Гектора, 17—53. Гектор, по совету Гелена-прорицателя, вызывает на единоборство храбрейшего ахейца, 54—91. Ахеян, колеблющихся принять вызов, поносит Менелай и готов сам выйти; его удерживает Агамемнон, 92—122. Между тем упреки Нестора одушевляют ахеян: восстают девять героев, готовых на единоборство с Гектором; жребий, по совету Нестора между ними брошенный, падает на Аякса Теламонида, 123—205. Аякс вооружается и с Гектором сходится, 206—225; герои разговаривают, 226—243; сражаются копьями, Гектор ранен, 244—262; камнями Гектор сбит с ног, но воздвигнут Аполлоном, 263—272; готовы сразиться мечами, но вестники обеих сторон приходят разлучить их, по причине наступления ночи; и герои, почтив друг друга дарами, расходятся, 273—312. На общем пире Агамемнон чествует Аякса, как победителя, целым хребтом вола, 313—322. Между тем Нестор предлагает совет о погребении убитых и об укреплении стана, 314—344. В собрании у троян Антенор убеждает, для прекращения войны, возвратить Елену и сокровища, с нею похищенные; Парис возражает, на то не соглашаясь, но возвратить сокровища желает, и даже умножить их собственными, 345—364; сей ответ его Приам велит вестнику на другой день сообщить ахейцам, и притом просить перемирия для погребения убитых, 365—416. После сего оба народа заботятся о погребении своих мертвых, которых на костре сожигают. Кроме сего, ахеяне окружают корабли свои стеною и рвом, 417—442 Боги удивляются делу ахеян, Посидон негодует, Зевс его успокаивает, 443—469. Наконец ахеяне и трояне, устроив вечерю, пируют в продолжение ночи, грозной ужасным громом, которым Зевс предзнаменует им бедствия, 465—482.

ПЕСНЬ VII

Так говорящий, пронесся вратами блистательный Гектор;
С ним устремлялся и брат Александр: и душой Приамиды
Оба пылали воинствовать снова и храбро сражаться.
Словно пловцам, долговременно жаждущим, бог посылает
Ветер попутный, когда уже, множеством весел блестящих
Понт рассекая, устали, все члены трудом изнуривши,—
Так предводители их ожидавшим троянам явились.

Начали битву: Парис поразил Арейфòева сына,
Жителя Арны Менѐсфия, коего палиценосный
Царь породил Арейфòй с черноокою Филомедузой.
Гектор вождя Эиòнея острою пикой ударил
В выю, под круг крепкомедного шлема и крепость разрушил.
Главк, Гипполохова отрасль, ликийских мужей воевода,
Дексия, сына Ифѝноя, в бурном сражении пикой
В рамо пронзил, кобылиц на него напускавшего быстрых,—
В прах с колесницы он пал, и его сокрушилися члены.

Их лишь увидела светлая взором Афина-богиня,
Так истребляющих воинов Áргоса в битве жестокой,
Вдруг от Олимпа высокого, бросившись, бурно помчалась
К Трое священной; навстречу богине, узрев от Пергама,
Феб Аполлон устремился: троянам желал он победы.
В встречу спешащие боги сошлися у древнего дуба;
Первый к богине воззвал дальномечущий Феб сребролукий:

«Что ты, волнения полная, дочь всемогущего Зевса,
Сходишь с Олимпа? К чему ты стремима сим пламенным духом?
Или склонить аргивянам неверную брани победу
Хочешь? Троян погибающих ты никогда не жалеешь?
Но приими ты совет мой, и то благотворнее будет:
Нынешний день прекратим мы войну и убийство народов;
После да ратуют снова, доколе священного града,
Трои, конца не увидят, когда уже столько приятно
Вашему сердцу, богини великие, град сей разрушить».

Быстро воззвала к нему светлоокая дочь Эгиоха:
«Так, дальновержец, да будет; с подобною думою в сердце
Я низошла от Олимпа, к сраженью троян и ахеян.
Но возвести, прекратить ратоборство их как ты намерен?»

Снова богине ответствовал царь Аполлон сребролукий:
«Гектора мы, укротителя ко̀ней, отважность возвысим.
Пусть Приамид вызывает храбрейших героев данайских
Выйти один на один и сразиться решительной битвой;
Сим оскорбленные меднопоножные мужи данаи
Сами возбудят бойца одноборствовать с Гектором славным».

Так говорил; и склонилася дочь светлоокая Зевса.
Сын Приамов, Гелен-прорицатель, почувствовал духом
Оный совет, обои̇м божествам совещавшим приятный,
К Гектору-брату предстал и так говорил воеводе:

«Гектор, пастырь народа, советами равный Крониду!
Будешь ли мне ты послушен, усердносоветному брату?
Дай повеление сесть и троянам и всем аргивянам;
Сам же меж воинств на бой вызывай, да храбрейший данаец
Выйдет один на тебя и сразится решительным боем.
Ныне тебе не судьба умереть и предела достигнуть;
Слышал я голос такой небожителей вечноживущих».

Так произнес; и восхитился Гектор услышанной речью;
Вышел один на средину и, взявши копье посредине,
Спнул фаланги троянские; все, успокоясь, воссели.
Царь Агаме̇мнон равно удержал меднобронных данаев.
Тою порой Афина Паллада и Феб сребролукий,
Оба вознесшися словно как ястребы, хищные птицы,

Сели на дубе высоком отца молненосного Зевса,
Ратями вместе любуясь: ряды их сидели густые,
Грозно щиты и шеломы и острые копья вздымая.
Словно как зефир порывистый по морю зыбь разливает,
Если он вдруг подымается, море чернеет под нею,—
Ратей ряды таковы и троян и бесстрашных данаев
В поле сидели; и Гектор вещал, между ратями стоя:

«Трои сыны и ахеяне храбрые, слух преклоните;
Я вам поведаю, что мне велит благородное сердце:
Наших условий высокоцарящий Кронид не исполнил,
Но, беды совещающий, нам обоюдно готовит
Битвы, покуда иль вы крепкобашенный град наш возьмете,
Или падете от нас при своих кораблях мореходных.
Здесь, о ахеяне, с вами храбрейшие ваши герои;
Тот, у которого сердце со мною сразиться пылает,
Пусть изойдет и с божественным Гектором станет на битву.
Так говорю я, и Зевс уговора свидетель нам будет.
Если противник меня поразит сокрушительной медью,
Сняв он оружия, пусть отнесет к кораблям мореходным;
Тело же пусть возвратит, чтоб трояне меня и троянки,
Честь воздавая последнюю, в доме огню приобщили.
Если же я поражу и меня луконосец прославит —
Взявши доспехи его, внесу в Илион их священный
И повешу во храме метателя стрел Аполлона,
Тело ж назад возвращу к кораблям обоюдувесельным.
Пусть похоронят его кудреглавые мужи ахейцы
И на брегу Геллеспонта широкого холм да насыплют.
Некогда, видя его, кто-нибудь и от поздних потомков
Скажет, плывя в корабле многовеслом по черному понту:
Вот ратоборца могила, умершего в древние веки,
В бранях его знаменитого свергнул божественный Гектор!
Так нерожденные скажут, и слава моя не погибнет».

Рек; и молчанье глубокое все аргивяне хранили:
Вызов стыдились отвергнуть, равно и принять ужасались.
Вдруг восстал Менелай и вещал между сонма ахеян,
Всех упрекая жестоко и горестно сердцем стеная:

«Горе мне! о самохвалы! ахеянки вы, не ахейцы!
Срам для ахейских мужей из ужасных ужаснейший будет,

Если от них ни один не посмеет на Гектора выйти;
Но погибните все вы, рассыпьтесь водою и прахом,
Вы, сидящие здесь, как народ без души и без чести!
Я ополчуся и выйду на Гектора! знаю, что свыше
Жребий победы находится, в воле богов всемогущих».

Так говоря, покрывался поспешно оружием пышным;
И тогда, Менелай, ты расстался бы с сладкою жизнью
В мощных руках Приамида, далеко сильнейшего мужа,
Если б тебя удержать не воздвиглись цари и герои:
Сам повелитель мужей, Агамѐмнон пространнодержавный,
За руку брата схватил, называл и вещал, убеждая:

«Ты исступлен, Менелай благородный! такое безумство
Вовсе тебя недостойно: смири огорченное сердце;
В ревности гордой с сильнейшим тебя не дерзай состязаться,
С Гектором, сыном Приама: его и другие трепещут!
С ним и Пелид быстроногий на славных мужам ратоборствах
С страхом встречается, воин тебя несравненно храбрейший!
Сядь при дружине своей, успокойся, питомец Зевеса;
Мы от ахеян ему единоборца другого возбудим;
Сколь он ни будет бесстрашен и боя кровавого жаден,
С радостью, верно, колена преклонит, когда лишь безвреден
Выйдет из пламенной битвы и страшного единоборства!»

Так говорящий герой отвратил помышление брата,
Правду ему говоря; покорился Атрид, и клевреты
Весело с плеч Менелая оружия светлые сняли.
Нестор от сонма ахеян восстал и вещал им печальный:

«Боги! великая скорбь на ахейскую землю приходит!
Истинно горько восплачет Пелей, седой конеборец,
Славный мужей мирмидонских вития и мудрый советник.
Он восхищался, когда, вопрошая меня в своем доме,
Каждого порознь ахейца разведывал род и потомство;
Ныне ж, когда он услышит, что всех ужасает их Гектор,
Верно, не раз к небожителям руки прострет, да скорее
Дух сокрушенный его погрузится в обитель Аида!
Если бы ныне, о Зевс, Аполлон и Паллада Афина!
Молод я был, как в те годы, когда у гремучего брега
Билася рать пилиян и аркадян, копейщиков славных,
Около фейских твердынь, недалеко от струй Иардана.

В воинстве их впереди Эревфàлион, богу подобный,
Первый стоял, ополченный оружием Арейфоòя,
Славного Арейфоòя, прозванием палиценосца,
Данным ему от мужей и от жен, опоясаньем красных;
Мощный, не луком тугим, не копьем длиннотенным сражался —
Он булавою железной ряды разрывал сопротивных.
Оного храбрый Ликург одолел, но не силой — коварством,
В тесном проходе; не мог он себя булавой и железной
Спасть от смерти: Ликург, на дороге его упредивши,
В чрево копьем поразил, и об дол он ударился тылом.
Снял победитель оружия, дар душегубца Арея;
После и сам их носил, выходя на Ареевы споры.
Но когда обессилел герой, состаревшийся в доме,
Отдал тяжелый доспех Эревфàльону, ратному другу;
Сими доспехами гордый, выкликивал всех он храбрейших;
Все трепетали, страшились, никто не отважился выйти.
Вспыхнуло сердце во мне, на свою уповая отвагу,
С гордым сразиться, хотя между сверстников был я и младший.
Я с ним сразился — и мне торжество даровала Афина!
Больше всех и сильнейшего всех я убил человека!
В прахе лежал он, огромный, сюда и туда распростертый.
Если бы так я был млад и не чувствовал немощи в силах,
Скоро противника встретил бы шлемом сверкающий Гектор!
В вашем же воинстве сколько ни есть храбрейших данаев,
Сердцем никто не пылает противником Гектору выйти!»

Так их старец стыдил; и мгновенно воспрянули девять:
Первый воздвигся Атрид, повелитель мужей Агамѐмнон;
После воспрянул Тидид Диомед, воеватель могучий;
Оба Аякса-вожди, облеченные бурною силой;
Дерзостный Идоменей и его совоинственник грозный,
Вождь Мерион, человеков губителю равный, Арею;
После герой Эврипил, блистательный сын Эвемона;
Вслед Андремòнид Фоас и за ним Одиссей знаменитый.
Столько восстало их, жаждущих с Гектором славным сразиться.
Слово опять обратил к ним Нестор, конник геренский:

«Жребии бросим, друзья, и которого жребий назначит,
Тот несомненно, я верю, возрадует души ахеян
И не менее радостен будет и сам, коль спасенный
Выйдет из пламенной битвы и страшного единоборства».

Так произнес он; и каждый, наметивши собственный жребий,
Бросил в медный шелом Агамѐмнона, сына Атрея.
Рати молились и длани к бессмертным горѐ воздевали;
Так не один говорил, на пространное небо взирая:

«Даруй, о Зевс! да падет на Аякса, или Диомеда,
Иль на царя самого многозлатой Микены, Атрида».

Так говорили; а Нестор шелом сотрясал пред собраньем;
Вылетел жребий из шлема, данаями всеми желанный,
Жребий Аякса; и вестник, понесши кругом по собранью,
Всем, от десной стороны, показал воеводам ахейским:
Знака никто не признал, отрекался от жребия каждый.
Вестник предстал и к тому, по собранию окрест носящий,
Кто и означил и в шлем положил; Теламонид великий
К вестнику руку простер, и вестник, приближася, подал;
Жребий увидевши, знак свой узнал и в восторге сердечном
На землю бросил его и к ахеям вскричал Теламонид:

«Жребий, ахеяне, мой! веселюся и сам я сердечно!
Так над божественным Гектором льщусь одержать я победу.
Други, пока я в рядах боевые доспехи надену,
Вы — молитеся Зевсу, могущему Кронову сыну,
Между собою, безмолвно, да вас не услышат трояне.
Или молитеся громко: мы никого не страшимся!
Кто б ни желал, против воли меня не подвигнет он с поля
Силой, ни ратным искусством; и я не невеждой, надеюсь,
Сам у отца моего в Саламине рожден и воспитан!»

Так говорил; а данаи молили могущего Зевса.
Так не один возглашал, на пространное небо взирая:

«Зевс-отец, обладающий с Иды, преславный, великий,
Дай ты Аяксу обресть и победу и светлую славу!
Если ж и Гектора любишь, когда и об нем промышляешь —
Равные им обоим и могущество даруй и славу!»

Так говорили; Аякс покрывался блистательной медью
И, как скоро одеялся весь в боевые доспехи,
Начал вперед выступать, как Арей выступает огромный,
Если он шествует к брани народов, которых Кронион

Духом вражды сердцегложущей свел на кровавую битву;
Вышел таков Теламонид огромный, твердыня данаев,
Грозным лицом осклабляясь; и звучными сильный стопами
Шел, широко̀ выступая, копьем длиннотенным колебля.
Все аргивяне, смотря на него, восхищалися духом,
Но троянину каждому трепет вступил во все члены;
Даже у Гектора сердце в могучей груди содрогалось;
Но ни врага избежать, ни в толпы ополчений укрыться
Не было боле возможности: сам на сражение вызвал.
Быстро Аякс подходил, пред собою несущий, как башню,
Медяный щит семикожный, который художник составил,
Тихий, усмарь знаменитейший, в Гиле обителью живший;
Он сей щит сотворил легкодвижимый, семь сочетавши
Кож из тучнейших волов и восьмую из меди поверхность.
Щит сей неся перед грудью, Аякс Теламонид могучий
Стал против Гектора близко и голосом грозным воскликнул:

«Гектор, теперь ты узнаешь, один на один подвизаясь,
В рати ахейской земли каковы и другие герои
Есть, без Пелида, фаланг разрывателя, с львиной душою!
Он у своих кораблей, при дружинах своих мирмидонских,
Празден лежит, на царя Агамѐмнона злобу питая.
Нас же, ахеян, которые выйти с тобою готовы,
Много таких! Начинай, Приамид, поединок и битву!»

Но ему отвечал шлемоблещущий Гектор великий:
«Сын Теламонов, Аякс благородный, властитель народа,
Тщетно меня ты, как будто ребенка, испытывать хочешь,
Или как деву, которая дел ратоборных не знает.
Знаю довольно я брань и кровавое мужеубийство!
Щит мой умею направо, умею налево метать я —
Жесткую тяжесть, и с нею могу неусталый сражаться;
Пеший, умею ходить я под грозные звуки Арея;
Конный, умею, скача, с кобылиц быстроногих сражаться.
Но не хочу нападать на такого, как ты, ратоборца,
Скрытно высматривая, но открыто, когда лишь умечу».

Рек он, и, мощно сотрясши, поверг длиннотенную пику
И поразил Теламонида в выпуклый щит семикожный,
В яркую полосу меди, что сверху восьмая лежала;
Шесть в нем полос пробежала, рассекши, бурная пика,

В коже седьмой увязла. Тогда Теламонид великий,
Мощный Аякс, размахнувши, послал длиннотенную пику
И вогнал Приамиду оружие в щит круговидный;
Щит светозарный насквозь пролетела могучая пика,
Броню насквозь, украшеньем изящную, быстро пронзила
И на чреве, под ребрами, самый хитон растерзала,
Бурная. Гектор отпрянул и гибели черной избегнул.
Оба исторгнули вновь длиннотенные копья и разом
Сшиблися вновь, как свирепые львы, пожиратели крови,
Или как звери лесов, нелегко одолимые вепри.
Гектор копьем в середину щита Теламонида грянул,
Но щита не прорвал: на меди изогнулося жало.
В щит, налетевши, ударил Аякс, и насквозь совершенно
Вышло копье, напиравшего Гектора вспять отразило,
Вскользь пробежало по вые, и черная кровь заструилась.
Боя герой не прервал, шлемоблещущий пламенный Гектор,
Но назад он подавшися, камень рукою могучей
Сорвал, средь поля лежавший, черный, жестокий, огромный;
Махом поверг, и Аяксов блистательный щит семикожный
Глыбой в средину ударил; взревела вся медь щитовая.
Быстро Аякс подхватил несравненно огромнейший камень;
Ринул его, размахав, и, напрягши безмерную силу,
В щит угодил и насквозь проломил его камнем жерновным,
Ранил колена врагу; на хребет опрокинулся Гектор,
Сверху натиснут щитом; но незапно воздвиг Приамида
Феб; и тогда рукопашно мечами б они изрубились,
Если б к героям глашатаи, вестники бога и смертных,
Вдруг не предстали — один от троян, а другой от ахеян,
Вестник Идей и Талфибий, мужи разумные оба.
Между героями скиптры они протянули, и рек им
Вестник троянский Идей, исполненный мудрых советов:

«Кончите, дети любезные, кончите брань и сраженье:
Оба равно вы любезны гонителю облаков Зевсу;
Оба храбрейшие воины, в том убедилися все мы.
Но приближается ночь; покориться и ночи приятно».

Быстро к нему обратясь, отвечал Теламонид великий:
«Вестник, что ты произнес, повели произнесть Приамиду:
Он вызывал на сраженье наших храбрейших героев;
Он и начни; покориться готов я, коль он пожелает».

И ему отвечал шлемоблещущий Гектор великий:
«Так, Теламонид, тебе и великость, и силу, и разум
Бог даровал; меж ахеями ты копьеборец славнейший.
Кончим на нынешний день и борьбу и сражение наше;
После сойдемся и будем сражаться, пока уже демон
Нас не разлучит, из двух одному даровавши победу.
Ныне приблизилась ночь; покориться и ночи приятно.
Шествуй — и пред кораблями всех аргивян ты обрадуй,
Более ж другов любезных и ближних, каких ты имеешь;
Я же в Приамовом граде великом обрадую, в Трое,
Сердце троян и длинные ризы влачащих троянок,
Кои молиться о мне соберутся в божественном храме.
Сын Теламонов! почтим мы друг друга дарами на память.
Некогда пусть говорят и Троады сыны и Геллады:
Бились герои, пылая враждой, пожирающей сердце;
Но разлучились они, примиренные дружбой взаимной».

Гектор, слово окончивши, меч подает среброгвоздный
Вместе с ножнами его и красивым ремнем перевесным.
Сын Теламона вручает блистающий пурпуром пояс.

Так разлучася герои, один к ополченьям ахейским
Шествовал, к сонмам троянским другой поспешал; и трояне,
Радуясь сердцем, смотрели, что шествует здрав и безвреден
Гектор, Аяксовой силы и рук необорных избегший;
В град повели Приамида не ждавшие видеть живого.
Так и Аякса красивопоножные мужи данаи
К сыну Атрея вели, восхищенного славой победы.

Им собравшимся в кущах владыки народов Атрида,
Ради пришедших, тельца пятилетнего царь Агамѐмнон,
Тучного, жертвой заклал всемогущему Зевсу Крониду.
Быстро его одирают, трудятся, всего рассекают,
Рубят искусно на мелкие части, пронзают рожнами,
Жарят на них осторожно и, всё уготовив, снимают.
Скоро окончился труд, и немедленно пир уготован;
Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем;
Но Аякса-героя особо хребтом бесконечным
Сам Агамѐмнон почтил, повелитель ахеян державный.
И когда питием и пищею глад утолили,
Старец в собрании первый слагать размышления начал,

Нестор, который и прежде блистал превосходством советов;
Он, благомысленный, так говорил и советовал в сонме:

«Царь Агамѐмнон и вы, воеводы народов данайских!
Много уже на боях полегло кудреглавых данаев,
Коих черную кровь по брегам пышноструйного Ксанфа
Бурный Арей разлиял, и в Аид погрузились их души.
Должно с зарею, Атрид, прекратить ратоборство данаев.
Мы же, поднявшися дружно, свезем с побоища трупы
В стан на волах и на месках и все совокупно сожжем их,
Одаль судов мореходных, да кости отцовские детям
Каждый в дом понесет, возвращаяся в землю родную.
После, на месте сожженья, собравшись, насыплем могилу.
Общую всем на долине, а подле построим немедля
Стену и башни высокие, нам и судам оборону.
В оных устроим ворота и крепко сплоченные створы,
Путь бы чрез оные был колесницам и коням просторный.
Подле стены той, снаружи, ров ископаем глубокий;
Пусть он, идущий кругом, воспящает и конных и пеших,
Чтоб когда-либо рать не нагрянула гордых пергамлян».

Так говорил он; совет одобряя, цари восклицали.
Мужи троянские также совет, на вершине Пергама,
Смутный и шумный держали, пред домом Приама-владыки.
Первый на нем Антенор совещать благомысленный начал:

«Трои сыны, и дарданцы, и вы, о союзники наши!
Слух преклоните, скажу я, что в персях мне сердце внушает:
Ныне решимся: Елену Аргивскую вместе с богатством
Выдадим сильным Атридам; нарушивши клятвы святые,
Мы вероломно воюем; зато и добра никакого
Нам, я уверен, не выйдет, пока не исполним, как рек я».

Так произнесши, воссел Антенор; и восстал между ними
Богу подобный Парис, супруг лепокудрой Елены;
Он Антенору в ответ устремляет крылатые речи:

«Ты, Антенор, говоришь неугодное мне совершенно!
Мог ты совет и другой, благотворнейший всем нам, примыслить!
Если же то, что сказал, произнес ты от чистого сердца,
Разум твой, без сомнения, боги похитили сами!

Я меж троян, укротителей коней, поведаю мысли,
И скажу я им прямо: Елены не выдам, супруги!
Что до сокровищ, которые в дом я из Аргоса вывез,
Все соглашаюся выдать и собственных к оным прибавить».

Так произнес и воссел Приамид; и восстал между ними
Древний Приам Дарданид, советник, равный бессмертным.
Он, благомыслия полный, советовал так на соборе:

«Трои сыны, и дарданцы, и вы, о союзники наши!
Слух преклоните, скажу я, что в персях мне сердце внушает:
Ныне вы, дети мои, вечеряйте во граде, как прежде;
Помните стражу ночную и бодрствуйте каждый настраже.
Завтра же вестник Идей да пойдет к кораблям мореходным,
Мощным Атрея сынам, Агамѐмнону и Менелаю,
Думу поведать Париса, от коего распря восстала.
Он и сию им измолвит разумную речь: не хотят ли
Мало почить от погибельной брани, доколе убитых
Трупы сожжем; и заратуем снова, пока уже демон
Нас не разлучит, одним иль другим даровавши победу».

Так говорил; и, внимательно слушая, все покорились.
Рати троянские вместе, толпа близ толпы, вечеряли.
Рано утром Идей отошел к кораблям мореходным
И обрел уж на сонме данаев, клевретов Арея,
Подле кормы корабельной царя Агамѐмнона. Вестник
Стал посреди воевод и вещал им голосом звучным:

«Царь Агамѐмнон и вы, предводители ратей ахейских!
Царь мне Приам повелел и другие сановники Трои
Думу поведать, когда то желательно вам и приятно,
Сына его Александра, от коего распря восстала:
Те из сокровищ, которые он в кораблях многоместных
В Трою из Аргоса вывез (о лучше б он прежде погибнул!),
Хочет все возвратить и собственных к оным прибавить;
Но супругу младую Атрида царя, Менелая,
Выдать Парис отрекается, как ни склоняли трояне.
Слово еще и сие повелели сказать: не хотите ль
Вы опочить от погибельной брани, доколе убитых
Трупы сожжем; и заратуем снова, пока уже демон
Нас не разлучит, одним иль другим даровавши победу».

Рек; и молчанье глубокое все аргивяне хранили.
Но меж них взговорил Диомед, воеватель могучий:

«Нет, да никто между нас не приемлет сокровищ Париса,
Даже Елены! Понятно уже и тому, кто бессмыслен,
Что над градом троянским грянуть готова погибель!»

Так произнес; и воскликнули окрест ахейские мужи,
Все удивляясь речам Диомеда, смирителя ко̀ней.
И тогда ко Идею вещал Агамѐмнон державный:

«Слышишь ты сам, провозвестник троянский, речи ахеян:
Так отвечают ахеяне, так я и сам помышляю.
Что до сожжения мертвых, нисколько тому не противлюсь.
Долг — ничего не щадить для окончивших дни человеков,
И умерших немедленно должно огнем успокоить.
Зевс да услышит обет мой, Геры супруг громоносный!»

Так произнес, и горѐ небожителям поднял он скипетр;
И обратно Идей отошел к Илиону святому.
Тою порою сидели на сонме трояне, дардане,
Все совокупно: они ожидали, когда возвратится
Вестник почтенный. Идей возвратился и, став посреде их,
Весть произнес; и, поднявшись, трояне готовились быстро,—
Те привозить мертвецов, а другие — древа из дубравы.
Сонмы ахеян равно от судов многовеслых спешили,
Те привозить мертвецов, а другие — древа из дубравы.

Солнце лучами новыми чуть поразило долины,
Вышед из тихокатящихся волн Океана глубоких
В путь свой небесный, как оба народа встретились в поле.
Трудно им было узнать на побоище каждого мужа:
Только водой омывая покрытых и кровью и прахом,
Клали тела на возы, проливая горючие слезы;
Громко рыдать Приам запрещал им — трояне безмолвно
Мертвых своих на костер полагали, печальные сердцем,
И, предав их огню, возвратилися к Трое священной.
Так и с другой стороны меднолатные мужи ахейцы
Мертвых своих на костер полагали, печальные сердцем,
И, предав их огню, возвращались к судам мореходным.

Не было угро еще, но седели уж сумраки ночи,
И на труд поднялися ахеян отборные мужи.
Там, где тела сожигали, насыпали дружно могилу,
Общую всем на долине; близ оной воздвигнули стену,
Башни высокие, воинству их и судам оборону;
В них сотворили ворота и крепко сплоченные створы,
Путь бы чрез оные был колесницам и коням просторный.
Подле стены той, снаружи, ров ископали великий,
Всюду широкий, глубокий, и колья по нем водрузили.
Так подвизалися там кудреглавые мужи ахейцы.

Боги меж тем, восседя у Кронида метателя молний,
Все изумлялися, видя великое дело ахеян.
В сонме их начал вещать Посидàон, зѐмли колебатель:

«Зевс-громовержец, какой человѐк на земле беспредельной
Ныне богам исповедает волю свою или помысл?
Или не видишь ты, в ночь кудреглавые мужи ахейцы
Создали стену своим кораблям и пред нею глубокий
Вывели ров, а бессмертным от них возданы ль гекатомбы?
Слава о ней распрострется, где только денница сияет;
Но забудут об оной, которую я с Аполлоном
Около града царю Лаомѐдону создал, томяся!»

Гневно вздохнув, отвечал Посидàону Зевс-тучеводец:
«Бог многомощный, землею колеблющий! что ты вещаешь!
Пусть от бессмертных другой устрашается замыслов равных,
Кто пред тобою далёко слабее и силой и духом!
Слава твоя распрострется, где только денница сияет.
Верь и дерзай, и когда кудреглавные мужи ахейцы
В быстрых судах понесутся к любезным отечества землям,
Стену сломи их и, всю с основания в море обрушив,
Изнова берег великий покрой ты песками морскими,
Да и след потребится огромной стены сей ахейской».

Так взаимно бессмертные между собою вещали.
Солнце зашло, и свершилось великое дело ахеян.
В кущах они закалали тельцов, вечерять собирались.
Тою порой корабли, нагруженные винами Лемна,
Многие к брегу пристали: Эвней Язòнид послал их,
Сын Ипсипѝлы, рожденный с Язоном, владыкой народа.

Двум Атрейонам, царю Агамѐмнону и Менелаю,
Тысячу мер, как подарок, напитка прислал Язонйон.
Прочие мужи ахейские меной вино покупали:
Те за звенящую медь, за седое железо меняли,
Те за воловые кожи или за волов круторогих,
Те за своих полоненных. И пир уготовлен веселый.
Целую ночь кудреглавые мужи ахейцы по стану
Вкруг пировали; а Трои сыны и союзники — в граде.
Целую ночь им беды совещал олимпийский провидец,
Грозногремящий,— и страх находил на пирующих бледный:
Мужи вино проливали из кубков; не смел ни единый
Пить, не возлив наперед всемогущему Кронову сыну.
Все наконец возлегли и дарами сна насладились.

ПЕСНЬ VIII

СОДЕРЖАНИЕ

Зевс, собравши всех богов, запрещает им, под жестокою карою, пособлять воюющим народам и предлагает богам испытать, если они желают, могущество его, посредством золотой цепи, спустив ее с неба. Кончив угрозы благоволительной речью к Палладе, он в колеснице удаляется на Иду, ст. 1—52. Оттуда смотрит на битву, которая с обеих сторон продолжается с равным успехом до полудня; но в сие время он, взвесив на весах роковые жребии обоих народов, бросает молнию, знаменая поражение ахеян; храбрейшие из них предаются бегству, 53—79. Нестор, у которого один из коней ранен, остается и подвергает опасности свою жизнь при приближении Гектора, 80—90. Диомед призывает, но напрасно, Одиссея, защитить старца; наконец сам принимает его в свою колесницу и, напав на Гектора, убивает возницу его, 91—129. Трояне вновь поколебаны; но Зевс перуном, перед конями Диомеда поверженным, принуждает Нестора и Диомеда к бегству, 130—157. Гектор злословит бегущего; герой негодует и, желая опять обратиться на Гектора, удерживается новым громом Зевса, 158—171. Гектор возбуждает троян напасть на корабли ахейские; обращает речь к коням своим. убеждая их догнать Диомеда, которого убить он похваляется, 172—198. Гера негодует и преклоняет Посидона, но бесполезно, восстать за ахеян. По ее внушению Агамемнон воинство ахеян, уже за стену отраженных, одушевляет громкими укоризнами и молением к Зевсу, который ниспосылает ему орла, в счастливое знамение, 199—250. Ахеяне с новым жаром обращаются на троян, и Диомед первый; молодой Тевкр, стоя под щитом Аякса, многих поражает стрелами, 251—277; несколько раз метит в Гектора, но тщетно, и скоро сам поражен от него камнем, 278—334. Трояне, снова Зевсом одушевленные, обращают в бегство ахеян; их пресле-

дует Гектор, победою гордый, 335—349. Гера и Паллада негодуют на неправосудие Зевса и, решась помогать ахеянам, устремляются в колеснице; но Зевс, узрев их с Иды, посылает Ирису с угрозами и с повелением удержать их, 350—437; сам, возвратясь на Олимп, жестоко укоряет непокорных богинь и угрожает, что завтра он еще большее поражение нанесет ахеянам, 438—484. С наступлением ночи прерван бой. Гектор, на самом месте боя предложив распорядительные советы троянам, там же, недалеко от кораблей, располагается на ночь станом; трояне, по совету его, учреждают стражу и, зажегши в стане множество огней, которые поэт сравнивает со звездами, кругом их проводят всю ночь в гордых мечтаниях, 485—565.

ПЕСНЬ VIII

В ризе златистой заря простиралась над всею землею,
Как богов на собор призвал молнелюбец Кронион;
И, на высшей главе многохолмного сидя Олимпа,
Сам он вещал; а бессмертные окрест безмолвно внимали.

«Слушайте слово мое, и боги небес и богини:
Я вам поведаю, что мне в персях сердце внушает;
И никто от богинь и никто от богов да не мыслит
Слово мое ниспровергнуть; покорные все совокупно
Мне споспешайте, да я беспрепятственно дело исполню!
Кто ж из бессмертных мятежно захочет, и я то узнаю,
С неба сойти, пособлять илионянам или данаям,
Тот, пораженный позорно, страдать на Олимп возвратится!
Или восхичу его и низвергну я в сумрачный Тартар,
В пропасть далекую, где под землей глубочайшая бездна,
Где и медяный помост и ворота железные, Тартар,
Столько далекий от ада, как светлое небо от дола!
Там он почувствует, сколько могучее всех я бессмертных!
Или дерзайте, изведайте, боги, да все убедитесь:
Цепь золотую теперь же спустив от высокого неба,
Все до последнего бога и все до последней богини
Свесьтесь по ней; но совлечь не возможете с неба на землю
Зевса, строителя вышнего, сколько бы вы ни трудились!
Если же я, рассудивши за благо, повлечь возжелаю —
С самой землею и с самым морем ее повлеку я
И моею десницею окрест вершины Олимпа
Цепь обовью; и вселенная вся на высоких повиснет —
Столько превыше богов и столько превыше я смертных!»

Так он вещал; и молчанье глубокое боги хранили,
Все пораженные речью: ужасно грозен вещал он;
Но наконец светлоокая так возгласила Афина:

«О всемогущий отец наш, Кронион, верховный владыко!
Ведаем мы совершенно, что сила твоя необорна;
Но милосердуем мы об ахеянах, доблестных воях,
Кои, судьбу их жестокую скоро исполнив, погибнут.
Все мы, однако, от брани воздержимся, если велишь ты;
Мы лишь советы внушим аргивянам, да храбрые мужи
В Трое погибнут не все под твоим сокрушительным гневом».

Ей, улыбаясь, ответствовал тучегонитель Кронион:
«Бодрствуй, Тритония, милая дочь! не с намереньем в сердце
Я говорю, и с тобою милостив быть я желаю».

Так произнес он, и впряг в колесницу коней медноногих,
Бурно летающих, гривы волнующих вкруг золотые;
Золотом сам он одеялся; в руку художеством дивный
Бич захватил золотой и на блещущей стал колеснице;
Коней погнал — и, послушные, быстро они полетели,
Между землею паря и звездами усеянным небом.
Он устремлял их на Иду, зверей многоводную матерь,
К Гàргару-хòлму, где роща его и алтарь благовонный.
Там коней удержал повелитель бессмертных и смертных
И, от ярма отрешив, окружил их мраком великим.
Сам на вершине Идейской воссел, величаяся славой,
Град созерцая троян и суда меднобронных данаев.

Тою порой укрепилися снедью ахейские мужи,
Быстро по кущам и в битву оружием все покрывались.
Трои сыны на другой стороне ополчались по граду,
В меньшем числе, но и так готовые крепко сражаться,
Нуждой влекомые кровной, сражаться за жен и детей их.
Все растворились вороты; из оных зареяли рати
Конные, пешие; шум между толп их воздвигся ужасный.

Рати, на место одно устремляяся, быстро сошлися;
Разом сразилися кожи, сразилися копья и силы
Воинов, медью одеянных; выпуклобляшные разом
Сшиблись щиты со щитами; гром поднялся ужасный.

Вместе смешались победные крики и смертные стоны
Воев губящих и гибнущих; кровью земля заструилась.

Долго, как длилося утро и день возрастал светоносный,
Стрелы и тех и других поражали — и падали вои.
Но, лишь сияющий Гелиос стал на средине небесной,
Зевс распростер, промыслитель, весы золотые; на них он
Бросил два жребия смерти, в сон погружающей долгий,
Жребий троян конеборных и меднооружных данаев;
Взял посредине и пòднял — данайских сынов преклонился
День роковой, данайских сынов до земли многоплодной
Жребий спустился, троян же до звездного неба вознесся.

Страшно грянул от Иды Кронид и перун, по лазури,
Пламенный бросил в ахейские рати; ахейцы, увидя,
Все изумились, покрылися лица их ужасом бледным.
Идоменей оставаться не смел, ни Атрид Агамѐмнон;
Ни Аяксы-вожди не остались, клевреты Арея.
Нестор один средь побоища, страж аргивян, оставался
Волей не доброю: конь пострадал, пораженный стрелою.
Ранил его Александр, супруг лепокудрой Елены,
В голову, в самое темя, где первые волосы коней
Идут от черепа к вые, — опасное место; от боли
Конь заскакал на дыбы: пернатая в мозг погрузилась.
Коней смутил и других он, крутяся вкруг пагубной меди.
Тою порою, как старец, к коню пораженному бросясь,
Припряжь отсечь напрягается, Гектора быстрые кони
Скачут сквозь волны бегущих, отважного мча властелина,
Гектора! Тут бы старец жизнь погубил неизбежно,
Если б его не узрел Диомед, воеватель могучий.
Страшно воскликнул герой, призывая царя Одиссея:

«Сын благородный Лаерта, герой Одиссей многоумный!
Что ты бежишь, обращая хребет, как в толпе малодушный?
Пику тебе, берегися, вонзят бегущему в плечи.
Стань, Одиссей, отразим мы от старца свирепого мужа».

Рек; не услышал его Одиссей, благородный страдалец;
Мимо промчался, бежа к кораблям многоместным ахейским.
Но Диомед, и один оставаясь, вперед устремился;
Стал перед конским ярмом геренского старца Нелида
И к нему взговорил, устремляя крылатые речи:

«Старец, жестоко тебя ратоборцы младые стесняют!
Сила оставила, старость тебя удручила лихая;
Немощен твой и возница, и кони твои непроворны.
Шествуй ко мне, взойди на мою колесницу; увидишь,
Троса кони каковы, несказанно искусные в поле
Быстро летать и туда и сюда, и в погоне и в бегстве.
Я их вчера у Энея отбил, разносителя бегства.
Вверь ты своих попеченью сподвижников, сих же с тобою
Мы устремим на троян конеборных, да ныне и Гектор
Узрит, в руке и моей способна ль свирепствовать пика!»

Так произнес; не преслушался Нестор, конник геренский;
Старца приняв кобылиц, озаботились ими клевреты,
Сильные двое, Сфенел с Эвримѐдоном славолюбивым.
Сами вожди совокупно вошли в колесницу Тидида;
Нестор немедленно в руки приял блестящие вожжи,
Коней стегнул, и пред Гектором быстро они очутились.
В Гектора, прямо летящего, дрот Диомед устремляет;
И в него не попал; но его браздодержца-клеврета,
Сына Фебея почтенного, смелого Эниопѐя,
Коней браздами гонящего, в грудь поражает у сердца;
В прах с колесницы он пал, и отпрянули в сторону кони
Бурные; там сокрушилась его и душа и могучесть.
Гектору сердце стеснила жестокая скорбь о вознице;
Но его наконец, невзирая на жалость о друге,
Бросил и смелого окрест возницы искал; и недолго
Кони нуждались в правителе; скоро достойный явился,
Архептолѐм, Ифитид бесстрашный; ему он на кòней
Быстрых взойти повелел и бразды к управлению вверил.

Сеча была б, совершилось бы невозвратимое дело,
В граде своем заключились бы, словно как овцы, трояне;
Но увидел то быстро отец и бессмертных и смертных.
Он, загремевши ужасно, перун сребропламенный бросил
И на землю его, пред конями Тидида, повергнул.
Страшным пламенем вверх воспаленная пыхнула сера;
Кони от ужаса, прянув назад, под ярмом задрожали;
Пышные кòней бразды убежали из старцевых дланей;
С сердцем трепещущим он провещал к Диомеду-герою:

«Друг Диомед, оборачивай к бегству коней быстроногих.
Или не чувствуешь ты, не тебе от Кронида победа!

Ныне его на бою громомещущий Зевс прославляет,
Гектора. После, быть может, когда возжелает, дарует
Славу и нам: человек не преложит советов Зевеса,
Сколько бы ни был он силен,— могучее он, громовержец!»

Но ему отвечал Диомед, знаменитый воитель:
«Всё справедливо и всё ты разумно, старец, вещаешь;
Но болезнь мне жестокая сердце и душу проходит!
Гектор некогда скажет, пред сонмом троян велереча:
Вождь Диомед от меня к кораблям убежал, устрашенный.
Скажет хвалясь, и тогда расступися, земля, подо мною!»

Вновь Диомеду ответствовал Нестор, конник геренский:
«Сын браноносца Тидея, бестрепетный, что ты вещаешь?
Если бы Гектор тебя и робким назвал и бессильным,
Веры ему не дадут ни дардане, ни граждане Трои;
Веры ему не дадут и супруги троян-щитоносцев,
Коих супругов цветущих толпы распростер ты по праху».

Так говоря, обратил он на бегство коней звуконогих
Рати бегущей в толпу; и на них и трояне и Гектор,
Страшные крики подняв, задождили свистящие стрелы.
Голосом звучным кричал ему вслед шлемоблещущий Гектор:

«О Диомед! перед всеми тебя почитали данаи
Местом, и брашном, и полными кубками в пиршествах общих;
Впредь не почтут: пред всех их женщиной ты оказался!
Сгибни, презренная дева! скорей, чем, меня отразивши,
Нà стены наши взойдешь, или наших супруг похищенных
В плен повлечешь ты, скорее тебя я к демону свергну!»

Так восклицал; а Тидид волновался в сомнительных думах:
Вспять обратить ли коней и сразиться ли противуставши?
Трижды на думу сию и умом он и сердцем решался;
Трижды с идейского Гàргара грозно гремел промыслитель
Зевс, возвещая троянам победу сомнительной битвы.
Гектор же снова троян возбуждал, восклицающий звучно:

«Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукопашцы дарданцы!
Будьте мужами, о други, помните бурную доблесть!

Чувствую, мне благосклонный Кронид знаменает сим громом
В брани победу и славу, ахейцам же срам и погибель!
Мужи безумцы, они в оборону примыслили стены,
Слабые, храбрым презренные, силам моим не преграда!
Кони же наши легко чрез ископанный ров перепрянут.
Но когда я приближусь к аргивским судам мореходным,
Помните, други! с огнем вы пылающим будьте готовы.
Пламенем я истреблю их суда и самих пред судами
Всех изобью аргивян, удушаемых дымом пожарным!»

Так произнесши, к коням обратился и к ним говорил он:
«Ксанф и Подарг, и божественный Ламп, и могучий мой Эфон!
Ныне, о кони, вы мне заплатите за корм свой роскошный:
Часто моя Андромаха, почтенная дочь Гетиона,
Первым вам предлагала пшеницу приятную в пищу,
Вам растворяла вино к питию, до желания сердца,
Прежде меня, для нее драгоценного мужа младого!
Мчитеся ж, кони, летите; настигнем врагов и похитим
Несторов щит, о котором слава до неба восходит,
Будто из золота весь он — и круг и его рукояти;
И с рамен Диомеда, смирителя коней, добудем
Пышные, дивные латы, Гефеста бессмертного дело!
Если похитим мы их, несомненно уверен, ахейцы
В эту же ночь на суда быстролетные бросятся к бегству!»

Так возносясь, восклицал он; прогневалась мощная Гера,
Восколебалась на троне, и дрогнул Олимп многохолмный.
Быстро вещала она к Посидону, великому богу:

«Бог многомощный, колеблющий землю! ужели нисколько
Сердце твое не страдает о гибнущих храбрых данаях?
Тех, что и в Эге тебе и в Гѐлике столько приятных
Жертв и даров посвящают? споспешествуй им ты в победе!
Если б и все, аргивян покровители, мы возжелали,
Трои сынов отразив, обуздать громоносного Зевса,
Скоро бы он сокрушился, сидя одинокий на Иде!»

Ей, негодуя, ответствовал мощный земли колебатель:
«О дерзословная Гера! какие ты речи вещаешь?
Нет, не желаю отнюдь, чтобы кто-либо смел от бессмертных
С Зевсом Кронидом сражаться: могуществом всех он превыше!»

Так на Олимпе бессмертные между собою вещали.
Тою порой от судов, между рвом и стеною, пространство
Всё наполнено было и ко̀ней и воев толпами
Страшно теснимых данаев: теснил их подобно Арею
Гектор могучий, когда даровал ему славу Кронион.
Он истребил бы свирепым огнем и суда их у моря,
Если бы Гера царю Агамѐмнону в мысль не вложила
Быстро народ возбудить, хоть и сам он об оном же пекся;
Он устремился стопами широкими к стану ахеян,
Мощной рукою держа великий свой плащ пурпуровый.
Стал Агамѐмнон на черный, огромный корабль Одиссея,
Бывший в средине, да голос его обоюдно услышат
В кущах конечных Аякса и в кущах царя Ахиллеса,
Кои на самых концах с многовеслыми их кораблями
Стали, надежные оба на силу их рук и на храбрость.
Там, поразительным голосом, он вопиял к аргивянам:

«Стыд, аргивяне! отродье презренное, дивные видом!
Где похвальбы, как храбрейшими сами себя величали,
Те, что на Лемне, тщеславные, громко вы произносили?
Там на пирах, поедая рогатых волов неисчетных,
Чаши до дна выпивая, вином через край налитые,
На сто, на двести троян, говорили вы, каждый из наших
Станет смело на бой! а теперь одного мы не стоим
Гектора! Он к кораблям приближается с пламенем бурным!
Зевс Олимпийский, кого на земле от царей многомощных
Равной ты карой карал и толикой лишал его славы?
Я же, о Зевс, миновал ли когда твой алтарь велелепный,
В черном моем корабле сюда на несчастие плывший?
Нет, на всех возжигал я тельчие туки и бедра,
Сердцем пылая разрушить высокотвердынную Трою.
Ныне, о Зевс, хоть одно для меня ты исполни желанье!
Дай хотя нам ты самим от врагов избежать и спастися;
Здесь не предай на погибель сынам Илиона ахеян!»

Рек; умилился отец над царем, проливающим слезы;
Знаменье дал, да спасется аргивский народ, не погибнет:
Быстро орла ниспослал, между вещих вернейшую птицу.
Мчащий в когтях он еленя, рождение быстрыя лани.
Близ алтаря велелепного Зевсова бросил еленя,
Где племена аргивян поклонялись всевещему Зевсу.

Чуть усмотрели они, что от Зевса явилася птица,
Жарче на рати троянские бросились, вспыхнули боем.

Но не успел ни один, сколь ни много данаев тут было,
Славиться прежде Тидида, что, бурных коней устремивши,
Выгнал за ров, на противных ударил и смело сразился.
Первый из всех он троянского мужа, доспешника, свергнул,
Фрàдмона ветвь, Агелàя; тогда как троянец на бегство
Коней ворочал, ему обращенному острую пику
Он между плеч углубил и сквозь перси кровавую выгнал;
Пал с колесницы он в прах, и взгремели на падшем доспехи.
После Тидида Атриды-цари устремилися оба;
Вслед их Аяксы-вожди, облеченные бурною силой;
Идоменей Девкалѝд и его сподвижник ужасный,
Вождь Мерион, Эниàлию равный, губителю смертных;
После герой Эврипил, препрославленный сын Эвемона.
Тевкр же, девятым исшед, наляцатель жестокого лука,
Стал под великим щитом Теламонова сына Аякса.
Часто Аякс отсторанивал щит; а стрелец знаменитый,
Вкруг осмотревши и метко стрельнувши в толпу сопротивных,
Ранил кого-либо; раненый, пав, расставался с душою;
Тевкр же бросался назад и, как к матери сын, приникал он
К брату Аяксу, и, сильный, щитом покрывал его светлым.

Кто ж меж троянами первый сражен Теламонидом Тевкром?
Первый Орсѝлох, за ним Офелèст и воинственный Ормен,
Детор и Хрòмий и муж Ликофòнт, небожителю равный,
Гамопаòн, Полиѐмонов сын и могучий Мелàнип —
Сих, одного за другим, положил он на тучную землю.
Тевкра увидев, восхитился духом Атрид Агамѐмнон,
Как он из крепкого лука троян истребляет фаланги;
Быстро приблизился, стал и к нему, восхищенный, воскликнул:

«Тевкр, удалàя глава! предводитель мужей, Теламонид!
Так поражай и успеешь, и светом ахейцам ты будешь,
Славой отцу Теламону, тебя возлелеял он с детства
И, побочного сына, воспитывал в собственном доме:
Старца, хотя и далекого, славой возвысь благородной!
Я же тебе говорю, и исполнено слово то будет:
Ежели даруют мне громовержущий Зевс и Афина
Град разорить, устроением пышную Трою Приама,—

Первому после меня тебе вручу я награду:
Или треножник сияющий, или коней с колесницей,
Или младую жену, да с тобою восходит на ложе».

Рек он; и быстро Атриду ответствовал Тевкр непорочный:
«Сын знаменитый Атреев, почто, как и сам я стараюсь,
Ты побуждаешь меня? ни на миг я, покуда есть сила,
Празден не буду; с тех пор, как троян отразили мы к граду,
С тех уже пор я стрелами, врагов принимая, сражаю.
Восемь уже я послал изощреннейших стрел долгожалых;
Восемь вонзились они в благороднейших юношей ратных;
Только сего не дается свирепого пса мне уметить!»

Так произнес, и пернатою новой из лука он прыснул,
В Гектора метя; его поразить разгоралось в нем сердце,
И в него не попал; но невинного Горгифѝона,
Храброго сына Приамова, в грудь поразил он стрелою,
Сына, который рожден от жены, из Эзимы поятой,
Кастианѝры прекрасной, видом богине подобной.
Словно как мак в цветнике наклоняет голову набок,
Пышный, плодом отягченный и крупною влагой весенней,—
Так он голову набок склонил, отягченную шлемом.

Тевкр же пернатою новой из лука могучего прыснул,
В Гектора метя; его поразить распылалось в нем сердце,
И не уметил опять: Аполлон отразил роковую;
Архептолѐма она, Приамидова друга-возницу,
Пламенно в бой устремлявшегось, острая, в грудь поразила,—
В прах с колесницы он пал, и отпрянули в сторону кони
Бурные; там сокрушилась его и душа и могучесть.
Тяжкая грусть по вознице у Гектора сердце стеснила;
Но оставил его, невзирая на жалость о друге;
Брату герой повелел, Кебриону, стоящему близко,
Конские вожжи принять, и немедленно тот покорился.
Гектор же сам с колесницы сияющей прянул на землю
С криком ужасным и, камень рукою восхитив огромный,
Ринулся прямо на Тевкра, убить стреловержца пылая.
Тою порой из колчана пернатую горькую вынув,
Тевкр приложил к тетиве,— и его шлемоблещущий Гектор,
Лук налягавшего крепкий, по раму, где ключ отделяет
Выю от персей и где особливо опасное место,—

Там, на себя устремленного, камнем ударил жестоким,
Жилу рассек у стрельца; онемела рука возле кисти,
Он на колено поникнул, и лук из руки его выпал.
Сын Теламонов, Аякс, не оставил падшего брата;
Быстро примчась, заступил и щитом заградил круговидным.
Тою порой, под него преклоняся, усердные други,
Ехиев сын, Мекистей, и младой, благородный Аластор,
К черным его кораблям понесли, стенящего тяжко.

Снова храбрость троян олимпиец Кронион возвысил;
Прямо к глубокому рву трояне погнали ахеян;
Гектор вперед между первыми несся, могучестью гордый.
Словно как пес быстрорыщущий льва или дикого вепря,
Следом гоня и на резвые ноги надеяся, ловит
То за бока, то за бедра и все стережет извороты,—
Так шлемоблещущий Гектор данаев гнал, непрестанно
Мужа последнего пикой сражая; бежали данаи.
Но когда перешли частокол и окоп свой глубокий.
В смуте бежа, и от рук уже вражеских многие пали,—
Подле судов удержались от бегства ахейские мужи.
Там, ободряя друг друга и руки горѐ воздевая,
Всех олимпийских богов умоляли мольбой громогласной.
Гектор же грозный носился кругом на конях пышногривых,
Взором подобный Горгоне и людоубийце Арею.

Так их увидев, исполнилась жалости Гера-богиня
И мгновенно к Палладе крылатую речь устремила:
«Дщерь громовержца Кронида, Паллада! ужели данаям,
Гибнущим горестно, мы хоть в последний раз не поможем?
Верно, жестокий свой жребий они совершат и погибнут
Все под рукой одного; нестерпимо над ними свирепство
Гектора, сына Приамова: сколько он зла им соделал!»

Ей отвечала немедленно дочь громовержца Афина:
«И давно бы уж он и свирепство и душу извергнул,
Здесь, на родимой земле, сокрушенный руками данаев,
Если б отец мой, Кронид, не свирепствовал мрачной душою.
Лютый, всегда неправдивый, моих предприятий рушитель,
Он никогда не воспомнит, что несколько раз я спасала
Сына его, Эврисфѐем томимого в подвигах тяжких.
Там он вопил к небесам, и меня от высокого неба

Сыну его помогать ниспослал олимпиец Кронион.
Если б я прежде умом проницательным то предузнала,
В дни, как его Эврисфѐй посылал во Аид крепковратный
Пса увести из Эрева, от страшного бога Аида,—
Он не избегнул бы гибельных вод глубокого Стикса.
Ныне меня ненавидит и волю Фетиды свершает:
Ноги лобзала ему и касалась брады Нереида,
Слезно моля, да прославит он ей градоборца Пелида.
Будет, когда он опять назовет и Афину любезной!
Гера, не медли, впряги в колесницу коней звуконогих;
Я между тем поспешаю в чертоги отца Эгиоха;
Там я оружием грозным на бой ополчусь и увижу,
Нам Приамид сей надменный, шеломом сверкающий Гектор,
Будет ли рад, как мы явимся обе на битвенном поле?
О! не один и троянец насытит псов и пернатых
Телом и туком своим, распростерясь пред судами ахеян!»

Так изрекла; преклонилась лилейнораменная Гера;
Бросясь и быстро носясь, снаряжала коней златосбруйных
Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона.
Тою порой Афина в чертоге отца Эгиоха
Тонкий покров разрешила, струей на помост он скатился,
Пышноузорный, который сама, сотворив, украшала;
Вместо его облачася броней громоносного Зевса,
Бранным доспехом она ополчалася к брани плачевной;
Так в колеснице пламенной став, копием ополчилась
Тяжким, огромным, могучим, которым ряды сокрушает
Сильных, на коих разгневана дщерь всемогущего бога.
Гера немедля с бичом налегла на коней быстролетных;
С громом врата им небесные сами разверзлись, при Горах,
Страже которых Олимп и великое вверено небо,
Чтобы облак густой разверзть иль сомкнуть перед ними.
Оным путем, чрез сии врата подстрекаемых коней
Гнали богини. От Иды узрев их, исполнился гнева
Зевс,— и Ирису к ним устремил златокрылую с вестью:

«Мчися, Ириса крылатая, вспять возврати их, не дай им
Дальше стремиться; или не к добру мы сойдемся во брани!
Так я, реки им, вещаю и так непреложно исполню:
Коням я ноги сломлю под блестящею их колесницей;
Их с колесницы сражу и в прах сокрушу колесницу!

И ни в десять свершившихся лет круговратных богини
Язв не излечат глубоких, какие мой гром нанесет им.
Будет помнить Афина, когда на отца ополчалась!
Но против Геры не столько я злобен, не столько я гневен:
Гера обыкнула всё разрушать мне, что я ни замыслю!»

Рек он; и бросилась вестница, равная вихрям Ириса;
Прямо с Идейских вершин на великий Олимп устремилась.
Там, при первых вратах многохолмной горы Олимпийской
Встретив богинь, удержала и Зевсов глагол возвестила:

«Что предприемлете? что ваше сердце свирепствует в персях?
Зевс воспрещает Кронид поборать кудреглавым ахейцам.
Так он грозил, громовержец, и так непреложно исполнит —
Сломит колена коням под златой колесницею вашей,
Вас с колесницы сразит и в прах сокрушит колесницу.
И ни в десять уже совершившихся лет круговратных
Вы не излечите язв, которые гром нанесет вам.
Будешь, Афина, ты помнить, когда на отца ополчалась!
Но против Геры не столько он злобен, не столько он гневен:
Гера обыкнула всё разрушать, что Кронид ни замыслит!
Ты же, ужасная,— псица бесстыдная, ежели точно
Противу Зевса дерзаешь поднять огромную пику!»

Слово скончав, отлетела подобная вихрям Ириса.
И к Афине тогда провещала державная Гера:
«Нет, светлоокая дочь Эгиохова! Я не желаю,
Я не позволю себе против Зевса за смертных сражаться!
Пусть между ними единый живет, а другой погибает,
Как предназначено; Зевс, совещаяся с собственным сердцем,
Сам да присудит что следует Трои сынам и ахейцам!»

Так произнесши, назад обратила коней быстроногих.
Горы, принесшимся им, пышногривых коней отрешили.
Их привязали браздами у яслей, амврозии полных;
Но колесницу богинь преклонили к стенам кругозарным.
Сами богини, притекшие вспять, между сонма бессмертных
Сели на кресла златые, с печалью глубокою в сердце.

Зевс от Иды-горы, в колеснице красивоколесной,
Коней к Олимпу погнал и принесся к собору бессмертных.

Коней его отрешил Посидон, земли колебатель,
И колесницу, покрыв полотном, на подножьи поставил.
Сам на златом престоле пространногремящий Кронион
Сел — и великий Олимп задрожал под стопами владыки.
Смутны, одни, от Зевса далёко, Афина и Гера
Вместе сидели, не смея начать ни вопроса, ни речи.
Мыслью своею проник то Кронион и сам возгласил к ним:

«Чем опечалены так и Афина и Гера-богиня?
В брани, мужей прославляющей, вы подвизались недолго,
К пагубе храбрых троян, на которых пылаете злобой!
Так, у меня таковы необорные силы и руки;
Боги меня не подвигнут, колико ни есть на Олимпе!
Вам же трепет объял и сердца и прекрасные члены,
Прежде чем брань вы узрели и грозные подвиги брани.
Паки глаголю я вам (и глаголы б мои совершились):
Вы на своей колеснице, моим пораженные громом,
Вспять никогда не пришли б на Олимп, обитель бессмертных!»

Так он вещал; негодуя, вздохнули Афина и Гера;
Вместе сидели они и троянам беды совещали.
Но Афина смолчала, не молвила, гневная, слова
Зевсу-отцу; а ее волновала свирепая злоба.
Гера же гнева в груди не сдержала, воскликнула к Зевсу:

«Мрачный Кронион! какие слова ты, жестокий, вещаешь?
Ведаем мы совершенно, что сила твоя необорна;
Но милосердуем мы об ахеянах, доблестных воях,
Кои, судьбу их жестокую скоро исполнив, погибнут!
Обе, однако, от брани воздержимся, если велишь ты;
Мы лишь советы внушим аргивянам, да храбрые мужи
В Трое погибнут не все под твоим сокрушительным гневом».

К ней обратясь, возгласил воздымающий тучи Кронион:
«Завтра с денницею ты, волоокая, грозная Гера,
Можешь, коль хочешь, увидеть, как будет Кронид многомощный
Боле еще истреблять ополчение храбрых данаев,
Ибо от брани руки не спокоит стремительный Гектор
Прежде, пока при судах не воспрянет Пелид быстроногий,
В день, как уже пред кормами их воинства будут сражаться,
В страшной столпясь тесноте, вкруг Патроклова мертвого тела,

Так суждено! и пылающий гнев твой в ничто я вменяю!
Если бы даже ты в гневе дошла до последних пределов
Суши и моря, туда, где Япет и Крон заточенный,
Сидя, ни ветром, ни светом высокоходящего солнца
Век насладиться не могут; кругом их Тартар глубокий!
Если б, вещаю тебе, и туда ты, скитаясь, достигла,
Гнев твой вменю ни во что, невзирая на всю твою наглость!»

Рек; и умолкла пред Зевсом лилейнораменная Гера,
Пал между тем в Океан лучезарный пламенник солнца,
Черную ночь навлекая на многоплодящую землю.
День сокрылся противу желаний троян; но ахейцам
Сладкая, всем вожделенная, мрачная ночь наступила.

В войске троянском совет сотворил блистательный Гектор,
Вдаль от ахейских судов, к реке отошедши пучинной,
В чистое поле, где место от трупов свободное было.
Там, сошедшие с кòней, трояне слушали слово.
Гектор его говорил им великий; в деснице держал он
Пику в одиннадцать лактей; далеко на пике сияло
Медное жало ее и кольцо вкруг него золотое.
Он, опираясь на пику, вещал им крылатые речи:

«Слух преклоните, трояне, дардане и рати союзных!
Я уповал, что в сей день, истребив и суда и ахеян,
Мы торжествуя обратно в святый Илион возвратимся.
Прежде настигнула тьма; и единая тьма сохранила
Рать аргивян и суда их на береге шумного моря.
Други, и мы покоримся настигнувшей сумрачной ночи;
Вечерю здесь учредим. Ратоборцы, коней пышногривых
Всех вы от ярм отрешивши, задайте обильно им корму;
Сами скорее из града волов и упитанных агниц
К вечере в стан пригоните; вина животворного, хлебов
Нам из домов принесите; и после совлечь поспешайте
Множество леса, да целую ночь, до зари светоносной,
Окрест огни здесь пылают и зарево к небу восходит;
Ради того, чтоб во тьме кудреглавые мужи ахейцы
В дом не решились бежать по широким хребтам Геллеспонта,
Или дабы на суда не взошли безопасно и мирно.
Нет, пускай не один и в отечестве рану врачует,
Раненный острым копьем иль крылатой стрелою троянской,

Скачущий в судно данаец; и пусть ужаснутся народы
Слезную брань наносить укротителям коней троянам!
Вестники, Зевсу любезные, вы объявите, да в граде
Бодрые отроки все и от лет убеленные старцы
Трою святую кругом стерегут с богосозданных башен;
Жены ж, слабейшие силами, каждая в собственном доме,
Яркий огонь да разводят, и крепкая стража да будет:
В град не ворвался б враждебный отряд при отсутствии воинств.
Так да будет, как я говорю, браноносцы трояне!
Мысли, народу сегодня полезные, сказаны мною;
Завтра другие троянам, смирителям ко̀ней, скажу я.
Льщуся, молясь и надеясь на Зевса и прочих бессмертных,
Я изгоню из Троады неистовых псов навожденных,
Коих судьба лихая на черных судах привела к нам.
Но во мраке ночном охраним и себя мы во стане;
Завтра же, с светом зари, ополчася оружием бранным,
Мы пред судами ахеян воздвигнем свирепую жесточь.
Там я увижу, меня ль Диомед, воеватель могучий,
Боем к стенам от судов отразит, или я, Диомеда
Медью убив, в Илион возвращуся с корыстью кровавой.
Завтра пред нами покажет он мужество, если посмеет
Встретить летящий мой дрот; но, надеюся, завтра меж первых
Будет пронзенный лежать, с неисчетными окрест друзьями,
Он перед солнцем всходящим. О! если бы столько же верно
Был я бессмертен и жизнью моей никогда не стареющ
Славился всеми, как славятся Феб и Паллада Афина,—
Сколько то верно, что день сей несет аргивянам погибель!»

Так Приамид говорил; и кругом восклицали трояне;
Быстрых коней отрешали, под ярмами по̀том покрытых,
И, пред своей колесницею каждый, вязали браздами.
После из града и тучных волов и упитанных агниц
К рати поспешно пригнали, вина животворного, хлебов
В стан принесли из домов, навлачили множество леса
И сожигали полные в жертву богам гекатомбы.[1]
Их благовоние ветры с земли до небес возносили
Облаком дыма; но боги блаженные жертв не прияли,
Презрели их: ненавистна была им священная Троя,
И владыка Приам, и народ копьеносца Приама.

---

[1] Как в сей песни, так и в других, стихи, лишние против изданий Кларка и Гейне, взяты из издания Вольфа.

VIII. 553—565

Гордо мечтая, трояне на поприще бранном сидели
Целую ночь; и огни их несчетные в поле пылали.
Словно как на небе около месяца ясного сонмом
Кажутся звезды прекрасные, ежели воздух безветрен;
Всё кругом открывается — хо̀лмы, высокие горы,
Долы; небесный эфир разверзается весь беспредельный;
Видны все звезды; и пастырь, дивуясь, душой веселится,—
Столько меж черных судов и глубокопучинного Ксанфа
Зрелось огней троянских, пылающих пред Илионом.
Тысяча в поле горело огней, и пред каждым огнищем
Вкруг пятьдесят ратоборцев сидело при зареве ярком.
Кони их, белым ячменем и сладкой питаяся полбой,
Подле своих колесниц ожидали зари лепотронной.

ПЕСНЬ IX

СОДЕРЖАНИЕ

Ахейцы, пораженные в битве, проводят ночь в страхе и беспокойстве. Агамемнон, отчаясь в спасении, сзывает собрание и повелевает бежать, ст. 1—28. Диомед возражает и отвращает его от безрассудного намерения; так же и Нестор, 29—78, по совету коего учреждается стража, для охранения стана, и Агамемнон дает пир старейшинам. По окончании оного Нестор советует умилостивить Ахиллеса, чтобы он присоединился к воинству, 79—113. Агамемнон на сие соглашается, обещает Ахиллесу, если он с ним примирится, дать знаменитые дары и возвратить Бризеиду неприкосновенною, 114—161. Нестор избирает для сего послов: Феникса, бывшего наставника Ахиллесова, старшего Аякса, Одиссея и двух вестников, которые и отправляются, 162—184. Послы находят Ахиллеса играющим на лире, 185—195; он принимает их дружелюбно; угощает трапезою, по окончании которой первый говорит Одиссей, 196—306; Ахиллес возражает сурово и отвергает всё, 307—429; второй убеждает его Феникс, рассказывая, между прочим, повесть о гневе Мелеагра, 430—605; Ахиллес отвечает гневно, велит Фениксу остаться у него и грозится завтра отплыть с ним в отечество; других послов отпускает, 606—623. Наконец говорит Аякс, и краткою, но сильною речью потрясает душу его, 624—642; Ахиллес оставляет намерение ехать, но с Агамемноном не примиряется, 643—655. Аякс и Одиссей уходят, и вестию о безуспешном посольстве опечаливают ахеян. Диомед ободряет их своею речью и советует на следующее утро снова сражаться, 656—713.

ПЕСНЬ IX

Так охраняли трояне свой стан; но ахеян волнует
Ужас, свыше ниспосланный, бегства дрожащего спутник;
Грусть нестерпимая самых отважнейших дух поражает.
Словно два быстрые ветра волнуют понт многорыбный,
Шумный Борей и Зѐфир, кои, из Фракии дуя,
Вдруг налетают, свирепые: вдруг почерневшие зыби
Грозно холмятся и множество пороста хлещут из моря,—
Так раздиралися души в груди благородных данаев.

Царь Агамѐмнон, печалью глубокою в сердце пронзенный,
Окрест ходил, рассылая глашатаев звонкоголосых
К сонму вождей приглашать, но по имени каждого мужа,
Тихо, без клича, и сам между первых владыка трудился.
Мужи совета сидели унылые. Царь Агамѐмнон
Встал, проливающий слезы, как горный поток черноводный
С верху стремнистой скалы проливает мрачные воды.
Он, глубоко стенающий, так говорил меж данаев:

«Други, вожди и властители мудрые храбрых данаев,
Зевс-громовержец меня уловил в неизбежную гибель!
Пагубный! прежде обетом и знаменьем сам предназначил
Мнѐ возвратиться рушителем Трои высокотвердынной;
Ныне же злое прельщение он совершил и велит мне
В Аргос бесславным бежать, погубившему столько народа!
Так, без сомнения, богу, всемощному Зевсу, угодно.
Многих уже он градо̀в сокрушил высокие главы,

И еще сокрушит: беспредельно могущество Зевса.
Други, внемлите и, что повелю я вам, все повинуйтесь:
Должно бежать; возвратимся в драгое отечество наше;
Нам не разрушить Трои, с широкими стогнами града!»

Так говорил; и молчанье глубокое все сохраняли;
Долго сидели безмолвны, унылые духом, данаи.
Но меж них наконец взговорил Диомед благородный:

«Сын Атреев! на речи твои неразумные первый
Я возражу, как в собраньях позволено; царь, не сердися.
Храбрость мою порицал ты недавно пред ратью ахейской;
Робким меня, невоинственным ты называл; но довольно
Ведают то аргивяне — и юноша каждый и старец.
Дар лишь единый тебе даровал хитроумный Кронион:
Скипетром власти славиться дал он тебе перед всеми;
Твердости ж не дал, в которой верховная власть человека!
О добродушный! ужели ты веришь, что мы, аргивяне,
Так невоинственны, так малосильны, как ты называешь?
Ежели сам ты столь пламенно жаждешь в дом возвратиться,
Мчися! Дорога открыта, суда возле моря готовы,
Коих толикое множество ты устремил из Микены.
Но останутся здесь другие герои ахеян.
Трои пока не разрушим во прах! но когда и другие...
Пусть их бегут с кораблями к любезным отечества землям!
Я и Сфенел остаемся и будем сражаться, доколе
Трои конца не найдем; и надеюся, с богом пришли мы!»

Так произнес; и воскликнули окрест ахейские мужи,
Смелым дивяся речам Диомеда, смирителя ко̀ней.
Но между ними восстав, говорил благомысленный Нестор:

«Сын Тидеев, ты, как в сражениях воин храбрейший,
Так и в советах, из сверстников юных, советник отличный.
Речи твоей не осудит никто из присущих данаев,
Слова противу не скажет; но речи к концу не довел ты.
Молод еще ты и сыном моим, без сомнения, был бы
Самым юнейшим; однакож, Тидид, говорил ты разумно
Между аргивских царей, говорил бо ты всё справедливо.
Ныне же я, пред тобою гордящийся старостью жизни,
Слово скажу и окончу его, и никто из ахеян

Речи моей не осудит, ни сам Агамѐмнон державный.
Тот беззаконен, безроден, скиталец бездомный на свете,
Кто междусобную брань, человекам ужасную, любит!
Но покоримся теперь наступающей сумрачной ночи:
Воинство пусть вечеряет; а стражи пусть совокупно
Выйдут и станут кругом у изрытого рва за стеною.
Дело сие возлагаю на юношей. После немедля
Ты начни, Агамѐмнон: державнейший ты между нами.
Пир для старейшин устрой: и прилично тебе и способно;
Стан твой полон вина; аргивяне его от фракиян
Каждый день в кораблях по широкому понту привозят;
Всем к угощенью обилуешь, властвуешь многим народом.
Собранным многим, того ты послушайся, кто между ними
Лучший совет присоветует, нужен теперь для ахеян
Добрый, разумный совет: сопостаты почти пред судами
Жгут огни неисчетные; кто веселится, их видя?
Днешняя ночь иль погубит нам воинство, или избавит!»

Так он вещал; и, внимательно слушав, они покорились.
К страже, с оружьем в руках, устремились ахейские мужи:
Несторов сын, Фразимѐд, народа пилосского пастырь;
С ним Аскала̀ф и Ия̀лмен, сыны мужегубца Арея,
Критский герой Мерио̀н, Деипѝр, Афарѐй нестрашимый
И Крейона рождение, вождь Ликомед благородный.
Семь воевод предводили стражу; и по сту за каждым
Юношей стройно текли, воздымая высокие копья.
К месту пришед, между рвом и стеной посредине воссели;
Там разложили огонь, и устроивал вечерю каждый.

Царь Агамѐмнон старейшин ахейских собравшихся вводит
В царскую сень и пир предлагает им, сердцу приятный.
К сладостным яствам предложенным руки герои простерли;
И когда питием и пищею глад утолили,
Старец меж оными первый слагать помышления начал,
Нестор, который и прежде блистал превосходством советов;
Он, благомысленный, так говорил и советовал в сонме:

«Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамѐмнон!
Слово начну я с тебя и окончу тобою: могучий
Многих народов ты царь, и тебе вручил олимпиец
Скиптр и законы, да суд и совет произносишь народу.

Более всех ты обязан и сказывать слово и слушать;
Мысль исполнять и другого, если кто, сердцем внушенный,
Доброе скажет, но что совершить от тебя то зависит.
Ныне — я вам поведаю, что̀ мне является лучшим.
Думы другой, превосходнее сей, никто не примыслит,
В сердце какую ношу я, с давней поры и доныне,
С оного дня, как ты, о божественный, Бризову дочерь
Силой из кущи исторг у пылавшего гневом Пелида,
Нашим не вняв убеждениям. Сколько тебе, Агамѐмнон,
Я отговаривал; но, увлекаяся духом высоким,
Мужа, храбрейшего в рати, которого чествуют боги,
Ты обесчестил, награды лишив. Но хоть ныне, могучий,
Вместе подумаем, как бы его умолить нам, смягчивши
Лестными сердцу дарами и дружеской ласковой речью».

Быстро ему отвечал повелитель мужей Агамѐмнон:
«Старец, не ложно мои погрешения ты обличаешь.
Так, погрешил, не могу отрекаться я! Стоит народа
Смертный единый, которого Зевс от сердца возлюбит:
Так он сего, возлюбив, превознес, а данаев унизил.
Но как уже погрешил, обуявшего сердца послушав,
Сам я загладить хочу и несметные выдать награды.
Здесь, перед вами, дары знаменитые все я исчислю:

Десять талантов золота, двадцать лаханей блестящих;
Семь треножников новых, не бывших в огне, и двенадцать
Коней могучих, победных, стяжавших награды ристаний.
Истинно жил бы не беден и в злате высоко ценимом
Тот не нуждался бы муж, у которого было бы столько,
Сколько наград для меня быстроногие вынесли кони!
Семь непорочных жен, рукодельниц искусных, дарую,
Лесбосских, коих тогда, как разрушил он Лесбос цветущий,
Сам я избрал, красотой побеждающих жен земнородных.
Сих ему дам; и при них возвращу я и ту, что похитил,
Бризову дочь; и притом величайшею клятвой клянуся:
Нет, не всходил я на одр, никогда не сближался я с нею,
Так, как мужам и женам свойственно меж человеков.
Всё то получит он ныне; еще же, когда аргивянам
Трою Приама великую боги дадут ниспровергнуть,
Пусть он и медью и златом корабль обильно наполнит,
Сам наблюдая, как будем делить боевую добычу.

Пусть из троянских жен изберет по желанию двадцать,
После Аргивской Елены красой превосходнейших в Трое.
Если же в Аргос придем мы, в ахейский край благодатный,
Зятем его назову я и честью сравняю с Орестом,
С сыном одним у меня, возрастающим в полном довольстве.
Три у меня расцветают в дому благосозданном дщери:
Хризофемѝса, Лаòдика, юная Ифианàсса.
Пусть он, какую желает, любезную сердцу, без вена
В отческий дом отведет; а приданое сам я за нею
Славное дам, какого никто не давал за невестой.
Семь подарю я градов, процветающих, многонародных:
Град Кардамѝлу, Энòпу и тучную травами Геру,
Феры, любимые небом, Анфèю с глубокой долиной,
Гроздьем венчанный Педàс и Эпèю, град велелепный.
Все же они у приморья, с Пѝлосом смежны песчаным;
Их населяют богатые мужи овцàми, волами,
Кои дарами его, как бога, чествовать будут
И под скиптром ему заплатят богатые дани.
Так я немедля исполню, как скоро вражду он оставит.
Пусть примирится; Аид несмирим, Аид непреклонен;
Но зато из богов ненавистнее всех он и людям.
Пусть мне уступит как следует: я и владычеством высшим,
Я и годов старшинством перед ним справедливо горжуся».

Рек; и Атриду ответствовал Нестор, конник геренский:
«Сын знаменитый Атрея, владыка мужей Агамèмнон!
Нет, дары не презренные хочешь ты дать Ахиллесу.
Благо, друзья! поспешим же нарочных послать, да скорее
Шествуют мужи избранные к сени царя Ахиллеса.
Или позвольте, я сам изберу их; они согласятся:
Феникс, любимец богов, предводитель посольства да будет;
После Аякс Теламонид и царь Одиссей благородный;
Но Эврибàт и Годѝй да идут, как вестники, с ними.
На руки дайте воды, сотворите святое молчанье,
И помолимся Зевсу, да ныне помилует нас он!»

Так говорил; и для всех произнес он приятное слово.
Вестники скоро царям возлияли на руки воду;
Юноши, чермным вином наполнив доверху чаши,
Кубками всем подносили, от правой страны начиная.
В жертву богам возлияв и испив до желания сердца,

Вместе послы поспешили из сени Атрида-владыки.
Много им Нестор идущим наказывал, даже очами
Каждому старец мигал, но особенно сыну Лаерта:
Всё б испытали, дабы преклонить Ахиллеса-героя.
Мужи пошли по брегу немолчно шумящего моря,
Много моляся, да землю объемлющий земледержатель
Им преклонить поможет высокую душу Пелида.
К сеням пришед и к судам мирмидонским, находят героя;
Видят, что сердце свое услаждает он лирою звонкой,
Пышной, изящно украшенной, с сребряной на̀кольней сверху,
Выбранной им из корыстей, как град Гетионов разрушил,—
Лирой он дух услаждал, воспевая славу героев.
Менетиа̀д перед ним лишь единый сидел, и безмолвный
Ждал Эакида, пока песнопения он не окончит.
Тою порою приближась, послы, Одиссей впереди их,
Стали против Ахиллеса; герой изумленный воспрянул
С лирой в руках и от места сидения к ним устремился.
Так и Менетиев сын, лишь увидел пришедших, поднялся.
В встречу им руки простер и вещал Ахиллес быстроногий:

«Здравствуйте! истинно други приходите! Верно, что нужда!
Но и гневному вы из ахеян любезнее всех мне».

Так произнес, и повел их дальше Пелид благородный;
Там посадил их на креслах, на пышных коврах пурпуровых,
И, обратясь, говорил к находящемусь близко Патроклу:

«Чашу поболее, друг Менетѝд, подай на трапезу;
Цельного нам раствори и поставь перед каждого кубок:
Мужи, любезные сердцу, собрались под сенью моею!»

Так говорил; и Патрокл покорился любезному другу.
Сам же огромный он лот положил у огнищного света
И хребты разложил в нем овцы и козы утучнелой,
Бросил и окорок жирного борова, туком блестящий.
Их Автомѐдон держал, рассекал Ахиллес благородный;
После искусно дробил на куски и вонзал их на вертел.
Жаркий огонь между тем разводил Менетѝд боговидный.
Чуть же огонь ослабел и багряное пламя поблекло,

Угли разгребши, Пелид вертела̀ над огнем простирает
И священною солью кропит, на подпор подымая.
Так их обжарив кругом, на обеденный стол сотрясает.
Тою порою Патрокл по столу, в красивых корзинах,
Хлеб расставил; но яствы гостям Ахиллес благородный
Сам разделил и против̀ Одиссея, подобного богу,
Сел на другой стороне, а жертвовать жителям неба
Другу Патроклу велел; и в огонь он бросил начатки.
К сладостным яствам предложенным руки герои простерли;
И когда питием и пищею глад утолили,
Фениксу знак Теламо̀нид подал; Одиссей то постигнул,
Кубок налил и приветствовал, за руку взявши, Пелида:

«Здравствуй, Пелид! в дружелюбных нам пиршествах нет
недостатка,
Сколько под царскою сенью владыки народов Атрида,
Столько и здесь; изобильно всего к услаждению сердца
В пире твоем; но теперь не о пиршествах радостных дело.
Грозную гибель, питомец Крониона, близкую видя,
В трепете мы, в неизвестности, наши суда мы избавим
Или погубим, ежели ты не одеешься в крепость!
Близко судов, под стеной уже нашею стан положили
Гордые мужи трояне и их дальноземные други;
В стане кругом зажигают огни и грозятся, что боле
Их не удержат, что прямо на наши суда они грянут.
Им и Зевес, благовестные знаменья вправе являя,
Молнией блещет! и Гектор, ужасною силой кичася,
Буйно свирепствует, крепкий на Зевса; в ничто он вменяет
Смертных и самых богов, обладаемый бешенством страшным.
Молится, только б скорей появилась денница святая,
Хвалится завтра срубить с кораблей кормовые их гребни,
Пламенем бурным пожечь корабли и самих нас, ахеян,
Всех перед ними избить, удушаемых дымом пожарным.
Страшно, герой, трепещу я, да гордых угроз Приамида
Боги ему не исполнят; а нам да не судит судьбина
Гибнуть под Троей, далёко от Аргоса, милой отчизны!
Храбрый, воздвигнись, когда ты желаешь, хоть поздно, ахеян,
Столь утесненных, избавить от ярости толпищ троянских.
После тебе самому то горестно будет, но поздно,
Зло допустивши, искать исправления. Лучше во время,
Раньше помысли, да пагубный день отвратишь от ахеян.

Друг! не тебе ли родитель, Пелей, заповедывал старец,
В день, как из Ффии тебя посылал к Атрееву сыну:
Доблесть, мой сын, даровать и Афина и Гера-богиня
Могут, когда соизволят; но ты лишь в персях горячих
Гордую душу обуздывай; кротость любезная лучше.
Распри злотворной, как можно, чуждайся, да паче и паче
Между ахеян тебя почитают младые и старцы.
Так заповедывал старец; а ты забываешь. Смягчися,
Гнев отложи, сокрушительный сердцу! Тебе Агамѐмнон
Выдаст дары многоценные, ежели гнев ты оставишь.
Хочешь ли, слушай, и я пред тобой и друзьями исчислю,
Сколько даров знаменитых тебе обещал Агамѐмнон:

Десять талантов золота, двадцать лаханей блестящих,
Семь треножников новых, не бывших в огне, и двенадцать
Кȯней могучих, победных, стяжавших награды ристаний.
Истинно, жил бы не беден и в злате высоко ценимом
Тот не нуждался бы муж, у которого было бы столько,
Сколько Атриду наград быстроногие вынесли кони!
Семь непорочных жен, рукодельниц искусных, дарует,
Лесбосских, коих тогда, как разрушил ты Лесбос цветущий,
Сам он избрал, красотой побеждающих жен земнородных;
Их он дарит; и при них возвращает и ту, что похитил,
Бризову дочь; и притом величайшею клятвой клянется:
Нет, не всходил он на одр, никогда не сближался он с нею,
Так, как мужам и женам свойственно меж человеков.
Всё то получишь ты ныне; еще же, когда аргивянам
Трою Приама великую боги дадут ниспровергнуть,
Целый корабль ты и медью и златом обильно наполни,
Сам наблюдая, как будем делить боевые корысти;
Сам между женами пленными выбери двадцать троянок,
После Аргивской Елены красой превосходнейших в Трое.
Если ж воротимся в Аргос ахейский, край благодатный,
Зятем тебя назовет он и честью с Орестом сравняет,
С сыном одним у него, возрастающим в полном довольстве.
Трех дочерей он невест в благосозданном доме имеет:
Хризофемѝсу, Лаȯдику, юную Ифианассу.
Ты, по желанью, из оных, любезную сердцу, без вена
В отческий дом отведи; а приданое сам он за нею
Славное выдаст, какого никто не давал за невестой.
Семь подарит он градов, процветающих, многонародных:
Град Кардамѝлу, Энȯпу и тучную паствами Геру,

Феры, любимые небом, Анфѐю с глубокой долиной,
Гроздьем венчанный Педа̀с и Эпѐю, град велелепный.
Все же они у приморья, с Пи̇̀лосом смежны песчаным;
Их населяют богатые мужи овца̀ми, волами,
Кои дарами тебя, как бога, чествовать будут
И под скиптром тебе заплатят богатые дани.
Так он исполнит немедля, коль скоро вражду ты оставишь.
Если ж Атрид Агамѐмнон еще для тебя ненавистен,
Он и подарки его,— пожалей о других ты ахейцах,
В стане жестоко стесненных; тебя, как бессмертного бога,
Рати почтут; между них ты покроешься дивною славой!
Гектора ты поразишь! до тебя он приближится ныне,
Буйством своим обезумленный; он никого не считает
Равным себе меж данаями, сколько ни есть их под Троей!»

Рек; и ему на ответ говорил Ахиллес быстроногий:
«Сын благородный Лаертов, герой Одиссей многоумный!
Должен я думу свою тебе объявить откровенно,
Как я и мыслю и что я исполню, чтоб вы перестали
Вашим жужжаньем скучать мне, один за другим приступая:
Тот ненавистен мне, как врата ненавистного ада,
Кто на душе сокрывает одно, говорит же другое.
Я же скажу вам прямо, что̀ почитаю я лучшим:
Нет, ни могучий Атрид, ни другие, надеюсь, данаи
Сердца во мне не смягчат; и какая тому благодарность,
Кто беспрестанно, безустально бился на битвах с врагами!
Равная доля у вас нерадивцу и рьяному в битве;
Та ж и единая честь воздается и робким и храбрым;
Всё здесь равно, умирает бездельный иль сделавший много!
Что мне наградою было за то, что понес я на сердце,
Душу мою подвергая вседневно опасностям бранным?
Словно как птица, бесперым птенцам промышляючи корму,
Ищет и носит во рту и, что горько самой, забывает,—
Так я под Троею сколько ночей проводил бессонных,
Сколько дней кровавых на сечах жестоких окончил,
Ратуясь храбро с мужами и токмо за жен лишь Атридов!
Я кораблями двенадцать градов разорил многолюдных;
Пеший одиннадцать взял на троянской земле многоплодной;
В каждом из них и сокровищ бесценных и славных корыстей
Много добыл; и, сюда принося, властелину Атриду

Все отдавал их; а он позади, при судах оставаясь,
Их принимал, и удерживал много, выделивал мало;
Несколько выдал из них, как награды царям и героям;
Целы награды у всех — у меня ж одного из данаев
Отнял, и, властвуя милой женой, наслаждается ею,
Царь сладострастный! За что же воюют троян аргивяне?
Рати зачем собирал и за что их привел на Приама
Сам Агамѐмнон? не ради ль одной лепокудрой Елены?
Или супруг непорочных любят от всех земнородных
Только Атрея сыны? Добродетельный муж и разумный
Каждый свою бережет и любит, как я Бризеиду:
Я Бризеиду любил, несмотря что оружием добыл!
Нет, как награду исторгнул из рук и меня обманул он,
Пусть не прельщает! Мне он известен, меня не уловит!
Пусть он с тобой, Одиссей, и с другими царями ахеян
Думает, как от судов отвратить пожирающий пламень.
Истинно, многое он и один без меня уже сделал:
Стену для вас взгромоздил и окоп перед оною вывел
Страшно глубокий, широкий, и внутрь его колья уставил!
Но бесполезно! Могущества Гектора, людоубийцы,
Сим не удержит. Пока меж аргивцами я подвизался,
Боя далеко от стен начинать не отважился Гектор —
К Скейским вратам лишь и к дубу дохаживал; там он однажды
Встретился мне, но едва избежал моего нападенья.
Больше с божественным Гектором я воевать не намерен.
Завтра, Зевсу воздав и другим небожителям жертвы,
Я нагружу корабли и немедля спущу их на волны.
Завтра же, если желаешь и если тебя то заботит,
С ранней зарею узришь, как по рыбному понту помчатся
Все мои корабли, под дружиною жарко гребущей.
Если счастливое плаванье даст Посидон мне могучий,
В третий я день, без сомнения, Ффии достигну холмистой.
Там довольно имею, что бросил, сюда я повлекшись;
Много везу и отселе: золота, меди багряной,
Пленных, красноопоясанных жен и седое железо;
Всё, что по жребию взял; но награду, что он даровал мне,
Сам, надо мною ругаясь, и отнял Атрид Агамѐмнон,
Властию гордый! Скажите ему вы, что я говорю вам,
Всё и пред всеми: пускай и другие, как я, негодуют,
Если кого из ахеян еще обмануть уповает,
Вечным бесстыдством покрытый! Но, что до меня, я надеюсь,

Он, хоть и нагл, как пес, но в лицо мне смотреть не посмеет!
С ним не хочу я никак сообщаться, ни словом, ни делом!
Раз он, коварный, меня обманул, оскорбил, и вторично
Словом уже не уловит, довольно с него! но спокойный
Пусть он исчезнет! лишил его разума Зевс-промыслитель.
Даром гнушаюсь его и в ничто самого я вменяю!
Если бы в десять и в двадцать он крат предлагал мне сокровищ,
Сколько и ныне имеет и сколько еще их накопит,
Даже хоть всё, что приносят в Орхòмен иль Фивы эгиптян,
Град, где богатства без сметы в обителях граждан хранятся,
Град, в котором сто врат, а из оных из каждых по двести
Ратных мужей в колесницах, на быстрых конях выезжают;
Или хоть столько давал бы мне, сколько песку здесь и праху,—
Сердца и сим моего не преклонит Атрид Агамѐмнон
Прежде, чем всей не изгладит терзающей душу обиды!
Дщери супругой себе не возьму от Атреева сына;
Если красою она со златой Афродитою спорит,
Если искусством работ светлоокой Афине подобна,
Дщери его не возьму! Да найдет из ахеян другого,
Кто ему больше приличен и царственной властию выше.
Ежели боги меня сохранят и в дом возвращусь я,
Там — жену благородную сам сговорит мне родитель.
Много ахеянок есть и в Гелладе и в счàстливой Ффии,
Дщерей ахейских вельмож, и градов и земель властелинов,—
Сердцу любую из них назову я супругою милой.
Там, о, как часто мое благородное сердце алкает,
Брачный союз совершив, с непорочной супругою милой
В жизнь насладиться стяжаний, старцем Пелеем стяжанных.
С жизнью, по мне, не сравнится ничто: ни богатства, какими
Сей Илион, как вещают, обиловал,— град, процветавший
В прежние мирные дни, до нашествия рати ахейской,
Ни сокровища, сколько их каменный свод заключает
В храме Феба-пророка в Пифòсе, утесами грозном.
Можно всё приобресть, и волов, и овец среброрунных;
Можно стяжать и прекрасных коней и златые треноги;
Душу ж назад возвратить невозможно; души не стяжаешь,
Вновь не уловишь ее, как однажды из уст улетела.
Матерь моя среброногая, мне возвестила Фетида:
Жребий двоякий меня ведет к гробовому пределу:
Если останусь я здесь, перед градом троянским сражаться —
Нет возвращения мне, но слава моя не погибнет.

Если же в дом возвращусь я, в любезную землю родную,
Слава моя погибнет, но будет мой век долголетен,
И меня не безвременно смерть роковая постигнет.
Я и другим воеводам ахейским советую то же:
В домы отсюда отплыть; никогда вы конца не дождетесь
Трои высокой: над нею перунов метатель Кронион
Руку свою распростер, и возвысилась дерзость народа.
Вы возвратитесь теперь и всем благородным данаям
Мой непреложно ответ, как посланников долг, возвестите.
Пусть на совете другое примыслят, вернейшее, средство,
Как им спасти и суда и ахейский народ, утесненный
Подле судов мореходных; а то, что замыслили ныне,
Будет без пользы ахеянам: я непреклонен во гневе.
Феникс останется здесь, у нас успокоится старец;
Завтра же, если захочет — неволей его не беру я,—
Вместе со мной в кораблях отплывет он к любезной отчизне».

Так возразил; и молчание долгое все сохраняли,
Речью его пораженные: грозно ее говорил он.
Между послов наконец провещал, заливаясь слезами,
Феникс, конник седой; трепетал о судах он ахейских:

«Если уже возвратиться, Пелид благородный, на сердце
Ты положил и от наших судов совершенно отрекся
Огнь отразить пожирающий — гнев запал тебе в душу,—
Как, о возлюбленный сын, без тебя один я останусь?
Вместе с тобою меня послал Эакид, твой родитель,
В день, как из Ффии тебя отпускал в ополченье Атрида.
Юный, ты был неискусен в войне, человечеству тяжкой;
В сонмах советных неопытен, где прославляются мужи.
С тем он меня и послал, да тебя всему научу я:
Был бы в речах ты вития и делатель дел знаменитый.
Нет, мой возлюбленный сын, без тебя не могу, не желаю
Здесь оставаться, хотя бы сам бог обещал, всемогущий,
Старость совлекши, вновь возвратить мне цветущую младость:
Годы, как бросил Гелладу я, славную жен красотою,
Злобы отца избегая, Аминтора, грозного старца.
Гневался он на меня за пышноволосую деву:
Страстно он деву любил и жестоко бесславил супругу,
Матерь мою; а она, обнимая мне ноги, молила
С девою прежде почить, чтобы стал ненавистен ей старец.

Я покорился и сделал. Отец мой, то скоро приметив,
Начал меня проклинать, умоляя ужасных эринний,
Ввек на колена свои да не примет он милого сына,
Мной порожденного: отчие клятвы исполнили боги,
Зевс подземный и чуждая жалости Персефония.
В гневе убить я отца изощренною медью решился;
Боги мой гнев укротили, представивши сердцу, какая
Будет в народе молва и какой мне позор в человеках,
Ежели отцеубийцей меня прозовут аргивяне!
Но от оной поры для меня уже стало несносно,
Близко отца раздраженного, в доме с тоскою скитаться.
Други, родные мои, неотступно меня окружая,
Силились общей мольбой удержать в отеческом доме.
Много и тучных овец и тяжелых волов круторогих
В доме зарезано; многие свиньи, блестящие туком,
По двору были простерты на яркий огонь обжигаться;
Много выпито было вина из кувшинов отцовских.
Девять ночей непрерывно они вкруг меня ночевали;
Стражу держали, сменяяся; целые ночи не гаснул
В доме огонь; один — под крыльцом на дворе крепкостенном,
И другой — в сенях, пред дверями моей почивальни.
Но когда мне десятая темная ночь наступила,
Я у себя в почивальне искусно створявшиесь двери
Выломал, вышел и быстро чрез стену двора перепрянул,
Тайно от всех и домовых жен и мужей стерегущих.
После далеко бежал чрез обширные степи Геллады
И пришел я во Ффию, овец холмистую матерь,
Прямо к Пелею-царю. И меня он, приняв благосклонно,
Так полюбил, как любит родитель единого сына,
Поздно рожденного старцу, наследника благ его многих.
Сделал богатым меня и народ многочисленный вверил.
Там над долопами царствуя, жил я на ффийском пределе;
Там и тебя воспитал я такого, бессмертным подобный!
Нежно тебя я любил — никогда с другим не хотел ты
Выйти на пир пред гостей; ничего не вкушал ты и дома
Прежде, поколе тебя не возьму я к себе на колена,
Пищи, разрезав, не дам и вина к устам не приближу.
Сколько ты раз, Ахиллес, заливал мне одежду на персях,
Брызжа из уст вино, во время неловкого детства.
Много забот для тебя и много трудов перенес я,
Думая так, что, как боги уже не судили мне сына,

Сыном тебя, Ахиллес, подобный богам, нареку я;
Ты, помышлял я, избавишь меня от беды недостойной.
Сын мой, смири же ты душу высокую! храбрый не должен
Сердцем немилостив быть: умолимы и самые боги,
Столько превысшие нас и величьем, и славой, и силой.
Но и богов — приношением жертвы, обетом смиренным,
Вин возлияньем и дымом курений смягчает и гневных
Смертный молящий, когда он пред ними виновен и грешен.
Так, Молитвы — смиренные дщери великого Зевса —
Хромы, морщинисты, робко подъемлющи очи косые,
Вслед за Обидой они, непрестанно заботные, ходят.
Но Обида могуча, ногами быстра; перед ними
Мчится далеко вперед и, по всей их земле упреждая,
Смертных язвит; а Молитвы спешат исцелять уязвленных.
Кто принимает почтительно Зевсовых дщерей прибежных,
Много тому помогают и скоро молящемусь внемлют;
Кто ж презирает богинь и, душою суров, отвергает,—
К Зевсу прибегнув, они умоляют отца, да Обида
Ходит за ним по следам и его, уязвляя, накажет.
Друг, воздай же и ты что следует Зевсовым дщерям:
Честь, на воздание коей всех добрых склоняются души.
Если б даров не давал как теперь, так и после, толь многих,
Сын Атреев, но всё бы упорствовал в гибельном гневе —
Я не просил бы тебя, чтобы, гнев справедливый отринув,
Ты защитил аргивян, невзирая что жаждут защиты.
Много и ныне даров он дает и вперед обещает;
С кротким прошеньем к тебе присылает мужей знаменитых,
В целом народе избранных, тебе самому здесь любезных
Более всех из данаев. Не прѐзри же их ты ни речи,
Ни посещения. Ты не без права гневался прежде.
Так мы слышим молвы и о древних славных героях:
Пылкая злоба и их обымала великие души;
Но смягчаемы были дарами они и словами.
Помню я дело одно, но времен стародавних, не новых;
Как оно было, хочу я поведать меж вами, друзьями.

Брань была меж курѐтов и бранолюбивых этѐлян
Вкруг Калидѐна-града, и яростно билися рати:
Мужи этѐльцы стояли за град Калидѐн, им любезный;
Мужи курѐты пылали обитель их боем разрушить.
Горе такое на них Артемида-богиня воздвигла,
В гневе своем, что Инѐй с плодоносного сада начатков

Ей не принес; а бессмертных других насладил гекатомбой;
Жертвы лишь ей не принес, громовержца великого дщери;
Он не радел иль забыл, но душой согрешил безрассудно.
Гневное божие чадо, стрельбой веселящаясь Феба
Вепря подвигла на них, белоклыкого лютого зверя.
Страшный он вред наносил, на Инѐя сады набегая:
Купы высоких дерев опрокинул одно на другое,
Вместе с кореньями, вместе с блистательным яблоков цветом.
Зверя убил наконец Инейд Мелеа̀гр нестрашимый,
Вызвав кругом из градов звероловцев с сердитыми псами
Многих: его одолеть не успели бы с малою силой —
Этаков был! на костер печальный многих послал он.
Феба о нем воспалила жестокую, шумную распрю,
Бой о клыкастой главе и об коже щетинистой вепря
Между сынами курѐтов и гордых сердцами это̀лян.
Долго, пока Мелеа̀гр за это̀лян, могучий, сражался,
Худо было курѐтам: уже не могли они сами
В поле, вне стен, оставаться, хотя и сильнейшие были.
Но когда Мелеа̀гр предался гневу, который
Сердце в груди напыщает у многих, мужей и разумных
(Он, на любезную матерь Алфѐю озлобленный сердцем,
Праздный лежал у супруги своей, Клеопатры прекрасной,
Дщери младой Эвенѝны-жены, легконогой Марпѝссы,
И могучего Ида, храбрейшего меж земнородных
Оных времен: на царя самого, стрелоносного Феба,
Поднял он лук за супругу свою, легконогую нимфу;
С оного времени в доме отец и почтенная матерь
Дочь Алкио̀ною про̀звали, в память того, что и матерь,
Горькую долю неся Алкио̀ны многопечальной,
Плакала целые дни, как ее стреловержец похитил.
Он у супруги покоился, гнев душевредный питая,
Матери клятвами страшно прогневанный: грустная матерь
Часто богов заклинала — отмстить за убитого брата;
Часто руками она, исступленная, о̀ землю била
И, на коленях сидящая, грудь обливая слезами,
С воплем молила Аида и страшную Персефонѝю
Смерть на сына послать; и носящаясь в мраках Эриннис,
Фурия немилосердая, воплю вняла из Эреба),
Скоро у врат калидонских и стук и треск раздалися
Башен, громимых врагом. Мелеа̀гра этольские старцы
Стали молить и послали избранных священников бога,

Дар обещая великий, да выйдет герой и спасет их.
Где плодоносней земля на веселых полях калидонских,
Там позволяли ему, в пятьдесят десятин, наилучший
Выбрать удел: половину земли, виноградом покрытой,
И половину нагой, для орания годной, отрезать.
Много его умолял конеборец Инѐй престарелый;
Сам до порога поднявшись его почивальни высокой,
В створы дверей он стучал и просил убедительно сына.
Много и сестры его и почтенная матерь молили —
Пуще отказывал; много его и друзья убеждали,
Чтимые им и любимые более всех в Калидо̀не;
Но ничем у него не подвигнули сердца, доколе
Терем его от ударов кругом не потрясся: на башни
Сила куретов взошла и град зажигала великий.
И тогда-то уже Мелеа̀гра жена молодая
Стала, рыдая, молить и исчислила всё пред героем,
Что в завоеванном граде людей постигает несчастных:
Граждан в жилищах их режут, пламень весь град пожирает,
В плен и детей и красноопоясанных жен увлекают.
Духом герой взволновался, о страшных деяниях слыша;
Выйти решился и пышноблестящим покрылся доспехом.—
Так Мелеа̀гр отразил погибельный день от это̀лян,
Следуя сердцу; еще Мелеа̀гру не отдано было
Многих, прекрасных даров; но несчастие так отразил он.
Ты ж не замысли подобного, сын мой любезный! и демон
Сердце тебе да не склонит к сей думе! погибельней будет
В бурном пожаре суда избавлять; для даров знаменитых
Выйди, герой! и тебя, как бога, почтут аргивяне.
Если же ты без даров, а по нужде на брань ополчишься,
Чести подобной не снищешь, хоть будешь и брани решитель».

Старцу немедля ответствовал царь Ахиллес быстроногий:
«Феникс, отец мой, старец божественный! В чести подобной
Нужды мне нет; я надеюсь быть чествован волею Зевса!
Честь я сию сохраню перед войском, доколе дыханье
Будет в груди у меня и могучие движутся ноги.
Молвлю тебе я другое, а ты положи то на сердце:
Мне не волнуй ты души, предо мною крушася и плача,
Сыну Атрея в угодность; тебе и не должно Атрида
Столько любить, да тому, кем любим, ненавистен не будешь.
Ты оскорби человека, который меня оскорбляет!

Царствуй, равно как и я, и честь разделяй ты со мною.
Скажут они мой ответ; оставайся ты здесь, успокойся
В куще, на мягком ложе; а завтра, с восходом денницы,
Вместе помыслим, отплыть восвояси нам или остаться».

Рек, и Патроклу, в безмолвии, знаменье подал бровями
Фениксу мягкое ложе постлать, да скорее другие
Выйти из кущи помыслят. Тогда Теламо̀нид великий,
Богу подобный Аякс, подымался и так говорил им:

«Сын благородный Лаертов, герой Одиссей многоумный!
Время идти; я вижу, к желаемой цели беседы
Сим нам путем не достигнуть. Ахейцам как можно скорее
Должно ответ объявить, хоть он и нерадостен будет;
Нас ожидая, ахейцы сидят. Ахиллес-мирмидонец
Дикую в сердце вложил, за предел выходящую гордость!
Смертный суровый! в ничто поставляет и дружбу он ближних,
Дружбу, какою мы в стане его отличали пред всеми!
Смертный, с душою бесчувственной! Брат за убитого брата,
Даже за сына убитого пеню отец принимает;
Самый убийца в народе живет, отплатившись богатством;
Пеню же взявший, и мстительный дух свой и гордое сердце —
Всё наконец укрощает; но в сердце тебе — бесконечный
Мерзостный гнев положили бессмертные, ради единой
Девы! но семь их тебе, превосходнейших, мы предлагаем,
Много даров и других! Облеки милосердием душу!
Собственный дом свой почти: у тебя под кровом пришельцы
Мы от народа ахейского, люди, которые ищем
Дружбы твоей и почтения, более всех из ахеян».

И немедля ему отвечал Ахиллес быстроногий:
«Сын Теламо̀нов, Аякс благородный, властитель народа!
Всё ты, я чувствую сам, говорил от души мне; но, храбрый!
Сердце мое раздымается гневом, лишь вспомню о том я,
Как обесчестил меня перед целым народом ахейским
Царь Агамѐмнон, как будто бы был я скиталец презренный!
Вы возвратитесь назад и пославшему весть возвестите:
Я, объявите ему, не помыслю о битве кровавой
Прежде, пока Приамид браноносный, божественный Гектор,
К сеням уже и широким судам не придет мирмидонским,
Рати ахеян разбив, и пока не зажжет кораблей их.

Здесь же, у сени моей, пред моим кораблем чернобоким,
Гектор, как ни неистов, от брани уймется, надеюсь».

Рек он; и каждый, в молчании, кубок взяв двоедонный,
Возлил богам и из сени исшел; Одиссей предитек им.
Тою порою Патрокл повелел и друзьям и рабыням
Фениксу мягкое ложе как можно скорее готовить.
Жены, ему повинуясь, как он повелел, простирали
Руны овец, покрывало и цвет нежнейший из лена.
Там покоился Феникс, денницы святой ожидая.
Но Ахиллес почивал внутри крепкостворчатой кущи;
И при нем возлегла полоненная им лесбиянка,
Фòрбаса дочь, Диомеда, румяноланитая дева.
Сын же Менетиев спал напротив; и при нем возлежала
Легкая станом Ифиса, ему Ахиллесом-героем
Данная в день, как разрушил он Скирос, град Эниèя.

Те же, едва показались у кущи Атрида-владыки,
С кубками их золотыми ахеян сыны привечали,
В встречу один за другим подымаясь и их вопрошая.
Первый из них говорил повелитель мужей Агамèмнон:

«Молви, драгой Одиссей, о великая слава данаев,
Хочет ли он от судов отразить пожирающий пламень,
Или отрекся и гордую душу питает враждою?»

И ему отвечал Одиссей, знаменитый страдалец:
«Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамèмнон!
Нет, не хочет вражды утолить он; сильнейшею прежней
Пышет грозой, презирает тебя и дары отвергает.
В бедствах тебе самому велит с аргивянами думать,
Как защитить корабли и стесненные рати ахеян.
Сам угрожает, что завтрашний день, лишь денница возникнет,
На море все корабли обоюдовесельные спустит.
Он и другим воеводам советовать то же намерен —
В домы отплыть; никогда, говорит он, конца не обресть вам
Трои высокой: над нею перунов метатель Кронион
Руку свою распростер; и возвысилась дерзость народа.
Так он ответствовал; вот и сопутники то же вам скажут,
Сын Теламона и вестники наши, разумные оба.
Феникс же там успокоился, старец; так повелел он,

Чтоб за ним в кораблях, обратно к отчизне любезной
Следовал завтра, но если он хочет,— неволить не будет».

Так говорил; и молчанье глубокое все сохраняли,
Речью его пораженные: грозное он им поведал.
Долго безмолвными были унылые мужи ахейцы;
Но меж них наконец взговорил Диомед благородный:

«Царь знаменитый Атрид, повелитель мужей Агамѐмнон!
Лучше, когда б не просил ты высокого сердцем Пелида,
Столько даров обещая: горд и сам по себе он,
Ты же в Пелидово сердце вселяешь и бо̀льшую гордость.
Кончим о нем и его мы оставим; отсюда он едет
Или не едет — начнет, без сомнения, ратовать снова,
Ежели сердце велит и бог всемогущий воздвигнет.
Слушайте, други, что я предложу вам, одобрите все вы:
Ныне предайтесь покою, но прежде сердца ободрите
Пищей, вином: вино человеку и бодрость и крепость.
Завтра ж, как скоро блеснет розоперстая в небе денница,
Быстро, Атрид, пред судами построй ты и конных и пеших,
Дух ободри им и сам перед воинством первый сражайся».

Так произнес; и воскликнули весело все скиптроносцы,
Смелым дивяся речам Диомеда, смирителя ко̀ней.
Все наконец, возлиявши богам, разошлися по кущам,
Где предалися покою и сна насладились дарами.

ПЕСНЬ X

СОДЕРЖАНИЕ

Агамемнон, равно и Менелай, устрашенные приближением троян, в виду ахейского воинства станом расположившихся, проводят ночь без сна, встают и сходятся, ст. 1—35. Видя нужным собрать совет, идут сами созывать вождей, Менелай — Идоменея и Аякса Теламонида; Агамемнон — Нестора, 36—130. Нестор, с ним вышедший, будит Одиссея, 131—149, Диомеда, 150—176; а его посылает призвать Аякса Оилида и Мегеса. Всем собравшимся, идут осмотреть стражу, около рва поставленную, и находят ее бодрою, 177—193. Перешед за ров, советуются и, по предложению Нестора, намереваются послать соглядатая в стан троянский, 194—218. На это решается Диомед, и спутником себе, из многих желающих, избирает Одиссея, 219—253. Вооружаются и отходят при счастливом знамении птицы, Афиною посланной, 254—298. Гектор также хочет послать соглядатая в стан ахейский и обещает ему в награду коней Ахиллесовых. Вызвался троянец Долон; вооружается и отходит, 299—338. Подходя уже к стану ахеян, он попадается навстречу Одиссею и Диомеду. Они нападают на него, ловят и расспрашивают. Он им рассказывает всё расположение стана троянского, и даже место, где остановился недавно пришедший Рез, царь Фракийский. По окончании расспроса Диомед убивает Долона, 339—464. Идут к стану Реза, которого Диомед, с двенадцатью сподвижниками его, убивает; Одиссей уводит славных его коней. Диомед замышляет новые подвиги, 465—506; но Афина, явяся ему, советует более не медлить, чтобы Аполлон не возбудил троян; и герои на конях Резовых возвращаются к своим; встречаются с приветствиями; омываются в море и садятся на пиршество с друзьями, 507—579.

ПЕСНЬ X

Все при своих кораблях, и цари и герои ахеян,
Спали целую ночь, побежденные сном благотворным;
Но Атрид Агамѐмнон, ахейского пастырь народа,
Сладкого сна не вкушал, волнуемый множеством мыслей.
Словно как молнией блещет супруг лепокудрыя Геры,
Если готовит иль дождь бесконечный, иль град вредоносный,
Или метель, как снегà убеляют широкие степи,
Или погибельной брани огромную пасть отверзает,—
Так многократно вздыхал Агамѐмнон, глубоко от сердца,
Скорбью гнетомого; самая внутренность в нем трепетала;
Ибо когда озирал он троянский стан, удивлялся
Их огням неисчетным, пылающим пред Илионом,
Звуку свирелей, цевниц и смятенному шуму народа.
Но когда он взирал на ахейский стан неподвижный,
Клоки власов у себя из главы исторгал, вознося их
Зевсу всевышнему,— тяжко стенало в нем гордое сердце.

Дума сия наконец показалася лучшей Атриду —
С Нестором первым увидеться, мудрым Нелеевым сыном,
С ним не успеют ли вместе устроить совет непорочный,
Как им беду отвратить от стесненной рати ахейской;
Встал Атрейон и с поспешностью перси одѐял хитоном;
К белым ногам привязал красивого вида плесницы,
Сверху покрылся великого льва окровавленной кожей,
Рыжей, огромной, от выи до пят, и копьем ополчился.

Страхом таким же и царь Менелай волновался; на очи
Сон и к нему не сходил: трепетал он, да бед не претерпят

Мужи ахейцы, которые все по водам беспредельным
К Трое пришли, за него дерзновенную брань подымая.
Встал и широкие плечи покрыл он пардовой кожей,
Пятнами пестрой; на голову шлем, приподнявши, надвинул,
Медью блестящий, и, дрот захвативши в могучую руку,
Так он пошел, чтобы брата воздвигнуть, который верховным
Был царем аргивян и, как бог, почитался народом.
Он, при корме корабля, покрывавшегось пышным доспехом
Брата нашел, и был для него посетитель приятный.
Первый к нему возгласил Менелай, воинственник славный:

«Что вооружаешься, брат мой почтенный? или̇ от ахеян
Хочешь к троянам послать соглядатая? Но, признаюся,
Я трепещу, чтоб не вызвался кто на подобное дело,
И чтоб враждебных мужей соглядать не пошел одинокий
В сумраках ночи глухой: человек дерзосердый он будет».

Брату в ответ говорил повелитель мужей Агамѐмнон:
«Нужда в совете и мне и тебе, Менелай благородный,
В мудром совете, который бы мог защитить и избавить
Рать аргивян и суда; изменилось Кронидово сердце:
К Гектору, к жертвам его преклонил он с любовию душу!
Нет, никогда не видал я, нижѐ не слыхал, чтоб единый
Смертный столько чудес, и в день лишь единый, предпрйнял,
Сколько свершил над ахейцами Гектор, Зевесу любезный,
Гектор, который не сын ни богини бессмертной, ни бога.
Но что свершил он, о том сокрушаться ахеяне будут
Часто и долго; такие беды сотворил он ахейцам!
Но иди, Менелай, призови Девкалида, Аякса;
Прямо спеши к кораблям, а к почтенному сыну Нелея
Сам я иду и восстать преклоню, не захочет ли старец
Стражей священный сонм навестить и блюстись приказать им;
Верно, ему покорятся охотнее; сын его храбрый
Стражи начальствует сонмом, и с ним Девкалйда сподвижник,
Вождь Марион; предпочтительно им поручили мы стражу».

И его вопросил Менелай, воинственник славный:
«Что же мне ты прикажешь и как повелишь, Агамѐмнон?
Там ли остаться, у них, твоего ожидая прихода,
Или к тебе поспешать возвратиться, как всё накажу им?»

Вновь Менелаю вещал повелитель мужей Агамѐмнон:
«Там ты останься, чтоб мы не могли разойтися с тобою,
Ходя в сумраке: много дорог по широкому стану.
Где же пойдешь, окликай, и всем советуй стеречься;
Каждого мужа, Атрид, именуй по отцу и по роду;
Всех приветливо чествуй, и сам ни пред кем не величься.
Ныне и мы потрудимся, как прочие; жребий таков наш!
Зевс на нас, на родившихся, тяжкое горе возвергнул!»

Так говоря, отпускает он брата, разумно наставив;
Сам наконец поспешает к владыке народов Нелиду.
Старца находит при черном его корабле против куши,
В мягком одре, и при нем боевые лежали доспехи:
Выпуклый щит, и два копия, и шелом светозарный;
Подле и пояс лежал разноцветный, который сей старец
Часто еще препоясывал, в бой мужегубный готовясь
Рать предводить: еще не сдавался он старости грустной.
Нестор, привставши на локоть и голову с ложа поднявши,
К сыну Атрея вещал и его вопрошал громогласно:

«Кто ты? и что меж судами по ратному стану здесь ходишь
В сумраке ночи один, как покоятся все человеки?
Друга ли ты, или, может быть, меска сбежавшего ищешь?
Что тебе нужно? Окликнись, а молча ко мне не ходи ты!»

Старцу немедля ответствовал пастырь мужей Агамѐмнон:
«Нестор, почтеннейший старец, великая слава данаев!
Ты Агамѐмнона видишь, которого Зевс-промыслитель
Более всех подвергнул трудам бесконечным, покуда
В персях моих остается дыханье и движутся ноги.
Так я скитаюсь; на очи мои ниже ночью не сходит
Сладостный сон, и на думах лишь брань и напасти ахеян!
Так за ахеян жестоко страшуся я — дух мой не в силах
Твердость свою сохранять, но волнуется; сердце из персей
Вырваться хочет, и ноги мои подо мною трепещут!
Если что делать намерен ты (сон и к себе не приходит),
Встань, о Нелид, и ко стражам ахейским дойдем и осмотрим.
Может быть, все, удрученные скучным трудом и дремотой,
Сну предалися они и о страже опасной забыли.
Рати же гордых врагов недалеко; а мы и не знаем,
В сумраке ночи они не хотят ли внезапно ударить».

Сыну Атрея ответствовал Нестор, конник геренский:
«Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамѐмнон!
Замыслы Гектору, верно, не все промыслитель небесный
Ныне исполнит, как гордый он ждет; и его удручит он
Горем, я чаю, и бо̀льшим, когда Ахиллес быстроногий
Храброе сердце свое отвратит от несчастного гнева.
Следовать рад я с тобою; пойдем, и других мы разбудим
Храбрых вождей: Диомеда-героя, царя Одиссея,
С ними Аякса быстрого, также Филеева сына.
Если б еще кто-нибудь поспешил и к собранию призвал
Идоменея-царя и подобного богу Аякса,—
Их корабли на конце станови̇ща, отсюда не близко.
Но Менелая, любезного мне и почтенного друга,
Я укорю, хоть тебя и прогневаю; нет, не сокрою!
Он почивает, тебя одного заставляет трудиться!
Ныне он должен бы около храбрых и сам потрудиться,
Должен бы всех их просить, настоит нестерпимая нужда!»

Нестору вновь отвечал повелитель мужей Агамѐмнон:
«Старец, другою порой укорять я советую брата:
Часто медлителен он и как будто к трудам неохотен;
Но не от праздности низкой или от незнания дела —
Смотрит всегда на меня, моего начинания ждущий.
Ныне же встал до меня и ко мне неожидан явился.
Брата послал я просить предводителей, коих ты назвал.
Но поспешим, и найдем, я надеюся, их мы у башни,
Вместе с дружиной стражебною: там повелел я собраться».

Снова Атриду ответствовал Нестор, конник геренский:
«Ежели так, из данаев никто на него не возропщет:
Каждый послушает, если он что запретит иль прикажет».

Так говоря, одевал он перси широким хитоном;
К белым ногам привязал прекрасного вида плесницы;
После — кругом застегнул он двойной свой, широкопадущий,
Пурпурный плащ, по котором струилась косматая во̀лна;
И, копье захватив, повершенное острою медью,
Так устремился Нелид меж судов и меж кущей ахеян.
Там сперва Одиссея, советами равного Зевсу,
Поднял от сна восклицающий громко возница геренский.
Скоро дошел до души Одиссеевой Несторов голос:
Выступил он из-под кущи и так говорил воеводам:

«Что меж судами одни по воинскому ходите стану
В сумраке ночи? какая пришла неизбежная нужда?»

Сыну Лаерта ответствовал Нестор, конник геренский:
«Сын благородный Лаертов, герой Одиссей многоумный!
Ты не ропщи: аргивянам жестокая нужда приходит!
С нами иди, и других мы разбудим, с которыми должно
Ныне ж решить на совете, бежать ли нам или сражаться».

Рек он; и быстро под кущу вступил Одиссей многоумный,
Щит свой узорный за плечи закинул и следовал с ними.
К сыну Тидея пошли, и нашли Диомеда лежащим
Одаль от сени, с оружием; около ратные други
Спали; сголовьем их были щиты, у постелей их копья
Прямо стояли, вонзенные древками; медь их далеко
В мраке блистала, как молния Зевса. Герой в середине
Спал, и постелью была ему кожа вола степового;
Светлый, блестящий ковер лежал у него в изголовьи.
Близко пришедши, будил почивавшего Нестор почтенный,
Трогая краем ноги, и в лицо укорял Диомеда:

«Встань, Диомед! и что ты всю ночь почиваешь беспечно?
Или забыл, что трояне, заняв возвышение поля,
Близко стоят пред судами, и узкое место нас делит?»

Так говорил; почивавший с постели стремительно вспрянул
И, обратяся к нему, произнес крылатые речи:

«Слишком заботливый старец, трудов никогда ты не бросишь!
Нет ли у нас и других, в ополчении младших данаев,
Коим приличнее было б вождей нас будить по порядку,
Ходя по стану ахейскому; неутомим ты, о старец!»

Сыну Тидея ответствовал Нестор, конник геренский:
«Так, Диомед, справедливо ты всё и разумно вещаешь.
Есть у меня и сыны непорочные, есть и народа
Много подвластного — было б кому обходить и сзывать вас;
Но жестокая нужда аргивских мужей постигает!
Всем аргивянам теперь на мечном острие распростерта
Или погибель позорная, или спасение жизни!
Но поспеши ты и сына Филеева с быстрым Аяксом
К нам призови: ты моложе меня и о мне сожалеешь».

Рек; Диомед, немедля покрывшися львиною кожей,
Рыжей, огромной, до пят доходящей, и дрот захвативши,
Быстро пошел, разбудил воевод и привел их с собою.

Скоро владыки ахеян достигнули собранных стражей,
И не в дремоте они предводителей стражи застали:
Бодро младые ахейцы, с оружием в дланях, сидели.
Словно как псы у овчарни овец стерегут беспокойно,
Сильного зверя зачуяв, который из гор, голодалый,
Лесом идет; подымается шумная противу зверя
Псов и людей стерегущих тревога, их сон пропадает,—
Так пропадал на очах усладительный сон у ахеян,
Стан охраняющих в грозную ночь; непрестанно на поле
Взоры вперяли они, чтоб узнать, не идут ли трояне.

С радостью старец узрел их и, более дух ободряя,
Весело к ним говорил, устремляя крылатые речи:
«Так стерегитесь, любезные дети! никто и не думай,
Стоя на страже, о сне: да не будем мы в радость враждебным».

Так говоря, перенесся за ров; и за ним устремились
Все скиптроносцы ахейские, сколько звано̀ их к совету.
С ними герой Мерион и Несторов сын знаменитый
Следовал; сами цари пригласили и их для совета.
Вместе они, перешедшие ров, пред стеною изрытый,
Сели на чистой поляне, на месте, свободном от трупов,
В сече убитых, отколь возвратился крушительный Гектор,
Рать истреблявший данаев, доколе их ночь не покрыла;
Там воеводы, сидящие, между собой говорили.
Речь им полезную начал геренский воинственник Нестор:

«Други! не может ли кто-либо сам на свое положиться
Смелое сердце и ныне же к гордым троянам пробраться
В мраке ночном? не возьмет ли врага он, бродящего с краю;
Или не может ли между троян разговора услышать,
Как меж собою они полагают: решились ли твердо
Здесь оставаться далеко от города, или обратно
Мнят от судов отступить, как уже одолели данаев.
Если бы то он услышал и к нам невредим возвратился,
О, великая слава была бы ему в поднебесной,

Слава у всех человеков; ему и награда прекрасна!
Сколько ни есть над судами ахейских начальников храбрых,
Каждый из них наградит возвратившегось черной овцою
С агнцем сосущим,— награда, с которой ничто не сравнится;
Будет всегда он участник и празднеств и дружеских пиршеств».

Рек; и никто не ответствовал, все хранили молчанье.
Первый меж них взговорил Диомед, воеватель могучий:
«Нестор! меня побуждает душа и отважное сердце
В стан враждебный войти, недалеко лежащий троянский.
Но когда и другой кто со мною идти пожелает,
Более бодрости мне и веселости более будет.
Двум совокупно идущим, один пред другим вымышляет,
Что для успеха полезно; один же хотя бы и мыслил,—
Медленней дума его и слабее решительность духа».

Так говорил; и идти с ним хотящие многие встали:
Оба Аякса хотят, нестрашимые слуги Арея;
Хочет герой Мерион, Фразимед беспредельно желает;
Хочет и светлый Атрид Менелай, знаменитый копейщик;
Хочет и царь Одиссей во враждебные сонмы проникнуть:
Смелый — всегда у него на опасности сердце дерзало.
Но меж них возгласил повелитель мужей Агамѐмнон:

«Отрасль Тидея, любезнейший мне Диомед благородный!
Спутника сам для себя избирай, и кого пожелаешь;
Кто из представших, как мыслишь, отважнейший: многие жаждут.
Но, из почтения тайного, лучшего к делу не брось ты
И не выбери худшего, страху души уступая;
Нет, на род не взирай ты, хотя б и державнейший был он».

Так Агамѐмнон вещал, за царя Менелая страшася.
К ним же вновь говорил Диомед, воеватель бесстрашный:
«Ежели мне самому избрать вы друга велите,
Как я любимца богов, Одиссея-героя забуду?
Сердце его, как ничье, предприимчиво; дух благородный
Тверд и в трудах и в бедах; и любим он Палладой Афиной!
Если сопутник мой он, из огня мы горящего оба
К вам возвратимся: так в нем обилен на вымыслы разум».

Но ему возразил Одиссей, знаменитый страдалец:
«Слишком меня не хвали, ни хули, Диомед благородный,—
Знающим всё говоришь ты царям и героям ахейским.
Лучше пойдем мы! ночь убегает, и близко денница;
Звезды ушли уж далеко; более двух уже долей
Ночь совершила, и только что третия доля осталась».

Так говоря, покрывалися оба оружием страшным.
Несторов сын, Фразимѐд воинственный, дал Диомеду
Медяный нож двулезвенный (свой при судах он оставил),
Отдал и щит; на главу же героя из кожи воловой
Шлем он надел, но без гребня, без блях, называемый плоским,
Коим чело у себя покрывает цветущая младость.
Вождь Мерион предложил Одиссею и лук и колчан свой,
Отдал и меч; на главу же надел Лаертида-героя
Шлем из кожи; внутри перепутанный часто ремнями,
Крепко натянут он был, а снаружи по шлему торчали
Белые вепря клыки, и сюда и туда воздымаясь
В стройных, красивых рядах; в середине же полстью подбит он.
Шлем сей — древле из стен Элеѐна похитил Автѐлик,
Там Горменѝда Амѝнтора дом крепкозданный разрушив;
В Скандии ж отдал его Киферийскому Амфидамѐсу;
Амфидамѐс подарил, как гостинец приязненный, Молу;
Мол, наконец, Мериону вручил его, храброму сыну;
Ныне сей шлем знаменитый главу осенил Одиссея.

Так Одиссей с Диомедом, покрывшись оружием страшным,
Оба пустилися, там же оставив старейшин ахейских;
Доброе знаменье храбрым немедля послала Афина —
Цаплю на правой руке от дороги; они не видали
Птицы сквозь сумраки ночи, но слышали звонкие крики.
Птицей обрадован был Одиссей и взмолился Афине:
«Глас мой услышь, громовержцем рожденная! Ты, о богиня,
Мне соприсущна во всяком труде: от тебя не скрываю
Дум я моих; но теперь благосклонною будь мне, Афина!
Дай нам к ахейским судам возвратиться покрытыми славой,
Сделав великое дело, на долгое горе троянам!»

И взмолился второй, Диомед, воеватель могучий:
«Ныне услышь и меня, необорная дщерь Эгиоха!

Спутницей будь мне, какою была ты герою Тидею
К Фивам, куда он с посольством ходил от народов аргивских,
Возле Асоповых вод аргивян меднолатных оставив.
Мирные вести отец мой кадмеянам нес браноносным
В град, но, из града идущий, деяния, страшные слуху,
Сделал с тобой: благосклонная ты предстояла Тидею.
Так ты по мне поборай и меня сохрани, о богиня!
В жертву тебе принесу я широкочелистую краву,
Юную, выя которой еще не склонялась под иго;
В жертву ее принесу я, с рогами, облитыми златом».

Так говорили, молясь; и вняла им Паллада Афина.
Кончив герои мольбу громовержца великого дщери,
Оба пустились, как львы дерзновенные в сумраке ночи,
Полем убийства, по трупам, по сбруям и токам кровавым.

Тою порой и троянским сынам Приамид не позволил
Сну предаваться; собрал для совета мужей знаменитых,
Всех в ополченьи троянском вождей и советников мудрых.
Собранным вместе мужам, предлагал он совет им полезный:

«Кто среди вас за награду великую мне обещает
Славное дело свершить? А награда богатая будет:
Дам колесницу тому и яремных коней гордовыйных
Двух, превосходнейших всех при судах быстролетных данайских,
Кто между вами дерзнет (а покрылся б он светлою славой!)
В сумраке ночи к ахейскому стану дойти и разведать:
Так ли ахеян суда, как и прежде, опасно стрегомы;
Или, уже укрощенные силою нашей, ахейцы
Между собой совещают о бегстве, и нынешней ночью
Стражи держать не желают, трудом изнуренные тяжким».

Так говорил; но молчанье глубокое все сохраняли.
Был меж троянами некто Долòн, троянца Эвмѐда-
Вестника сын, богатый и златом, богатый и медью;
Сын, меж пятью дочерями, единственный в доме отцовском,
Видом своим человек непригожий, но быстрый ногами.
Он предводителю Гектору так говорил, приступивши:

«Гектор, меня побуждает душа и отважное сердце
В сумраке ночи к судам аргивян подойти и разведать.

Но, Приамид, обнадежь, подыми твой скиптр и клянися
Тех превосходных коней и блестящую ту колесницу
Дать непременно, какие могучего носят Пелида.
Я не напрасный тебе, не обманчивый ведомец буду:
Стан от конца до конца я пройду и к судам доступлю я,
К самым судам Агамѐмнона; верно, ахеян владыки
Там совет совещают, бежать ли им или сражаться».

Рек он; и Гектор пòднял свой скипетр и клялся Долону:
«Сам Эгиох мне свидетель, супруг громовержущий Геры!
Муж в Илионе другой на Пелидовых кòней не сядет —
Ты лишь единый, клянуся я, оными славиться будешь».

Рек он, и суетно клялся, но сердце разжег у троянца.
Быстро и лук свой кривой и колчан он за плечи забросил,
Сверху покрылся кожей косматого волка седого;
Шлем же хорёвый надел и острым копьем ополчился.
Так от троянского стана пошел он к судам; но троянцу
Вспять не прийти от судов, чтобы Гектору вести доставить.
Он, за собой лишь оставил толпы и коней и народа,
Резво дорогой пошел. Подходящего скоро приметил
Царь Одиссей и сопутнику так говорил Диомеду:

«Верно, сей муж, Диомед, из троянского стана подходит!
Он, но еще не уверен я, наших судов соглядатай;
Или подходит, чтоб чей-либо труп из убитых ограбить.
Но позволим сначала немного ему по долине
Нас миновать, а потом устремимся и верно изловим,
Быстро напав; но когда, убегающий, нас упредит он,
Помни, от стана его к кораблям отбивай непрестанно,
Пикой грозя, чтобы он не успел убежать к Илиону».

Так сговоряся, они у дороги, меж грудами трупов,
Оба припали, а он мимо их пробежал, безрассудный.
Но лишь прошел он настолько, как борозды нивы бывают,
Мулами вспаханной (долее мулы волов тяжконогих
Могут плуг составной волочить по глубокому пару),
Бросились гнаться герои,— и стал он, топот услышав.
Чаял он в сердце своем, что друзья из троянского стана
Кликать обратно его. по велению Гектора, гнались
Но лишь предстали они на полет копия или меньше,

Лица врагов он узнал и проворные ноги направил
К бегству, и быстро они за бегущим пустились в погоню.
Словно как два острозубые пса, приобыкшие к ловле,
Серну иль зайца подняв, постоянно упорные гонят
Местом лесистым, а он пред гонящими, визгая, скачет,—
Так Диомед и рушитель градов Одиссей илионца
Полем, отрезав от войск, постоянно упорные гнали.
Но как готов уже был он с ахейскою стражей смеситься,
Прямо к судам устремляяся,— ревность вдохнула Афина
Сыну Тидея, да в рати никто не успеет хвалиться
Славой, что ранил он прежде, а сам да не явится после.
Бросясь с копьем занесенным, вскричал Диомед на троянца:
«Стой, иль настигну тебя я копьем! и напрасно, надеюсь,
Будешь от рук ты моих избегать неминуемой смерти!»

Рек он, и ринул копье, и с намереньем мимо прокинул;
Быстро над правым плечом пролетевши, блестящее жалом,
В землю воткнулось копье, и троянец стал, цепенея:
Губы его затряслися, и зубы во рту застучали;
С ужаса бледный стоял он, а те, задыхаясь, предстали,
Оба схватили его — и Долон, прослезяся, воскликнул:

«О, пощадите! я выкуп вам дам; у меня изобильно
Злата и меди в дому и красивых изделий железа.
С радостью даст вам из них неисчислимый выкуп отец мой,
Если узнает, что жив я у вас на судах мореходных».

Но ему на ответ говорил Одиссей многоумный:
«Будь спокоен и думы о смерти отринь ты от сердца.
Лучше ответствуй ты мне, но скажи совершенную правду:
Что̀ к кораблям аргивян от троянского стана бредешь ты
В темную ночь и один, как покоятся все человеки?
Грабить ли хочешь ты мертвых, лежащих на битвенном поле?
Или ты Гектором послан, дабы пред судами ахеян
Всё рассмотреть? или собственным сердцем к сему побужден ты?»

Бледный Долон отвечал, и под ним трепетали колена:
«Гектор, на горе, меня в искушение ввел против воли:
Он Ахиллеса великого ко̀ней мне твердокопытых
Клялся отдать и его колесницу, блестящую медью.

Мне ж приказал он — под быстролетящими мраками ночи
К вашему стану враждебному близко дойти и разведать,
Так ли суда аргивян, как и прежде, опасно стрегомы,
Или, уже укрощенные ратною нашею силой,
Вы совещаетесь в домы бежать, и во время ночное
Стражи держать не хотите, трудом изнуренные тяжким».

Тихо осклабясь, к нему говорил Одиссей многоумный:
«О! даров не ничтожных душа у тебя возжелала:
Коней Пелида-героя! жестоки, троянец, те кони;
Их укротить и управить для каждого смертного мужа
Трудно, кроме Ахиллеса, бессмертной матери сына!
Но ответствуй еще и скажи совершенную правду:
Где, отправляясь, оставил ты Гектора, сил воеводу?
Где у него боевые доспехи, быстрые кони?
Где ополченья другие троянские, стражи и станы?
Как меж собою они полагают: решились ли твердо
Здесь оставаться, далеко от города, или обратно
Мнят от судов отступить, как уже одолели ахеян?»

Вновь отвечал Одиссею Долон, соглядатай троянский:
«Храбрый, охотно тебе совершенную правду скажу я:
Гектор, когда уходил я, остался с мужами совета,
С ними советуясь подле могилы почтенного Ила,
Одаль от шума; но стражей, герой, о каких вопрошаешь,
Нет особливых, чтоб стан охраняли или сторожили.
Сколько же в стане огней, у огнищ их, которым лишь нужда,
Бодрствуют ночью трояне, один убеждая другого
Быть осторожным; а все дальноземцы, союзники Трои,
Спят беззаботно и стражу троянам одним оставляют:
Нет у людей сих близко ни жен, ни детей их любезных».

Снова Долона выспрашивал царь Одиссей многоумный:
«Как же союзники — вместе с рядами троян конеборных,
Или особо спят? расскажи мне, знать я желаю».

Снова ему отвечал Долон, соглядатай троянский:
«Всё расскажу я тебе, говоря совершенную правду:
К морю кариян ряды и стрельцов криволуких пеонов,
Там же лелѐгов дружины, кавкòнов и славных пелазгов;
Около Фимбры ликийцы стоят и гордые мизы,

Рать фригиян-колесничников, рать конеборцев меонян.
Но почто вам, герои, расспрашивать порознь о каждом?
Если желаете оба в троянское войско проникнуть,
Вот новопришлые, с краю, от всех особливо фракийцы;
С ними и царь их Рез, воинственный сын Эйонея.
Видел я Резовых ко̀ней, прекраснейших ко̀ней, огромных;
Снега белее они и в ристании быстры, как ветер.
Златом, сребром у него изукрашена вся колесница.
Сам под доспехом златым, поразительным, дивным для взора,
Царь сей пришел, под доспехом, который не нам, человекам
Смертным, прилично носить, но бессмертным богам олимпийским!
Ныне — ведите меня вы к своим кораблям быстролетным,
Или свяжите и в узах оставьте на месте, доколе
Вы не придете обратно и в том не уверитесь сами,
Правду ли я вам, герои, рассказывал, или неправду».

Грозно взглянув на него, взговорил Диомед непреклонный:
«Нет, о спасеньи, Долон, невзирая на добрые вести,
Дум не влагай себе в сердце, как впал уже в руки ты наши.
Если тебе мы свободу дадим и обратно отпустим,
Верно, ты снова придешь к кораблям мореходных ахеян,
Тайно осматривать их или явно с нами сражаться.
Но когда уже дух под моею рукою испустишь,
Более ты не возможешь погибелен быть аргивянам».

Рек; и как тот, у него подбородок рукою дрожащей
Тронув, хотел умолять, Диомед замахнул и по вые
Острым ножом поразил и рассек ее крепкие жилы;
Быстро, еще с говорящего, в прах голова соскочила.
Шлем хорѐвой они с головы соглядатая сняли,
Волчью кожу, разрывчатый лук и огромную пику.
Всё же то вместе Афине, добычи дарующей, в жертву
Поднял горѐ Одиссей и молящийся громко воскликнул:

«Радуйся жертвой, Афина! к тебе мы всегда на Олимпе
К первой взываем, бессмертных моля! Но еще, о богиня,
Нас предводи ты к мужам и к коням, на ночлеги фракиян!»

Так произнес, и подня̀тое всё на зеленой мири̇ке
Царь Одиссей положил и означил приметою видной,
Вкруг наломавши тростей и ветвей полнорослых мири̇ки,

Чтоб его не минуть им, идущим под сумраком ночи.
Сами пустились вперед, чрез тела и кровавые токи.
Скоро достигли идущие крайнего стана фракиян.
Воины спали, трудом утомленные; все их доспехи
Пышные, подле же их, в три ряда в благолепном устройстве
Сложены были, и пара коней перед каждым стояла.
Рез посреди почивал, и его быстроногие кони
Подле стояли, привязаны к задней скобе колесницы.

Первый его усмотрев, Одиссей указал Диомеду:
«Вот сей муж, Диомед, и вот те самые кони,
Кони фракийские, коих означил Долон умерщвленный.
Но начинай, окажи ты ужасную силу, не время
С острым оружием праздно стоять — иль отвязывай коней,
Или мужей побивай ты; а я постараюсь об конях».

Рек он; и сыну Тидееву крепость вдохнула Афина:
Начал рубить он кругом; поднялися ужасные стоны
Воев, мечом поражаемых, кровью земля закраснела.
Словно как лев, на стадо бесстражное коз или агниц
Ночью набредши и гибель замысля, бросается быстрый, —
Так на фракийских мужей Диомед бросался могучий;
Он их двенадцать убил. Между тем Одиссей хитроумный
Каждого мужа, который мечом Диомеда зарублен,
За ногу сзади схватив, выволакивал быстро из ряду,
С мыслию той на душе, чтоб фракийские бурные кони
Вышли спокойно за ним и невольно не дрогнули б сердцем,
Прямо идя по убитым, еще непривычные к трупам.
Но Тидид наконец до царя приступает, могучий;
Реза третьегонадесять сладостной жизни лишил он.
Царь тяжело застонал: у него сновидением грозным
Ночью стоял над главой Диомед, по совету Афины.
Тою порой Одиссей отвязывал Резовых коней;
Вместе уздами связал и из ратного толпища вывел,
Луком своим поражая, бича же блестящего в руку
Он захватить не помыслил с узорной царя колесницы.
Свистнул потом Одиссей, подавая знак Диомеду.
Тот же стоял и думал, что еще смелого сделать:
Взяв ли царя колесницу, с оружием в ней драгоценным,
Быстро за дышло увлечь, либо вынести, вверх приподнявши,
Или еще ему более душ у фракиян исторгнуть?

X. 507—541

Думы герою сии обращавшему в сердце, Афина
Близко предстала и так провещала Тидееву сыну:

«Вспомни уже об отшествии, сын благородный Тидея!
Время к судам возвратиться, да к ним не придешь ты бегущий,
Если троянских мужей небожитель враждебный пробудит».

Так изрекла; и постигнул он голос богини вещавшей,
Быстро вскочил на коня. Одиссей обоих погонял их
Луком, и кони летели к судам мореходным ахеян.

Тою порой соглядал не беспечно и Феб сребролукий.
Он усмотрел, что Афина сопутствует сыну Тидея,
И, негодуя, в великое войско троян устремился.
Там пробудил он фракиян советника Гиппокоона,
Резова родича храброго; с ложа он спрянул и, бледный,
Видя лишь место пустое, где быстрые кони стояли,
Вкруг на побоище свежем фракиян трепещущих видя,
Громко взрыдал и по имени кликал любезного друга.
Крик по троянскому воинству, страшная встала тревога;
Быстро сбежались толпы и делам изумлялись ужасным,
Кои враги совершили и к черным судам возвратились.

Те же, когда принеслись, где убит соглядатай троянский,
Бурных коней удержал Одиссей, бессмертным любезный;
Но Тидид, соскочив и кровавые взявши корысти,
В руки подал Одиссею и изнова прянул на коней.
Тот их ударил; но кони покорные сами летели
К сеням ахейским: туда их несло и желание сердца.

Нестор, их топот услышавши первый, вещал меж царями:
«Други любезные, воинств ахейских вожди и владыки!
Правду я или неправду, но выскажу, сердце велит мне;
Коней, стремительно скачущих, топот мне слух поражает.
Если бы сын то Лаерта и сын дерзновенный Тидея
Так неожиданно гнали троянских коней звуконогих!
Но трепещу я, о други мои, не они ль пострадали,
Воины наши храбрейшие, в стане, встревоженном ими!»

Не была старцем кончена речь, как явились герои;
С коней на дол соскочили, и сонм аргивян восхищенный

Их привечал и руками и сладкими окрест словами.
Первый стал их расспрашивать Нестор, конник геренский:

«Как, Одиссей знаменитый, великая слава ахеян,
Как вы коней сих добыли? Отважно ли оба проникли
В войско троянское? или вам бог даровал их представший?
Солнца лучам светозарным они совершенно подобны!
Я завсегда обращаюсь с троянами; праздно, надеюсь,
Я не стою пред судами, хотя и седой уже воин;
Но таких я коней не видал, не приметил доныне!
Бог, без сомнения, в встречу явившийся, вам даровал их:
Вас обоих одинаково любит как Зевс-громовержец,
Так и Зевесова дочь, светлоокая дева Паллада!»

Сыну Нелея ответствовал царь Одиссей многоумный:
«Сын знаменитый Нелея, великая слава ахеян!
Богу, когда соизволит, и лучших, чем видите, коней,
Верно, легко даровать: божества беспредельно могущи!
Эти ж, старец почтенный, вновь пришлые в стане троянском
Кони фракийцев; у них и царя Диомед наш могучий
Смерти предал, и двенадцать сподвижников, всё знаменитых!
Но тринадцатый нами убит, при судах, соглядатай,
Коего высмотреть ночью великое воинство наше
Ныне же Гектор послал и другие сановники Трои».

Так говорящий, за ров перегнал он коней звуконогих,
Радостно-гордый, толпой окруженный веселых данаев.
Скоро герои, пришед к Диомедовой куще красивой,
Коней ремнями искусно разрезанных узд привязали
К конским яслям, где и другие царя Диомеда
Бурные кони стояли, питаяся сладкой пшеницей.
Но Лаертид на корабль доспех Долонов кровавый
Взнес, пока не устроится жертва Палладе-богине.
Сами же тою порой, погрузившися в волны морские,
Пот и прах омывали на голенях, вые и бедрах;
И когда уже всё от жестокого пота морскою
Влагой очистили тело и сердце свое освежили,
Оба еще омывались в красивоотесанных мойнах.
Так омывшись они, умащенные светлым елеем,
Сели с друзьями за пир; и из чаши великой Афине,
Полными кубками, сладостней меда вино возливали.

ПЕСНЬ XI

СОДЕРЖАНИЕ

С восходом зари Зевс посылает Вражду, которая возбуждает ахеян к продолжению брани, ст. 1—14. Агамемнон вооружается великолепным оружием и рано выводит к бою все ополчения, в которых, многим героям предзнаменуя гибель, Зевс ниспосылает кровавую росу, 15—55. Гектор с троянами также вооружается; сходятся обе рати и долго сражаются с равным ожесточением и успехом: ибо, кроме Вражды, ни одно содействующее божество не присутствует в брани, 56—83. В полдень ахейцы разрывают ряды троян; но необыкновенным геройством отличается Агамемнон; он убивает многих, чем воспламенив и всё воинство, опрокидывает троян и гонит, 84—162. Преследуемые, они останавливаются уже под стенами города, Гектором ободренные; но сам Гектор, по повелению Зевса, ему Ирисою возвещенному, избегает встречи с свирепствующим противником, а сражается в других местах, пока он не будет ранен и не удалится из боя, 163—215. Между тем Агамемнон, снова напав на остановившихся троян, убивает Ифидамàса и его брата Коòна, которым сам быв ранен, принужден удалиться из боя, 216—283. Тогда Гектор отражает ахеян и гонит, страшно свирепствуя, 284—309. Смятенный бой восстановляется Одиссеем и Диомедом, 310—342; Гектор нападает на них, но, пораженный в шлем копьем Диомеда, отступает; Диомед же, раненный в ногу стрелою Париса, удаляется из боя, 343—400. Одиссей остается на побоище один, среди толпы врагов, колеблется духом, наконец нападает, поражает многих; сам раненный Сòком, убивает и его; но, принужденный отступить от окружающих его троян, криком призывает на помощь друзей и избавляется Менелаем и Аяксом, 401—488: Аякс, напав на троян, обращает их в бегство; а Гектор на левом крыле свирепствует противу Идоменея и Нестора, 489—504. Парис ранит стрелою Махàона, которого Не-

стор увозит на колеснице, 505—520. Между тем Гектор, узнав, что трояне на другом конце смяты Аяксом, на него устремляется; Аякс, грозно сражаяся, отступает; по неохотному отступлению сравнивается с ослом, 521—573. Эврипил ранен стрелою Париса и также оставляет бой, 574—596. Между тем Ахиллес, увидев Нестора, увозящего Махаона из битвы, посылает Патрокла осведомиться, 597—617. Нестор, известив о бедственном положении дел, убеждает Патрокла и речью и повестью о брани елеян с пилосцами, дабы он или преклонил Ахиллеса помочь ахеянам, или сам, надев оружия Ахиллесовы, устрашил бы врагов, 618—803. Патрокл, возвращаясь назад, встречает Эврипила, страдающего от язвы, приводит в сень и врачует, 804—874.

ПЕСНЬ XI

Рано, едва лишь Денница Тифона прекрасного ложе
Бросила, свет вожделенный неся и бессмертным и смертным,
Зевс Вражду ниспослал к кораблям быстролетным ахеян,
Грозную вестницу, знаменье брани несущую в дланях.
Стала Вражда на огромнейший черный корабль Одиссея,
Бывший в средине, да крики ее обоюдно услышат
В стане далеком Аякса и в стане царя Ахиллеса,
Кои на самых концах с многовеслыми их кораблями
Стали, надежные оба на силу их рук и на храбрость.
Там возвышаясь, богиня воскликнула мощно и страшно,
Крик обращая к ахейцам; и каждому в сердце вдохнула
Бурную силу, без устали вновь воевать и сражаться:
Всем во мгновенье война им кровавая сладостней стала,
Чем на судах возвращенье в любезную землю родную.

Громко кричал и Атрид, препоясаться в брань возбуждая
Воев аргивских, и сам покрывался блистательной медью.
Прежде всего положил на могучие ноги поножи,
Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглезной.
После вкруг персей герой надевал знаменитые латы,
Кои когда-то Кинирас ему подарил на гостинец,
Ибо до Кипра достигла великая молвь, что ахейцы
Ратью на землю троянскую плыть кораблями решились;
В оные дни подарил он Атрида, царю угождая.
В латах сих десять полос простиралися ворони черной,
Олова белого двадцать, двенадцать блестящего злата;

Сизые змеи по ним воздымалися кверху, до выи,
По три с боков их, подобные радугам, кои Кронион
Зевс утверждает на облаке, в дивное знаменье смертным.
Меч он набросил на рамо — кругом по его рукояти
Гвозди сверкали златые; влагалище мечное окрест
Было серебряное и держалось ремнями златыми.
Поднял, всего покрывающий, бурный свой щит велелепный,
Весь изукрашенный: десять кругом его ободов медных,
Двадцать вдоль его было сияющих блях оловянных,
Белых; в средине ж одна воздымалася — черная воронь;
Там Горгòна свирепообразная щит повершала,
Страшно глядящая, окрест которой и Ужас и Бегство.
Сребряный был под щитом сим ремень; и по нем протяженный
Сизый дракон извивался ужасный; главы у дракона
Три, меж собою сплетясь, от одной воздымалися выи.
Шлем возложил на главу изукрашенный, четверобляшный,
С конскою гривой, и страшный поверх его гребень качался.
Крепкие два захватил копия, повершенные медью,
Острые, медь от которых далеко, до самого неба,
Ярко сияла. И грянули свыше Паллада и Гера,
Чествуя сына Атрея, царя многозлатой Микены.

Каждый тогда из мужей своему заповедал вознице
Коней устроить в ряды и пред рвом их держать неотступно.
Сами же пешие, в медных доспехах, с оружием в дланях,
Реяли быстрые; шум неумолкный восстал до рассвета.
Конных они упредив, перед рвом построились к бою;
Конные одаль за ними текли; и смятение злое
Зевс-промыслитель в толпах их воздвиг, и с высот, из эфира
Росу послал, растворенную кровью; зане обрекал он
Многие храбрых главы ниспослать в обитель Аида.

Трои сыны ополчались, заняв возвышение поля,
Окрест великого Гектора, Полидамàса-героя,
Окрест Энея, который, как бог, почитался народом,
Трех Антенора сынов, Агенòра-героя, Полѝба
И Акамàса младого, подобного жителю неба.
Гектор-герой между первыми щит обращал круговидный.
Словно звезда вредоносная, то из-за туч появляясь,
Временем блещет, временем кроется в черные тучи,—
Так Приамѝд, воеводствуя, то меж передних являлся,

То между задних, к сражению строя; под пламенной медью
Весь он светился, как молния грома метателя Зевса.

Воины так, как жнецы, устроясь друг против друга
Жать ячмень, иль пшеницу на ниве богатого мужа,
В встречу бегут полосою; ручни на ручни упадают,—
Так соступившиесь воины, друг против друга бросаясь,
Бились, ни те, ни другие о низком не мыслили бегстве;
С рвением равным главы на сраженье несли и, как волки,
В битве ярились. Вражда веселилась, виновница бедствий,
Токмо одна от бессмертных при страшной присутствуя сече.
Боги другие от брани давно удалились; спокойно
В светлых своих воссидели жилищах, где каждому богу
Дом велелепный воздвигнут, по горным уступам Олимпа.
Все же они порицали гонителя облаков Зевса,
Трои сынам даровать возжелавшего славу победы.
Но не внимал им владыка Олимпа; от всех уклонясь,
Он одинокий сидел в отдалении, радостно-гордый,
Град созерцая троян, корабли чернооких данаев,
Меди сияние, брань, и губящих мужей и губимых.

Долго, как длилося утро и день возрастал светоносный,
Стрелы и тех и других поражали, и падали вои.
В час же, как муж-дровосек начинает обед свой готовить,
Сев под горою тенистой, когда уже руки насытил,
Лес повергая высокий, и томность на душу находит,
Чувства ж его обымает алкание сладостной пищи,—
В час сей ахеяне силой своей разорвали фаланги,
Крикнувши разом дружина к дружине; вперед Агамѐмнон
Ринулся первый и свергнул владыку мужей Бианòра,
Свергнул и друга его — Оилѐя, гонителя коней.
Он, с колесницы ниспрянувши, противостал Атрейону,
И в чело устремленного острым копьем Агамѐмнон
Грянул; копья не сдержал ни шелом его меднотяжелый —
Быстро сквозь медь и сквозь кость пролетело и, в череп ворвавшись,
С кровью смесило весь мозг и смирило его в нападеньи.
Бросил сраженных во прахе владыка мужей Агамѐмнон,
Персями белыми блещущих: он обнажил их доспехи.
Сам устремился на Йза и Антифа, свергнуть пылая
Двух Приамѝдов (побочный один, а последний законный),
Бывших в одной колеснице; побочный правил конями,

Антиф же стоя воинствовал храбрый; некогда их же,
Пасших овец, Ахиллес, изловив при подошвах идейских,
Ветвями гибкими пленных связал, но избавил за выкуп.
Ныне Атрид их, пространновластительный царь Агамѐмнон,
Первого в грудь близ сосца поразил длиннотенною пикой;
Антифа ж в ухо мечом огромил и сразил с колесницы.
Спешно с поверженных он совлекал прекрасные брони,
Вспомнивши юношей: прежде он их пред судами ахеян
Видел, как с Иды плененных привел Ахиллес благородный.
Словно как лев быстроногия лани детей беспомощных,
Если придет к логовищу, схвативши в ужасные зубы,
Вдруг сокрушает с костями и юную жизнь похищает;
Мать, как ни близко стоит у детей, но помочь им не может;
Сердце у ней у самой обымает насильственный трепет;
Быстрая, скачет сквозь частый кустарник, сквозь темные рощи,
Пот проливая, бежит от неистовства мощного зверя,—
Так Приамидам никто из троян при погибели грозной
Помощи не дал; они пред ахейцами сами бежали.

Вслед он Пизàндра и пылкого в битвах постиг Гипполòха,
Братьев, сынов Антимаха, который, приняв от Париса
Злато, блистательный дар, на советах всегда прекословил
Всем предлагающим выдать Елену царю Менелаю.
Мужа сего двух сынов изловил Агамѐмнон могучий,
Бывших в одной колеснице и вместе коней укрощавших;
Ибо из дланей у них убежали блестящие вожжи;
Оба смутились они, и на них, как лев, устремился
Царь Агамѐмнон; они с колесницы к нему возопили:

«Даруй нам жизнь, о Атрид! И получишь ты выкуп достойный:
Много в дому Антимаха лежит драгоценностей в доме;
Много и меди, и злата, и хитрых изделий железа.
С радостью выдаст тебе неисчислимый выкуп родитель,
Если услышит, что живы мы оба, в плену у данаев».

Так вопиющие оба, царя преклоняли на жалость
Ласковой речью; но голос неласковый слух поразил им:
«Если вы оба сыны Антимаха, враждебного мужа,
Что на сонме троянам совет подавал, Менелая,
В Трою послом приходившего с мудрым Лаертовым сыном,

Там умертвить, а обратно его не пускать к аргивянам,—
Се вам достойная мзда за презренную злобу отцову!»

Рек, и могучим ударом Пизàндра сразил с колесницы.
В грудь он копьем пораженный, ударился тылом о землю.
Спрянул с коней Гипполòх; и его низложил он на землю,
Руки мечом отрубивши и голову с выей отсекши;
И как ступа, им толкнутый, труп покатился меж толпищ.

Бросив сраженных, туда, где сильнее толпились фаланги,
Ринулся он, и за ним меднобронные мужи ахейцы.
Пешие пеших разят, предающихся бегству неволей,
Конные конных (от них заклубилося облако праха
С поля, взвиваясь ногами гремящих копытами коней)
Медью друг друга сражают; но мощный Атрид непрестанно
Гнал, поражая бегущих и криком своих ободряя.
Словно как хищный огонь на нерубленый лес нападает;
Вихорь крутящийся окрест разносит его, и из корней
С треском древа упадают, крушимые огненной бурей,—
Так под руками героя Атрида главы упадали
В бег обращенных троян; крутовыйные многие кони
С громом по бранным путям колесницы носили пустые,
Славных ища их возниц, а они по долине лежали
Бледные, коршунам больше приятные, чем их супругам.

Гектора ж Зевс-промыслитель от стрел удалил и от праха,
Вне пораженья поставил, и крови, и бурной тревоги.
Но Агамѐмнон преследовал, мощно своих возбуждая.
Толпища мимо кургана Дарданского древнего Ила
Полем, нестройные, мимо смоковницы дикой бежали,
Сердцем летящие в град; неотступно преследовал с криком
Царь Агамѐмнон и кровью багрил необорные руки.
Но приближася к дубу и к Скейским воротам, трояне
Там удержались и, став, ожидали последних бегущих.
Те же еще по долине как робкие бегали кравы,
Если их лев распугает, пришедший в глубокую полночь,
Всех; но единой из них предстоит ужасная гибель:
Выю он вдруг ей крушит, захвативши в могучие зубы,
После и кровь и горячую внутренность всю поглощает,—
Так их бегущих преследовал мощный Атрид, непрестанно
Мужа последнего пикой сражая; бежали трояне.

Многие ниц и хребтом упадали, сраженные с коней
Дланью Атридовой — так впереди он свирепствовал пикой.

Но когда, побеждая, под град и высокую стену
Он приближался, в то время отец и бессмертных и смертных,
Зевс, на превыспренном холме обильной потоками Иды,
С неба нисшедший, воссел; и держал он перуны в деснице,
И к посланнице быстрой вещал, златокрылой Ирисе:

«Шествуй, посланница быстрая, Гектору слово поведай:
Дондеже зрит он, что пастырь народа Атрид Агамѐмнон,
Между передних свирепствуя, губит ряды браноносцев,
Пусть от него уклоняется, токмо других ободряя
Храбро с мужами враждебными ратовать в битве жестокой.
Но когда копием иль троянской стрелой пораженный,
Бросится он в колесницу, пошлю я Гектору крепость:
Будет разить он, доколе дойдет к кораблям быстролетным,
И закатится солнце, и мраки священные снидут».

Рек; повинуется быстрая, равная вихрям Ириса;
С Иды-горы устремляется к Трое, священному граду;
Там Приамида-героя, великого Гектора видит,
В сонме дружин на конях, в колеснице стоящего светлой;
Став перед ним, провещает подобная вихрям Ириса:

«Гектор, Приамова отрасль, равный советами Зевсу!
Зевс посылает меня, да тебе изреку его слово:
Дондеже зришь ты, что пастырь народа Атрид Агамѐмнон,
Между передних свирепствуя, губит ряды ратоборцев,
Сам от него уклоняйся, и токмо других ободряй ты,
Храбро с мужами враждебными ратовать в битве жестокой.
Но когда копием, иль троянской стрелой пораженный,
Бросится он в колесницу, тебе ниспошлет он могучесть:
Будешь разить ты, доколе дойдешь к кораблям быстролетным,
И закатится солнце, и мраки священные снидут».

Так говоря, отлетела подобная вихрям Ириса.
Гектор-герой с колесницы с оружием прянул на землю;
Острые копья колебля, кругом обходил ополченья,
В бой распаляя сердца; и возжег он ужасную сечу.

Вспять обратились трояне и стали в лицо аргивянам;
Аргоса вои с противной страны укрепили фаланги.
Битва восставлена; стали навстречу; и царь Агамѐмнон
Ринулся первый: пылал и в передних он первым сражаться.

Ныне поведайте, музы, живущие в сенях Олимпа,
Кто Агамѐмнону противостал на сражение первый
Между троян конеборственных или союзников славных? —
Сын Антеноров, герой Ифидàмас, огромный и сильный,
В Фракии холмной воспитанный, матери стад руноносных.
Там Антенорова сына Киссѐй воспитал с колыбели,
Дед знаменитый его, белоногой Феаны родитель.
Но когда он достигнул возраста юности славной,
Дед, удержавши его, сочетал с ним дочь. Новобрачный,
Вдруг из чертога он брачного славой ахеян увлекся;
В черных двенадцати быстрых судах полетел к Илиону;
Но суда многоместные в граде Перкòте оставив,
Пеший с дружиной пошел и вступил в илионские стены.
Он Агамѐмнону противостал на сражение первый.
Чуть соступилися оба, идущие друг против друга,
Ринул Атрид и прокинул: оружие мимо промчалось
Но Ифидàмас средь запона, ниже сияющей брони,
Пику вонзил и на древко налег, уповая на силу.
Тщетно герой напрягался пронзить изукрашенный пояс:
Первое встретив сребро, как свинец изогнулося жало.
Древко рукой охватив, повелитель мужей Агамѐмнон
Мощно повлек, разъяренный, как лев, и из рук сопостата
Вырвал; его же по вые мечом поразил и низвергнул.
Там, по земле распростершися, сном засыпает он медным,
Бедный, друзей защищавший, далёко от верной супруги
Юной, от коей и ласк не приял, но дарами осыпал:
Сто ей волов сперва даровал и еще обещал он
Тысячу коз и овец из стад у него неисчетных,
Ныне ж его Агамѐмнон во прахе нагого оставил
И понес меж толпами доспех пораженного пышный.

Скоро Атрида увидел Коòн, знаменитый воитель,
Сын Антеноров старейший, и сердца глубокая горесть
Очи ему помрачила при виде простертого брата.
Стал в стороне он с копьем, неприметный герою Атриду;

Быстро ударил и в руку его поразил возле локтя:
Руку насквозь прокололо копейное яркое жало,
И содрогся от страха владыка мужей Агамѐмнон;
Брани ж и боя герой не оставил и так; на Ко̀она
Ринулся грозный, колебля копье, возращенное бурей.
Он же тогда Ифида̀маса, милого брата родного,
Пламенно за ногу влек, призывающий храбрых на помощь.
Влекшего тело его, под огромным щитом, Агамѐмнон
Сулицей медяножальной ударил и силы разрушил,
И на братнем трупе главу с него ссек налетевший.
Так Антенора сыны, под руками Атрида-героя
Участь свою совершив, погрузились в обитель Аида.
Он же, могучий, другие ряды обходил ратоборцев,
Их и копьем, и мечом, и огромными камнями бьющий,
Кровь покуда горячую свежая рана струила.
Но лишь рана засохла и черная кровь унялася,
Боли мучительноострые в душу Атрида вступили.
Словно как мать при родах раздирают жестокие стрелы,
Острые, кои вонзают Илйфии, Герины дщери,
Женам родящим присущие, мук их владычицы горьких,—
Столько же острые боли вступили в Атридову душу.
Он, в колесницу вскоча, повелел своему браздодержцу
Коней к судам устремить мореходным; и, сердцем терзаясь,
Крик он, кругом раздающийся, поднял, к ахеям взывая:
«Други, вожди и правители мудрые храбрых данаев!
Вы отражайте теперь от ахейских судов мореходных
Тяжкую битву; а мне не позволил Кронид-промыслитель
Ратовать целый сей день с вероломными чадами Трои».

Так произнес, и бичом браздодержец коней пышногривых
К черным погнал кораблям, и послушные кони летели;
Пену по персям клубя и кругом осыпаяся прахом,
С бранного поля несли удрученного язвой владыку.

Гектор, едва усмотрел отходящего с битвы Атрида,
Голосом звучным вскричал, возбуждая троян и ликиян:
«Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукопашцы дарданцы!
Будьте мужами, друзья, и вспомните бурную храбрость!
С боя уходит храбрейший, и мне знаменитую славу
Зевс посылает; направьте, трояне, коней звуконогих
Прямо на гордых данаев, стяжайте высокую славу!»

Так восклицая, возжег он и силу и мужество в каждом.
Словно как ловчий испытанный псов белозубых станицу
В лов раздражает на льва иль на дикого вепря лесного,
Так на аргивских мужей троян раздражал крепкодушных
Гектор-герой, человеков губителю равный Арею;
Сам же он, гордо мечтающий, первый пред ратью идущий,
В битву влетел, как высококрутящийся вихорь могучий,
Свыше который обрушась, весь понт черноводный волнует.

Кто же был первый и кто был последний, которых низвергнул
Гектор-герой, как победу ему даровал олимпиец?
Первый Ассѐй, и вослед Автонòй, и Опѝд браноносный,
Клития отрасль Долòп, Агелàй, и могучий Офѐлтий,
Ор и отважный Эзѝмн, и Гиппòноой, пламенный в битвах —
Сих поразил он ахейских вождей именитых, а ратных
Множество — словно как Зѐфир на облаки облаки гонит,
Хладного Нота порывами бурными их поражая;
Волны, холмясь, беспрестанно крутятся, и пена высоко
Брызжет, взрываясь порывами многостороннего ветра,—
Так беспрестанно от Гектора падали головы ратных.
Гибель была б, совершилось бы тут невозвратное дело,
Верно, упали б в суда отраженные рати ахеян,
Если б Тидида на бой не призвал Одиссей прозорливый:
«Что, Диомед, мы стоим и забыли воѝнскую доблесть?
Шествуй сюда ты и стань близ меня: нестерпимый позор нам,
Если у нас корабли завоюет божественный Гектор!»

Сыну Лаерта в ответ говорил Диомед нестрашимый
«Стану, о друг, я и здесь устою; но пользы немного
Будет от нашего мужества: Зевс, потрясатель эгида,
Больше троянам, чем нам, даровать одоление хочет!»

Так произнес; и Фимбрѐя сразил с колесницы на землю,
В грудь у сосца поразивши копьем; Одиссей же могучий
Богу подобного сверг Молиòна, клеврета царева.
В прахе оставили сих, успокоенных ими от брани;
Сами ж, толпу проходя, волновали ее, и, как вепри
Вдруг на псов, их гонящих, гордые мечутся сами,—
Так, обратяся, они истребляли троян, а данаи
Радостно все отдыхали от бегства пред Гектором грозным.

Тут колесницу они и могучих мужей изловили,
Двух сынов перкозийца Мерòпа, который славнейший
Был предсказатель судьбы и сынам не давал позволенья
К брани погибельной в Трою идти; не послушали дети
Старца родителя: рок увлекал их к погибели черной.
Их обоих Тидейон Диомед, знаменитый копейщик,
Душу и жизнь сокрушил и прекрасные сбруи похитил.
Царь Одиссей Гипподàма сразил и вождя Гиперòха.

Тут в равновесии бой распростер меж народов Кронион,
С Иды взиравший на брань, и они поражали друг друга.
Мощный Тидид копием уязвил в бедро Агастрòфа,
Сына Пеòнова храброго: кòней при нем, чтоб избегнуть,
Не было близко; так Пеонид омрачился душою.
Их возница держал в отдалении; сам же он пеший
Рыскал меж сонмов передних, пока погубил свою душу.
Гектор героев узрел сквозь ряды и на них устремился
С криком свирепым; за ним и троян полетели фаланги
Сердцем смутился, увидев его, Диомед благородный
И мгновенно воззвал к близ стоящему сыну Лаерта:
«Гибель крушится на нас, шлемоблещущий Гектор могучий!
Но останемся здесь, отразим ее, противуставши!»

Рек он, и, мощно сотрясши, послал длиннотенную пику.
И улучил, без ошибки уметил в главу Приамида,
В верх коневласого шлема; но медь отскочила от меди:
К белому телу коснуться шелом возбранил дыроокий,
Крепкий, тройной, на защиту герою дарованный Фебом.
Гектор далеко отпрянул назад и, смесившись с толпою,
Пал на колено; могучей рукой упираяся в землю,
Томный поникнул; и взор ему черная ночь осенила.
Но пока Диомед за копьем, пролетевшим далеко,
Шел сквозь ряды первоборные, где оно в землю вонзилось,—
Гектор с духом собрался и, бросившись вновь в колесницу,
К дружним толпам поскакал и избегнул гибели черной.
С пикой преследуя, громко вскричал Диомед нестрашимый:
«Снова ты смерти, о пес, избежал! над твоей головою
Гибель летела, и снова избавлен ты Фебом могучим.
Феба обык ты молить, выходя на свистящие стрелы!

Но убив тебя, я разделаюсь, встретившись после,
Если и мне меж богов-небожителей есть покровитель!
Ныне пойду на других и повергну, которых постигну!»

Рек, и с Пеонова сына доспехи совлечь наклонился.
Тою порой Александр, супруг лепокудрой Елены,
Скрывшись за столб гробовой на могиле усопшего мужа,
Ила, Дарданова сына, почтенного в древности старца,
Лук наляцал на Тидеева сына, владыку народа;
И как тот, наклонясь, обнажал Агастро̀фа-героя —
Щит от рамен, испещренные латы от персей и тяжкий
Шлем от главы,— Александр, рукоятие лука напрягши,
Мечет стрелу, и не тщетно она из руки излетела:
Ранил в десную пяту, и стрела, пробежав сквозь подошву,
В землю вонзилась. Парис торжествующий, с радостным смехом,
Вдруг из засады подпрянул и, гордый победой, воскликнул:
«Ты поражен! и моя не напрасно стрела полетела!
Если б в утробу тебя угодил я и душу исторгнул!
Сколько-нибудь отдохнули б от бед обитатели Трои,
Коих страшишь ты, как лев истребительный агнцев блеющих!»

И ему, не робея, Тидид отвечал благородный:
«Подлый стрелец, лишь кудрями гордящийся, дев соглядатай!
Если б противу меня испытал ты оружий открыто,
Лук не помог бы тебе, ни крылатые частые стрелы!
Ты, у меня лишь пяту оцарапавши, столько гордишься;
Мне же ничто! как бы дева ударила или ребенок!
Так тупа стрела ничтожного, слабого мужа!
Иначе мчится моя: лишь враждебного тела достигнет,
Острой влетает стрелой — и пронзенный лежит бездыханен!
И мгновенно вдова его в грусти терзает ланиты,
Дети в дому сиротеют, и сам он, кровавящий землю,
Тлеет, и вкруг его тела не жены, а птицы толпятся!»

Так он вещал; и, к нему приступив, Одиссей-копьеборец
Стал впереди; Диомед же, присев, из ноги прободенной
Вырвал стрелу, и по телу жестокая боль пробежала.
Он, в колесницу вскочив, повелел своему браздодержцу
Коней к судам устремить мореходным; терзалось в нем сердце.

Тут Одиссей-копьеборец покинут один; из ахеян
С ним никто не остался: всех рассеял их ужас.
Он, вздохнув, говорил к своему благородному сердцу:
«Горе! что будет со мною? позор, коль, толпы устрашася,
Я убегу; но и горше того, коль толпою постигнут
Буду один я: других аргивян громовержец рассыпал.
Но почто мою душу волнуют подобные думы?
Знаю, что подлый один отступает бесчестно из боя!
Кто на боях благороден душой, без сомнения должен
Храбро стоять, поражают его, или он поражает!»

Тою порою, как думы сии обращал он на сердце,
Быстро троянцев ряды приступили к нему щитоносцев
И сомкнулись кругом, меж себя заключая их гибель.
Словно как вепря и быстрые псы и ловцы молодые
Вдруг окружают, а он из дремучего леса выходит
Грозный, в искривленных челюстях белый свой клык изощряя;
Ловчие вкруг нападают; стучит он ужасно зубами,
Гордый зверь; но стоят звероловцы, как он ни грозен,—
Так на любимца богов Одиссея кругом нападали
Мужи троянские; он отбивался, и острою пикой
Первого ранил в поверхность плеча Деопи́та-героя;
После, Фо́она и Э́ннома друг возле друга низринув,
Он Херсида́ма-троянца, когда с колесницы тот прядал,
В чрево блестящим дрото́м, под щитом его выпуклобляшным,
Ранил; во прахе простершись, руками хватает он землю.
Сих он оставил, и вслед поразил Гиппаси́да Харо́на,
Милого брата рождением славного Сока-героя.
В помощь ему устремившися, Сок, небожителю равный,
Быстро и близко предстал и к Лаертову сыну воскликнул:

«Царь Одиссей! неистомный в трудах, неоскудный в коварствах!
Днесь — или ты над двумя Гиппаси́дами будешь гордиться,
Свергнув мужей таковых и доспех их блестящий похитив,
Или, копьем ты моим ниспроверженный, душу погубишь!»

Рек он, и пикой в размах поразил по щиту Одиссея;
Щит светозарный насквозь пробежала могучая пика,
Броню, художеством пышную, быстро пронзила и кожу
Всю отделила от ребр Одиссеевых; но запретила

Меди Паллада Афина касаться утробы героя.
И, познав Одиссей, что стрелой не смертельной постигнут,
Мало назад отступил и к Гиппасову сыну воскликнул:

«Нет, злополучный, тебя постигает жестокая гибель!
Ты воспрепятствовал мне с фригиянами ныне сражаться;
Я же тебе предвещаю убийство и черную гибель:
Здесь и теперь же моим копием ты поверженный, славу
Даруешь мне, и Аиду, конями гордящемусь, душу!»

Рек он; и Сок, от него обратившися, в бег устремился;
И ему обращенному пику в хребет углубил он
Между рамен и насквозь через перси широкие выгнал.
С шумом он грянулся в прах, и вскричал Одиссей, торжествуя:

«Сок, о воинственный сын укротителя ко̀ней Гиппаса!
Смертная участь постигла тебя, от нее не избег ты!
Ах, злополучный! тебе ни отец, ни почтенная матерь
Темных очей не закроют умершему; хищные птицы
Скоро тебя разорвут, поражая густыми крылами!
Мне же, умершему, честь воздадут аргивяне-герои!»

Так восклицающий, Сока могучего бурную пику
Вырвал из язвы своей и щита Одиссей благородный;
Вслед за оружием хлынула кровь, и душа затомилась.
Мужи троянские только увидели кровь Одиссея,
Крикнув друг другу в толпе, на единого все устремились
Он же от них отступал и друзей призывал, восклицая.
Трижды вскричал Одиссей, как смогла голова человека;
Трижды послышал сей крик Менелай, копьеборец могучий.
Быстро Атрид возгласил к находившемусь близко Аяксу:

«О Теламонид, Аякс благородный, властитель народа!
Крик Одиссея-героя ко мне достигает призывный,
Крику подобный, как будто его одного угнетают
Боем трояне, отрезав от всех на побоище страшном.
Друг, устремимся в толпу: защитить Одиссея нам должно!
Я трепещу, да один меж троянами он не постраждет,
Как ни отважен; великая скорбь поразила б ахеян!»

Рек, и грядет он, сопутствуем мужем, бессмертному равным.
Скоро они Одиссея узрели: толпою ходили

Окрест героя враги, как меж гор кровожадные волки
Окрест еленя рогатого, коего муж-звероловец
Ранил из лука стрелой; от него избежал быстроногий,
Мчася, доколе вращались горячая кровь и колена;
Но когда его мощь одолела стрела роковая,
Хищные волки его, между гор растерзав, пожирают
В мрачной дубраве, и льва-истребителя демон приводит;
Волки кругом рассыпаются; до̀бычу лев пожирает,—
Так вокруг Одиссея, искусного в битвах, ходили
Мужи троянские, многие, сильные, он же, бесстрашный,
Вкруг обращаясь, копьем отражал роковую годину.
Сын Теламонов приблизился, щит, как башню, несущий;
Стал перед ним, и трояне рассыпались друг перед другом.
За руку взявший его, из толпы выводил благородный
Царь Менелай, пока не предстал с колесницей возница.

Бурный Аякс, на троян опрокинувшись, ранил Дори́кла,
Сына Приама побочного; там же он Па̀ндока свергнул,
Свергнул, кругом нападая, Лиза̀ндра, Пира̀за, Пила̀рта.
Словно река наводненная в поле незапная хлынет,
Бурно упавшая с гор, отягченная Зевсовым ливнем;
Многие дубы иссохшие, многие древние сосны
Мчит и, крутящаясь, ил свой взволнованный в море бросает,—
Так устремился и всё взволновал Теламонид могучий,
Ко̀ней разя и мужей. Но погибельной смуты не ведал
Гектор; на левом конце он пы́лающей брани сражался,
Вдоль по брегу Скамандра пучинного, где наиболе
Падали головы ратных, и бранные клики гремели
Около Нестора-старца и сильного Идоменея.
Гектор меж ними вращался могучий и грозное деял:
Пикой и бурной ездой сокрушал он фаланги данаев.
Но не оставили б поля данайские храбрые рати,
Если б герой Александр, супруг лепокудрой Елены,
Битвы прервать не принудил Маха̀она, храброго мужа,
В правое рамо его поразив троежальной стрелою.
Все за него ужаснулись пылавшие бранью данаи,
Чтобы его, при несча̀стливой битве, враги не сразили,
Идоменей к знаменитому Нестору первый воскликнул:

«Нестор Пелид, о великая слава ахейских народов!
Стань в колесницу немедленно; пусть и почтенный Маха̀он

Станет с тобой; и гони к кораблям ты коней быстроногих.
Опытный врач драгоценнее многих других человеков,
Зная вырезывать стрелы и язвы целить врачевствами».

Рек; и ему не противился Нестор, конник геренский;
Скоро взошел и предстал с колесницей; в нее и Махàон
Быстро взошел, врача превосходного сын знаменитый.
Старец стегнул по коням, и охотно они полетели
К кущам ахейским: туда их несло и желание сердца.

Тою порой Кебрион, Приамидов сподвижник-возница,
Рати троянской смятенье увидел и молвил герою:
«Гектор! тогда как мы здесь подвизаемся между данаев,
Здесь, на конце истребительной брани,— взгляни ты, другие
Наши волнуются рати; смесились и кони и вои.
Их Теламонид волнует Аякс; узнаю ратоводца:
Носит на раме огромный он щит. Но туда мы и сами
Бурных коней обратим с колесницею; там наипаче
Толпища пеших и конных, с ужасным свирепством сшибаясь,
Режутся между собою, и крик их гремит неумолкный!»

Так Кебрион произнесши, коней пышногривых ударил
Звонким бичом, и ударам возницы послушные кони
Быстро меж ратных рядов с колесницею легкой летели,
Трупы топча, и щиты, и шеломы, забрызгалась кровью
Снизу медяная ось и сверху скоба колесницы,
В кои от конских копыт и от ободов бурных хлестали
Брызги кровавые,— так Приамид поспешал погрузиться
В сонмы мужей и, нагрянув, расторгнуть их! Страшную смуту
Он меж данаев воздвигнул и редко с копьем расставался.
Он и другие ряды обходил ратоборцев ахейских,
Их и копьем, и мечом, и огромными камнями бьющий;
Но с Аяксом борьбы избегал, с Теламоновым сыном:
Зевс раздражился бы, если б он с мужем сильнейшим сразился

Зевс же, владыка превыспренний, страх ниспослал на Аякса;
Стал он смущенный и, щит свой назад семикожный забросив,
Вспять отступал, меж толпою враждебных, как зверь, озираясь,
Вкруг обращаяся, тихо колено коленом сменяя.
Словно как гордого льва от загона волов тяжконогих
Гонят сердитые псы и отважные мужи селяне:

Зверю они не дающие тука от стад их похитить,
Целую ночь стерегут их, а он, насладиться им жадный,
Мечется прямо, но тщетно ярится: из рук дерзновенных
С шумом летят, устремленному в сретенье, частые копья,
Главни горящие; их устрашается он и свирепый,
И со светом зари удаляется, сердцем печальный,—
Так Теламонид, печальный душой, негодующий сильно,
Вспять отошел: о судах он ахеян тревожился страхом.
Словно осел, забредший на ниву, детей побеждает,
Медленный; много их палок на ребрах его сокрушилось;
Щиплет он, хо̀дя, высокую пашню, а резвые дети
Палками вкруг его бьют,— но ничтожна их детская сила;
Только тогда, как насытится пашней, с трудом выгоняют,—
Так Теламонова сына, великого мужа Аякса,
Множество гордых троян и союзников их дальноземных,
Копьями в щит поражая, с побоища пламенно гнали.
Он же, герой, иногда вспомянувши бурную силу,
К ним обращался лицом и удерживал, грозный, фаланги
Конников храбрых троян; иногда обращался он в бегство,
Но дорогу им всем заграждал к кораблям быстролетным;
Часто меж двух ополчений свирепствовал сын Теламонов,
Ставши один; устремленные копья из рук дерзновенных
Многие в щит семикожный вонзались, вперед порываясь,
Многие, середь пути, не коснувшися белого тела,
В землю вонзяся, стояли, насытиться алчные телом.

Скоро Аякса увидел блистательный сын Эвемона,
Вождь Эврипил, удрученного тучей метательных копий;
Бросился, стал близ него и, сияющий ринувши дротик,
Сильного рати вождя Апиза̀она, Фавзова сына,
В печень под сердце пронзил и на месте сломил ему ноги.
Прянул к нему Эврипил, да похитит оружия с персей.
Но его, обнажавшего Фавзова сына, увидел
Богу подобный Парис Приамид и немедленно крепкий
Лук на него натянул и крылатой стрелою десное
Ранил бедро; сокрушилася трость и бедро отягчила.
Вспять он к дружинам своим отступил, избегающий смерти;
Крик между тем, кругом раздающийся, поднял к данаям:

«Други, вожди и правители мудрые храбрых данаев!
Станьте троянам в лицо, отразите скорей от Аякса

Пагубный день; удручен он стрелами, и, мыслю, не может
Сам избежать он из сечи погибельной! В встречу враждебн
Станьте, друзья, за Аякса-героя, за славу данаев!»

Так восклицал Эврипил уязвленный, и быстро данаи
Вкруг Эвемòнида стали, щиты к раменам преклонивши,
Копья уставивши; к ним невредимый исшел Теламонид
И, к дружинам приближася, стал он лицом на враждебных.
Так браноносцы сражались, подобно пылающим пламам.

Нестора с поприща бранного мчали Нелеевы кони,
Пеной покрытые; с ним и Махàона, славного мужа.
Старца увидев, узнал Пелейон Ахиллес быстроногий.
В оное время герой стоял на корме корабельной,
Смотря на бранный труд и плачевное бегство ахеян;
Начал к себе призывать он любезного друга Патрокла,
Громко крича с корабля; из-под сени, услышав, он быстро
Вышел, Арею подобный,— и было то горя началом.
Первый вещал к Ахиллесу Менетиев сын благородный:
«Что, Ахиллес, призываешь меня ты и что повелишь мне?»

И, Патроклу ответствуя, рек Ахиллес быстроногий:
«О Менетид благородный, о друг, любезнейший сердцу!
Ныне, я думаю, скоро колена мои аргивяне
Придут обнять: нестерпимая более нужда гнетет их.
Но спеши, Менетид, вопроси у Нелеева сына,
С битвы кого уязвленного старец почтенный увозит?
Сзади Махàону кажется он совершенно подобным,
Сыну Асклèпия; мужа в лицо не успел я увидеть;
Мимо меня проскакали стремительно быстрые кони».

Так произнес; и Патрокл покорился любезному другу;
Бросился быстро бежать вдоль судов мореходных и кущей.

Тою порою достигнули мужи Нелидовой кущи.
Оба сошли с колесницы на щедропитающу землю;
Коней приняв, отрешил Эвримèдон, старцев служитель,
Сами ж они на хитонах их пот прохлаждали горячий,
Став против ветра на береге моря; когда прохладились,
В сенницу оба вошли и на креслах покойных воссели.

Им Гекамѐда кудрявая смесь в питие составляла,
Дочь Арсинòя, которую он получил в Тенедосе,
В день, как Пелид разорил, и которую старцу ахейцы
Сами избрали наградой: советами всех побеждал он.
Прежде сидящим поставила стол Гекамѐда прекрасный,
Ярко блестящий, с подножием черным; на нем предложила
Медное блюдо со сладостным луком, в прикуску напитка,
С медом новым и ячной мукою священной.
Кубок красивый поставила, из дому взятый Нелидом,
Окрест гвоздями златыми покрытый; на нем рукояток
Было четыре высоких, и две голубицы на каждой
Будто клевали, златые; и был он внутри двоедонный.
Тяжкий сей кубок иной нелегко приподнял бы с трапезы,
Полный вином; но легко подымал его старец пилосский.
В нем Гекамѐда, богиням подобная, им растворила
Смесь на вине прамнийском, натерла козьего сыра
Теркою медной и ячной присыпала белой мукою,—
Так уготовя напиток составленный, пить приказала.
Мужи, когда питием утолили палящую жажду,
Между собой говоря, наслаждались беседой взаимной.

Вдруг во дверях их стал Патрокл, небожителю равный.
Старец, увидев его, устремился с блистательных кресел,
За руку далее ввел и упрашивал сесть между ними;
Но Менетѝд отрекался и быстрой ответствовал речью:

«Нет, не година сидеть,— не преклонишь, божественный старец.
Много почтен, но и грозен пославший меня известиться,
С битвы кого пораженного вез к кораблям ты. Но мужа
Сам узнаю, Махàона я вижу, владыку народов.
С вестью обратно спешу, чтоб ее возвестить Ахиллесу.
Знаешь довольно и сам ты, божественный старец, какой он
Взметчивый муж: и невинного вовсе легко обвинит он».

Быстро ему ответствовал Нестор, конник геренский:
«Что же герой Ахиллес беспокоится так о данаях,
Медью враждебной в бою пораженных? Но знает ли всё он
Горе, постигшее воинство наше! Храбрейшие мужи
В стане лежат, иль в стрельбе, или в битве пронзенные медью!
Ранен стрелою Тидид Диомед, воеватель могучий,
Ранен копьем Одиссей знаменитый, Атрид Агамѐмнон.

Вот и сего предводителя я из погибельной битвы
Вывез, пронзенного в рамо стрелой. Но Пелид-градоборец,
Сильный Пелид об ахейских сынах не радит, не жалеет!
Может быть, ждет он, доколе суда на брегу Геллеспонта,
В битве ахеян бесплодной, под вражеским пламенем вспыхнут,
Сами ж падем мы один близ другого? Лишился я, старец,
Силы, какая бывало кипела в гибких сих членах!
Если бы молод я стал и могучестью крепок, как прежде,
В годы, когда возгорелася распря меж нас и элѐян,
Хищников стада; когда Гипирòхова мощного сына
Я поразил Итимòнея, жившего в злачной Элиде,
И отбил всё возмездие: стáдо свое защищая,
Он поражен меж передними бурною пикой моею;
Пал, и мгновенно рассыпались сельские ратники в страхе.
Мы от элѐян добычу богатую с поля погнали:
Овчих ватаг пятьдесят и столько же гуртов воловых,
Столько же стад и свиных, и бесчисленных козьих, и с ними
Конский табун захватили мы, сто пятьдесят светломастных
Всё кобылиц, и при многих прекрасные были жребята.
Всю добычу великую ночью вогнали мы в город,
В Пѝлос Нелеев; восхитился духом Нелей, мой родитель,
Видя, сколь много добыл я, в сражение вышедши, юный.
Вестники подняли клич, с появлением ранней денницы
Всех призывая, кто долг лишь имел на Элиде священной.
Стекся пилосский народ, и властители-мужи добычу
Всем разделяли (эпѐяне многим осталися должны
В дни, как, уже малолюдные, в Пѝлосе мы злострадали:
Нас угнетала постигшая Пѝлос Гераклова сила
В древние годы: защитники града храбрейшие пали.
В доме Нелея двенадцать сынов-ратоборцев нас было,
И остался один я: они до последнего пали!
Сим возгордившися, меднодоспешные мужи эпейцы
Нами ругались и многие нам умышляли злодейства).
Старец себе и волов и овец великое стадо
Взял как возмездие, триста избравши и пастырей с стадом;
Долг бо великий и старец имел на Элиде священной:
Славных, в ристаньи победных четыре коня с колесницей,
Бегом стязаться ходивших, и был предназначен треножник
Бега наградой; но их повелитель народа Авгѐас
Нагло отъял и возницу, о кòнях печального, изгнал.
Старец Нелей, оскорбленный словами его и делами,

Много избрал для себя; остальное же отдал народу
В равный раздел: да никто от него обделен не отыдет.
Мы совершали взаимный раздел и по граду Нелея
Жертвы богам приносили. Враги же на третее утро
Силою всей, меднолатные мужи и быстрые кони,
Разом пришли; ополчилися с ними и два Молиона,
Юноши, вовсе еще незнакомые с бурною бранью.—
Есть Фриоѐсса-град, на высоком утесе лежащий,
Дальний, на бреге Алфея, кончающий Пи̇лос песчаный.
Град сей враги кругом обступили, разрушить пылая.
Но лишь толпы их прошли подгородное поле, Афина
Вестницей нам, от Олимпа нисшедшая, ночью явилась,
Брань возвещая, и в граде пилосцев собрала не робких,
Но беспредельно пылавших сразиться. Нелей, мой родитель,
Мне запретил ополчаться и скрыл от меня колесницу,
Мысля, что я еще млад и неопытен в подвигах ратных.
Я же и так между конников наших славой покрылся,
Пеший: меня на сражение так устремила Афина.—
Есть Миниѐйос-река, и падет она в шумное море
Близко Арѐны; денницы священной мы там ожидали,
Конные вои, а пешие тою порою стекались.
С оного места, со всею мы силой, с оружием в дланях,
В полдень пришли совокупно к священному току Алфея.
Там, всемогущему Зевсу принесши избранные жертвы,
Богу Алфею тельца и тельца Посидону заклали;
Но Афине Палладе ярмом не смиренную краву.
После воинством целым толпа близ толпы вечеряли;
И наконец опочить, но с оружием каждый, легли мы
Вдоль по брегу Алфея; а гордые духом эпейцы
Около града стояли уже и разрушить пылали.
Но предстало им прежде великое дело Арея.
Только лишь ясное солнце взошло над пространной землею,
Мы наступили на них, помоляся Афине и Зевсу.
И едва лишь пилосцы с эпейцами бой завязали,
Первый я мужа сразил и похитил коней быстроногих
Мулия-воина; зять он Авгѐаса был властелина,
Дщери старейшей супруг, светлокудрой жены Агамеды,
Знавшей все травы целебные, сколько земля их рождает.
Мужа сего, наступавшего, свергнул я пикою медной;
Грянулся в прах он, а я, на его колесницу вскочивши,
Между передними стал. И надменные мужи эпейцы

Друг перед другом побегли, увидев сраженного мужа,
Конных вождя, браноносца эпеян, храбрейшего в битвах.
Я на врагов убегающих грянул, как черная буря;
Взял пятьдесят колесниц, и от каждой два ратоборца
Землю грызли зубами, сраженные пикой моею.
Я поразил бы и двух Акторидов, младых Молионов,
Если бы их не отец, многомощный земли колебатель,
Сам из сражения спас, покрывши облаком темным.
Зевс пилосским мужам даровал и победу и славу;
Мы непрестанно бегущих вдоль поля широкого гнали,
Всех истребляя и пышные их собирая доспехи,
Коней пока не пригнали в Вупразий, обильный пшеницей,
Где Оленийский утес и курган, Алезийским зовомый.
С оного поля пилосцев назад обратила Паллада.
Там от врагов я последнего сверг, и ахейские мужи
Вспять из Вупразия в Пилос погнали коней быстроногих,
Все прославляя Кронида в богах, в человеках Нелида.
Некогда был я таков, подвизаясь с мужами! Пелид же
Служит своею доблестью только себе! Но уверен,
Сам он сетовать будет, как воинство наше погибнет!
Друг Менетид, не тебя ль наставлял благородный Менетий
В день, как из Фтии тебя отпускал в ополченье Атрида?
Мы с Одиссеем тогда, находяся в Пелеевом доме,
Слышали в храмине всё, что вещал он, тебя наставляя.
В дом же Пелеев, богато устроенный, мы приходили,
Рать собирая на брань по ахейской земле плодоносной,
И нашли мы тогда Акторида Менетия в доме;
Там был и ты и герой Ахиллес, а Пелей престарелый
Тучные бедра вола сожигал молнелюбцу Крониду,
Стоя в ограде двора и держа златоблещущий кубок,
Черное оным вино возливал на священное пламя;
Вы от закланного части готовили. Мы с Одиссеем
Стали в воротах; и бросился к нам Ахиллес удивленный,
За руки взял и в чертоги привел и, воссесть повелевши,
Нам предложил угощенье, какое гостям подобает.
И когда насладилися мы изобильной трапезой,
Речь я устроил и вас уговаривал следовать с нами;
Вы пламенели на брань, а отцы наставляли вас мудро.
Старец Пелей своему заповедывал сыну Пелиду
Тщиться других превзойти, непрестанно пылать отличиться.
Но Менетий тебе заповедывал так благородный:

Сын мой! Пелид Ахиллес тебя знаменитее родом,
Летами ста̀рее ты; у него превосходнее сила;
Но руководствуй его убеждением, умным советом;
Дружески правь им; всегда он на доброе будет послушен.—
Так заповедывал старец, а ты забываешь. Хоть ныне
Храброму сыну Пелея решись говорить,— не вонмет ли?
Как то узнать? не успеешь ли, с богом, твоим убежденьем
Тронуть в нем сердце? сильно всегда убеждение друга.
Если ж какое пророчество душу его устрашает,
Если ему от Кронида поведала что-либо матерь,—
Пусть он отпустит тебя и с тобою в сражение вышлет
Рать мирмидонскую; может быть, светом ты будешь данаям.
Пусть он позволит тебе ополчиться оружием славным;
Может быть, в брани тебя за него принимая, трояне
Бой прекратят; а данайские воины в поле отдо̀хнут,
Боем уже изнуренные; отдых в сражениях краток.
Вы, ополчение свежее, рать, истомленную боем,
Быстро к стенам отразите от наших судов и от кущей».

Так говорил он, и сердце Патроклово в персях подвигнул.
Он устремляется вдоль кораблей к Эакиду-герою;
Но когда к кораблям Одиссея, подобного богу,
Он приближался бегущий, где площадь и суд был народный,
И кругом алтари божествам их воздвигнуты были,—
Там Эврипил, уязвленный в сражении, с ним повстречался,
Доблестный сын Эвемо̀на, с стрелою, в бедре углубленной.
Шел он хромая с побоища; пот у героя ручьями
Лился холодный с рамен и с главы, а из раны тяжелой
Брызгала черная кровь; но дух оставался в нем твердым.
Видя его, почувствовал жалость Патрокл благородный
И, сострадая, воскликнул, крылатые речи вещая;

«Ах, злополучные мужи, вожди и владыки ахеян!
Так вы должны, далеко̀ от друзей, от отчизны любезно̀й,
Плотию вашею белою псов насыщать илионских?
Но поведай, герой, возвести мне, о Зевсов питомец,
Рати стоят ли еще против Гектора, дивного в бранях?
Или уже упадают, его укрощенные медью?»

Быстро ему Эврипил Эвемо̀нид ответствовал мудрый:
«Нет, благородный Патрокл, избавления нет никакого

Ратям ахейским! в суда они черные бросятся скоро!
Все, которые в воинстве были храбрейшие мужи,
В стане лежат пораженные, или пронзенные в брани
Медью троян, а могущество гордых растет непрестанно;
Но спаси ты меня, проводи на корабль мой черный;
Вырежь стрелу из бедра мне, омой с него теплой водою
Черную кровь и целебными язву осыпь врачевствами,
Здравыми; их ты, вещают, узнал от Пелеева сына,
Коего Хирон учил, справедливейший всех из кентавров.
Рати ахейской врачи, Подалирий и мудрый Махаон,
Сей, как я думаю, в кущах, подобною страждущий язвой,
Сам беспомощный лежит, во враче нуждаясь искусном;
Тот же стоит еще в поле, встречая свирепство Арея».

Снова ему отвечал Менетиев сын благородный:
«Чем сие кончится дело? и что, Эвемонид, предпримем?
В стан я спешу, чтобы всё возвестить Ахиллесу-герою,
Что мне приказывал Нестор, страж неусыпный ахеян.
Но тебя я в страдании здесь, Эврипил, не оставлю».

Рек, и, под грудь подхвативши, повел он владыку народов
К сени; служитель, узрев их, тельчие кожи раскинул.
Там распростерши героя, ножом он из лядвеи жало
Вырезал горькой пернатой, омыл с нее теплой водою
Черную кровь и руками истертым корнем присыпал
Горьким, врачующим боли, который ему совершенно
Боль утоляет; и кровь унялася, и язва иссохла.

ПЕСНЬ XII

СОДЕРЖАНИЕ

Ахеяне заключаются внутрь стены своей (здания, богам ненавистного и ими же, вскоре после самой Трои, разрушенного; что поэт здесь и повествует), ст. 1—35. Трояне, угрожая кораблям, готовятся перейти ров и сперва встречают затруднение, 36—59; но скоро, по совету Полидама̀са, сходят с колесниц и, разделяся на пять отрядов, пешие устремляются, 60—107. Азий дерзает на колеснице приблизиться к одним из ворот, но встречает в них двух Лапифов, Полипѐта и Леонтѐя; герои страшное убийство производят в дружине его и самого отражают, 108—194. Гектору, готовому перейти ров, Полидама̀с, устрашенный недобрым знамением — летящим над ним орлом, который нес змея и упустил его,— советует оставить намерение, 195—229. Гектор поносит его малодушие и, презрев знамение, идет, чтобы напасть на стену, 230—250. Ахейцы, невзирая на страшную бурю, Зевсом на них устремленную, храбро защищают свое укрепление, и особенно оба Аяксы, 250—289. Сарпедон, убедив Главка, с ним нападает на стену в другом месте, 290—330; им сопротивляется Менесфѐй, но, призвав на помощь Аякса старшего и Тевкра, с ними удерживает нападающих, ибо Аякс отразил Сарпедона и убил сподвижника его Эпикла, а Тевкр уязвил Главка; однако Сарпедон уже разрушил вершину стены, 331—407. Ликийцы снова храбро нападают, ахейцы защищаются, и бой с обеих сторон продолжается равный, 408—436. Но Гектор сражается успешнее; приступив к другим воротам, он пробивает их камнем и врывается в стену; ахеяне бегут, 437—471.

ПЕСНЬ XII

Так под высокою сенью Менетиев сын благородный
Рану вождя врачевал Эврипила; но битва пылала:
Бились данаи с троянами всею их ратью; и больше
Быть обороной данаям не мог уж ни ров, ни твердыня
Крепкая, та, что воздвигли судам на защиту и окрест
Рвом обвели: не почтили они гекатомбой бессмертных,
Их не молили, да в стане суда и добычи народа
Зданье блюдет. Не по воле бессмертных воздвигнуто было
Здание то, и недолго оно на земле уцелело:
Гектор доколе дышал, и Пелид бездействовал гневный,
И доколе нерушенным град возвышался Приамов,
Гордое зданье данаев, стена невредимой стояла.
Но когда как троянские в брани погибли герои,
Так и аргивские многие пали, другие спаслися,
И когда, Илион на десятое лето разрушив,
В черных судах аргивяне отплыли к отчизне любезной,—
В оное время совет Посидàон и Феб сотворили
Стену разрушить, могущество рек на нее устремивши
Всех, что с Идейских гор изливаются в бурное море:
Реза, Карèза, Гептàпора, быстрого Рòдия волны,
Эзѝпа, воды Гранѝка, священные волны Скамандра
И Симоиса, где столько щитов и блистательных шлемов
Пало во прах, и легли полубоги, могучие мужи:
Устья их всех Аполлон обратил воедино и бег их
Девять дней устремлял на твердыню; а Зевс беспрерывный
Дождь проливал, да скорее твердыня потонет в пучине.
Сам земледержец с трезубцем в руках перед бурной водою

Грозный ходил, и всё до основ рассыпа̀л по разливу,
Бревна и камни, какие с трудом аргивяне сложили;
Всё он с землею сравнял до стремительных волн Геллеспонта;
Самый же берег великий, разрушив огромную стену,
Вновь засыпал песками и вновь обратил он все реки
В ложа, где прежде лились их прекрасно струящиесь воды.

Так Посида̀он и Феб Аполлон положили в грядущем
Вместе свершить. Между тем загоралася шумная битва
Вкруг под ахейской стеной; загремели огромные брусья
В башнях громимых. Ахейцы, бичом укрощенные Зевса,
Все при своих кораблях, заключенные в стане, держались,
Гектора силы страшась, разносителя бурного бегства.
Он же, герой, как и прежде, воинствовал, буре подобный.
Словно когда окруженный, меж псов и мужей-звероловцев,
Вепрь или лев обращается быстрый, очами сверкая;
Ловчие, друг возле друга, сомкнувшися твердой стеною,
Зверю противустоят и тучами острые копья
Мечут из рук; но не робко его благородное сердце:
Он не дрожит, не бежит, и бесстрашием сам себя губит:
Часто кругом обращается, ловчих ряды испытуя;
И куда он ни бросится, ловчих ряды отступают;
Так, пред толпою летающий, Гектор-герой обращался,
Ров перейти убеждая дружины. Но самые кони,
Бурные кони, не смели; вздымались и храпали страшно,
Стоя над самою кручею; ров ужасал их глубокий,
Ров, к перескаку не узкий, равно к переходу не легкий:
Вдоль его скатов стремнины отрезные круто стояли
С той и другой стороны; на поверхности острые колья
Рядом по нем возвышались, огромные частые сваи,
Кои ахеяне вбили от гордых врагов обороной.
В ров сей едва ли конь с легкокатной своей колесницей
Мог бы спуститься; но пешие рвалися, им не удастся ль.
Полидама̀с наконец к дерзновенному Гектору вскрикнул:

«Гектор и вы, воеводы троян и союзников наших!
Мысль безрассудная — гнать через ров с колесницами коней.
Он к переходу отнюдь не удобен: по нем непрерывно
Острые колья стоят, а за ними твердыня данаев.
Нам ни спускаться в окоп сей, ни в оном сражаться не должно
Конным бойцам: теснина̀ там ужасная, всех переколют.

Ежели подлинно в гневе своем громовержец ахеян
Хочет вконец истребить, а троянских сынов избавляет,
Я бы желал, чтоб над ними немедленно то совершилось,
Чтоб изгибли бесславно, вдали от Геллады, ахейцы!
Если ж они обратятся, и храбрый отбой от судов их
Сами начнут, и нас опрокинут на ров сей глубокий,—
После, я твердо уверен, и с вестию некому будет
В Трою прийти от ахеян, в отбой на троян устремленных.
Слушайте ж, други, меня и советам моим покоритесь:
Кòней оставим, и пусть пред окопом возницы их держат;
Сами же пешие, в медных доспехах, с оружием в дланях,
Силою всею пойдем мы за Гектором; рати ахеян
Нас не удержат, когда им грозит роковая погибель».

Так говорил он; и Гектор, склонясь на совет непорочный,
Быстро с своей колесницы с доспехами прянул на землю.
Тут и другие вожди перестали на конях съезжаться;
Все за божественным Гектором спрянули быстро на землю.
Каждый тогда своему наказал воевода вознице
Коней построить в ряды и у рва держать их готовых.
Сами ж они, разделяся, толпами густыми свернувшись,
На пять громад устрòяся, двинулись вместе с вождями.

Гектор и Полидамàс предводили громадою первой,
Множеством, храбростью страшной, и более прочих пылавшей
Стену скорее пробить и вблизи пред судами сражаться.
С ними и третий шел Кебрион, а другого близ коней,
В сонме возниц, Кебриона слабейшего, Гектор оставил.
Храбрый Парис, Алкафòй и Агѐнор вторых предводили;
Третьих вели прорицатель Гелен, Деифоб знаменитый,
Два — Приамова сына, и третий Азий бесстрашный,
Азий Гиртàкид, который на кòнях огромных и бурных
В Трою принесся из дальней Аризбы, от вод Селлеиса.
Сонмом четвертым начальствовал сын благородный Анхизов,
Славный Эней, и при нем Акамàс и Архѝлох, трояне,
Оба сыны Антенора, искусные в битвах различных.
Но Сарпедон предводил ополченье союзников славных,
Главка к себе приобщив и бесстрашного Астеропѐя:
Их обоих почитал он далеко храбрейшими многих
После себя предводителей, сам же всех превышал он.
Так изготовясь они и сомкнувшися крепко щитами,

С пламенным духом пошли на данаев: не могут, мечтали,
Противостать, но в суда мореходные бросятся к бегству.

Все тогда, как трояне, так и союзники Трои,
Полидамàса-вождя покорились совету благому.
Азий один не хотел, предводитель народов Гиртàкид,
Коней оставить у рва со своим возницею храбрым —
Азий на бурных конях устремлялся к судам мореходным,
Муж безрассудный! Ему не избегнуть от грозного рока;
Нет, колесницей и кòнями он величаяся, гордый,
Вспять от ахейских судов не воротится к Трое холмистой:
Прежде его, дерзновенного, участь лихая постигла
Медным копьем Девкалиона, славного Идоменèя.
Мчался он влево к судам мореходным, туда, где ахейцы
С бранного поля бежали на легких своих колесницах;
Правил туда он своих быстроскачущих коней; и в башне
Там не нашел ни створенных ворот, ни огромных запоров:
Их растворенными вои держали, да каждый сподвижник,
С бранного поля бегущий, укроется в стан корабельный.
Прямо скакал он, высокомечтающий; с ним и другие
С криком ужасным летели: ахейцы, они уповали,
Не устоят, в корабли мореходные бросятся к бегству.
Но малоумные! В башне их встретили двое бесстрашных,
Сильные духом сыны копьеборцев могучих лапифов:
Первый герой Полипèт, безбоязненный сын Пирифòя;
Воин второй Леонтèй, душегубцу Арею подобный.
Оба они пред высоковздымавшеюсь башней стояли;
Словно на хòлмах лесистых высоковершинные дубы,
Кои и ветер и дождь, ежедневно встречая, выносят,
Толстыми в землю корнями широкоразмётными вросши,—
Так и они, на могучесть рук и на храбрость надеясь,
Мчавшегось Азия бурного ждали, незыблемо стоя.
Тою порой как противники прямо к твердыне ахейской,
Вверх подымая щиты, подходили с воинственным криком
Вкруг повелителя Азия, вкруг Иямèна, Ореста,
Азия сына Адàмаса, Фòона и Эномàя,
Тою порою лапифы еще меднобронных данаев,
Стоя внутри при воротах, суда боронить возбуждали.
Но лишь узрели, что прямо уже устремилась на стену
Сила троян, и ахеяне подняли крик и тревогу:
Вылетев оба они, пред воротами начали битву,

Вепрям подобные диким, которые в горной дубраве
Ловчих и псов нападение шумное смело встречают,
В стороны быстро бросаясь, ломают кругом их кустарник,
Режут при корнях деревья, стук от клыков их ужасный
Вкруг раздается, доколе копье не исторгнет их жизни,—
Так у лапи́фов стучали блестящие брони на персях,
Окрест врагами разимые: пламенно бились лапи́фы,
Видя друзей над собой и на силы свои полагаясь.
Те же огромные камни с высоковздымавшейся башни,
Сами себя и суда их у моря и стан защищая,
Быстро метали. Как снег ослепительный падает на̀земь,
Если ветер порывистый, мрачные тучи колебля,
Частый его проливает на многоплодящую землю,—
Так и у них, у стрельцов, как данайских, равно и троянских,
Стрелы лилися из рук. Под ударами камней огромных
Глухо гудели шеломы и круги щитов медноблящных.

Громко воскликнул и в бедра с досады ударил руками
Азий Гирта̀кид и, ропчущий на небо, так говорил он:
«Зевс Олимпийский, и ты уже сделался явный лжелюбец!
Я и помыслить не мог, чтоб еще аргивяне-герои
Вынесли мужество наше и рук необорную силу!
Но как пчелы они, иль как пестрые, верткие осы,
Гнезда свои положив при утесистой пыльной дороге,
Дома ущельного бросить никак не хотят и, дождавшись
Хищных селян, за детей перед домом сражаются злобно,—
Так и они не хотят от ворот, невзирая что двое,
С места податься, пока не осилят иль сами не лягут».

Так вопиял он; но воплям его не внимал громовержец:
Гектора славой украсить заботилось сердце Кронида.

Рати другие пред башней другою билися боем.
Трудно мне оное всё, как бессмертному богу, поведать:
Вдоль перед всею твердынею бой загорелся ужасный
Каменный; духом унылые, рати ахеян по нужде
Бились, суда бороня; омрачились печалью и боги,
Все ополчений ахейских поборники в брани троянской.

Стали сложася лапи́фы на страшную брань и убийство.
Пламенный сын Пирифо̀ев, герой Полипѐт копьеносный,

Дамаса острым копьем поразил сквозь шелом меднощечный;
Шлемная медь не сдержала удара; насквозь пролетела
Медь изощренная, кость проломила и, в череп ворвавшись,
С кровью смесила весь мозг и смирила его в нападеньи.
Он наконец у Пилòна и Òрмена души исторгнул.
Отрасль Арея, лапиф Леонтèй, Антимàхова сына
Там же низверг, Гиппомàха, уметив у запона пикой.
После герой, из влагалища меч свой исторгнувши острый
И сквозь толпу устремившися, первого там Антифàта
Изблизи грянул мечом, и об дол он ударился тылом.
Там наконец он Иàмена, Мèнона, воя Ореста,
Всех, одного за другим, положил на кровавую землю.

Но между тем как они совлекали блестящие брони,
С Полидамàсом и Гектором юношей полк приближался,
Множеством, храбростью страшный, и более прочих пылавший
Стену ахеян пробить и огнем истрéбить корабли их.
Но приближась ко рву, в нерешимости храбрые стали:
Ров перейти им пылавшим, явилася вещая птица,
Свыше летящий орел, рассекающий воинство слева,
Мчащий в когтях обагренного кровью огромного змея;
Жив еще был он, крутился и брани еще не оставил;
Взвившись назад, своего похитителя около выи
В грудь уязвил; и, растерзанный болью, на землю добычу,
Змея, отбросил орел, уронил посреди ополченья;
Сам же, крикнувши звучно, понесся по веянью ветра.
Трои сыны ужаснулись, увидевши пестрого змея,
В прахе меж ними лежащего, грозное знаменье Зевса.

Полидамàс говорить дерзновенному Гектору начал:
«Гектор, всегда ты меня порицаешь, когда на советах
Я говорю справедливое, ибо никто и не должен,
Быв гражданин, говорить против истины, как на советах,
Так и в брани, одно умножая твое властелинство.
Снова, однако, скажу я вам, чтò почитаю полезным:
Дальше не должно идти и с данаями в стане сражаться.
Так, уповаю я, сбудется, ежели точно троянам,
Ров перейти пламенеющим, в знаменье птица явилась,
Свыше летящий орел, рассекающий воинство слева,
Мчащий покрытого кровью огромного змея живого;
Но его упустил он, гнезда своего не достигнул,

И не успел, похититель, предать его детям в добычу,—
Так-то и мы, хотя и ворота и стену данаев
Силой великою сломим, хотя и уступят данаи,
Но от судов не в устройстве мы тем же путем возвратимся:
Многих оставим троян; ратоборцы ахейские многих
Медью сразят, за суда мореходные храбро сражаясь.
Так и пророк изъяснил бы, который в душе просвещенной
Ведает знамений смысл, и ему бы народ покорился».

Грозно взглянув на него, отвечал шлемоблещущий Гектор:
«Полидама̀с, для меня неприятны подобные речи!
Мог ты совет и другой нам, больше полезный, примыслить!
Если же сей, что сказал, произнес ты от чистого сердца,
Разум твой, без сомненья, похитили гневные боги:
Ты мне велишь, чтоб высо̀когремящего Зевса забыл я
Волю, что сам знаменал он и мне совершить обрекался?
Ты не обетам богов, а ширяющим в воздухе птицам
Верить велишь? Презираю я птиц и о том не забочусь,
Вправо ли птицы несутся, к востоку денницы и солнца,
Или налево пернатые к мрачному западу мчатся.
Верить должны мы единому, Зевса великого воле,
Зевса, который и смертных и вечных богов повелитель!
Знаменье лучшее всех — за отечество храбро сражаться!
Что̀ ты страшишься войны и опасностей ратного боя?
Ежели Трои сыны при ахейских судах мореходных
Все мы падем умерщвленные, ты умереть не страшися!
Ты не имеешь духа ни встретить врага, ни сразиться!
Если, однако, ты бросишь сражение или другого,
Речью твоей обольстивши, отклонишь от ратного дела,
Вмиг под моим ты копьем распрострешься и душу испустишь!»

Так произнес, и пошел он вперед; понеслись и дружины
С криком ужасным; пред ними Кронид, веселящийся громом,
Свыше, от гор Идейских, воздвигнул свирепую бурю,
Мрачный прах на суда заклубившую; он у данаев
Дух унижал, возвышая троянам и Гектору славу.
Тут, на знаменье бога и силу свою положася,
Начали Трои сыны разрушать ахейскую стену.
С башен срывали зубцы, сокрушали грудные забрала
И ломами шатали у вала торчащие сваи,
Кои поставлены в землю опорами первыми башен.

Их вырывали они и уже уповали, что стену
Скоро пробьют; но ахейцы еще не сходили с их места:
Плотно щитами они оградивши грудные забрала,
Камнями, копьями били врагов, подступавших под стену.

Оба Аякса, тогда управлявшие битвой на башнях,
Быстро ходили кругом, придавая ахеянам духа —
Ласковой речью одних, а других возбуждали суровой,
Если которых встречали оставивших битву с врагами:

«Други ахейцы, и тот, кто передний, и тот, кто середний,
Так и последний из воинов,— ибо не все равносильны
Мужи в сражениях,— ныне для всех нас труд уготовлен!
Это вы видите сами! О други, никто да не мыслит
Вспять со стены обращаться, грозящего криков страшася.
Нет, выходите вперед и на бой поощряйте друг друга!
Даст, быть может, и нам олимпийский блистатель Кронион,
Жесточь сию отразивши, преследовать к граду враждебных!»

Речью такой впереди возбуждали Аяксы ахеян.
Словно как снег, устремившися, хлопьями сыплется частый,
В зимнюю пору, когда громовержец Кронион восходит
С неба снежить человекам, являя могущества стрелы;
Ветры все успокоивши, сыплет он снег беспрерывный,
Гор высочайших главы и утесов верхи покрывая,
И цветущие степи и тучные пахарей нивы;
Сыплется снег на брега и на пристани моря седого;
Волны его, набежав, поглощают; но всё остальное
Он покрывает, коль свыше обрушится Зевсова вьюга,—
Так от воинства к воинству частые камни летали,
Те на троян нападавших, а те от троян на ахеян,
Быстро метавших; кругом над твердынею стук раздавался.

Но не успели б еще и трояне и Гектор могучий
В башне пробить затворенных ворот и огромных запоров,
Если б на силу ахейскую силы своей — Сарпедона —
Сам Эгиох не подвигнул, как льва на волов круторогих.
Быстро герой перед грудью уставил свой щит круговидный,
Медный, кованый, пышноблестящий, который художник,
Медник искусный, ковал, на поверхности ж тельчие кожи
Прутьями золота часто проплел по краям его круга;

Щит сей неся перед грудью и два копия потрясая,
Он устремился, как лев-горожитель, алкающий долго
Мяса и крови, который, душою отважной стремимый,
Хочет, на гибель овец, в их загон огражденный ворваться;
И хотя пред оградою пастырей сельских находит,
С бодрыми псами и с копьями стадо свое стерегущих,
Он, не изведавши прежде, не мыслит бежать от ограды;
Прянув во двор, похищает овцу, либо сам под ударом
Падает первый, копьем прободенный из длани могучей,—
Так устремляла душа Сарпедона, подобного богу,
На стену прямо напасть и разрушить забрала грудные.
Быстро он к Главку вещал, Гипполохову храброму сыну:

«Сын Гипполохов! за что перед всеми нас отличают
Местом почетным, и брашном, и полной на пиршествах чашей
В царстве ликийском и смотрят на нас как на жителей неба?
И за что мы владеем при Ксанфе уделом великим,
Лучшей землей, виноград и пшеницу обильно плодящей?
Нам, предводителям, между передних героев ликийских
Должно стоять и в сраженьи пылающем первым сражаться.
Пусть не единый про нас крепкобронный ликиянин скажет:
Нет, не бесславные нами и царством ликийским пространным
Правят цари — они насыщаются пищею тучной,
Вина изящные, сладкие пьют, но зато их и сила
Дивная — в битвах они пред ликийцами первые бьются!
Друг благородный! когда бы теперь, отказавшись от брани,
Были с тобой навсегда нестареющи мы и бессмертны,
Я бы и сам не летел впереди перед воинством биться,
Я и тебя бы не влек на опасности славного боя;
Но и теперь, как всегда, неисчетные случаи смерти
Нас окружают, и смертному их ни минуть, ни избегнуть.
Вместе вперед! иль на славу кому, иль за славою сами!»

Так говорил Сарпедон; не противился Главк, не отрекся.
Ринулись оба вперед пред великою ратью ликийской.
Их устремленных узрев, Петеӣд Менесфе̇й ужаснулся:
К башне его разрушеньем грозящая сила стремилась.
С башни кругом он глядел, не узрит ли кого из ахейских
Мощных вождей, да поможет беду отразить от дружины.
Скоро Аяксов узрел обоих, ненасытимых бранью,
Близко сражавшихся, с ними и Тевкра, который недавно

Вышел из сени; но не было способа крик им услышать.
Шумно там было побоище — там до небес раздавался
Гром от разимых щитов, от косматых шеломов и створов
Башенных врат: обступили их все, и, пред ними толпою
Стоя, трояне пыталися, силой разбивши, ворваться.
Вестника вождь Менесфѐй посылает к Аяксам, Фоо̀та:

«Шествуй, почтенный Фоо̀т, и зови на защиту Аякса.
Лучше зови обоих, несравненно полезнее тут им
Быть обоим: разразится тут скоро ужасная гибель!
Мчатся сюда воеводы ликийские, кои и прежде
Бурей всегда налетали на страшное поприще брани!
Если же там на ахеян воздвигнута грозная жесточь,
Пусть хоть один поспешает Аякс, Теламонид великий;
С ним да предстанет и Тевкр благородный, стрелец знаменитый».

Так произнес; покорился его повелениям вестник
И пустился бежать по стене меднобронных данаев.
Стал пред Аяксами вестник пришедший и так говорил им:

«Храбрые мужи Аяксы, вожди меднобронных данаев,
Просит Петѐя почтенного сын, Менесфѐй благородный,
В помощь прийти; разделите хоть несколько труд с ним жестокий.
Но придите вы оба; полезнее там, воеводы,
Храбрым вам быть: разразится там скоро ужасная гибель!
Мчатся туда воеводы ликийские, кои и прежде
Бурей всегда налетали на страшное поприще брани!
Если же здесь на ахеян воздвигнута грозная жесточь,
Пусть хоть один поспешает Аякс, Теламонид великий;
С ним да предстанет и Тевкр благородный, стрелец знаменитый».

Так говорил; и охотно склонился Аякс Теламонид.
Он к Оили̇ду Аяксу измолвил крылатое слово:
«Сын Ои̇леев Аякс, и ты, Ликомѐд нестрашимый!
Стойте вы здесь и народ поощряйте отважно сражаться.
Я же туда поспешаю и там на сражение стану;
К вам возвращуся немедленно, только лишь им помогу я».

Так говорящий своим, отошел Теламонид могучий.
С ним устремился и Тевкр, Теламонидов брат одноотчий,
И за Тевкром Пандион, несущий лук его крепкий.

К башне Петеева сына, идя внутрь стены, воеводы
Скоро пришли и уже утесненных врагами застали.
К самым забралам стены подымались, как мрачная буря,
Мужи храбрейшие, воинств ликийских вожди и владыки;
Сблизились в битву, противник с противником, с яростным криком.

Первый сразился Аякс Теламонид, и первый сразил он
Друга царя Сарпедона, высокого духом Эпикла;
Мармором острым его поразил он, какой на твердыне
Больший лежал у забрал высочайших; его не легко бы
Поднял руками обеими муж и летами цветущий,
Нам современный, но он высоко его по̀днял и ринул;
Вдруг раздавил им и выпуклый шлем, и на черепе кости
Все раздробил у Эпикла; и он, водолазу подобный,
Ринулся с башни высокой, и дух его кости оставил.
Тевкр Гипполохова сына, героя ликийского Главка,
Сверху стены, на нее подымавшегось, ранил пернатой
В мышцу, где видел нагою, и битву принудил оставить.
Он со стены соскочил, притаяся, да кто из ахеян
Язвы его не узрит и над ним не ругается, гордый.
Грусть обняла Сарпедона, когда отходящего друга
Главка приметил; но он не оставил кровавого боя —
Он в Фестори̇да Алкма̀она, прянувши, острую пику
Быстро вонзил и исторг; и, за пикой повлекшися, пал он
На землю ниц, и взгремела на нем распещренная броня.
Но Сарпедон, за зубец ухвативши рукою дебелой,
Мощно повлек и, оторванный, рухнулся весь он на землю;
Сверху стена обнажилась, и многим открылась дорога.

Тевкр и Аякс разрушителя встретили вместе; стрелою
Первый уметил ремень его светлый, на персях держащий
Щит в человеческий рост; но Зевс от любезного сына
Смерть отразил, не судивши ему пред судами погибнуть.
Мощный Аякс, налетев, поразил по щиту, и пробившись
Пика насквозь оттолкнула врага, распыхавшегось сердцем.
Он от твердыни подался назад, но совсем не оставил
Места сраженья и в сердце надежды, что славы добудет.
Вспять обратясь, восклицал он ликиянам богоподобным:

«Мужи ликийские! что забываете бурную храбрость?
Мне одному невозможно, хоть был бы еще я сильнейший,

Стену разрушить и к быстрым судам проложить вам дорогу!
Разом со мною, ликийцы, успешнее труд совокупный!»

Так восклицал; и они, устыдившися царских упреков,
Крепче сомкнулись, смелей налегли за советником храбрым.
Рати ахеян с другой стороны укрепляли фаланги
Внутрь их стены. Предстоял их мужеству подвиг великий:
Тут, как ликийцы храбрейшие, всё не могли у ахеян
Крепкой стены проломить и открыть к кораблям их дорогу,
Так и ахеян сыны не могли нападавших ликиян
Прочь от стены отразить, с тех пор как они подступили.
Но как два человека, соседы, за межи раздорят,
Оба с саженью в руках на смежном стоящие поле,
Узким пространством делимые, шумно за равенство спорят,—
Так и бойцов лишь забрала делили; чрез них нападая,
Мужи одни у других разбивали вкруг персей их кожи
Пышных кругами щитов и крылатых щитков легкометных.
Многие тут из сражавшихся острою медью позорно
Были постигнуты в тыл, у которых хребет обнажался
В бегстве из боя, и многие храбрые в грудь, сквозь щиты их.
Башни, грудные забрала кругом человеческой кровью
Были обрызганы с каждой страны, от троян и ахеян.
Но ничто не могло устрашить ахеян; держались
Ровно они, как весы у жены, рукодельницы честной,
Если, держа коромысло и чаши заботно равняя,
Весит во̀лну, чтоб детям промыслить хоть скудную плату,—
Так равновесно стояла и брань и сражение воинств
Долго, доколе Кронид не украсил высокою славой
Гектора: Гектор ворвался в твердыню ахейскую первый.
Голосом, слух поражающим, он восклицал ко троянам:
«Конники Трои, вперед, разорвите ахейскую стену
И на их корабли пожирающий пламень бросайте!»

Так возбуждал их герой; и услышали все его голос;
Прямо к стене понеслися толпою и начали быстро
Вверх подыматься к зубцам, уставляючи острые копья.

Гектор же нес им захваченный камень, который у башни
Близко вздымался, широкий книзу, завостренный кверху,
Глыба, которой и два, из народа сильнейшие, мужа
С дола на воз не легко бы могли приподнять рычагами

Ныне живущие; он же легко и один потрясал им:
Легкою тягость ему сотворил хитроумный Кронион.
Словно как пастырь, одною рукою руно захвативши,
Быстро несет — для нее нечувствительно слабое бремя,—
Так Приамид захватил и стремительно нес на ворота
Камень огромный. Ворота те были сплоченные крепко
Створы двойные, высокие; два извнутри их запора
Встречные туго держали, одним замыкаяся болтом.
Стал он у самых ворот и, чтоб не был удар маломочен,
Ноги расширил и, сильно напрягшися, грянул в средину;
Сбил подворотные оба крюка, и во внутренность камень
Рухнулся тяжкий. Взгремели ворота; ни засов огромный
Их не сдержал: и сюда и туда раскололися створы,
Камнем разбитые страшным; и ринулся Гектор великий,
Грозен лицом, как бурная ночь; и сиял он ужасно
Медью, которой одеян был весь; и в руках потрясал он
Два копия; не сдержал бы героя никто, кроме бога,
В миг, как в ворота влетел он: огнем его очи горели.
Там он троянам приказывал, к толпищу их обратяся,
На стену быстро взлезать, и ему покорились трояне:
Ринулись все, и немедленно — те подымались на стену,
Те наводняли ворота. Кругом побежали ахейцы
К черным своим кораблям; и кругом поднялася тревога.

ПЕСНЬ XIII

СОДЕРЖАНИЕ

Зевс, даровав торжество троянам над ахеянами, приведши их в самый стан врагов, отвращает взоры свои от брани и от Трои, ст. 5—10. Посидон, сострадающий об ахеянах, сим пользуется, восстает, чтобы одушевить их, и на конях своих едет к Трое, 11—42; приняв вид Калхаса, он возбуждает к защите кораблей сперва Аяксов, потом других вождей и наполняет их новою силою, 43—124. Ахеяне собираются около Аяксов, строятся фалангами, непоколебимо встречают нападающего Гектора и отражают его, 125—149. Гектор, убедив троян, продолжает сражаться; многие герои убиты с обеих сторон, 150—205. Посидон, за убийство внука своего раздраженный, в образе Фоаса, возбуждает к битве Идоменея, 206—239. Идоменей, вооружася и взяв с собою Мериона, выходит на бой противу левой стороны, где утеснены ахейцы, 240—329. Здесь возжигается жестокий бой. Зевс благоприятствует троянам, Посидон ахеянам, между которыми Идоменей более всех в продолжение битвы сей отличается доблестию и подвигами, 330—362. Он поражает Офрионея, Азия, Алкафоя и угрожает Деифобу; потом с Мерионом, Антилохом и Менелаем успешно сражается противу Энея, Деифоба, Гелена и Париса, 363—672. Между тем Гектора, который сражался там, где и прежде, Аяксы, соединяся оба, и другие при них воинства, одолевают до того, что трояне готовы отступить, 673—724. Но Гектор, ободренный Полидамасом, собирает храбрейших и жестоко нападает на ахеян, 725—807; Аякс великий сопротивляется, вызывает его, возбуждает новый бой, и оба воинства одушевляют себя ужасным взаимным криком, 808—836.

ПЕСНЬ XIII

Зевс, и троян и Гектора к стану ахеян приблизив,
Их пред судами оставил, беды и труды боевые
Несть беспрерывно; а сам отвратил светозарные очи
Вдаль, созерцающий землю фракиян, наездников конных,
Мизян, бойцов рукопашных, и дивных мужей гиппомòлгов,
Бедных, питавшихся только млеком, справедливейших смертных.
Более он на Трою очей не склонял светозарных;
Ибо не чаял уже, чтобы кто из богов олимпийских
Вышел еще поборать за троянских сынов иль ахейских.

Но соглядал не напрасно и бог Посидàон великий;
Сам он сидел, созерцая войну и кровавую битву
С горных вершин, с высочайшей стремнины лесистого Сама
В Фракии горной; оттоле великая виделась Ида,
Виделась Троя Приама и стан корабельный ахеян.
Там он, из моря исшедший, сидел, сострадал об ахейцах,
Силой троян укрощенных, и страшно роптал на Зевеса.
Вдруг, негодуя, восстал и с утесной горы устремился,
Быстро ступая вперед; задрожали дубравы и горы
Вкруг под стопами священными в гневе идущего бога.
Трижды ступил Посидòн и в четвертый достигнул предела,
Эги; там Посидòна в заливе глубоком обитель,
Дом золотой, лучезарно сияющий, вечно нетленный.
Там он, притекший, запряг в колесницу коней медноногих,
Бурнолетающих, гривы волнующих вкруг золотые.
Золотом сам он одеялся, в руку десную прекрасный
Бич захватил золотой и на светлую стал колесницу;

Коней погнал по волнам — и взыграли страшилища бездны,
Вкруг из пучин заскакали киты, узнавая владыку;
Радуясь, море под ним расстилалось, а гордые кони
Бурно летели, зыбей не касаяся медною осью;
К стану ахейскому мчалися быстроскакучие кони.

Есть пещера обширная в бездне пучинной залива,
Меж Тенедоса и дикоутесного острова Имбра.
Там коней удержал колебатель земли Посидàон;
Там отрешив от ярма, амврозической бросил им пищи
В корм и на бурные ноги накинул им путы златые,
Несокрушимые цепи, да там бы они неподвижно
Ждали владыку; а сам устремился к дружинам ахейским

Рати троянские, всей их громадой, как пламень, как буря,
Гектору вслед, с несмиримой горячностью к бою летели
С шумом, с криком неистовым: взять корабли у данаев
Гордо мечтали и всех истребить перед ними данаев.
Но Посидон-земледержец, могучий земли колебатель,
Дух аргивян возвышал, из глубокого моря исшедший.
Он, уподобяся Кàлхасу видом и голосом сильным,
Первым вещал Аяксам, пылавшим и собственным сердцем:

«Вы, воеводы Аяксы, одни вы спасете яхеян,
Мужество помня свое и не мысля о бегстве бездушном.
В месте другом не страшился бы рук я троян необорных,
Кои в ахейскую крепкую стену ворвались толпою:
Их остановят везде меднолатные рати ахеян.
Здесь лишь, безмерно страшусь, пострадать неизбежно мы можем:
Здесь, распыхавшись, как пламень стремительный, Гектор предводит,
Гектор, себя величающий сыном всемощного Зевса!
О, да и вам небожитель положит решительность в сердце —
Крепко стоять и самим и других ободрить, устрашенных!
Гектора, как он ни бурен, от наших судов мореходных
Вы отразите, хотя б устремлял его сам громовержец!»

Рек, и жезлом земледержец, могучий земли колебатель,
Их обоих прикоснулся и страшною силой исполнил;
Члены их легкими сделал, и ноги и мощные руки.
Сам же, как ястреб, ловец быстрокрылый, на лов улетает,
Если с утеса крутого, высокого, вдруг он поднявшись,

Ринется полем преследовать робкую птицу другую,—
Так устремился от них Посидàон, колеблющий землю.
Первый бога постиг Оилеев Аякс быстроногий;
Первый он взговорил к Теламонову сыну Аяксу:

«Храбрый Аякс! без сомнения, бог, обитатель Олимпа,
Образ пророка приняв, корабли защищать повелел нам.
Нет, то не Кàлхас, вещатель оракулов, птицегадатель;
Нет, по следам и по голеням мощным сзади познал я
Вспять отходящего бога: легко познаваемы боги.
Ныне, я чую, в груди у меня ободренное сердце
Пламенней прежнего рвется на брань и кровавую битву;
В битву горят у меня и могучие руки и ноги».

Быстро ему отвечал Теламòнид, мужества полный:
«Так, Оилѝд! и мои на копье несмиримые руки
В битву горят, возвышается дух, и стопы подо мною,
Чувствую, движутся сами; один я, один я пылаю
С Гектором, сыном Приама, неистовым в битвах, сразиться».

Так меж собой говорили владыки народов Аяксы,
Жаром веселые бранным, ниспосланным в сердце их богом.
Тою порой возбуждал Посидàон задних данаев,
Кои у черных судов оживляли унылые души;
Воины, коих и силы под тяжким трудом изнурились,
И жестокая грусть налегла на сердца их, при виде
Гордых троян, за высокую стену толпой перешедших,
Смòтря на их, торжествующих, слезы они проливали,
Смерти позорной избегнуть не чаяли. Но Посидàон,
Вдруг посреди их явившися, сильные поднял фаланги.
Первому Тевкру и Лѐиту он предстал, убеждая,
Там Пенелѐю-царю, Деипѝру, Фоàсу-герою,
Здесь Мериону и с ним Антилоху, искусникам бранным.
Сих возбуждал земледержец, крылатые речи вещая:

«Стыд, аргивяне, цветущие младостью! вам, полагал я,
Храбрости вашей спасти корабли мореходные наши!
Если ж и вы от опасностей брани отступите робко,
День настал роковой, и троянская мощь сокрушит нас!
Боги! великое чудо моими очами я вижу,
Чудо ужасное, коему, мнил, никогда не свершиться:

Трои сыны пред судами ахейскими! те, что бывало
Ланям подобились трепетным, кои, по темному лесу
Праздно бродящие, слабые и не рожденные к бою,
Пардов, волков и чакалов вседневною пищей бывают.
Так и трояне сии трепетали бывало ахеян,
Противу мужества их ни на миг стоять не дерзали.
Ныне ж, далеко от стен, корабли уже наши воюют!
И отчего? от проступка вождя и от слабости воев,
Кои, враждуя вождю, не хотят окруженных врагами
Спасть кораблей и пред ними себя отдают на убийство!
Но устыдитеся; если и подлинно сильно виновен
Наш предводитель, пространновластительный царь Агамѐмнон,
Если и подлинно он оскорбил Ахиллеса-героя,
Нам никому ни на миг уклоняться не должно от брани!
Но исцелим мы себя: исцелимы сердца благородных.
Стыд, о ахеяне! вы забываете бранную доблесть,
Вы, ратоборцы храбрейшие в воинстве! Сам я не стал бы
Гнева на ратника тратить, который бросает сраженье,
Будучи подл! но на вас справедливо душа негодует!
Слабые, скоро на всех навлечете вы большее горе
Слабостью вашей! Опомнитесь, други; представьте себе вы
Стыд и укоры людей! Решительный бой наступает!
Гектор, воинственный Гектор уже на суда нападает,
Мощный, уже разгромил и врата и запор их огромный».

Так возбуждал колебатель земли и воздвигнул данаев.
Окрест Аяксов-героев столпилися, стали фаланги
Страшной стеной. Ни Арей, ни Паллада, стремящая рати,
Их не могли бы, не радуясь, видеть: храбрейшие мужи,
Войско составив, троян и великого Гектора ждали,
Стиснувши дрот возле дрота и щит у щита непрерывно;
Щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком
Тесно смыкался; касалися светлыми бляхами шлемы,
Зыблясь на воинах,— так аргивяне сгустяся стояли;
Копья змеилися, грозно колеблемы храбрых руками;
Прямо они на троян устремлялись, пылали сразиться.

Но, упредив их, трояне ударили; Гектор пред ними
Бурный летел, как в полете крушительный камень с утеса,
Если с вершины громаду осенние воды обрушат,
Ливнем-дождем разорвавши утеса жестокого связи:

Прядая кверху, летит он; трещит на лету им крушимый
Лес; беспрепонно и прямо летит он, пока на долину
Рухнет, и больше не катится, сколь ни стремительный прежде,—
Гектор таков! при начале грозился до самого моря
Быстро пройти, меж судов и меж кущей, по трупам данаев;
Но едва набежал на сомкнувшиесь крепко фаланги,
Стал, как ни близко нагрянувший: дружно его аргивяне,
Встретив и острых мечей и пик двуконечных ударом,
Прочь отразили — и он отступил, поколебанный силой,
Голосом, слух поражающим, к ратям троян вопиющий:

«Трои сыны и ликийцы, и вы, рукопашцы дарданцы!
Стойте, друзья! Ненадолго меня остановят ахейцы,
Если свои ополченья и грозною башней построят;
Скоро от пики рассыплются, если меня несомненно
Бог всемогущий предводит, супруг громовержущий Геры!»

Так восклицая, возвысил и душу и мужество в каждом.
Вдруг Деифоб из рядов их высокомечтающий вышел,
Сын же Приамов, пред грудью уставя он щит круговидный,
Легкой стопой выступал и вперед под щитом устремлялся.
Но Мерион, на троянца наметив сверкающей пикой,
Бросил, и верно вонзилася в выпуклый щит волокожный
Бурная пика; но кож не проникла — вонзилась, и древком
Около трубки, огромная, хряснула. Быстро троянец
Щит от себя отдалил волокожный, в душе устрашася
Бурного в лете копья Мерионова; тот же, могучий,
К сонму друзей отступил, негодуя жестоко на трату
Верной победы и вместе копья, преломленного тщетно;
Быстро пустился идти к кораблям и кущам ахейским,
Крепкое вынесть копье, у него сохранявшееся в куще.

Но другие сражались; вопль раздавался ужасный.
Тевкр Теламониев первый отважного сверг браноносца
Имбрия, Ментора сына, конями богатого мужа.
Он в Педàосе жил до нашествия рати ахейской,
Медезикàсты супруг, побочной Приамовой дщери.
Но когда аргивяне пришли в кораблях многовеслых,
Он прилетел в Илион и в боях меж троян отличался;
Жил у Приама и был как сын почитаем от старца.
Мужа сего Теламонид огромною пикой под ухо
Грянул и пику исторг; и на месте пал он, как ясень

Пышный, который на хо̀лме, далёко путнику видном,
Ссеченный медью, зеленые ветви к земле преклоняет,—
Так он упал, и кругом его грянул доспех распещренный.
Тевкр полетел на упавшего, сбрую похитить пылая.
Гектор на Тевкра летящего дротик блистающий ринул;
Тот, издалече узря, от копья, налетавшего бурно,
Чуть избежал. Но Амфи̇маха Гектор, Ктеа̀това сына,
В битву идущего, в грудь поразил сокрушительным дротом;
С шумом на землю он пал, загремели на падшем доспехи.
Бросился Гектор, пылая шелом на скраниях плотный,
Медный сорвать с головы у Ктеа̀това храброго сына.
Но Аякс на летящего острую пику уставил;
К телу она не проникнула Гектора: медью кругом он
Страшною был огражден; но в средину щита поразивши,
Силой его отразил Теламонид, и вспять отступил он
Прочь от обоих убитых; тела увлекли аргивяне:
Сына Ктеа̀това Сти̇хий-герой с Менесфѐем почтенным,
Оба афинян вожди, понесли к ополченьям ахейским.
Имбрия ж оба Аякса, кипящие храбростью бурной,
Словно как серну могучие львы, у псов острозубых
Вырвавши, гордо несут через густопоросший кустарник
И добычу высоко в челюстях держат кровавых,—
Так, Менторѝда высоко держа, браноносцы Аяксы
С персей срывали доспех, и повисшую голову с выи
Ссек Оилид и, за гибель Амфи̇маха местью пылая,
Бросил ее с размаху, как шар, на толпу илионян;
В прах голова, перед Гектора ноги, крутящаясь пала.

Гневом сугубым в душе Посидон воспылал за убийство
Внука его Ктеати̇да, сраженного в битве свирепой.
Гневный подвигнулся он, к кораблям устремляясь и к кущам,
Всех аргивян возбуждая и горе готовя троянам.
Идоменѐй, Девкали̇он воинственный, встретился богу,
Шедший от друга, который к нему незадолго из боя
Был приведен, под колено суровою раненный медью.
Юношу вынесли други; его он врачам приказавши,
Сам из шатра возвращался, еще он участвовать в битве,
Храбрый, пылал; и к нему провещал Посида̀он-владыка
(Глас громозвучный приняв Андремо̀нова-сына, Фоа̀са,
Мужа, который в Плевро̀не, во всем Калидо̀не гористом
Всеми этольцами властвовал, чтимый, как бог, от народа);

«Где же, о критян советник, куда же девались угрозы,
Коими Трои сынам угрожали ахейские чада?»

И ему вопреки отвечал Девкалид знаменитый:
«Сын Андремонов! никто из ахеян теперь не виновен,
Сколько я знаю: умеем мы все и готовы сражаться;
Страх никого не оковывал низкий; никто, уступая
Праздности, битвы не бросил, ахеям жестокой; но, верно,
Кронову сыну всесильному видеть, Зевесу, угодно
Здесь далеко от Геллады ахеян бесславно погибших!
Сын Андремонов, всегда отличавшийся мужеством духа,
Ты, ободрявший всегда и других, забывающих доблесть,
Ныне, Фоас, не оставь и омужестви каждого душу!»

Быстро ему отвечал Посидаон, колеблющий землю:
«Критян воинственный царь! да вовек от троянского брега
В дом не придет, но игралищем псов да простреться под Троей
Воин, который в сей день добровольно оставит сраженье!
Шествуй и, взявши оружие, стань ты со мной: совокупно
Действовать должно; быть может, успеем помочь мы и двое.
Сила и слабых мужей не ничтожна, когда совокупна;
Мы же с тобой и противу сильнейших умели сражаться».

Рек, и вновь обратился бессмертный к борьбе человеков.
Идоменей же, поспешно пришед к благосозданной куще,
Пышным доспехом покрылся, и, взявши два крепкие дрота,
Он устремился, перуну подобный, который Кронион
Махом всесильной руки с лучезарного мечет Олимпа,
В знаменье смертным: горит он, летя, ослепительным блеском.—
Так у него, у бегущего, медь вкруг персей блистала.
В встречу ему предстал Мерион, знаменитый служитель,
Близко от кущи, куда он спешил, воружиться желая
Новым копьем, и к нему провещала владычняя сила:

«Сердцу любезнейший друг, Молид Мерион быстроногий,
Что приходил ты, оставивши брань и жестокую сечу?
Ранен ли ты и не страждешь ли, медной стрелой удрученный?
Или не с вестию ль бранной ко мне предстаешь ты? Но видишь,
Сам я иду не под сенью покоиться, ратовать жажду!»

Крита царю отвечал Мерион, служитель разумный:
«Идоменей, предводитель критских мужей меднобронных,

В стан я пришел, у тебя копия не осталось ли в куще?
Взявши его, возвращуся; а то, что имел, сокрушил я,
В щит поразив Деифоба, безмерно могучего мужа».

Критских мужей повелитель ответствовал вновь Мериону:
«Ежели копья нужны, и одно обретешь ты, и двадцать,
В куще моей у стены блестящей стоящие рядом
Копья троянские; все я их взял у сраженных на битвах.
Смею сказать, не вдали я стоя, с врагами сражаюсь.
Вот отчего у меня изобильно щитов меднобляшных,
Копий, шеломов и броней, сияющих весело в куще».

Снова ему отвечал Мерион, служитель разумный:
«Царь, и под сенью моей, и в моем корабле изобильно
Светлых троянских добыч; но не близко идти мне за ними.
Сам похвалюсь, не привык забывать я воинскую доблесть:
Между передних всегда на боях, прославляющих мужа,
Сам я стою, лишь подымется спор истребительной брани.
Может быть, в рати другим меднобронным ахейским героям
Я неизвестен сражаюсь; тебе я известен, надеюсь».

Критских мужей предводитель ответствовал вновь Мериону:
«Ведаю доблесть твою, и об ней говоришь ты напрасно.
Если бы нас, в ополченьи храбрейших, избрать на засаду
(Ибо в засадах опасных — мужей открывается доблесть;
Тут человек боязливый и смелый легко познается:
Цветом сменяется цвет на лице боязливого мужа;
Твердо держаться ему не дают малодушные чувства;
То припадет на одно, то на оба колена садится;
Сердце в груди у него беспокойное жѐстоко бьется;
Смерти единой он ждет и зубами стучит, содрогаясь.
Храброго цвет не меняется, сердце не сильно в нем бьется;
Раз и решительно он, на засаду засевши с мужами,
Только и молит, чтоб в битву с врагами скорее схватиться),
Там и твоя, Мерион, не хулы заслужила бы храбрость!
Если б и ты, подвизаяся, был поражен иль устрелен,
Верно, не в выю тебе, не в хребет бы оружие пало —
Грудью б ты встретил копье, иль утробой пернатую принял,
Прямо вперед устремившийся, в первых рядах ратоборцев.
Но перестанем с тобой разговаривать, словно как дети,
Праздно стоя, да кто-либо нагло на нас не возропщет.
В кущу войди, и немедленно с крепким копьем возвратися»

Рек; и Молид, повинуяся, бурному равный Арею,
Быстро из кущи выносит копье, поверженное медью,
И за вождем устремляется, жаждою битвы пылая.
Словно Арей устремляется в бой, человеков губитель,
С Ужасом-сыном, равно как и сам он, могучим, бесстрашным,
Богом, который в боях ужасает и храброго душу;
Оба из Фракии горной они на эфиров находят,
Или на бранных флегиян, и грозные боги не внемлют
Общим народов мольбам, но единому славу даруют,—
Столько ужасны Молид и герой Девкалид, ратоводцы,
Шли на кровавую брань, лучезарной покрытые медью.

Шествуя, слово к царю обратил Мерион быстроногий:
«Где, Девкалид, помышляешь вступить в толпу боевую?
В правом конце, в середине ль великого нашего войска
Или на левом? Там, как я думаю, боле, чем инде,
В битве помощной нуждается рать кудреглавых данаев».

Молову сыну ответствовал критских мужей предводитель:
«Нет, для средины судов защитители есть и другие:
Оба Аякса и Тевкр Теламонид, в народе ахейском
Первый стрелец и в бою пешеборном не менее храбрый;
Там довольно и их, чтоб насытить несытого боем
Гектора, сына Приама, хоть был бы еще он сильнее!
Будет ему нелегко, и со всем его бешенством в битвах,
Мужество их одолев и могущество рук необорных,
Судно зажечь хоть единое, разве что Зевс-громовержец
Светочь горящую сам на суда мореходные бросит.
Нет, Теламонид Аякс не уступит в сражении мужу,
Если он смертным рожден и плодами Деметры воскормлен,
Если язвим рассекающей медью и крепостью камней.
Даже Пелиду, рушителю строев, Аякс не уступит
В битве ручной; быстротою лишь ног не оспорит Пелида.
В левую сторону рати пойдем, да скорее увидим,
Мы ли прославим кого, или сами славу стяжаем!»

Рек; и Молид, устремившися, бурному равный Арею,
Шел впереди, пока не достигнул указанной рати.
Идоменея увидев, несущегось полем, как пламень,
С храбрым клевретом его, в изукрашенных дивно доспехах,
Крикнули разом трояне, и все на него устремились.

Общий, неистовый спор восстал при кормах корабельных.
Словно как с ветром свистящим свирепствует вихорь могучий
В знойные дни, когда прахом глубоким покрыты дороги;
Бурные, вместе вздымают огромное облако праха,—
Так засвирепствовал общий их бой: ратоборцы пылали
Каждый друг с другом схватиться и резаться острою медью.
Грозно кругом зачернелося ратное поле от копий,
Длинных, убийственных, частых, как лес; ослеплял у воителя очи
Медный блеск шишаков, как огонь над главами горящих,
Панцырей, вновь уясненных, и круглых щитов лучезарных —
Воинов, к бою сходящихся. Подлинно был бы бесстрашен,
Кто веселился б, на бой сей смотря, и душой не содрогся!

Боги, помощные разным, сыны многомощные Крона,
Двум племенам бранoносным такие беды устрояли.
Зевс троянам желал и Приамову сыну победы,
Славой венчая Пелида-царя; но не вовсе Кронион
Храбрых данаев желал истребить под высокою Троей;
Только Фетиду и сына ее прославлял он, героя.
Бог Посидон укреплял данаев, присутствуя в брани,
Выплывший тайно из моря седого: об них сострадал он,
Силой троян усмиренных, и гордо роптал на Зевеса.
Оба они и единая кровь и единое племя;
Зевс лишь Кронион и прежде родился и более ведал.
Зевса страшился и явно не смел поборать Посидаон;
Тайно, под образом смертного, он возбуждал ратоборцев.
Боги сии и свирепой вражды и погибельной брани
Вервь, на взаимную прю, напрягли над народами оба,
Крепкую вервь, неразрывную, многим сломившую ноги.

Тут, аргивян ободряющий, воин уже поседелый,
Идоменей на троян устремился и в бег обратил их;
Офрионея сразил кабезийца, недавнего в граде,
В Трою недавно еще привлеченного бранною славой.
Он у Приама Кассандры, прекраснейшей дочери старца,
Гордый просил без даров, но сам совершить обещал он
Подвиг великий — из Трои изгнать меднолатных данаев.
Старец ему обещал и уже за него согласился
Выдать Кассандру,— и ратовал он, на обет положася.
Идоменей на него медножальную пику направил
И поразил выступавшего гордо; ни медная броня,

Коей блистал, не спасла — углубилась во внутренность пика;
С шумом он грянулся в прах, и, гордяся, вскричал победитель:

«Офрионѐй! человеком тебя я почту величайшим,
Ежели всё то исполнишь, что ты исполнить обрекся
Сыну Дарданову: дочерь тебе обещал он супругой.
То же и мы для тебя обещаем, и верно исполним,
Выдадим лучшую всех из семейства Атридова дочерь;
К браку невесту из Аргоса вывезем, если ты с нами
Трою разрушишь Приамову, град, устроением пышный.
Следуй за мной; при судах мореходных с тобой мы докончим
Брачный сговор; не скупые и мы на приданое сваты».

Рек, и зà ногу тело повлек сквозь кипящую сечу
Критский герой. Но за мертвого мстителем Азий явился,
Пеший идя пред конями; коней за плечами храпящих
Правил клеврет у него; и, пылающий, он устремился
Идоменея пронзить; но герой упредил: сопостата
Пикой ударил в гортань под брадой и насквозь ее выгнал.
Пал он, как падает дуб или тополь серебрянолистный,
Или огромная сòсна, которую с гор дровесеки
Острыми вкруг топорами ссекут, корабельное древо,—
Азий таков пред своей колесницей лежал распростряся,
С скрыпом зубов раздирая руками кровавую землю.
Но возница его цепенел, растерявшийся в мыслях,
Бледный стоял и не смел, чтоб от рук враждебных избегнуть,
Коней назад обратить; и его Антилох-бранолюбец
Пикой ударил в живот; и от смерти ни медная броня,
Коей блистал, не спасла — углубилась во внутренность пика;
Он застонал и с прекрасносоставленной пал колесницы.
Коней младой Антилох, благодушного Нестора отрасль,
Быстро от воинств троянских угнал к меднобронным ахейцам.

Тут Деифоб на властителя критян, об Азии скорбный,
Близко один наступил и ударил сверкающей пикой.
Но усмотрел и от меди убийственной во-время спасся
Критян владыка; укрылся под выпуклый щит свой огромный,
Щит, из воловьих кож и блистательной меди скругленный
И двумя поперек укрепленный скобами; под щит сей
Весь он собрался; над ним пролетела блестящая пика;
Щит, на полете задетый, ужасно завыл под ударом.

Но не тщетно оружие послано сильной рукою:
Храброму сыну Гиппа̀са, владыке мужей Гипсенору,
В перси вонзилось оно и на месте сломило колена.
Громко вскричал Деифоб, величаясь надменно победой:

«Нет, не без мщения Азий лежит, и теперь, уповаю
Вшедший в широкие двери Аидова мрачного дома,
Сердцем он будет возрадован: спутника дал я герою!»

Так восклицал; аргивян оскорбили надменного речи,
Более ж всех Антилоху воинственный дух взволновали.
Он, невзирая на скорбь, не оставил сраженного друга;
Быстро примчась, заступил и щитом заградил светлобляшным.
Тою порой наклоняся под тело, почтенные други,
Эхиев сын Мекистѐй и младой благородный Аластор,
К черным судам понесли Гиппаси̇да, печально стеная.

Идоменѐй воевал не слабея, пылал беспрестанно
Или еще фригиянина ночью покрыть гробовою,
Или упасть самому, но беду отразить от ахеян.
Тут благородную отрасль питомца богов Эзиѐта,
Славу троян, Алкафо̀я, драгого Анхизова зятя
(Дщери его Гиппода̀мии был он супругом счастливым,
Дщери, которую в доме отец и почтенная матерь
Страстно любили: она красотой, и умом, и делами
В сонме подруг между всеми блистала; зато и супругой
Избрал ее гражданин благороднейший в Трое пространной),—
Мужа сего Девкалида рукой укротил Посида̀он,
Ясные очи затмив и сковав ему быстрые ноги;
Он ни назад убежать, ни укрыться не мог от героя;
Скованный страхом, как столб иль высоковершинное древо,
Он неподвижный стоял, и его Девкалид-копьеборец
В перси ударил копьем и разбил испещренную броню,
Медную, в битвах не раз от него отражавшую гибель;
Глухо броня зазвенела, под мощным ударом рассевшись;
С громом упал он, копье упадавшему в сердце воткнулось;
Сердце его, трепеща, потрясло и копейное древко;
Но могучесть в нем скоро Арей укротил смертоносный.
Идоменѐй, величаясь победою, громко воскли̇кнул:

«Как, Деифоб, полагаешь, достойно ли я расплатился?
Три сражены за единого! Ты ж величаешься только,

Дивный герой! Но приблизься и сам, и меня ты изведай —
Узришь, каков я под Трою пришел, громовержцев потомок!
Он, громовержец, Мино̀са родил, охранителя Крита;
Мудрый Мино̀с породил Девкалиона, славного сына;
Он, Девкалион, меня, повелителя многим народам
В Крите пространном, и волны меня принесли к Илиону,
Гибель тебе, и отцу твоему, и всем илионцам!»

Так говорил; Деифоб в нерешимости дум волновался:
Вспять ли идти и, с троянцем каким-либо храбрым сложася,
Выйти вдвоем, иль один на один испытать Девкалида?
Так Деифоб размышлял, и ему показалося лучше
Вызвать Энея. Нашел он героя, в дружинах последних
Праздно стоящего: гнев он всегдашний питал на Приама,
Ибо, храбрейшему, старец ему не оказывал чести.
Став перед ним, Деифоб устремляет крылатые речи:

«Храбрый Эней, троян повелитель, если о ближних
Ты сострадаешь, тебе заступиться за ближнего должно.
Следуй за мной, защитим Алкафо̀я; тебя он, почтенный,
Будучи зятем, воспитывал юного в собственном доме.
Идоменѐй, знаменитый копейщик, сразил Алкафо̀я».

Так произнес он, и душу в груди взволновал у Энея.
Он полетел к Девкалиду, воинственным жаром пылая.
Но Девкалид не позорному бегству, как отрок, предался —
Ждал неподвижный, как вепрь между гор, на могучесть надежный,
Шумного вкруг нападения многих ловцов ожидает,
Стоя в месте пустынном и грозно хребет ощетиня;
Окрест очами, как пламенем, светит; а долгие зубы,
Ярый, острит он, и псов и ловцов опрокинуть готовый,—
Так нажидал, ни на шаг не сходя, Девкалид Анхизида,
Против-летящего воина бурного; только соратных
Криком сзывал, Аскала̀фа-вождя, Афарѐя, Дейпира,
Молова сына, и с ним Антилоха, испытанных бранью;
Их призывал Девкалид, устремляя крылатые речи:

«Други, ко мне! защитите меня, одинокого! Страшен
Бурный Эней нападающий; он на меня нападает;
Страшно могуществен он на убийство мужей в ратоборстве;
Блещет и цветом он юности, первою силою жизни.

Если б мы были равны и годами с Энеем, как духом,
Скоро иль он бы, иль я похвалился победою славной!»

Так говорил он; и все, устремившися с духом единым,
Стали кругом Девкалида, щиты к раменам преклонивши.
Но Эней и своих возбуждал сподвижников храбрых,
Звал Деифòба, Париса, почтенного звал Агенòра,
С ним предводивших троянские рати; за ним совокупно
Все устремилися, так за овном устремляются овцы,
С паствы бежа к водопою, и пастырь душой веселится,—
Так Анхизид благородный, Эней, веселился душою,
Видя толпами за ним устремлявшихся граждан троянских.

Вкруг Алкафòя они рукопашную подняли битву,
Копьями бились огромными. Медь на груди ратоборцев
Страшно звучала от частых ударов сшибавшихся толпищ.
Два между тем браноносца, отличные мужеством оба,
Идоменèй и Эней, подобные оба Арею,
Вышли, пылая друг друга пронзить смертоносною медью.
Первый Эней, размахнувшися, ринул копье в Девкалида;
Тот же, завидев удар, уклонился от меди летящей,
И копье Анхизида, сотрясшися, в землю вбежало,
Быв бесполезно геройской, могучею послано дланью.
Идоменèй же копьем Эномàоса ранил в утробу;
Лату брони просадила и внутренность медь из утробы
Вылила; в прахе простершись, руками хватает он землю.
Идоменèй длиннотенную пику из мертвого тела
Вырвал; но медных, других побежденного пышных доспехов
С персей совлечь не успел: осыпàли троянские стрелы.
Не были более гибки и ноги его, чтобы быстро
Прянуть ему за своим копием иль чужого избегнуть —
Стойкою битвой, упорною пагубный день отражал он;
Ноги не скоро несли, чтоб ему убежать из сраженья;
Медленно он уходил. Деифоб в уходившего дротик
Снова послал: на него он пылал непрестанною злобой.
И прокинул он снова; но медь Аскалàфа постигла,
Сына Арея; плечо совершенно убийственный дротик
Прорвал, и в прах он упавши, хватает ладонями землю.
Долго не ведал еще громозвучный Арей-истребитель,
Что воинственный сын его пал на сражении бурном:
Он на Олимпа главе, под златыми сидел облаками,

Зевса всемощного волей обузданный, где и другие
Боги сидели бессмертные, им удаленные с брани.

Воины вкруг Аскала̀фа бросалися в бой рукопашный.
Тут Деифоб с головы Аскала̀фовой шлем светозарный
Со̀рвал; но вдруг Мерион, налетевши, подобный Арею,
Хищника в руку копьем поразил; из руки Деифоба
Шлем дыроокий исторгся и о̀б землю звукнул упавший.
Снова герой Мерион, на врага налетевши, как ястреб,
Вырвал из мышцы копье, у него растерзавшее тело,
И к сподвизавшимся вновь отступил; а Полѝт Деифоба,
Брат уязвленного брата, под грудью руками обнявши,
Вывел из шумного боя, до самых коней провожая;
Быстрые кони его, позади ратоборства и сечи,
Ждали, с возницею верным и с пышной стоя колесницей;
К граду они понесли Деифоба; жестоко стенал он,
Болью терзаемый; кровью струилася свежая рана.

Но другие сражалися; вопль раздавался ужасный.
Бурный Эней, налетев, Афарея, Калетора сына,
Дротом в гортань, на него нападавшего, острым ударил;
Набок глава преклонилася; падшего сверху натиснул
Щит и шелом; и над ним душеснедная смерть распростерлась.

Несторов сын, обращенного тылом Фоо̀на приметив,
Прянул и ранил убийственно: жилу рассек совершенно,
С правого бока хребта непрерывно идущую к вые,
Всю совершенно рассек; зашатавшися, навзничь на землю
Пал он, дрожащие руки к любезным друзьям простирая.
Несторов сын наскочил и срывал доспехи с троянца,
Вкруг озираясь; его же трояне, кругом обступивши,
В щит легкометный, широкий кололи кругом, но напрасно;
Медью жестокой нижѐ не коснулися к белому телу
Славного внука Нелеева: бог Посида̀он могущий
Сам охранял Несторѝда везде и под тучею копий;
Ибо вдали от врагов не стоял он — меж ними носился;
В длани его не покоился дрот — трепетал беспрестанно,
К бою колеблемый; он беспрестанно намечивал острым,
Или на дальнего ринуть, или на близкого грянуть.

Скоро его Адама̀с, намечавшегось дротом, приметил,
Азиев сын, и, к нему устремившися, острою медью

Грянул в средину щита; но ее острие обессилил,
В жизни героя врагу отказав, Посидон черновласый,
И копья половина, как кол обожженный, осталась
В круге щита, половина тупая упала на землю.
Бросился к сонму друзей Адама̀с, избегая от смерти.
Быстро его Мерион и настиг, и сверкающим дротом
Между стыдом и пу̊пом ударил бегущего, в место,
Где наиболее рана мучительна смертным несчастным,—
Так он его поразил; и на дрот он упавши, вкруг меди
Бился, как вол несмиренный, которого пастыри мужи,
Как ни упорен он, силой связавши арканом, уводят,—
Так он, проколотый, бился в крови; но недолго: немедля
Храбрый к нему Мерион приступил, копие роковое
Вырвал из тела, и смертный мрак осенил ему очи.

Тут Гелен Деипи̊ра фракийскою саблей огромной
Резко в висок поразил, и шелом с него сбил коневласый.
Сбитый, на землю он пал; и какой-то его аргивянин,
Между толпою бойцов под ногами крутящийся, поднял;
Очи вождя Деипи̊ра глубокая ночь осенила.

Жалость взяла Менелая, отважного в битвах Атрида;
Выступил он, угрожая ударом Гелену-герою,
Острым копьем потрясая; Гелен же изладился луком.
Оба они соступились, один занесенную пику
Бросить пылая, другой с тетивы наведенную стрѐлу;
И Гелен Менелая по персям уметил пернатой
В лату брони, и отпрянула быстро пернатая злая.
Так, как с широкого веяла, сыпясь по гладкому току,
Черные скачут бобы иль зеленые зерны гороха,
Если на ветер свистящий могучий их веятель вскинет,—
Так от блистательных лат Менелая, высокого славой,
Сильно отпрянув, стрела на побоище пала далёко.
Сын же Атреев, герой Менелай, копием Приамида
В длань поразил, воруженную луком блестящим; и к луку
Длань, проколовши насквозь, пригвоздило копейное жало.
К сонму друзей, убегая от смерти, Гелен обратился,
Руку повесив, и ясенный дрот волочился за нею.
Но его из руки извлек благодушный Аге̇нор;
Руку ж ему повязал искусственно свитою во̀лной,
Мягкой повязкой, клевретом всегда при владыке носимой.

Сильный Пизандр между тем сопротив Менелая-героя
Выступил; злая судьбина его увлекала к пределу,
Да тобой, Менелай, укротится он в пламенной битве.
Чуть соступилися оба, идущие друг против друга,
Ринул Атрид — и неверно, копье его вбок улетело.
Ринул Пизандр — и копьем у Атрида, высокого славой,
Щит поразил, но насквозь не успел он оружия выгнать:
Медяный щит удержал; копье сокрушилось у трубки.
Радость объяла Пизандрово сердце: он чаял победы.
Но Менелай, из ножен исторгнувши меч среброгвоздный,
Прянул, герой, на Пизандра, а сей из-под круга щитного
Выхватил медный красивый топор, с топорищем оливным,
Длинным, блистательногладким, и оба сразилися разом;
Сей поражает по выпуке шлема, косматого гривой,
Около самого гребня, а тот наступавшего по̀ лбу,
В верх переносицы; хряснула кость, и глаза у Пизандра,
Выскочив, подле него на кровавую землю упали;
Сам опрокинулся он; и, пятой наступивши на перси,
Броню срывал и, гордясь, восклицал Менелай-победитель:

«Так вам оставить и всем корабли быстроконных данаев,
Вам, вероломцы трояне, несытые пагубной бранью!
Большей обиды и срама искать вам не нужно, какими,
Лютые псы, вы меня осрамили! Ни грозного гнева
Вы не страшились гремящего Зевса; но гостеприимства
Он покровитель, и некогда град ваш рассыплет высокий!
Вы у меня и младую жену и сокровища дома
Нагло похитив, ушли, угощенные дружески в доме!
Ныне ж пылаете вы на суда мореходные наши
Гибельный бросить огонь и избить героев ахейских!
Но укротят наконец вас, сколько ни алчных к убийствам!
Зевс Олимпийский! премудростью ты, говорят, превышаешь
Всех и бессмертных и смертных; всё из тебя истекает.
Что же, о Зевс, благосклонствуешь ты племенам нечестивым,
Сим фригиянам, насильствами дышащим, ввек не могущим
Лютым убийством насытиться в брани, для всех ненавистной!
Всем человек насыщается: сном и счастливой любовью,
Пением сладостным и восхитительной пляской невинной,
Боле приятными, боле желанными каждого сердцу,
Нежели брань; но трояне не могут насытиться бранью!»

Рек; и, оружия с тела, дымящиесь кровью, сорвавши,
Отдал клевретам своим Менелай, предводитель народов;
Сам же, назад обратяся, с передними стал на сраженье.
Там на него налетел Гарпалӥон, царя Пилемена
Доблестный сын; за отцом он любезным последовал к брани,
В Трою Приама, но в отческий дом не пришел, несчастливец!
Он Менелаю-царю посредине щита, налетевши,
Пику вонзил, но насквозь не успел оружия выгнать;
И обратно к друзьям, чтоб от смерти спастись, побежал он,
Вкруг озираясь, да тела враждебная медь не постигнет.
Но Мерион на бегущего медной стрелою ударил;
В правую сторону зада вонзилась стрела и далёко,
Острая, в самый пузырь, под лобковою костью проникла.
Там же он скорчась присел и, в объятиях другов любезных
Дух испуская, упал и, как червь, по земле протянулся;
Черная кровь выливалась и землю под ним увлажала.
Окрест его пафлагȯняне верные засуетились;
Тело, подняв в колесницу, они в Илион провожали,
Грустные; шел между них и отец, проливающий слезы;
Ибо не мог он врагам отомстить за убитого сына.

Но Парис за него справедливою местию вспыхнул:
Гостем он был у него, посетивши народ пафлагонский;
Он, за него отомщая, послал медножальную стрѐлу.
Был Эвхенȯр меж ахейцами, сын Полӥида-пророка,
Муж знаменитый, богатый, Коринфа цветущего житель;
Участь свою он несчастную знал — и отплыл к Илиону.
Часто ему говорил Полӥид добродушный, что должен
Он иль от немощи тяжкой в отеческом доме скончаться,
Или в бою, пред судами ахейскими, пасть от пергамлян;
Но избегал Эвхенȯр как от пени, постыдной ахейцам,
Так и от немощи тяжкой, бесплодно страдать не желая.—
Храброго в челюсть, под ухо Парис поразил, и мгновенно
Жизнь отлетела, и страшная тьма Эвхенȯра объяла.

Так ополченья сражались, огням подобно свирепым.
Гектор же, Зевса любимец, вдали не слыхал и не ведал,
Как пред судами, на левом конце, поражаемо было
Войско его от ахеян,— и скоро бы слава ахеян
Полной была над троянами: так ободрял Посидȧон
Души ахеян и силою собственной сам поборал им.—

Гектор воинствовал, где незадолго в ворота влетел он,
Сам разорвавши густые ряды аргивян-щитоносцев,
Там, где суда и Аякса и Протезилàя стояли,
Моря седого на брег извлеченные, где аргивяне
Самую низкую вывели стену, и где превосходных
Пламенных коней и воев ряды на сражение стали.

Там беотиян отважных, иäонов длиннохитонных,
Фтиян и лòкров и славных эпèян сложившиесь рати
Все на суда нападавшего с нуждой держали, но вовсе
Сил не имели препнуть Приамида, подобного буре.
Вои афинские были отборные; их ополченье
Вел Петеид Менесфèй, и за ним устремляли дружины
Фидас, и Стихий, и Биас-герой. Знаменитых эпеян
Вел Амфион, и Мèгес Филид, и воинственный Дракий.
Фтийцам предшествовал Мèдон и дышащий боем Подàркес
(Медон, сын незаконный владыки мужей Оилèя,
Был Оилèда Аякса юнейший брат, но в Филаке
Жил, далеко от отечества, брося его как убийца,
Мачехи брата убив, Оилèя жены, Эриóпы;
Храбрый Подàркес Ифèклов был сын, Филакèдов потомок).
Оба они впереди пред дружинами юношей фтийских
Бились, суда бороня, с беотийцами вместе сражаясь.

Быстрый Аякс пылал не отстать от могучего брата;
Близ Теламонида он, ни на шаг не отступный, держался.
Так плуговые волы по глубокому пару степному
Черные, крепостью равные, плуг многосложный волочат;
Пот при корнях их рогов пробивается крупный; но дружно,
Оба единым блестящим ярмом едва разделяясь,
Дружно идут полосой и земли глубину раздирают,—
Так и Аяксы, сложася, держались один близ другого.
Вслед Теламонова сына стремилися многие мужи,
Храбрые, ратные други; они его щит принимали,
Если усталость и пот изнуряли колена герою;
Но за вождем Оилидом никто не стремился из локров:
Дух не вытерпливал их рукопашного, стойкого боя;
Воинство их не имело ни медяных с гривою конской
Шлемов, ни круглых щитов, ни возвышенных ясенных копий;
Только на верные луки и вòлну, скручённую в пращи,
Локры надеясь, пришли к Илиону, и ими на битвах,

Быстро и метко стреляя, троян разрывали фаланги.
Тут, как одни впереди блестящим оружием разным
Бились с дружинами Трои и с Гектором меднодоспешным,
Локры стреляли, держась позади,— и уже забывали
Бранную храбрость трояне: смущали их стрелы густые.
Худо б им было, с стыдом от судов и от кущей ахейских
Трои сыны отступили б под шумную ветрами Трою,
Если б отважного Гектора Полидама̀с не подвигнул:

«Гектор, жестокий ты муж, чтоб других убеждения слушать!
Бог перед всеми тебя одарил на военное дело;
Ты ж и советов мудростью всех перевысить желаешь!
Нет, совокупно всего не стяжать одному человеку.
Бог одного одаряет способностью к брани, другому
Зевс, промыслитель превыспренний, в перси разум влагает
Светлый — плодами его племена благоденствуют смертных;
Оным и грады стоят; но стяжавший сугубо им счастлив.
Гектор! склонися к совету, который мне кажется лучшим.
Битва везде пред тобою, как огненный круг, пламенеет;
Мужи троянские, после того как ворвалися в стену,
С боя одни удалились с оружием, прочие спорят
В слабых толпах против множества, вдоль кораблей растянувшись.
С боя сойди и сюда призови ратоводцев храбрейших;
Здесь мы важнейшее дело решим совещанием общим:
Разом ли нам на суда многоместные ратью ударить,
Если бы бог даровал одоление, или немедля
Вспять от судов обратиться, пока не разбиты! скажу ли?
Я трепещу, да вчерашнего нам не отплатят ахейцы
Долга кровавого: муж при судах, ненасытимый бранью,
Ждет нас, который едва ли удержится вовсе от боя».

Так говорил он; и Гектор одобрил совет справедливый;
Быстро с своей колесницы с оружием прянул на землю
И ему отвечал, устремляя крылатые речи:

«Полидама̀с, удержи ты здесь предводителей храбрых;
Дальше пойду я и противостану пылающей битве.
Я возвращуся немедля, вождям повеления давши».

Рек, и понесся великий, горе под снегами подобный;
С криком призывным толпы облетал он троян и союзных.

Все к Панфойду, любителю мужества Полидамàсу,
Бросились быстро дарданцы, услышавши Гектора голос.
Он же Гелена-царя, благородного брата Дейфоба,
Азия, ветвь Адамàса, и Азия, отрасль Гиртака,
Ходя по сонмам передним, искал, не найдет ли героев.
Их он нашел, но не всех невредимых, не всех средь живущих —
В прахе из оных одни, у судов мореходных данайских,
Бледны лежали, под силой данаев предавшие души,
А другие страдали под язвами стрел или копий.
Только Париса-брата, супруга Елены прекрасной,
Скоро нашел он на левом конце истребительной брани,
Дух ополчений своих ободрявшего к крепкому бою.
Став перед ним, укоризненным голосом Гектор воскликнул:

«Видом лишь гордый, несчастный Парис, женолюбец, прельститель!
Где у тебя Деифоб и Гелен, повелитель народа?
Офрионѐй знаменитый, Гиртàкид воинственный, Азий,
Где Адамàс? Погибает сегодня, с высот упадает
Троя святая! Сегодня твоя неизбежна погибель!»

Быстро ему возразил Приамид Александр боговидный:
«Ныне угодно тебе обвинять и безвинного, Гектор!
Прежде я более мог нерадивым во брани казаться,
Прежде, не ныне,— меня не без доблести матерь родила.
С часу, как ты пред судами кровавую битву воздвигнул,
С оного часу и мы с аргивянами здесь беспрерывно
Сходимся в бой; но друзей потеряли, которых ты назвал.
Только герой Деифоб и Гелен, повелитель народа,
С боя сошли, от могучих врагов пораженные оба
Копьями длинными в руки; но Зевс их избавил от смерти.
Гектор, веди нас, куда ни влеком ты бестрепетным сердцем.
Все мы горим за тобою последовать; в храбрости нашей,
Льщусь, не найдешь недостатка, покуда нам силы достанет;
Выше же силы, хотя б и пылал кто, не может сражаться!»

Так говоря, укротил он великого Гектора душу.
Ринулись оба, где более битва и сеча кипела
Вкруг Кебриона-вождя, непорочного Полидамàса,
Фалка, Орфѐя, подобного богу вождя Полифѝта,
Пальма, Аскàния, Мòриса, отраслей Гиппотиона,

Двух воевод, из Аскании прежним пришедших на смену
Только вчера; устремил их на брань всемогущий Кронион.
Шли на сраженье трояне, как ветров неистовых буря,
Если под громом Кронидовым грозная степью несется
И, с ужаснейшим воем обрушась на понт, воздымает
Горы клокочущих волн по немолчношумящей пучине,
Грозно нависнувших, пенных, одни, а за ними другие,—
Так илионцы, сомкнувшись, одни, а за ними другие,
Медью блеща и гремя, за своими вождями летели.
Гектор предшествовал всем, смертоносному равный Арею;
Щит перед грудью его обращался, круг необъятный,
Кожами крепкий и сверху обложенный множеством меди;
Окрест главы у него колебался шелом лучезарный.
Всем он фалангам везде угрожал, под щитом наступая;
Все он испытывал их, не расстроит ли наступом грозным.
Но ничем не смущал он бесстрашного духа данаев.
Сын Теламонов его вызывал, широко выступая:

«Ближе, герой, подойди! И зачем издали ты пугаешь
Воинов Аргоса? В бранном искусстве и мы не невежды;
Мы лишь Кронидовым тяжким бичом смирены, аргивяне.
Верно, ты в сердце надеждой горишь уничтожить сегодня
Наши суда? Но целы и у нас на защиту их руки!
И вернее, что прежде с высокими башнями град ваш
Нашими будет руками и взят и во прах ниспровержен!
День недалек, объявляю тебе, как и сам ты, бегущий,
Пламенно станешь молить и Зевеса и всех олимпийских,
Ястребов шибче да будут твои долгогривые кони,
Коих погонишь ты в град, подымая лишь пыль по долине».

Он говорил; и незапно над ним зашырялася вправе
Птица, орел небопарный; вскричали ахейские рати,
Все ободренные чудом. Но Гектор бесстрашно ответил:

«Праздные звуки, Аякс! велеречишь, огромностью гордый!
Если бы столько же верно я сын громовержца Зевеса
Был, бесконечно живущий, от Геры-богини рожденный,
Славимый всеми, как славится Феб и Афина Паллада,—
Сколько то верно, что день сей погибель несет аргивянам
Всем совершенно! Погибнешь и ты, коль отважишься ныне
Встретить мой дрот сокрушительный: он у тебя растерзает

Нежное тело; и птиц ты пустынных и псов илионских
Туком насытишь своим, пред судами ахейскими павший!»

Так произнес, и пошел он вперед. Устремились трояне
С криком ужасным; крикнули с ними и задние рати;
Крикнули вместе и рати данаев: они не теряли
Мужества и нажидали удара героев троянских;
Крик их взаимный дошел до эфира и светов Зевеса,[1]

[1] У Гомера Διὸς αὐγάς, *светов Зевеса*, есть то же выражение, что в Новом завете: ἀπὸ τοῦ πατρὸς τῶν φώτων, *от отца светов*, как употреблено в славянском и русском переводе.

ПЕСНЬ XIV

СОДЕРЖАНИЕ

Нестор, устрашенный необыкновенным ратным криком, выходит из своей кущи, где освежался питьем с уязвленным Махàоном, и спешит узнать причину, ст. 1—26. В встречу ему попадаются вожди, еще страдающие от ран, Агамемнон, Диомед и Одиссей, по той же причине вышедшие в поле. Агамемнон, узнав от Нестора, что стена пробита, советует приготовить корабли к бегству, 27—81. Одиссей порицает совет его; а Диомед убеждает их идти к битве, невзирая на раны, чтобы, по крайней мере, своим присутствием ободрить воинство, 82—134. Посидон, явясь идущему Агамемнону в виде старца, ободряет его, а потом одушевляет воинство ахейское, 135—152. Между тем Гера, чтобы оказать еще более помощи ахейцам, намеревается идти к Зевсу на Иду и пленить его женскими прелестями; для этого украшается одеждами и благовониями; выпрашивает у Киприды пояс ее, 153—230; в Лемне убеждает Сон следовать за нею и вспомоществовать ей; предстает Зевсу на Иде, воспламеняет его любовию и в своих объятиях усыпляет, 231—351. Тогда Посидон, Гѐрою вспомоществуемый, успех битвы преклоняет решительно на сторону ахеян, 352—401. Гектор, от Аякса великого пораженный камнем, лишается чувств и друзьями выносится из боя, 402—439. Ахейцы, одушевленные новым мужеством, отражают троян от кораблей, и более всех отличается Аякс-младший в преследовании бегущих, 440—522.

ПЕСНЬ XIV

Крик неспокойно услышал и Нестор, под сению пьющий;
Быстро к Асклѐпия сыну крылатую речь устремил он:
«Что, благородный Махàон, из дел сих нерадостных будет?
Крик при судах возрастает воинственных юношей наших!
Друг, сиди у меня и багряным вином укрепляйся;
Теплую ванну тебе Гекамѐда кудрявая в куще
Скоро нагреет и прах кровавый на теле омоет.
Я подымусь лишь на холм и немедленно всё распознаю».

Рек, и художносработанный щит захватил он сыновний,
Медью блестящий, который герой Фразимѐд-конеборец
В сени оставил, а сам со щитом подвизался отцовским;
Крепкое взял копие, повершенное острою медью;
Вышел, пред кущею стал, и мгновенно позорное дело
Видит: ахейцы бегут, а бегущих преследуют с тыла
Гордые воины Трои; разбита твердыня ахеян!
Словно как море великое зыбью немою чернеет,
Предзнаменуя нашествие быстрое шумного ветра,
Только чернеет, еще ни сюда, ни туда не колышась,
Ветер доколе решительный, посланный Зевсом, не снидет,—
Так нерешительно Нестор душой колебался, волнуясь
Думой двоякой: к рядам ли идти аргивян быстроконных,
Или к владыке мужей, властелину народов Атриду?
В сих волновавшемусь думах, сдалося полезнее старцу
К сыну Атрея идти.— Между тем истребляли друг друга
Воины в битве; звучала ужасно вкруг тел их могучих
Медь, под ударом мечей и пик обоюдуконечных.

С Нестором встретились скоро цари, питомцы Зевеса,
Шедшие от кораблей, уязвленные прежде на битве,
Царь Диомед, Одиссей и державный Атрид Агамѐмнон.
Их корабли от равнины, где бились, далеко стояли
Берегом моря седого: они извлекли их на сушу
Первые; стену ж при них совокупно с другими воздвигли.
Берег, как ни был обширен, не мог обоюдувесельных
Всех кораблей их принять; стеснены ополчения были:
Лествицей их извлекли на песок и наполнили целый
Берег залива широкого, всё между мысов пространство.
Три воеводы, пылая увидеть смятенную битву,
Рядом шли, подпираяся копьями; полно печали
Было их сердце. С ними встретился конник геренский
Нестор и более дух поразил у ахейских героев.
Быстро воскликнул ему повелитель мужей Агамѐмнон:

«Нестор, божественный старец, великая слава данаев!
Что приходил ты сюда, смертоносную битву оставив?
О, трепещу я, да слова не выполнит Гектор ужасный:
Некогда он, среди сонма троянского, гордый, грозился
В град от судов возвратиться не прежде, доколе ахейских
Всех кораблей не сожжет и ахеян самих не изгубит.
Так он на сонме грозился,— и всё совершается ныне!
Боги! Так все ополчения меднооружных данаев
Ненависть в сердце ко мне, как Пелид быстроногий, питают,
Если сражаться они не хотят при кормах корабельных!»

Быстро Атриду ответствовал Нестор, конник геренский:
«Так, Агамѐмнон, свершается всё! и уже не возмог бы
Сам громовержец того, что свершилось, устроить иначе!
Пала твердыня ахеян, которая, мы уповали,
Нам от врагов и судам нерушимой защитою будет.
Но враги при судах беспрестанной, упорною битвой
Вкруг нас теснят, и уже не узнаешь, внимательно смòтря,
Где аргивяне теснимые в большем расстройстве мятутся.
Всюду смятенье, убийство, и вопль раздается до неба!
Други, помыслим, какое из дел сих последствие будет?
Может быть, разум поможет. Но в битву вступать, воеводы,
Я не советую вам: уязвленным не должно сражаться».

Нестору вновь говорил повелитель мужей Агамѐмнон:
«Нестор, если уж бой при кормах корабельных пылает,

Если не в помощь ни вал нам высокий, ни ров, для которых
Столько трудов мы терпели, которые, мы уповали,
Нам от врагов и судам нерушимой защитою будут,—
Нет сомнения, Зевсу всесильному видеть угодно
Здесь, от Геллады далеко, ахеян бесславно погибших!
Было то время, как ревностно он защищал и ахеян;
Ныне, я вижу, он Трои сынов, как бессмертных блаженных,
Славой венчает, ахейцам же силы и руки сковал он!
Слушайте ж, други, один мой совет, и его мы исполним:
Первые наши суда, находящиесь близко пучины,
Двинем немедля и спустим их все на священное море;
Станем высòко держаться на котвах, пока не наступит
Ночь безлюдная; может быть, в ночь прекратят нападенье
Трои сыны; и тогда мы суда и последние спустим.
Нет стыда избегать от беды и под мраками ночи;
Лучше бежа избежать от беды, чем вдаваться в погибель!»

Косо взглянув на него, возгласил Одиссей многоумный:
«Слово какое, властитель, из уст у тебя излетело?
Пагубный! лучше другим бы каким-либо воинством робким
Ты предводил, а не нами владел, не мужами, которым
С юности нежной до старости Зевс подвизаться назначил
В бранях жестоких, пока не погибнет с оружием каждый!
Или ты хочешь троянский сей град многолюдный оставить,
Град, вкруг которого столько ужасных мы бед претерпели?
Смолкни, чтоб кто-либо здесь не услышал еще из ахеян
Речи, какой никогда и в устах иметь не захочет,
Кто говорить разумеет согласное с разумом здравым,
Кто скиптродержец, кому повинуются столько народов,
Сколько тебе, неисчетных аргивских племен повелитель!
Замысел твой отвергаю я вовсе, и что ты вещаешь!
Ты предлагаешь теперь, в продолжение боя и смуты,
В море спускать корабли, да желанное сердцу троянам,
В брани и так торжествующим, сбудется всё? а над нами
Грозная гибель над всеми обрушится! ибо ахейцы
Боя не выдержат, если суда повлекутся на волны,
Вспять озираться начнут и оставят воинскую доблесть,
И твои нас советы погубят, правитель народа!»

Быстро воскликнул тогда повелитель мужей Агамѐмнон:
«О Лаэртид! поразил ты глубоко упреком жестоким

Душу мою; но ахеянам я не даю повелений
Влечь, вопреки их желаньям, судов многоместных на волны.
Муж да предстанет и лучший совет моего да предложит;
Юноша он или старец — равно мне приятен он будет».

И меж них взговорил Диомед, воеватель бесстрашный:
«Муж сей пред вами! недолго искать его, если угоден
Добрый совет: но меня да не прѐзрит никто, оскорбляясь
Тем, что начну говорить между вами, героями, младший.
Сам справедливо горжусь я отца знаменитого родом,
Кровью Тидея, которого в Фивах сокрыла могила.
Три непорочные сына на свет рождены от Парфея;
Жили в Плевроне и в тучной земле, Калидоне гористом,
Агрий и Мѐлас, а третий из них был Инѐй-коneборец,
Дед мой, Тидеев отец, знаменитейший доблестью всех их.
Там же и он обитал; но родитель мой в Аргос укрылся,
Долго скитавшийся: Зевс и бессмертные так восхотели.
Дочерь Адраста избравши супругою, дому владыка,
Благами жизни богатый, довольно имел он обширных
Нив хлебородных, множество разных садов плодоносных,
Множество стад он имел, и ахейских мужей копьеборством
Всех превышал; но сие вы, как истину, слышали сами.
Зная ж, цари, что и я не презренного племени отрасль,
Вы не презрите советом, который скажу я свободно:
В битву пойдем, невзирая на раны, зовет неизбежность!
Там мы покажемся ратям; но боя удержимся, ставши
Одаль от стрел, чтобы кто-либо раны на рану не принял;
Только других поощрим на сражение: множество ратных,
Слабым сердцам угождая, стоят вдалеке, не сражаясь».

Так говорил; и, внимательно слушав, цари покорились,
К битве пошли, и предшествовал им Агамѐмнон державный.

Тою порой не вотще соглядал Посидон-земледержец:
Он воеводам явился под образом древнего мужа;
Взял за десную царя, устроителя ратей Атрида,
И к нему возгласил, устремляя крылатые речи:

«Царь Агамѐмнон! теперь Ахиллесово мрачное сердце
С радости в персях трепещет, как гибель и бегство данаев
Он созерцает! и нет у него ни малейшего чувства!

Пусть же он так и погибнет, и бог постыдит горделивца!
«Ты ж, Агамѐмнон, не вовсе блаженным богам ненавистен;
Может быть, скоро троянских племен и вожди и владыки
Прах по широкому полю подымут; может быть, скоро
Ты их увидишь бегущих от наших судов и от кущей».

Рек он, и с криком ужасным понесся стремительно полем.
Словно как девять иль десять бы тысяч воскликнули разом
Сильных мужей на войне, зачинающих ярую битву,—
Гласом из персей таким колебатель земли Посидàон
Грянул меж воинств, и каждому в сердце ахейцу вдохнул он
Бурную силу без устали вновь воевать и сражаться.

Гера, царица златопрестольная, став на Олимпе,
Взоры свои с высоты устремила, и скоро узнала
Быстро уже пролетевшего поприще славного боя
Брата и деверя мощного; радость проникла ей душу.
Зевса ж, на высях седящего Иды, потоками шумной,
Гера узрела, и был ненавистен он сердцу богини.
Начала думы вращать волоокая Зевса супруга,
Как обольстить ей божественный разум царя Эгиоха?
Лучшею сердцу богини сия показалася дума:
Зевсу на Иде явиться, убранством себя изукрасив.
Может быть, он возжелает почить и любви насладиться,
Видя прелесть ее, а она и глубокий и сладкий,
Может быть, сон пролиет на зеницы его и на разум.
Гера вошла в почивальню, которую сын ей любезный
Создал Гефест. К вереям примыкались в ней плотные двери
Тайным запором, никем от бессмертных еще не отверстым.
В оную Гера вступив, затворила блестящие створы;
Там амврозической влагой она до малейшего праха
С тела прелестного смыв, умастилася маслом чистейшим,
Сладким, небесным, изящнейшим всех у нее благовоний:
Чуть сотрясали его в медностенном Крониона доме —
Вдруг до земли и до неба божественный дух разливался.
Им умастивши прекрасное тело, власы расчесала,
Хитро сплела и сложила, и волны блистательных кудрей,
Пышных, небеснодушистых, с бессмертной главы ниспустила.
Тою душистой оделася ризой, какую Афина,
Ей соткав, изукрасила множеством дивных узоров;
Ризу златыми застежками выше грудей застегнула.

Стан опоясала поясом, тьмою бахром окруженным.
В уши прекрасные серьги с тройными подвесями вдела,
Ярко игравшие,— прелесть кругом от богини блистала.
Легким покровом главу осенила державная Гера,
Пышным, новым, который, как солнце, сиял белизною.
К светлым ногам привязала красы велелепной плесницы.
Так для очей восхитительным тело украсив убранством,
Вышла из ложницы Гера и Зевсову дочь Афродиту
Вдаль от бессмертных других отозвала и ей говорила:

«Что я скажу, пожелаешь ли, милая дочь, мне исполнить?
Или отвергнешь, Киприда, в душе на меня сокрывая
Гнев, что я за данаев, а ты благосклонна троянам?»

Ей отвечала немедленно Зевсова дочь Афродита:
«Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона!
Молви, чего ты желаешь; исполнить сердце велит мне,
Если исполнить могу я, и если оно исполнимо».

Ей, коварствуя сердцем, вещала державная Гера:
«Дай мне любви, Афродита, дай мне тех сладких желаний,
Коими ты покоряешь сердца и бессмертных и смертных.
Я отхожу далеко, к пределам земли многодарной,
Видеть бессмертных отца Океана и матерь Тефису,
Кои питали меня и лелеяли в собственном доме,
Юную взявши от Реи, как Зевс беспредельно гремящий
Крона под землю низверг и под волны бесплодного моря.
Их я иду посетить, чтоб раздоры жестокие кончить.
Долго, любезные сердцу, объятий и брачного ложа
Долго чуждаются боги: вражда им вселилася в души.
Если родителей я примирю моими словами,
Если на одр возведу, чтобы вновь сочетались любовью,
Вечно останусь я и любезной для них и почтенной».

Ей, улыбаясь пленительно, вновь отвечала Киприда:
«Мне невозможно, не должно твоих отвергать убеждений:
Ты почиваешь в объятиях бога всемощного Зевса».

Так говоря, разрешила на персях иглой испещренный
Пояс узорчатый: все обаяния в нем заключались;
В нем и любовь и желания, шепот любви, изъясненья,

Льстивые речи, не раз уловлявшие ум и разумных,—
Гере его подала и такие слова говорила:

«Вот мой пояс узорный, на лоне сокрой его, Гера!
В нем заключается всё; и в чертоги Олимпа, надеюсь,
Ты не придешь, не исполнивши пламенных сердца желаний».

Так изрекла; улыбнулась лилейнораменная Гера,
И с улыбкой сокрыла блистательный пояс на лоне.
К сонму богов возвратилася Зевсова дочь Афродита.
Гера же, вдруг устремившись, оставила выси Олимпа,
Вдруг пролетела Пиэ̊рии холмы, Эма̀фии долы;
Быстро промчалась по снежным горам фракиян быстроконных,
Выше утесов паря и стопами земли не касаясь;
С гордой Афоса вершины сошла на волнистое море;
Там ниспустилася в Лемне, Фоа̀совом граде священном;
Там со Сном повстречалася, братом возлюбленным Смерти;
За руку бога взяла, называла и так говорила:

«Сон, повелитель всех небожителей, всех земнородных!
Если когда-либо слово мое исполнял ты охотно,
Ныне исполни еще: благодарность моя беспредельна.
Сон, усыпи для меня громодержцевы ясные очи,
В самый тот миг, как на ложе приму я в объятия бога.
В дар от меня ты получишь трон велелепный, нетленный,
Златом сияющий; сын мой, художник, Гефест хромоногий,
Сам для тебя сотворит и подножием пышным украсит,
Нежные ноги тебе на пиршествах сладких покоить».

Гере державной немедля ответствовал Сон-усладитель:
«Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона!
Каждого я из богов, населяющих небо и землю,
Сном одолею легко; усыплю я и самые волны
Древней реки Океана, от коего всё родилося.[1]
К Кронову ж сыну, царю, и приблизиться я не посмею,
В сон не склоню громодержца, доколе не сам повелит он.
Помню, меня он и прежде своей образумил грозою,
В день, как возвышенный духом Геракл, порожденный Зевесом,
Плыл от брегов Илиона, троянского града рушитель;

---

[1] Система философов, полагающих, что вода есть начало вещей.

В оный я день обаял Эгиоха всесильного разум,
Сладко разлившися; ты ж устрояла напасти Гераклу;
Ты неистовых ветров воздвигнула бурю на море,
Сына его далеко от друзей, далеко от отчизны
Бросила к брегу Ко̀оса. Воспрянул Кронид и грозою
Всех по чертогу рассыпал бессмертных; меня наипаче
Гневный искал и на гибель с неба забросил бы в море,
Если бы Ночь не спасла, и бессмертных и смертных царица.
К ней я, спасаясь, прибег. Укротился, как ни был разгневан,
Зевс-молнелюбец: священную Ночь оскорбить он страшился.
Ты же велишь мне опять посягнуть на опасное дело!»

Вновь говорила ему волоокая Гера-богиня:
«Сон-усладитель, почто беспокойные мысли питаешь?
Или ты думаешь, будет троян защищать громовержец
Так же, как в гневе своем защищал он любезного сына?
Шествуй; тебе в благодарность юнейшую дам я хариту;
Ты обоймешь наконец, назовешь ты своею супругой
Ту Пазифѐю, по коей давно все дни воздыхаешь».

Так изрекла; и ответствовал Сон, восхищенный обетом:
«Гера, клянись нерушимою клятвою, Стикса водою;
Руки простри и коснися, одною — земли многодарной,
Светлого моря — другою, да будут свидетели клятвы
Все преисподние боги, присущие древнему Крону;
Ими клянися, что мне ты супругой хариту младую
Дашь Пазифѐю, по коей давно я все дни воздыхаю».

Рек; и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Руки простерши, клялась и, как он повелел, призывала
Всех богов преисподних, Титанами в мире зовомых.
Ими клялася, и страшную клятву едва совершила,
Оба взвились и оставили Имбра и Лемна пределы;
Оба, одетые облаком, быстро по воздуху мчались.
Скоро увидели Иду, зверей многоводную матерь;
Около Лекта оставивши понт, божества над землею
Быстро текли, и от стоп их — дубрав потрясались вершины.
Там разлучилися: Сон, от Кронидовых взоров таяся,
Сел на огромнейшей ели, какая в то время на Иде,
Высшая, гордой главою сквозь воздух в эфир уходила;
Там он сидел, укрываясь под мрачными ветвями ели,

Птице подобяся звонкоголосой, виталице горной,
В сонме бессмертных слывущей халкидой, у смертных каминдой.

Гера-владычица быстро всходила на Гаргар высокий,
Иды-горы на вершину; увидел ее громовержец;
Только увидел — и страсть обхватила могучую душу
Тем же огнем, с каким насладился он первой любовью,
Первым супружеским ложем, от милых родителей тайным.
В встречу супруге восстал громовержец и быстро воскликнул:

«Гера-супруга! почто же ты шествуешь так от Олимпа?
Я ни коней при тебе, ни златой колесницы не вижу».

Зевсу, коварствуя сердцем, вещала державная Гера:
«Я отхожу, о супруг мой, к пределам земли даровитой,
Видеть бессмертных отца Океана и матерь Тефису.
Боги питали меня и лелеяли в собственном доме.
Их я иду посетить, чтоб раздоры жестокие кончить.
Долго, любезные сердцу, объятий и брачного ложа
Долго чуждаются боги: вражда им вселилася в души.
Кони при мне, у подошвы обильной потоками Иды
Ждут и оттоле меня и по суше помчат и по влаге.
Но сюда я, Кронид, прихожу для тебя от Олимпа,
Ты на меня, о супруг, не разгневался б, если безмолвно
В дом отойду Океана, глубокие льющего воды».

Быстро ответствовал ей воздымающий тучи Кронион:
«Гера-супруга, идти к Океану и после ты можешь.
Ныне почием с тобой и взаимной любви насладимся.
Гера, такая любовь никогда, ни к богине, ни к смертной,
В грудь не вливалася мне и душою моей не владела!
Так не любил я, пленяся младой Иксиона супругой,
Родшею мне Пирифòя, советами равного богу;
Ни Данаей прельстясь, белоногой Акризия дщерью,
Родшею сына Персѐя, славнейшего в сонме героев;
Ни владея младой знаменитого Фѐникса дщерью,
Родшею Криту Минòса и славу мужей Радамàнфа;
Ни прекраснейшей смертной пленяся, Алкмѐною в Фивах,
Сына родившей героя, великого духом Геракла;
Даже Семѐлой, родившею радость людей Диониса;
Так не любил я, пленясь лепокудрой царицей Деметрой,

Самою Летою славной, ни даже тобою, о Гера!
Ныне пылаю тобою, желания сладкого полный!»

Зевсу, коварствуя сердцем, вещала державная Гера:
«Страшный Кронион! какие ты речи, могучий, вещаешь?
Здесь ты желаешь почить и объятий любви насладиться,
Здесь, на Идейской вершине, где всё открывается взорам?
Что ж, и случиться то может, если какой из бессмертных
Нас почивших увидит и всем населяющим небо,
Злобный, расскажет? Тогда не посмею, восставшая с ложа,
Я в олимпийский твой дом возвратиться; позорно мне будет!
Если желаешь и если твоей душе то приятно,
Есть у тебя почивальня, которую сын твой любезный
Создал Гефест, и плотные двери с запором устроил.
В оной почить удалимся, когда ты желаешь покоя».

Гере быстро ответствовал туч воздыматель Кронион:
«Гера-супруга, ни бог, на меня положися, ни смертный
Нас не увидит — такой над тобою кругом распростру я
Облак златой; сквозь него не проглянет ни самое солнце,
Коего острое око всё проницает и видит».

Рек, и в объятия сильные Зевс заключает супругу.
Быстро под ними земля возрастила цветущие травы,
Лотос росистый, сафран и цветы гиакинфы густые,
Гибкие, кои богов от земли высоко подымали.
Там опочили они, и одел почивающих облак
Пышный, златой, из которого капала светлая влага.

Так беззаботно, любовью и сном побежденный, Кронион
Спал на вершине Идейской, в объятиях Геры-супруги.
Быстро к судам аргивян победительный Сон обратился,
Радости весть возвестить черновласому Энносигѐю;
Стал перед ним и воззвал, устремляя крылатые речи:

«Ревностно, царь Посидàон, теперь поборай за данаев!
Даруй ты им хоть мгновенную славу, пока почивает
Зевс-громовержец: царя окружил я дремотою сладкой;
Гера склонила его насладиться любовью и ложем».

Рек, и к другим отлетел племенам человеческим славным,
Воле еще возбудив Посидона к защите ахеян.
Он пред ряды первоборные вышел вперед, восклицая:

«Мы ли, ахейцы, опять Приамиду победу уступим?
Мы ли допустим, чтоб взял корабли он и славой покрылся?
Так похваляется он и грозит, оттого что бездействен
Близ кораблей остается могучий Пелид прогневленный.
Но и в Пелиде нам нужды не будет, когда совокупно
Все устремимся, решася стоять одному за другого!
Други, внимайте, совет предложу я, а вы повинуйтесь:
Быстро щитами, которые в воинстве лучше и больше,
Перси оденем, шеломами крепкими чѐла покроем
И, медножалые, длинные копья в руках потрясая,
Храбро пойдем, перед вами я сам; я не мню, чтобы Гектор
Мог против вас устоять, и неистово бурный на битвах!
Кто меж бойцами могуч, но щитом не великим владеет,
Слабому пусть передаст он, а сам да идет под великим».

Так он вещал; и с усердием пламенным все покорились.
Сами цари, забывая их язвы, строили ратных,
Царь Диомед, Одиссей и державный Атрид Агамѐмнон;
Рать обходя, заставляли менять боевые доспехи:
Крепкие крепкий вздевал, отдавая слабейшие слабым.
Так ополчившися пышносияющей медью, данаи
Двинулись; их предводил Посидàон, колеблющий землю,
Меч долголезвенный, страшный неся во всемощной деснице,
Равный молнии пламенной: с ним невозможно встречаться
В сече погибельной,— смертного ужасом он поражает.

Рати троянские в встречу построил блистательный Гектор.
В оное время ужаснейший спор ратоборный воздвигли
Бог Посидон черновласый и шлемом сверкающий Гектор,
Сей илионян любезных, а тот аргивян защищая.
Море восстало и волны до самых судов и до кущей
С ревом плескало, а рати сходилися с воплем ужасным.
Волны морские не столько свирепые воют у брега,
Быстро гонимые с моря дыханием бурным Борея;
Огнь-истребитель не столько шумит, распыхавшись пожаром,
Если, по дебри гористой разлившися, лес пожирает;
Ветер не столько гремит по дубам высоковолосым,
Если со всею свирепостью воет над ними, бушуя,—
Сколько гремел на побоище голос троян и ахеян,
Кои с неистовым воплем одни на других устремлялись.

Первый в Аякса копьем шлемоблещущий Гектор ударил,
В миг, как Аякс на него наступал, и наметил он верно;
Там, где на персях два перевесных ремня простирались,
Сей от щита, а другой от меча у Аякса-героя,
Там поразил; но ремни защитили. Разгневался Гектор,
Видя, что быстрая медь бесполезно из рук излетела;
К сонму друзей отступил Приамид, избегающий смерти.
Но его, отступавшего, вдруг поразил Теламонид
Камнем, которые кучей, подпоры судов извлеченных,
Там у бойцов под ногами крутились; такой подхвативши,
В грудь, чрез поверхность щита, поразил Приамида близ выи;
Махом пустив, как кубарь, и пронесся он, шумно кружася.
Словно как дуб под ударом крушительным Зевса Кронида
Падает с корня, из древа разбитого вьется зловонный
Серный дым; и стоит как бездушный, паденья свидетель,
Близкий прохожий: погибелен гром всемогущего Зевса,—
Так ниспровергнулся быстро на прах Приамидова крепость.
Дрот из руки полетел, на него навалился огромный
Щит и шелом, и взгремела на нем распещренная броня.
С криком ужасным к нему полетели ахейцы младые,
Падшего чая увлечь, и из рук на него устремили
Множество пик; но не мог ни единый владыке народов
Язвы нанесть, ни ударить; немедля его окружили
Вои храбрейшие: Полидама̀с и Эней и Аѓенор,
Ликии царь Сарпедон, и воинственный Главк непорочный;
Не было мужа, о нем не радевшего; каждый над падшим
Выпуклый щит в оборону простер; а друзья, Приамида
На руки скоро подняв, из борьбы понесли, поспешая
К коням ретивым, которые сзади сраженья и смуты
С храбрым возницей и с пышной его колесницей стояли.
Кони ко граду помчали стенящего тяжко героя.

Но лишь примчалися к броду реки прекрасно текущей,
Ксанфа пучинного, богом рожденного, Зевсом бессмертным,
Там с колесницы его положили на землю и свежей
Влагой лицо оросили. Вздохнул, проглянул он очами
И, на коленах держащийся, кровью из уст обливался;
Скоро опять опрокинулся в прах, и опять ему очи
Мрачная ночь осенила: удар оглушал еще душу.

Рати ахеян, увидевши Гектора сшедшего с поля,
Бросились жарче на гордых троян и возвысились духом.

Первый от всех аргивян, Оилѐев Аякс быстроборный
Сатния смертно пробил, налетев с изощренною пикой,
Сатния, Энопа сына, которого нимфа Наяда
Энопу, пастырю стад, родила на брегах Сатниона.
Сатния славный копейщик Аякс Оилѝд, налетевши,
В пах поразил; опрокинулся он, и за труп Энопѝда
Трои сыны и ахеяне подняли страшную сечу.
Полидамàс за него, потрясая огромною пикой,
Мстителем вышел и, бросив, попал Профоѐнора в рамо,
Ветвь Арейлика,— рамо пронзает могучая пика;
В прах он падет и рукою хватает кровавую землю.
Сын Панфòя, свирепогордящийся, звучно воскликнул:

«Скажет ли кто и теперь, что у храброго Полидамàса
Тщетно из длани могучей огромная прянула пика!
Острую принял какой-то ахеец и ею, надеюсь,
Он, опираясь, пойдет в преисподние домы Аида!»

Так восклицал. Огорчили ахеян надменного речи;
Более ж всех у Аякса геройскую взорвали душу;
Подле него пораженный противником пал Профоѐнор.
Гневный Аякс в отступавшего ринул сверкающий дротик —
Сам Панфоѝд едва от погибели черной избегнул,
Прянувши вбок; но копье Архилòх смертоносное принял,
Сын Антеноров: ему предназначили боги погибель;
Храброго дрот улучил в сочетание выи с главою,
В верх позвонка, и рассек у несчастного крепкие жилы;
Мощным ударом сраженный, главой он, лицом и устами
Прежде ударился в дол, чем своими коленами, павший.
Громко вскричал Теламонид к Панфòеву славному сыну:

«Взор обрати, Панфоѝд, и поведай, троянец, мне правду:
Пасть за вождя Профоѐнора сей не достоин ли воин?
Он не презренный боец, не презренного, кажется, рода —
Он илионян вождя, Антенора, смирителя коней,
Сын или брат; Антенора он племени сильно подобен».

Так говорил, несомнительно зная. Печаль поразила
Души троян,— и пронзил Акамàс беотийца Промàха,
Мстящий за брата, которого труп увлекал беотиец.
Злобно над павшим гордился и так восклицал победитель:

«Нет, аргивяне-стрельцы, угроз расточители праздных!
Нет, о друзья, не одним боевые труды и печали
Нам суждены — одинако погибель и вас постигает!
Видите ль, воин и ваш, ниспроверженный пикой моею,
Крепко уснул: не осталася месть за убитого брата
Долго без платы! Разумен, кто пекся, как брат мой любезный,
Брата в дому по себе, отомстителя смерти оставить!»

Так говорил; аргивян оскорбили надменного речи;
Более ж всех Пенелèю воинственный дух взволновали.
Бросился он на троянца; но сильного встретить удара
Тот не дерзнул; и герой Пенелèй Илиòнея свергнул,
Отрасль Форбàса, стадами богатого. Гермесом был он
Более всех из пергамцев любим и богатством ущедрен;
Но от супруги имел одного Илиòнея-сына.
Пи ой его Пенелèй поразил в основание ока,
Вышиб зрачок; проколовшая пика и око и череп
Вышла сквозь тыл, и присел на побоище, руки раскинув,
Юноша бедный; а тот, из влагалища вырвавши меч свой,
В выю с размаха ударил и снес на кровавую землю
Голову с медным шеломом; еще смертоносная пика
В оке стояла; как мак, он кровавую голову поднял,
Сонму троян показал и гордящийся так говорил им:

«Трои сыны, известите родителей славного сына,
Мать и отца Илиòнея; пусть его в доме оплачут!
Ах! и младая жена беотиян героя Промàха
Встретить супруга не к радости выйдет, когда из-под Трои
Мы в кораблях возвратимся, младые ахейские мужи!»

Рек он; и лица пергамлян покрылися ужасом бледным;
Каждый стал озираться на бегство от гибели грозной.

Ныне поведайте мне, на Олимпе живущие музы,
Кто меж ахейцами первый корысти кровавые добыл
В битве, на сторону их преклоненной царем Посидоном?
Первый Аякс Теламонид отважного Иртия свергнул,
Гѝртова сына, вождя крепкодушных, воинственных мизов;
Фалка сразил Антилох и оружия с Мèрмера сорвал;
Вождь Мерион Гипотѝона с Мòрисом храбрым низринул;
Тевкр низложил Профоòна и мчавшегось в бег Перифèта;

XIV. 516—522

Сильный Атрид Гиперѐнора, пастыря сильных народов,
В пах боковой заколол; копие, растерзавши утробу,
Внутренность вырвало вон; из зияющей раны теснимый
Дух излетел, и тьма Гиперѐнору очи покрыла.
Более ж всех поразил Оилѐев Аякс быстроногий,
С ним из вождей не равнялся никто быстротой на погоне
Воев бегущих, которых ужасом Зевс поражает.

ПЕСНЬ XV

СОДЕРЖАНИЕ

Зевс, восстав от сна, видит бегство троян, Посидона, пособляющего ахеянам, а Гектора без чувств лежащего в поле, ст. 1—12. Грозно уличает он Геру в кознях ее, и повелевает ей призвать от Олимпа Ирису и Аполлона, чтобы первую послать удалить Посидона из брани, а последнего восстановить силы Гектора; при сем Зевс предсказывает участь Патрокла, Гектора и судьбу всей брани троянской, не могущей измениться, пока он не покарает ахеян за оскорбление Ахиллеса и не прославит его, как обещал Фетиде, 13—77. Гера, пришед на Олимп, извещает богов о грозных предопределениях Зевса и смущает весь сонм их; от нее узнает Арей об убиении сына его Аскалафа и воспламеняется местию; неистовство его укрощает Афина, 78—142. Аполлон с Ирисою предстают Зевсу; повеление его удалиться Посидону от брани, посланницей богу возвещенное, он принимает с негодованием и гордыми угрозами, 143—219. Аполлон восстановляет силы Гектора, и он, возвратяся к битве, устрашает ахеян, 220—280. Они, по совету Фоаса, собравшися одни храбрые, еще противятся врагам и мужественно сражаются. Гектор, напав и на них, одних убивает, а других обращает в бегство, предводимый Аполлоном, который, потрясая эгидом, от Зевса ему врученным, ужасает ахеян и гонит, разрушает их стену, ею засыпает ров и уравнивает путь к кораблям; и трояне уже пред кораблями жестоко теснят ахеян, 281—389. Патрокл, увидев сию опасность, оставляет Эврипила и спешит к Ахиллесу, чтобы убеждать его помочь ахеянам, 390—404. Между тем ахеяне крепко защищают корабли; многие с той и другой стороны убиты, 405—590. Наконец Гектор, устремляемый Зевсом, сильно нападает на ахеян, которые, хотя и жестоко теснимые, в порядке отступают в ряды кораблей, 591—674. Аякс Теламонид отличается доблестью: вооружася шестом и прядая с корабля на корабль, один отражает троян, с огнем к кораблям приступающих, одушевляет ахеян, воздвигает ужасную битву и геройски защищает корабль Протезилая, который зажечь приступил уже Гектор, 675—746.

ПЕСНЬ XV

В бегстве, когда частокол и глубокий окоп миновали
И лишилися многих, руками данаев попранных,
Там, у своих колесниц удержалися, стали трояне,
Бледны от страха и трепетны. В оное время воспрянул
Зевс на Иде-горе, из объятий владычицы Геры.
Быстро воздвигшись, он стал и увидел троян и данаев,
Первых в расстройстве бегущих, а с тыла жестоко гонящих,
Бодрых данаев, и между их воинств царя Посидона;
Гектора ж в поле увидел простертого; окрест героя
Други сидели; тягостно дышащий, чувства лишенный,
Кровь извергал он: его поразил не бессильный данаец.
Видя его, милосердовал царь и бессмертных и смертных;
Быстро и грозно на Геру смотря, провещал громодержец:

«Козни твои, о злотворная, вечно коварная Гера,
Гектора мощного с боя свели и троян устрашили!
Но еще я не знаю, не первая ль козней преступных
Вкусишь ты плод, как ударами молний тебя избичую!
Или забыла, как с неба висела? как две навязал я
На ноги наковальни, а на руки набросил златую
Вервь неразрывную? Ты средь эфира и облаков черных
С неба висела; скорбели бессмертные все на Олимпе;
Но свободить не могли, приступая: кого ни постиг я,
С прага небесного махом свергал, и слетал он на землю
Только что дышащий; сим не смягчился б мой гнев непреклонный,
Гнев за страдания богоподобного сына Геракла,
Коего ты, возбудив на него и Борея и бури,

Злобно гнала по пустынному понту, беды устроя;
К краю чужому его, к многолюдному бросила Косу.
Я и оттоле избавил его и в отечество паки,
В Аргос цветущий привел, совершителя подвигов многих.
То вспоминаю тебе, да оставишь ты козни и видишь,
В помощь ли злобе твоей и любовь и объятия были,
Коими ты, от богов удаляся, меня обольстила!»

Он произнес; ужаснулась великая Гера-богиня
И воскликнула так, устремляя крылатые речи:

«Будьте свидетели мне, о земля, беспредельное небо,
Стикса подземные воды, о вы, величайшая клятва,
Клятва ужасная даже бессмертным, я вами клянуся,
Самой твоею священной главою и собственным нашим
Ложем брачным, которым вовек не клянуся я всуе!
Нет, не с советов моих Посидàон, земли колебатель,
Трои сынам и вождю их вредит, а других защищает.
Верно, к тому преклонен и подвигнут он собственным сердцем;
Верно, ахеян узрев, милосердовал он о стесненных.
Я ж и ему бы скорее совет подала, да всегда он
Ходит путем, по которому ты повелишь, громовержец!»

Так говорила; осклабился царь и бессмертных и смертных
И ответствовал ей, устремляя крылатые речи:

«Если вперед, о супруга, лилейнораменная Гера!
Будешь на сонме божественном мыслить согласно со мною,
Сам Посидàон, хотя бы желал совершенно иного,
Мысль переменит, согласно с твоей и моею душою.
Ныне ж, когда непритворно и истину ты говорила,
Шествуй немедля к семейству богов, повели, да на Иду
Вестница неба Ириса и Феб сребролукий предстанут.
Вестница быстрая к воинству меднодоспешных данаев
Снидет и скажет мое повеленье царю Посидону,
Да оставит он брань и в обитель свою возвратится.
Феб же великого Гектора снова ко брани воздвигнет,
Новую бодрость вдохнет и его исцелит от страданий,
Ныне терзающих душу героя, а рати ахеян
Вновь к кораблям отразит, малодушное бегство пославши.
В бегстве они упадут на суда Ахиллеса Пелида.

Царь Ахиллес ополчит на сражение друга Патрокла,
Коего в битве копьем поразит бронеблещущий Гектор
Пред Илионом, как тот уже многих юношей храбрых
Свергнет, и с ними мою драгоценную ветвь, Сарпедона.
Гектора, мстящий за друга, сразит Ахиллес знаменитый.
С оного времени паки побег от судов и погоню
Я сотворю и уже невозвратно, доколе ахейцы
Трои святой не возьмут, по советам премудрой Афины.
Так не свершившемусь, гнева ни сам не смягчу, ни другому
Богу бессмертному я аргивян защищать не позволю
Прежде, пока не исполнится всё упованье Пелида:
Так обещал я и так утвердил я моею главою
В день, как Фетида, объемля колена, меня умоляла
Сына прославить ее, Ахиллеса, рушителя твердей».

Рек; и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Бросилась с Иды-горы, устремляяся быстро к Олимпу.
Так устремляется мысль человека, который, прошедши
Многие земли, про них размышляет умом просвещенным:
«Там проходил я, и там», и про многое вдруг вспоминает,—
С равной стремясь быстротой, пролетела по воздуху Гера;
Высей Олимпа достигнув, она обрела совокупных
Всех небожителей в доме Кронида. Богиню увидев,
Все поднялися, и каждый своею чествовал чашей.
Гера, всех обошед, у Фемисы румяноланитой
Приняла чашу; Фемиса бо первая Гере входящей
Бросилась в встречу и речи крылатые к ней устремила:

«Что ты, о Гера, приходишь, таким пораженная страхом?
Верно, тебя устрашил громоносный супруг твой Кронион?»

Ей отвечала богиня, лилейнораменная Гера:
«Что вопрошаешь, Фемиса бессмертная; или не знаешь,
Сколько метателя молний душа и горда и сурова.
Но воссядь и начни ты пир с бессмертными общий;
Вместе со всеми богами услышишь, Фемиса, какие
Ужасы нам возвещает Кронион. Никто, уповаю,
Радостен сердцем не будет, ни смертный, ни даже бессмертный,
Как бы он ни был доныне средь пиршества мирного весел».

Так изрекла, и воссела владычица Гера; смутились
Боги в Зевсовом доме; она ж улыбалась устами,

Но чело у нее между черных бровей не светлело.
Вдруг, ко всем обращаясь, воскликнула гневная Гера:

«Боги безумные, мы безрассудно враждуем на Зевса!
Мы бесполезно пылаем его укротить, нападая
Словом иль силою! Он, удаляся, об нас и не мыслит,
Нас презирает, считает, что он меж богов вековечных
Властью и силой своей превосходнее всех несравненно.
Должно терпеть вам, какое бы зло и кому б ни послал он;
Им, как я мыслю, сегодня удар нанесен и Арею:
Пал на бою Аскала̀ф, браноносец, любезнейший богу,
Смертный, которого сыном могучий Арей называет».

Так изрекла; и ударил Арей по крутым себя бедрам
Дланями жилистых рук и рыдающий громко воскликнул:

«О, не вините меня, на Олимпе живущие боги,
Если за сына я мстить иду к ополченьям ахейским,
Мстить, хоть и сужено мне, пораженному Зевса перуном,
С трупами вместе лежать, в потоках кровавых и прахе!»

Рек, и тогда ж повелел он и Страху и Ужасу коней
Впречь; а сам покрывался оружием пламеннозарным.
Верно б, сильнейший, стократно ужаснейший, нежели прежний,
Гнев громодержца и мщенье противу богов воспылали;
Но Афина-богиня, за всех устрашася бессмертных,
Бросилась к двери, оставивши трон, на котором сидела;
Щит от рамен и шелом от главы у Арея сорвала,
Пику поставила в сторону, вырвав из длани дебелой,
И загремела, словами напав на сурового бога:

«Буйный, безумный, ты потерялся! Напрасно ль имеешь
Уши, чтоб слышать? Иль стыд у тебя и рассудок погибли?
Или не слышишь ты, что говорит владычица Гера,
Гера, теперь возвратившаясь к нам от владыки Зевеса?
Или ты хочешь, как сам, претерпев неисчетные бедства,
С горьким стыдом, поневоле, на светлый Олимп возвратиться,
Так и на всех нас, бессмертных, навлечь неизбежное бедство?
Скоро, сомнения нет, племена и троян и данаев
Бросил бы Зевс и пришел бы он нас ужаснуть на Олимпе;
И постиг бы, карающий, всех — и виновных и правых!

Будь мне послушен и месть отложи за убитого сына.
Воин в бою не один, и храбрейший его и сильнейший,
Пал и еще ниспадет, пораженный другим; невозможно
Весь человеческий род неисчетный от смерти избавить».

Так говоря, посадила на трон исступленного бога.
Гера ж царя Аполлона из Зевсова вызвала дому
Вместе с Ирисою, вестницей быстрой богов олимпийских.
К ним возгласивши, она провещала крылатые речи:

«Зевс повелел, да на Иду немедля предстанете оба;
Но лишь предстанете вы и лицо увидите бога,
Делайте что повелит и чего Эгиох ни восхощет».

Так изрекла, и, в чертог возвратяся, владычица Гера
Села на трон, а Ириса и Феб, устремясь, полетели;
Быстро спустились на Иду, зверей многоводную матерь;
Там, на возвышенном Гàргаре Зевса нашли громодержца;
Он восседел, и его благовонный увенчивал облак.
Боги, представ пред лицо воздымателя облаков Зевса,
Стали, и к ним устремил олимпиец негневные очи;
Скоро они покорились супруги его повеленьям.
К первой Ирисе он рек, устремляя крылатые речи:

«Шествуй, Ириса быстрая, к богу морей Посидону,
Всё, что реку, возвести и неложною вестницей будь мне.
Пусть он брань оставит немедленно, пусть возвратится
Или в собор небожителей, или в священное море.
Если ж глаголы мои не восхощет исполнить, но презрит,—
Пусть он помыслит, и с сердцем своим и с умом совещаясь,
Может ли, как ни могущ он, меня в нападении встретить?
Думаю, что Посидàона я и могуществом высший,
Я и рожденьем старейший, а он не страшится единый
Равным считаться со мной, пред которым все боги трепещут».

Рек; покорилась ему ветроногая вестница неба;
Быстро от Иды-горы понеслась к Илиону святому.
Словно как снег из тучи, иль град холодный, обрушась,
Быстро летит, уносясь проясняющим воздух бореем,—
Так устремляяся, быстрая путь пролетела Ириса;
Стала и так провещала могущему Энносигèю:

«С вестью тебе, Посидон, колебатель земли черновласый,
Я нисхожу от эгида носителя Зевса Кронида.
Брань ты оставь немедленно, так он велит; возвратися
Или в собор небожителей, или в священное море.
Если ж глаголы его не восхощешь исполнить и презришь,
Он угрожает, что сам, и немедля, с тобою сразиться
Придет сюда; и советует он, чтобы ты уклонялся
Рук громовержущих: ведаешь, он и могуществом высший,
Он и рожденьем старейший; а ты, Посидон, не страшишься
Спорить о равенстве с тем, пред которым все боги трепещут».

Ей, негодующий сердцем, ответствовал царь Посидàон:
«Так, могуществен он; но слишком надменно вещает,
Ежели равного честью, меня, укротить он грозится!
Три нас родилося брата от древнего Крона и Реи:
Он — громодержец, и я, и Аид, преисподних владыка;
Натрое всё делено, и досталося каждому царство:
Жребий бросившим нам, в обладание вечное пало
Мне волношумное море, Аиду подземные мраки,
Зевсу досталось меж туч и эфира пространное небо;
Общею всем остается земля и Олимп многохолмный.
Нет, не хожу по уставам я Зевсовым; как он ни мощен,
С миром пусть остается на собственном третьем уделе;
Силою рук он меня, как ничтожного, пусть не страшает!
Дщерей своих и сынов для Зевса приличнее будет
Грозным глаголом обуздывать, коих на свет произвел он,
Кои уставам его покоряться должны поневоле!»

Вновь провещала ему ветроногая вестница Зевса:
«Сей ли ответ от тебя, колебатель земли черновласый,
Зевсу должна я поведать, ответ и суровый и страшный?
Или, быть может, смягчишь ты? Смягчимы сердца благородных.
Знаешь и то, что старейшим всегда и эриннии служат».

Ей ответствовал вновь колебатель земли Посидàон:
«Слово твое справедливо и мудро, Ириса-богиня!
Благо, когда возвеститель исполнен советов разумных.
Но, признаюсь, огорчение сильное душу объемлет,
Если угрозами гордыми он оскорблять начинает
Равного с ним и в правах, и судьбой одаренного равной.
Ныне, хотя негодующий, воле его уступаю;

Но объявляю, и в сердце моем сохраню я угрозу:
Если Кронион, мне вопреки и победной Афине,
Гермесу-богу, Гефесту-царю и владычице Гере,
Будет щадить Илион крепкостенный, когда не захочет
Града разрушить и дать знаменитой победы ахейцам,—
Пусть он знает, меж нами вражда бесконечная будет!»

Так произнес, и ахейскую рать Посидаон оставил,
В понт погрузился; о нем воздыхали ахейцы-герои.
И тогда к Аполлону воззвал громовержец Кронион:

«Ныне, возлюбленный Феб, к меднобронному Гектору шествуй.
Се, обымающий землю, земли колебатель могучий
В море отходит священное: грозного нашего гнева
Он избегает; услышали б грозную брань и другие,
Самые боги подземные, сущие около Крона!
. . . .[1]
Благо и мне и ему, что, и гневаясь, он уступает
Силам моим: не без пота б жестокого дело свершилось!
Но прими, Аполлон, бахромистый эгид мой в десницу
И, потрясающий им, устраши ты героев ахейских.
Сам между тем попекись, дальновержец, об Гекторе славном;
Храбрость его возвышай непрестанно, доколе данаи,
В бегстве пред ним, не придут к кораблям и зыбям Геллеспонта.
С оного времени сам я устрою и дело и слово,
Да немедля почиют от бранных трудов и данаи».

Так произнес он; и не был отцу Аполлон непокорен;
С Иды, шумной потоками, он устремился, как ястреб,
Быстрый ловец голубей, между хищных пернатых быстрейший.
В поле нашел стреловержец Приамова храброго сына;
Гектор сидел, не лежал, и уже, обновившийся в силах,
Окрест стоящих друзей узнавал; прекратилась одышка,
Пот перестал: восстанавливал Гектора промысл Кронида.
Близко представши, к нему провещал Аполлон-дальновержец:

«Гектор, Приамова отрасль! почто, от дружин удаленный,
Духом унылый сидишь? Или горесть тебя удручила?»

---

[1] Перевод стиха 226 в рукописи и издании 1829 года отсутствует.— *Ред.*

Дышащий томно, ему говорил шлемоблещущий Гектор:
«Кто ты, благий небожитель, ко мне обращающий слово?
Или еще не слыхал, что меня пред судами ахеян,
Их истреблявшего рать, поразил Теламонид могучий
Камнем в грудь и мою укротил кипящую храбрость?
Я уже думал, что мертвых и мрачное царство Аида
Ныне увижу; уже испускал я дыхание жизни».

Сыну Приамову паки вещал Аполлон-дальновержец:
«Гектор, дерзай! поборник могучий Зевсом Кронидом
С Иды высокой тебе на покров и защиту ниспослан,
Я, Аполлон златомечный, бессмертный, который и прежде
Сильной рукой защищал и тебя и высокую Трою.
Шествуй к полкам,— и своим многочисленным конникам храбрым
Всем повели к кораблям устремить их коней быстроногих.
Я перед ними пойду, и сам для коней илионских
Путь уравняю, и в бег обращу героев ахейских».

Рек, и ужасную силу вдохнул предводителю воинств:
Словно конь застоялый, ячменем раскормленный в яслях,
Привязь расторгнув, летит и копытами поле копает;
Пламенный, плавать обыклый в реке быстрольющейся, пышет,
Голову, гордый, высоко несет; вкруг рамен его мощных
Грива играет; гордится он сам красотой благородной;
Быстро стопы его мчат к кобылицам и паствам знакомым,—
Гектор таков, с быстротою такой оборачивал ноги,
Бога услышавши глас; возбуждал он на бой конеборцев.—
Словно рогатую лань или дикую козу поднявши,
Гонят упорно горячие псы и ловцы-поселяне;
Но высокий утес и густая тенистая роща
Зверя спасают: его изловить им не сужено роком;
Криком меж тем пробужденный, является лев густобрадый
Им на пути и толпу, распыхавшуюсь, в бег обращает,—
Так аргивяне дотоле толпой неотступные гнали
Трои сынов, и мечами и копьями в тыл поражая;
Но лишь увидели Гектора, быстро идущего к рати,
Дрогнули все, и у каждого в ноги отважность упала.

Их Фоа̀с ободрял, благородный сын Андремо̀нов,
Муж этолийский знатнейший, искусный в бою стрелобойном,
Храбрый и в стойком; его и в собраньях мужей побеждали

Редкие, если при нем в красноречии спорила юность.
Он, распаляемый ревностью, так говорил меж ахеян:

«Боги! ужасное чудо моим представляется взорам!
Гектор воскрес! от ужасной смерти избегнувши, паки
Гектор пред нами! А мы уповали, что гордый троянец
Душу предаст под рукой Теламонова сына Аякса.
Верно, могущий бессмертный опять сохранил и восставил
Мужа, который уж многим колена сломил аргивянам,
Что и еще совершит, как предвижу я! Он не без воли
Зевса гремящего стал перед воинством, пышущий боем.
Други, совет предложу я, и все мы ему покоримся.
Ратной народной толпе повелим к кораблям удалиться;
Мы же, сколько ни есть нас, храбрейшими в рати слывущих,
Противостанем: быть может, его остановим мы, в встречу
Копья уставивши; он, я надеюсь, как ни неистов,
Сердцем своим содрогнется ворваться в дружину героев».

Так говорил; и, внимательно слушая, все покорились.
Быстро Аяксы могучие, царь Девкали́д-копьеносец,
Тевкр, Мерион нестрашимый и Мѐгес, Арею подобный,
Строили битву, созвав благородных героев ахейских
Против троян и великого Гектора; тою порою
Сзади народа толпа к кораблям отступала.— Трояне
Прежде напали толпой; предводил, широко выступая,
Гектор-герой; а пред Гектором шествовал Феб-небожитель,
Перси одеявший тучей, несущий эгид велелепный,
Бурный, косматый, ужасный, который художник бессмертный
Зевсу Крониду Гефест даровал, человекам на ужас.
С сим он эгидом в деснице предшествовал ратям троянским.

Их нажидали ахейцы, сомкнувшися; разом раздался
Яростный крик от обеих ратей; с тетив заскакали
Быстрые стрелы; и копья, из дерзостных рук полетевши,
Многие в тело вонзились воинственных юношей красных,
Многие, среди пути, не отведав цветущего тела,
В землю вонзяся, дрожали, алкая насытиться телом.

Долго, доколе эгид Аполлон держал неподвижно,
Стрелы равно между воинств летали, и падали вои;
Но едва аргивянам в лицо он воззревши, эгидом

Бурным потряс и воскликнул и звучно и грозно,— смутились
Души в их персях, забыли аргивцы кипящую храбрость.
Словно как стадо волов иль овец великую кучу
Хищные звери в глубокую мрачную ночь рассыпают,
Если находят незапные, в час, как отсутствует пастырь,—
Так аргивяне рассыпались, слабые; Феб на сердца их
Ужас навел, посылая троянам и Гектору славу.

Тут ратоборец сражал ратоборца в рассеянной битве.
Гектор могучий и Стихия свергнул и Аркезилàя,
Стихия, войск предводителя меднодоспешных беотян,
Аркезилàя, верного друга вождя Менесфèя.
Но Энея оружием Йяс повержен и Мèдон;
Мèдон, сын незаконный владыки мужей Оилèя,
Был Оилида Аякса младший брат; но в Филаке
Он обитал, удалясь от отчизны, как мужа убийца,
Мачехи брата убив, Эриопы, жены Оилея;
Йяс же был предводитель воинственных духом афинян,
Сыном Сфèла от всех называвшийся, Буколиòна.
Полидамàс поразил Мекистèя, Полит же Эхия
В первом ряду, а Клония сразил благородный Агèнор;
Дейоха тут же Парис, убегавшего между передних,
С тыла в плечо поразил и насквозь оружие выгнал.

Тою порой, как они обнажали убитых, данаи,
В ров и на колья его опрокинувшись, в страшном расстройстве
Полем бежали везде и за вал укрывались неволей.
Гектор же голосом звучным приказывал ратям троянским
Прямо напасть на суда, а корысти кровавые бросить:

«Если ж кого-либо я от судов удаленным замечу,
Там же ему уготовлю и смерть! и несчастного, верно,
Мертвое тело ни братья, ни сестры огня не сподобят,
Но троянские псы растерзают его перед градом!»

Рек, и, бичом по хребтам поражая коней, полетел он,
Звучно к троянам крича по рядам; и они, испуская
Страшные вопли, за ним устремили коней колесничных
С громом ужасным; и Феб Аполлон впереди перед ними,
Быстро окопа глубокого берег стопами рассыпав,

Весь в середину обрушил и путь умостил он троянам,
Длинный и столько широкий, как брошенный дрот пролетает,
Если могучесть свою человек испытующий бросит.
Там устремились пергамлян фаланги, и Феб перед ними,
Дивным эгидом сияя; рассыпал он стену данаев
Так же легко, как играющий отрок песок возле моря,
Если когда из песку он детскую сделав забаву,
Снова ее рукой и ногой рассыпает, резвяся.
Так, Аполлон дальномечущий, ты и великий и тяжкий
Труд рассыпал ахеян и предал их бледному бегству.

Возле судов наконец удержались они, собираясь.
Там, ободряя друг друга и руки горѐ воздевая,
Каждый богов-небожителей всех умолял громогласно.
Нестор же старец особенно, страж аргивян неусыпный,
Зевса молил, воздевающий длани ко звездному небу:

«Если когда-либо кто средь цветущей Геллады, Кронион!
Тучные бедра тебе от тельца иль овна вознжигая,
В дом возвратиться молился, и ты преклонился к моленью,—
Вспомни о том, и погибели день отврати, олимпиец!
Гордым троянам не дай совершенно осилить ахеян!»

Так он молился; и грянул с небес промыслитель Кронион,
Внявший молению Нестора, благочестивого старца.
Но трояне, в их пользу приявшие знаменье Зевса,
Жарче на рати ахейские бросились, жадные боя.
Словно как вал огромный широкоразливного моря
Выше боков корабля подымается, двинутый страшной
Силою бури, которая волны на волны вздымает,—
Так устремились трояне с неистовым воплем за стену;
Коней пригнали туда ж и у корм в рукопашную битву
С копьями острыми стали; они с высоты колесниц их,
Те ж с высоты кораблей своих черных, на оных держася,
Бились шестами огромными, кои в судах сохранялись
К бою морскому, сплоченные, сверху набитые медью.

Храбрый Патрокл, доколе ахейцы с троянскою силой
Бились еще пред стеною, вдали от судов мореходных,
В куще сидел у высокого духом вождя Эврипила,

Душу ему услаждал разговором и тяжкую рану
Вкруг осыпал врачевством, утоляющим черные боли.
Но как скоро за стену увидел стремящихся бурно
Гордых троян, а данаев услышал и крик и тревогу,
Громко воскликнул Патрокл и руками по бедрам могучим
С грусти ударил себя и печальный вещал Эврипилу:

«Нет, Эврипил, не могу я с тобою, хотя б и желал ты,
Долее здесь оставаться; ужасная битва восстала!
Пусть благородный сподвижник тебя утешает; а сам я
К другу Пелиду спешу, да его преклоню ополчиться.
Может быть — как предузнать? — убедить Ахиллесово сердце
Бог мне поможет: сильно всегда убеждение друга».

Так говорящего, ноги его уносили.— Ахейцы
Против троян нападающих крепко стояли, но тщетно
Их, и меньших числом, отразить от судов напрягались.
Тщетно и Трои сыны напрягались, ахеян фаланги
Боем расторгнув, ворваться в ряды кораблей их и сеней.
Словно правильный снур корабельное древо ровняет
Зодчего умного в длани, который художества мудрость
Всю хорошо разумеет, воспитанник мудрой Афины,—
Так между ними борьба и сражение ровные были.
Те пред одними, а те пред другими судами сражались.

Гектор-герой на Аякса, высокого славою, вышел.
Оба они за единый корабль подвизались, и тщетно
Сей защитителя сбить и корабль запалить домогался,
Тот отразить сопостата, которого демон приблизил.
Тут Клитейда Калѐтора свергнул Аякс знаменитый,
Огнь на корабль заносящего, пикою в перси ударив;
С шумом он грянулся в прах, из руки его выпала светочь.
Гектор, как скоро увидел родного ему Клитейда,
Замертво павшего в прах перед черной кормой корабельной,
Звучно воскликнул, троян и ликиян на бой поощряя:

«Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукоборцы дарданцы!
Стойте, страшитеся в сей тесноте отступать из сраженья;
Лучше отстойте вы Клития-сына, да враг не похитит
Славных оружий с убитого в самом стану корабельном».

Так произнес, и в Аякса направил сияющий дротик,
Но попал не в него, а в клеврета его, Ликофрòна,
Мàстора ветвь, киферèйца, в Аяксовом жившего доме
С оной поры, как убийство свершил у кифèрян священных;
Гектор его, близ Аякса стоящего, в череп над ухом
Дротом ударил убийственным; в прах он, с кормы корабельной
Рухнувшись, навзничь пал, и его сокрушилася крепость.
Храбрый Аякс ужаснулся и к брату младому воскликнул:

«Тевкр, потеряли мы, брат мой, нашего верного друга!
Пал Масторѝд, которого мы, из Киферы пришельца,
В нашем дому, как любезных родителей, все почитали.
Пал он от Гектора! Где же твои смертоносные стрелы?
Где твой лук сокрушительный, данный тебе Аполлоном?»

Рек он; и тот его понял и, прянувши, стал близ героя
С луком разрывчатым в верной руке и с колчаном на раме,
Полным пернатых; и, быстро он их на троян посылая,
Клѝта стрелой поразил, Пизенòрову славную отрасль,
Друга Панфòева сына, почтенного Полидамàса.
Был он возница его, и тогда над конями трудился,
Правил туда, где в сражении гуще клубились фаланги;
Гектору тем и троянам желал угодить он, но быстро
Гибель пришла, и никто из друзей от нее не избавил:
В выю возатаю с тыла стрела смертоносная пала;
На землю̀ грянулся он, и обратно ударились кони,
Праздной гремя колесницею. Скоро то сведал владыка
Полидамàс, и коням убегающим вышел навстречу.
Их Астиною-слуге, Протàона сыну, вверяя,
Крепко наказывал близко держать, на виду непрестанно;
Сам, устремившись обратно, с передними стал на сраженье.

Тевкр же другую стрелу против Гектора-мужеубийцы
Вынул; и, верно, принудил бы бой перервать пред судами,
Верно, стрелой у героя победного душу исторг бы;
Но не укрылся от промысла Зевсова: Зевс Приамида
Сам охранял и у Тевкра пылавшего славу похитил:
Тевкр налящал, как на луке его превосходном крутую
Бог сокрушил тетиву, и у Тевкра умчалася мимо
Тяжкая медью стрела, и лук из руки его выпал.
Тевкр ужаснулся и к брату Аяксу немедля воскликнул:

«Горе! какой-то демон ратные замыслы наши
Все разрушает; и лук у меня он исторгнул из длани
И расторг тетиву мне, которую свежую ныне
Я на лук навязал, чтобы вынесла частые стрелы».

Тевкру ответствовал быстро Аякс Теламонид великий:
«Друг, оставь ты в покое и лук и крылатые стрелы,
Если их бог рассыпает, ахеянам храбрым враждебный.
С пикой огромной в руке и с щитом на плече, Теламонид,
Ратуй троян и дружины свои возбуждай к ратоборству.
Пусть нелегко, и победой гордяся, возьмут супостаты
Наши суда доброснастные; вспомним ахейскую храбрость!»

Так говорил он; и Тевкр под кущею лук свой оставил;
Щит на плечо многобляшистый, четыреслойный набросил,
Шлем на главу удалую красивый надел, осененный
Гривою конскою; гребень ужасный над ним развевался.
Взяв наконец копие, повершенное острою медью,
Вышел назад и, примчася стремительно, стал близ Аякса.

Гектор едва усмотрел сокрушенными Тевкровы стрелы,
Звучно вскричал, и троян и ликиян еще возбуждая:

«Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукоборцы дарданцы!
Будьте мужами, о други; воспомните рьяную храбрость
Здесь, пред судами ахеян! Своими очами я видел,
Славного воина стрелы и лук уничтожены богом!
Видимо ясно сынам человеков могущество бога,
Если кого олимпиец высокою славой возносит,
Или кого унижает, защиты своей не сподобив:
Так как теперь унижает ахеян, а нас возвышает.
В бой на суда! наступите всем воинством! Кто между вами,
Ранен мечом иль стрелой, роковою постигнется смертью,
Тот умирай! Не бесславно ему, защищая отчизну,
Здесь умереть; но останутся живы супруга и дети,
Дом и наследие целы останутся, если ахейцы
В черных судах унесутся к любезным отечества землям».

Так говоря, возбудил он и силу и мужество в каждом.
Сын Теламонов с другой стороны восклицал пред дружиной:

«Стыд вам, ахеяне! Лучше решитеся или погибнуть,
Или спастись, но беду отразить от судов мореходных!
Чаете ль вы, как возьмет корабли шлемоблещущий Гектор,
Каждый на землю родную пешком возвратится из Трои?
Слышите, с криком каким ополчения все возбуждает
Гектор, который сожечь корабли разъяренный стремится?
Верно, сии он толпы не на пляску зовет, а на битву!
Нам не осталось ни думы другой, ни решимости лучшей,
Как смесить с сопостатами руки и мужество наше!
Лучше мгновенной решимостью выкупить жизнь иль погибнуть,
Нежели долгие дни изнуряться жестокою бранью,
Так бесполезно средь стана, стесняясь народом слабейшим!»

Так говоря, возбудил он и силу и мужество ратных.
Гектор же мощный Схедѝя сразил, Перимѐдова сына,
Воинств фокейских вождя, но Аякс Лаодàмаса свергнул,
Пеших бойцов предводителя, славную ветвь Антенора;
Полидамàс же корысти добыл с килленейского Ота,
Друга Филѝдова, воинств вождя крепкодушных эпеян.
Мѐгес Филѝд налетел на убийцу; но в сторону прянул
Полидамàс; не уметил в него, не судил дальновержец
Сыну Панфоеву славному пасть меж рядов первоборных.
Крезма Филѝд угодил сокрушительной пикою в перси;
С шумом он пал, и с рамен совлекал победитель доспехи.
Вдруг на Филѝда нагрянул Долòпс Лампетѝд, илионский
Славный копейщик, которого сын Лаомѐдона доблий,
Ламп велемудрый родил, знаменитого доблестью бранной.
Он у Филѝда, нагрянувший близко, щита середину
Пикой пробил, но его защитил крепкосозданный панцырь,
Латами сомкнутый плотно; Филей в давнобытное время
Вывез доспех сей из града Эфиры, от вод Селлеиса,
Коим, как друга, его одарил там Эвфет скиптродержец,
В битвах кровавых носить от враждебных мужей обороной;
Он-то и сына его защитил от погибели грозной.
Мѐгес же Лампова сына по медному шлему под гребнем,
В самую выпуклость верхнюю, пикою острой ударил,
Гривистый гребень с основы сорвал, и на землю он целый
Пал и простерся во прахе, блистающий пурпуром свежим.
Но между тем, как сражался он пламенно, чая победы,
Сильный поборник явился ему, Менелай благородный;
С пикой, невидимый, стал в стороне, поразил Лампетѝда

С тыла в плечо; и сквозь перси пробилося бурное жало,
Рея вперед; и во прах Лампетид опрокинулся навзничь.
Прянули оба на павшего, медную, славную броню
С плеч совлекать. Но Гектор вскричал на Долопсовых ближних,
Их порицая, и более всех Гикетаона сына
Он укорял, Меланиппа, который прежде в Перкоте
Пас круторогих волов, до нашествия рати враждебной;
Но как скоро ахейцы в судах многовеслых приплыли,
Он прилетел в Илион и в дружинах троян отличался,
Жил у Приама и чествован был, как и сын, Дарданидом.
Гектор его укорял и к нему говорил негодуя:

«Сын Гикетаонов! Так ли оставим? ужели нисколько
Сердце твое не болит за сраженного милого брата?
Или не видишь ты, как над доспехом Долопса трудятся?
Следуй за мною! не время с аргивцами издали биться;
Должно нам всех истребить их, покуда они с оснований
Трои высокой не свергли и граждан ее не избили!»

Рек, и понесся вперед, и муж с ним, богу подобный.
Аргоса воев Аякс возбуждал, Теламонид великий:
«Други, мужайтесь! Наполните сердце стыдом благородным!
Воина воин стыдися на поприще подвигов ратных!
Воинов, знающих стыд, избавляется боле, чем гибнет;
Но беглецы не находят ни славы себе, ни избавы!»

Так возбуждал, но и сами они защищаться пылали;
В сердце сложили героя слова, и суда оградили
Медной стеной; но троян против них устремлял громодержец.
Храбрый Атрид Менелай возбуждал Антилоха младого:

«Нет, Антилох, никого ни моложе тебя из ахеян,
Ни быстрее для бега, ни силами крепче для боя.
Если бы, прянув вперед, поразил ты какого троянца!»

Так произнес, и назад отступил, поощрив Антилоха.
Вылетел он из передних рядов и, кругом обозревши,
Бросил блистательный дрот; взволновались трояне, увидя
Мощный удар. И оружие он не напрасное ринул:
Ветвь Гикетаона, смелого сердцем вождя Меланиппа,
Гордо идущего в битву, в широкие перси уметил;

С шумом он грянулся в прах, и взгремели на падшем доспехи.
Несторов сын на него устремился, как пес на еленя
Скачет пронзенного, коего ловчий, едва он из лога
Прянул, стрелой поразил и подсек ему резвые ноги,—
Так на тебя, Меланипп, наскочил Антилох-бранолюбец,
Алча доспехов твоих. Но от Гектора он не укрылся;
Гектор навстречу предстал, пролетев сквозь кипящую сечу.
Несторов сын не остался, как ни был горяч в ратоборстве;
С поля сбежал он, зверю подобный, свершившему пакость,
Зверю, который, пса или пастыря стада сгубивши,
В лес убегает, покуда селян не собралась громада,—
Так убежал Несторид; на него и трояне и Гектор,
Страшные крики подняв, задождили свистящие стрелы.
Стал он лицом к сопротивным, достигнувши дружеских сонмов.

Тою порою трояне, как львы, пожиратели крови,
Бурно к судам устремлялись и Зевса судьбы совершали;
Он непрестанно их мужество высил, а воев ахейских
Дух поражал и победы лишал их, троян поощряя;
Гектору сердце его даровать, Приамиду желало
Грозную славу, да он на суда пожирающий пламень
Бурный повергнет, и так роковое Фетиды моленье
Всё совершится; единого ждал промыслитель Кронион —
Первого судна горящего зарево с неба увидеть.
С оного времени Зевс от судов невозвратное бегство
Трои сынам присуждал, а данаям победную славу.
Так помышляющий, Гектора в бой на суда устремлял он,
Страшно и собственным влекшегось духом; свирепствовал Гектор,
Словно Арей, сотрясатель копья, или огнь-истребитель,
Если меж гор он свирепствует, в чащах глубокого леса,—
Пена клубилась из уст, под бровями угрюмыми очи
Грозным светились огнем; над главой, воздымаяся гребнем,
Страшно качался шелом у летавшего бурей по битве
Гектора! Сам бо герою был покровителем с неба
Зевс и его одного возвышал над толпой человеков
Честью и славою: ибо недолго жить оставалось
Сыну Приама; уже на него Тритогена Паллада
День роковой устремляла с победною силой Пелида.
Гектор пылал разорвать у данаев ряды и пытался
Всюду, где видел и гуще толпы, и оружия лучше;
Но разорвать их нигде он не мог, беспредельно пылавший:

В встречу данаи, сомкнувшися башней, стояли, как камень
Страшно высокий, великий, который у пенного моря
Гордо встречает и буйные вихрей свистящих набеги,
И надменные волны, которые противу хлещут,—
Так аргивяне встречали троян неподвижно, бесстрашно.
Он же, сияющий окрест огнем, налетел на фалангу;
Грозен упал, как волна на бегущий корабль упадает,
Мощная, бурей из туч возращенная; весь потрясенный,
Пеной корабль покрывается; шумное бури дыханье
В парус гремит, и трепещут сердца корабельщиков бледных,
Страхом объятых; они из-под смерти едва уплывают,—
Так сердца трепетали в груди благородных данаев.
Он же, как лев-истребитель, на юниц рогатых нашедший,
Коих по влажному лугу при блате обширном пасутся
Тысячи; пастырь при них, но юный, еще не умеет
С зверем сразиться, дабы защитить круторогую краву:
Пастырь неопытный, около крав то передних, то задних
Мечется он беспрестанно, а хищник, в средину их бросясь,
Режет быка, и все разбегаются,— так аргивяне,
Свыше смятенные, в бег перед Гектора силой и Зевса
Все обратилися; он поразил одного Перифѐта,
Храброго сына Копрѐя, того, что, служа Эврисфѐю,
Вестником часто ходил от тирана к Гераклу-герою,—
Сей-то отец ничтожный родил знаменитого сына,
Доблестей полного: легкостью в беге, искусством в сраженьях,
В думах умом он блистал между всех благородных микенян;
Он Приамиду-герою высокую славу доставил:
В бег обращаяся, задом, незапно на щит он споткнулся,
Им же державимый, огромный, до ног оборона от копий;
Он, на щит свой споткнувшися, навзничь упал, и ужасно
Грянул шелом вкруг висков при падении сильного мужа.
Гектор, увидевши то, прилетел и, став перед падшим,
В перси копьем поразил, и пред сонмом друзей Перифѐту
Душу исторгнул; они не могли, и печальные, другу
Помощи дать: ужасалися Гектора-мужеубийцы.
К ближним судам отступили; суда, извлеченные прежде,
Их оградили передние; Гектор и там утеснял их.
Нуждой ахеян сыны отступить от судов и передних,
Нуждой заставлены горькой; они перед кущами стали,
Вместе столпясь, рассеваться не мысля; удерживал вместе
Стыд их и страх; непрестанно они ободряли друг друга

Криками; Нестор особенно, страж престарелый ахеян,
Каждого мужа молил, именами родных заклиная:

«Будьте мужами, о други, почувствуйте стыд, аргивяне,
Стыд перед всеми народами! Вспомните сердцу любезных
Жен и детей, и стяжанья свои, и родителей милых,
Вспомните все, у которых родные живы и мертвы!
Именем их и отсутственных я вас молю, аргивяне,
Стойте крепко противу врагов, не бросайтеся в бегство!»

Так говорил, и возжег он и крепость и мужество в каждом.
Облак у них пред очами Афина рассеяла мрачный,
Свыше ниспосланный,— свет воссиял им, открылось пространство
Всё, и от черных судов и от поля погибельной битвы;
Гектор открылся ужасный, и все илионян дружины,
Сколько за ним, позади, не сражавшихся праздно стояло
И впереди, пред судами, неистовым билося боем.

Сердцу Аякса великого более нѐлюбо стало
Быть в тесноте, в какой оставались другие ахейцы;
Он по помостам судов устремился, широко шагая,
Шест корабельный в могучих руках потрясая огромный,
Крепко в составах сколоченный, двадцать два локтя длиною.
Словно как муж, ездок на конях необычно искусный,
Лучших из множества коней избрав четырех и связав их,
Правит и с поля далекого к граду великому гонит
Битой дорогой; толпою и мужи и робкие жены
Смотрят дивуясь, а он беспрестанно и твердо и верно
Скачет, садяся с коня на коня, на бегу их ужасном,—
Так Теламонид Аякс с корабля на корабль по помостам [1]
Прядал, широко шагая и крик подымая до неба;
Криком ужасным герой возбуждал беспрерывно данаев
Стан и суда боронить. Но в оное время и Гектор
Мощный уже не в толпе крепкобронных троян оставался.
Словно как бурный орел на стада ударяет пернатых,
Птиц перелетных, пасущихся мирно по брегу речному,

---

[1] Древние корабли не могли иметь палуб, ибо посредине их садились гребцы; но только у кормы и у носа устроены были помосты, как в наших судах, называемых *водовиками*.

Диких гусей, журавлей, иль стада лебедей долговыйных,—
Так Приамид нападал на данайский корабль черноносый,
Бурен кидаясь: его позади устремлял громовержец
Мышцей высокой, и с ним воеводою воинство двигал.

Снова у быстрых судов запылала свирепая битва.
Можно б сказать, что еще не усталые, свежие рати
В бой соступилися,— так горячо ратоборцы сражались.
Духом таким управлялися воинства: мужи-ахейцы
Боле не мнили избыть от беды и решились погибнуть;
Каждый, напротив, троянин, исполненный бодрости, чаял:
Ныне сожжем корабли и побьем героев ахейских.
Духом таким наполняясь, одни на других напирали.

Гектор могучей рукой за корму корабля ухватился;
Легкий, прекрасный корабль сей отважного Протезилàя
В Трою принес, но в отечество вновь не повез ратоводца:
Окрест сего корабля и ахейцы смесясь и трояне,
В свалке ужасной сражалися врукопашь; боле не ждали
Издали стрел поражающих, или метательных копий:
Друг против друга стоящие, равным горящие духом,
Бились секирами тяжкими, взад и вперед с лезвиями,
Бились мечами и копьями, острыми сверху и снизу.
Множество пышных ножей, с рукоятками черными, наземь
Падало окрест, летя то из рук, то с рамен ратоборцев,
Яростно бившихся; черною кровью земля залилася.
Гектор, корабль захватив, пред кормою стоял неотступен;
Хвост кормовой [1] он руками держал и кричал к ополченьям:

«Светочей, светочей дайте! и с криком сомкнувшися гряньте!
День, награждающий всё, даровал нам Зевес! присудил нам
Взять корабли, что, под Трою приплыв против воли бессмертных,
Столько нам бед сотворили по робости старцев советных.
Старцы, когда я хотел воевать корабли супостатов,
В граде держали меня и троянский народ отвлекали.
Но, если в оные дни омрачал громовержец Кронион
Наш рассудок, то ныне он сам и зовет и ведет нас!»

---

[1] Ἄφλαστον, загнутая вверх, как бы рыбий хвост, высота кормы корабельной, род ее украшения. Кормами были обращены к Трое корабли ахейские.

Рек; и они на данаев ударили с бо̀льшим свирепством.
Сын Теламонов не выстоял: стрелы его засыпа̀ли;
Тихо герой отступал, устрашась неизбежной тут смерти;
Вспять до скамьи [1] семистопной сошел с кормового помоста.
Там он стоял, озираясь, и длинным копьем беспрерывно
Всех опрокидывал, кто наносил пожирающий пламень,
И беспрерывно ужасно кричал, убеждая данаев:

«Други, данаи-герои, бесстрашные слуги Арея!
Будьте мужами, о други, вспомните бранную доблесть!
Может быть, мыслите вы, что поборники есть позади нам?
Или стена боевая, которая нас оборонит?
Нет никакого вблизи укрепленного башнями града,
Где защитились бы мы, замененные свежею силой.
Мы на троянских полях, перед войском троян твердобронных,
К морю прибиты стоим, далеко̀ от отчизны любезной!
Наше спасение в наших руках, а не в слабости духа!»

Рек, и свирепый кругом нападал с длиннотенною пикой.
Каждого, кто из троян к корабельным кормам ни бросался
С пламенем бурным в руках, возбуждаемый Гектора криком,
Каждого он прободал, принимая огромною пикой;
Так их двенадцать из собственных рук заколол пред судами.

---

[1] Эта скамья, или ступень, не лавка гребцов, которая у Гомера почти всегда называется Ζυγός, но она, однако, могла служить и скамьею для сиденья и ступенью для схода с помоста корабельного, в чем убеждает и самый вид корабля. Смот. Piranesi etc, Vasi etc, in pl. 1763. Tom. II. plan. 105; и Le pittur. antich. d'Ercolan. etc. Tom. II. Tav. XIV.

ПЕСНЬ XVI

СОДЕРЖАНИЕ

Патрокл возвращается к Ахиллесу и, спрошенный, о чем проливает слезы, извещает его об крайности, в которой находится всё воинство ахейское; упрекает героя в жестокости и наконец умоляет, да позволит ему вооружиться своим оружием и вывесть мирмидонян на помощь ахеянам, ст. 1—47. Ахиллес соглашается, но приказывает, чтобы Патрокл, отразив троян от кораблей, не подвергался большей опасности и немедленно возвратился в стан, 48—100. Между тем Аякс, утомленный боем, не может более противиться нападению врагов, отступает, и трояне зажигают корабль, 101—124. Ахиллес, увидев пламень, приказывает Патроклу скорее вооружиться, сам строит свое воинство, воспламеняет его речью, заветным кубком творит Зевсу возлияние и моление за друга Патрокла, отпускает его и смотрит на отход воинства, 125—256. Трояне, устрашенные видом вождя мирмидонского, волнуются; он отражает их от кораблей и прекращает пожар, 257—302. Но трояне вновь одушевляются и противуборствуют; возгорается жестокая битва; с обеих сторон поражены многие герои; трояне бегут, и Патрокл, прогнав их за стену, в открытое поле, там совершенно расстраивает и производит ужасное поражение, 303—418. Наконец выходит противу него Сарпедон, сын Зевса, которого Гера убедила, да бой героев предоставит на произвол судьбы; и Патрокл умерщвляет его, 419—490. Главк, избранный мстителем от умирающего Сарпедона, соединяется с Гектором и другими вождями; Патрокл — с Аяксами; кровавая, продолжительная битва восстает за тело Сарпедона, вокруг которого падают многие герои; сам Гектор наконец бежит, и ахеяне обнажают Сарпедона, 491—655. Тело героя, по повелению Зевса, Аполлон похищает из битвы, а Сон и Смерть переносят в Ликию, 656—683. Патрокл, гордый успехом, преследует врагов до самого города; несколько раз бросается на стену, мечтая овладеть городом; но Аполлон устрашает его, 684—711. Между тем Гектору, вновь напавшему на ахеян, он храбро сопротивляется, и убивает возницу его Кебриона, 712—782; упоенный новыми победами, бросается в средину воинства троянского, поражает многих; но против него наконец выходит Аполлон; обессиливает и обезоруживает героя, 783—805; Эвфорб ранит его, а Гектор, отступающего к своим, убивает, и преследует возницу Автомедона, который на конях Ахиллесовых убегает, 806—867.

ПЕСНЬ XVI

Так непреклонно они за корабль крепкоснастный сражались.
Тою порою Патрокл предстал Ахиллесу-герою,
Слезы горячие льющий, как горный поток черноводный
Мрачные воды свои проливает с утеса крутого.
Смотря на друга, исполнился жалости пастырь народа
И к нему возгласил, устремляя крылатые речи:

«Что ты расплакался, друг Менетид, как дева-младенец,
Если, за матерью бегая, на руки просится с плачем,
Ловит одежду ее, уходящую за полу держит,
Плачет и в очи глядит, чтобы на руки подняла матерь,—
Ты как она, Менетид, проливаешь обильные слезы.
Может быть, что мирмидонцам иль мне объявить ты имеешь?
Может быть, весть о домашних из Фтии один ты прослышал?
Здравствует, сказуют, Акторов сын, отец твой Менетий;
Здравствует также и мой, Пелей Эакид в мирмидонах.
О! плачевна была б нам того иль другого кончина!
Может быть, ты об ахеянах тужишь, что так злополучно
Подле своих кораблей за неправду свою погибают?
Молви, в душе не скрывай ничего, чтобы оба мы знали».

Тяжко вздохнувши, ответствовал так Менетид-конеборец:
«О Пелейон, браноносец храбрейший ахейский, прости мне
Слезы мои! Величайшее горе постигло ахеян!
Все между ими, которые в рати храбрейшими слыли,
В стане лежат, иль в стрельбе, или в битве пронзенные медью.
Ранен стрелою Тидид Диомед, воеватель могучий;

Врукопашь ранен копьем герой Одиссей, Агамѐмнон,
Ранен пернатой в бедро и блистательный сын Эвемонов.
Наши врачи, богатейшие злаками, вкруг их трудятся,
Раны врачуя. Но ты, Ахиллес, один непреклонен!
О, да не знаю я гнева такого, как ты сохраняешь,
Храбрый на бедствие! Кто же в тебе обретет заступленье,
Если не хочешь ахеян спасти от напасти позорной?
Немилосердый! Родитель твой был не Пелей благодушный,
Мать не Фетида; но синее море, угрюмые скалы
Миру тебя породили, сурового сердцем, как сами!
Если тебя устрашает какой-либо грозный оракул,
Если тебе от Кронида поведала что-либо матерь,
В бой отпусти ты меня и вверь мне своих мирмидонян:
Может быть, с помощью их для данаев светом я буду.
Дай рамена облачить мне твоим оружием славным:
Может быть, в брани меня за тебя принимая, трояне
Бой прекратят; а данайские воины в поле отдòхнут,
Боем уже изнуренные; отдых в сражениях краток.
Мы, ополчение свежее, рать, истомленную боем,
К граду легко отразим от судов и от сеней ахейских».

Так он просил, неразумный! Увы, не предвидел, что будет
Сам для себя он выпрашивать страшную смерть и погибель!
Мрачно вздохнув, провещает к нему Ахиллес быстроногий:

«Сын благородный Менетия, что мне, Патрокл, говоришь ты?
Мало меня беспокоит оракул, который я слышал;
Мне ничего не внушала почтенная матерь от Зевса.
Но жестокий мне гнев наполняет и сердце и душу,
Если я вижу, что равного равный хочет ограбить,
Хочет награды лишить, потому лишь, что властью он выше!
Гнев мой жесток: после бедствий, какие в боях претерпел я,
Деву, которую мне в награжденье избрали ахейцы,
Ту, что копьем приобрел я, разрушивши град крепкостенный,
Деву ту снова из рук у меня самовластно исторгнул
Царь Агамѐмнон, как будто бы был я скиталец бесчестный!
Но, что случилось — оставим! И было бы мне неприлично
Гнев бесконечный в сердце питать; но давно объявил я:
Гнев мой не прежде смягчу, как уже перед собственным станом,
Здесь, пред судами моими раздастся тревога и битва.—
Ты, соглашаюсь, моим облекися оружием славным,

Будь воеводой моих мирмидонян, пылающих боем:
Вижу, кругом уже черная туча троян обложила
Стан корабельный, ужасная; вижу, прибитые к морю
Держатся только на бреге, на узком, последнем пространстве
Рати ахеян; на них же обрушилась целая Троя,
Дерзкая: в поле не видят чела Ахиллесова шлема,
В очи светящего! Скоро б они полевые овраги
В бегстве наполнили трупами, если б ко мне Агамѐмнон
Был справедлив; но теперь, дерзновенные, стан осаждают!
Ибо уже не свирепствует в мощной руке Диомеда
Бурная пика его, чтобы смерть отражать от данаев;
Боле не слышится голос из уст ненавистных Атрида
В ратях данайских; но голос лишь Гектора-людоубийцы
Звучный гремит между воинств троянских, и криком трояне
Всю наполняют долину, в бою побеждая данаев!
Так да не будет, Патрокл! Отрази от судов истребленье;
Храбро ударь, да огнем не сожгут у нас сопостаты
Наших судов и желанного нас не лишат возвращенья.
Но повинуйся, тебе я завет полагаю на сердце,
Чтобы меня ты и славой и честью великой возвысил
В сонме данаев. И так, чтоб данаи прекрасную деву
Отдали сами и множество пышных даров предложили,
Брань от судов отрази и назад, Менетид, возвратися!
Даже когда бы и славы добыть даровал громовержец,
Ты без меня, Менетид, не дерзай поражать совершенно
Храбрых троян, да и более чести моей не унизишь.
Радуясь мужеством духа и славой победного боя,
Трои сынов истребляй, но полков не веди к Илиону,
Чтоб от Олимпа противу тебя кто-нибудь из бессмертных
В брань за троян не предстал: Аполлон беспредельно их любит.
Вспять возвратися ко мне, кораблям даровавши спасенье;
Рати ж ахеян оставь на полях боевых истребляться.
Если б, о вечный Зевес, Аполлон и Афина Паллада,
Если б и Трои сыны и ахеяне, сколько ни есть их,
Все истребили друг друга, а мы лишь, избывшие смерти,
Мы бы одни разметали троянские гордые башни!»

Так меж собой говорили они. Между тем нападенья
Боле Аякс не выдержал: стрелы его удручали.
Зевсова мощь побеждала героя и храбрость дарданцев,
Быстро разивших; ужасный, кругом головы его светлый

Шлем, поражаемый, звон издавал; поражали всечасно
В шлемные выпуки медные; шуйца Аякса замлела,
Крепко дотоле державшая щит переметный; но с места
Мощного сбить не могли, принуждавшие тучею копий.
Часто и сильно дышал Теламонион; пот беспрерывный
Лился ручьями по всем его членам; не мог ни на миг он
Вольно вздохнуть: отовсюду беда за бедой восставала.

Ныне поведайте, музы, живущие в сенях Олимпа,
Как на суда аргивян упал истребительный пламень.
Гектор, нагрянувши, ѝзблизи ясенный дрот у Аякса
Тяжким ударил мечом, и у медяной трубки копейной
Ратовье махом рассек; бесполезно Аякс Теламонид
Взнес, потрясая, обрубленный дрот: далеко от Аякса
Острая медь отлетела и о̀ землю звукнула, павши.
Сын Теламонов познал по невольному трепету сердца
Дело богов, и, познав, что его все замыслы в брани
Зевс громоносный ничтожит, даруя троянам победу,
Он отступил; и троянцы немедленно бросили шумный
Огнь на корабль; с быстротой разлилося свирепое пламя.
Так запылала корма корабля. Ахиллес то увидел,
В гневе по бедрам ударил себя и вскричал к Менетѝду:

«О, поспеши, Патрокл, поспеши, конеборец мой храбрый!
Зрю я, уже на судах истребительный пламень бушует!
Если возьмут корабли, не останется нам и ухода.
Друг, вооружайся быстрее, а я соберу ополченья!»

Так произнес; и Патрокл вооружался блистающей медью.
И сперва положил он на быстрые ноги поножи
Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглезной;
После поспешно броню надевал на широкие перси,
Звездчатый, вкруг испещренный доспех Эакида-героя;
Сверху набросил на рамо ремень и меч среброгвоздный,
С медяным клинком; и щит перекинул огромный и крепкий;
Шлем на главу удалу̀ю сияющий пышно надвинул,
С конскою гривою; гребень ужасный над ним развевался.
Взял два крепкие дро̀та, какие споручнее были.
Не взял копья одного Ахиллеса-героя: тяжел был
Крепкий, огромный сей ясень; его никто из ахеян
Двигать не мог, и один Ахиллес легко потрясал им,

Ясенем сим пелионским, который отцу его Хѝрон
Ссек с высоты Пелиона, на гибель враждебным героям.
Коней же быстро впрягать Автомѐдону дал повеленье,
Чтимому им наиболее после Пелида-героя,
Верному более всех, чтоб выдерживать бранные грозы.
Сей Автомѐдон подвел под ярмо Ахиллесовых коней,
Ксанфа и Балия, быстрых, летающих с ветрами вместе.
Гарпия оных Подарга родила от Зѐфира-ветра,
Им посещенная в пастве, при бурных струях Океана.
В припряжь завел он коня, знаменитого бегом Педаса,
Коего добыл Пелид, разгромивши град Гетиона:
Смертный, с конями бессмертными он быстротою равнялся.

Тою порой Ахиллес, обходя мирмидонов по кущам,
Всех вооружал их оружием к бою. Подобно как волки,
Хищные звери, у коих в сердцах беспредельная дерзость,
Кои оленя рогатого, в дебри нагорной повергнув,
Зверски терзают; у всех обагровлены кровию пасти;
После, стаею целой, к источнику черному рыщут;
Там языками их гибкими мутную воду потока
Лочут, рыгая кровь поглощенную; в персях их бьется
Неукротимое сердце, у всех их раздуты утробы,—
В брань таковы мирмидонян вожди и строители ратей
Реяли окрест Патрокла, слуги Эакида-героя,
Боем пылая; в среде их стоял Ахиллес-бранолюбец,
Криком кругом возбуждая коней и мужей-щитоносцев.

В брань пятьдесят кораблей Эакид Ахиллес быстроногий,
Зевсов любимец, привел к Илиону; на каждом из оных
Ратных мужей пятьдесят человек при уключинах было.
Пять воевод он над ними поставил, которым и вверил
В войсках начальство, но сам он господствовал с властью державной.
Первым строем начальствовал пестродоспешный Менѐсфий,
Сперхия сын, реки пресловутой, от Зевса ниспадшей;
Тайно его Полидора, прекрасная дочерь Пелея,
С Сперхием бурным родила, жена, сочетавшаясь с богом;
Но, по молве, с Периѐридом Бором, который и браком
С нею сопрягся торжественно, выдав несметное вено.
Строй второй предводил ратоводец воинственный Эвдор,
Девой рожденный; его Полимѐла, прелестная в плясках
Фѝласа дочь, родила: пленился веселою девой

Гермес бессмертный, увидевший в хоре ее сладкогласном
Пляшущей в праздник Фебеи, богини ловитв златострелой;
В терем с нею взошел и таинственно с девой сопрягся
Гермес незлобный; и дева родила отличного сына,
Эвдора, быстрого в беге и воина храброго в битвах.
Вскоре, едва Илифия, помощная мукам родящих,
Сына на свет извела, и узрел он сияние солнца,
Актора мощного сын, Эхеклѐс благородный, супругой
В дом свой поял Полимѐлу, несметное выдавши вено;
Эвдора ж Филас в чертогах своих, благодетельный старец,
Сам воспитал и взрастил, полюбивши сердечно, как сына.
Третьему строю предшествовал храбрый Пизàндр-воевода,
Мѐмалов сын; ни один мирмидонец, как он, не искусен
Биться на копьях, кроме Ахиллесова друга Патрокла.
Строем четвертым начальствовал конник испытанный Феникс;
Пятым — герой Алкимѐдон, Лаѐркеев сын непорочный.
Всех их, вместе с вождями, Пелид быстроногий поставя
И красиво построя, вещал им владычнее слово:

«Каждый из вас, мирмидонцы, теперь да воспомнит угрозы,
Коими в стане, во дни моего справедливого гнева,
Вы угрожали врагам; и меня вы тогда оскорбляли:
Лютый Пелид, говорили, от матери желчью ты вскормлен!
Бесчеловечный, друзей пред судами насильственно держишь!
Лучше назад с кораблями своими в дома возвратимся,
Ежели злоба тебе, злополучная, в сердце запала! —
Так вы мне часто, сходясь, говорили. Теперь вам предстало
Дело великое брани, которой вы столько жадали!
Каждый теперь, в ком отважное сердце, сражайся с врагами!»

Рек, и разжег еще более душу и мужество в каждом;
Крепче ряды их сгустилися, выслушав царские речи.
Словно как стену строитель из плотно слагаемых камней
В строимом доме смыкает, в отпору насильственных ветров,—
Так шишаки и щиты меднобляшные сомкнуты были;
Щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком
Плотно сходился; касалися светлыми бляхами шлемы,
Зыблясь на воинах,— так мирмидоняне густо сомкнулись.
Всех впереди, под оружием, два броненосца стояли,
Храбрый Патрокл и герой Автомѐдон, горящие оба
В битву лететь впереди мирмидонян.— Пелид же могучий

Входит под кущу и там отпирает ковчег велелепный,
Дар драгоценный, который герою в корабль мореходный
Матерь Фетида на путь положила, наполнив хитонов,
Мягких, косматых ковров и хлен, отражающих ветер.
Был в нем и кубок прекрасный; никто из мужей у Пелида
Черного не пил вина из него; никому из богов им
Он не творил возлияний, кроме молненосного Зевса.
Вынув сей кубок заветный, Пелид быстроногий сначала
Серой очистил, потом омывал светлоструйной водою;
Руки омыл и себе и, вином наполнивши кубок,
Стал посредине двора и молился, вино возливая,
На небо смотря; и не был невидим метателю грома:

«Зевс Пелазгийский, Додонский, далеко живущий владыка
Хладной Додоны, где селлы, пророки твои, обитают,
Кои не моют ног и спят на земле обнаженной!
Прежде уже ты, о Зевс, на мою преклонился молитву;
Много почтивши меня, покарал ты ужасно данаев.
Ныне еще, громодержец, сие мне исполни желанье!
Я остаюся до времени в стане моем корабельном;
Друга ж, любезного сердцу, и многих моих мирмидонян
В бой посылаю; победу ему ниспошли, о провидец!
Храброе сердце его укрепи, да узнает и Гектор,
Может ли с ним, и один, подвизаться служитель наш храбрый,
Или его необорные руки свирепствуют в брани
Только тогда, как и я выхожу на кровавые споры.
После, когда от судов отразит он пожар и убийство,
Дай, да из битв невредимый ко мне на суда возвратится,
С целым оружием нашим и храбрыми всеми друзьями!»

Так говорил он, молясь; и внимал промыслитель Кронион.
Дал Пелейону одно, а другое владыка отринул:
Другу его от судов отразить и пожар и убийство
Дал; но мольбу, да из битв невредим возвратится, отринул.
Он же, когда возлиял и моление Зевсу окончил,
В кущу вошел и, в ковчег положивши кубок заветный,
Вышел и стал перед кущею, движимый сердца желаньем
Видеть еще и троян и ахеян жестокую битву.

Тою порою, с Патроклом-героем, готовые к битве
Воины шли, чтоб на рать троянскую гордо ударить.

Быстро они высыпàлись вперед, как свирепые осы,
Подле дороги живущие, коих сердить приобыкли
Дети, вседневно тревожа в жилищах их придорожных;
Юность безумная общее зло навлекает на многих;
Ежели их человек, путешественник, мимо идущий,
Тронет нечаянно, быстро крылатые с сердцем бесстрашным
Все высыпаются вдруг на защиту детей и домов их,—
С сердцем и духом таким от своих кораблей мирмидонцы
Реяли в поле; воинственный крик их кругом раздавался.
Вождь, их еще ободряя, Патрокл вопиял громозвучно:

«Ныне, бойцы мирмидонцы, друзья Ахиллеса-героя,
Будьте мужами, любезные, вспомним кипящую храбрость!
Ныне прославим Пелида, который по доблести бранной
Первый в ахейских мужах, и храбрейшие вы его слуги!
Пусть и властитель могучий, Атрид Агамèмнон, познает,
Сколь он преступен, ахейца храбрейшего так обесчестив!»

Так говоря, возбудил он и более мужество ратных.
Ринулись разом противу троян, и весь стан корабельный
С громом ужасным отгрянул воинственный клик мирмидонян.
Трои сыны лишь узрели Менетия сильного сына,
Вместе с клевретом его, под сияющим пышно доспехом,—
Дрогнуло сердце у всех; всколебались густые фаланги,
Мысля, что праздный дотоле герой Ахиллес быстроногий
Гнев от сердца отринул и вновь преклонился на дружбу;
Каждый стал озираться на бегство от гибели грозной.

Сын же Менетиев первый ударил с сверкающей пикой
Прямо в средину враждебных, где гуще ряды их толпились,
Ратуя вкруг корабля благодушного Протезилàя;
Там поразил он Пирèхма, который отважных пеонов
Вывел из стран Амидòна, где катится Аксий широкий;
В рамо его поразил; и Пирèхм, опрокинувшись, òземь
Грянулся, жалостно стонущий; окрест его побежали
Други пеоняне: ужасом всех поразил Менетѝд их,
Свергнувши войск предводителя, мужа храбрейшего в битвах.
Сих он прогнав от судов, угасил распыхавшийся пламень.
Брошен врагами корабль полсожженный; ударились в бегство
С страшным смятеньем трояне; данаи ж рассыпались быстро

Между передних судов,— и кругом закипела тревога.
Словно когда от вершины горы огромно-высокой
Облак густой отодвинет перунов носитель Кронион,
Всё кругом открывается: холмы, высокие скалы,
Долы, небесный эфир разверзается весь беспредельный,—
Так, отразив от судов пожирающий огнь, отдыхали
Рати ахеян; но бранная буря еще не стихала,
Ибо трояне еще, перед храброю ратью ахеян
Вспять обратясь, не бежали от черных судов мореходных,
Бодро стояли еще, от судов отступивши по нужде.

Тут человек поражал человека в рассыпанной битве;
Каждый поверг воеводу; и первый Патрокл-предводитель
Вдруг обратившегось в бег Арейлика пикою острой
Сзади в бедро поразил и насквозь смертоносную выгнал;
Кость раздробило копье, и лицом Арейлик на землю
Пал. Менелай между тем, ратоводца Фоàса ударив
В грудь обнаженную, мимо щита, сокрушил ему члены.
Мегес Амфикла, как тот на него устремлялся, приметя,
Вдруг упредил, поразил в бедро, где нога человека
Мышцей тунчейшей одета; копейное бурное жало
Жилы рассекло, и тьма пораженному очи покрыла.
Нестора-старца сыны: Антилох улучил Атимния
Пикою острой; во внутренность медное жало погрузло;
Пал он у стоп победителя. Мàрис, копьем потрясая,
Прянул на внука Нелеева, вспыхнувший гневом за брата;
Стал перед телом; но быстро его Фразимед упреждает:
Прежде чем он поразил, Фразимед устремляет и верно
Ранит в плечо; острие копья у него оторвало
Руку от мышиц и самую кость совершенно разбило;
С громом он грянулся в прах, и взор его мраком покрылся.
Так злополучные братья, от братьев сраженные, оба
В мрачный Эрев низошли, Сарпедоновы храбрые други,
Дети стрельца Амизòдара, мужа, который Химеру
Выкормил неукротимую, многим на пагубу смертным.

Сын Оилеев Аякс, налетев, Клеобула живого,
Толпищем сбитого с ног, захватил и на месте троянцу
Жизнь сокрушил, погрузя в него меч с рукояткой огромной;
В жаркой крови разогрелся весь меч, и упавшему там же
Очи смежила багровая Смерть и могучая Участь.

Тут Пенелѐй и Лико̀н на сраженье сбежалися: копья
Им обоим изменили, напрасно послали их оба;
Снова герои сошлись на мечах; и Лико̀н упреждает,
В шлем коневласый у бляхи разит, и при черене медный
Меч, сокрушась, разлетелся; ахеец ударил под ухом,
В выю весь меч погрузил, и, оставшись на коже единой,
Набок повисла глава, и разрушилась крепость Лико̀на.

Вождь Мерион, Акама̀са преследуя, быстрый настигнул
И, в колесницу входящего, в рамо десное ударил;
Он с колесницы слетел, и в очах его тьма разлилася.

Идоменѐй Эрима̀са жестокою медью уметил
Прямо в уста, и в противную сторону близко под мозгом
Вырвалась бурная медь; просадила в потылице череп,
Вышибла зубы ему; и у падшего, выпучась страшно,
Кровью глаза налились; из ноздрей и из уст растворенных
Кровь изрыгал он, пока не покрылся облаком смерти.
Так воеводы ахейские гордых врагов низлагали.
Словно свирепые волки на коз нападают иль агнцев,
Их вырывая из стад, которым неопытный пастырь
Дал по горам рассеяться; волки, едва их завидят,
Быстро напав, раздирают бессильных и трепетных тварей,—
Так на троян нападали ахейцы; но те лишь о бегстве
Думали шумном, а доблесть кипящую вовсе забыли.

Но Теламонид великий пылал непрестанно уметить
Гектора медноружного; тот же, испытанный в битвах,
Турьим огромным щитом закрывая широкие плечи,
Вкруг наблюдал и свистание стрел и жужжание копий;
И хотя уже видел, что им изменяет победа,
Но еще оставался, к защите сподвижников верных.

Словно когда от Олимпа подъемлется на небо туча
Воздухом ясным, как бурную гро̀зу Кронион готовит,—
Так от судов поднялось и смятенье и шумное бегство:
Вспять, не в устройстве, чрез ров отступали. Но Гектора быстро
Вынесли кони с оружием; бросил троян он, которых
Сзади насильно задерживал ров пред судами глубокий.
Многие в пагубном рве колесничные быстрые кони,
Дышла сломивши, оставили в нем колесницы владык их.

Но Патрокл настигал, горячо возбуждая данаев,
Горе врагам замышляя; трояне и воплем и бегством
Все наполняли пути; от рассеянных войск их — до облак
Прах крутился столпом; расстилалися по полю кони,
К Трое обратно бежа от судов и от кущей ахейских.
Он же, герой, где смятения более видел бегущих,
С криком туда налетал; упадали стремглав под колеса
Мужи с своих колесниц, и, валясь, колесницы гремели.
Прямо меж тем через ров перепрянули бурные кони.
Кони бессмертные, дар знаменитый бессмертных Пелею,
Пламенно мчася вперед; повелитель их Гектора ищет,
Свергнуть его он пылает; но Гектора кони умчали.

Словно земля, отягченная бурями, черная стонет
В мрачную осень, как быстрые воды с небес проливает
Зевс раздраженный, когда на преступных людей негодует,
Кои на сонмах насильственно суд совершают неправый,
Правду гонят и божией кары отнюдь не страшатся,
Все на земле сих людей наводняются быстрые реки,
Многие нависи скал отторгают разливные воды,
Даже до моря пурпурного с шумом ужасным несутся,
Прядая с гор, и кругом разоряют дела человека,—
С шумом и стоном подобным бежали троянские кони.
Сын же Менетиев быстрый, отрезав фаланги передних,
Снова обратно погнал и к судам их данайским притиснул;
Не дал пылающим в город войти; но в полях заключенных
Между судами, рекой и стеною ахейской высокой,
Быстро гонял, убивал и взыскал возмездие с многих.
Первого тут Проноо̀я копьем в обнаженные перси,
Мимо щита, поразил и кипящую силу разрушил;
С громом он пал; победитель на Фѐстора, Э̀нопа сына,
Там же напал; в колеснице блистательной Фѐстор несчастный
Сжавшись сидел: оковал его ужас, из трепетных дланей
Вырвались вожжи; ему, налетевший, он медную пику
В правую челюсть вонзил и пробил Эноп̀иду сквозь зубы;
Пикой его через край колесничный повлек он, как рыбарь,
Сидя на камне, нависнувшем в море, великую рыбу
Быстро из волн извлекает и нитью и медью блестящей,—
Так Эноп̀ида зиявшего влек он сверкающей пикой;
Сбросил на землю лицом, и от падшего жизнь отлетела.
Вслед Эриа̀ла, противу летящего, камнем с размаху

Грянул в средину главы, и она пополам раскололась
В крепком шеломе; об землю челом Эриа̀л пораженный
Пал, и мгновенно над ним душегубная смерть распростерлась.
Тут же могучий Амфо̀тера он, Эрима̀са, Эпа̀льта,
Пира, Эхи̇̀я, Дама̀стора сына, вождя Тлиполема,
Воя Эви̇̀ппа, Ифѐя и А̀ргея ветвь, Полимѐла,—
Всех, одного за другим, положил на всеплодную землю.

Царь Сарпедон лишь увидел своих беспояснодоспешных
Многих друзей, Менети̇̀да Патрокла рукою попранных,
Громко воззвал, укоряя возвышенных духом ликиян:

«Стыд, о ликийцы! бежите? теперь вы отважными будьте!
С сим браноносцем хочу я сойтися, хочу я увидеть,
Кто сей могучий? уже он беды̇̀ нам многие сделал.
Многим и храбрым троянам сломил уже крепкие ноги!»

Рек, и с своей колесницы с оружием прянул на землю.
Против него и Патрокл, лишь узрел, полетел с колесницы.
Словно два коршуна, с клёвом покляпым, с кривыми когтями,
В бой, на утесе высоком, слетаются с криком ужасным,—
С криком подобным они устремилися друг против друга.

Видящий их, возболезновал сын хитроумного Крона
И провещал, обращаяся к Гере, сестре и супруге:

«Горе! Я зрю, Сарпедону, дражайшему мне между смертных,
Днесь суждено под рукою Патрокловой пасть побежденным!
Сердце мое между двух помышлений волнуется в персях:
Я не решился еще, живого ль из брани плачевной
Сына восхитив, поставлю в земле плодоносной ликийской,
Или уже под рукою Патрокла смирю Сарпедона».

Быстро вещала в ответ волоокая Гера-богиня:
«Мрачный Кронион! какие слова ты, могучий, вещаешь?
Смертного мужа, издревле уже обреченного року,
Ты свободить совершенно от смерти печальной желаешь?
Волю твори, но не все олимпийцы ее мы одобрим!
Слово иное реку я, и в сердце его сохрани ты.
Ежели сам невредимого в дом ты пошлешь Сарпедона,
Помни, быть может, бессмертный, как ты, и другой возжелает

Сына любезного в дом удалить от погибельной брани.
Многие ратуют здесь, пред великим Приамовым градом,
Чада бессмертных, которых ты ропот жестокий возбудишь.
Сколько ты сына ни любишь и в сердце его ни жалеешь,
Ныне ему попусти на побоище брани великой
Пасть под руками героя, вождя мирмидонян Патрокла.
После, когда Сарпедона оставит душа, повели ты
Смерти и кроткому Сну бездыханное тело героя
С чуждой земли перенесть в плодоносную Ликии землю.
Там и братья и други его погребут и воздвигнут
В память могилу и столп, с подобающей честью умершим».

Так говорила; и внял ей отец и бессмертных и смертных;
Росу кровавую с неба послал на троянскую землю,
Чествуя сына-героя, которого в Трое холмистой
Должен Патрокл умертвить, далекò от отчизны любезной.

Оба героя сошлись, наступая один на другого.
Первый ударил Патрокл и копьем поразил Фразимѐла,
Мужа, который отважнейший был Сарпедонов служитель;
В нижнее чрево его поразил он и крепость разрушил.
Царь Сарпедон нападает второй; но сверкающий дротик
Мимо летит и коня у Патрокла пронзает Педаса
В правое рамо; конь захрипел, испуская дыханье,
Грянулся с ревом во прах, и могучая жизнь отлетела;
Два остальных расскочились, ярем затрещал, и бразды их
Спутались вместе, когда пристяжной повалился на землю.
Горю сему Автомѐдон пособие быстро находит:
Меч свой при тучном бедре из ножен долголезвенный вырвав,
Бросился он и отсек припряжного, нимало не медля;
Кони другие спрямились и стали под ровные вожжи.

Снова герои вступили в решительный спор смертоносный.
И опять Сарпедон промахнулся блистательной пикой;
Низко, над левым плечом острие пронеслось у Патрокла,
Но не коснулось его; и ударил оружием медным
Сильный Патрокл, и не праздно копье из руки излетело —
В грудь угодил, где лежит оболочка вкруг твердого сердца.
Пал воевода ликийский, как падает дуб или тополь,
Или огромная сосна, которую с гор древосеки
Острыми вкруг топорами ссекут, корабельное древо,—

Так Сарпедон пред своей колесницей лежал распростертый,
С скрипом зубов раздирая перстами кровавую землю.
Словно поверженный львом, на стадо незапно нашедшим,
Пламенный бык, меж волов тяжконогих величеством гордый,
Гибнет, свирепо ревя, под зубами могучего зверя,—
Так Менетйдом воинственным, царь щитоносных ликиян,
Попранный, гордо стенал и вопил к знаменитому другу:

«Главк любезный, могучий из воинов! Ныне ты должен
Быть копьеборцем отважным и воином неустрашимым,
Должен пылать лишь свирепою бранию, ежели храбр ты!
Друг! поспеши и, мужей предводителей смелых ликиян
Всех обойдя, возбуди за царя Сарпедона сражаться;
Стань за меня ты и сам и с ахейцами медью сражайся!
Или тебе, Гипполохиду, я поношеньем и срамом
Буду всегда и пред поздним потомством, когда аргивяне
Латы похитят с меня, пораженного пред кораблями!
Действуй сильно и все возбуди ополчения наши!»

Так произнесшему, смерти рука Сарпедону сомкнула
Очи и ноздри; Патрокл, наступивши пятою на перси,
Вырвал копье,— и за ним повлеклась оболочка от сердца:
Вместе и жизнь и копье из него победитель исторгнул.
Там же ахейцы и коней его изловили храпящих,
Прянувших в бег, как осталася праздной царей колесница.

Главка, при голосе друга, объяла жестокая горесть;
Сердце терзалось его, что помочь он нисколько не может;
Стиснул рукою он левую мышцу: ее удручала
Свежая рана, какую нанес воеводе стрелою
Тевкр со стены корабельной, беду от друзей отражая.
В скорби взмолился герой, обращаясь к царю Аполлону:

«Царь сребролукий, услышь! в плодоносном ли царстве ликийском,
Или в Троаде присутствуешь, можешь везде ты услышать
Скорбного мужа, который, как я, удручается скорбью!
Стражду я раной жестокой; рука у меня повсеместно
Болью ужасной пронзается; кровь из нее беспрерывно
Хлещет, не могши уняться; рука до плеча цепенеет!
Твердо в бою не могу я ни дрота держать, ни сражаться,
Противоставши враждебным; а воин храбрейший погибнул,

Зевсов сын, Сарпедон! не помог громовержец и сыну!
Ты ж помоги мне, о царь! уврачуй жестокую рану;
Боль утоли и могущество даруй, да силою слова
Храбрых ликийских мужей возбужу я на крепкую битву
И за друга сраженного сам достойно сражуся!»

Так он молился; услышал его Аполлон-дальновержец;
Быстро жестокую боль утолил, из мучительной раны
Черную кровь удержал и мужеством душу наполнил.
Сердцем почувствовал Главк и восхитился духом, что скоро
К гласу его моления бог преклонился великий.
Бросился вдаль, и вначале мужей ратоводцев ликийских
Всех обходя, возбуждал за царя Сарпедона сражаться;
После к дружинам троян устремился, широко шагая.
Там воеводе Агѐнору, Полидамàсу являлся;
К сыну Анхиза и к меднодоспешному сыну Приама,
К Гектору он представал, устремляя крылатые речи:

«Гектор, оставил ты вовсе троянских союзников славных!
Храбрые ради тебя, далеко от друзей, от отчизны,
Души в бою полагают; а ты защищать их не хочешь!
Пал Сарпедон, щитоносных ликийских мужей предводитель,
Строивший землю ликийскую правдой и доблестью духа.
Медный Арей Сарпедона смирил копием Менетида.
Станьте, о храбрые други! наполнимся пламенной мести
И не позволим оружий совлечь и над мертвым ругаться
Сим мирмидонцам, на нас разъяренным за гибель данаев,
Коих у черных судов истребили мы копьями многих!»

Рек; и троян до единого тяжкая грусть поразила,
Грусть безотрадная: Трои оплотом, хотя иноземец,
Был Сарпедон; многочисленных он на помогу троянам
Воинов вывел, и сам между них отличался геройством.
Яростно Трои сыны на данаев ударили; вел их
Гектор, за смерть Сарпедонову гневный; но дух у данаев
Воспламеняло Патроклово мужества полное сердце;
Первых бодрил он Аяксов, пылавших и собственным духом:

«Вам, о Аяксы, встретить врагов сих да будет приятно!
Будьте героями прежними, или храбрее и прежних!
Пал браноносец, из первых взлетевший на стену данаев,

Пал Сарпедон! О, когда б нам увлечь и над ним поругаться,
С персей доспехи сорвать и какого-нибудь из клевретов,
Тело его защищающих, свергнуть убийственной медью».

Так возбуждал; но Аяксы и сами сразиться пылали;
И когда лишь фаланги с обеих сторон укрепили,
Трои сыны и ликийцы, ахеяне и мирмидонцы,
Все, соступившися, около мертвого с яростным воплем
Подняли бой, и кругом зазвучали оружия ратных.
Зевс ужасную ночь распростер над долиной убийства,
Брань за любезного сына сугубо ужасна да будет.

Первые Трои сыны быстрооких данаев отбили;
Пал пораженный от них не ничтожный в мужах мирмидонских,
Сын Агаклѐя почтенного, вождь Эпигей благородный.
Некогда властвовал он в многолюдном Будѐоне-граде;
Но, знаменитого сродника жизни лишивши убийством,
Странник прибегнул к покрову Пелея-царя и Фетиды;
Ими он вместе с Пелидом, фаланг разрывателем, послан
В Трою, конями богатую, ратовать царство Приама.
Он было тело схватил, но его шлемоблещущий Гектор
Грянул в голову камнем; она пополам раскололась
В крепком шеломе; лицом Эпигѐй на бездушное тело
Пал, и мгновенно над ним душегубная смерть распростерлась.
Гнев Менетида объял за убийство храброго друга;
Он сквозь ряды передние бросился прямо, как ястреб
Быстрый, который преследует робких скворцов или галок,—
Так на троян и ликиян ты, о Патрокл-конеборец,
Прямо ударил, пылающий гневом за гибель клеврета!
Там Сфенелàя сразил, Ифемѐнова храброго сына,
Камнем ударивши в выю и жилы расторгнувши обе.
Вспять отступили передних ряды и блистательный Гектор
Так далеко, как поверженный дротик большой пролетает,
Если его человек, испытующий силу на играх,
Или в сражении, бросит на гордых врагов-душегубцев,—
Так далеко отступили трояне: отбили данаи.
Главк между тем, воевода ликиян воинственных, первый
Вспять обратяся, убил Вафиклѐя, высокого духом,
Сына Халкòнова; домом живущий в цветущей Гелладе,
Счастием он и богатством блистал средь мужей мирмидонских;
Дротом его среди персей, не ждавшего, Главк поражает,

Вдруг обратясь, как его самого настигал он, гоняся.
С шумом он пал,— и печаль поразила данаев, узревших
Сильного мужа паденье; пергамлян же радость объяла;
Падшего тело они оступили толпой; но данаи
Доблести не забывали, вперед на врагов устремлялись.
Тут Мерион поразил Лаогòна, доспешного мужа,
Сына Онèтора, мужа, который жрецом в Илионе
Зевса Идейского был и как бог почитался народом;
Свергнул его, поразивши под челюсть и ухо; мгновенно
Кости оставила жизнь, и ужасная тьма окружила.
Сильный Эней на убийцу послал медножальную пику,
Чая уметить его, под щитом выступавшего круглым;
Тот, издалёка увидев, от меди убийственной спасся,
Быстро вперед наклонясь; за хребтом длиннотенная пика
В твердую землю вонзилась и верхним концом трепетала
Долго, пока не смирилася ярость стремительной меди.
Так Анхизйдова медноогромная пика, сотрясшись,
В землю вошла, излетев бесполезно из длани могучей.
Гордый Эней, негодуя душою, вскричал к Мериону:

«Скоро б тебя, Мерион, несмотря что плясатель ты быстрый,
Скоро б мой дрот укротил совершенно, когда б я уметил!»

Быстро ему возразил Мерион, знаменитый копейщик:
«Трудно тебе, Анхизйд, и отлично могучему в битвах,
Дух укротить воевателя каждого, кто бы ни вышел
Силу измерить с тобою; и ты, как и прочие, смертен.
Если б и я угодил тебя в грудь изощренною медью,
Скоро б и ты, несмотря что могуч и на руки надежен,
Славу мне даровал, а властителю Тартара душу!»

Так говорил; но его порицал Менетид благородный:
«Что, Мерион, воинственный муж, расточаешь ты речи?
Верь, от речей оскорбительных гордые воины Трои
Тела не бросят, покуда кого-либо прах не покроет.
Руки решат кровавые битвы, а речи советы.
Ныне ахеянам должно не речи плодить, а сражаться!»

Рек, и вперед полетел; и за ним Мерион-копьеборец.
Словно толпа древосеков секирами стук подымает
В горных лесах, на пространство далекое он раздается,—
Стук между воинств такой по земле раздавался пространной

Меди гремучей и кож неразрывных щитов волокожных,
Часто разимых мечами и копьями яростных воев.
Тут ни усерднейший друг — Сарпедона, подобного богу,
Боле не мог бы узнать: и стрелами, и кровью, и прахом
Весь от главы и до ног совершенно был он заметан.
Битва при нем беспрестанно кипела. Подобно как мухи,
Роем под кровлей жужжа, вкруг подойников полных толпятся
Вешней порой, как млеко изобильно струится в сосуды,—
Так ратоборцы вкруг тела толпилися. Зевс-громодержец
С поля пылающей битвы очей не сводил светозарных;
Он непрестанно взирал на мужей, и в душе промыслитель
Много о смерти Патрокловой мыслил, волнуясь сомненьем:
Или уже и его в настоящем убийственном споре,
Тут, на костях Сарпедона великого, Гектор могучий
Медью смирит и оружия славные с персей похитит?
Или еще да продлит он подвиг, погибельный многим?
В сих волновавшемусь мыслях, угоднее Зевсу явилась
Дума, да храбрый служитель Пелеева славного сына
Воинство Трои и меднодоспешного их воеводу,
Гектора, к граду погонит и души у многих исторгнет.
Гектору первому Зевс послал малодушие в перси;
Он, в колесницу вскочив, побежал, повелев и троянам
К граду бежать: уступил он священным весам олимпийца.
Тут ни ликийцы в бою не осталися храбрые — в бегство
Все обратились, увидев царя их, пронзенного в сердце,
Грудою тел окруженного: много их вкруг Сарпедона
Пало с тех пор, как бой сей ужасный воздвиг олимпиец.
Быстро с рамен Сарпедона данаи сорвали доспехи
Медные, пышноблестящие, кои к судам мирмидонским
Другам нести повелел Патрокл, конеборец могучий.

В оное время воззвал к Аполлону Кронид-тучеводец:
«Ныне гряди, Аполлон, и, восхитив от стрел Сарпедона,
Тело от черной крови, от бранного праха очисти;
Вдаль перенесши к потоку, водою омой светлоструйной,
Миром его умасти и одень одеждой бессмертной.
Так совершив, повели ты послам и безмолвным и быстрым,
Смерти и Сну близнецам, да поспешно они Сарпедона
В край отнесут плодоносный, в пространное Ликии царство.
Тамо братия, други его погребут и воздвигнут
В память могилу и столп, с подобающей честью усопшим».

Рек громовержец; и не был отцу Аполлон непокорен;
Быстро с Идейских вершин низлетел на ратное поле.
Там из-под стрел Сарпедона, подобного богу, похитил;
Вдаль перенесши к потоку, водою омыл светлоструйной,
Миром его умастил, одеял одеждой бессмертной,
И нести повелел он послам и безмолвным и быстрым,
Смерти и Сну близнецам, и они Сарпедона мгновенно
В край пренесли плодоносный, в пространное Ликии царство.

Тою порою Патрокл, возбуждая возницу и коней,
Гнал и троян и ликиян, и к собственной гибели мчался,
Муж неразумный! Когда б соблюдал Ахиллесово слово,
То избежал бы от участи горестной черныя смерти.
Но Кронида совет человеческих крепче советов;
Он устрашает и храброго, он и победу от мужа
Вспять похищает, которого сам же подвигнет ко брани;
Он и Патрокловы перси неистовым духом наполнил.

Кто же был первый и кто был последний, которых сразил ты,
Храбрый Патрокл, как тебя уже боги на смерть призывали?
Первого свергнул Адра̀ста, за ним Автоно̀я, Эхѐкла,
Вслед Мелани̇ппа, Эпи̇стора, Мѐгаса отрасль, Пери̇ма,
Э̀лаза, Му̀лия, врукопашь всех, и героя Пиларта.
Сих он сразил, а другие спасения в бегстве искали.
Взяли б в сей день аргивяне высокую башнями Трою
С сыном Менетия — так впереди он свирепствовал пикой,—
Если бы Феб Аполлон не стоял на возвышенной башне,
Гибель ему замышляя и Трои сынам поборая.
Трижды Менетиев сын взбегал на высокую стену,
Дерзкоотважный, и трижды его отражал стреловержец,
Дланью своею бессмертной в блистательный щит ударяя;
Но когда он, как демон, в четвертый раз устремился —
Голосом грознопретительным Феб-стреловержец воскликнул:

«Храбрый Патрокл, отступи! Не тебе предназначено свыше
Град крепкодушных троян копием разорить; ни Пелиду,
Сыну богини, который тебя несравненно сильнейший!»
Рек; и далеко назад Менетид отступил, избегая
Гнева могущего бога, стрелами разящего Феба.

Гектор же в Скейских воротах удерживал пышущих коней:
Думал, сражаться ль ему, устремившися к воинствам снова,

Или своим ратоборцам в стенах повелеть собираться?
В сих колебавшемусь думах, предстал Аполлон Приамиду,
Образ цветущий приявши младого, могучего мужа,
Храброго Азия, Гектора, коней смирителя, дяди,
Брата родного Гекубы, отважного сына Димаса,
Жившего в тучной фригийской земле, при водах Сангария;
Образ приявши его, провещал Аполлон-дальновержец:

«Битву оставил ты, Гектор? Поступок тебя не достоин!
Если б, сколь слаб пред тобою, столько могуществен был я,
Скоро б раскаялся ты, что кровавую битву оставил!
Вспять обратись, напусти на Патрокла коней быстролетных;
Может быть, славу победы тебе Аполлон уготовал!»

Рек, и вновь обратился бессмертный к борьбе человеков.
И немедленно Гектор велел Кебриону-вознице
Коней бичом на сражение гнать. Аполлон же отшедший
В множестве ратных сокрылся, и там меж ахеян воздвигнул
Страшную смуту, троянам и Гектору славу даруя.
Гектор ахеян других оставлял, никого не сражая;
Он на Патрокла летел, устремляя коней звуконогих.
В встречу ему и Патрокл соскочил с колесницы на землю;
Шуйцей держал он копье, а десницею камень подхитил,
Мармор лоснистый, зубристый, всю мощную руку занявший;
Бросил его упершись — и летел он недолго до мужа;
Послан не тщетно из рук: поразил Кебриона-возницу,
Сына Приама побочного, дерзко гонящего бурных
Гектора коней; в чело поразил его камень жестокий;
Брови сорвала громада; ни крепкий не снес ее череп,
Кость раздробила; кровавые очи на пыльную землю
Пали к его же ногам; и стремглав, водолазу подобно,
Сам он упал с колесницы, и жизнь оставила кости.

Горько над ним издеваясь, воскликнул Патрокл-коneборец:
«Как человек сей легок! Удивительно быстро ныряет!
Если бы он находился и на̀ море, рыбой обильном,
Многих бы мог удовольствовать, устриц ища, для которых
Прядал бы он с корабля, несмотря что и море сердито.
Как он, будучи на̀ поле, быстро нырнул с колесницы!
Есть, как я вижу теперь, и меж храбрых троян водолазы!»

Так издеваясь, на тело напал Кебриона-героя,
Бурен, как лев разъяренный, который, загон истребляя,
В грудь прободен и бесстрашием собственным сам себя губит,—
Так на убитого ты, мирмидо̀нянин, пламенный прянул.
Гектор навстречу ему соскочил с колесницы на землю;
Оба они за возницу, как сильные львы, состязались,
Кои на горном хребте, за единую мертвую серну,
Оба, гладом яримые, с гордым сражаются гневом,—
Так за труп Кебриона искусные два браноносца,
Хабрый Патрокл Менетӥд и блистательный Гектор, сражаясь,
Жаждут единый другого пронзить беспощадною медью.
Гектор, схватив за главу, из рук не пускал, безотбойный;
Сын же Менетиев за̀ ногу влек; и кругом их другие,
Трои сыны и данаи, смесилися в страшную сечу.

Словно два ветра, восточный и южный, свирепые спорят,
В горной долине сшибаясь, и борют густую дубраву;
Крепкие буки, высокие ясени, дерен кори̇стый
Зыблются, древо об древо широкими ветвями бьются
С шумом ужасным; кругом от крушащихся треск раздается,—
Так аргивяне, трояне, свирепо друг с другом сшибаясь,
Падали в битве; никто о презрительном бегстве не думал.
Множество вкруг Кебриона метаемых копий великих,
Множество стрел окрыленных, слетавших с тетив, водружалось;
Множество камней огромных щиты разбивали у воев
Окрест его; но величествен он, на пространстве великом,
В вихре праха лежал, позабывший искусство возницы.

Долго, доколе светило средину небес протекало,
Стрелы летали с обеих сторон и народ поражали.
Но лишь достигнуло солнце години распряжки воловой,
Храбрость ахеян, судьбе вопреки, одолела противных:
Труп Кебриона они увлекли из-под стрел, из-под криков
Ярых троян и оружия пышные сорвали с персей.

Но Патрокл на троян, умышляющий грозное, грянул.
Трижды влетал он в средину их, бурному равный Арею,
С криком ужасным; и трижды сражал девяти браноносцев.
Но когда он, как демон, в четвертый раз устремился,
Тут, о Патрокл, бытия твоего наступила кончина:
Против тебя Аполлон по побоищу шествовал быстро,
Страшен грозой. Не познал он бога, идущего в сонмах:

Мраком великим одеянный, шествовал в встречу бессмертный.
Стал позади и ударил в хребет и широкие плечи
Мощной рукой,— и, стемнев, закружилися очи Патрокла.
Шлем с головы Менетйдовой сбил Аполлон-дальновержец;
Быстро по праху катясь, зазвучал под копытами коней
Медяный шлем; осквернилися волосы пышного гребня
Черною кровью и прахом. Прежде не сужено было
Шлему сему знаменитому прахом земным оскверняться:
Он на прекрасном челе, на главе богомужней героя,
Он на Пелиде сиял, но Кронид соизволил, да Гектор
Оным украсит главу: приближалась бо к Гектору гибель.
Вся у Патрокла в руках раздробилась огромная пика,
Тяжкая, крепкая, медью набитая; с плеч у героя
Щит, до пят досягавший, с ремнем повалился на землю;
Медные латы на нем разрешил Аполлон-небожитель.
Смута на душу нашла и на члены могучие томность;
Стал он как бы обаянный. Приближился с острою пикой
С тыла его — и меж плеч поразил воеватель дарданский,
Славный Эвфòрб Панфойд, который блистал между сверстных
Ног быстротой и метаньем копья и искусством возницы;
Он уже в юности двадцать бойцов сразил с колесниц их,
Впѐрвые выехав сам на конях, изучаться сраженьям.
Он, о Патрокл, на тебя устремил оружие первый,
Но не сразил; а исторгнув из язвы огромную пику,
Вспять побежал и укрылся в толпе; не отважился явно
Против Патрокла, уже безоружного, стать на сраженье.
Он же, и бога ударом и мужа копьем укрощенный,
Вспять к мирмидонцам-друзьям отступал, избегающий смерти.

Гектор, едва усмотрел Менетйда, высокого духом,
С боя идущего вспять, пораженного острою медью,
Прянул к нему сквозь ряды и копьем, упредивши, ударил
В пах под живот; глубоко во внутренность медь погрузилась;
Пал Менетйд, и в уныние страшное ввергнул данаев.
Словно как вепря могучего пламенный лев побеждает,
Если на горной вершине сражаются, гордые оба,
Возле ручья маловодного, жадные оба напиться;
Вепря, уже задыхавшегось, силою лев побеждает,—
Так Менетйда-героя, уже погубившего многих,
Гектор великий копьем низложил и душу исторгнул.
Гордый победой над ним, произнес он крылатые речи:

«Верно, Патрокл, уповал ты, что Трою нашу разрушишь,
Наших супруг запленишь и, лишив их священной свободы,
Всех повлечешь на судах в отдаленную землю родную!
Нет, безрассудный! за них-то могучие Гектора кони,
К битвам летя, расстилаются пȍ полю; сам копием я
Между героев троянских блистаю, и я-то надеюсь
Рабство от них отразить! Но тебя растерзают здесь враны!
Бедный! тебя Ахиллес, несмотря что могуч, не избавил.
Верно, тебе он идущему в битву приказывал крепко:
Прежде не мысли ты мне, конеборец Патрокл, возвращаться
В стан мирмидонский, доколе у Гектора-мужеубийцы
Брони, дымящейся кровию, сам на груди не расторгнешь!
Верно, он так говорил, и прельстил безрассудного душу».

Дышащий томно, ему отвечал ты, Патрокл благородный:
«Славься теперь, величайся, о Гектор! Победу стяжал ты
Зевса и Феба поспешеством: боги меня победили;
Им-то легко; от меня и доспехи похитили боги.
Но тебе подобные, если б мне двадцать предстали,
Все бы они полегли, сокрушенные пикой моею!
Пагубный рок, Аполлон, и от смертных Эвфорб дарданиец
В брани меня поразили, а ты уже третий сражаешь.
Слово последнее молвлю, на сердце его сохраняй ты:
Жизнь и тебе на земле остается недолгая; близко,
Близко стоит пред тобою и Смерть и суровая Участь,
Пасть под рукой Ахиллеса, Эакова мощного внука».

Так говорящего, смертный конец осеняет Патрокла.
Тихо душа, излетевши из тела, нисходит к Аиду,
Плачась на жребий печальный, бросая и крепость и юность.

Но к Патроклу и к мертвому Гектор великий воскликнул:
«Что, мирмидонянин, ты предвещаешь мне грозную гибель?
Знает ли кто, не Пелид ли, сын среброногой Фетиды,
Прежде, моим копием пораженный, расстанется с жизнью?»

Так произнес он, и медную пику из мертвого тела
Вырвал, пятою нажав, и его опрокинул он навзничь.
После немедля против Автомѐдона с пикой понесся;
Мужа могучего он, Ахиллесовых коней возницу,
Свергнуть пылал; но возницу умчали быстрые кони,
Кони бессмертные, дар знаменитый бессмертных Пелею.

ПЕСНЬ XVII

СОДЕРЖАНИЕ

Менелай защищает тело Патроклово, и Эвфорба, покушающегося похитить с него доспехи, убивает, ст. 1—70. Между тем Гектор по убеждению Аполлона, возвратясь от преследования Автомедона, обнажает Патрокла; Менелай призывает Аякса на защиту тела, которое Гектор увлек бы обезображенное, если б не явился Аякс и не стал противу него с Менелаем, 71—139. Гектор, гордясь похищенным оружием, уходит от Аякса; Главк жестоко порицает его; возбужденный упреками его, Гектор одевается оружием Ахиллесовым, с Патрокла совлеченным, 140—197; Зевс предвещает близкую смерть его; он же вновь устремляется, чтобы увлечь тело, и на сей бой призывает храбрейших вождей троянских, 198—236. Против них сходятся, призванные Аяксом и Менелаем, герои ахейские, 237—261. Таким образом, на одном месте возгорается ужасная битва, в которой Менелай, Аякс и Гектор, предводительствуя своими дружинами, сражаются с переменным успехом — одни, чтобы защитить Патроклово тело, другие, чтобы увлечь его на поругание. Но во всё это время Ахиллес еще не знает о смерти друга, 262—425. Ахиллесовых коней, унылых и проливающих слезы о Патрокле, Зевс одушевляет новою бодростию, и Автомедон снова летит в бой, взяв сподвижником Алкимедона, 426—483. Увидев его, немедленно устремляется Гектор, Эней и другие, чтобы овладеть знаменитыми конями. Против их нападения крепко стоят ахеяне, призвав на помощь Менелая и Аякса, которые, отразив врагов, снова обращаются к защите Патроклова тела, и снова подымают за него страшную битву: Афина одушевляет Менелая, Аполлон возбуждает Гектора, 484—592; он жестоко нападает на ахеян, и Зевс громом знаменует победу троянам. Тогда переменяется решительно успех битвы: храбрейшие ахеяне бегут; сам Аякс Теламонид устрашается; ища Антилоха, чтобы послать к Ахиллесу, и ничего не видя сквозь ужасный мрак, покрывающий битвенное поле, он в ропоте храброго сердца вопиет к Зевсу, 593—651. По его же совету Менелай отыскивает Антилоха и посылает к Ахиллесу с вестью о смерти Патрокла, 652—701; потом с Мерионом подымает тело и несет к кораблям, под защитою Аяксов, которые, следуя по стопам их, мужественно отражают нападающих; но трояне жестоко преследуют, и бегство ахеян делается общим, 702—761.

ПЕСНЬ XVII

Он не укрылся от сильного в бранях царя Менелая,
Храбрый Патрокл, пораженный троянами в пламенной битве.
Бросясь вперед, Менелай, ополченный сверкающей медью,
Около тела ходил, как вкруг юницы нежная матерь,
Первую родшая, прежде не знавшая муки рождений,—
Так вкруг Патрокла ходил герой Менелай светлокудрый,
Грозно пред ним и копье уставляя и щит меднобляшный,
Каждого, кто б ни приблизился, душу исторгнуть готовый.
Но не мог пренебречь и Эвфорб, знаменитый копейщик,
Падшего в брани Патрокла-героя; приблизился к телу,
Стал, и воскликнул к могучему в битвах царю Менелаю:

«Зевсов питомец, Атрид, повелитель мужей, удалися,
Тело оставь, отступись от моей ты корысти кровавой!
Прежде меня ни один из троян и союзников славных
В пламенной битве копьем не коснулся Патроклова тела.
Мне ты оставь меж троянами светлою славой гордиться;
Или, страшися, лишу и тебя я сладостной жизни!»

Вспыхнувши гневом, воскликнул Атрид, Менелай
светлокудрый:
«Зевсом клянусь, не позволено так беспредельно кичиться!
Столько и лев не гордится могучий, ни тигр несмиримый,
Ни погибельный вепрь, который и большею, дикий,
Яростью в персях свирепствуя, грозною силою пышет,
Сколько Панфо̀евы дети, метатели копий, гордятся!
Но не спасла Гиперѐнора-конника, гордого силой,

Младость его, как противу меня он с ругательством вышел;
Он вопиял, что презреннейший я меж данаями воин;
Но из битвы, я мню, не своими ногами пошел он
В доме возрадовать кровных своих и супругу младую.
Так и твою сокрушу я надменность, когда ты посмеешь
Ближе ко мне подойти! Но прими мой совет и скорее
Скройся в толпу; предо мною не стой ты, пока над тобою
Горе еще не сбылося! Событие зрит и безумный!»

Так он вещал; но Эвфорб непреклонный ответствовал снова:
«Нет, Менелай, расплатися теперь же со мной за убийство!
Брат мой тобою убит; и гордишься еще ты, что сделал
Горькой вдовою супругу его в новобрачном чертоге
И почтенных родителей в плач неутешный повергнул?
О! без сомнения, плачущим я утешением буду,
Если, сорвавши с тебя и главу и кровавые латы,
В руки отдам их Панфòю и матери нашей Фронтисе.
Но почто остается досель не испытанным подвиг
И не решенными битвой меж нами и храбрость и робость!»

Так произнес — и ударил противника в щит меднобляшный;
Но, не проникшее меди, согнулось копейное жало
В твердом щите. И тогда устремился с убийственной медью
Царь Менелай, умоляющий пламенно Зевса-владыку;
Вспять отскочившему он в основание горла Эвфорбу
Пику вонзил и налег, на могучую руку надежный;
Быстро жестокая медь пробежала сквозь нежную выю;
Грянулся òземь Эвфорб, и на нем загремели доспехи;
Кровью власы оросились прекрасные, словно у граций,
Кудри, держимые пышно златой и серебряной связью.
Словно как маслина древо, которое муж возлелеял
В уединении, где искипает ручей многоводный,
Пышно кругом разрастается; зыблют ее, прохлаждая,
Все тиховейные ветры, покрытую цветом сребристым;
Но незапная буря, нашедшая с вихрем могучим,
С корнем из ямины рвет и по черной земле простирает,—
Сына такого Панфòева, гордого сердцем Эвфорба,
Царь Менелай низложил и его обнажал от оружий.
Словно как лев, на горах возросший, могучестью гордый,
Если из стада пасомого лучшую краву похитит,
Выю он вмиг ей крушит, захвативши в крепкие зубы;

После и кровь и горячую внутренность всю поглощает,
Жадно терзая; кругом на ужасного псы и селяне,
Стоя вдали, подымают крик беспрерывный, но выйти
Против него не дерзают, бледный их страх обымает,—
Так из троянских мужей никого не отважило сердце
Против царя Менелая, высокого славою, выйти.
Скоро б к дружине понес велелепный доспех Панфойда
Сильный Атрид; но ему позавидовал Феб-дальновержец;
Он на Атрида подвигнул подобного богу Арею
Гектора; в образе Мѐнта, кикòнских мужей воеводы,
К Гектору Феб провещал, устремляя крылатые речи:

«Гектор! бесплодно ты рыщешь, преследуя неуловимых
Коней Пелида-героя: Пелидовы кони жестоки!
Их укротить и управить для каждого смертного мужа
Трудно, кроме Ахиллеса, бессмертной матери сына!
Тою порой у тебя Атрейон, Менелай браноносный,
Труп защищая Патроклов, храбрейшего воина свергнул,
Бурную мощь обуздал он Панфòева сына Эвфорба».

Рек, и вновь обратился бессмертный к борьбе человеков.
Гектору горесть жестокая мрачное сердце стеснила;
Окрест себя обозрел он ряды и мгновенно увидел
Мужа, похитить спешащего светлый доспех, и другого,
В прахе простертого: кровь изливалась из раны широкой.
Бросился Гектор вперед, ополченный сверкающей медью,
Звучнокричащий, и быстрый, как бурный пламень Гефестов.
И не укрылся от сына Атреева крик его звучный;
Думен, Атрид совещался с своею душой благородной:

«Горе! когда я оставлю доспех сей прекрасный и брошу
Тело Патрокла, за честь мою положившего душу,
Каждый меня аргивянин осудит, который увидит!
Если ж на Гектора я и троян одинок ополчуся,
Бегства стыдяся, один окружен я множеством буду:
Всех троянцев сюда ведет шлемоблещущий Гектор.
Но почто у меня волнуется сердце в сих думах?
Кто, вопреки божеству, осмелится с мужем сражаться,
Богом хранимым, беда над главой того быстрая грянет.
Нет, аргивяне меня не осудят, когда уступлю я
Гектору сильному в брани: от бога воинствует Гектор.

Если ж Аякса я где-либо, духом бесстрашного, встречу,
С ним устремимся мы вновь и помыслим о пламенной битве,
Даже и противу бога, только бы тело Патрокла
Нам возвратить Ахиллесу; из зол бы то меньшее было».

Тою порою, как думы сии в уме обращал он,
Близко троян подступили ряды, и пред оными Гектор.
Вспять Менелай отступил и оставил Патроклово тело,
Часто назад озираясь, подобно как лев густобрадый,
Коего псы и народ от загона волов отгоняют
Копьями, криками; гордого зверя могучее сердце
Страхом стесняется; нѐхотя он от загона уходит,—
Так отошел от Патрокла герой Менелай светлокудрый,
Стал и назад обратился, приближася к сонму данаев.
Там он Аякса искал, Теламонова мощного сына;
Скоро увидел героя на левом крыле ратоборства,
Где он дружины свои ободрял, поощряя на битву;
Свыше ниспосланным ужасом их поразил дальновержец.
Он устремился к Аяксу и так восклицал, приближаясь:

«Друг Теламонид, сюда! за Патрокла сраженного в битву!
Может быть, сыну Пелееву мы возвратим хоть нагое
Тело его, а доспехи похитил убийственный Гектор».

Так говорил, и воинственный дух взволновал у Аякса.
Он устремился вперед, и при нем Менелай светлокудрый.
Гектор меж тем, обнаживши от славных доспехов Патрокла,
Влек, чтобы голову с плеч отрубить изощренною медью,
Труп же его изувеченный псам на съедение бросить.
Вдруг Теламонид, с щитом перед персями, башне подобным,
Грозный явился; и Гектор, назад отступивши к дружинам,
Прянул в свою колесницу; доспехи же отдал троянам
Несть в Илион, да хранятся ему на великую славу.
Но Теламонид, огромным щитом Менетида покрывши,
Грозен стоял, как становится лев пред своими детями,
Если ему, малосильных ведущему, в мрачной дубраве
Встретятся ловчие: он, раздражаясь, очами сверкает,
Хмурит чело до бровей, покрывая и самые очи,—
Сын Теламонов таков обходил Менетидово тело.
Подле его же, с другой стороны, Менелай браноносный
Мрачен стоял, величайшую горесть в сердце питая.

Главк между тем Гипполòхид, ликийских мужей воевода,
Грозно взирая на Гектора, горькой язвил укоризной:

«Гектор, герой по наружности! как ты далек от геройства!
Суетно добрая слава идет о тебе, малодушный!
Думай о способах, как от враждебных и град свой и замок
Можешь избавить один ты с мужами, рожденными в Трое.
Что до ликиян, вперед ни один не пойдет на данаев
Биться за град; никакой благодарности здесь не находит,
Кто ежедневно и ревностно с вашими бьется врагами.
Как же простого ты ратника в войске народном заступишь,
Муж злополучный, когда Сарпедона, и гостя и друга,
Предал без всякой защиты ахеянам в плен и добычу?
Мужа, толико услуг оказавшего в жизни как граду,
Так и тебе? но и псов от него отогнать не дерзнул ты!
Если еще хоть один от ликийских мужей мне послушен...
Мы возвратимся в дома: приближается пагуба Трои!—
Если б имели трояне отважность и дух дерзновенный,
Дух, мужей обымающий, кои за землю родную
Против врагов и труды и жестокие битвы подъемлют,
Скоро бы мы увлекли в илионские стены Патрокла.
Если ж бы славный мертвец сей в обитель владыки Приама,
В град Илион перешел, среди боя захваченный нами,
Скоро б ахейцы нам выдали пышный доспех Сарпедона;
Мы его самого принесли б в илионские стены,
Ибо повержен служитель героя, который славнее
Всех аргивян при судах и клевретов предводит храбрейших.
Ты ж не дерзнул Теламонову сыну, Аяксу-герою,
Противостать и, бестрепетно смотря противнику в очи,
Прямо сразиться не смел: несравненно тебя он храбрее!»

Гневно на Главка взглянув, отвечал шлемоблещущий Гектор:
«Главк, и таков ты будучи, так говоришь безрассудно!
Мыслил, о друг, я доныне, что разумом ты превосходишь
Всех населяющих землю пространной державы ликийской;
Ныне ж твой ум совершенно порочу; и что ты вещаешь?
Ты вопиешь, что не смел я Аякса огромного встретить?
Нет, ни сраженья, ни топота конского я не страшился!
Но Кронида совет человеческих крепче советов:
Он устрашает и храброго, он и от мужа победу
Вспять похищает, которого сам же подвигнет ко брани.

Шествуй со мною и стой близ меня, и рассматривай дело:
Целый ли день я останусь, как ты проповедуешь, робким,
Или какого-нибудь, и кипящего боем данайца,
Мужество я укрощу при защите Патроклова тела!»

Так произнес, и, троян возбуждающий, звучно воскликнул:
«Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукоборцы дардане!
Будьте мужами, друзья, и воспомните бурную доблесть;
Я ж Ахиллеса-героя оденуся бранным доспехом,
Славным, который добыл я, Патроклову мощь одолевши».

Так восклицающий, вышел из битвы пылающей Гектор,
Шлемом сияя; пустился бежать и настигнул клевретов
Скоро, еще не далеких, стремительно их догоняя,
Несших в святой Илион Ахиллесов доспех знаменитый.
Став от боя вдали, Приамид обменялся доспехом:
Свой разрешил и отдал, да несут в илионские стены
Верные други, а сам облекался доспехом бессмертным
Славного мужа Пелида, который небесные боги
Дали Пелею-герою; Пелей подарил его сыну,
Старец; но сын под доспехом отца не успел состареться.

Зевс, олимпийский блистатель, узрев, как от битв удаленный
Гектор доспехом Пелида, подобного богу, облекся,
Мудрой главой покивал и в душе своей проглаголал:

«Ах, злополучный, душа у тебя и не чувствует смерти,
Близкой к тебе! Облекаешься ты бессмертным доспехом
Сильного мужа, которого все браноносцы трепещут!
Ты умертвил у него кроткодушного, храброго друга
И доспехи героя с главы и с рамен недостойно
Сорвал! Но дам я тебе одоление крепкое в брани
Мздою того, что из рук от тебя, возвратившегось с боя,
Славных оружий Пелида твоя Андромаха не примет!»

Рек, и манием черных бровей утвердил то Кронион.
Гектора тело доспех обольнул, и вступил ему в сердце
Бурный, воинственный дух; преисполнились все его члены
Силой и крепостью. Он к знаменитым друзьям Илиона
Шествовал с криком могучим, и взорам всех представлялся,
В блеске доспехов бессмертных, самим Ахиллесом великим.
Так обходящий ряды, ободрял воевод он речами:

Мѐсфла, Ферсѝлоха, Мѐдона, ветвь Гипполохову Главка,
Гиппофоо̀я, Дезѝнора, Астеропѐя-героя,
Хро̀мия, Фо̀рка и славного в птицегаданьи Энно̀ма;
Сих возбуждал он вождей, устремляя крылатые речи:

«Слушайте, сонмы несметные наших друзей и соседей!
Я не искал многолюдства, и, нужду не в оном имея,
Вас из далеких градов собирал я в священную Трою.
Нет, но чтоб вы и супруг и детей неповинных троянских
Ревностно мне защищали от бранолюбивых данаев.
С мыслию сею и данями я и припасами корма
Свой истощаю народ, чтобы мужество ваше возвысить.
Станьте ж в лицо сопротивных; и каждый из вас или гибни,
Или спасай свой живот! таково состояние ратных!
Кто между вами Патрокла, хотя и убитого, ныне
К сонму троян привлечет, и пред кем Теламонид отступит,
Тот половину корыстей возьмет, половина другая
Будет моею; но славою он, как и я, да гордится».

Гектор сказал; и они на данаев обрушились прямо,
Копья поднявши; надеждою гордой ласкалось их сердце,
Тело Патрокла отбить у Аякса, твердыни данаев.
Мужи безумные! многим при теле исторгнул он душу.
Их усмотревши, Аякс возгласил к Менелаю-герою:

«Друг Менелай, питомец Зевеса! едва мы, как мыслю,
Сами успеем с тобой возвратиться живые из битвы!
Я беспокоюсь не столько о теле Менетия сына —
Скоро несчастный насытит и псов и пернатых троянских,—
Сколько страшусь о главе и своей и твоей, чтобы горе
Их не постигнуло; тучею брани здесь всё покрывает
Гектор; и нам, очевидно, грозит неизбежная гибель!
Кличь, о любезный, данайских героев; быть может, услышат».

Так говорил; и послушал его Менелай светловласый,
Голосом громким вскричал, призывая на помощь данаев:

«Други, вожди и правители мудрые храбрых данаев,
Вы, которые в пиршествах с нами, сынами Атрея,
Вместе народное [1] пьете, и каждый народом подвластным
Правите: власть бо и славу приемлете свыше от Зевса!

[1] Вино, как подразумевается в подлиннике.

Каждого ныне из вас распознать предводителя воинств
Мне невозможно: сражения пламень кругом нас пылает!
Сами спешите сюда и, наполняся гордого гнева,
Быть Патроклу не дайте игралищем псов илионских!»

Так восклицал он; и ясно услышал Аякс Оилеев;
Первый предстал к Менелаю, побоищем быстро пробегший;
Следом за ним Девкалӥд и сопутник царя Девкалӥда,
Муж Мерион, Эниа̀лию равный, губителю смертных.
Прочих мужей имена кто мог бы на память поведать,
После пришедших и быстро восставивших битву данаев?

Прежде трояне напали громадой; предшествовал Гектор.
Словно как в устьях реки, от великого Зевса ниспадшей,
Вал, при истоке, огромный ревет, и высокие окрест
Воют брега от валов, изрыгаемых морем на сушу,—
Столько был шумен подъятый троянами клик; но данаи
Вкруг Менетӥда стояли, единым кипящие духом,
Крепко сомкнувшись щитами их медными. Свыше над ними,
Окрест их шлемов сияющих, страшный разлил громодержец
Мрак; никогда Менетӥд ненавистен владыке бессмертных
Не был, доколе дышал и служил Эакиду-герою:
Не было богу угодно, чтоб снедию псов илионских
Стал Менетӥд,— и воздвиг он друзей на защиту героя.

Первые сбили трояне ахейских сынов быстрооких.
Тело оставя, побегли они; но ни воя меж ними
Трои сыны не сразили, надменные, как ни пылали;
Тело ж они увлекли; но вдали от него и данаи
Были недолго: их всех обратил с быстротою чудесной
Сын Теламона, и видом своим, и своими делами
Всех аргивян превышающий, после Пелида-героя.
Ринулся он сквозь передних, могучестью вепрю подобный,
Горному вепрю, который и псов и младых звероловцев
Всех, обращаяся быстро, легко рассыпает по дебри,—
Так Теламона почтенного сын, Аякс благородный,
Бросясь, рассыпал легко сопротивных густые фаланги,
Кои уже окружили Патрокла и сердцем пылали
В стены градские увлечь и великою славой покрыться.
Тело уж Гиппофоо̀й, пелазгийского Лефа рожденье,
За ногу торопко влек по кровавому поприщу боя,

Около глезны, у жил, обвязавши ремнем перевесным;
Гектору сим и троянам хотел угодить он; но быстро
Гибель пришла, и не спас ни один из друзей пламеневших.
Грозный Аякс на него, сквозь разорванных толпищ обрушась,
Пикою врукопашь грянул по медноланитному шлему;
И расселся шелом густогривый под медяным жалом,
Быв поражен и огромным копьем и рукою могучей.
Мозг по Аякса копью побежал из главы раздробленной,
Смешанный с кровью,— исчезла могучесть; из трепетных дланей
Ногу Патрокла-героя на землю пустил, и на месте
Сам он, лицом повалившися, пал подле мертвого мертвый,
Пал далеко от Лариссы родной; ни родителям бедным
Он не воздал за труды воспитания; век его краток
Был на земле, Теламонова сына копьем пресеченный.
Гектор меж тем на Аякса направил сияющий дротик.
Тот, хоть и впору завидел, от быстронесущейся меди
Чуть уклонился; но Гектор Схедѝя, Ифѝтова сына,
Храброго мужа фокеян, который в славном Панопе
Домом богатым владел и властвòвал многим народом,—
Мужа сего поразил под ключом; совершенно сквозь выю
Бурное жало копья и сквозь рамо вверху пробежало;
С шумом упал он на дол, и взгремели на падшем доспехи.
Мощный Аякс бранодушного Фòрка, Фенòпсова сына,
Труп защищавшего Гиппофоòя, ударил в утробу;
Лату брони просадила и внутренность медь сквозь утробу
Вылила; в прах повалившись, хватает рукою он землю.
Вспять отступили передних ряды и сияющий Гектор.
Крикнули громко данаи, и Гиппофоòя и Форка
Разом тела увлекли и с рамен их сорвали доспехи.

Скоро опять бы трояне от бранолюбивых данаев
Скрылися в град, побежденные собственной слабостью духа;
Славу ж стяжали б данаи, противу судеб громодержца,
Силой своею и доблестью; но Аполлон на данаев,
Гневный, Энея воздвигнул, образ прияв Перифàса,
Сына Эпѝтова; он при отце престарелом Энея,
Вестником быв, состарелся, исполненный кротких советов;
Образ приявши его, Аполлон провещал ко Энею:

«Как же могли б вы, Эней, защитить, вопреки и бессмертным,
Град Илион, как я некогда видел других человеков,

Крепко надежных на силу, на твердость сердец и на храбрость,
С меньшей дружиной своею, превысшею всякого страха!
Нам же и самый Кронид благосклоннее, чем аргивянам,
Хощет победы; но вы лишь трепещете, стоя без битвы!»

Так провещал; и Эней пред собою познал Аполлона,
В очи воззревший, и крикнул он Гектору голосом звучным:

«Гектор, и вы, воеводы троян и союзных народов!
Стыд нам, когда мы вторично от бранолюбивых данаев
Скроемся в град, побежденные собственной слабостью духа!
Нет, божество говорит — предо мною оно предстояло,—
Зевс, промыслитель верховный, нам благосклонствует в брани!
Прямо пойдем на данаев! Пускай сопостаты спокойно
К черным своим кораблям не приближатся с телом Патрокла!»

Рек, и, из ряду переднего вылетев, стал перед войском.
Трои сыны обратились и стали в лицо аргивянам.
Тут благородный Эней, ополченный копьем, Леокри̇та,
Сына Ари̇збанта, сверг, Ликоме̇дова храброго друга.
В жалость о падшем пришел Ликоме̇д, благодушный воитель;
К телу приблизился, стал и, сияющий ринувши дротик,
Он Апиза̀она, сына Гиппа̀сова, сил воеводу,
В печень под сердцем пронзил и сломил ему крепкие ноги,
Мужу, который притек от цветущих полей пеонийских
И на битвах блистал как храбрейший по Астеропе̇е.
В жалость пришел о поверженном Астеропе̇й бранодушный;
Прямо и он на данаев ударил, пылая сразиться;
Тщетная доблесть! кругом, как стеной, ограждались щитами
Окрест Патрокла стоящие, острые копья уставив.
Их непрестанно Аякс обходил, убеждающий сильно:
Шагу назад отступать не приказывал сын Теламонов;
С места вперед не идти, чтоб вдали от дружины сражаться;
Крепко у тела стоять и при нем с нападающим биться.
Так убеждал их великий Аякс. Между тем заливалась
Кровью багряной земля, упадали одни на другие
Трупы как храбрых троян и союзников их знаменитых,
Так и данайских мужей; и они не без крови сражались;
Меньше лишь гибнуло их; помышляли они беспрестанно,
Как им друг друга в толпе защищать от опасности грозной.

Битва пылала, как огнь пожирающий; каждый сказал бы —
Верно, на тверди небесной не цело ни солнце, ни месяц:
Мраком таким на побоище были покрыты герои,
Кои кругом Менетида, его защищая, стояли.
Прочие ж рати троян и красивопоножных данаев
Вольно сражались, под воздухом ясным; везде разливался
Пламенный солнечный свет, над равниною всей, над горами
Не было облака; с отдыхом частым сражалися войски;
Стороны обе свободно от стрел уклонялися горьких,
Ратуясь издали. Здесь же, в средине, во мраке и сече
Горе терпели; нещадно жестокая медь поражала
Воев храбрейших.— Но к двум брононосцам еще не достигла,
К славным мужам, Фразимѐду и брату его Антилоху,
Весть, что не стало Патрокла; еще они мнили, что храбрый
Жив и пред первой фалангою ратует гордых пергамлян.
Оба они, от друзей отвращая убийство и бегство,
В поле отдельно сражалися; так заповедывал Нестор,
В бой могучих сынов от ахейских судов посылая.

Те ж с одинаким неистовством спорили в страшном убийстве
Целый сей день; от труда непрерывного пòтом и прахом
Были колена и ноги и голени каждого воя,
Были и руки и очи покрыты на битве, пылавшей
Вкруг знаменитого друга Пелеева быстрого сына.
Словно когда человек вола огромного кожу
Юношам сильным дает растянуть, напоенную туком;
Те, захвативши ее и кругом расступившися, тянут
В разные стороны; влага выходит, а тук исчезает,
И, от многих влекущих, кругом расширяется кожа,—
Так и сюда и туда Менетида, на узком пространстве,
Те и другие влекли: несомненной надеждой пылали
Трои сыны к Илиону увлечь, а данайские мужи
К быстрым судам; и кругом его тела кипел ратоборный
Бурный мятеж; ни Арей, возжигатель мужей, ни Афина,
Видя его, не хулу б изрекла, и горящая гневом.

Подвиг такой за Патрокла, и воям и коням жестокий,
В день сей устроил Зевес. Но дотоле о смерти Патрокла
Вовсе не ведал герой Ахиллес, бессмертным подобный;
Рати далеко уже от ахейских судов воевали,
Близко троянской стены; не имел он и дум, что сподвижник

Пал; уповал он, что жив и, приближась к вратам Илиона,
Вспять возвратится; он ведал и то, что Приамова града,
Трои, Патрокл без него не разрушит, ни с ним совокупно.
Часто о том он слышал от матери: в тайных беседах
Сыну она возвещала совет великого Зевса;
Но беды жесточайшей, грозившей ему, не открыла
Нежная матерь: погибели друга, дражайшего сердцу.

Те ж неотступно у тела, уставивши острые копья,
Беспрерывно сшибались, один поражая другого.
Так восклицали иные от меднодоспешных данаев:

«Други данаи! бесславно для нас возвратиться отсюда
К нашему стану! На этом пусть месте утроба земная,
Мрачная, всех нас поглотит! И то нам отраднее будет,
Нежели тело сие попустить конеборцам троянам
С поля увлечь в Илион и сияющей славой покрыться!»

Так же иной говорил и в дружине троян крепкодушных:
«Други, хотя бы нам должно у трупа сего и погибнуть
Всем до последнего, с поля сего не сойдем ни единый!»

Так восклицали трояне, и дух у друзей распаляли.
Яростно билися воины; гром, раздаваясь, железный
К медному небу всходил по пустынным пространствам эфира.

Кони Пелеева сына, вдали от пылающей битвы,
Плакали стоя, с тех пор как почуяли, что их правитель
Пал низложенный во прах, под убийственной Гектора дланью.
Сын Диорèев на них Автомèдон, возатай искусный,
Сильно и с быстрым бичом налегал, понуждающий к бегу.
Много и ласк проговаривал, много и окриков делал,
Но ни назад, к Геллеспонту широкому, в стан мирмидонский,
Кони бежать не хотели, ни в битву к дружинам ахейским.
Словно как столп неподвижен, который стоит на кургане,
Мужа усопшего памятник или жены именитой,—
Так неподвижны они в колеснице прекрасной стояли,
Долу потупивши головы; слезы у них, у печальных,
Слезы горючие с веждей на черную капали землю,
С грусти по храбром правителе; в стороны пышные гривы
Выпав из круга ярма, у копыт оскверня́лися прахом.—

Коней печальных узрев, милосердовал Зевс-промыслитель
И, главой покивав, в глубине проглаголал душевной:

«Ах, злополучные, вас мы почто даровали Пелею,
Смертному сыну земли, не стареющих вас и бессмертных?
Разве, чтоб вы с человеками бедными скорби познали?
Ибо из тварей, которые дышат и ползают в прахе,
Истинно в целой вселенной несчастнее нет человека.
Но не печальтеся: вами отнюдь в колеснице блестящей
Гектор не будет везом торжествующий: не попущу я!
Иль не довольно, что он Ахиллеса доспехом гордится?
Вам же я новую крепость вложу и в колена и в сердце;
Вы Автомѐдона здравым из пламенной брани спасите
К черным судам, а троянам еще я славу дарую
Рать побивать, доколе судов мореходных достигнут,
И закатится солнце, и мраки священные снидут».

Так произнес он, и коням вдохнул благородную силу.
Кони, от грив пресмыкавшихся прах отряхнувши на землю,
Вдруг с колесницею быстрой меж двух ополчений влетели.
Ими напал Автомѐдон, хотя и печальный по друге;
Он на конях налетал, как на стаю гусиную коршун.
Быстро и вспять убегал от свирепости толпищ троянских,
Быстро скакал и вперед, обращающий толпища в бегство.
Но, в погоню бросаяся, он не сражал сопротивных;
Не было средства ему, одному в колеснице священной,
Вдруг и копье устремлять, и коней укрощать быстролетных.
Скоро увидел его мирмидѐнянин, сердцу любезный,
Искренний друг Алкимѐдон, Лаѐркея сын Эмонѝда;
Сзади приблизился он и вещал к Автомѐдону громко:

«Друг Автомѐдон, какой из бессмертных совет бесполезный
В сердце тебе положил и суждение здравое отнял?
Что ты противу троян, впереди, одинокий воюешь?
Друг у тебя умерщвлен, а бронею, с него совлеченной,
Перси покрыв, величается Гектор, броней Ахиллеса!»

Быстро ему с колесницы вещал Диорид Автомѐдон:
«Кто, Алкимѐдон могучий, как ты, из ахеян искусен
Коней бессмертных в деснице держать и покорность и ярость?
Был Менетѝд, искусством ристателя, в дни своей жизни,

Равный богам; но великого смерть и судьба одолела!
Шествуй, любезный; и бич и блестящие конские вожжи
В руки прими ты; а я с колесницы сойду, чтоб сражаться».

Так произнес; Алкимѐдон на бранную стал колесницу;
Разом и бич и бразды захватил в могучие руки;
Но Диорѝд соскочил; и узрел их сияющий Гектор,
И к Энею-герою, стоящему близко, воскликнул:

«Храбрый Эней, меднолатный дарданцев советник верховный!
Я примечаю коней быстроногого мужа Пелида,
В битве явившихся вновь, но с возницами, робкими духом.
Я уповаю добыть их, когда и твое совокупно
Сердце готово; уверен, когда нападем мы с тобою,
Противостать не посмеют они, чтобы с нами сразиться».

Рек; и послушался Гектора сын знаменитый Анхизов.
Бросились прямо, уставив пред персями тельчие кожи,
Крепкие кожи сухие, покрытые множеством меди.
С ними и Хрòмий-герой и Арѐт, красотой небожитель,
Бросились оба; надеждою верной ласкалось их сердце
И возниц поразить, и угнать их коней крутовыйных.
Мужи безумцы! они не без крови должны возвратиться
Вспять от возниц. Автомѐдон едва помолился Крониду,
Силою в нем и отвагой наполнилось мрачное сердце.
Быстро воззвал Диорѝд к Алкимѐдону, верному другу:

«Друг Алкимѐдон! держись от меня недалече с конями;
Пусть за хребтом я слышу их пышущих, ибо уверен,
Гектор, на нас устремленный, едва ль обуздает свирепство,
Прежде пока не взойдет на коней Ахиллесовых бурных,
Нас обоих умертвив, и покуда рядов не погонит
Воинств ахейских, иль сам пред рядами не ляжет сраженный!»

Так произнесши, к Аяксам воззвал и к царю Менелаю:
«Царь Менелай и аргивских мужей воеводы Аяксы!
Храбрым другим аргивянам поверьте заботу о мертвом;
Пусть окружают его и враждебных ряды отражают;
Вы же от нас, от живых, отразите грозящую гибель!
Здесь нападают на нас, окруженных плачевным убийством,
Гектор-герой и Эней, храбрейшие воины Трои!

Впрочем, еще то лежит у бессмертных богов на коленах:
Мчись и мое копие, а Кронион решит остальное!»

Рек он, и, мощно сотрясши, поверг длиннотенную пику
И ударил Арѐта в блистательный щит круговидный;
Щит копия не сдержал: сквозь него совершенно проникло
И сквозь запон блистательный в нижнее чрево погрузло.
Так, если юноша сильный, с размаху секирою острой
В голову, между рогами, степного тельца поразивши,
Жилу совсем рассечет; подскочивши, телец упадает,—
Так подскочил он и навзничь упал; изощренная — сильно
Медь у Арѐта в утробе сотрясшись, разрушила крепость.
Гектор пустил в Автомѐдона пикой своею блестящей;
Тот же, приметив ее, избежал угрожающей меди,
Быстро вперед наклонясь; за хребтом длиннотенная пика
В черную землю вонзилась и верхним концом трепетала
Долго, пока не смирилася ярость убийственной меди.
И они б на мечах рукопашно сразиться сошлися;
Но Аяксы могучие пламенных их разлучили,
Оба пришедши сквозь сечу на дружеский голос призывный.
Их устрашася могучих, стремительно вспять отступили
Гектор-герой, и Эней Анхизѝд, и божественный Хромий;
Друга Арѐта оставили там, прободенного в сердце,
В прахе лежащего; сын Диорѐев, Арею подобный,
С тела оружия сорвал и так торжествуя воскликнул:

«Ах! наконец хоть несколько я о Патрокловой смерти
Горесть от сердца отвел, хотя и слабейшего свергнув!»

Рек, и, подняв, в колесницу корысти кровавые бросил;
Быстро поднялся и сам, по рукам и ногам отовсюду
Кровью облитый, как лев истребительный, тура пожравший.

Окрест Патрокла с свирепостью новою брань загоралась,
Тяжкая, многим плачевная; бой распаляла Афина,
С неба нисшедши, ее ниспослал промыслитель Кронион
Дух аргивян возбудить: обратилося к ним его сердце.
Словно багряную радугу Зевс простирает по небу,
Смертным являющий знаменье или погибельной брани,
Или годины холодной, которая пахарей нудит
В поле труды прерывать, на стада же унылость наводит,—

Дочь такова громодержца, в багряный одетая облак,
К сонму данаев сошла и у каждого дух распаляла.
К первому сыну Атрея богиня, помощная в бранях,
Бывшему ближе других, Менелаю-герою воззвала,
Феникса-старца приявшая образ и голос могучий:

«Стыд и позор, Менелай, на тебя упадет вековечный,
Если Пелида великого — верного друга Патрокла,
Здесь, под стеною троянскою, быстрые псы растерзают!
Действуй решительно, все возбуди ополченья данаев!»

Быстро ответствовал ей Менелай, знаменитый воитель:
«Феникс, отец, давнородшийся старец! да даст Тритогена
Крепость деснице моей и спасет от убийственных копий!
В сечу готов я лететь, готов отстаивать тело
Друга Патрокла: глубоко мне смерть его тронула душу!
Но свирепствует Гектор, как бурный огонь; непрестанно
Всё истребляет кругом: громовержец его прославляет!»

Рек; и наполнилась радостью дочь светлоокая Зевса.
Ибо ее от бессмертных молящийся первую призвал.
Крепость ему в рамена и в колена богиня послала,
Сердце ж наполнила смелостью мухи, которая, мужем
Сколько бы крат ни была, дерзновенная, согнана с тела,
Мечется вновь уязвить, человеческой жадная крови,—
Смелость такая Атриду наполнила мрачное сердце.
Бросился он к Менетйду и ринул блестящую пику.
Был меж троянами воин Подѐс, Гетиòнова отрасль,
Муж и богатый и славный, отлично меж граждан троянских
Гектором чтимый, как друг, и в пирах собеседник любезный.
Мужа сего, обратившегось в бегство, Атрид светловласый
В запон копьем поразил, и насквозь его медь просадила;
С шумом он грянулся в прах; и Атрид Менелай дерзновенно
Мертвого к сонму друзей от троян повлек одинокий.
Гѐктора тою порой возбуждал стреловержец, явяся,
Фѐнопса образ приявши, который Приамову сыну
Другом любезнейшим был, Абидòса приморского житель;
Образ приявши его, провещал Аполлон-стреловержец:

«Кто ж еще более, Гектор, тебя устрашит из данаев,
Ежели ты Менелая трепещешь? Был он доныне

Воин в сражениях слабый, а ныне один от пергамлян
Тело влечет! У тебя умертвил он любезного друга,
Храброго, в первом ряду, Гетиòнова сына, Подèса!»

Рек; и покрыло Гектора облако мрачное скорби;
Он устремился вперед, потрясая сверкающей медью.
В оное время Кронион принял свой эгид бахромистый,
Пламеннозарный, и, тучами черными Иду покрывши,
Страшно блеснул, возгремел и потряс громовержец эгидом,
Вновь посылая победу троянам и бегство данаям.

Бегство ужасное начал вождь Пенелѐй-беотиец.
Он, беспрестанно вперед устремляяся, в рамо был ранен
Сверху скользнувшим копьем; но рассекло тело до кости
Полидамàса оружие: он его врукопашь ранил.
Гектор ударом копья Алектрйона сыну, Леиту,
Руку близ кисти пронзил и унял его рьяную храбрость;
Он побежал, озираяся; более в сердце не чаял
Острою пикой владеть и сражаться с народом троянским.
Гектора ж Идоменѐй, на Леита летевшего, прямо
В грудь, у сосца, по блестящему панцырю пикой ударил;
Пика сломилась у трубки огромная; крикнула громко
Сила троянская. Гектор направил копье в Девкалйда
(Он в колеснице стоял) и немного в него не уметил;
Кѐрана он поразил, Мерионова друга-возницу,
Мужа, который за ним из цветущего следовал Ликта
(Пешим сперва Девкалйд от судов мореходных явился
В битву, и верно б троянам великую славу доставил,
Если бы Кѐран скорее коней не пригнал быстроногих;
Светом царю он явился, годину отвел роковую,
Сам же — дух свой предал под убийственной Гектора дланью).
Гектор его копием улучает под челюсть, и зубы
Вышибла острая медь и язык посредине рассекла;
Он с колесницы падет и бразды разливает по праху.
Их Мерион, наклоняся поспешно, своими руками
С праха земного подъял и воскликнул к царю Девкалйду:

«Быстро гони, Девкалйон, пока до судов не домчишься!
Ныне ты видишь и сам, что победа уже не ахеян!»

Рек; и бичом Девкалйон хлестнул по коням легогривым,
Правя к судам; боязнь Девкалйону пала на сердце.

В оное ж время постиг и Аякс и Атрид светловласый
Волю Кронида, что Трои сынам даровал он победу.
Слово пред воинством начал Аякс Теламонид великий:

«Горе, о други! Теперь уж и тот, кто совсем малосмыслен,
Ясно постигнет, что славу Кронион троянам дарует!
Стрелы троянские, кто б ни послал их, и слабый и сильный,
Все поражают: Кронид без различия все направляет;
Стрелы же наши у всех бесполезно валятся на землю!
Но решимся, данаи, и сами помыслим о средстве,
Как Менетидово тело увлечь от враждебных, и вместе
Как, и самим возвратяся, друзей нам возрадовать милых,
Кои, взирая на нас, сокрушаются; более, мыслят,
Гектора-мужеубийцы ни силы, ни рук необорных
Мы не снесем, но в суда мореходные бросимся к бегству.
О, если б встретился друг, к объявлению вести способный
Сыну Пелееву; он, как я думаю, вовсе не слышал
Вести жестокой, не знает, что друг его милый погибнул.
Но никого я такого не вижу в дружине ахейской.
Мраком покрыты глубоким и ратные мужи и кони!
Зевс наш владыка избавь аргивян от ужасного мрака!
Дневный свет возврати нам, дай нам видеть очами!
И при свете губи нас, когда уже так восхотел ты!»

Так говорил; и слезами героя отец умилился:
Быстро и облак отвел, и мрак ненавистный рассеял;
Солнце с небес засияло, и битва кругом осветилась.
И Аякс Теламонид воззвал к Менелаю Атриду:

«Ныне смотри, Менелай благородный, и если живого
Можешь обресть Антилоха, почтенного Нестора сына,
Сам убеди, да скорее идет Ахиллесу-герою
Весть объявить, что любезнейший друг его в брани погибнул!»

Так говорил; и послушал его Менелай светловласый;
Но уходил от побоища, словно как лев от загона,
Где наконец истомился, и псов и мужей раздражая.
Зверю они не дающие тука от стад их похитить,
Целую ночь стерегут, а он, алкающий мяса,
Мечется прямо, но тщетно ярится: из рук дерзновенных
С шумом летят, устремленному в сретенье, частые копья,

Главни горящие; их устрашается он, и свирепый,
И со светом зари удаляется, сердцем печален,—
Так от Патрокла герой отошел, Менелай светловласый,
С сильным в душе нехотением: он трепетал, да ахейцы,
В пагубном страхе, Патрокла врагам не оставят в добычу;
Сильно еще убеждал Мериона и храбрых Аяксов:

«Други Аяксы, и ты, Мерион, аргивян воеводы!
Вспомните кротость душевную бедного друга Патрокла,
Вспомните все вы; доколе дышал, приветен со всеми
Быть он умел, но теперь он постигнут судьбою и смертью!»

Так говорящий друзьям, уходил Менелай светловласый,
Смотря кругом, как орел быстропарный, который, вещают,
Видит очами острее всех поднебесных пернатых;
Как ни высоко парит, от него не скрывается заяц
Легкий, под темным кустом притаившийся; он на добычу
Падает, быстро уносит и слабую жизнь исторгает,—
Так у тебя, Менелай благородный, светлые очи
Быстро вращались кругом по великому сонму ахеян,
Жадные встретить живого еще Антилоха младого.
Скоро его он увидел на левом краю ратоборства,
Где ободрял он друзей, возбуждая на крепкую битву.
Близко к нему подходя, возгласил Менелай светловласый:

«Шествуй сюда, Антилох, услышишь ты, Зевсов питомец,
Горькую весть, какой никогда не должно бы свершаться!
Ты, я уверен, и собственным взором уже наблюдая,
Видишь, какое бедствие бог на данаев обрушил!
Видишь, победа троян! Поражен аргивянин храбрейший;
Пал наш Патрокл; беспредельная горесть данаев постигла!
Друг, к кораблям фессалийским немедля беги, Ахиллесу
Весть объявить; не успеет ли он спасти хоть нагое
Тело Патрокла: доспехи совлек торжествующий Гектор!»

Так говорил; Антилох ужаснулся, услышавши речи;
Долго стоял он от ужаса нем; но у юноши очи
Быстро наполнились слез, и поднявшийся голос прервался.
Но не презрел он и так повелений царя Менелая:
Бросился, ратный доспех Лаодо̀ку любезному вверив,
Другу, державшему подле коней его твердокопытых.

Быстро, лиющего слезы, несли его ноги из боя,
Чтобы сыну Пелея ужасное слово поведать.

Сердцу, Атрид, твоему не угодно, божественный, было
Тех утесненных друзей защищать, которых оставил
Несторов сын,— в сокрушении горьком остались пилосцы;
К ним Менелай послал Фразимѐда, подобного богу;
Сам же опять полетел на защиту Патрокла-героя;
Вместе с Аяксами стал и вещал к ним крылатое слово:

«Я Антилоха послал к мирмидонским судам мореходным,
С вестию сыну Пелееву быстрому; но, я уверен,
Он не придет, хоть и страшно на Гектора мощного гневен.
Как он, лишенный оружия, в битву с троянами вступит?
Сами собою, данаи, придумаем способ надежный,
Как и сраженного друга спасем от враждебных, и сами
Как под грозою троян от судьбы и от смерти избегнем».

И Атриду ответствовал сын Теламона великий:
«Всё справедливо, что ты ни вещал, Менелай знаменитый.
Бросьтеся ж, ты и Молӣд Мерион; наклонитеся быстро
Тело поднять и несите из боя; а мы позади вас
Будем сражаться с народом троянским и Гектором мощным,
Мы, равносильные, мы, соименные, кои и прежде
Бурные грозы Арея, друг с другом сложась, выносили».

Рек; и они, от земли подхвативши, подняли тело
Вверх и высоко и мощно; ужасно завòпили сзади
Трои сыны, лишь узрели данаев, подъемлющих тело;
Бросились прямо, подобно как псы на пустынного вепря,
Если он ранен, летят впереди молодых звероловцев;
Быстро сначала бегут, растерзать нетерпеньем пылая;
Но, едва он на них оборотится, силою гордый,
Мечутся вспять и кругом рассыпаются друг перед другом,—
Так и трояне сначала толпой неотступно неслися,
В тыл аргивянам колебля мечи и двуострые копья;
Но едва лишь Аяксы, на них обратясь, становились,—
Лица бледнели троян, и от них не дерзал ни единый
Выйти вперед, чтоб с оружием в длани за тело сразиться.

Так усердно они уносили Патрокла из боя
К стану судов мореходных; но бой возрастал по следам их,

Бурный, подобно как огнь, устремленный на град человеков;
Вспыхнувши вдруг, пожирает он всё; рассыпаются зданья
В страшном пожаре, который шумит, раздуваемый ветром,—
Так и коней колесничных и воинов меднодоспешных
Бранный, неистовый шум по следам удалявшихся несся.
Те ж, как яремные мески, одетые крепкою силой,
Тянут с высокой горы, по дороге жестокобугристой,
Брус корабельный иль мачту огромную; рьяные, вместе
Страждут они от труда и от пота, вперед поспешая,—
С рвеньем таким аргивяне Патрокла несли. Позади их
Бой отражали Аяксы, как холм — разъяренные воды,
Лесом поросший, чрез целое поле протяжно лежащий;
Он и могучие реки, с свирепостью волн их встречая,
Держит и, весь их напор отражая, в долины другие
Гонит; его же не в силах могучие реки расторгнуть,—
Так непрестанно Аяксы, держась позади, отражали
Битву троян; но враги наступали, и два наипаче —
Мощный Эней Анхизид и шлемом сверкающий Гектор.
И как туча скворцов или галок испуганных мчится
С криками ужаса, если увидят сходящего сверху
Ястреба, страшную смерть наносящего мелким пернатым,—
Так пред Энеем и Гектором юноши рати ахейской
С воплем ужасным бежали, забывши воинскую доблесть.
Множество пышных оружий усеяли ров и окрестность
В пагубном бегстве данаев; и бранная буря не молкла.

ПЕСНЬ XVIII

СОДЕРЖАНИЕ

Между тем как Ахиллес, видя большое смятение в воинстве ахеян, размышляет о причинах его, Антилох приносит ему весть о смерти Патрокла, ст. 1—21; он предается исступленной горести и плачу, 22—35. Фетида, услышав плач его, выходит из моря с сонмом нереид, чтобы утешить сына; но, видя, что он пылает немедленно мстить Гектору, невзирая на то, что и сам скоро после Гектора умереть должен,— мать отклоняет нетерпение его до следующего дня, в который обещает ему принесть от Гефеста оружия, 36—137. Отпустив нереид в дом, Фетида спешит на Олимп; между тем бой возобновляется при теле Патрокла; и, несмотря на храбрую защиту Аяксов, Гектор овладел бы оным, если б Ахиллес, по убеждению Ирисы, посланной к нему от Геры, не вышел на высоту рва без оружия. Грозным видом своим и голосом он устрашает троян, которые в смятении предаются бегству, 138—231. Между тем ахейцы, исторгнув тело Патрокла, приносят его в сень Ахиллеса, при наступлении ночи, приближение которой ускоряет Гера, повелев Солнцу преждевременно закатиться, 232—242. Трояне в тревоге составляют совет; Полидамас советует им не оставаться ночью при кораблях, но войти в город, чтобы избежать неминуемого поражения, если Ахиллес равно нападет на них. Благоразумный совет его отвергнут Гектором; он, напротив, намеревается на другой день приступить к кораблям и сразиться с самим Ахиллесом, 243—314. Трояне проводят ночь в поле; ахеяне же, вместе с Ахиллесом, оплакивают Патрокла; омывают тело его, умащают благовониями и полагают на одр погребальный, 315—355. На Олимпе Зевс укоряет супругу, что она вновь возбудила ко брани Ахиллеса; между тем Фетида приходит в дом Гефеста и почтительно принимается, 356—427. Гефест, на просьбу ее изъявив благосклонную готовность, делает для Ахиллеса щит, великолепно украшенный, и другие оружия, 428—616.

ПЕСНЬ XVIII

Так ратоборцы сражались, огням подобно свирепым.
Но Антилох к Ахиллесу стремительно с вестью приходит,
Видит его одного; при судах островерхих сидел он,
В сердце о том размышляющий, что перед ним совершалось.
Тихо вздохнув, говорил он с своею душою великой:

«Горе! что думать? почто кудревласые чада Геллады
Снова назад к кораблям в беспорядке бегут по долине?
О, не свершили ли боги несчастий, ужаснейших сердцу,
Кои мне матерь давно предвещала; она говорила:
В Трое, прежде меня, мирмидо̀нянин, в брани храбрейший,
Должен под дланью троянской расстаться с солнечным светом.
Боги бессмертные, умер Менетиев сын благородный!
Ах, злополучный! А я умолял, чтоб, огонь отразивши,
Он возвратился и с Гектором в битву вступать не дерзал бы!»

Тою порою, как думы сии в уме обращал он,
Несторов сын знаменитый к нему приближается грустный,
Слезы горячие льющий, и страшную весть произносит:

«Горе мне, храбрый, любезный Пели̇д! от меня ты услышишь
Горькую весть, какой никогда не должно бы свершиться!
Пал наш Патрокл! и уже загорелася битва за тело;
Он уже наг; совлек всё оружие Гектор могучий!»

Рек; и Пелида покрыло мрачное облако скорби.
Быстро в обѐ он руки схвативши нечистого пепла,
Голову всю им осыпал и лик осквернил свой прекрасный;

Риза его благовонная вся почернела под пеплом.
Сам он, великий, пространство покрывши великое, в прахе
Молча простерся и волосы рвал, безобразно терзая.
Жены младые, которых и он и Патрокл полонили,
В грусти глубокой завопили громко и, быстро из сени
Все к Ахиллесу великому выбежав, руки ломали,
Билися в перси, доколе у всех подломилися ноги.
Подле младой Антилох тосковал, обливаясь слезами,
И Ахиллеса, стенящего горестно, руку держал он,
В страхе, да выи железом себе не пронзит исступленный.
Страшно он, плача, вопил; и услышала вопль его матерь
В безднах глубокого моря, в чертогах родителя-старца;
Горько сама возопила; и к ней собирались богини,
Все из моря глубокого сестры ее, нереиды;
Вдруг Кимодока явилась, и Фалия-нимфа, и Главка,
Спея, Несея, и Фоя, и Галия, светлая взором;
Вслед Камофоя спешила, и с ней Лимнория, Актея,
Нимфа Мелита, Иера, Агава, за ней Амфифоя,
Дота, Прота, Феруза, Оризия и Амфинома;
Каллианира пришла, Дексамена с младой Динаменой;
Нимфа Дориса, Панопа, краса нереид Галатея,
Нимфа Нимерта, Апсевда и нежная Каллианасса;
Там и Климена была, Ианира с младой Ианассой,
Мера и с ней Амафея, роскошноволосая нимфа;
Все из моря глубокого сестры ее, нереиды.
Ими вертеп серебристый наполнился; все они вместе
Билися в перси, и громко меж них возопила Фетида:

«Сестры мои, нереиды, внемлите вы все мне, богини!
Все вы узнайте, какие печали терзают мне душу!
Горе мне бедной, горе несчастной, героя родившей!.
Так, родила я душой благородного, храброго сына,
Первого между героев! Возрос он, как пышная отрасль;
Я воспитала его, как прекраснейший цвет в вертограде;
Юного в быстрых судах отпустила на брань к Илиону
Ратовать храбрых троян; и его никогда не увижу
В доме отеческом, в светлых чертогах супруга Пелея!
Но, пока и живет он, и солнца сияние видит,
Должен страдать; и ему я помочь не могу и пришедши!
Но иду я, чтоб милого сына увидеть, услышать,
Горесть какая постигла его, непричастного брани!»

Так произнесши, вертеп оставляет; за нею и сестры
Плача выходят, и вкруг нереид расступаются с шумом
Волны морские. Они, плодоносной достигнувши Трои,
Тихо одна за другою выходят на берег, где рядом
Все корабли мирмидонян стояли кругом Ахиллеса.
Нежная матерь к нему, стенящему горько, предстала,
С горестным воплем главу обхватила у милого сына
И, рыдая сама, говорила крылатые речи:

«Что ты, о сын мой, рыдаешь? Какая печаль посетила
Душу твою? Не скрывайся, скажи! Громовержец исполнил
Всё, о чем ты его умолял с воздеянием дланей:
Все до корм корабельных данайские прогнаны рати,
Жаждут тебя одного и позорные бедствия терпят».

Ей, тяжело воздохнув, отвечал Ахиллес быстроногий:
«Знаю, о матерь, Зевес громовержущий всё мне исполнил.
Но какая в том радость, когда потерял я Патрокла,
Милого друга! Его из друзей всех больше любил я;
Им как моею главой дорожил; и его потерял я!
Гектор-убийца похитил с него и доспех тот огромный,
Дивный, богами дарованный, дар драгоценный Пелею
В день, как богиню тебя на смертного ложе повергли.
О, почто не осталась ты нимфой бессмертною моря!
О, почто и Пелей не избрал себе смертной супруги!
Должно теперь и тебе бесконечную горесть изведать,
Горесть о сыне погибшем, которого ты не увидишь
В доме отеческом! ибо и сердце мое не велит мне
Жить и в обществе быть человеческом, ежели Гектор,
Первый, моим копием пораженный, души не извергнет
И за грабеж над Патроклом любезнейшим мне не заплатит!»

Матерь, слезы лиющая, снова ему говорила:
«Скоро умрешь ты, о сын мой, судя по тому, что вещаешь!
Скоро за сыном Приама конец и тебе уготован!»

Ей, тяжело воздохнув, отвечал Ахиллес быстроногий:
«О, да умру я теперь же, когда не дано мне и друга
Спасть от убийцы! Далёко, далёко от родины милой
Пал он; и, верно, меня призывал, да избавлю от смерти!
Что же мне в жизни? Я ни отчизны драгой не увижу,
Я ни Патрокла от смерти не спас, ни другим благородным

Не был защитой друзьям, от могучего Гектора падшим,—
Праздный сижу пред судами, земли бесполезное бремя,
Я, которому равного между героев ахейских
Нет во брани, хотя на советах и многие лучше.
О, да погибнет вражда от богов и от смертных, и с нею
Гнев ненавистный, который и мудрых в неистовство вводит.
Он в зарождении сладостней тихо струящегось меда,
Скоро в груди человека, как пламенный дым, возрастает!
Гневом таким преисполнил меня властелин Агамѐмнон.
Но забываем мы всё прежде бывшее, как ни прискорбно;
Гнев оскорбленного сердца в груди укрощаем, по нужде.
Я выхожу, да главы мне любезной губителя встречу,
Гектора! Смерть же принять готов я, когда ни рассудят
Здесь мне назначить ее всемогущий Кронион и боги!
Смерти не мог избежать ни Геракл, из мужей величайший,
Как ни любезен он был громоносному Зевсу Крониду;
Мощного рок одолел и вражда непреклонная Геры.
Так же и я, коль назначена доля мне равная, лягу
Где суждено; но сияющей славы я прежде добуду!
Прежде еще не одну между жен полногрудых троянских
Вздохами тяжкими грудь раздирать я заставлю и в горе
С нежных ланит отирать руками обеими слезы!
Скоро узнают, что долгие дни отдыхал я от брани!
В бой выхожу; не удерживай, матерь: ничем не преклонишь!»

Вновь отвечала ему среброногая матерь Фетида:
«Ты говоришь справедливо, любезнейший сын: благородно
Быть для друзей угнетенных от бед и от смерти защитой.
Но доспех твой прекрасный... во власти троян напыщенных;
Медяным, светлосияющим им шлемоблещущий Гектор
Перси покрыв, величается! Но, уповаю, недолго
В нем величаться троянцу: погибель его недалёко!
Но и ты, мой сын, не вступай в боевую тревогу,
Снова пока не приду я и сам ты меня не увидишь;
Завтра я рано сюда с восходящим солнцем явлюся
И прекрасный доспех для тебя принесу от Гефеста».

Так говоря, отвратилась богиня от скорбного сына
И, обратяся к сестрàм, нереидам морским, говорила:
«Сестры мои, погрузитеся в лоно пространного моря,
В дом возвратитесь отца, и, увидевши старца морского,

Всё вы ему возвестите, а я на Олимп многохолмный,
Прямо к Гефесту иду: не захочет ли славный художник
Дать моему Ахиллесу блистательных славных оружий».

Так изрекла; и они погрузилися в волны морские.
Прямо на светлый Олимп устремилась богиня Фетида,
Быстро идя, чтоб принесть оружия милому сыну;
Быстро к Олимпу ее возносили стопы. Но ахейцы
С криком ужасным тогда, перед Гектором-людоубийцей
В страхе бежа, к кораблям и зыбям Геллеспонта примчались.
Тщетно ахеяне меднопоножные рвались Патрокла
Спасть из-под вражеских стрел, Ахиллесова мертвого друга,
Снова Патрокла настигли толпы и народа и коней,
С коими Гектор вослед его гнался, как бурное пламя.
За̀ ноги трижды хватал шлемоблещущий Гектор Патрокла,
Вырвать пылая, и страшно кричал он, троян призывая;
Трижды Аяксы его отражали от тела своею
Бурною силой; но Гектор упорно, на силу надежный,
То нападал на столпившихся, то становился и громким
Криком своим призывал; но назад отступить он не думал.
Словно как пылкого льва отпугнуть от кровавого трупа
Пастыри в поле ночные, яримого гладом, не могут,—
Так не могли совокупные, храбрые оба Аяксы
Гектора, Трои вождя, отогнать от Патроклова тела.
Он овладел бы, покрылся бы он беспредельною славой,
Если б герою Пелиду подобная вихрям Ириса
С вестью, да к брани воздвигнется, быстро с небес не явилась,
Тайно от Зевса и прочих богов устремленная Герой.
Вестница стала пред ним и крылатые речи вещала:

«К брани воздвигнись, ужаснейший муж, Пелейон быстроногий!
Тело Патрокла спаси; за него пред судами восстала
Бурная сеча; неистово в ней убивают друг друга:
Мужи ахейские, чтоб отстоять бездыханное тело,
Мужи троянские, чтоб овладеть и умчать к Илиону,
Пламенно рвутся; но пламенней всех бронеблещущий Гектор
Жаждет увлечь, и Патроклову голову он замышляет
С белой выи срубить и на кол вонзить в поруганье.
Шествуй, не время покоиться, ужас ты в сердце почувствуй,
Если Патрокл твой будет игралищем псов илионских!
Срам на тебе, если тело его искаженное придет!»

К ней, воздохнув, говорил быстроногий Пелид знаменитый:
«Кем ты, бессмертная, вестницей мне послана от бессмертных?»

Вновь отвечала ему подобная ветрам Ириса:
«Гера меня ниспослала, священная Зевса супруга,
Тайно; не знает сего ни высокопрестольный Кронион,
Ни другой из бессмертных, на снежном Олимпе живущих».

Ей ответствовал вновь быстроногий Пелид знаменитый:
«Как мне в сражение выйти? доспех мой у них, у враждебных!
Матерь же милая мне возбранила на бой ополчаться
Прежде, поколе ее возвратившуюсь здесь не увижу,
Мне обещая принесть от Гефеста доспех велелепный.
Здесь же не ведаю, чьим мне облечься оружием крепким?
Щит мне споручен один — Теламонова сына Аякса;
Но и сам он, я мню, подвизается между передних,
Пикой врагов истребляя вокруг Менетидова тела».

Вновь отвечала герою подобная ветрам Ириса:
«Знаем мы все, что твоим овладели оружием славным.
Но без оружий приблизься ко рву, покажися троянам:
Лик твой узрев, ужаснутся трояне и, может быть, бросят
Пламенный бой; а данайские храбрые мужи отдохнут,
Боем уже истомленные; краток в сражениях отдых».

Так говоря, отлетела подобная ветрам Ириса.
И восстал Ахиллес, громовержцу любезный; Паллада
Мощные плечи его облачила эгидом кистистым;
Облак ему вкруг главы обвила золотой Тритогена
И кругом того облака пламень зажгла светозарный.
Словно как дым, подымаясь от града, восходит до неба,
С острова дальнего, грозных врагов окруженного ратью,
Где, от утра до вечера, споря в ужасном убийстве,
Граждане бьются со стен; но едва сокрывается солнце,
Всюду огни зажигают маячные; свет их высоко
Всходит и светит кругом, да живущие окрест увидят
И в кораблях отразители брани скорее примчатся,—
Так от главы Ахиллесовой блеск подымался до неба.
Вышед за стену, он стал надо рвом; но с народом ахейским,
Матери мудрой завет соблюдая, герой не мешался;
Там он крикнул с раската; могучая вместе Паллада

Крик издала; и троян обуял неописанный ужас.
Сколь поразителен звук, как труба загремит, возвещая
Городу приступ врагов-душегубцев, его окруживших,—
Столь поразителен был воинственный крик Эакида.
Трои сыны лишь услышали медяный глас Эакидов,
Всех задрожали сердца; долгогривые кони их сами
Вспять с колесницами бросились; гибель зачуяло сердце.
В ужас впали возницы, узрев огонь неугасный,
Окрест главы благородной подобного богу Пелида
Страшно пылавший; его возжигала Паллада-богиня.
Трижды с раската ужасно вскричал Ахиллес быстроногий;
Трижды смешалися войски троян и союзников славных.
Тут средь смятенья, от собственных коней и копий, двенадцать
Сильных погибло троянских мужей. Между тем аргивяне
Весело, к радости всех, из-под копий умчавши Патрокла,
Тело на одр положили; его окружили, рыдая,
Грустные други; за ними пошел Ахиллес благородный;
Теплые слезы он пролил, увидевши верного друга,
Медью пронзенного острой, на смертном простертого ложе,
Друга, которого сам с колесницей своей и с конями
В битву послал, но живого, пришедшего с битвы, не встретил.

Тою порою Солнцу, в пути неистомному, Гера,
Противу воли его, в Океан низойти повелела.
Солнце сокрылося в волны, и рать благородных данаев
Вся от тревоги и общегубительной брани почила.

Трои сыны на другой стороне с ратоборного поля
Быстро сошли, от ярм отрешили коней долгогривых
И, не мысля о вечери, вдруг на совет собирались.
Стоя троянские мужи держали совет; ни единый
Сесть не дерзал; ужасались они, что Пелид быстроногий
Вновь показался, давно уклонявшийся грозного боя.
Полидама̀с Панфо̀ид им начал советовать мудрый:
Он бо один и минувшее знал, и грядущее видел;
Другом Гектора был и в единую ночь с ним родился;
Но, как речами был он, так Гектор оружием славен;
Муж благомысленный, так он троянам советовать начал:

«Тщательно, други, размыслите; я вам советую ныне ж
В град с ополченьем войти, а не ждать Авроры священной

В поле, близ самых судов: далѐко мы стоим от твердыни.
В дни, как сей муж враждовал на Атрида, владыку народов,
В битвах не столько нам тягостны были данайские рати.
Я веселился и сам, при судах мореходных ночуя;
Чаял, что скоро возьмем мы суда меднолатных данаев.
Ныне ж, как вы, я страшуся Пелеева быстрого сына;
Знаю я душу Пелидову бурную: он не захочет
Медлить на этих полях, где трояне, с сынами ахеян
В битвы сходяся, равно разделяли свирепство Арея,—
Града и наших супруг добывать он битвою будет.
В град возвратимся немедля; поверьте мне, так совершится!
Ныне от битв удержала Пелеева бурного сына
Ночь благовонная; если и завтра нас здесь он застанет,
Завтра нагрянув с оружием,— о! не один Ахиллеса
Скоро узнает; войдет не без радости в Трою святую,
Кто избежит от могучего — многих троян растерзают
Враны и псы; но не дайте мне, боги, подобное слышать!
Если вы мне покоритесь, хотя и прискорбно то сердцу,
Ночь проведем мы на площади с силой; а городу стены,
Башни, ворота высокие, оных огромные створы,
Длинные, гладкие, крепко сплочённые, будут защитой.
Утром же мы на заре, ополчася оружием медным,
Станем на башнях; и горе надменному, если захочет
Он, от судов устремившися, с нами вкруг града сражаться!
Вспять к судам возвратится, когда он коней крутовыйных
В долгих бегах истомит, перед градом их праздно гоняя;
В стены ворваться ни гордое сердце ему не позволит;
Их не разрушит он; быстрые псы его прежде изгложут!»

Грозно взглянув на него, отвечал шлемоблещущий Гектор:
«Всё для меня неприятное, Полидамас, ты вещаешь,
Ты, убеждающий вспять отступить и в Трое скрываться!
Или в стенах заключенными быть вам еще не постыло?
Прежде Приамов сей град племена ясновещие смертных
Все нарицали счастливым, богатым и златом и медью,—
Скрылося всё, что в домах драгоценного, пышного было!
Сколько во Фригию или в Меонию, славную землю,
Продано наших сокровищ с тех пор, как прогневан Кронион!
Ныне ж, когда благодеющий мне даровал громовержец
Славу стяжать при судах, отразив к Геллеспонту ахеян,
Мысли такие, безумец, стыдись открывать пред народом!

Их ни один из троян не послушает, я не позволю!
Слушайте, други, вы слово мое и ему повинуйтесь:
Ныне вы все вечеряйте по стану, отряд близ отряда;
Помните стражу ночную и бодрствуйте каждый на страже.
Кто ж из троян о богатствах домашних безмерно крушится,
Пусть соберет и отдаст на народ, да народ их истратит:
Пусть кто-нибудь из своих наслаждается, но не ахейцы!
Завтра ж, еще на заре, ополчася оружием ратным,
Мы на суда многовеслые боем решительным грянем.
Ежели истинно к брани восстал Ахиллес быстроногий,
Худо ему, как желает он, будет! Не стану я больше
В битве ужасной его избегать, но могучего смело
Встречу. С победною славою он или я возвращуся:
Общий у смертных Арей; и разящего он поражает!»

Гектор вещал, а трояне шумно кругом восклицали.
Мужи безумные! разум у них помрачила Паллада.
С Гектором все согласились, народу беды совещавшим;
С Полидама̀сом — никто, совет предлагавшим полезный.
В поле они вечеряли всем воинством. Но мирмидонцы
Целую ночь провели над Патроклом, стеня и рыдая.
Царь Ахиллес среди сонма их плач свой рыдательный начал:
Грозные руки на грудь положив бездыханного друга,
Часто и тяжко стенал он,— подобно как лев густобрадый,
Ежели скимнов его из глубокого леса похитит
Ланей ловец; возвратяся он, поздно, по детях тоскует;
Бродит из дебри в дебрь и следов похитителя ищет,
Жалобно стонущий; горесть и ярость его обымают,—
Так стеная, Пелид говорил посреди мирмидонян:

«Боги, боги! бесплодное слово из уст изронил я
В день, как старался утешить героя Менетия в доме!
Я говорил, что в Опунт приведу ему славного сына
Трои рушителем крепкой, участником пышной добычи.
Нет, не все помышления Зевс человекам свершает!
Нам обоим предназначено землю одну окровавить
Здесь, на троянском брегу! И меня, возвратившегось с боя,
В доме отцов никогда ни Пелей престарелый не встретит,
Ни любезная матерь, но здесь покроет могила!
Если же после тебя, о Патрокл мой, в могилу сойти мне,
С честью тебя погребу; но не прежде, как здесь я повергну

Броню и голову Гектора, гордого смертью твоею!
Окрест костра твоего обезглавлю двенадцать плененных
Трои краснейших сынов, за убийство тебя отомщая!
Ты ж до того, Менетид, у меня пред судами покойся!
Окрест тебя полногрудые жены троян и дарданцев,
Коих с тобой мы добыли копьем и могучестью нашей,
Грады руша цветущие бранолюбивых народов,
Пусть рыдают, и ночи и дни обливаясь слезами».

Так говорил, и друзьям повелел Ахиллес благородный
Медный великий треножник поставить на огнь и скорее
Тело Патрокла омыть от запекшейся крови и праха.
Мужи сосуд омовений, поставив на светлое пламя,
Налили полный водою и дров на огонь подложили;
Дно у треного огонь обхватил, согревалася влага.
И когда закипевшая в звонкой меди зашумела —
Тело омыли водой, умастили светлым елеем,
Язвы наполнили мастью драгой, девятигодовою;
После, на одр положив, полотном его тонким покрыли
С ног до главы и сверху одели покровом блестящим.
Целую ночь потом вкруг Пелида-царя мирмидонцы,
Стоя толпой, о Патрокле крушились, стеня и рыдая.

Зевс на Олимпе воззвал к златотронной сестре и супруге:
«Сделала ты что могла, волоокая, гордая Гера!
В брань подняла быстроногого сына Пелеева. Верно,
Родоначальница ты кудреглавых народов Геллады».

Быстро воззвала к нему волоокая Гера-царица:
«Мрачный Кронион! какие слова ты, могучий, вещаешь?
Как? человек человеку свободно злодействовать может,
Тот, который и смертен и столько советами скуден.
Я ж, которая здесь почитаюсь богиней верховной,
Славой сугубой горжусь, что меня и сестрой и супругой
Ты нарицаешь — ты, над бессмертными всеми царящий,—
Я не должна, на троян раздраженная, бед устроять им?»

Так божества олимпийские между собою вещали.
Тою порою Фетида достигла Гефестова дома,
Звездных, нетленных чертогов, прекраснейших среди Олимпа,
Кои из меди блистательной создал себе хромоногий.

Бога, покрытого пòтом, находит в трудах, пред мехами
Быстро вращавшегось: двадцать треножников вдруг он работал,
В утварь поставить к стене своего благолепного дома.
Он под подножием их золотые колеса устроил,
Сами б собою они приближалися к сонму бессмертных,
Сами б собою и в дом возвращалися, взорам на диво.
В сем они виде окончены были; одних не приделал
Хитроизмышленных ручек: готовил, и гвозди ковал к ним.
Тою порою, как их он по замыслам творческим делал,
В дом его тихо вошла среброногая мать Ахиллеса.
Вышла, увидев ее, под покровом блестящим Харита,
Прелестей полная, бога хромого супруга младая;
За руку с лаской взяла, говорила и так вопрошала:

«Что ты, Фетида, покровом закрытая, в дом наш приходишь,
Милая нам и почтенная? редко ты нас посещаешь.
Но войди ты в чертог, да тебя угощу я, богиню».

Так произнесши, Харита во внутренность вводит Фетиду.
Там сажает богиню на троне серебряногвоздном,
Пышном, изящно украшенном, с легкой подвижной скамьею.
После голосом громким Гефеста-художника кличет:

«Выди, Гефест, до тебя у Фетиды Нереевой просьба».

Ей немедля ответствовал славный Гефест хромоногий:
«Мощная в доме моем и почтенная вечно богиня!
Ею мне жизнь спасена, как страдал я, заброшенный с неба
Волею матери Геры: бесстыдная скрыть захотела
Сына хромого. Тогда потерпел бы я горе на сердце,
Если б Фетида меня с Эвринòмой не приняли в недра,
Дщери младые катящегось вкруг Океана седого.
Там украшения разные девять годов я ковал им,
Кольца витые, застежки, уборы волос, ожерелья,
В мрачной глубокой пещере; кругом Океан предо мною
Пенный, ревущий бежал, неизмеримый; там ни единый
Житель меня олимпийский, ни муж земнородный не ведал;
Только Фетида с сестрой Эвринòмою, спасшие жизнь мне.
Ныне мой дом посетила бессмертная; должен отдать я
Долг за спасение жизни прекрасновласой Фетиде.
Чествуй, супруга моя, угощением пышным Фетиду;
Я не замедлю, меха соберу и другие снаряды».

Рек, и от наковальни великан закоптелый поднялся
И, хромоногий, медлительно двигал увечные ноги:
Снял от горна меха, и снаряды, какими работал,
Собрал все, и вложил в красивый ларец среброковный;
Губкою влажною вытер лицо и могучие руки,
Выю дебелую, жилистый тыл и косматые перси;
Ризой оделся и, толстым жезлом подпираяся, в двери
Вышел хромая; прислужницы, под руки взявши владыку,
Шли золотые, живым подобные девам прекрасным,
Кои исполнены разумом, силу имеют и голос,
И которых бессмертные знанию дел изучили.
Сбоку владыки они поспешали, а он, колыхаясь,
К месту прибрел, где Фетида сидела на троне блестящем;
За руку взялся рукой, называл и так говорил ей:

«Что ты, Фетида, покровом закрытая, в дом наш приходишь,
Милая нам и почтенная? редко ты нас посещаешь.
Молви, чего ты желаешь? исполнить же сердце велит мне,
Если исполнить могу я, и если оно исполнимо».

И Гефесту Фетида, залившись слезами, вещала:
«Есть ли, Гефест, хоть одна из богинь на пространном Олимпе,
Столько на сердце своем перенесшая горестей тяжких,
Сколько мне, злополучной, послал сокрушений Кронион!
Нимфу морскую, меня покорил человеку земному,
Сыну Эàка; и я испытала объятия мужа,
Как ни противилось сердце: уже тяжелая старость
В доме его изнуряет. Но скорбь у меня и другая!
Зевс даровал мне родить и взлелеять единого сына,
Первого между героев! Возрос он, как пышная отрасль;
Я воспитала его, как прекраснейший цвет в вертограде;
Юного в быстрых судах отпустила на брань к Илиону
Ратовать храбрых троян; и его никогда я не встречу
В доме отеческом, в светлых чертогах супруга Пелея!
Ныне, хотя и живет он и солнца сияние видит,
Должен страдать; и ему я помочь не могу и пришедши!
Деву, которую сыну избрали в награду ахейцы,
Снова из рук у него исторг властелин Агамèмнон.
Грустный по ней, сокрушал он печалию сердце; ахеян
Сила троян до судов отразила и в стан заключенным
Им выходить не давала. Старейшины воинств ахейских

Сына молили и множество славных даров предлагали.
Сам он, правда, от воинств беду отразить отказался,
Но героя Патрокла своим он доспехом одеял;
Друга на битву послал и великое воинство вверил.
Билися целый день перед крепкою башнею Скейской.
Был бы в тот день Илион завоеван, когда бы могучий
Феб разносившего гибель Менетия храброго сына
В первых рядах не повергнул и славы Гектору не дал.
Вот для чего прихожу и к коленам твоим припадаю;
Может быть, сжалишься ты над моим краткожизненным сыном;
Может быть, дашь ты Пелиду и щит, и шелом, и поножи,
Также и латы: свои потерял он, как друг его верный
Пал от троян; и теперь — по земле он простертый тоскует!»

Ей немедля ответствовал Амфигиѐй знаменитый:
«Будь спокойна и более сердцем о том не крушися.
О! да могу Ахиллеса от смерти ужасной далеко
Столь же легко я укрыть, когда рок его мощный постигнет,
Сколь мне легко для него изготовить доспехи, которым
Каждый от смертных бесчисленных будет дивиться, узревший!

Так произнесши, оставил ее и к мехам приступил он.
Все на огонь обратил их и действовать дал повеленье.
Разом в отверстья горнильные двадцать мехов задыхали,
Разным из дул их дыша раздувающим пламень дыханьем,
Или порывным, служа поспешавшему, или спокойным,
Смотря на волю творца и на нужду творимого дела.
Сам он в огонь распыхавшийся медь некрушимую ввергнул,
Олово бросил, сребро, драгоценное злато; и после
Тяжкую нѐковальню насадил на столп, а в десницу
Молот огромнейший взял, и клещи захватил он другою.

И вначале работал он щит и огромный и крепкий,
Весь украшая изящно; кругом его вывел он обод
Белый, блестящий, тройной; и приделал ремень серебристый.
Щит из пяти составил листов и на круге обширном
Множество дивного бог по замыслам творческим сделал.
Там представил он землю, представил и небо, и море,
Солнце, в пути неистомное, полный серебряный месяц,
Все прекрасные звезды, какими венчается небо:
Видны в их сонме Плиады, Гиады и мощь Ориона,

Арктос, сынами земными еще колесницей зовомый;
Там он всегда обращается, вечно блюдет Ориона
И единый чуждается мыться в волнах Океана.

Там же два града представил он ясноречивых народов:
В первом, прекрасно устроенном, браки и пиршества зрелись.
Там невест из чертогов, светильников ярких при блеске,
Брачных песней при кликах, по стогнам градским провожают.
Юноши хорами в плясках кружатся; меж них раздаются
Лир и свирелей веселые звуки; почтенные жены
Смотрят на них и дивуются, стоя на крыльцах воротных.
Далее много народа толпится на торжище; шумный
Спор там поднялся; спорили два человека о пене,
Мзде за убийство; и клялся один, объявляя народу,
Будто он всё заплатил; а другой отрекался в приеме.
Оба решились, представив свидетелей, тяжбу их кончить.
Граждане вкруг их кричат, своему доброхотствуя каждый;
Вестники шумный их крик укрощают; а старцы градские
Молча на тесаных камнях сидят средь священного круга;
Скипетры в руки приемлют от вестников звонкоголосых;
С ними встают, и один за другим свой суд произносят.
В круге пред ними лежат два таланта чистого злата,
Мзда для того, кто из них справедливее право докажет.

Город другой облежали две сильные рати народов,
Страшно сверкая оружием. Рати двояко грозили:
Или разрушить, иль граждане с ними должны разделиться
Всеми богатствами, сколько цветущий их град заключает.
Те не склонялись еще и готовились к тайной засаде.
Стену стеречь по забралам супруг поставив любезных,
Юных сынов и мужей, которых постигнула старость,
Сами выходят; вождями их идут Арей и Паллада,
Оба златые, одетые оба златою одеждой;
Вид их прекрасен, в доспехах величествен, сущие боги!
Всем отличны они; человеки далёко их ниже.
К месту пришедшие, где им казалась удобной засада,
К брегу речному, где был водопой табунов разнородных,
Там заседают они, прикрываясь блестящею медью.
Два соглядатая их, отделясь, впереди заседают.
Смотрят кругом, не узрят ли овец и волов подходящих.
Скоро стада показалися; два пастуха за стадами,

Тешась цевницею звонкой, идут, не предвидя коварства.
Быстро, увидевши их, нападают засевшие мужи;
Грабят и гонят рогатых волов и овец среброрунных,
Целое стадо угнали и пастырей стада убили.
В стане, как скоро услышали крик и тревогу при стаде,
Вои, на площади стражей стоящие, быстро на коней
Бурных вскочили, на крик поскакали и вмиг принеслися.
Строем становятся, битвою бьются по брегу речному;
Колют друг друга, метая стремительно медные копья.
Рыщут и Злоба, и Смута, и страшная Смерть между ними;
Держит она то пронзенного, то не пронзенного ловит,
Или убитого за̀ ногу тело волочит по сече;
Риза на персях ее обагровлена кровью людскою.
В битве, как люди живые, они нападают и бьются,
И один пред другим увлекают кровавые трупы.

Сделал на нем и широкое поле, тучную пашню,
Рыхлый, три раза распаханный пар; на нем землепашцы
Гонят яремных волов, и назад и вперед обращаясь;
И всегда, как обратно к концу приближаются нивы,
Каждому в руки им кубок вина, веселящего сердце,
Муж подает; и они, по своим полосам обращаясь,
Вновь поспешают дойти до конца глубобраздного пара.
Нива, хотя и златая, чернеется сзади орющих,
Вспаханной ниве подобясь: такое он чудо представил.

Далее выделал поле с высокими нивами; жатву
Жали наемники, острыми в дланях серпами сверкая.
Здесь полосой беспрерывною падают горстни густые;
Там перевязчики их в снопы перевязлами вяжут.
Три перевязчика ходят за жнущими; сзади их дети,
Горстая быстро колосья, одни за другими в охапах
Вяжущим их подают. Властелин между ними, безмолвно,
С палицей в длани, стоит на бразде и душой веселится.
Вестники одаль, под тению дуба, трапѐзу готовят;
В жертву заклавши вола, вкруг него суетятся; а жены
Белую сеют муку для сладостной вечери жнущим.

Сделал на нем отягченный гроздием сад виноградный,
Весь золотой, лишь одни виноградные кисти чернелись;
И стоял он на сребряных, рядом вонзенных подпорах.

Около саду и ров темносиний и белую стену
Вывел из олова; к саду одна пролегала тропина,
Коей носильщики ходят, когда виноград собирают.
Там и девицы и юноши, с детской веселостью сердца,
Сладостный плод носили в прекрасных плетеных корзинах.
В круге их отрок прекрасный по звонкорокочущей лире
Сладко бряцал, припевая прекрасно под льняные струны [1]
Голосом тонким; они ж вокруг его пляшучи стройно,
С пеньем, и с криком, и с топотом ног хороводом несутся.

Там же и стадо представил волов, воздымающих роги;
Их он из злата одних, а других из олова сделал.
С ревом волы из оград вырываяся, мчатся на паству,
К шумной реке, к камышу густому по влажному брегу.
Следом за стадом и пастыри идут, четыре, златые,
И за ними следуют девять псов быстроногих.
Два густогривые льва на передних волов нападают,
Тяжко мычащего ловят быка; и ужасно ревет он,
Львами влекомый; и псы на защиту и юноши мчатся;
Львы повалили его и, сорвавши огромную кожу,
Черную кровь и утробу глотают; напрасно трудятся
Пастыри львов испугать, быстроногих псов подстрекая.
Псы их не слушают; львов трепеща, не берут их зубами —
Близко подступят, залают на них, и назад убегают.

Далее — сделал роскошную паству Гефест знаменитый,
В тихой долине прелестной, несчетных овец среброрунных
Стойла, под кровлей хлева, и смиренные пастырей кущи.

Там же Гефест знаменитый извил хоровод разновидный,
Оному равный, как древле в широкоустроенном Кно̀ссе
Выделал хитрый Дедал Ариадне прекрасноволосой.
Юноши тут и цветущие девы, желанные многим,
Пляшут, в хор круговидный любезно сплетяся руками.
Девы в одежды льняные и легкие, отроки в ризы
Светло одеты, и их чистотой как елеем сияют;
Тех — венки из цветов прелестные всех украшают;
Сих — золотые ножи, на ремнях чрез плечо серебристых.

---

[1] Следую мнению ученого англичанина Нейта: Prolegom. ad Hom., pag. 40, § 48.

Пляшут они, и ногами искусными то закружатся,
Столь же легко, как в стану колесо под рукою испытной,
Если скудельник его испытует, легко ли кружится,
То разовьются и пляшут рядами, одни за другими.
Купа селян окружает пленительный хор и сердечно
Им восхищается; два среди круга их головоходы,
Пение в лад начиная, чудесно вертятся в средине.

Там и ужасную силу представил реки Океана,
Коим под верхним он ободом щит окружил велелепный.

Так изукрашенно выделав щит и огромный и крепкий,
Сделал Гефест и брòню, светлее, чем огненный пламень;
Сделал и тяжкий шелом, Пелейона главе соразмерный,
Пышный, кругом изукрашенный, гребнем златым повершенный;
После из олова гибкого сделал ему и поножи.
И когда все доспехи сковал олимпийский художник,
Взяв, пред Пелидовой матерью их положил он на землю.
И, как ястреб, она с осребренного снегом Олимпа
Бросилась, мча от Гефеста блестящие сыну доспехи.

ПЕСНЬ XIX

СОДЕРЖАНИЕ

С рассветом дня Фетида приносит от Гефеста оружия Ахиллесу. Он, видом их воспламененный, жаждет боя, ст. 1—27; и между тем как Фетида облаговонивает тело Патрокла, дабы до погребения осталося невредимым, Ахиллес сзывает ахеян в собрание, 28—41. Сходятся все, и сам Агамемнон; Ахиллес объявляет, что он оставляет гнев, и требует битвы без отлагательства, 42—73. Народ радуется примирению вождей. Агамемнон немедленно сознает проступок свой, но вину его возлагает на богиню Обиду, и предлагает выдать дары примирения, обещанные прежде через Одиссея; Ахиллес, равнодушный к ним, но жаждущий отмстить Гектору, настоит, чтобы немедленно вступить в сражение, 74—153; наконец уступает убеждениям Одиссея, который советует повременить, пока рать подкрепится пищею и пока сам Ахиллес, в знак торжественного примирения, не примет пред лицом всего народа как даров, так и Бризеиды, причины раздора, 154—237. Посланные Нестора сыны приносят дары, приводят Бризеиду; и Агамемнон произносит клятву, что деву он возвращает неприкосновенною, 238—275. Дары относят в кущу Ахиллеса; там Бризеида, увидев мертвого Патрокла, оплакивает его, 276—300. Сам Ахиллес, не внимая просьбам старейшин и отказываясь совершенно от пищи, предается горести и плачу о Патрокле, 301—339. Афина, посланная Зевсом, дабы Ахиллес от голода не потерял сил, укрепляет его нектаром и амврозиею. Между тем ахеяне выступают к сражению, 340—364. Ахиллес вооружается новым доспехом; всходит на колесницу; уговаривает коней, 365—403; слышит одного из них, предсказывающего ему скорую смерть, и, не щадящий жизни, устремляется в битву, 404—424.

ПЕСНЬ XIX

В ризе багрянозлатистой из волн Океана денница
Вышла, несущая свет и бессмертным и смертным,— Фетида
К сеням пришла мирмидонским с блистательным даром от бога.
Там она сына нашла; над Патроклом своим распростертый,
Громко рыдал он; и многие окрест друзья мирмидонцы
Плакали. Став между них, среброногая матерь богиня
За руку сына взяла, называла и так говорила:

«Сын мой! оставим мертвого, как ни прискорбно то сердцу,
С миром лежать: всемогущих богов он волей повержен.
Встань и прими, Пелейон, от Гефеста доспех велелепный,
Дивный, какой никогда не сиял вкруг рамен человека».

Так произнесши, Фетида на землю доспех положила
Пред Ахиллесом; и весь зазвучал он, украшением дивный.
Вздрогнули все мирмидонцы; не мог ни один на доспехи
Прямо смотреть, отвратились они; Ахиллес же могучий
Только взглянул — и сильнейшим наполнился гневом; ужасно
Очи его из-под веждей, как огненный пыл, засверкали.
С радостью взяв, любовался он даром сияющим бога;
И когда свое сердце нарадовал, смòтря на чудо,
К матери сереброногой крылатую речь устремил он:

«Матерь! доспех сей бессмертного дар; несомнительно должен
Быть он творением бога, не смертного мужа он дело.
Ныне ж я вооружаюся.— Но об одном беспокойно
Сердце мое, чтобы тою порою в Патрокловом теле

Мухи, проникши в глубокие, медью пробитые раны,
Алчных червей не родили; они исказят его образ
(Жизнь от него отлетела!), и тление тело обымет!»

Вновь говорила ему среброногая матерь Фетида:
«Сын мой! заботой о сем не тревожь ты более сердца.
Я попекусь отгонять от него кровожадные сонмы
Мух, которые тело убитых мужей пожирают;
И хотя бы лежал он в течение круглого года,
Тело его невредимо и даже прекраснее будет.
Ты же, мой сын, на собранье созвавши героев ахейских,
Гнев прекрати на Атреева сына, владыку народов;
Быстро на бой ополчись и могучестью вновь облекися».

Так говорила — и дух дерзновеннейший сыну вдохнула.
Другу ж его и амврозию в ноздри и нектор багряный
Тихо влияла, да тело его невредимо пребудет.

Быстро по берегу моря пошел Ахиллес быстроногий,
Голосом страшным крича; и всех взволновал он ахеян.
Мужи, которые прежде всегда при судах оставались,
Все корабельщики, кои судов управляли кормилом,
Даже зажитники ратных дружин, раздаватели хлеба,
Все поспешили в собранье, когда Ахиллес благородный
Вновь показался, столь долго чуждавшийся брани кровавой.
Двое хромаючи шли, знаменитые слуги Арея,
Царь Одиссей и Тидид Диомед, воеватель могучий,
Шли, опираясь на копья, неся еще тяжкие раны.
Оба, пришедши, они на местах передних воссели;
Вслед их притек и Атрид, повелитель мужей Агамѐмнон,
Раной недужный: зане и его среди бурного боя
Ранил Коон Антенòрид огромною пикою медной.
И когда уже все на собранье сошлися ахейцы,
Встал между ними и так говорил Ахиллес быстроногий:

«Царь Агамѐмнон! полезнее было бы, если бы прежде
Так поступили мы оба, когда, в огорчении нашем,
Гложущей душу враждой воспылали за пленную деву!
О! почто Артемида сей девы стрелой не пронзила
В день, как ее между пленниц избрал я, Лирнесс разоривши;
Столько ахейских героев земли не глодало б зубами,

Пав под руками враждебных, когда я упорствовал в гневе!
Гектор и Трои сыны веселятся о том; а данаи
Долго, я думаю, будут раздор наш погибельный помнить.
Но совершившееся прежде оставим в прискорбии нашем;
Гордое сердце в груди укротим, как велит неизбежность.
Ныне я гнев оставляю решительно; я не намерен
Сердца крушить враждой бесконечною. Царь Агамѐмнон,
В битву подвигни скорее медянодоспешных данаев;
Дай мне скорее идти на троян и еще испытать их,
Иль и теперь ночевать пред судами намерены? Нет, уповаю,
Радостно каждый из них утомленные склонит колена,
Каждый, на пламенной битве от наших оружий избывший!»

Так говорил; и наполнились радостью все аргивяне,
Слыша, что гнев навсегда оставляет Пелид благородный.
Начал тогда говорить повелитель мужей Агамѐмнон,
С места восстав, где сидел, но стоять на средину не вышел:

«Други, данаи-герои, бесстрашные слуги Арея!
Вставшего надобно слушать; начавшего слово не должно
Перерывать: затруднится и самый искусный вития.
В шумном народном говоре можно ли что-либо слышать
Или сказать? — заглушится вития, как ни был бы громок.
С сыном Пелеевым я объясняюся; вы же, ахейцы,
Слушайте все со вниманьем и речи мои вразумите.—
Часто о деле мне сем говорили ахейские мужи;
Часто винили меня, но не я, о ахейцы, виновен;
Зевс Эгиох и Судьба, и бродящая в мраках Эриннис —
Боги мой ум на совете наполнили мрачною смутой
В день злополучный, как я у Пелида похитил награду.
Что ж бы я сделал? Богиня могучая всё совершила,
Дщерь громовержца, Обида, которая всех ослепляет,
Страшная; нежны стопы у нее: не касается ими
Праха земного; она по главам человеческим ходит,
Смертных язвя; а иного и в сети легко уловляет.
Древле она ослепила и Зевса, который превыше
Всех земнородных и всех небожителей, даже и Зевса
Гера, хотя и жена, но коварством своим обманула
В день, как готова была счастливая матерь Алкмена
Силу Геракла родить в опоясанных башнями Фивах.
Зевс, величаясь уже, говорил пред собором бессмертных:

«Слушайте слово мое, и боги небес и богини;
Я вам поведать желаю, что в персях мне сердце внушает:
Ныне, родящих помощница, в свет изведет илифия
Мужа, который над всеми окрестными царствовать будет,
Ветвь человеков великих, от крови моей исходящих».

Зевсу, коварное мысля, вещала владычица Гера:
«Ложь, Эгиох! никогда своего не исполнишь ты слова.
Или дерзни, поклянись, олимпиец, великою клятвой,
Что над всеми окрестными царствовать будет
Смертный, который в сей день упадет на колена родившей,
Ветвь человеков великих, от крови твоей исходящих».

Так говорила; но Зевс не почувствовал козней супруги —
Клятвой поклялся святой и раскаялся, горько прельщенный.
Гера, стремительно бросясь, оставила холмы Олимпа;
Быстро достигла ахейского Аргоса, где уже прежде
Знала богиня супругу царя Персейда Сфенѐла.
Сына царица седьмой уже месяц в утробе носила;
Гера его до срока на свет извела; но Алкмѐны
В срок удержала роды́, удаливши помощных илифий.
С вестью о том перед Зевса предстала сама и вещала:

«Зевс сребромолненный! слово тебе полагаю на сердце:
Смертный рожден знаменитый, что царствовать в Аргосе должен,
Муж Эврисфѐй, Персеида Сфенѐла геройская отрасль,
Племя твое; не будет он Аргосу царь недостойный».

Так изрекла; и жестокая горесть ударила в сердце
Зевса. Схватил он Обиду за пышноблестящие кудри,
Страшным пылающий гневом, и клялся великою клятвой,
Что на холмистый Олимп и звездами венчанное небо
Ввек не взыдет Обида, которая всех ослепляет.

Так произнес он; и махом десницы от звездного неба
Ринул ее,— и упала она на дела человека.
Зевс от нее же стенал, как любезного сына он видел,
Низкое иго носящего, в подвигах для Эврисфѐя.—
Так-то и я, как великий, шеломом сверкающий Гектор
Рати ахейских сынов истреблял при кормах корабельных,
Сам не мог позабыть я Обиды, меня ослепившей.

Но, как уже погрешил я, и Зевс мой разум похитил,
Сам то загладить хочу и воздать многоценною мздою.
Храбрый, воздвигнись на бой, возбуди и другие дружины!
Что до даров, я все их представлю, какие ходивший
Прошлого дня пред тобой исчислял Одиссей благородный.
Если же хочешь, помедли ты, сколько ни жаждущий боя;
Слуги мои те дары, в корабле собравши, представят,
И увидишь ты, что я тебе, угождая, дарую».

Сыну Атрея ответствовал царь Ахиллес благородный:
«Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамѐмнон!
Хочешь ли мне дары примиренья, как должно, доставить
Иль удержать их,— ты властен; теперь же о битве помыслим
Без отлагательств: и что в рассуждениях время нам тратить?
Что нам здесь медлить? еще не свершилось великое дело!
Пусть, кто желает, опять впереди Ахиллеса увидит,
Медною пикой фаланги крушащего ратей троянских,
И, подобно ему, да пылает с врагами сражаться!»

Но Пелиду-царю возразил Одиссей многоумный:
«Нет, сколь ни мужествен ты, Ахиллес, бессмертным подобный,
Воинств ахейских, голодных еще, не веди к Илиону
Биться с троянами храбрыми! Нет, не на краткое время
Битва завяжется, если троян и ахеян фаланги
В сечу сойдутся, и бог им вдохнет одинакую храбрость.
Прежде ахейским сынам повели ты насытиться в стане
Хлебом, вином: оно человеку и бодрость и крепость.
Муж ни один во весь день, от восхода до запада солнца,
Пищею не подкрепленный, не в силах выдерживать боя.
Сердцем в груди неистомным хотя б и пылал он сражаться,
Члены у тощего все тяжелеют, его беспокоит
Жажда и глад, у него на пути запинаются ноги.
Но человек, укрепяся вином и насытяся пищей,
Может весь день под оружием с силой враждебных сражаться
Дух в его персях и крепок и бодр, и усталости члены
Прежде не слышат, доколе с побоища все не соступят.
Так, Ахиллес! распусти аргивян и вели им готовить
Завтрак. Дары для тебя повелитель мужей Агамѐмнон
Пусть пред собранье народа представит, да все их данаи
Узрят очами, и сам ты свое да возрадуешь сердце.
Пусть поклянется тебе, пред народом восстав, что доныне

К деве на одр не всходил, не сближался с младой Бризеидой
Так, как мужам и женам свойственно меж человеков.
Ты же и сам укротися душою и будь благосклонен.
Пусть напоследок тебя угостит он торжественным пиром
В кущах своих, чтобы должное ты получил без урона.
Ты, Агамѐмнон могучий, вперед и к другому ахейцу
Сам справедливее будь: унижения нет властелину
С мужем искать примиренья, которого сам оскорбил он».

Сыну Лаерта немедля ответствовал царь Агамѐмнон:
«Радуясь, речи твои, Лаертид благородный, я слушал;
Истину ты говорил и о всем рассуждал справедливо.
Клятву готов произнесть я, как самое сердце велит мне,
И перед богом клятву неложную! Сын же Пелеев
Здесь между тем да останется, сколько ни жаждущий боя;
Здесь и другие останьтесь, ахейцы, пока из-под сеней
Придут дары, и пока совершу я священные клятвы.
Дело сие, Одиссей, на тебя самого возлагаю.
Ты, благороднейших юношей в стане ахейском избравши,
Все те дары, что вчера обещали мы дать Ахиллесу,
Сам принеси с корабля моего и жен приведи нам.
Ты ж мне, Талфибий, скорее в ахейском стане обширном
Вепря нашед, уготовь на заклание Зевсу и Солнцу».

Сыну Атрея ответствовал вновь Ахиллес быстроногий:
«Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамѐмнон!
После, в другое время о том вам заботиться лучше,
В час, как отдых короткий от тягостной брани случится,
И как гнев в моем сердце не столько свирепствовать будет.
Трупы еще перед нами лежат пораженных, которых
Гектор свирепый убил, как Зевс даровал ему славу,—
Вы же народ приглашаете к пище! Не так бы я думал:
Я бы теперь же советовал в битву идти аргивянам,
Гладным и тощим; и только вечерний, пред западом солнца,
Пир уготовить всеобщий, когда мы отмстим поруганье.
Прежде сего никакое питье, никакая мне пища,
Верно, в уста не войдет, перед другом моим бездыханным!
Он у меня среди кущи, истерзанный медью жестокой,
К двери ногами лежит распростертый; кругом его други
Плачут печальные! Нет, у меня в помышленьи не пища —
Битва, и кровь, и врагов умирающих страшные стоны!»

Вновь, обратяся к нему, говорил Одиссей многоумный:
«О Ахиллес Пелейон, величайший воитель ахейский!
Ты знаменитей меня, а не меньше того и сильнее
В битве копьем; но тебя, о герой, превзойду я далеко
Знанием: прежде родился я, больше тебя я изведал.
Пусть же душа у тебя укротится моим убежденьем:
Скоро сердце людей пресыщается в битве убийством,
Где уже множество класов медь по земле разостлала;
Жатва становится скудной, как скоро весы наклоняет
Зевс Эгиох, меж племен человеческих браней решитель.
Нет, не утробою должно ахейцам крушиться о мертвых —
Много ахейских сынов, ежедневно ряды над рядами,
Падают, кто ж и когда бы успел отдохнуть от печали?
Долг наш земле предавать испустившего дух человека,
Твердость в душе сохраняя, поплакавши день над умершим;
Тем же, которые живы от гибельных битв остаются,
Должно питьем и едой укрепляться, чтоб с ревностью новой
Каждому против врагов и всегда без усталости биться,
Медью покрывшися крепкою. Нет, да никто из народа
В стане не медлит, приказа для войск ожидая другого!
Пагубен будет приказ сей для каждого, кто б ни остался,
Между судов укрываяся! Нет, на троян конеборных
Ныне мы все пойдем и воздвигнем жестокую битву!»

Рек, и с собою сынов знаменитого Нестора взял он,
Мѐгеса, отрасль Филѐя, вождя Мериона, Фоа̀са
И Мелани̇̀ппа-вождя с Ликомѐдом, Крейоновым сыном.
Вместе они поспешили царя Агамѐмнона к сени.
Скоро, как было сказано слово, исполнено дело:
Семь Ахиллесу обещанных в сени треножников взяли;
Двадцать блестящих лаханей, двенадцать коней пышногривых;
Вывели вместе и жен непорочных, работниц искусных
Семь и осьмую румяноланитую Бризову дочерь.
С златом же сам Одиссей, отвесивши десять талантов,
Шел впереди; а юноши следом с другими дарами.
Их пред собраньем они положили. Атрид Агамѐмнон
Встал; провозвестник Талфибий, голосом богу подобный,
Вепря руками держа, предстал пред владыку народа.
Царь Агамѐмнон, стремительно нож обнаживши десною,
Острый, всегда у него при влагалище мечном висящий,
С вепря щетины отсек для начатков, и, руки воздевши,

Зевсу-владыке молился. Ахеяне окрест сидели
Тихо, с приличным вниманием слушая слово царево;
Он же, моляся, вещал, на пространное небо взирая:

«Зевс да будет свидетелем, бог высочайший, сильнейший!
Солнце, Земля и эриннии, те, что в жилищах подземных
Грозно карают смертных, которые ложно клялися!
Я здесь клянусь, что на Бризову дочь руки я не поднял,
К ложу неволя ее, иль к чему бы то ни было нудя;
Нет, безмятежной она под моим оставалася кровом!
Если ж поклялся я ложно, да боги меня покарают
Всеми бедами, какими карают они вероломных!»

Рек, и гортань кабана отсекает суровою медью.
Жертву Талфибий в пучину глубокую моря седого
Рыбам на снедь, размахавши, поверг. Ахиллес быстроногий
Думен восстал и так говорил между сонма данаев:

«Зевс! беды жестокие ты посылаешь на смертных!
Нет, никогда б у меня Агамѐмнон властительный в персях
Сердца на гнев не подвиг; никаким бы сей девы коварством
Он против воли моей не похитил; но Зевс, несомненно,
Зевс восхотел толь многим ахеянам смерть уготовить!
К завтраку, други, спешите, и после начнем нападенье!»

Так произнесши, собрание быстрое он распускает.
Все рассеваются, к куще своей удаляется каждый.
Тою порой мирмидонцы, принявши дары примиренья,
С ними пошли к кораблю Ахиллеса, подобного богу;
Их положили под кущей героя, а жен посадили;
Коней погнали в табун Ахиллесовы верные слуги.

Бризова дочь, златой Афродите подобная ликом,
Только узрела Патрокла, пронзенного медью жестокой,
Вкруг мертвеца обвилась, возрыдала и с воплями стала
Перси терзать, и нежную выю, и лик свой прелестный.
Плача, жена, как богиня прекрасная, так говорила:

«О мой Патрокл! о друг, для меня, злополучной, бесценный!
Горе, живого тебя я оставила, сень покидая;

В сень возвратясь, обретаю мертвого, пастырь народа!
Так постигают меня беспрерывные бедство за бедством!
Мужа, с которым меня сочетали родитель и матерь,
Видела я перед градом пронзенного медью жестокой;
Видела братьев троих (родила нас единая матерь),
Всех одинако мне милых, погибельным днем поглощенных.
Ты же меня и в слезах, когда Ахиллес-градоборец
Мужа сразил моего и обитель Минѐта разрушил,
Ты утешал, говорил, что меня Ахиллесу-герою
Сделаешь милой супругой, что скоро во фтийскую землю
Сам отвезешь и наш брак с мирмидонцами праздновать будешь.
Пал ты! тебя мне оплакивать вечно, юноша милый!»

Так говорила, рыдая; стенали и прочие жены.
С виду, казалось, о мертвом, но в сердце о собственном горе.
Тою порой к Ахиллесу ахейские старцы сходились,
Пищей прося укрепиться; но он отвергал их стенящий:

«Други! молю вас, когда еще есть мне друг здесь послушный;
Нет, не просите меня, чтоб питьем, чтоб какой-либо пищей
Я насладился; жестокая горесть меня раздирает!
Солнце пока не зайдет, не приму, не коснуся я пищи!»

Так говоря, отпустил от себя властелинов ахейских.
Только Атриды остались и сын многоумный Лаертов,
Нестор, Идоменѐй и божественный Феникс; но тщетно
Вместе они утешали печального; сердцем он весел
Не был, покуда не бросился в бездну кровавыя брани.
Думал он лишь о Патрокле, об нем говорил, воздыхая:

«Прежде бывало мне ты, злополучный, любезнейший друг мой,
Сам под кущей моею приятную снедь предлагаешь
Скоро всегда и заботливо, если бывало ахейцы
Брань многослезную снова троянам нанесть поспешают.
Ныне лежишь ты, пронзенный, и сердце мое отвергает
Здесь изобильную снедь и питье, по тебе лишь тоскуя!
Нет, не могло бы меня поразить жесточайшее горе,
Если б печальную весть и о смерти отца я услышал,
Старца, который, быть может, льет горькие слезы во Фтии,
Помощи сына лишенный, тогда как в земле чужелюдной
Ради презренной Елены сражаюсь я с чадами Трои;

Даже когда б я услышал о смерти и сына в Скиросе,
Милого, если он жив еще, Неоптолем мой прекрасный!
Прежде меня утешала хранимая в сердце надежда,
Что умру я один, далеко от отчизны любезной,
В чуждой троянской земле, а ты возвратишься во Фтию;
Ты, уповал я, мне сына в своем корабле быстролетном
В дом привезешь из Скироса и юноше всё там покажешь:
Наше владенье, рабов и высокие кровлей палаты.
Ибо Пелей, говорит мое сердце, уже или умер,
Или, быть может, едва уже дышит, согбенный под игом
Старости скорбной и грусти, и ждет обо мне беспрестанно
Вести убийственной сердцу, когда о погибшем услышит!»

Так говорил он и плакал; кругом воздыхали герои,
Каждый о том вспоминая, что милого в доме оставил.
С неба печальных узрев, милосердовал Зевс-промыслитель,
И к Афине Палладе крылатую речь обратил он:

«Или ты вовсе, о дочь, отступилась от славного мужа?
Или нисколько уже не заботишься ты о Пелиде?
Се он, сидя один при своих кораблях прямокормных,
Горестный плачет по друге любезном! Все аргивяне
Пищу вкушают, а он остается и гладный и тощий.
Шествуй, Афина; и нектаром светлым с амврозией сладкой
Грудь ороси Ахиллесу, да немощь его не обымет».

Рек, и подвигнул Афину, давно пламеневшую сердцем;
Быстро она, как орел звонкогласый, ширококрылатый,
С неба слетела по воздуху. Тою порою ахейцы
Воинством всем ополчались по стану. Пелееву сыну
Нектаром Зевсова дочь и амврозией сладкой незримо
Грудь оросила, да немощь от глада его не обымет;
И сама на Олимп вознеслась к меднозданному дому
Зевса. Ахейцы ж неслися от черных судов мореходных.
Словно как снежные клоки летят от Зевеса густые,
Быстро гонимые хладным, эфир проясняющим ветром, —
Так от ахейских судов неисчетные в поле неслися
Шлемы, игравшие блеском, щиты, воздымавшие бляхи,
Крепко сплоченные брони и ясеня твердого копья.
Блеск восходил до небес; под пышным сиянием меди
Окрест смеялась земля; и весь берег гремел под стопами

Ратных мужей. Посреди их Пелид ополчался великий.
Зубы его скрежетали от гнева; быстрые очи
Страшно, как пламень, светились; но сердце ему раздирала
Грусть нестерпимая. Так на троян он, пышущий гневом,
Бога дарами облекся, Гефеста созданием дивным.
Прежде всего положил он на быстрые ноги поножи
Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглезной;
После на мощную грудь надевал испещренные латы;
Бросил меч на плечо с рукояткой серебряногвоздной,
С лезвеем мѐдяным; взял наконец и огромный и крепкий
Щит; далеко от него, как от месяца, свет разливался.
Словно как по морю свет мореходцам во мраке сияет,
Свет от огня, далеко на вершине горящего горной,
В куще пустынной; а их против воли и волны и буря,
Мча по кипящему понту, несут далеко от любезных,—
Так от щита Ахиллесова, пышного, дивного взорам,
Свет разливался по воздуху. Шлем многобляшный поднявши,
Крепкий надел на главу; засиял, как звезда, над главою
Шлем коневласый; и грива на нем закачалась златая,
Густо Гефестом разлитая окрест высокого гребня.
Так Ахиллес ополчался, испытывать начал доспехи,
Впору ли стану, легки и свободны ли членам красивым;
И, как крылья, они подымали владыку народа.
Взял наконец из ковчега копье он отцовское — ясень,
Крепкий, огромный, тяжелый; его из героев ахейских
Двигать не мог ни один, но легко Ахиллес потрясал им,
Ясенем сим пелионским, который отцу его Хѝрон
Ссек с высоты Пелиона, на грозную гибель героям.
Коней меж тем Автомѐдон и сильный Алкѝм снаряжали;
В пышных поперсьях к ярму припрягли их; ỳдила в морды
Втиснули им и, бразды натянув, к колеснице прекрасной
Их укрепили за кузов. Тогда, захвативши рукою
Гибкий блистательный бич, в колесницу вскочил Автомѐдон.
Сзади, готовый к сражению, стал Ахиллес быстроногий,
Весь под доспехом сияя, как Гиперѝон лучезарный.
Крикнул он голосом грозным на быстрых отеческих коней:

«Ксанф мой и Балий, Подàрги божественной славные дети!
Иначе вы постарайтеся вашего вынесть возницу
К ратному сонму данаев, когда мы насытимся боем;
Вы, как Патрокла, его на побоище мертвым не бросьте!»

Рек он; как вдруг под упряжью конь взговорил бурноногий,
Ксанф; понуривши морду и пышною гривой своею,
Выпавшей вон из ярма, досягнув до земли, провещал он:
Вещим его сотворила лилейнораменная Гера:

«Вынесем, быстрый Пелид, тебя еще ныне живого;
Но приближается день твой последний! Не мы, повелитель,
Будем виною, но бог всемогущий и рок самовластный.
Нет, не медленность наша, не леность дала сопостатам
С персей Патрокла-героя доспех знаменитый похитить —
Бог многомощный, рожденный прекрасною Летой, Патрокла
Свергнул в передних рядах и Гектора славой украсил.
Мы же, хотя бы летать, как дыхание Зѐфира, стали,
Ветра быстрейшего всех, но и сам ты, назначено роком,
Должен от мощного бога и смертного мужа погибнуть!»
С сими словами эриннии голос коня перервали.

Мрачен и гневен к коню говорил Ахиллес быстроногий:
«Что ты, о конь мой, пророчишь мне смерть? Не твоя то забота!
Слишком я знаю и сам, что судьбой суждено мне погибнуть
Здесь, далеко от отца и от матери. Но не сойду я
С боя, доколе троян не насыщу кровавою бранью».

Рек, и с криком вперед устремил он коней звуконогих.

ПЕСНЬ XX

СОДЕРЖАНИЕ

Когда оба воинства выступили к сражению, Зевс, призвав богов на собор, позволяет им вспомоществовать в брани кому кто желает, дабы Ахиллес не нанес совершенного поражения троянам, ст. 1—30. Сходят с Олимпа: Гера, Афина, Посидон, Гермес, Гефест, чтобы поборать за ахеян; а за троян Арей, Аполлон, Ксанф, Артемида, Лета и Киприда. Приближение богов к брани сопровождается грозными явлениями, громом с небес, колебанием земли, которого сам Аид ужасается, 31—74. Ахиллес выходит на бой и ищет Гектора; но Аполлон возбуждает против него Энея, 75—111. Гера хочет противиться ему; но отвращена от своего намерения Посидоном, по совету которого все боги восседают вдали от боя — одни на валу Геракловом, а другие на Калликолоне, 112—155. Эней и Ахиллес сходятся на бой; разговаривают, 156—258; сражаются, 259—290; но Энея, которому судьбою определено царствовать над троянами, Посидон избавляет от смерти, далеко отбросив его по воздуху, 291—352. Ахиллес и Гектор, оба впереди воинств, возбуждают их к бою; но последний, по совету Аполлона, наконец удаляется в толпу. Ахиллес нападает на троян и, кроме многих других, убивает Полидора, Приамова сына, 353—418. Гектор, пылая отмстить за смерть брата, выходит на Ахиллеса; сражаются, но Аполлон и его, покрыв облаком, спасает, 419—454. Разъяренный Ахиллес нападает на других троян и покрывает поле битвы телами и оружием пораженных, 455—503.

ПЕСНЬ XX

Так при судах дуговерхих блестящие медью ахейцы
Строились окрест тебя, Пелейон, ненасытимый бранью.
Их ожидали трояне, заняв возвышение поля.

Зевс же отец повелел, да Фемиса бессмертных к совету
Всех призывает с холмов олимпийских; она, обошед их,
Всем повелела в Кронионов дом собираться. Сошлися
Все, и Потоки, и Реки, кроме Океана седого;
Самые нимфы явились, живущие в рощах прекрасных,
И в источниках светлых, и в злачноцветущих долинах.
В дом олимпийский собравшися тучегонителя Зевса,
Сели они в переходах блестящих, которые Зевсу
Сам Гефест хромоногий по замыслам творческим создал.
Так собиралися к Зевсу бессмертные; сам Посидàон
Не был Фемисе преслушен — из моря предстал он с другими,
Сел посредине бессмертных и Зевса выспрашивал волю:

«Что, сребромолненный, паки богов на собор призываешь?
Хощешь ли что рассудить о троянах или аргивянах?
Брань между ними близка, и немедленно бой запылает».

Слово к нему обращая, вещал громовержец Кронион:
«Так, Посидàон! проник ты мою сокровенную волю,
Ради которой вас собрал: пекусь и о гибнущих смертных.
Но останусь я здесь и, воссев на вершине Олимпа,
Буду себя услаждать созерцанием. Вы же, о боги,
Ныне шествуйте все к ополченьям троян и ахеян;

Тем и другим поборайте, которым желаете каждый.
Если один Ахиллес на троян устремится, ни мига
В поле не выдержать им Эакидова бурного сына.
Трепет и прежде их всех обымал при одном его виде;
Ныне ж, когда он и гневом за друга пылает ужасным,
Сам я страшусь, да, судьбе вопреки, не разрушит он Трои».

Так он вещал; и возжег неизбежную брань меж богами.
К брани, душой несогласные, боги с небес понеслися.
Гера к ахейским судам, и за нею Паллада Афина,
Царь Посидон многомощный, объемлющий землю, и Гермес,
Щедрый податель полезного, мыслей исполненный светлых.
С ними к судам и Гефест, огромный и пышущий силой,
Шел хромая; с трудом волочил он увечные ноги.
К ратям троян устремился Арей, шеломом блестящий,
Феб, не стригущий власов, Артемида, гордая луком,
Лета, стремительный Ксанф и с улыбкой прелестной Киприда.

Всё то время, пока божества не приблизились к смертным,
Бодро стояли ахеяне, гордые тем, что явился
Храбрый Пелид, уклонявшийся долго от брани печальной.
В рати ж троянской у каждого сердце в груди трепетало,
Страхом объемлясь, что видят опять Пелейона-героя,
Грозно доспехом блестящего, словно Арей смертоносный.
Но едва олимпийцы приблизились к ратям, Эрида
Встала свирепая, брань возжигая; вскричала Афина,
То пред ископанным рвом за великой стеною ахейской,
То по приморскому берегу шумному крик подымая.
Страшно, как черная буря, завыл и Арей меднолатный,
Звучно троян убеждающий, то с высоты Илиона,
То пробегая у вод Симоиса, по Калликолòне.

Так олимпийские боги, одних на других возбуждая,
Рати свели и ужасное в них распалили свирепство.
Страшно громами от неба отец и бессмертных и смертных
Грянул над ними; а долу под ними потряс Посидàон
Вкруг беспредельную землю с вершинами гор высочайших.
Всё затряслось, от кремнистых подошв до верхов многоводных
Иды, и град Илион, и суда меднобронных данаев.
В ужас пришел под землею Аид, преисподних владыка;
В ужасе с трона он прянул и громко вскричал, да над ним бы

Лона земли не разверз Посидон, потрясающий землю,
И жилищ бы его не открыл и бессмертным и смертным,
Мрачных, ужасных, которых трепещут и самые боги.
Так взволновалося всё, как бессмертные к брани сошлися!
Против царя Посидаона, мощного Энносигея,
Стал Аполлон длиннокудрый, носящий крылатые стрелы;
Против Арея — с очами лазурными дева Паллада;
Противу Геры пошла златолукая ловли богиня,
Гордая меткостью стрел Артемида, сестра Аполлона;
Противу Леты стоял благодетельный Гермес крылатый;
Против Гефеста — поток быстроводный, глубокопучинный,
Ксанфом от вечных богов нареченный, от смертных — Скамандром.

Так устремлялися боги противу богов. Ахиллес же,
Гектора только бы встретить, пылал в толпы погрузиться;
Сердце его беспредельно горело Приамова сына
Кровью насытить Арея, убийством несытого воя.
Но Аполлон, возжигатель народа, героя Энея
Против Пелида подвигнул, наполнивши мужеством душу.
Голос и образ приняв Ликаона, Приамова сына,
К сыну Анхиза предстал и вещал Аполлон-дальновержец:

«Где же угрозы твои, Анхизид, предводитель дарданцев?
Или не ты в Илионе, с царями за чашей пируя,
Гордо грозился, что с сыном Пелеевым станешь на битву?»

Быстро ему возражая, воскликнул Эней-предводитель:
«Что ты меня, Приамид, против воли моей принуждаешь
С сыном Пелеевым, гордым могучестью, боем сражаться?
Ныне не в первый бы раз быстроногому сыну Пелея
Противостал я — меня он и прежде копьем Пелиасом
С Иды согнал, как нечаян нагрянул на пажити наши;
Он разорил и Педас и Лирнесс. Но меня олимпиец
Спас, возбудивши во мне и силы, и быстрые ноги;
Верно, я пал бы от рук Ахиллеса и мощной Паллады,
Всюду предтекшей ему, подавшей совет и могучесть
Медным копьем побивать крепкодушных троян и лелегов.
Нет, никогда человек с Ахиллесом не может сражаться:
С ним божество неотступно, и гибель оно отражает.
Дрот из руки Ахиллесовой прямо летит и не слабнет
Прежде, чем крови врага не напьется. Но если бессмертный

В битве присудит нам равный конец, нелегко и Энея
Он одолеет, хотя и гордится, что весь он из меди!»

Сыну Анхизову вновь провещал Аполлон-дальновержец:
«Храбрый! почто ж и тебе не молиться богам вековечным,
Столько ж могущим! И ты, говорят, громовержца Зевеса
Дщерью Кипридой рожден, а Пелид сей — богинею низшей:
Та от Зевеса исходит, Фетида — от старца морского.
Стань на него с некрушимою медью; отнюдь не смущайся,
Встретясь с Пелидом, ни шумною речью, ни гордой угрозой!»

Рек, и бесстрашного духа исполнил владыку народов:
Он устремился вперед, ополченный сверкающей медью.
Но не укрылся герой от лилейнораменныя Геры,
Против Пелеева сына идущий сквозь толпища ратных.
Быстро созвавши богов, златотронная Гера вещала:

«Царь Посидон и Афина Паллада, размыслите, боги,
Разумом вашим размыслите, что из деяний сих будет?
Видите ль, гордый Эней, ополченный сияющей медью,
Против Пелида идет, наустил его Феб-стреловержец.
Должно немедленно, боги, отсюда обратно отвлечь нам
Сына Анхизова, или единый из нас да предстанет
Сыну Пелея и силой исполнит, да в крепости духа
Он не скудеет и чувствует сам, что его, браноносца,
Любят сильнейшие боги; а те, что издавна доныне
Трои сынам поборают в сей брани жестокой,— бессильны!
Все мы оставили небо, желая присутствовать сами
В брани, да он от троян ничего не претерпит сегодня;
После претерпит он всё, что ему непреклонная Участь
С первого дня, как рождался от матери, выпряла с нитью.
Если того из глагола богов Ахиллес не познает,
Он устрашится, когда на него кто-нибудь от бессмертных
Станет в сражении: боги ужасны, явившиесь взорам».

Гере немедля ответствовал мощный земли колебатель:
«Так безрассудно свирепствовать, Гера, тебя недостойно!
Я не желаю бессмертных сводить на неравную битву,
Нас и других здесь присутственных; мы их могуществом выше.
Лучше, когда, совокупно сошед мы с пути боевого,
Сядем на холме подзорном, а брань человекам оставим.

Если ж Арей нападенье начнет, или Феб-луконосец,
Если препятствовать станут Пелееву сыну сражаться,
Там же немедля и мы сопротивникам битву воздвигнем,
Битву ужасную: скоро, надеюсь, они, разойдяся,
Вспять отойдут на Олимп и сокроются в сонме бессмертных,
Наших десниц, против воли своей, укрощенные силой».

Так говоря, пред Афиною шествовал царь черновласый
К валу тому насыпному Геракла, подобного богу,
В поле, который герою троянские мужи с Афиной
Древле воздвигли, чтоб он от огромного кита спасался,
Если ужасный за ним устремлялся от берега в поле.
Там Посидон черновласый и прочие боги воссели,
Окрест рамен распростерши непроницаемый облак;
Боги другие напротив, по калликолонским вершинам,
Окрест тебя, Аполлон, и громителя твердей Арея.
Так на обеих странах небожители боги сидели,
Думая думы; печальную брань начинать олимпийцы
Медлили те и другие; но Зевс от небес возбуждал их.

Ратями поле наполнилось всё, засияло от меди
Воев, конѐй, колесниц; задрожала земля под стопами
Толп, устремлявшихся к бою; но два знаменитые мужа
Войск обоих на среду выходили, пылая сразиться,
Славный Эней Анхизид и Пелид Ахиллес благородный.
Первый Эней выступал, угрожающий; страшно качался
Тяжкий шелом на главе Анхизидовой; щит легкометный
Он перед грудью держал и копьем потрясал длиннотенным.
Против него Ахиллес устремился, как лев-истребитель,
Коего мужи-селяне решася убить непременно,
Сходятся, весь их народ; и сначала он, всех презирая,
Прямо идет; но едва его дротиком юноша смелый
Ранит,— напучась он к скоку, зияет; вкруг страшного зева
Пена клубится; в груди его стонет могучее сердце;
Гневно косматым хвостом по своим он бокам и по бедрам
Хлещет кругом и себя самого подстрекает на битву;
Взором сверкает и вдруг, увлеченный свирепством, несется
Или стрельца растерзать, или в толпище первым погибнуть,—
Так поощряла Пелида и сила и мужество сердца
Противостать возвышѐнному духом Энею-герою.
Чуть соступились они, устремляяся друг против друга,
Первый к нему взговорил Ахиллес, бессмертным подобный:

«Что ты, Эней, на такое пространство отшедши от рати,
Стал? не душа ли тебя сразиться со мной увлекает
В гордой надежде, что ты над троянами царствовать будешь,
Чести Приама наследник? Но, если б меня и сразил ты,
Верно, Приам не тебе свое достояние вверит.
Есть у него сыновья; и в намереньях тверд он, незыбок.
Или троянцы тебе обещают удел знаменитый,
Лучшее поле для стада и пашен, чтоб им обладал ты,
Если меня одолеешь? Тяжел, я надеюся, подвиг!
Ты уж и прежде, я помню, бежал пред моим Пелиасом.
Или забыл, как, тебя одного изловив я у стада,
Гнал по Идейским горам, и с какой от меня быстротою
Ты убегал? И назад оглянуться не смел ты, бегущий!
С гор убежал ты, и в стены Лирнѐсса укрылся; но в прах я
Град сей рассыпал, ударив с Афиной и Зевсом Кронидом;
Множество жен полонил и, лишив их жизни свободной,
В рабство увлек; а тебя от погибели спас громовержец.
Ныне тебя не спасет он, надеюсь, как ты полагаешь
В сердце твоем! Но прими мой совет и отсюда скорее
Скройся в толпу; предо мною не стой ты, пока над тобою
Горе еще не сбылося: событие зрит и безумный!»

Но Эней знаменитый ответствовал так Ахиллесу:
«Сын Пелеев! напрасно меня, как младенца, словами
Ты застращать уповаешь: так же легко и свободно
Колкие речи и дерзости сам говорить я умею.
Знаем взаимно мы род, и наших родителей знаем,
Сами сказания давние слыша из уст человеков;
Но в лицо как моих ты, равно и твоих я не ведал.
Ты, говорят, благородного мужа Пелея рожденье;
Матерь — Фетида тебе, лепокудрая нимфа морская.
Я же единственным сыном высокого духом Анхиза
Славлюся быть; а матерь моя Афродѝта-богиня.
Те иль другие должны неизбежно сегодня оплакать
Сына любезного, ибо не мню я, чтоб детские речи
Нас развели, и чтоб с бранного поля мы так разошлися.
Если ж ты хочешь, скажу я тебе и об роде, чтоб знал ты
Наш знаменитый род, человекам он многим известен:
Нашего предка Дардàна Зевс породил громовержец;
Он основатель Дардании; сей Илион знаменитый
В поле еще не стоял, ясноречных народов обитель;

Жили еще на погориях Иды, водами обильной,
Славный Дардан Эрихфо̀ния-сына родил, скиптроносца,
Мужа, который меж смертных властителей был богатейший:
Здесь у него по долинам три тысячи коней паслося,
Тучных, младых кобылиц, жеребятами резвыми гордых.
К ним не раз и Борей разгорался любовью на паствах;
Многих из них посещал, набегая конем черногривым;
Все понесли, и двенадцать коней от Борея родили.
Бурные, если они по полям хлебородным скакали,
Выше земли, сверх колосьев носилися, стебля не смявши;
Если ж скакали они по хребтам беспредельного моря,
Выше воды, сверх валов рассыпавшихся, быстро летали.
Царь Эрихфо̀ний родил властелина могучего Троса;
Тросом дарованы свету три знаменитые сына:
Ил, Ассара̀к и младой Ганимед, небожителям равный.
Истинно, был на земле он прекраснейший сын человеков!
Он-то богами и взят в небеса, виночерпцем Зевесу,
Отрок прекрасный, дабы обитал среди сонма бессмертных.
Илом почтенным рожден непорочный душой Лаомѐдон;
Царь Лаомѐдон родил знаменитых: Тифо̀на, Приама,
Кли̇тия, Ла̀мпа и отрасль Арееву, Гикетао̀на.
Капис, ветвь Ассара̀ка, родил властелина Анхиза;
Я от Анхиза рожден, от Приама — божественный Гектор.
Вот и порода и кровь, каковыми тебе я хвалюся!
Доблесть же смертных властительный Зевс и величит и малит,
Как соизволит провидец: зане он единый всесилен.
Но довольно о сем; разговаривать больше, как дети,
Стоя уже на средине гремящего боя, не будем.
Нам обои̇м легко насказать оскорблений взаимных
Столько, что тяжести их не подымет корабль стоскамейный.
Гибок язык человека; речей для него изобильно
Всяких; поле для слов и сюда и туда беспредельно.
Что человеку измолвишь, то от него и услышишь.
Но к чему нам послужат хулы и обидные речи,
Коими, стоя, друг друга в лицо мы ругаем, как жены.
Жены одни, распылавшися злостью, сердце грызущей,
Шумно ругаются между собою, на улицу вышед;
Правду и ложь расточают; гнев до чего не доводит!
Ты от желанного боя словами меня не отклонишь,
Прежде чем медью со мной не сразишься. Начнем, и скорее
Силы один у другого на острых изведаем копьях!»

Рек он, и медною пикою в щит и чудесный и страшный
Мощно ударил,— и весь он огромный взревел под ударом.
Быстро Пелид и далёко рукою дебелой от персей
Щит отклонил, устрашася; он думал, что дрот длиннотенный
Может пробиться легко, устремленный могучим Энеем;
Он, неразумный, о том ни душой, ни умом не размыслил,
Что не может легко небожителей дар благородный
Смертным мужам уступать, ни могучестью их сокрушаться.
Пущенный сильным Энеем щита досточудного бурный
Дрот не пробил, обессиленный златом, божественным даром.
Две полосы просадил он; но три их еще оставалось;
Пять в нем полос сочетал хромоногий художник небесный:
Две для поверхности медяных, две оловянных в средине
И одну золотую; она-то копье удержала.—
После герой Ахиллес послал длиннотенную пику
И ударил противника в щит его выпуклобляшный,
Около обода, где и тончайшая медь оббегала,
Где и тончайшая кожа лежала воловья; насквозь их
Ясень прорвал пелионский; весь щит затрещал под ударом.
Сгорбясь, приникнул Эней и стремительно щит над собою
В страхе поднял; и копье, засвистев у него над спиною,
Стало, вонзившися в землю, насквозь прохватившее оба
Плотные круги щита. Ускользнув от убийственной меди,
Стал Анхизид, и в очах его черная мгла разлилася
С ужаса, как недалёко от смерти он был. Ахиллес же
Пламенный, крикнувши страшно и выхватив меч изощренный,
Бросился; но сопротивник рукой подхватил уже камень,
Страшное дело, какого не подняли б два человека,
Ныне живущих; а он и один им размахивал быстро.
Тут Ахиллеса напавшего — камнем Эней поразил бы
В шлем или в щит, но они от него отразили бы гибель;
Сын же Пелеев мечом у Энея исторгнул бы душу,
Если б того не узрел Посидон, потрясающий землю.
Быстро к бессмертным богам устремил он крылатое слово:

«Боги! печаль у меня о возвышенном духом Энее!
Скоро герой, Ахиллесом сраженный, сойдет к Аидесу,
Ложных советов послушав царя Аполлона, который
Сам, безрассудный, его не избавит от гибели грозной.
Но за что же теперь неповинный он бедствовать будет?
Казнь понесет за вины чужие? Приятные жертвы

Часто приносит богам он, на небе великом живущим.
Боги, решимся, и сами его из-под смерти исторгнем.
Может, и Зевс раздражится, когда Ахиллес у Энея
Жизнь пресечет: предназначено роком — Энею спастися,
Чтобы бесчадный, пресекшийся род не погибнул Дардана,
Смертного, Зевсу любезного более всех человеков,
Коих от крови его породили смертные жены;
Род бо Приама-владыки давно ненавидит Кронион.
Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно,
Он, и сыны от сынов, имущие поздно родиться».

Быстро ему отвечала богиня верховная Гера:
«Землю колеблющий, собственным разумом сам размышляй ты,
Должно ль избавить тебе, иль оставить троянца Энея
Пасть под рукой Ахиллеса великого, как он ни славен.
Мы, Посидȧон, богини, и я и Паллада Афина,
Тысячу крат перед всеми бессмертными клятвой клялися
Трои сынов никогда не спасать от грозящей напасти,
Даже когда Илион пожирающим пламенем бурным
Весь запылает, зажженный светочьми храбрых данаев».

Геры услышавши речь, Посидȧон, земли колебатель,
Встал, устремился сквозь шумную битву и трескот оружий
К месту, где храбрый Эней и герой Ахиллес подвизались.
Быстро, как бог, разлиял он ужасную тьму пред очами
Сына Пелеева; ясень пелийский, сияющий медью,
Вырвавши сам из щита у высокого духом Энея,
Тихо его положил близ Пелидовых ног, а Энея
Мощной рукою поднял от земли и по воздуху бросил;
Многие толпища воинов, многие толпища коней
Быстро Эней перепрянул, рукой божества устремленный.
Он долетел до пределов кипящего битвою поля,
Где ополченья кавконов готовились двинуться в сечу.
Там Анхизӥду предстал Посидȧон, колеблющий землю,
И к нему возгласил, устремляя крылатые речи:

«Кто из бессмертных, Эней, тебя ослепил и подвигнул
С сыном Пелеевым бурным сражаться и меряться боем?
Он и сильнее тебя, и любезнее жителям неба.
С ним и вперед повстречавшися, вспять отступай перед грозным;
Или, судьбе вопреки, низойдешь ты в обитель Аида.

После, когда Ахиллес рокового предела достигнет,—
Смело геройствуй, Эней, и в рядах первоборных сражайся,
Ибо другой из ахеян с тебя не похитит корыстей».

Так Посидон заповедав, на месте оставил Энея.
В то же мгновение бог от очей Ахиллеса рассеял
Облак чудесный; и, ясно прозрев, он кругом оглянулся,
Гневно вздохнул и вещал к своему благородному сердцу:

«Боги! великое чудо моими очами я вижу:
Дрот предо мною лежит на земле, но не зрю человека,
Против которого бросил, которого свергнуть пылал я!
Верно, и сей Анхизӣд божествам олимпийским любезен!
Он, полагал я, любовию их напрасно гордится.
Пусть он скитается! Мужества в нем, чтоб со мною сразиться,
Больше не будет; и ныне он рад, убежавши от смерти.
Но устремимся; данаев воинственных рать возбудивши,
Противостанем врагам и других мы троян испытаем».

Рек он, и прянул к рядам и мужей возбуждал, восклицая:
«Днесь вы не стойте вдали от троян, аргивяне-герои!
Муж против мужа иди и без отдыха пламенно бейся!
Трудно мне одному, и с великою силой моею,
Столько воюющих толп обойти и со всеми сражаться!
Нет, ни Арей, невзирая что бог, ни Афина Паллада
Бездны сражений такой не могли б обойти, подвизаясь!
Сколько, однако ж, смогу я, руками, ногами и силой
Действовать буду, и в рвении, льщусь, ни на миг не ослабну;
Прямо везде сквозь ряды я пройду; и никто из дарданцев
Весел не будет, который подступит к копью Ахиллеса!»

Так возбуждал их герой; а троян шлемоблещущий Гектор
Криком бодрил и грозился идти он против Ахиллеса:

«Храбрые Трои сыны! не страшитеся вы Пелейо̀на.
Сам я словами готов и противу бессмертных сразиться;
Но копьем тяжело: божества человеков сильнее.
Речи не все и Пелид приведет в исполнение, гордый;
Но одни совершит, а другие, не кончив, оставит.
Я на Пелида иду, хоть огню его руки подобны,
Руки подобны огню, а душа и могучесть — железу!»

Рек он; и грозно трояне в противников подняли копья;
Храбрость смесилась мужей, и воинственный крик их раздался
Тут, явившися Гектору, Феб возгласил сребролукий:

«Гектор! еще не дерзай впереди с Ахиллесом сражаться.
Стой меж рядов, поражай из толпы, да тебя и далёко
Он не уметит копьем, или близко мечом не ударит».

Рек он; и Гектор опять погрузился в волны народа,
С трепетом сердца услышавши голос вещавшего бога.
Тут Ахиллес на троян, облеченный всей силою духа,
С криком ударил — и первого он Ифитиона свергнул,
Храброго сына Отринтова, сильных дружин воеводу;
Нимфа наяда его родила градоборцу Отринту,
Около снежного Тмола, в цветущем селении Гиды.
Прямо летящего в встречу, его Ахиллес быстроногий
В голову пикою грянул, и надвое череп расселся.
С громом на землю он пал, и вскричал Ахиллес, величаясь:

«Лег ты, Отринтов сын, ужаснейший между мужами!
Умер ты здесь, на чужбине! а родину бросил далёко,
Возле Гигейского озера; бросил отцовские нивы,
Около рыбного Гилла и быстропучинного Герма!»

Так величался, а очи сраженного тьма осенила;
Тело же кони ахеян колесами вкруг истерзали,
Павшее в первом ряду. Ахиллес Демолèона там же,
В брани противника сильного, славную ветвь Антенора,
Пикой в висок поразил, сквозь шелом его медноланитный:
Крепкая медь не сдержала удара; насквозь пролетела
Пика могучая, кость проломила и, в череп ворвавшись,
С кровью смесила весь мозг и смирила его в нападеньи.
Вслед Гипподàма, который, на дол соскочив с колесницы,
Бросился в бег перед ним, поразил он копьем в междуплечье;
Он, испуская свой дух, застонал, как вол темночелый
Стонет, кругом алтаря геликийского мощного бога
Юношей силой влекомый, и бог Посидон веселится,—
Так застонал он, и дух его доблестный кости оставил.
Тот же с копьем полетел на питомца богов Полидора,
Сына Приамова. Старец ему запрещал ратоборство;
Он из сынов многочисленных был у Приама юнейший,

Старцев любимейший сын; быстротою всех побеждал он
И, с неразумия детского, ног быстротою тщеславясь,
Рыскал он между передних, пока погубил свою душу.
Медяным дротом младого его Ахиллес быстроногий,
Мчавшегось мимо, в хребет поразил, где застежки златые
Запон смыкали, и где представлялася броня двойная;
Дрот на противную сторону острый пробился сквозь чрево;
Вскрикнув, он пал на колена; глаза его тьма окружила
Черная; внутренность к чреву руками прижал он, поникший.

Гектор едва лишь увидел, что брат Полидор, прободенный,
Внутренность держит руками, к кровавому долу приникший,—
Свет помрачился в очах Приамидовых, боле не смог он
В дальних рядах оставаться; пошел он против Ахиллеса,
Острым, как пламень светящим, колебля копьем. Ахиллес же,
Чуть лишь увидел, подпрянул и с радостью гордой воскликнул:

«Вот человек сей, который глубоко пронзил мое сердце!
Вот сей убийца друга любезного! Радуюсь: больше
Друг мы от друга не будем по бранному поприщу бегать!»

Рек, и, свирепо взглянув, к благородному Гектору вскрикнул:
«Ближе приди, да скорее дойдешь к роковому пределу!»

И ему, не смущаясь, ответствовал Гектор великий:
«Сын Пелеев! меня, как младенца, напрасно словами
Ты устрашить ласкаешься: так же легко и свободно
Колкие речи и дерзости сам говорить я умею.
Ведаю, сколько могуч ты, и сколько тебя я слабее.
Но у богов всемогущих лежит еще то на коленах,
Гордую душу тебе не я ли, слабейший, исторгну
Сим копием; на копье и моем остра оконечность!»

Рек, и, ужасно сотрясши, копье он пустил; но Афина
Духом отшибла его от Пелеева славного сына,
В сретенье тихо дохнув; и назад к Приамиду-герою
Дрот прилетел, и бессильный у ног его пал. Ахиллес же,
Пламенный, с криком ужасным, убить нетерпеньем горящий,
Ринулся с пикой; но Феб Аполлон Приамида избавил
Быстро, как бог: осенил он героя мраком глубоким.
Трижды могучий Пелид на него нападал, ударяя

Пикой огромной, и трижды вонзал ее в мрак лишь глубокий.
Но в четвертый он раз еще налетевши, как демон,
Крикнул голосом страшным, крылатые речи вещая:

«Снова ты смерти, о пес, избежал! над твоей головою
Гибель висела, и снова избавлен ты Фебом могучим!
Феба обык ты молить, выходя на свистящие копья!
Скоро, однако, с тобою разделаюсь, встретяся после,
Если и мне меж богов-небожителей есть покровитель!
Ныне пойду на других и повергну, которых постигну!»

Рек, и Дриопа убил он, ударивши пикою в выю;
Тот, зашатавшись, у ног его пал; но его он оставил;
Дѐмуха ж Филетори̇да, огромного, сильного мужа,
Дротом, в колено вонзив, удержал устремленного; после
Медноогромным мечом поразил, и исторг ему душу.
Вслед на Биаса детей, Лаогòна и Дàрдана, вместе
К битве скакавших, напал он и вместе их сбил с колесницы,
Первого пикой пронзив, а другого мечом поразивши.
Трос же, Алàсторов сын, подбежал и колена герою
Обнял, не даст ли пощады и в плен не возьмет ли живого;
Может быть, думал, меня не убьет, над ровесником сжалясь.
Юноша бедный! не знал он, что жалости ждет бесполезно.
Был перед ним не приветный муж и не мягкосердечный —
Муж непреклонный и пламенный! Трос обхватил лишь колена,
Мысля молить, как весь нож Ахиллес погрузил ему в печень;
Печень в груди отвалилася; кровь, закипевши из раны,
Перси наполнила; очи его, испустившего душу,
Мрак осенил; а Пелид, устремившися, Мулия грянул
В ухо копьем, и стремительно вышло сквозь ухо другое
Медное жало. За ним он Эхѐклу, Агѐнора сыну,
Череп разнес пополам мечом с рукояткой огромной;
Весь разогрелся под кровию меч; и Эхѐклу на месте
Очи смежила багровая Смерть и могучая Участь.
После сразил Девкали̇она; где на изгибистом локте
Жилы сплетаются, там ему руку насквозь прохватила
Острая пика, и стал Девкали̇он, с рукою повисшей,
Видящий близкую смерть: Ахиллес пересек ему выю,
Голову с шлемом, сотрясши, поверг; из костей позвоночных
Выскочил мозг; обезглавленный труп по земле протянулся.
Он же немедля напал на Пирѐева славного сына,

Ригма, который пришел из фракийской земли плодоносной;
Дротом его поразил; острие углубилось в утробу;
Он с колесницы слетел; а Пелид Арейфòю-вознице,
Коней назад обращавшему, в плечи сияющий дротик
Вбил и сразил с колесницы; и в страхе смешалися кони.

Словно как страшный пожар по глубоким свирепствует дебрям,
Окрест сухой горы, и пылает лес беспредельный;
Ветер, бушуя кругом, развевает погибельный пламень,—
Так он, свирепствуя пикой, кругом устремлялся, как демон;
Гнал, поражал; заструилося черною кровию поле.
Словно когда земледелец волов сопряжет крепкочелых
Белый ячмень молотить на гумне округленном и гладком;
Быстро стираются класы мычащих волов под ногами,—
Так под Пелидом божественным твердокопытные кони
Трупы крушили, щиты и шеломы; забрызгались кровью
Снизу вся медная ось и высокий полкруг колесницы,
В кои, как дождь, и от конских копыт и от ободов бурных
Брызги хлестали; пылал он добыть между смертными славы,
Храбрый Пелид, и в крови обагрял необорные руки.

ПЕСНЬ XXI

СОДЕРЖАНИЕ

Ахиллес гонит бегущих троян, одних к городу, других к Ксанфу (Скамандру), в который они бросаются, ст. 1—16; многих из них убивает в реке; но 12 юношей, захватив живых, отсылает в стан, обрекши их на жертву Патроклу, 17—32. Там же убивает Ликаона, Приамова сына, умоляющего о пощаде, 33—137; поражает Астеропея, вождя пеонян, и многих между ними, 138—211. Ксанф, спертый в течении трупами, жалуется и убеждает Ахиллеса укротиться, но напрасно: он продолжает убийства и снова вскакивает в середину реки. Река свирепо нападает на него волнами, и наконец вышедшего и бегущего преследует его по полю, 212—271. Ахиллеса, устрашенного и уже с трудом борющегося против яростных вод, одушевляет Посидон и Афина. Ксанф, более раздраженный, призвав на помощь и Симоиса, наводняет всё поле и снова грозит потопить Ахиллеса, 272—327. Но Гера противупоставляет Ксанфу Гефеста, который, устремив огонь, зажигает реку, иссушает поле и не укрощает пламени, пока не повелела Гера, убежденная мольбою Ксанфа, 328—384. Между тем подымается распря и брань других богов: Арея, Афины, Киприды; Аполлона, Посидона; Геры, Артемиды; Гермеса, Леты, 385—513. После сего все боги возвращаются на Олимп; но Аполлон входит в Трою, чтобы защитить ее, ибо Ахиллес, грозно свирепствуя, гонит троян к городу. Приам, увидев его с башни, приказывает растворить ворота для спасения бегущих, 514—543. Аполлон, чтобы отвратить от них свирепость Ахиллеса, устремляет против него Агенора, который и нападает на него, 544—594. Но Аполлон, скоро удалив Агенора и сам приняв образ его, обманывает Ахиллеса, от него убегая, и таким образом отвлекает от города, 595—611.

ПЕСНЬ XXI

Но лишь трояне достигли брода реки светлоструйной,
Ксанфа сребристопучинного, вечным рожденного Зевсом,
Там их разрезал Пелид; и одних он погнал по долине
К граду, и тем же путем, где ахейцы в расстройстве бежали
Прошлого дня, как над ними свирепствовал Гектор могучий,-
Там и трояне, рассеясь, бежали; но Гера глубокий
Мрак распростерла, им путь заграждая. Другие толпами,
Бросясь к реке серебристопучинной, глубокотекущей,
Падали с шумом ужасным: высоко валы заплескали;
Страшно кругом берега загремели; упадшие с воплем
Плавали с места на место, крутяся по бурным пучинам.
Словно как пруги, от ярости огненной снявшися с поля,
Тучей к реке устремляются: вдруг загоревшийся бурный
Пышет огонь, и они устрашенные падают в воду,—
Так от Пелида бегущие падали кони и вои,
Ток наполняя гремучий глубокопучинного Ксанфа.

Он же, божественный, дрот свой огромный оставил на бреге,
К ветвям мирики склонивши, и сам устремился, как демон,
С страшным мечом лишь в руках: замышлял он ужасное в сердце;
Начал вокруг им рубить — поднялися ужасные стоны
Вкруг поражаемых; кровию их забагровели волны.
Словно дельфина огромного мелкие рыбы всполошась
И бежа от него в безопасные глуби залива,
Кроются робкие: всех он глотает, какую ни схватит,—

Так от Пелида трояне в ужасном потоке Скамандра
Крылись под кручей брегов. Но герой, утомивши убийством
Руки, живых средь потока двенадцать юношей выбрал,
Чтоб за смерть отомстить благородного друга Патрокла;
Вывел из волн, обезумленных страхом, как юных еленей;
Руки им сзади связал разрезными, крутыми ремнями,
Кои в сражениях сами носили при бронях кольчатых;
Так повелел мирмидонцам вести их к судам мореходным.
Сам же опять на врагов устремился, убийства алкая.

Там он Приамова сына, чудясь, Ликаона младого
Встретил, из волн уходящего, коего некогда сам он
В плен, невзирая на вопль, из отцова увлек вертограда,
Ночью напавши; царевич смоковницы ветви младые
Острою медью тесал, чтобы в круги согнуть колесницы;
Вдруг на него налетела беда — Ахиллес быстроногий.
Он Ликаона, в судах своих быстрых уславши на Лемнос,
Продал: Эвней Язонид предложил за царевича выкуп;
Друг же его и оттуда, Геэтион, Имбра владыка,
Многое дав, искупил и в священную выслал Аризбу.
Скоро, бежавши оттуда, в отеческий дом возвратился.
Дома одиннадцать дней веселился с друзьями своими,
После возврата из Лемна; в двенадцатый — бог его паки
В руки привел Ахиллеса, которому сужено было
В царство Аида низринуть — идти не хотящую душу.
Быстрый могучий Пелид, лишь узрел Приамида нагого
(Он без щита, без шелома и даже без дротика вышел;
По полю всё разбросал, из реки убегающий; потом
Он изнурился; с истомы под ним трепетали колена),
Гневно вздохнул и вещал со своею душой благородной:

«Боги! великое чудо моими очами я вижу!
Стало быть, Трои сыны, на боях умерщвленные мною,
Паки воскреснут и паки из мрака подземного выйдут,
Ежели сей возвращается; черного дня избежал он,
Проданный в Лемнос; его не могла удержать и пучина
Бурного моря, которое многих насильственно держит.
Но нападем, и пускай острия моего Пелиаса
Днесь он отведает: видеть хочу и увериться сердцем,
Так же ли он и оттуда воротится, или троянца
Матерь удержит земля, которая держит и сильных».

Так размышлял и стоял он; а тот подходил полумертвый,
Ноги Пелиду готовый обнять: несказанно желал он
Смерти ужасной избегнуть и близкого черного рока.
Дрот между тем длиннотенный занес Ахиллес быстроногий,
Грянуть готовый; а тот подбежал и обнял ему ноги,
К долу припав; и копье, у него засвистев над спиною,
В землю воткнулось дрожа, человеческой жадное крови.
Юноша левой рукою обнял, умоляя, колена,
Правой копье захватил, и, его из руки не пуская,
Так Ахиллеса молил, устремляя крылатые речи:

«Ноги объемлю тебе, пощади, Ахиллес, и помилуй!
Я пред тобою стою, как молитель, достойный пощады!
Вспомни, я у тебя насладился дарами Деметры,
В день, как меня полонил ты в цветущем отца вертограде.
После ты продал меня, разлучив и с отцом и с друзьями,
В Лѐмнос священный — тебе я доставил стотельчия цену;
Ныне ж тройной искупился б ценою! Двенадцатый день лишь
С оной мне светит поры, как пришел я в священную Трою,
Много страдавши; и в руки твои опять меня ввергнул
Пагубный рок! Ненавистен я, верно, Крониону Зевсу,
Если вторично им предан тебе; кратковечным родила
Матерь меня Лаофòя, дочь престарелого Алта,
Алта, который над племенем царствует храбрых лелѐгов,
Градом высоким, Педàсом, у вод Сатниона владея.
Дочерь его Лаофòя, одна из супруг Дарданида,
Двух нас Приаму родила, и ты обоих умертвишь нас!
Брата уже ты сразил в ополчениях наших передних;
Острым копьем заколол Полидòра, подобного богу.
То ж и со мною несчастие сбудется! Знаю, могучий!
Рук мне твоих не избегнуть, когда уже бог к ним приближил!
Слово иное скажу я, то слово прими ты на сердце:
Не убивай меня; Гектор мне брат не единоутробный,
Гектор, лишивший тебя благородного, нежного друга!»

Так говорил убеждающий сын знаменитый Приамов,
Так Ахиллеса молил; но услышал не жалостный голос:

«Что мне вещаешь о выкупах, что говоришь ты, безумный?
Так, доколе Патрокл наслаждался сиянием солнца,
Миловать Трои сынов иногда мне бывало приятно.

Многих из вас полонил, и за многих выкуп я принял.
Ныне пощады вам нет никому, кого только демон
В руки мои приведет под стенами Приамовой Трои!
Всем вам, троянам, смерть, и особенно детям Приама!
Так, мой любезный, умри! И о чем ты столько рыдаешь?
Умер Патрокл, несравненно тебя превосходнейший смертный!
Видишь, каков я и сам, и красив и величествен видом;
Сын отца знаменитого, матерь имею богиню!
Но и мне на земле от могучей судьбы не избегнуть;
Смерть придет и ко мне поутру, ввечеру или в полдень,
Быстро, лишь враг и мою на сражениях душу исторгнет,
Или копьем поразив, иль крылатой стрелою из лука».

Так произнес; и у юноши дрогнули ноги и сердце.
Страшный он дрот уронил и, трепещущий, руки раскинув,
Сел; Ахиллес же, стремительно меч обоюдный исторгши,
В выю вонзил у ключа, и до самой ему рукояти
Меч погрузился во внутренность; ниц он по черному праху
Лег, распростершися; кровь захлестала и залила землю.
Мертвого за ногу взявши, в реку Ахиллес его бросил,
И, над ним издеваясь, пернатые речи вещал он:

«Там ты лежи, между рыбами! жадные рыбы вкруг язвы
Кровь у тебя нерадиво оближут! Не матерь на ложе
Тело твое, чтоб оплакать, положит; но Ксанф быстротечный
Бурной волной унесет в беспредельное лоно морское.
Рыба, играя меж волн, на поверхность чернеющей зыби
Рыба всплывет, чтоб насытиться белым царевича телом.
Так погибайте, трояне, пока не разрушим мы Трои,
Вы, убегая из битвы, а я — убивая бегущих!
Вас не спасет ни могучий поток, серебристопучинный
Ксанф. Посвящайте ему, как и прежде, волов неисчетных;
В волны бросайте живых, как и прежде, коней звуконогих —
Все вы изгибнете смертию лютой; заплатите вы мне
Друга Патрокла за смерть и ахейских сынов за убийство,
Коих у черных судов без меня вы избили на сечах!»

Так говорил он; и Ксанф на него раздражался жестоко;
Стал волноваться он думами, как удержать от свирепства
Бурного сына Пелея, спасая троян от убийства.
Но Пелейон между тем, потрясая копьем длиннотенным,

Прянул ужасный, убить пылающий Астеропѐя,
Ветвь Пелегòна, которого Аксий широкотекущий
С юной родил Перибòею, Акессамѐновой дщерью
Старшею; с нею поток сочетался глубокопучинный.
Быстро Пелид устремлялся, а тот из реки на Пелида
Вышел, двумя потрясающий копьями; дух пеонийцу
Ксанф возбуждал: раздражался бессмертный за юношей красных,
Коих в пучинах его Ахиллес убивал без пощады.
Чуть соступились они, устремляяся друг против друга,
Первый к Астеропею вскричал Ахиллес быстроногий:

«Кто ты, откуда ты, смертный, дерзающий в встречу мне выйти?
Дети одних несчастных встречаются с силой моею!»

И ему отвечал воинственный сын Пелегòнов:
«Сын знаменитый Пелеев, почто вопрошаешь о роде?
Я из Пеонии муж, из страны плодоносной, далекой;
Вождь я пеòнян огромнокопейных. Двенадцатый день мне
Светит с оной поры, как пришел я в Приамову Трою.
Родоначальник мой славный — Аксий широкотекущий,
Аксий, водою прекраснейшей недра земные поящий:
Он Пелегòна родил; от него, копьеносца, вещают,
Я порожден. Но сразися со мной, Ахиллес благородный!»

Так он, грозя, говорил; и занес Ахиллес быстроногий
Крепкий свой ясень пелийский; но дрòтами вдруг обоими
Сын Пелегонов пустил: копьеборец он был оборучный;
В щит Ахиллесов одним угодил, но сквозь щит не проникнул
Дрот медножальный, удержанный златом, божественным даром.
Дротом другим, близ локтя пронесшимся, ссаднил десную;
Черная кровь заструилась, и дрот позади Ахиллеса
В землю вонзился, горящий насытиться телом героя.
Вслед Пелейон Ахиллес, размахнув прямолетный свой ясень,
В Астеропѐя пустил, сопостата низвергнуть пылая;
Но, не попав Пелегòнида, в берег высокий ударил
И вогнал до средины огромное дерево в берег.
Сам между тем, исторгнувши меч из влагалища острый,
Яр на противника прянул, а тот ахиллесовский ясень
Вырвать из берега тщетно рукой напрягался дебелой.
Трижды его колыхал, из стремнины исторгнуть пылая,
Трижды силы терял; но, в четвертый он раз лишь рванулся,

Чая согнуть и сломить Эакидов убийственный ясень,
Тот налетел и мечом у надменного душу исторгнул;
Чрево близ пупа ему разрубил, и из чрева на землю
Вылилась внутренность вся, и ему, захрипевшему, очи
Смертная тьма осенила; Пелид же, на грудь его бросясь,
Пышные латы срывал и вещал, величаясь победой:

«В прахе лежи! Тебе тяжело всемогущего Зевса
Спорить с сынами, хотя и рожден ты рекою великой!
Ты от реки широкой своим величаешься родом;
Я от владыки бессмертных, от Зевса, рождением славлюсь.
Жизнь даровал мне герой, мирмидонян владыка державный,
Отрасль Эа̀ка, Пелей; Эак же рожден от Зевеса.
Сколько Зевес многомощнее рек, убегающих в море,
Столько пред чадами рек многомощнее чада Зевеса!
Здесь, пред тобой, и река могучая; пусть испытает
Помощь подать: невозможно сражаться с Кронионом Зевсом.
С ним, громовержцем, ни царь Ахело̀й не дерзает равняться,
Ни, могуществом страшный, седой Океан беспредельный,
Тот, из которого всякий источник и всякое море,
Реки, ключи и глубокие кладези все истекают;
Но трепещет и он всемогущего Зевса перунов
И ужасного грома, когда от Олимпа он грянет».

Рек, и из брега стремнистого вырвал огромную пику.
Бросил врага, у которого гордую душу исторгнул,
В прахе простертого, там его залили мутные волны;
Вкруг его тела и рыбы и угри толпой закипели,
Почечный тук обрывая и жадно его пожирая.
Сын же Пелеев пошел на пео̀нян, воинов конных,
Кои по берегу Ксанфа пучинного бросились в бегство,
Чуть лишь увидели мужа сильнейшего в битве ужасной,
Мощно сраженного грозной рукой и мечом Ахиллеса.
Там он убил Ферсило̀ха, Энӣя-вождя и Мидо̀на,
Сверг Астипӣла и Фра̀зия, сверг Офелѐста и Мнѐсса.
Многих еще бы пео̀нян сразил Ахиллес быстроногий,
Если бы голоса в гневе Скамандр пучинный не поднял.
В образе смертного бог возгласил из глубокой пучины:

«О Ахиллес! и могуществом сил и грозою деяний
Выше ты смертного! Боги всегда по тебе поборают.

Если Кронион троян на погибель всех тебе предал,
Выгони их из меня и над ними ты в поле свирепствуй.
Трупами мертвых полны у меня светлоструйные воды;
Более в море священное волн проливать не могу я,
Трупами спертый троянскими: ты истребляешь, как гибель!
О, воздержись! и меня изумляешь ты, пастырь народа!»

Ксанфу немедля ответствовал царь Ахиллес быстроногий:
«Будет, как ты заповедуешь, Ксанф, громовержцев питомец!
Я перестану троян истреблять, но не прежде, как гордых
В стены вобью, и не прежде, как Гектора мощь испытаю,
Он ли меня укротит, иль надменного сам укрощу я».

Так говоря, на троян устремился ужасный, как демон.
К Фебу тогда возопила река из пучины глубокой:

«Бог сребролукий, Крониона сын, не блюдешь ты заветов
Зевса Кронида! Не он ли тебе повелел, олимпиец,
Трои сынов защищать неотступно, пока не прострется
Сумрак вечерний и тенью холмистых полей не покроет».

Так говорила; Пелид же бесстрашный в средину пучины
Прянул с крутизны. Река поднялася, волнами бушуя.
Вся, всклокотавши, до дна взволновалась, и мертвых погнала,
Коими волны ее Ахиллес-истребитель наполнил;
Мертвых, как вол ревущая, вон извергла на берег;
Но живых укрывая в пучинных пещерах широких,
Их защитила своими катящимись пышно водами.
Страшное вкруг Ахиллеса волнение бурное встало;
Зыблют героя валы, упадая на щит; на ногах он
Боле не мог удержаться; руками за вяз ухватился
Толстый, раскидисто росший; и вяз, опрокинувшись с корнем,
Берег обрушил с собой, заградил быстротечные воды
Вѐтвей своих густотой и, как мост, по реке протянулся,
Весь на нее опрокинясь. Герой, исскоча из пучины,
Бросился в страхе долиной лететь на ногах своих быстрых.
Яростный бог не отстал; но поднявшись, за ним он ударил
Валом черноголовым, горя обуздать Ахиллеса
В подвигах бранных и Трои сынов защитить от убийства.
Он же, герой, проскакал на пространство копейного лета,
Быстро, как мощный орел, черноперый ловец поднебесный,

Самый сильнейший и самый быстрейший из рода пернатых;
Равный орлу он стремился; блестящая медь всеоружий
Страшно вкруг персей звучала; бежа от Реки, он бросался
Вбок, а Река по следам его с ревом ужасным крутилась.
Словно когда водовод от ключа, изобильного влагой,
В сад, на кусты и растения, ров водотечный проводит,
Заступ острый держа и копь от препон очищая;
Рвом устремляется влага; под нею все мелкие камни
С шумом катятся; источник бежит и журчит, убыстренный
Местом покатистым; он и вождя далеко упреждает,—
Так непрестанно преследовал вал черноглавый Пелида,
Сколько ногами ни быстрого: боги могучее смертных.
Несколько раз покушался герой Ахиллес быстроногий
Противостать и увидеть, не все ли его уже боги
Гонят, не всё ль на него ополчилось великое небо?
Несколько раз его вал излиянного Зевсом Скамандра,
Сверху обрушася, в плечи хлестал; негодуя, высоко
Прядал Пелид, но Река удручала могучие ноги,
Бурная под ноги била и прах из-под стоп вырывала.
Крикнул Пелид наконец, на высокое небо взирая:

«Зевс! так никто из богов милосердый меня не предстанет
Спасть из реки злополучного? После и всё претерпел бы...
Но кого осуждаю я, кто из небесных виновен?
Матерь единая, матерь меня обольщала мечтами,
Матерь твердила, что здесь, под стенами троян броненосных,
Мне от одних Аполлоновых стрел быстролетных погибнуть
Что не убит я Гектором! Сын Илиона славнейший,
Храброго он бы сразил и корыстью гордился бы, храбрый!
Ныне ж бесславною смертью судьбой принужден я погибнуть;
Лечь в пучинах реки, как младой свинопас, поглощенный
Бурным потоком осенним, который хотел перебрести он!»

Так говорил; и незапно ему Посидон и Афина
Вместе явились, приближились, образ приняв человеков;
За руку взяли рукой и словами его уверяли.
Первый к нему провещал Посидон, потрясающий землю:

«Храбрый Пелид! ничего не страшися, ничем не смущайся.
Мы от бессмертных богов, изволяющу Зевсу Крониду,
Мы твои покровители, я и Паллада Афина.

Роком тебе не назначено быть побежденным Рекою;
Скоро она успокоится, бурная, сам ты увидишь.
Мы же, когда ты послушаешь, мудрый совет предлагаем:
Рук не удерживай ты от убийства и общего боя
Прежде, доколе троян не вобьешь в илионские стены
Всех, кто спасется; и после ты, Гектора душу исторгнув,
В стан возвратися; дадим мы тебе вожделенную славу».

Так возгласивши бессмертные, вновь удалились к бессмертным.
Он полетел, беспредельно глаголом богов ободренный,
В поле; а поле водою разлившеюсь всё понималось.
Множество пышных оружий, множество юношей красных
Плавало мертвых. Высоко скакал он, бежа от стремленья
Прямо гонящихся волн разъяренных; не мог его больше
Бурный поток удержать, облеченного в крепость Афиной.
Но и Скамандр не обуздывал гнева; против Ахиллеса
Пуще свирепствовал бог; захолмивши валы на потоке,
Он воздымался высоко и с ревом вопил к Симоису:

«Брат мой, воздвигнися! Мужа сего совокупно с тобою
Мощь обуздаем; иль скоро обитель владыки Приама
Он разгромит; устоять перед грозным трояне не могут!
Помощь скорее подай мне; поток свой наполни водами
Быстрых источников горных, и все ты воздвигни потоки!
Страшные волны поставь, закрути с треволнением шумным
Бревна и камни, чтобы обуздать нам ужасного мужа!
Он побеждает теперь и господствует в брани, как боги!
Но не помогут, надеюсь, ему ни краса, ни могучесть,
Ни оружия пышные, кои в болоте глубоком
Лягут и черной покроются тиною; ляжет и сам он.
Я и его под песком погребу и громадою камней
Страшной кругом замечу̀; не сберут и костей Ахиллеса
Чада ахеян: такой самого его тиной покрою!
Там и могила его, и не нужно ахеянам будет
Хо̀лма над ним насыпать, воздавая надгробную почесть!»

Рек, и напал на него, клокоча и высоко бушуя,
С ревом бросая и пеной, и кровью, и трупами мертвых.
Быстро багровые волны реки, излиявшейся с неба,
Стали стеной, обхватили кругом Пѐлейона-героя.
Крикнула Гера-богиня, страшась, чтоб Пелеева сына

В хляби свои не умчала река, излиянная Зевсом;
Быстро к Гефесту, любезному сыну, она возгласила:

«В бой, хромоногий! воздвигнись, о сын мой! с тобою сразиться
Мы почитаем достойным глубокопучинного Ксанфа.
Противостань и скорее открой пожирающий пламень!
Я же иду, чтобы Зѐфира-ветра и хладного Нота
Быстро от брега морского жестокую бурю воздвигнуть;
Буря сожжет и главы и доспехи троян ненавистных,
Страшный пожар разносящая. Ты по брегам у Скамандра
Жги дерева и на воду огонь устреми; не смягчайся
Ласковой речью его, не смущайся угрозами бога;
И не смиряй ты пламенной силы, пока не подам я
Знаменья криком; тогда укротишь ты огонь неугасный».

Так повелела; и сын устремил пожирающий пламень.
В поле сперва разгорался огонь, и тела пожирал он
Многих толпами лежащих троян, Ахиллесом убитых.
Поле иссохло, и стали в течении светлые воды.
Словно как в осень борей вертоград, усыренный дождями,
Скоро сушит и его удобрятеля радует сердце,—
Так иссушилося целое поле, тела погорели.
Бог на реку обратил разливающий зарево пламень.
Вспыхнули окрест зеленые ивы, мирики и вязы;
Вспыхнули влажные трости, и лотос, и кипер душистый,
Кои росли изобильно у Ксанфовых вод светлоструйных;
Рыбы в реке затомились, и те по глубоким пучинам,
Те по прозрачным струям и сюда и туда заныряли,
В пламенном духе томясь многоумного Амфигиѐя.
Вспыхнул и самый Поток и, пылающий, так возопил он:

«Нет, о Гефест, ни единый бессмертный тебя не осилит!
Нет, никогда не вступлю я с тобой, огнедышащим, в битву!
Кончи ты брань! А троян хоть из града Пелид быстроногий
Пусть изженет; отрекаюсь их распрь, не хочу поборать им!»

Так говорил, и горел; клокотали прекрасные воды.
Словно клокочет котел, огнем подгнетенный великим,
Если он, вепря огромного тук растопляя блестящий,
Полный ключом закипит, раскаляемый пылкою сушью,—
Так от огня раскалялися волны, вода клокотала.

Стала река, протекать не могла, изнуренная знойной
Силою бога Гефеста. Скамандр к торжествующей Гере
Голос простер умоляющий, быстрые речи вещая:

«Гера! за что твой сын, на поток мой свирепо обрушась,
Мучит меня одного? Пред тобою не столько виновен
Я, как другие бессмертные, кои троян защищают.
Я укрощуся, о Гера-владычица, если велишь ты;
Пусть и Гефест укротится! Клянуся я клятвой бессмертных:
Трои сынов никогда не спасать от суровой годины,
Даже когда и Троя губительным пламенем бурным
Вся запылает, зажженная светочьми храбрых данаев!»

Речи такие услышав, лилейнораменная Гера
Быстро богиня к Гефесту, любезному сыну, вещала:

«Полно, Гефест, укротися, мой сын знаменитый! Не должно
Так беспощадно за смертных карать бессмертного бога!»

Так повелела; и бог угасил пожирающий пламень.
Вспять покатились к потоку прекрасно струящиесь воды.
Так обуздана Ксанфова мощь; успокоились оба,
Ксанф и Гефест: укротила их Гера, кипящая гневом.

Но меж другими бессмертными вспыхнула страшная злоба,
Бурная: чувством раздора их души в груди взволновались.
Бросились с шумной тревогой; глубоко земля застонала;
Вкруг, как трубой, огласилось великое небо. Услышал
Зевс, на Олимпе сидящий; и с радости в нем засмеялось
Сердце, когда он увидел богов, устремившихся к брани.
Сшедшися, боги недолго стояли в бездействии: начал
Щиторушитель Арей, налетел на Палладу Афину,
Медным колебля копьем, изрыгая поносные речи:

«Паки ты, наглая муха, на брань небожителей сводишь?
Дерзость твоя беспредельна! ты вечно свирепствуешь сердцем!
Или не помнишь, как ты побудила Тидеева сына
Ранить меня, и сама, перед всеми копье ухвативши,
Прямо в меня устремила и тело мое растерзала?
Ныне за всё, надо мной совершенное, мне ты заплатишь!»

Рек, и ударил копьем в драгоценный эгид многокистный,
Страшный, пред коим бессилен и пламенный гром молневержца;
В оный копьем длиннотенным ударил Арей исступленный.
Зевсова дочь отступила и мощной рукой подхватила
Камень, в поле лежащий, черный, зубристый, огромный,
В древние годы мужами положенный поля межою;
Камнем Арея ударила в выю и крепость сломила.
Семь десятин он покрыл, распростершись; доспех его медный
Грянул, и прахом оделись власы. Улыбнулась Афина
И, величаясь над ним, устремила крылатые речи:

«Или доселе, безумный, не чувствовал, сколь пред тобою
Выше могуществом я, что со мною ты меряешь силы?
Так отягчают тебя проклятия матери Геры,
В гневе тебе готовящей кару за то, что, изменник,
Бросил ахейских мужей и стоишь за троян вероломных!»

Так говоря, от него отвратила ясные очи.
За руку взявши его, повела Афродита-богиня,
Тяжко и часто стенящего; в силу он с духом собрался.
Но, Афродиту увидев, лилейнораменная Гера
К Зевсовой дщери Афине крылатую речь устремила:

«Непобедимая дщерь воздымателя облаков Зевса!
Видишь, бесстыдная паки губителя смертных Арея
С битвы пылающей дерзко уводит! Скорее преследуй!»

Так изрекла; и Афина бросилась с радостью в сердце;
Быстро напав на Киприду, могучей рукой поразила
В грудь; и мгновенно у ней обомлело и сердце и ноги.
Оба они пред Афиною пали на злачную землю.
И, торжествуя над падшими, вскрикнула громко Афина:

«Если б и все таковы защитители Трои высокой
Были, на брань выходя против меднооружных данаев,
Столько ж отважны и сильны душой, какова Афродита
Вышла, Арея союзница, в крепость со мною!
О, давно бы от грозной войны успокоились все мы,
Град сей разруша, высокотвердынную Трою Приама!»

Так говорила; и тихо осклабилась Гера-богиня.
И тогда к Аполлону вещал Посидон-земледержец:

«Что, Аполлон, мы стоим в отдалении? Нам неприлично!
Начали боги другие. Постыдно, когда мы без боя
Оба придем на Олимп, в меднозданный дом олимпийца!
Феб, начинай; ты летами юнейший,— но мне неприлично:
Прежде тебя я родился и боле тебя я изведал.
О безрассудный, беспамятно сердце твое! Позабыл ты,
Сколько трудов мы и бед претерпели вокруг Илиона,
Мы от бессмертных одни? Повинуяся воле Кронида,
Здесь Лаомѐдону гордому мы, за условную плату,
Целый работали год, и сурово он властвовал нами.
Я обитателям Трои высокие стены воздвигнул,
Крепкую, славную твердь, нерушимую града защиту.
Ты, Аполлон, у него, как наемник, волов круторогих
Пас по долинам холмистой, дубравами венчанной Иды.
Но, когда нам условленной платы желанные Горы
Срок принесли, Лаомѐдон жестокий насильно присвоил
Должную плату и нас из пределов с угрозами выслал.
Лютый, тебе он грозил оковать и руки и ноги,
И продать, как раба, на остров чужой и далекий;
Нам обоим похвалялся отсечь в поругание уши.
Так удалилися мы, на него негодуя душою.
Царь вероломный, завет сотворил и его не исполнил!
Феб, не за то ль благодеешь народу сему и не хочешь
Нам поспешать, да погибнут навек вероломцы трояне,
Бедственно все да погибнут, и робкие жены и дети!»

Но ему отвечал Аполлон, сребролукий владыка:
«Эннесигѐй! не почел бы и сам ты меня здравоумным,
Если б противу тебя ополчался я ради сих смертных,
Бедных созданий, которые, листьям древесным подобно,
То появляются пышные, пищей земною питаясь,
То погибают, лишаясь дыхания. Нет, Посидàон,
Распри с тобой не начну я; пускай человеки раздорят!»

Так произнес Аполлон, и назад обратился, страшася
Руки поднять на царя, на могучего брата отцова.
Тут Аполлона сестра, Артемида, зверей господыня,
Шумом ловитв веселящаясь, гневно его укоряла:

«Ты убегаешь, стрелец! и царю Посидону победу
Всю оставляешь, даешь ненаказанно славой гордиться?

Что ж, малодушный, ты носишь сей лук, для тебя бесполезный?
С сей я поры чтоб твоих не слыхала в чертогах Кронида
Гордых похвал, как бывало ты хвалишься между богами
С Энносигеем, земли колебателем, выйти на битву».

Так говорила; сестре не ответствовал Феб сребролукий.
Но раздражилася Гера, супруга почтенная Зевса,
И словами жестокими так Артемиду язвила:

«Как, бесстыдная псица, и мне уже ныне ты смеешь
Противостать? Но тебе я тяжелой противницей буду,
Гордая луком! Тебя лишь над смертными женами львицей
Зевс поставил, над ними свирепствовать дал тебе волю.
Лучше и легче тебе поражать по горам и долинам
Ланей и диких зверей, чем с сильнейшими в крепости спорить.
Если ж ты хочешь изведать и брани, теперь же узнаешь,
Сколько тебя я сильнее, когда на меня ты дерзаешь!».

Так лишь сказала, и руки богини своею рукою
Левой хватает, а правою, лук за плечами сорвавши,
Луком, с усмешкою горькою, бьет вкруг ушей Артемиду;
Быстро она отвращаясь, рассыпала звонкие стрелы
И наконец убежала в слезах. Такова голубица,
Ястреба, робкая, взвидя, в расселину камня влетает,
В темную нору, когда ей не сужено быть уловленной,—
Так Артемида в слезах убежала и лук свой забыла.
Лете, богине, тогда возгласил возвестительный Гермес:

«Лета! сражаться с тобой ни теперь я, ни впредь не намерен:
Трудно сражаться с супругами тучегонителя Зевса.
Можешь, когда ты желаешь, торжественно между бессмертных,
Можешь хвалиться, что силой ты страшной меня победила».

Так говорил он, а Лета сбирала и лук и из тула
Врознь по песчаным зыбям разлетевшиесь легкие стрелы.
Все их собравши, богиня пошла за печальною дщерью.
Та же взошла на Олимп, в меднозданный чертог громовержца;
Села, слезы лия, на колени родителя дева;
Риза на ней благовонная вся трепетала. Кронион
К сердцу дочерь прижал и вещал к ней с приятной усмешкой:

«Дочь моя милая! кто из бессмертных тебя дерзновенно
Так оскорбил, как бы явное ты сотворила злодейство?»

Зевсу прекрасновенчанная ловли царица вещала:
«Гера, твоя супруга, родитель, меня оскорбила,
Гера, от коей и распря и брань меж богами пылает».

Так небожители-боги, сидя на Олимпе, вещали.
Тою порой Аполлон вступил в священную Трою:
Сердцем заботился он, да твердынь благозданного града
Сила данаев, судьбе вопреки, не разрушит в день оный.
Прочие все на Олимп возвратилися вечные боги,
Гневом пылая одни, а другие славой сияя.
Сели они вкруг отца громоносного. Сын же Пелеев
В грозном бою истреблял и мужей и коней звуконогих.
Словно как дым от пожара столпом до высокого неба
Всходит над градом пылающим, гневом богов воздвизаем,
Всем он труды и печали несчетные многим наносит,—
Так Ахиллес наносил и труды и печали троянам.

Царь Илиона, Приам престарелый, на башне священной
Стоя, узрел Ахиллеса ужасного; все пред героем
Трои сыны, убегая, толпилися; противоборства
Более не было. Он зарыдал — и, сошедши на землю,
Громко приказывал старец ворот защитителям славным:

«Настежь ворота в руках вы держите, пока ополченья
В город все не укроются, с поля бегущие: близок
Грозный Пелид, их гонящий! приходит нам тяжкая гибель!
Но, как скоро вбегут и в стенах успокоятся рати,
Вновь затворите ворота и плотные створы заприте.
Я трепещу, чтобы муж сей погибельный в град не ворвался!»

Рек он; и стражи, отдвинув запор, распахнули ворота.
Многим они, растворенные, свет даровали; навстречу
Вылетел Феб, чтоб от Трои сынов отразить истребленье.
Рати ж троянские к городу прямо, к твердыне высокой,
Жаждой палимые, прахом покрытые, с бранного поля
Мчалися; бурно их гнал он копьем; непрестанно в нем сердце
Страшным пылало свирепством, неистово славы алкал он.

Взяли б в сей день аргивяне высоковоротную Трою,
Если бы Феб Аполлон не воздвигнул Агѐнора-мужа,
Ветвь Антенора-сановника, славного, сильного в битвах.
Феб ему сердце наполнил отвагой, и сам недалеко
Стал, чтоб над мужем удерживать руки тяжелые Смерти,
К дереву буку склонясь и покрывшися облаком темным.
Тот же, как скоро увидел рушителя стен Ахиллеса,
Стал; но не раз у него колебалось тревожное сердце.
Тяжко вздохнув, говорил он с своей благородной душою:

«Горе мне! ежели я, оробев, пред ужасным Пелидом
В бег обращусь, как бегут и другие, смятенные страхом,—
Быстрый догонит меня и главу, как у робкого, снимет!
Если же сих, по долине бегущих, преследовать дам я
Сыну Пелея, а сам одинокий в сторону града
Брошусь бежать по илийскому полю, пока не достигну
Иды лесистых вершин и в кустарнике частом не скроюсь?
Там я, как вечер наступит, в потоке омоюсь от пота
И, освежася, под сумраком вновь в Илион возвращуся.
Но не напрасно ль ты, сердце, в подобных волнуешься думах?
Если меня вдалеке он от города, в поле увидит?
Если, ударясь в погоню, меня быстроногий нагонит?
О! не избыть мне тогда от сурового рока и смерти!
Сей человек несравненно могучее всех человеков!
Если ж ему самому перед градом я противостану?..
Тело его, как и всех, проницаемо острою медью;
Та ж и одна в нем душа, и от смертных зовется он смертным;
Но Кронид лишь ему и победу и славу дарует!»

Так произнес, и, уставясь на бой, нажидал Ахиллеса;
Храброе сердце стремило его воевать и сражаться.
Словно как смелый барс из опушки глубокого леса
Прямо выходит на мужа-ловца, и, не ведущий страха,
Он не смущается, он не бежит при раздавшемся лае;
Даже когда и стрелой иль копьем его ловчий уметит,
Он, невзирая что сам копьем прободен, не бросает
Пламенной битвы, пока не сразит, или сам не прострется,—
Так Антеноров сын, воеватель бесстрашный Агѐнор,
С поля сойти не решался, пока не изведал Пелида.
Он, перед грудью уставивши выпуклый щит круговидный,
Метил копьем на него и грозился, крича громозвучно:

«Верно, надежду ты в сердце питал, Ахиллес знаменитый,
Нынешний день разорить обитель троян благородных?
Нет, безрассудный, бедам еще многим свершиться за Трою!
Много еще нас во граде мужей и бесстрашных и сильных,
Кои готовы для наших отцов, для супруг и младенцев
Град Илион защищать, пред которым найдешь ты погибель,
Ты, и страшнейший в мужах и душою отважнейший воин!»

Рек, и сияющий дрот он рукою могучею ринул,
И не прокинул — уметил его в подколенное берцо;
Окрест ноги оловянная, новая кованъ, поножа
Страшный звон издала; но суровая медь отскочила
Вспять от ноги; не прошла, отраженная божеским даром.
Тут Ахиллес на подобного богу Агѐнора прянул,
Пламенный; но Аполлон ему славой украситься не дал:
Быстро похитил троянца и, мраком покрывши глубоким,
Мирно ему от боя опасного дал удалиться;
Сам же Пелеева сына коварством отвлек от народа:
Образ принявши Агѐнора, бог Аполлон сребролукий
Стал пред очами его, и за ним он ударился гнаться.—
Тою порой как Пелид по равнине, покрытой пшеницей,
Феба преследовал, вспять близ глубокопучинного Ксанфа
Чуть уходящего — хитростью бог обольщал человека,
Льстя беспрестанной надеждой, что он, быстроногий, нагонит,—
Тою порою трояне, бегущие с поля, толпами
Радостно к граду примчались; бегущими град наполнялся.
Все укрывались, никто не дерзал за стеною, вне града,
Ждать остальных и разведывать, кто из товарищей спасся,
Кто на сраженьи погиб; но в радости сердца, как волны,
Хлынули в город, которых спасли только быстрые ноги.

ПЕСНЬ XXII

СОДЕРЖАНИЕ

Всё троянское воинство убегает в город; Гектор один остается в поле, у ворот Скейских. Между тем Ахиллес, узнав обман Аполлона, которого под видом Агенора преследовал, возвращается к городу, ст. 1—24. Отец и мать убеждают Гектора войти в стены, 25—89; тщетно: стыдом и другими чувствами удерживаемый, он остается, чтобы с оружием в руках встретить Ахиллеса, 90—130; но с приближением героя приходит в страх и убегает. Ахиллес, его преследуя, три раза гонит около города, 131—165. Все боги на них смотрят; Зевс изъявляет сострадание об Гекторе; Афина негодует и по воле отца нисходит с Олимпа, чтобы участвовать в битве героев, 166—187. Когда оба они уже в четвертый раз прибежали к ключам Скамандра, Зевс полагает на весы их жребий; Гекторов преклоняется, 188—212; Аполлон оставляет его. Паллада является Ахиллесу, ободряет его, и сама, под видом Деифоба, брата Гекторова, явившись и ему, коварно убеждает сразиться с Ахиллесом, 213—247. Таким образом, герои сходятся к единоборству; Гектор предлагает условия; Ахиллес гордо отвергает их, 248—272. Оба с равным ожесточением сражаются. Гектор, потеряв копье и видя, что жестоко обманут Афиной, отчаянно нападает с мечом; но Ахиллес пронзает его копьем, 273—330. Гектор, пав, просит погребения, но, отринутый, предсказывает Ахиллесу близкую смерть и испускает дух, 331—363. Ахиллес обнажает его, предает воинам на поругание и наконец, привязав к колеснице, увлекает в стан, 364—404. Гектора оплакивает весь город; также Приам, Гекуба, со стен его увидевшие, и Андромаха, из дому прибежавшая, 405—515.

ПЕСНЬ XXII

С ужасом в город вбежав, как олени младые, трояне
Пот прохлаждали, пили и жажду свою утоляли,
Вдоль по стене на забрала склоняяся; но аргивяне
Под стену прямо неслися, щиты к раменам преклонивши.
Гектор же в оное время, как скованный гибельным роком,
В поле остался один перед Троей и башнею Скейской.
Бог Аполлон между тем провещал к Пелейону-герою:

«Что ты меня, о Пелид, уповая на быстрые ноги,
Смертный, преследуешь, бога бессмертного? Или доселе
Бога во мне не узнал, что без отдыха пышешь свирепством?
Ты пренебрег и опасность троян, пораженных тобою;
Скрылись они уже в стены, а ты здесь по̀ полю рыщешь.
Но отступи; не убьешь ты меня, непричастен я смерти».

Вспыхнувши гневом, ему отвечал Ахиллес быстроногий:
«Так, обманул ты меня, о зловреднейший между богами!
В поле отвлек от стены! Без сомнения, многим еще бы
Землю зубами глодать до того, как сокрылися в Трою!
Славы прекрасной меня ты лишил; а сынов Илиона
Спас без труда, ничьего не страшася отмщения после. . .
Я отомстил бы тебе, когда б то возможно мне было!»

Так произнес он, и к граду с решимостью гордой понесся
Бурный, как конь с колесницей, всегда победительный в беге,
Быстро несется к мете, расстилаясь по чистому полю,—
Так Ахиллес оборачивал быстро могучие ноги.

Первый старец Приам со стены Ахиллеса увидел,
Полем летящего, словно звезда, окруженного блеском;
Словно звезда, что под осень с лучами огнистыми всходит
И, между звезд неисчетных горящая в сумраках ночи
(Псом Ориона ее нарицают сыны человеков),
Всех светозарнее блещет, но знаменьем грозным бывает;
Злые она огневицы наносит смертным несчастным,—
Так у героя бегущего медь вкруг персей блистала.
Вскрикнул Приам; седую главу поражает руками,
К небу длани подъемлет и горестным голосом вопит,
Слезно молящий любезного сына; но тот пред вратами
Молча стоит, беспредельно пылая сразиться с Пелидом.
Жалобно старец к нему и слова простирает и руки:

«Гектор, возлюбленный сын мой! Не жди ты сего человека
В поле один, без друзей, да своей не найдешь ты кончины,
Сыном Пелея сраженный: тебя он могучее в битвах!
Лютый! когда бы он был и бессмертным столько ж любезен,
Сколько мне — о, давно б уже труп его псы растерзали!
Тяжкая горесть моя у меня отступила б от сердца!
Сколько сынов у меня он младых и могучих похитил,
Или убив, иль продав племенам островов отдаленных!
Вот и теперь, Ликаона нет, и нет Полидòра;
Их обоих я не вижу в толпах, заключившихся в стены,
Юношей милых, рожденных царицею жен Лаофòей.
О! если живы они, но в плену,— из ахейского стана
Их мы искупим и медью и златом: обильно их дома;
Много сокровищ за дочерью выдал мне Алт знаменитый.
Если ж погибли они и уже в Айдесовом доме,
Горе и мне и матери, кои на скорбь их родили!
Но народу троянскому горести менее будет,
Только бы ты не погиб, Ахиллесом ужасным сраженный.
Будь же ты с нами, сын милый! Войди в Илион, да спасешь ты
Жен и мужей илионских, да славы не дàруешь громкой
Сыну Пелея, и жизни сладостной сам не лишишься!
О! пожалей и о мне ты, пока я дышу еще, бедном,
Старце злосчастном, которого Зевс пред дверями могилы
Казнью ужасной казнит, принуждая все бедствия видеть:
Видеть сынов убиваемых, дщерей, в неволю влекомых,
Домы Пергама громимые, самых младенцев невинных
Видеть об дол разбиваемых в сей разрушительной брани,

И невесток, влачимых руками свирепых данаев!..
Сам я последний паду, и меня на пороге домашнем
Алчные псы растерзают, когда смертоносною медью
Кто-либо в сердце уметит и душу из персей исторгнет;
Псы, что вскормил при моих я трапезах, привратные стражи,
Кровью упьются моей и, унылые сердцем, на праге
Лягут при теле моем искаженном! О, юноше славно,
Как ни лежит он, упавший в бою и растерзанный медью:
Всё у него, и у мертвого, что ни открыто, прекрасно!
Если ж седую браду и седую главу человека,
Ежели стыд у старца убитого псы оскверняют,—
Участи более горестной нет человекам несчастным!»

Так вопиял, и свои сребристые волосы старец
Рвал на главе, но у Гектора-сына души не подвигнул.
Матерь за ним на другой стороне возопила, рыдая;
Перси рукой обнажив, а другою на грудь указуя,
Сыну, лиющая слезы, крылатую речь устремляла:

«Сын мой! почти хоть сие; пожалей хоть матери бедной!
Если я детский твой плач утоляла отрадною грудью,
Вспомни об оном, любезнейший сын, и ужасного мужа,
В стены вошед, отражай; перед ним ты не стой одинокий!
Если, неистовый, он одолеет тебя, о мой Гектор,
Милую отрасль мою, ни я на одре не оплачу,
Ни Андромаха-супруга; далёко от нас от обеих,
В стане тебя мирмидонском свирепые псы растерзают!»

Так, рыдая, они говорили к любезному сыну,
Так умоляли; но Гектора в персях души не подвигли —
Он ожидал Ахиллеса великого, несшегось прямо.
Словно как горный дракон у пещеры ждет человека,
Трав ядовитых нажравшись и черной наполняся злобой,
В стороны страшно глядит, извиваяся вкруг над пещерой,—
Гектор таков, несмиримого мужества полный, стоял там,
Выпуклосветлым щитом упершись в основание башни;
Мрачно вздохнув, наконец говорил он в душе возвышенной:

«Стыд мне, когда я, как робкий, в ворота и стены укроюсь!
Первый Полидамàс на меня укоризны положит:
Полидамàс мне советовал ввесть ополчения в город
В оную ночь роковую, как вновь Ахиллес ополчился.

Я не послушал, но, верно, полезнее было б послушать!
Так троянский народ погубил я своим безрассудством.
О! стыжуся троян и троянок длинноодежных!
Гражданин самый последний может сказать в Илионе:
Гектор народ погубил, на свою понадеявшись силу!
Так илионяне скажут.— Стократ благороднее будет
Противостать и, Пелеева сына убив, возвратиться,
Или в сражении с ним перед Троею славно погибнуть!
Но... и почто же? Если оставлю щит светлобляшный,
Шлем тяжелый сложу и, копье прислонивши к твердыне,
Сам я пойду и предстану Пелееву славному сыну?
Если ему обещаю Елену и вместе богатства
Все совершенно, какие Парис в кораблях глубодонных
С нею привез в Илион — роковое раздора начало! —
Выдать Атридам и вместе притом разделить аргивянам
Все остальные богатства, какие лишь Троя вмещает?
Если с троян, наконец, я потребую клятвы старейшин
Нам ничего не скрывать, но представить все для раздела
Наши богатства, какие лишь град заключает любезный?..
Боги! каким предаюся я помыслам? Нет, к Ахиллесу
Я не пойду как молитель! — Не сжалится он надо мною,
Он не уважит меня; нападет и меня без оружий
Нагло убьет он, как женщину, если доспех я оставлю.
Нет, теперь не година с зеленого дуба иль с камня
Нам с ним беседовать мирно, как юноша с сельскою девой:
Юноша, с сельскою девою свидясь, беседует мирно;
Нам же к сражению лучше сойтись! и немедля увидим,
Славу кому между нас даровать олимпиец рассудит!»

Так размышляя, стоял; а к нему Ахиллес приближался,
Грозен, как бог Эниалий, сверкающий шлемом по сече.
Ясень отцов пелионский на правом плече колебал он
Страшный; вокруг его медь ослепительным светом сияла,
Будто огнь распылавшийся, будто всходящее солнце.
Гектор увидел, и взял его страх; оставаться на месте
Больше не мог он; от Скейских ворот побежал устрашенный.
Бросился гнаться Пелид, уповая на быстрые ноги.
Словно сокол на горах, из пернатых быстрейшая птица,
Вдруг с быстротой несказанной за робкой несется голубкой;
В стороны вьется она, а сокол по-над нею; и часто
Разом он крикнет и кинется, жадный добычу похитить,—

Так он за Гектором пламенный гнался, а трепетный Гектор
Вдоль под стеной убегал и быстро̀ оборачивал ноги.
Мимо холма и смоковницы, с ветрами вечно шумящей,
Оба, вдали от стены, колесничной дорогою мчались;
Оба к ключам светлоструйным примчалися, где с быстротою
Два вытекают источника быстропучинного Ксанфа.
Теплой водою струится один, и кругом непрестанно
Пар от него подымается, словно как дым от огнища;
Но источник другой и средь лета студеный катится,
Хладный, как град, как снег, как в кристалл превращенная влага.
Там близ ключей водоемы широкие, оба из камней,
Были красиво устроены; к ним свои белые ризы
Жены троян и прекрасные дщери их мыть выходили
В прежние, мирные дни, до нашествия рати ахейской.
Там прористали они, и бегущий и быстро гонящий.
Сильный бежал впереди, но преследовал много сильнейший,
Бурно несясь; не о жертве они, не о коже воловой
Спорились бегом: обычная мзда то ногам бегоборцев;
Нет, об жизни ристалися Гектора, конника Трои.
И, как на играх, умершему в почесть, победные кони
Окрест меты беговой с быстротою чудесною скачут —
Славная ждет их награда, младая жена иль треножник,—
Так троекратно они пред великою Троей кружились,
Быстро носящиесь. Все божества на героев смотрели;
Слово меж оными начал отец и бессмертных и смертных:

«Горе! любезного мужа, гонимого около града,
Видят очи мои, и болезнь проходит мне сердце!
Гектор, муж благодушный, тельчие, тучные бедра
Мне возжигал в благовоние часто на Иде холмистой,
Часто на выси пергамской; а днесь Ахиллес-градоборец
Гектора около града преследует, бурный ристатель.
Боги, размыслите вы и советом сердец положите,
Гектора мы сохраним ли от смерти, или напоследок
Сыну Пелея дадим победить знаменитого мужа».

Зевсу немедля рекла светлоокая дева Паллада:
«Молниеносный отец, чернооблачный! Что ты вещаешь?
Смертного мужа, издревле судьбе обреченного общей,
Хочешь ты, Зевс, разрешить совершенно от смерти печальной?
Волю твори, но не все на нее согласимся мы, боги!»

Ей немедля ответствовал тучегонитель Кронион:
«Бодрствуй, Тритония, милая дочь! Не с намереньем в сердце
Я говорю, и с тобою милостив быть я желаю.
Волю твори и желание сердца немедля исполни».

Рек, и возжег еще боле пылавшую сердцем Афину;
Бурно она понеслась, от Олимпа высокого бросясь.

Гектора ж, в бегстве преследуя, гнал Ахиллес непрестанно.
Словно как пес по горам молодого гонит оленя,
С лога подняв, и несется за ним чрез кусты и овраги;
Даже и скрывшегось, если он в страхе под куст припадает,
Чуткий следит и бежит беспрестанно, покуда не сыщет,—
Так Приамид от Пелида не мог от быстрого скрыться.
Сколько он раз ни пытался, у врат пробегая Дарданских,
Броситься прямо к стене, под высоковершинные башни,
Где бы трояне его с высоты защитили стрелами,—
Столько раз Ахиллес, упредив, отбивал Приамида
В поле, а сам непрестанно, держася твердыни, летел он.
Словно во сне человек изловить человека не может,
Сей убежать, а другой уловить напрягается тщетно,—
Так и герои, ни сей не догонит, ни тот не уходит.
Как бы и мог Приамид избежать от судьбы и от смерти,
Если б ему, и в последний уж раз, Аполлон не явился:
Он укреплял Приамиду и силы и быстрые ноги.
Войскам меж тем помавал головою Пелид быстроногий,
Им запрещая бросать против Гектора горькие стрелы,
Славы б не отнял пронзивший, а он бы вторым не явился.
Но лишь в четвертый раз до Скамандра ключей прибежали,
Зевс распростер, промыслитель, весы золотые; на них он
Бросил два жребия Смерти, в сон погружающей долгий:
Жребий один Ахиллеса, другой — Приамова сына.
Взял посредине и поднял; поникнул Гектора жребий,
Тяжкий к Аиду упал; Аполлон от него удалился.
Сыну ж Пелея, с сияющим взором, явилась Паллада,
Близко пришла и к нему провещала крылатые речи:

«Ныне, надеюсь, любимец богов, Ахиллес благородный,
Славу великую мы принесем на суда мирмидонян:
Гектора мы поразим, ненасытного боем героя.
Более, мню я, от нашей руки не избыть Приамиду,

Сколько ни будет о том Аполлон стрелометный трудиться,
Распростирающийся пред могучим отцом громовержцем.
Стань и вздохни, Пелейон; Приамида сведу я с тобою,
И сама преклоню, да противу тебя он сразится».

Так говорила; Пелид покорился и, радости полный,
Стал, опершись на сияющий ясень свой медноконечный.
Зевсова дочь устремилася, Гектора быстро настигла
И, уподобясь Дейфобу и видом и голосом звучным,
Стала пред ним и крылатые речи коварно вещала:

«Брат мой почтенный! жестоко тебя Ахиллес утесняет,
Около града Приамова бурным преследуя бегом.
Но остановимся здесь и могучего встретим бесстрашно!»

Ей ответствовал сильный, шеломом сверкающий Гектор:
«О Дейфоб! и всегда ты, с младенчества, был мне любезен
Более всех моих братьев, Приама сынов и Гекубы;
Ныне ж и прежнего более должен тебя почитать я:
Ради меня ты отважился, видя единого в поле,
Выйти из стен, тогда как другие в стенах остаются».

Вновь говорила ему светлоокая дочь громовержца:
«Гектор, меня умоляли отец и почтенная матерь,
Ноги мои обнимая; меня и друзья умоляли
С ними остаться: таким они все преисполнены страхом.
Но по тебе сокрушалось тоскою глубокою сердце.
Станем надежно теперь и сразимся мы пламенно: копий
Не к чему боле щадить; и увидим теперь, Ахиллес ли
Нас обоих умертвит и кровавые наши корысти
К черным судам повлечет, иль копьем он твоим укротится!»

Так вещая, коварно вперед выступала Паллада.
Оба героя сошлись, устремленные друг против друга;
Первый к Пелиду воскликнул шеломом сверкающий Гектор:

«Сын Пелеев, тебя убегать не намерен я боле!
Трижды пред градом Приамовым я пробежал, не дерзая
Встретить тебя нападавшего; ныне же сердце велит мне
Стать и сразиться с тобою; убью, или буду убит я!
Прежде ж богов призовем во свидетельство; лучшие будут

Боги свидетели клятв и хранители наших условий:
Тела тебе я не буду бесчестить, когда громовержец
Дарует мне устоять и оружием дух твой исторгнуть;
Славные только доспехи с тебя, Ахиллес, совлеку я,
Тело ж отдам мирмидонцам; и ты договор сей исполни».

Грозно взглянул на него и вскричал Ахиллес быстроногий:
«Гектор, враг ненавистный, не мне предлагай договоры!
Нет и не будет меж львов и людей никакого союза;
Волки и агнцы не могут дружиться согласием сердца;
Вечно враждебны они и зломышленны друг против друга,—
Так и меж нас невозможна любовь; никаких договоров
Быть между нами не может, поколе один, распростертый,
Кровью своей не насытит свирепого бога Арея!
Всё ты искусство ратное вспомни! Сегодня ты должен
Быть копьеборцем отличным и воином неустрашимым!
Бегства тебе уже нет; под моим копьем Тритогена
Скоро тебя укротит; и заплатишь ты разом за горе
Другов моих, которых избил ты, свирепствуя, медью!»

Рек он, и, мощно сотрясши, послал длиннотенную пику.
В пору завидев ее, избежал шлемоблещущий Гектор;
Быстро приник он к земле, и над ним пролетевшая пика
В землю вонзилась; но вырвав ее, Ахиллесу Паллада
Вновь подала, невидима Гектору, коннику Трои.
Гектор же громко воскликнул к Пелееву славному сыну:

«Празден удар! и нимало, Пелид, бессмертным подобный,
Доли моей не узнал ты от Зевса, хотя возвещал мне;
Но говорлив и коварен речами ты был предо мною
С целью, чтоб я, оробев, потерял и отважность и силу.
Нет, не бежать я намерен; копье не в хребет мне вонзишь ты;
Прямо лицом на тебя устремленному, грудь прободи мне,
Ежели бог то судил! Но копья и сего берегися
Медного! Если бы, острое, в тело ты всё его принял!
Легче была бы кровавая брань для сынов Илиона,
Если б тебя сокрушил я, тебя, их лютейшую гибель!»

Рек он, и, мощно сотрясши, копье длиннотенное ринул,
И не прокинул — в средину щита поразил Ахиллеса;
Но далеко оружие щит отразил. Огорчился

Гектор, узрев, что копье бесполезно из рук излетело;
Стал и очи потупил: копья не имел он другого.
Голосом звучным на помощь он брата зовет Деифоба,
Требует нового дротика острого — нет Деифоба.
Гектор постиг то своею душою, и так говорил он:

«Горе! к смерти меня всемогущие боги призвали!
Я помышлял, что со мною мой брат, Деифоб нестрашимый;
Он же в стенах илионских: меня обольстила Паллада.
Возле меня — лишь смерть! и уже не избыть мне ужасной!
Нет избавления! Так, без сомнения, боги судили,
Зевс и от Зевса родившийся Феб; милосердые прежде
Часто меня избавляли; судьба наконец постигает!
Но не без дела погибну, во прах я паду не без славы;
Нечто великое сделаю, что и потомки услышат!»

Так произнес, и исторг из влагалища нож изощренный,
С левого боку висящий, нож и огромный и тяжкий;
С места, напрягшися, бросился, словно орел небопарный,
Если он вдруг из-за облаков сизых на степь упадает,
Нежного агнца иль зайца пугливого жадный похитить,—
Гектор таков устремился, махая ножом смертоносным.
Прянул и быстрый Пелид, и наполнился дух его гнева
Бурного; он перед грудью уставил свой щит велелепный,
Дивно украшенный; шлем на главе его четверобляшный
Зыблется светлый, волнуется пышная грива златая,
Густо Гефестом разлитая окрест высокого гребня.
Но, как звезда меж звездами в сумраке ночи сияет,
Геспер, который на небе прекраснее всех и светлее,—
Так у Пелида сверкало копье изощренное, коим
В правой руке потрясал он, на Гектора жизнь умышляя,
Места на теле прекрасном ища для верных ударов.
Но у героя всё тело доспех покрывал медноковный,
Пышный, который похитил он, мощь одолевши Патрокла.
Там лишь, где выю ключи с раменами связуют, гортани
Часть обнажалася, место, где гибель душе неизбежна,
Там, налетевши, копьем Ахиллес поразил Приамида;
Прямо сквозь белую выю прошло смертоносное жало;
Только гортани ему не рассек сокрушительный ясень
Вовсе, чтоб мог, умирающий, несколько слов он промолвить;
Грянулся в прах он, и громко вскричал Ахиллес, торжествуя:

«Гектор, Патрокла убил ты, и думал живым оставаться!
Ты и меня не страшился, когда я от битв удалялся,
Враг безрассудный! но мститель его, несравненно сильнейший,
Нежели ты, за судами ахейскими я оставался;
Я, и колена тебе сокрушивший! Тебя для позора
Птицы и псы разорвут, а его погребут аргивяне».

Дышащий томно, ему отвечал шлемоблещущий Гектор:
«Жизнью тебя и твоими родными у ног заклинаю.
О! не давай ты меня на терзание псам мирмидонским;
Меди, ценного злата, сколько желаешь ты, требуй;
Вышлют тебе искупленье отец и почтенная матерь;
Тело лишь в дом возврати, чтоб трояне меня и троянки,
Честь воздавая последнюю, в доме огню приобщили».

Мрачно смотря на него, говорил Ахиллес быстроногий:
«Тщетно ты, пес, обнимаешь мне ноги и молишь родными!
Сам я, коль слушал бы гнева, тебя растерзал бы на части,
Тело сырое твое пожирал бы я; то ты мне сделал!
Нет, человеческий сын от твоей головы не отгонит
Псов пожирающих! Если и в десять, и в двадцать крат мне
Пышных даров привезут и столько ж еще обещают;
Если тебя самого прикажет на золото взвесить
Царь Илиона Приам, и тогда — на одре погребальном
Матерь Гекуба тебя, своего не оплачет рожденья;
Птицы твой труп и псы мирмидонские весь растерзают!»

Дух испуская, к нему провещал шлемоблещущий Гектор:
«Знал я тебя; предчувствовал я, что моим ты моленьем
Тронут не будешь: в груди у тебя железное сердце.
Но трепещи, да не буду тебе я божиим гневом
В оный день, когда Александр и Феб-стреловержец,
Как ни могучего, в Скейских воротах тебя ниспровергнут!»

Так говорящего Гектора мрачная смерть осеняет:
Тихо душа, из уст излетевши, нисходит к Аиду,
Плачась на долю свою, оставляя и младость и крепость.

Но к нему и к умершему сын быстроногий Пелеев
Крикнул еще: «Умирай! а мою неизбежную смерть я
Встречу, когда ни пошлет громовержец и вечные боги!»

Так произнес, и из мертвого вырвал убийственный ясень,
В сторону бросил его и доспех совлекал с Дарданида,
Кровью облитый. Сбежались другие ахейские мужи.
Все, изумляясь, смотрели на рост и на образ чудесный
Гектора и, приближаяся, каждый пронзал его пикой.
Так говорили иные, один на другого взглянувши:

«О! несравненно теперь к осязанию мягче сей Гектор,
Нежели был, как бросал на суда пожирающий пламень!»

Так не один говорил, и копьем прободал, приближаясь.
Но, его между тем обнажив, Ахиллес быстроногий
Стал средь ахеян, и к ним устремил он крылатые речи:

«Други, герои ахейцы, бесстрашные слуги Арея!
Мужа сего победить наконец даровали мне боги,
Зла сотворившего более, нежели все илионцы.
Ныне с оружием мы покусимся на град крепкостенный;
Граждан троянских изведаем помыслы, как полагают:
Бросить ли замок высокий, сраженному сыну Приама;
Или держаться дерзают, когда и вождя их не стало?
Но каким помышлениям сердце мое предается!
Мертвый лежит у судов, неоплаканный, непогребенный,
Друг мой Патрокл! Не забуду его, не забуду, пока я
Между живыми влачусь и стопами земли прикасаюсь!
Если ж умершие смертные память теряют в Аиде,
Буду я помнить и там моего благородного друга!
Ныне победный пеан воспойте, ахейские мужи;
Мы же пойдем, волоча и его, к кораблям быстролетным.
Добыли светлой мы славы! повержен божественный Гектор!
Гектор, которого Трои сыны величали как бога!»

Рек, и на Гектора он недостойное дело замыслил:
Сам на обеих ногах проколол ему жилы сухие
Сзади от пят и до глезн и, продевши ремни, к колеснице
Тело его привязал, а главу волочиться оставил;
Стал в колесницу и, пышный доспех напоказ подымая,
Коней бичом поразил; полетели послушные кони.
Прах от влекомого вьется столпом; по земле, растрепавшись,
Черные кудри крутятся; глава Приамида по праху
Бьется, прекрасная прежде; а ныне врагам олимпиец

Дал опозорить ее на родимой земле илионской!
Вся голова почернела под перстию.— Мать увидала,
Рвет седые власы, дорогое с себя покрывало
Мечет далёко и горестный вопль подымает о сыне.
Горько рыдал и отец престарелый; кругом же граждане
Подняли плач; раздавалися вопли по целому граду.
Было подобно, как будто, от края до края, высокий
Весь Илион от своих оснований в огне рассыпался!
Мужи держали с трудом исступленного горестью старца,
Рвавшегось в поле вратами Дарданскими выйти из града.
Он умолял их, тоскующий, он расстилался по праху,
Он говорил, называя по имени каждого мужа:

«Други, пустите меня одного, не заботясь, пустите
Выйти из града! Один я пойду к кораблям мирмидонским;
Буду молить я губителя, мрачного сердцем злодея.
Может быть, лета почтит он, над старостью, может быть, дряхлой
Сжалится: он человек, отца он такого ж имеет,
Старца Пелея, который его породил и взлелеял
К горю троян и стократ к жесточайшему горю Приама!
Сколько сынов у меня он похитил во цвете их жизни!
Но обо всех сокрушаюсь я менее, чем об едином!
Горесть о нем неутешная скоро сведет меня к гробу,
Горесть о Гекторе! О, хоть на сих бы руках он скончался!
Мы бы хоть душу насытили плачем над ним и рыданьем,
Я, безотрадный отец, и его злополучная матерь!»

Так говорил он, рыдая; и с старцем стенали трояне.
Но меж троянок Гекуба плачевнейший вопль подымает:

«Сын мой, мне, злополучной, почто еще жить для страданий,
Всё потерявшей с тобою! Моею и дни ты и ночи
Славою был в Илионе, всеобщей надеждою в царстве
Жен и мужей илионских! Тебя, как хранителя бога,
Всюду встречали они; величайшею был ты их славой
В жизни своей; и тебя, нам бесценного, смерть обымает!»

Плакала мать. Но еще ничего не слыхала супруга
В доме об Гекторе; вестник еще не являлся к ней верный
Весть объявить, что супруг за вратами в поле остался.
Ткала одежду она в отдаленнейшем тереме дома,

Яркую ткань, и цветные по ней рассыпала узоры.
Прежде ж дала повеленье прислужницам пышноволосым
Огнь развести под великим треногом, да будет готова
Гектору теплая ванна, как с боя он в дом возвратится.
Бедная! дум не имела, что Гектор далеко от дома
Пал под рукой Ахиллеса, смирён светлоокой Афиной.
Вдруг Андромаха услышала крики и вопли на башне,
Вздрогнула вся и челнок из руки на помост уронила;
Встала и к двум говорила прислужницам пышноволосым:

«Встаньте, идите за мной; посмотрю я, что совершилось?
Слышу почтенной свекрови я крик: подымается сердце,
Бьется, как вырваться хочет; колена мои цепенеют!
Близкая, верно, беда Дарданида сынам угрожает?..
О! удалися от слуха подобная весть! Но от страха
Я трепещу... Не бесстрашного ль Гектора богу подобный
В поле, отрезав от стен, Ахиллес одинокого гонит?
Боги! уже не смиряет ли храбрость его роковую,
Коей он дышит? В толпе никогда не останется Гектор —
Первый вперед полетит, никому не уступит в геройстве!»

Так произнесши, из терема бросилась, будто менада,
С сильно трепещущим сердцем, и обе прислужницы следом;
Быстро на башню взошла и, сквозь сонм пролетевши народный,
Стала, со стен оглянулась кругом — и его увидала
Тело, влачимое в прахе; безжалостно бурные кони
Полем его волокли к кораблям быстролетным ахеян.
Темная ночь Андромахины ясные очи покрыла;
Навзничь упала она и, казалося, дух испустила.
Спала с нее и далёко рассыпалась пышная повязь,
Ленты, прозрачная сеть и прекрасно плетеные тѐсмы;
Спал и покров, блистательный дар золотой Афродиты,
Данный в день оный царевне, как Гектор ее меднолатный
Из дому взял Гетиона, отдавши несметное вено.
Вкруг Андромахи невестки ее и золовки, толпяся,
Бледную долго держали, казалось, убитую скорбью.
В чувство пришедши она и дыхание в персях собравши,
Горько навзрыд зарыдала, и так среди жен говорила:

«Гектор, о горе мне, бедной! Мы с одинакою долей
Оба родилися: ты в Илионе, в Приамовом доме,

Я, злополучная, в Фивах, при скатах лесистого Плака,
В доме царя Гетиона; меня возрастил он от детства,
Смертный несчастный несчастную. О, для чего я родилась!
Ты, о супруг мой, в Аидовы домы, в подземные бездны
Сходишь навек и меня в неутешной тоске покидаешь
В доме вдовою; а сын, злополучными нами рожденный,
Бедный и сирый младенец! Увы, ни ему ты не будешь
В жизни отрадою, Гектор,— ты пал! — ни тебе он не будет!
Ежели он и спасется в погибельной брани ахейской,
Труд беспрерывный его, бесконечное горе в грядущем
Ждут, беспокровного: чуждый захватит сиротские нивы.
С днем сиротства сирота и товарищей детства теряет;
Бродит один с головою пониклой, с заплаканным взором.
В нужде приходит ли он к отцовым друзьям и, просящий,
То одного, то другого смиренно касается ризы,—
Сжалясь, иной сиротливому чару едва наклоняет,
Только уста омочает и нёба в устах не омочит.
Чаще ж его от трапезы счастливец семейственный гонит,
И толкая рукой и обидной преследуя речью:
Прочь ты исчезни! не твой здесь отец пирует с друзьями!
Плачущий к матери, к бедной вдовице дитя возвратится,
Астианакс мой, который всегда у отца на коленах
Мозгом лишь агнцев питался и туком овец среброрунных;
Если же сон обнимал, утомленного играми детства,
Сладостно спал он на ложе при лоне кормилицы нежном,
В мягкой постели своей, удовольствием сердца блистая.
Что же теперь испытает, лишенный родителя, бедный
Астианакс наш! которого так называют трояне,
Ибо один защищал ты врата и троянские стены,
Гектор; а ныне, у вражьих судов, далеко от родимых
Черви тебя пожирают, раздранного псами, нагого!
Наг ты лежишь! а тебе одеяния сколько в чертогах,
Риз и прекрасных и тонких, сотканных руками троянок!
Все их теперь я, несчастная, в огненный пламень повергну!
Сделал ты их бесполезными; в них и лежать ты не будешь!
В сонме троян и троянок сожгу их, тебе я во славу!»

Так говорила, рыдая; и с нею стенали троянки.

ПЕСНЬ XXIII

СОДЕРЖАНИЕ

Ахиллес, возвратяся в стан, начинает с мирмидонцами обряд погребения Патрокла: сам, впереди вооруженных дружин их, на колесницах, трижды объезжает вокруг мертвого тела; а Гектора простирает пред одром его, ст. 1—25. Приготовляет дружинам своим пир похоронный; сам же уходит к Агамемнону; им упрашиваемый, отказывается от омовения, вечеряет у него и, назначив на другой день погребение, удаляется, 26—58. Ночью является Ахиллесу душа Патрокла, требует погребения и просит, чтобы кости его были положены вместе с Ахиллесовыми, 59—107. С зарею, по повелению Агамемнона, ахейцы едут рубить лес для костра, привозят его; мирмидонцы торжественно приносят тело Патрокла, покрытое волосами друзей, ему их посвящающих. Ахиллес обрезывает свои волосы, Сперхию-реке посвященные, и, как залог любви, влагает их в руку Патроклу, 108—153. Вечером сооружают костер; Ахиллес закалает близ него многие жертвы и 12 юношей троянских; но Гектора тело сохраняет Афродита и Аполлон, 154—191. Между тем костер не загорается; Ахиллес призывает мольбою ветры, Зефира и Борея, которые, быв извещены о том Ирисою, прилетают и воспламеняют его. У горящего костра Ахиллес терзается горестию, 192—225. С наступлением дня собирают кости Патрокла, полагают в урну и насыпают могилу, 226—256. Наконец, в честь мертвого Ахиллес предлагает подвиги разного рода и награды; их заслуживают вожди: ристанием на колесницах — Диомед, Антилох, Менелай, Мерион, Эвмел, Нестор, 257—650; кулачным боем — Эпеос и Эвриал, 651—699; борьбой — Аякс Теламонид и Одиссей, 700—739; бегом — Одиссей, Аякс Оилид и Антилох, 740—797; битвой оружием — Диомед и Аякс Теламонид, 798—825; метанием круга — Полипет, 826—849; стрельбой — Мерион и Тевкр, 850—883; метанием копья — Агамемнон и Мерион, 884—897.

ПЕСНЬ XXIII

Так сокрушались трояне по граду. В то время ахейцы,
К черным своим кораблям возвратяся, на брег Геллеспонта,
Быстро рассеялись все по широкому ратному стану.
Но мирмидонцам своим расходиться Пелид не позволил;
Став посредине дружин их воинственных, он говорил им:

«Быстрые конники, верные други мои, мирмидонцы!
Мы от ярма отрешать не станем коней звуконогих;
Мы на конях, в колесницах, приблизимся все и оплачем
Друга Патрокла, почтим подобающей мертвого честью.
Но когда мы сердца удовольствуем горестным плачем,
Здесь, отрешивши коней, вечерять неразлучные будем».

Рек, и рыдание начал; и все зарыдали дружины.
Трижды вкруг тела они долгогривых коней обогнали
С воплем плачевным: Фетида их чувства на плач возбуждала.
Вкруг орошался песок, орошались слезами доспехи
Каждого воина; так был оплакиван вождь их могучий.
Царь Ахиллес между ними рыдание горькое начал,
Грозные руки на грудь положив бездыханного друга:

«Радуйся, храбрый Патрокл! и в Аидовом радуйся доме!
Всё для тебя совершаю я, что совершить обрекался:
Гектор сюда привлечен и повергнется псам на терзанье;
Окрест костра твоего обезглавлю двенадцать славнейших
Юных троянских сынов, за смерть твою отомщая!»

Рек, и на Гектора он недостойное дело замыслил:
Ниц пред Патрокла одром распростер Дарданиона в прахе.
Тою порой мирмидонцы с рамен светозарные брони
Сняли; от ярм отрешили гремящих копытами коней
И, неисчетные, близ корабля Ахиллеса-героя
Сели; а он учреждал им блистательный пир похоронный.
Множество сильных тельцов под ударом железа ревело,
Вкруг поражаемых; множество коз и агнцев блеющих;
Множество туком цветущих закланных свиней белоклыких
Окрест разложено было на ярком огне обжигаться;
Кровь как из чанов лилася вокруг Менетидова тела.
Но царя Эакида, Пелеева быстрого сына,
К сыну Атрея царю повели воеводы ахеян,
С многим трудом убедив, огорченного гневом за друга.
Сонму пришедшему к сени Атреева мощного сына,
Царь повелел немедленно вестникам звонкоголосым
Медный треножник поставить к огню, не преклонится ль к просьбе
Царь Ахиллес, чтоб омыться от бранного праха и крови.
Он отрекался решительно, клятвою он заклинался:

«Нет, Зевесом клянусь, божеством высочайшим, сильнейшим!
Нет, моей головы не коснется сосуд омовений
Прежде, чем друга огню не предам, не насыплю могилы
И власов не обрежу! Другая подобная горесть
Сердца уже не пройдет мне, пока средь живых я скитаюсь!
Но поспешим и приступим немедля к ужасному пиру.
Ты, владыка мужей, повели, Агамѐмнон, заутра
Леса к костру навозить и на береге всё уготовить,
Что мертвецу подобает, сходящему в мрачные сени.
Пусть Менетида скорее священное пламя Гефеста
Скроет от взоров моих, и воинство к делу приступит».

Так говорил, и, внимательно слушав, ему покорились.
Скоро под сенью Атридовой вечерю им предложили;
Все наслаждались, довольствуя сердце обилием равным;
И, когда питием и пищею глад утолили,
Все разошлись успокоиться, каждый под сень уклонился.

Только Пелид на брегу неумолкношумящего моря
Тяжко стенящий лежал, окруженный толпой мирмидонян,
Ниц на поляне, где волны лишь мутные билися в берег.

Там над Пелидом сон, сердечных тревог укротитель,
Сладкий разлился: герой истомил благородные члены,
Гектора быстро гоня пред высокой стеной Илиона.
Там Ахиллесу явилась душа несчастливца Патрокла,
Призрак, величием с ним и очами прекрасными сходный;
Та ж и одежда, и голос тот самый, сердцу знакомый.
Стала душа над главой и такие слова говорила:

«Спишь, Ахиллес! неужели меня ты забвению предал?
Не был ко мне равнодушен к живому ты, к мертвому ль будешь?
О! погреби ты меня, да войду я в обитель Аида!
Души, тени умерших, меня от ворот его гонят
И к теням приобщиться к себе за реку не пускают;
Тщетно скитаюся я пред широковоротным Аидом.
Дай мне, печальному, руку: вовеки уже пред живущих
Я не приду из Аида, тобою огню приобщенный!
Больше с тобой, как бывало, вдали от друзей мирмидонских
Сидя, не будем советы советовать: рок ненавистный,
Мне предназначенный с жизнью, меня поглотил невозвратно.
Рок — и тебе самому, Ахиллес, бессмертным подобный,
Здесь, под высокой стеною троян благородных, погибнуть!
Слово еще я реку; завещанью внимай и исполни.
Кости мои, Ахиллес, да не будут розно с твоими;
Вместе пусть лягут, как вместе от юности мы возрастали
В ваших чертогах. Младого меня из Опуса Менетий
В дом ваш привел, по причине печального смертоубийства,
В день злополучный, когда малосмысленный я ненарочно
Амфидамàсова сына убил, за лодыги поссорясь.
В дом свой приняв благосклонно меня, твой отец благородный
Нежно с тобой воспитал и твоим товарищем назвал.
Пусть же и кости наши гробница одна сокрывает,
Урна златая, Фетиды-матери дар драгоценный!»

Быстро к нему простираясь, воскликнул Пелид благородный:
«Ты ли, друг мой любезнейший, мертвый меня посещаешь?
Ты ль полагаешь заветы мне крепкие? Я совершу их,
Радостно все совершу и исполню, как ты завещаешь.
Но приблизься ко мне, хоть на миг обоймемся с любовью
И взаимно с тобой насладимся рыданием горьким!»

Рек, и жадные руки любимца обнять распростер он;
Тщетно: душа Менетида, как облако дыма, сквозь землю

С воем ушла. И вскочил Ахиллес, пораженный виденьем,
И руками всплеснул, и, печальный, так говорил он:

«Боги! так подлинно есть и в Аидовом доме подземном
Дух человека и образ, но он совершенно бесплотный!
Целую ночь, я видел, душа несчастливца Патрокла
Всё надо мною стояла, стенающий, плачущий призрак;
Всё мне заветы твердила, ему совершенно подобясь!»

Так говорил, и во всех возбудил он желание плакать.
В плаче нашла их Заря, розоперстая вестница утра,
Около тела печального.— Царь Агамѐмнон с зарею
Месков яремных и ратников многих к свезению леса
Выслал из стана ахейского; с ними пошел и почтенный
Муж Мерион, Девкалида-героя служитель разумный.
Взяв топоры древорубные в руки и верви крутые,
Воины к рощам пускаются; мулы идут перед ними;
Часто с крутизн на крутизны, то вкось их, то вдоль переходят.
К хо̀лмам пришедши лесистым обильной потоками Иды,
Все изощренною медью высоковершинные дубы
Дружно рубить начинают; кругом они с треском ужасным
Падают; быстро древа рассекая на бревна, данаи
К мулам вяжут; и мулы, землю копытами роя,
Рвутся на̀ поле ровное выйти сквозь частый кустарник.
Все древосеки несли совокупно тяжелые бревна:
Так Мерион повелел, Девкалидов служитель разумный;
Кучей сложили на берег, где Ахиллес указал им,
Где и Патроклу великий курган и себе он назначил.

Страшную леса громаду сложив на брегу Геллеспонта,
Там аргивяне остались и сели кругом. Ахиллес же
Дал повеленье своим мирмидонянам бранолюбивым
Медью скорей препоясаться всем и коней в колесницы
Впрячь; поднялися они и оружием быстро покрылись;
Все на свои колесницы взошли, и боец и возница;
Начали шествие, спереди конные, пешие сзади,
Тучей; друзья посредине несли Менети̇да Патрокла,
Всё посвященными мертвому тело покрыв волосами.
Голову сзади поддерживал сам Ахиллес благородный,
Горестный: друга он верного в дом провожал Аидеса.

К месту пришедши, которое сам Ахиллес им назначил,
Одр опустили и быстро костер наметали из леса.
Думу иную тогда Пелейон быстроногий замыслил:
Став при костре, у себя он обрезал русые кудри.
Волосы, кои Спѐрхию с младости нежной растил он;
Очи на темное море возвел и, вздохнувши, воскликнул:

«Спѐрхий! напрасно отец мой, моляся тебе, обрекался,
Там, когда я возвращуся в любезную землю родную,
Кудри обрезать мои и тебе принести с гекатомбой
И тебе ж посвятить пятьдесят овнов плодородных,
Возле истоков, где роща твоя и алтарь благовонный.
Так обрекался Пелей, но его ты мольбы не исполнил.
Я никогда не увижу драгого отечества! Пусть же
Храбрый Патрокл унесет Ахиллесовы кудри в могилу!»

Рек, и, обрезавши волосы, в руки любезному другу
Сам положил, и у всех он исторгнул обильные слезы.
Плачущих их над Патроклом оставило б, верно, и солнце,
Если бы скоро Пелид не простер к Агамѐмнону слова:

«Царь Агамѐмнон, твоим повеленьям скорей покорятся
Мужи ахейские: плачем и после насытиться можно.
Всех отошли от костра и вели, да по стану готовят
Вечерю; мы ж озаботимся делом, которого больше
Требует мертвый. Ахеян вожди да останутся с нами».

Выслушав речи его, повелитель мужей Агамѐмнон
Весь немедля народ отпустил к кораблям мореходным.
С ними остались одни погребатели; лес наваливши,
Быстро сложили костер, в ширину и длину стоступенный;
Сверху костра положили мертвого, скорбные сердцем;
Множество тучных овец и великих волов криворогих,
Подле костра заколов, обрядили; и туком, от всех их
Собранным, тело Патрокла покрыл Ахиллес благодушный
С ног до главы; а кругом разбросал обнаженные туши;
Там же расставил он с медом и с светлым елеем кувшины,
Все их к одру прислонив; четырех он коней гордовыйных
С страшною силой поверг на костер, глубоко стеная.
Девять псов у царя, при столе его вскормленных, было;
Двух и из них заколол и на сруб обезглавленных бросил;

Бросил туда ж и двенадцать троянских юношей славных,
Медью убив их; жестокие в сердце дела замышлял он.
После, костер предоставивши огненной силе железной,
Громко Пелид возопил, именуя любезного друга:

«Радуйся, храбрый Патрокл, и в Аидовом радуйся доме!
Всё для тебя совершаю я, что совершить обрекался:
Пленных двенадцать юношей, Трои сынов знаменитых,
Всех с тобою огонь истребит; но Приамова сына,
Гектора, нет! не огню на пожрание — псам я оставлю!»

Так угрожал он; но к мертвому Гектору псы не касались:
Их от него удаляла и денно и нощно Киприда;
Зевсова дочь умастила его амврозическим маслом
Роз благовонных, да будет без язв, Ахиллесом влачимый.
Облако темное бог Аполлон преклонил над героем
С неба до самой земли, и пространство, покрытое телом,
Тению всё осенил, да от силы палящего солнца
Прежде на нем не иссохнут телесные жилы и члены.

Но костер между тем не горел под мертвым Патроклом.
Сердцем иное тогда Пелейон быстроногий замыслил:
Став от костра в отдалении, начал молиться он ветрам,
Ветру Борею и Зèфиру, жертвы для них обещая.
Часто кубком златым возливал он вино и молил их
К полю скорей принестися и, пламенем сруб воспаливши,
Тело скорее сожечь.— Златокрылая дева Ириса,
Слыша молитвы его, устремилася вестницей к ветрам,
Кои в то время, собравшись у Зèфира шумного в доме,
Весело все пировали. Ириса, принесшися быстро,
Стала на каменном праге; и ветры, увидев богиню,
Все торопливо вскочили, и каждый к себе ее кликал.
С ними сидеть отказалась богиня, и так говорила:

«Некогда, ветры; еще полечу я к волнам Океана,
В край эфиопов далекий; они гекатомбы приносят
Жителям неба, и я приношений участницей буду.
Мощный Борей и Зèфир звучащий! вас призывает
Быстрый ногами Пелид, обещая прекрасные жертвы,
Если возжечь поспешите костер Менетида Патрокла,
Где он лежит, и об нем сокрушаются все аргивяне».

Так говоря, от порога взвилася. Воздвиглися ветры,
С шумом ужасным несяся и тучи клубя пред собою.
К понту примчались, неистово дуя, и пенные волны
Встали под звонким дыханием; Трои холмистой достигли,
Все на костер налегли — и огонь загремел, пожиратель.
Ветры всю ночь волновали высоко крутящеесь пламя,
Шумно дыша на костер; и всю ночь Ахиллес быстроногий,
Черпая кубком двудонным вино из сосуда златого,
Окрест костра возливал и лицо орошал им земное,
Душу еще вызывая бедного друга Патрокла.
Словно отец сокрушается, кости сжигающий сына,
В гроб женихом нисходящего, к скорби родителей бедных,—
Так сокрушался Пелид, сожигающий кости Патрокла,
Окрест костра пресмыкаясь и сердцем глубоко стеная.

В час, как утро земле возвестить Светоносец выходит,
И над морем заря расстилается ризой златистой,
Сруб под Патроклом истлел, и багряное пламя потухло.
Ветры назад устремились, к вертепам своим полетели
Морем Фракийским; и море шумело, высоко бушуя.
Грустный Пелид наконец, от костра уклонясь недалёко,
Лег изнуренный; и сладостный сон посетил Пелейона.
Тою порой собиралися многие к сыну Атрея —
Топот и шум приходящих нарушили сон его краткий;
Сел Ахиллес, приподнявшись, и так говорил воеводам:

«Царь Агамѐмнон и вы, предводители воинств ахейских!
Время костер угасить; вином оросите багряным
Всё пространство, где пламень пылал, и на пепле костерном
Сына Менетия мы соберем драгоценные кости,
Тщательно их отделив от других; распознать же удобно:
Друг наш лежал на средине костра; но далёко другие
С краю горели, набросаны кучей, и люди и кони.
Кости в фиале златом, двойным покрывши их туком,
В гроб положите, доколе я сам не сойду к Аидесу;
Гроба над другом моим не хочу я великого видеть;
Так, лишь пристойный курган, но широкий над ним и высокий
Вы сотворите, ахеяне, вы, которые в Трое
После меня при судах мореходных останетесь живы».

Так говорил; и они покорились герою Пелиду.
Сруб угасили, багряным вином поливая пространство

Всё, где пламень ходил; и обрушился пепел глубокий;
Слезы лиющие, друга любезного белые кости
В чашу златую собрали, и туком двойным обложили;
Чашу под кущу внеся, пеленою тонкой покрыли;
Кругом означили место могилы и, бросив основы
Около сруба, поспешно насыпали рыхлую землю.
Свежий насыпав курган, разошлися они. Ахиллес же
Там народ удержал и, в обширном кругу посадивши,
Вынес награды подвижникам: светлые блюда, треноги;
Месков представил, и быстрых коней, и волов крепкочелых,
И краснò опоясанных жен, и седое железо.

Первые быстрым возницам богатые бега награды
Он предложил: в рукодельях искусная дева младая,
Медный, ушатый с боков, двадцатидвухмерный треножник
Первому дар; кобылица второму шестигодовая,
Неукрощенная, гордая, в недрах носящая меска;
Третьему мздою — не бывший в огне умывальник прекрасный,
Новый еще, сребровидный, четыре вмещающий меры;
Мздою четвертому золота два предложил он таланта;
Пятому новый, не бывший в огне фиал двусторонный.
Стал наконец Ахиллес и так говорил меж ахеян:

«Царь Агамѐмнон и пышнопоножные мужи ахейцы!
Быстрых возниц ожидают сии среди круга награды.
Если бы в память другого, ахеяне, вы подвизались,
Я, без сомнения, первые в подвигах взял бы награды.
Знаете, сколь превосходны мои благородные кони,
Дети породы бессмертной; отцу моему их, Пелею,
Сам Посидон даровал; а отец мой мне подарил их.
Но не вступаю я в спор, ни мои звуконогие кони.
О! потеряли они знаменитого их властелина,
Друга, который бывало сам их волнистые гривы
Чистой водой омывал и умащивал светлым елеем.
Ныне они по вознице тоскуют; стоят, разостлавши
Гривы по праху, стоят неподвижно, унылые сердцем.
К играм другие устройтеся, каждый из воев ахейских,
Кто лишь на быстрых коней и свою колесницу надежен».

Так Ахиллес говорил им, — и быстрые встали возницы:
Первый поднялся Эвмѐл, повелитель мужей знаменитый,

Сын скиптроносца Адмета, искусством возничества славный.
После него укротитель коней Диомед нестрашимый;
Тросских коней он подвел под ярмо, у Энея которых
В брани отбил; а Энея тогда Аполлон лишь избавил.
Третий восстал копьеносный Атрид, Менелай светлокудрый,
Зевсова отрасль; коней под ярем он подвел быстролетных:
Эфу царя Агамѐмнона с собственным верным Подаргом,
Эфу, которую в дар Эхепо̀л Анхизи̇д Атрейону
Дал, чтоб ему не идти на войну под ветристую Трою,
Но наслаждаться спокойствием дома: богатством от Зевса
Был одарен он великим и жил в Сикио̀не обширном;
Эфу сию запрягал он, дрожащую, рвущуюсь к бегу.
Вслед и младой Антилох снарядил коней пышногривых,
Сын знаменитый Нелида, высокого духом владыки,
Нестора-старца; пилосские кони его колесницу
Быстрые мчали. Отец приступил и советы благие
Начал советовать, опытный старец разумному сыну:

«Сын Антилох! тебя от юности боги любили,
Зевс и благой Посидон, и в ристательной хитрости всякой
Сами наставили; много тебя наставлять мне не нужно.
Мастер ты коней ворочать вкруг мет; но пилосские наши
Кони в бегу тяжелы; опасаюсь, беды б не случилось.
Всех соискателей кони резвее; но сами возницы
Меньше искусны, чем ты, в изобретеньи быстром пособий.
Так не робей; приготовься, любезный, душою искусство
Всё обойми, да из рук не упустишь наград знаменитых.
Плотник тебя превосходит искусством своим, а не силой;
Кормщик таким же искусством по бурному черному понту
Легкий правит корабль, игралище буйного ветра,—
Так и возница искусством одним побеждает возницу.
Слишком иной положась на свою колесницу и коней,
Гонит, безумец, сюда и туда беспрестанно виляя;
Кони по поприщу носятся; он и сдержать их бессилен.
Но возница разумный, коней управляя и худших,
Смотрит на цель беспрестанно, вблизи лишь ворочает, знает,
Как от начала ристания конскими править браздами:
Держит их крепко и зорко вперед уходящего смотрит.
Цель я тебе укажу; просмотреть берегися: ты видищь,
Брус деревянный стоит, от земли, как сажень маховая,
Со̀сна сухая, иль дуб, под дождями не скоро гниющий;

Справа и слева при цели той врыты два белые камня,
В самой теснине дороги; кругом же ристалище гладко.
То — иль надгробный столп давно погребенного мужа,
Или подобная ж цель у старинных была человеков;
Столп сей и ныне метою избрал Ахиллес быстроногий.
К оной ты близко примчась, на бегу заворачивай коней;
Сам же, крепко держась в колеснице красивоплетеной,
Влево легко наклонись, а коня, что под правой рукою,
Криком гони и бичом и бразды попусти совершенно,
Левый же конь твой пускай подле самой меты обогнется
Так, чтоб, казалось, поверхность ее колесо очертило
Ступицей жаркою. Но берегись, не ударься о камень:
Можешь коней изувечить или раздробить колесницу
В радость ристателям всем, а тебе одному в посрамленье!
Будь, мой сын, рассудителен, будь осторожен, любезный!
Если уже близ меты возьмешь ты перед и погонишь,
Верь — ни один из возниц ни догонит тебя, ни обскачет,
Даже хоть следом бы он на ужасном летел Арейоне,
Бурном Адраста коне, порождении крови бессмертной,
Иль на конях Лаомѐдона, славных Троады питомцах!»

Так произнесши, Нелид, знаменитый конник геренский,
Сел на месте, важнейшее всё изъяснив Антилоху.

Пятый — герой Мерион снарядил коней пышногривых.
Все в колесницы взошли и бросили жребии; в шлем их
Принял Пелид и сотряс; и вылетел вдруг Антилоху,
Нестора сыну; второй выпадает Эвмелу-владыке;
Третий — Атрееву сыну, царю аргивян Менелаю;
Выпал за ним Мериону-вождю; но последнему жребий
Сыну Тидееву храброму гнать колесницу достался.
Стали порядком; мету им далекую нà поле чистом
Царь Ахиллес указал; но вперед повелел, да при оной
Старец божественный Феникс, отеческий оруженосец,
Сядет и бег наблюдает, и после им истину скажет.

Разом возницы на коней бичи занесли для ударов;
Разом браздами хлестнули и голосом крикнули грозным,
Полные рвенья; и разом помчалися пò полю кони
Вдоль от судов с быстротою ужасною — пыль из-под стоп их
Стала, взвиваясь на воздух, как туча, как сумрачный вихорь.
Длинные гривы коней развеваются веяньем ветра;

Их колесницы летящие то до земли прикоснутся.
То высоко̀, отраженные, взбросятся; гордо возницы
В пышных стоят колесницах; трепещет у каждого сердце,
Жадное славы; каждый коней ободрительным криком
Гонит; и кони летят, по ристалищу пыль подымая.

Но когда уже кони в последний конец обратились,
К морю седому, тогда-то ристателя каждого доблесть
Вдруг обнаружилась; конская прыть ускорилась, и быстро
Легкие вымчались вдаль кобылицы Эвмела-героя.
Вслед кобылиц выносились вперед жеребцы Диомеда,
Троские кони, и, чуть лишь отставшие, мчалися близко,
Так что, казалось, хотят на Эвмела вскочить колесницу;
Жарким дыханьем широкий хребет нагревали герою
И, на плечах Адметида лежа головами, летели.
Он, Диомед, обскакал бы, иль равною б сделал победу,
Если б Тидееву сыну не Феб враждовал раздраженный;
Феб из руки побеждавшего бич блистательный вышиб.
Слезы из глаз Диомедовых брызнули, слезы от гнева:
Видел он — боле еще уходили вперед кобылицы;
Кони ж его отставали, ударов бича не боясь.
Но от Афины очей Аполлон не укрылся, вредящий
Сыну Тидея,— настигла богиня царя Диомеда,
Бич подала и новую рьяность коням вдохнула;
К сыну ж Адмета она устремившися, полная гнева,
Конский разбила ярем, и его кобылицы лихие
Бросились дико с дороги, и выпало дышло на землю;
Сам, с колесницы сорвавшись, чрез обод он грянулся оземь;
До крови локти осаднил, изранил и губы и ноздри,
Сильно разбил над бровями чело; у него от удара
Брызнули слезы из глаз, и поднявшийся голос прервался.
Мимо его Диомед проскакал на ко́нях звуконогих,
И далеко впереди заблистал перед всеми: Афина
Крепость вдохнула коням и ему торжество даровала.
После Тидида скакал Атрейон, Менелай светлокудрый.
Но Антилох настигал и кричал на отеческих коней:

«О, выноситесь вперед, расстилайтеся, кони, быстрее!
Я не насилую вас быстротой состязаться с конями
Сына Тидеева храброго, коим Паллада-богиня
Легкость сама даровала и славой возницу покрыла.

Нет, лишь коней Менелая догоним, друзья, не отстанем!
Быстро вперед! чтобы вас всенародно стыдом не покрыла
Эфа: она кобылица, а вы, дорогие, отстали!
Вам говорю я, и слово мое совершится сегодня:
Более неги себе от владыки народов Нелида
Дома не ждите,— убьет вас сегодня же острою медью,
Если по лености вашей награду последнюю снищем.
О, настигайте скорее, как можно скорее скачите!
Я ж постараюся сам и искусно выгадывать буду,
Как обскакать нам на узкой дороге; в обман я не вдамся».

Так говорил Антилох; и, страшася угроз властелина,
Кони резвее скакали, но время недолгое: скоро
Тесной дороги ухаб Антилох, бранолюбец, приметил,
Рытвина там пролегала; вода, накопляясь зимою,
Там чрез дорогу прорвалась и место кругом углубила.
Правил туда Менелай, колесниц опасаяся сшибки.
Но Антилох, своротивши, направил коней звуконогих
Мимо дороги и, близко держась, догонял Менелая.
Царь Менелай устрашился и к Нестора сыну воскликнул:

«Правишь без разума, Несторов сын! Удержи колесницу!
Видишь, дорога тесна; впереди обгоняй, по широкой;
Здесь лишь и мне и себе повредишь: колесницы сшибутся!»

Так говорил он; но Несторов сын обскакать горячился;
Коней стрекалом колол, Менелая как будто не слыша.
Сколько пространства, с плеча повергаемый, диск пробегает,
Брошенный мужем младым, испытующим юную силу,—
Столько вперед ускакал Антилох; кобылицы отстали
Сына Атреева; их запускать и сам перестал он
В страхе, что узкой дорогой бегущие кони столкнутся,
Их колесницы, сшибясь, опрокинутся, и среди поля
Сами слетят на прах, за победой риставшие оба.
Гневный меж тем Несторида ругал Менелай светлокудрый:

«Нет, Антилох, человека вреднее тебя зломышленьем!
Мчись! недостойно тебя называют разумным ахейцы!
Средством, однакож, таким не получишь ты мзды без присяги!»

Так произнес он, и громким голосом крикнул на коней:
«Что у меня отстаете и что унываете, кони?

Прежде пилосских коней истомятся колена и силы,
Нежели ваши: давно их обоих покинула младость!»

Так восклицал; и они, устрашася угроз властелина,
Прытче пустились бежать и скоро передних догнали.

Тою порою ахейцы, на площади сидя, смотрели
Коней, которые по полю, пыль подымая, летели.
Первый Идоменей распознал приближавшихся коней,
Ибо сидел не в кругу, но высоко, на холме подзорном;
Крик на коней колесничника он и далекий услышав,
Мужа узнал и приметил коня в обгоняющей паре,
Сильно отличного: весь багряногнедый, на челе лишь
Признак имел он родимый, как месяц и светлый и круглый.
Идоменей приподнялся и так говорил к аргивянам:

«Други любезные, ратей ахейских вожди и владыки!
Я ли один примечаю коней, или видите все вы?
Чьи-то другие, мне кажется, скачут передними кони?
Кто-то другой и возница? Но те, кобылицы Эвмела,
Чем-то задержаны в поле; а прежде они отличались;
Первые, видел я сам, кобылицы мету обогнули;
Ныне же видеть нигде не могу их, куда ни бросаю
Вкруг по троянскому полю моих испытательных взоров.
Верно, из рук Адметида бразды убежали; не мог он
Бега сдержать у меты и коней повернул неудачно;
Там он, быть может, упал, колесница его сокрушилась,
И умчались с дороги его обуялые кони.
Но подымитесь, друзья, и всмотритесь вы сами: быть может,
Вижу неясно, но кажется мне, что ристатель передний —
Муж этолийский, воинственный царь ополчений аргосских,
Сын конеборца Тидея, герой Диомед благородный».

Грубо ему отвечал быстроногий Аякс Оилеев:
«Что наперед, Девкалион, болтаешь ты? Те же кобылицы
Всех впереди, звуконогие, по полю чистому скачут!
Ты между нами, ахейцами, вовсе не младший годами;
Очи твоей головы не острее других проницают!
Но и всегда ты лишь праздно болтаешь! Тебе неприлично
Здесь пустословить; и лучше тебя здесь присутствуют мужи!
Те ж впереди кобылицы, которые были и прежде,
Сына Адметова; сам он и едет и правит браздами».

Вспыхнувши гневом, Аяксу ответствовал Крита властитель:
«Спорщик первейший, Аякс злоречивый! но в прочем последний
Между ахейских мужей: человек необузданно грубый!
Спорь, и положим в заклад умывальницу или треножник;
Спора свидетелем мы изберем Агамѐмнона оба;
Кони чьи впереди, ты узнаешь, заклад заплатив мне!»

Так говорил он; и быстро поднялся Аякс Оилѐев,
Пышущий гневом, готовый ответствовать речью суровой.
И зашла бы далеко меж ними обидная распря,
Если бы сам Ахиллес не восстал, говоря воеводам:

«Идоменей, Оилйд, говорить перестаньте в народе
Злые, обидные речи: вас недостойное дело!
Сами осудите вы и других, начинающих то же.
Сядьте, друзья, и на месте спокойно смотрите на коней;
Скоро и самѝ они, распаленные жаждой победы,
К нам принесутся; тогда вы без спора узнаете каждый,
Чьи впереди и чьи позади между коней ахейских».

Он говорил, как летящий к концу Диомед показался.
Хлещет с плеча он бичом по коням; а дымящиесь кони
Скачут высоко и с скоростью дивной летят по дороге;
Брызги песка от копыт беспрерывные прыщут в возницу;
Пышная оловом, златом нарядная вкруг колесница
Быстро за бурными конями катится; след за собою
Шины колесные, тяжкие медью, по тонкому праху
Чуть оставляют,— с такою горячностью кони летели!
Стал среди круга ристатель торжественный; с пламенных коней
Пот и от вый и от персей потоками лился на землю.
Быстро на дол Диомед с колесницы сияющей прянул,
Бич к ярму прислонил; и не медлил сподвижник героя,
Сильный Сфенел,— прибежал и с веселием взял он награду;
Но служителям храбрым жену и треножник ушатый
К куще представить велел он, а сам распрягал колесницу.

После Тидида младой Антилох пригнал колесницу,
Хитростью только, не скоростью, взявши перед у Атрида;
Но Атрид от него не отстал на конях быстроногих;
Близко летел, как от обода конь, в колесницу впряженный

И во весь свой опор по полям властелина несущий;
Хвост у него медноблещущей шины касается краем;
Так он близко бежит и таким расстоянием малым
Он отделен от колес, по широкому полю бегущий,—
Столько же мало отстал от Нелеева славного внука
Царь Менелай: на вержение диска сперва оставался;
После он скоро догнал: возрастала в бегу беспрестанно
Крепость и жар кобылицы Атридовой, пламенной Эфы,
Так что, когда бы еще обоих продолжилось ристанье,
Верно б, Атрид обскакал и победы не сделал бы спорной.
Но Мерион, предводителя критян могучий сподвижник,
Гнал, на полет копия от царя Менелая отставши:
Медленны были его долгогривые критские кони;
Мало искусен и сам управлять колесницей в ристаньях.
Сын же Адмета явился последним, гоня пред собою
Быстрых коней и прекрасную сзади влача колесницу.
В жалость пришел, Адметида увидев, Пелид благородный;
Встал, и к ахейским царям устремил он крылатые речи:

«Первый ристатель последним гонит коней звуконогих!
Но, аргивяне, дадим, как достойно, вторую награду
Сыну Адмета; а первая следует сыну Тидея».

Так говорил; и одобрили все Ахиллесово слово;
Отдал бы он кобылицу, с согласия сонма, Эвмелу,
Если б почтенного Нестора сын, Антилох, оскорбленный,
Быстро не встал; справедливо герой возразил Ахиллесу:

«Царь Ахиллес, огорчуся я жестоко, если исполнишь
Слово твое! Награду отнять у меня побужден ты
Тем, что постигла беда колесницу и коней Эвмела?
И что возница он славный? Почто же богов всемогущих
Он не молил: никогда не пришел бы возницей последним.
Если Эвмела жалеешь, и столько тебе он любезен,
Есть у тебя в кораблях изобильно и злата и меди;
Есть и рабыни, и овцы, и твердокопытные кони,—
Выбрав из них, отличи ты его хоть и большей наградой
После, и даже теперь, чтоб тебя похвалили данаи;
Сей же из рук я не выдам,— а кто из ахеян желает,
Пусть подойдет и со мной за нее рукопашно сразится!»

Так говорил; улыбнулся божественный внук Эакидов,
Радуясь другом младым: Антилоха любил он как друга.
Юноше он отвечая, крылатую речь устремляет:

«Требуешь ты, Антилох, чтоб из собственной сени другую
Дал я награду Эвмелу,— охотно и то я исполню.
Дам ему латы, которые добыл я с Астеропѐя,
Медные; их оконечность литая струя окружает
Олова светлого; будет сей дар Эвмела достоин».

Так произнесши, Пелид повелел Автомѐдону-другу
Вынесть из кущи; и тот, устремившися, вынес и отдал
В руки Адметова сына; и он их, радуясь, принял.

Тут Менелай светлокудрый поднялся, душой огорченный,
Жестоко гневный на сына Нелидова. Вестник Атридов
Скиптр властелину представил, безмолвствовать знак аргивянам
Подал; и стал говорить воинственник, богу подобный:

«Что, Антилох, ты сделал, всегда рассудительным слывший?
Славу мою помрачил и коней у меня ты расстроил,
Хитростью взявший перед на конях, несравненно слабейших!
Но рассудите, ахеян владыки и мужи совета,
Нас обоих наравне рассудите вы, но без потворства.
Пусть обо мне ни один меднобронный ахеец не скажет:
Царь Менелай, Антилоха одной пересиля неправдой,
Юноши мздою, конем завладел: Менелаевы кони
Были слабее, лишь сам он могучее властью и силой.—
Слушайте, други; я сам рассужу, и меня, я надеюсь,
В сонме не будет никто укорять: справедлив приговор мой.
Несторов сын благородный, приблизься сюда и, как должно,
Стань пред своими конями; возьми, как следует, в руки
Бич тот гибкий, с которым сегодня ристал, и бичом ты
Коней касаясь, клянись Посидаоном, землю держащим,
Что неумышленной хитростью ты мне запнул колесницу».

Умный младой Антилох отвечал Менелаю Атриду:
«Светлый Атрид, укротися; юноша я пред тобою.
Ты, о царь Менелай, и летами и доблестью выше;
Ведаешь, как легко в заблуждения младость впадает:
Ум молодой опрометчив, короток рассудок незрелый.

Сердце смягчи, Менелай, а награду мою, кобылицу,
Сам я тебе отдаю; и когда б из моих достояний
Боле чего ты потребовал, с радостью я и теперь же
Выдал бы, нежели мне у тебя, питомец Кронида,
Выйти из сердца навеки и быть пред богами виновным!»

Рек, и, подведши коня, младой Несторид благородный
В руки отдал Менелаю-герою; и в персях Атрида
Сердце растаяло с радости, словно роса по колосьям
Зреющей нивы, когда цепенеют от зноя долины,—
Так у тебя, Менелай, растаяло с радости сердце.
К юноше он возгласил, устремляя крылатые речи:

«Ныне я сам, невзирая на гнев мой, тебе уступаю,
Несторов сын! Никогда безрассуден, нижѐ легкомыслен
Ты не бывал: победила рассудок единая младость.
После сего, Антилох, опасайся обманывать старших.
Нет, не легко бы меня укротил другой из данаев;
Но довольно терпел и довольно под Троею сделал
Сам ты и храбрый отец твой и брат, за меня подвизаясь.
К просьбе твоей снисхожу и награду мою, кобылицу,
Я уступаю тебе; пускай и другие с тобою
Помнят, что я никогда ни надмен, ни немилостив не был».

Так произнес; и коня Менелай Антилохову другу
Отдал Ноѐмону; сам же избрал рукомойник блестящий.
Злато, четвертую мзду, получил Мерион по заслуге,
Коней четвертым пригнавши. Но пятая мзда оставалась,
Круглый фиал двусторонный: его Ахиллес быстроногий,
Сонмом данаев пронесши, Нестору подал, вещая:

«Дар сей тебе, божественный старец! и ты сохрани сей
Памятник грустный Патрокловых похорон: между живыми
Больше его не увидишь! Тебе же награду победы
Так я даю; ни в борьбу ты, Нелид, ни в кулачную битву,
Верно, не вступишь; ни в меткой стрельбе ты, ни в легкости бега
Спорить не будешь: тебя удручает тяжелая старость».

Рек, и фиал ему подал; и старец приял, веселяся;
Быстрые речи крылатые он устремил к Ахиллесу:

«Истину, сын, говоришь, и всё ты разумно вещаешь.
Члены мои ослабели; ни ноги, любезный, ни руки
Так на моих раменах, как бывало, не движутся быстро.
Если бы молод я был! и если бы силой блистал я
Оных годов, как эпейцы в Вупрàсе царю Амаринку
Тризны творили, а дети царя предложили награды!
Там не сравнился со мной ни один человек из эпеян,
Даже из храбрых пилосцев и духом высоких этолян.
Там я кулачною битвой бойца одолел Клитомеда;
Трудной борьбою борца ниспроверг плевронийца Анкея;
Ног быстротой превзошел знаменитого бегом Ификла;
Дротиком двух победил: Полидора и мужа Филея.
Только одними конями меня премогли Акториды;
Но числом одолели, завидуя в сей мне победе;
Ибо славнейшая всех за нее оставалась награда;
Стали вдвоем на меня, и как первый лишь правил конями,
Только лишь правил, другой их, гоня, бичевал без пощады.
Прежде таков я бывал! Но теперь молодым оставляю
Трудные подвиги славы; пора, пора уступить мне
Старости скорбной: в чреду я свою блистал меж героев!
Но продолжай и друга усопшего играми чествуй.
Дар благодарно приемлю и радуюсь сердцем, что столько
Помнишь меня ты, старца смиренного, что не забыл ты
Честью приличной почтить и его пред народом ахейским.
Боги тебе за сие воздадут воздаяньем желанным!»

Так произнес; и Пелид сквозь великие сонмы ахеян
Вновь возвратился, приветствие выслушав Нестора-старца.
Тут предложил он награды кулачного страшного боя;
Выслав пред круг, привязал шестилетнего, сильного меска;
Игом еще не смиренный, жесток для смирения был он.
Меск — победителю мзда; побежденному — кубок двудонный.
Стал наконец среди сонма и так говорил аргивянам:

«Чада Атрея, и вы, меднолатные мужи ахейцы!
Ныне подвижников двух призываем, которые сильны,
Руки поднять на кулачную битву. Кому стреловержец
Даст устоять, и кого победителем все мы признаем,
Тот к своему кораблю поведет терпеливого меска;
Кубок же сей двоедонный боец побежденный получит».

Рек он; и быстро восстал человек и огромный и мощный,
Славный кулачный боец, Панопеева отрасль, Эпѐос.
Меска рукой жиловатой за гриву схватил и кричал он:

«Выступи тот, кто намерен кубок унесть двоедонный.
Меска ж, надеюся я, не отвяжет никто из ахеян,
В битве кулачной победный: горжуся, боец я здесь первый!
Будет того, что меж вами я воин не лучший,— что делать:
Смертному в каждом деянии быть невозможно отличным.
Что до битвы, объявляю при всех, и исполнено будет:
Плоть до костей прошибу я и кости врагу изломаю.
Пусть за моим сопротивником все попечители выйдут,
Чтоб из битвы унесть укрощенного силой моею».

Так говорил он; и все, онемевши, молчанье хранили.
Богу подобный один Эвриал на него подымался,
Внук скиптроносца Талая, сын Мекистѐя-героя,
Некогда в Фивы ходившего, к играм надгробным Эдипу,
Павшему в оное время, и всех победившего кадмян.
К битве его снаряжал Диомед, копьеборец могучий,
Дружеской речью бодря и сердечно желая победы:
Бросил он запон ему, и красиво кроенные после
Подал ремни из степного вола, убитого силой.
Так опоясавшись оба, выходят бойцы на средину.
Разом один на другого могучие руки заносят,
Сшиблись; смешалися быстро подвижников тяжкие руки.
Стук кулаков раздается по челюстям; пот по их телу
Льется ручьями; как вдруг приподнялся могучий Эпѐос,
Резко врага оглянувшегось грянул в лицо,— и не мог он
Больше стоять; подломившися, рухнулись крепкие члены.
Словно с порывом Бореевым прядает рыба из моря
На берег мшистый и вдруг покрывается мутной волною,—
Так пораженный упал Эвриал. Добродушный Эпѐос
За руку поднял его; а усердные други, представши,
С поприща в стан повели, по земле волочащего ноги,
Кровь извергавшего ртом и бросавшего голову набок.
В омрак он впал; и его меж своими друзья посадивши,
Сами пошли и на поприще подняли кубок двудонный.

Сын же Пелеев немедленно новые, третьи, награды
Выставил сонму, награды борьбы, изнурительной силам;

Мздой победителю вынес огонный треножник, огромный,
Медный,— в двенадцать волов оценили его аргивяне;
Мздой побежденному он рукодельницу юную вывел,
Пленную деву,— в четыре вола и ее оценили.
Стал наконец перед сонмом, и так говорил аргивянам:

«Встаньте, которым угодно и сей еще подвиг изведать!»
Он произнес; и немедленно встал Теламонид великий;
Встал и герой Одиссей, вымышлятель хитростей умный.
Чресла свои опоясав, борцы на средину выходят;
Крепко руками они под бока подхватили друг друга,
Словно стропила, которые в кровле высокого дома
Умный строитель смыкает, в отпору насильственных ветров.
Сильно хребты захрустели, могучестью стиснутых рук их
Круто влекомые; крупный пот заструился по телу;
Частые полосы вкруг по бокам и хребтам их широким
Вышли багровые; с ревностью в гордых сердцах одинакой
Оба алкали они и победы и славной награды.
Долго ни царь Одиссей не смогал опрокинуть Аякса,
Ни Аякс не смогал одолеть Одиссеевой силы.
И когда, уж соскучив, ахеян сыны зароптали,
Вскрикнул к царю Одиссею великий Аякс Теламонид:

«Сын благородный Лаертов, герой Одиссей многоумный,
Ты подымай, или я подыму; а решит олимпиец!»

Так произнес, и поднял; Одиссей не забыл ухищренья:
Вдруг в подколенок ударил пятой, и подшиб ему ноги,
Навзничь его опрокинул; но сам он Аяксу на перси
Пал. Удивился народ, изумилися все аргивяне.
После пытал и Аякса поднять Одиссей терпеливый;
Вновь обхватил и лишь несколько сдвинул с земли, но не поднял:
Ноги его подогнулись, и на̀ землю рухнулись оба;
Пали один близ другого и прахом покрылися темным.
Встали, и в третий бы раз устремились подвижники спорить,
Если бы сам Ахиллес не воздвигнулся; он удержал их:

«Кончите вашу борьбу и трудом не томитесь жестоким.
Ваша победа равна; и, награды вы равные взявши,
С поля сойдите: пускай и другие в подвиги вступят».

Рек; и, почтительно выслушав, оба они покорились:
С поля сошли и, от праха очистясь, надели хитоны.

Сын же Пелеев другие за бег предлагает награды:
Первая — сребряный, пышный сосуд, шестимерная чаша,
Чудной своей красотой помрачавшая в целой вселенной
Славные чаши, сидонян искусных изящное дело.
Мужи ее финикийцы, по мглистому плавая понту,
В Лемнос продать привезли, но как дар предложили Фоасу;
Царь же Эвней Язони̇д, выкупая Приамова сына,
Падшего в плен Ликао̀на, отдал Менети̇ду Патроклу.
Царь Ахиллес и ту чашу выставил, чествуя друга,
Мздою тому, кто быстрейшим окажется в беге ногами;
Мздою второму — тельца откормленного, тяжкого туком;
Но последнему золота он полталанта назначил.
Стал наконец среди сонма и так говорил аргивянам:

«Встаньте, которым угодно и сей еще подвиг изведать!»
Рек; и немедленно встал Оилѐев Аякс быстроногий;
Встал Одиссей многоумный, и Несторов сын знаменитый
Встал Антилох: побеждал он юношей всех быстротою.
Стали порядком; Пелид указал им далекую мету.
Бег их сперва от черты начинался; и первый всех дальше
Быстрый умчался Аякс; но за ним Одиссей знаменитый
Близко бежал, как у женщины ткущей с пряжею ходит
Цевка у персей, которую ловко руками бросает,
Нить за уто̀к пропуская, и близко пред персями держит,—
Так Одиссей за Аяксом близко бежал; беспрестанно
Следом в следы ударял он, прежде чем прах с них ссыпался,
И дыханье свое изливал на главу Оили̇да,
Быстро и ровно бежа; восклицали кругом аргивяне,
Жажду его победить в ревновавшем еще умножая.
Но когда приближались к концу уже бега, взмолился
В сердце герой Одиссей светлоокой Палладе-богине:

«Дочь Эгиоха, услышь! убыстри, милосердая, ноги!»
Так он, молясь, произнес; и услышала дочь Эгиоха;
Члены ему сотворила легкими, ноги и руки.
И уже добегали, чтоб только им прянуть к награде,—
Вдруг на бегу поскользнулся Аякс: повредила Афина —

В влажный ступил он помет, из волов убиенных разлитый,
Коих Патроклу в честь закалал Пелейон благородный;
Тельчим пометом наполнились ноздри и рот у Аякса.
Чашу, награду свою, подхватил Одиссей терпеливый,
Первый примчась; а вола захватил Оилид знаменитый;
Стал и, рукою держася за роги вола полевого,
Он выплевывал кал и так говорил аргивянам:

«Дочь громовержца, друзья, повредила мне ноги, Афина!
Вечно, как матерь, она Одиссею на помощь приходит!»

Так произнес он; и смех по собранью веселый раздался.
Несторов сын получил последнюю бега награду;
Взял, и к ахейским мужам, улыбаяся, так говорил он:

«Знающим всем говорю вам, друзья, что всегда, как и ныне,
Боги бессмертные чествуют смертных, старейших летами.
Сын Оилѐев меня годами немногими старше;
Сей же из прежнего рода, от прежнего племени отрасль;
Но зелена, говорят, Одиссеева старость; и трудно
В беге с ним спорить ахейским героям, кроме Ахиллеса».

Так говорил, прославляя Пелеева быстрого сына.
Но Ахиллес немедленно сам отвечал Антилоху:

«Друг Антилох! твоя похвала не бесплодною будет:
Злата к награде твоей полталанта еще прибавляю».

Так произнес, и вручил; и юноша, радуясь, принял.
Тут Ахиллес быстроногий, копье длиннотенное взявши,
Вынес на поприще, вынес и щит и шелом светозарный,
Весь Сарпедонов доспех, с пораженного взятый Патроклом.
Стал наконец перед сонмом и так говорил аргивянам:

«Ныне подвижников двух вызываем, отлично могучих,
В бранный облекшись доспех, ополчившись пронзительной медью,
Выйти один на один и измерить их мощь пред народом.
Кто у другого скорее пронзит благородное тело
И сквозь доспехи коснется и членов, и крови багряной,
Тот победитель, тому подарю я сей нож среброгвоздный,
Славный, фракийский, который похитил я с Астеропея.

Что до оружий, подвижники оба их вместе получат;
Вместе под сенью моей и блистательный пир им устрою».

Так говорил; и поднялся великий Аякс Теламонид;
Быстро по нем и Тидид восстал, Диомед нестрашимый.
Скоро, в концах отдаленных народной толпы ополчася,
Оба они на средину выходят, пылая сразиться;
Грозно друг на̀ друга смотрят; страх обымает ахеян.
Быстро сошедшись, они, устремленные друг против друга,
Трижды бросались, и врукопашь трижды оружием сшиблись.
Сын Теламонов копье сопротивнику в щит круговидный
Вбил, но тела не тронул: оно защищалося броней.
Сын же Тидеев поверх семикожного круга щитного
Вые Аякса грозил беспрестанно сверкающим жалом.
Все, трепеща за Аякса, вскричали ахейские мужи,
Бой прекратить и равные взять им велели награды.
Но Ахиллес Диомеда ножом наградил среброгвоздным,
Вместе с ножнами его и с ремнем красиво кроѐнным.

Тут Ахиллес предложил им круг самородный железа;
Прежде метала его Гетио̀нова крепкая сила;
Но когда Гетио̀на убил Ахиллес-градоборец,
Круг на своих кораблях он с другими корыстями вывез.
Стал наконец он пред сонмом и так говорил аргивянам:

«Встаньте, которым угодно и сей еще подвиг изведать!
Сколько бы кто ни имел и далеких полей и широких,—
На пять круглых годов и тому на потребы достанет
Глыбы такой; у него никогда оскуделый в железе
В град не пойдет ни оратай, ни пастырь, но дома добудет».

Так говорил он; и встал Полипѐт, бранодышащий воин;
Встала и грозная мощь Леонтѐя, подобного богу;
Встал и Аякс Теламонид, и сильный Эпѐос огромный.
Стали порядком; и первый тот круг подымает Эпѐос;
Долго махал он и бросил; и хохот раздался по сонму.
После поверг Леонтѐй, благородная отрасль Арея;
Третий, сын Теламонов, схвативши железную тягость,
Бросил могучей рукой, и за знаки он всех перекинул.
Но когда тот круг подхватил Полипѐт браноносный,
Так далеко, как пастух свой закривленный посох бросает,

Он же вертится кругом и летит через тельчее стадо,—
Так далеко перекинул за круг он; вскричали данаи.
Быстро толпой набежавши, друзья Полипѐта-героя
Радостно к черным судам понесли награду владыки.

Сын же Пелеев для лу̀чников темное вынес железо:
Десять секир двуострых и десять простых им наградой.
Выставил целью стрельбы — корабля черноносого мачту
В дальнем конце, на песке; а на самой вершине голубку
За ногу тонким снуром привязал; и по птице велел он
Метить стрелкам: «Который уметит по робкой голубке,
Все топоры двуострые в сень понесет победитель;
Кто ж улучит по снуру одному, не уметивши птицы,
Тот, как стрелок побежденный, секиры простые получит».

Так говорил; и восстало могущество Тевкра-владыки;
Встал и герой Мерион, повелителя критян сподвижник.
Бросили жребии в медный шелом, сотрясли их, и Тевкру
Вылетел первому жребий стрелять; и немедля стрелу он
С страшною силой послал, но не сделал обета владыке
Фебу в жертву принесть первородных овнов гекатомбу.
В птицу герой не попал: воспрепятствовал Феб раздраженный;
В снур близ ноги он уметил, которым привязана птица;
Привязь у самой ноги пересекла стрела; встрепенулась,
К небу взвилась голубица свободная; привязь по ветру
На землю вся опустилася; громко вскричали данаи.
Быстро тогда Мерион у печального Тевкра из длани
Выхватил лук, а стрелу наготове держал, чтоб направить;
В сердце обет сотворил метателю стрел Аполлону
Первенцев агнцев ему в благодарность принесть гекатомбу;
И, высо̀ко под облаком робкую птицу завидев,
Быстро кружащуюсь, в бок под крыло угодил он стрелою;
Вверх сквозь крыло пролетела стрела и, обратно на землю
Пав, пред ногой Мериона вонзилася в дол; а голубка,
С выси лазурной на мачту спустясь черноносого судна,
Выю к груди преклонила, густые развесила крылья,
Быстро из персей дух испустила и с мачты далеко
Пала на прах; удивился народ и кругом изумлялся.
Все топоры двуострые взял Мерион-победитель;
Тевкр, побежденный, простые понес к кораблям мореходным.

Сын же Пелеев огромный дрот и сосуд рукомойный,
Чистый, в огне не бывалый, ценою в вола, расцвеченный,
Вынес пред сонм; и восстали могучие два копьеборца:
Первый пространнодержавный восстал Атрейон Агамѐмнон,
После герой Мерион, предводителя критян сподвижник;
Но, между храбрыми став, говорил Ахиллес благородный:

«Царь Агамѐмнон, мы ведаем, сколько ты всех превосходишь,
Сколько и мощью твоей и метанием копий отличен,
Но прими ты награду и с нею, Атрид, возвратися
К быстрым судам; а копье отдадим Мериону-герою,
Если твоей то приятно душе; но так бы я думал».

Рек; и ему не противился сын скиптроносный Атрея.
Дрот Ахиллес Мериону вручил; а герой Агамѐмнон
В руки Талфи̇бия-вестника пышную отдал награду.

ПЕСНЬ XXIV

СОДЕРЖАНИЕ

По окончании игр ахеяне вечеряют и предаются сну. Ахиллес, о Патрокле сетуя, проводит ночь без сна, и утром, привязав Гектора к колеснице, волочит вокруг могилы друга; но Аполлон сохраняет тело его невредимым, ст. 1—21. О таком поругании, многие дни продолжающемся, одни из богов соболезнуют и убеждают Гермеса похитить тело, другие тайно радуются и противятся похищению, 22—30. Наконец Аполлон жестоко упрекает богов за их неблагодарность к Гектору и потворство Ахиллесу; Гера гневно возражает ему, 31—63. Но Зевс подает иной совет и совершает его: призвав на Олимп чрез Ирису богиню Фетиду, повелевает убедить Ахиллеса, чтобы он оставил свирепство и возвратил тело выкупающим, 64—142. Ириса, по повелению Зевса, является также Приаму и убеждает, чтобы он шел с дарами к Ахиллесу для искупления сына, 143—188. Приам решился, невзирая на страх Гекубы, его отклоняющей; собирает драгоценные дары, приказывает детям приготовить воз для клади, а сам запрягает для себя колесницу, 189—282. Наконец, сотворив возлияние Зевсу и видя в ниспосланном от него орле счастливое знамение, с одним вестником Идеем отправляется в путь, 283—330. Встречает Гермеса, Зевсом ему в спутники посланного, который, назвавшись служителем Ахиллеса и усыпив стражей, приводит Приама к куще героя, 331—467. Ахиллес, молением царя тронутый, принимает выкуп, возвращает тело омытое и покрытое ризою, соглашается дать 12 дней, просимых Приамом для погребения, предлагает ему вечерю, ночлег и дружелюбно отпускает ко сну, 468—676. Гермес рано пробуждает Приама, провозит через стан, оставляет его; и Приам с наступлением дня привозит к городу тело Гектора. На встречу его вышед все трояне, подымают плач, 677—717. Привезши тело в дом, полагают на ложе; начинатели плача пением оплакивают его; кроме них, плачет Андромаха, Гекуба, Елена, 718—776. Наконец сожигают тело на костре, погребают и пиршеством у Приама празднуют погребение, 777—804.

ПЕСНЬ XXIV

Сонм распущён, и народ по своим кораблям быстролетным
Весь рассеялся; каждый спешил укрепиться под сенью
Пищей вечерней и сладостным сном. Но Пелид неутешный
Плакал, о друге еще вспоминая; к нему не касался
Всё усмиряющий сон; по одру беспокойно метаясь,
Он вспоминал Менетидово мужество, дух возвышѐнный;
Сколько они подвизались, какие труды подымали,
Боев с мужами ища и свирепость морей искушая;
Всё вспоминая в душе, проливал он горячие слезы.
То на хребет он ложился, то на бок, то ниц обратяся,
К ложу лицом припадал; напоследок бросивши ложе,
Берегом моря бродил он, тоскующий. Там и денницу
Встретил Пелид, озарившую пурпуром берег и море.
Быстро тогда он запряг в колесницу коней быстроногих;
Гектора, чтобы влачить, привязал позади колесницы;
Трижды его обволок вкруг могилы любезного друга,
И наконец успокоился в куще; а Гектора бросил,
Ниц распростерши во прахе. Но Феб от него, покровитель,
Феб и от мертвого вред отклонял; о герое и мертвом
Бог милосердовал; тело его золотым он эгидом
Всё покрывал, да не будет истерзан, Пелидом влачимый.

Так над божественным Гектором в гневе своем он ругался.
Жалость объяла бессмертных, на оное с неба взиравших;
Тело похитить зоркого Гермеса все убеждали;
Всем то казалось угодным; но только не Гере-богине,

Ни Посидону-царю, ни блистательноокой Афине;
Им, как и прежде, была ненавистною Троя святая,
Старец Приам и народ, за вину Приамида Париса:
Он богинь оскорбил, приходивших в дом его сельский;
Честь он воздал одарившей его сладострастием вредным.

Вестница утра, в двенадцатый раз восходила денница;
И средь сонма богов провещал Аполлон сребролукий:

«Боги жестокие, неблагодарные! Гектор не вам ли
Бедра тельцов и овнов сожигал в благовонные жертвы?
Вы ж не хотите и мертвое тело героя избавить;
Видеть его не даете супруге, матери, сыну,
Старцу отцу и гражданам, которые славного мужа
Предали б скоро огню и последнею честью почтили!
Вы Ахиллесу-губителю быть благосклонны решились,
Мужу, который из мыслей изгнал справедливость, из сердца
Всякую жалость отверг и, как лев, о свирепствах лишь мыслит.
Лев, и душой дерзновенной и дикою силой стремимый,
Только и рыщет, чтоб стадо найти и добычу похитить,—
Так сей Пелид погубил всю жалость, и стыд потерял он,
Стыд, для сынов человеческих столько полезный и вредный.
Смертный иной и более милого сердцу теряет,
Брата единоутробного или цветущего сына;
Плачет о трате своей и печаль наконец утоляет:
Дух терпеливый судьбы даровали сынам человеков.
Он же, богу подобного Гектора жизни лишивши,
Мертвого вяжет к коням и у гроба любезного друга
В прахе волочит! Не славное он и не лучшее выбрал!
Разве что нашу он месть на себя, и могучий, воздвигнет:
Землю, землю немую неистовый муж оскорбляет!»

Гневом пылая, ему отвечала державная Гера:
«Слово твое совершилось бы, луком серебряным гордый,
Если б равно Ахиллеса и Гектора сами вы чтили!
Гектор — сын человека, сосцами жены он воспитан;
Но Ахиллес — благородная отрасль: богиню Фетиду
Я возлелеяла, я возрастила и милой супругой
Мужу вручила Пелею, любезному всем нам бессмертным.
Все вы, бессмертные, были на браке; и ты ликовал там
С лирой в руках, нечестивых наперсник, всегда вероломный!»

Ей обратился ответствовать тучегонитель Кронион:
«Гера, супруга! Не гневайся вовсе на жителей неба.
Честь браноносцам не равная будет; однако и Гектор
Между сынов Илиона любезнейший был олимпийцам,
Также и мне! Никогда не небрег он о жертвах приятных;
Жертвенник мой никогда не скудел в приношеньях обильных
Туков, вин, благовоний: сия бо нам честь подобает.
Но похищенье оставим; возможности нет от Пелида
Гектора славного тайно похитить: к Пелееву сыну
Матерь Фетида приходит и ночью и днем непрестанно.
Лучше Фетиду ко мне призови кто-нибудь из бессмертных;
Мудрое слово богине реку, да Пелид быстроногий
Выкуп возьмет от Приама и Гектора тело отпустит».

Рек; и как вихрь устремилась Ириса крылатая с вестью;
Между священного Сама и грозноутесного Имбра
Бросилась в черный понт; и под ней застонала пучина;
Быстро в пучину Ириса подобно свинцу погрузилась,
Ежели он, прикрепленный под рогом вола степового,
Мчится коварный, рыбам прожорливым гибель несущий.
Там в пещере глубокой находит Фетиду и с нею
Многих богинь Океана. Она посреди их сидела,
Плача об участи храброго сына, которому должно
В Трое холмистой погибнуть, далеко от милой отчизны.
Став пред Фетидой, вещала посланница Зевса: «Фетида!
Зевс призывает тебя, непреложных советов строитель».

Ей отвечая, рекла среброногая дочерь Нерея:
«Что заповедует мне повелитель бессмертных? Стыжуся
Светлым являться богам, угнетенная мрачной печалью!
Но повинуюсь; и тщетен не будет глагол, им реченный».

Так говоря, облеклася Фетида одеждой печали,
Черным покровом, чернейшим из всех у нее одеяний.
Так устремилась; пред нею подобная ветрам Ириса
Быстро пошла; расступалися окрест их волны морские.
На берег вышед, богини к высокому бросились небу.
Там обрели громовержца Кронида; пред ним воссидели
Все, на совет собравшись, блаженные вечные боги.
Села Фетида близ Зевса-отца: уступила Афина;
Гера же чашу златую, прекрасную подала в руки.

И утешала словами. Фетида, испив, возвратила.
Слово меж оными начал отец и бессмертных и смертных:

«Ты на Олимп, Фетида, пришла, и печальная сердцем;
Знаю, скорбь неутешную в персях ты носишь, богиня;
Но возвещу, для чего на Олимп я тебя призываю.
Девять дней, как меж нами, бессмертными, распря восстала:
Гектор-герой и Пелид-градоборец богов разделяют.
Тело похитить склоняют бессмертные Гермеса-бога;
Я же, напротив, ту славу[1] хочу даровать Ахиллесу,
Нежность к тебе и почтение в сердце навек сохраняя.
Шествуй к ахейскому стану и сыну, богиня, поведай:
Все божества на него негодуют; но я от бессмертных
Более всех огорчаюсь, что он в исступлении гнева
Гектора возле судов, не приемлющий выкупа, держит.
Если страшится меня, да немедля отпустит он тело.
Я ж посылаю Ирису к Приаму-царю с повеленьем
В стан мирмидонский идти к искуплению милого сына,
Несть и дары Ахиллесу, приятные сердцу героя».

Так произнес; и ему покорилась Фетида-богиня;
Быстро помчалась, с вершины Олимпа высокого бросясь.
Скоро достигла Пелидова стана; и в куще находит
Сына, печально стенящего; многие в куще героя
Окрест его суетились друзья и готовили завтрак;
Ими закланный лежал на помосте овен густорунный.

Подле печального сына воссела почтенная матерь;
Тихо ласкала рукой, вопрошала и так говорила:
«Милое чадо, почто ты себе и стеня и тоскуя
Сердце крушишь; не помыслишь о пище нижѐ о покое?
Но приятно с женой опочить и любви насладиться.
Жить же недолго тебе; пред тобою, любезнейший сын мой,
Близко стоит неизбежная Смерть и суровая Участь.
Выслушай слово; его я тебе возвещаю от Зевса;
Боги, он рек, на тебя прогневляются; он же, владыка,
Более всех негодует, что ты в исступлении гнева
Гектора возле судов, не приемлющий выкупа, держишь.
Выдай его, Ахиллес, и за тело прими искупленье».

---

[1] Чтобы он сам возвратил тело Гектора.

Ей отвечая, вещал быстроногий Пелид знаменитый:
«Пусть предстает предлагающий выкуп — и тело получит,
Если решительно так заповедует мне олимпийский».

Тою порою, как матерь и сын у судов мирмидонских
Многие между собою вещали крылатые речи,
Зевс посылал Ирису к Приамовой Трое священной:

«Шествуй, Ириса крылатая, хо̀лмы оставив Олимпа;
Весть в Илионе святом возвести Дарданиду Приаму:
Пусть к искуплению сына идет к кораблям он ахейским,
Пусть и дары он несет, чтоб смягчить Ахиллесово сердце.
Но да единый, никем не сопутствуем, шествует старец;
Токмо глашатай старейший да будет при нем, чтобы править
Месками в быстром возу и вспять из ахейского стана
Мертвого ввезть в Илион, убиенного сильным Пелидом.
Помысл о смерти и страх да не взыдет на сердце Приаму —
Старцу такого пошлем мы сопутника, Гермеса-бога;
Он поведет и проводит, пока не представит к Пелиду;
И когда приведет он Приама пред очи героя,
Рук на него не подымет Пелид, ни других не допустит:
Он ни безумен, ни нагл, ни обыкший к грехам нечестивец·
Он завсегда милосердо молящего милует мужа».

Рек; и с небес устремилась подобная вихрям Ириса;
К дому Приама сошла; и нашла там и вопль и рыданье.
Окрест отца все сыны, на дворе пред хоромами сидя,
Токами слез обливали одежды; в средине их старец
Ризой покрытый лежал, обвивающей всё его тело;
Выю и голову персть покрывала державного старца,
Коею сам он себя, пресмыкаяся в прахе, осыпал.
Дщери его и невестки, в домах своих сидя, рыдали,
Тех поминая и многих и сильных защитников царства,
Кои уже под руками ахейскими предали души.

Быстрая вестница Зевса, приближася тихо к Приаму,
Голосом тихим (но трепет объял Дарданидовы члены)
Так говорила: «Дерзай, Дарданид, и меня не страшися!
Я для тебя не зловещая ныне схожу от Олимпа,
Нет, но душой доброхотная вестница Зевса тебе я:
Он о тебе, и далекий, душою болит и печется.

Выкупить Гектора тело тебе он велит, олимпиец.
Шествуй, неси и дары, чтоб смягчить Ахиллесово сердце;
Но да никто из троян не сопутствует, шествуй один ты;
Токмо глашатай старейший да будет с тобой, чтобы править
Месками в быстром возу и вспять из ахейского стана
Мертвого ввезть в Илион, убиенного сильным Пелидом.
Мысль же о смерти, ни страх тебе да не взыдет на сердце:
Спутник такой за тобою последует — Гѐрмес бессмертный;
Гѐрмес пойдет и проводит, пока не приближит к Пелиду;
И, когда он тебя представит пред очи героя,
Рук на тебя не подымет Пелид, ни других не допустит:
Он ни безумен, ни нагл, ни обыкший к грехам нечестивец;
Он завсегда милосердо молящего милует мужа».

Так говоря, отлетела подобная вихрям Ириса.
Старец Приам повелел, чтоб немедля сыны снарядили
Муловый воз быстрокатный и короб к нему привязали.
Сам же поспешно взошел в почивальню, терем душистый,
Кедровый, с кровлей высокой, где много хранилось сокровищ;
Призвал туда и Гекубу-супругу, и так говорил ей:

«Бедная! мне олимпийская вестница Зевса явилась;
Выкупить сына велела идти к кораблям мирмидонским;
Несть и дары Ахиллесу, которые б сердце смягчили.
Молви, супруга любезная, что ты о сем помышляешь?
Сильно меня самого побуждает и сердце и дума
Ныне ж идти к кораблям и великому стану ахеян».

Так говорил; зарыдала жена и ему отвечала:
«Горе! погиб ли твой разум, которым в минувшее время
Славился ты и у чуждых народов и в собственном царстве?
Хочешь один ты, старец, идти к кораблям мирмидонским?
Мужу предстать перед очи, который и многих и сильных
Наших сынов умертвил? У тебя не железное ль сердце?
В руки едва залучит, пред очами тебя лишь увидит
Сей кровопийца, неверный сей муж, милосерд он не будет;
Он не уважит тебя! — В отдалении лучше поплачем,
В храмине сидя: такую, знать, долю суровая Парка
Выпряла нашему сыну, как я несчастливца родила,
Долю, чтоб псов он насытил, вдали от родных, пред очами
Лютого мужа, которого внутренность если б могла я,

Впившися в грудь, пожирать, отомстила б за то, что он сделал
С сыном моим! Не как ратник бесчестный мой Гектор убит им;
Он за отечество, он за мужей и за жен илионских
Бился, герой, ни о страхе в бою, ни о бегстве не мысля!»

Снова Гекубе ответствовал старец Приам боговидный:
«Воле моей не противься, Гекуба, и в собственном доме
Птицей зловещей не будь: отвратить меня не успеешь.
Если бы дело такое внушал мне какой-либо смертный,
Жрец, иль пророк илионский, или фимиамогадатель,
Ложью почли бы мы то и с презрением, верно б, отвергли.
Слышал богиню я сам, пред собою бессмертную видел;
В стан я иду, и не тщетно мне будет вещание бога.
Если ж назначил мне рок умереть пред судами ахеян,—
Рад! и пускай он меня, душегубец, зарежет, как скоро,
Милого сына обнявши, рыданием сердце насыщу!»

Так произнес, и, поднявши красивые крыши ковчегов,
Вынул из них Дарданион двенадцать покровов прекрасных,
Хлен двенадцать простых и столько ж ковров драгоценных,
Верхних плащей превосходных и тонких хитонов исподних;
Злата, весами отвесивши, выложил десять талантов;
Вынул четыре блюда и два светозарных тренога;
Вынул и пышный сосуд, ему, как посланнику, древний
Дар фракиян, драгоценность великая! даже и оной
Старец щадить не хотел, столь сильно пылал он душою
Выкупить милого сына. Но всех он троян приходивших
Гневный гонял от крыльца, и грозя и поносно ругая:

«Прочь, проклятое племя презренное! Разве и дома
Мало печали у вас, что меня огорчать вы идете?
Или вам радость, что старца Кронид поражает бедою,
Гибелью сына храбрейшего? Скоро вы цену сей траты
Сами узнаете; легче стократ, как не стало героя,
Будете сами избиты ахеями! Я же, о боги,
Прежде, нежели град разоренный и в прах обращенный —
Трою святую — увижу, да скроюсь в обитель Аида!»

Так говоря, прогонял их жезлом; от грозящего старца
Все удалилися. Он же вскричал, сыновей порицая,
Клита, Гелѐна, Париса, питомца богов Агафона,

Па̀ммона, Гиппофоо̀я, Дейфо̀ба-вождя, Антифона,
Храброго сына Полѝта и славного мужеством Дия;
Грозно на сих сыновей и кричал и приказывал старец:

«Живо, негодные дети, бесстыдники! Лучше бы всем вам
Вместо единого Гектора пасть пред судами ахеян!
О, злополучный я смертный! имел я в Трое обширной
Храбрых сынов, и от них ни единого мне не осталось!
Нет боговидного Мѐстора, нет конеборца Троила,
Нет и тебя, мой Гектор, тебя, между смертными бога!
Так, не смертного мужа казался он сыном, но бога!
Храбрых Арей истребил, а бесстыдники эти остались,
Эти лжецы, плясуны, знаменитые лишь в хороводах,
Эти презренные хищники коз и агнцев народных!
Долго ли будете вы снаряжать колесницу и в короб
Скоро ли вложите всё, чтобы мог я немедленно ехать?»

Так говорил; и сыны, устрашася угрозы отцовой,
Бросились быстро, и вывезли муловый воз легкокатный,
Новый, красивый; и короб глубокий на нем привязали;
Сняли с гвоздя блестящий ярем, приспособленный к мулам,
Буковый, с бляхою сверху и с кольцами, слаженный хитро;
Привязь яремную вместе с ярмом девятилоктевую
Вынесли, ловко ярмо положили на гладкое дышло
В самом конце и на крюк поперечный кольцо наложили;
Трижды бляху ярма обмотали кругом; напоследок
Прочее всё обвязали, концы же узла подогнули.
После, нося из покоев, на муловый воз легкокатный
Весь уложили за голову Гектора выкуп бесценный,
Мулов в него запрягли возовозных, дебелокопытных,
Некогда в дар подведенных владыке Приаму от мизов.
Но к колеснице Приамовой вывели коней, которых
Сам он с отменной заботой лелеял у тесаных яслей;
Их в колесницу впрягали пред домом высоковершинным
Вестник и царь, обращая в уме их мудрые думы.
Тою порою приходит Гекуба, печальная сердцем;
В правой руке царица вина, веселящего сердце,
Кубок несла золотой, чтоб супруг, не возлив, не уехал;
Стала она пред конями и так говорила Приаму:

«Зевсу возлей, мой супруг! и молись, чтобы дал всемогущий
В дом от врагов возвратиться, когда уже смелое сердце

Старца тебя, против воли моей, к кораблям устремляет.
Так, помолися, Приам, чернотучному Кронову сыну,
Богу, который от Иды на всю призирает Троаду.
Птицы проси, быстрокрылого вестника, мощью своею
Первой из птиц и любезнейшей всех самому громовержцу;
С правой страны чтоб слетела, и сам бы ее ты увидя,
С верой в нее отошел к кораблям быстроконных данаев.
Если ж тебе не пошлет своего посла громовержец,
Буду тебя, мой супруг, убеждать и советом и просьбой
В стан не ходить к мирмидонянам, как ты ни твердо решился».

Ей немедля ответствовал старец Приам боговидный:
«Я твоего не отрину совета разумного: благо
Длани к владыке богов воздевать, да помилует нас он».

Рек, и прислужнице-ключнице дал повеление старец
На руки чистой воды возлиять; и прислужница быстро
С блюдом в руках и с кувшином воды пред владыку предстала.
Старец, руки омывши, кубок принял от супруги,
Стал посредине двора и молился, вино возливая,
На небо взор возводя; и, возвысивши голос, воскликнул:

«Зевс, наш отец, обладающий с Иды, славнейший, сильнейший!
Дай мне прийти к Ахиллесу угодным и жалостным сердцу;
Птицу пошли, быстролетного вестника, мощью своею
Первую в птицах, любимую более всех и тобою;
С правой страны ниспошли; да сходящую сам я увидя,
С верой в нее отойду к кораблям конеборных данаев!»

Так умолял,— и услышал его промыслитель Кронион:
Быстро орла ниспослал, между вещих вернейшую птицу,
Темного, коего смертные черным ловцом называют.
Словно огромная дверь почивальни высоковершинной
В доме богатого мужа, замкòм утвержденная крепким,—
Крылья орла таковы распростерлись, когда он явился,
Вправе над Троею быстро парящий. Они лишь узрели,
В радость пришли, расцвело упованием каждого сердце.

С живостью старец взошел в колесницу свою и немедля
Кòней погнал от преддверья и гулких навесов крылечных.
Мески пошли впереди под повозкой четыреколесной,

Ими Идей управлял, благомысленный вестник; а сзади
Борзые кони, которых бичом Дарданид престарелый
Гнал через город; его провожали все близкие сердцу,
Плача по нем неутешно, как будто на смерть отходящем.
Скоро, из за̀мка спустяся, они очутилися в поле;
Все провожавшие их возвратились печальные в Трою,
Дети и сродники. Сами ж они не сокрылись от Зевса —
В поле увидел он их и исполнился милости к старцу;
И к любезному сыну, к Гермесу, так возгласил он:

«Сын мой, Гермес! Тебе от богов наипаче приятно
В дружбу вступать с человеком, ты внемлешь кому пожелаешь.
Шествуй и Трои царя к кораблям быстролетным ахеян
Так проводи, да никто не узрит и никто не узнает
Старца в ахейских дружинах, доколе к Пелиду не придет».

Так произнес; и ему повинуется Гермес-посланник:
Под ноги вяжет прекрасную обувь, плесницы златые,
Вечные; бога они и над влажною носят водою,
И над землей беспредельною, быстро, с дыханием ветра;
Жезл берет он, которым у смертных, по воле всесильной,
Сном смыкает он очи, или отверзает у спящих;
Жезл сей прияв, устремляется аргоубийца могучий.
Скоро он к граду троян и к зыбям Геллеспонта принесся;
Полем пошел, благородному юноше видом подобный,
Первой брадой опушенному, коего младость прелестна.

Путники вскоре, проехав великую Ила могилу,
Коней и месков своих удержали, чтобы напоить их
В светлой реке; тогда уже сумрак спускался на землю.
Тут, оглянувшися, Гермеса вестник Идей прозорливый
Близко увидел и так возгласил к Дарданиду-владыке:

«Взглянь, Дарданид! осторожного разума требует дело;
Мужа я вижу; и мнится мне, нас он убить умышляет!
Должно бежать; на конях мы ускачем; или, подошедши,
Ноги ему мы обнимем и будем молить о пощаде!»

Рек он; и старцево сердце смутилося; он ужаснулся;
Дыбом власы у него поднялися на сгорбленном теле;
Он цепенея стоял. Эриуний приблизился к старцу,

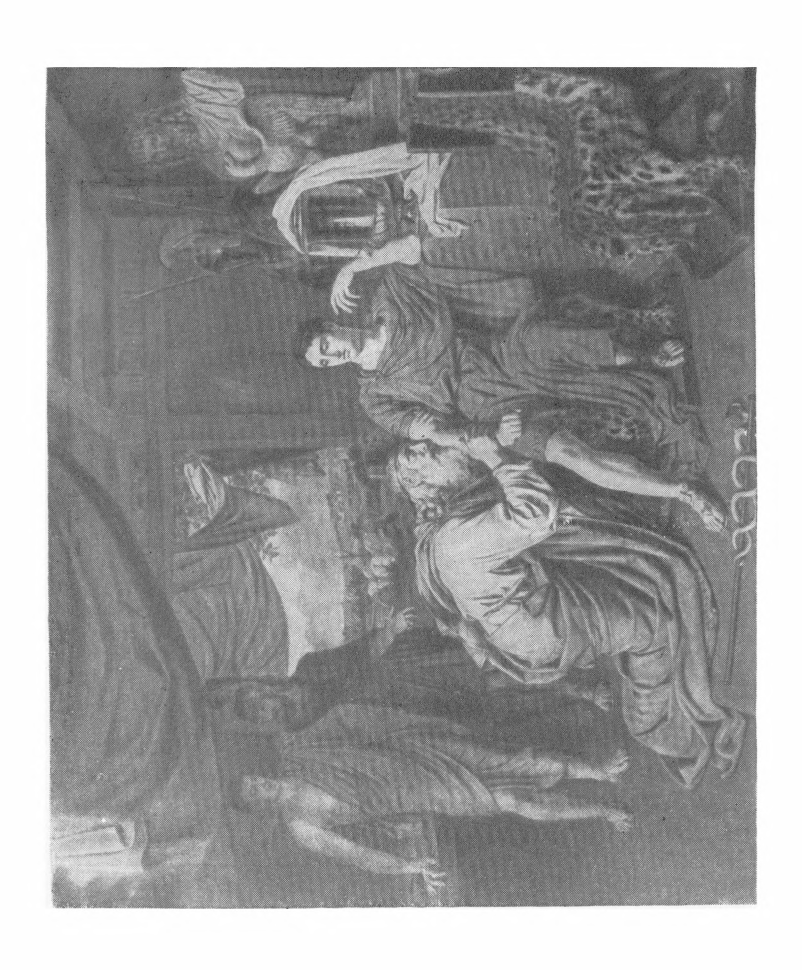
Ласково за руку взял и вещал, вопрошая Приама:
«Близко ль, далеко ль, отец, направляешь ты коней и месков.
В час усладительной ночи, как смертные все почивают?
Иль не страшишься убийствами дышущих, гордых данаев
Кои так близко стоят, неприязненны вам и свирепы?
Если тебя кто увидит под быстрыми мраками ночи,
Столько сокровищ везущего, что твое мужество будет?
Сам ты немолод, и старец такой же тебя провожает.
Как защитишься от первого, кто лишь обидеть захочет?
Я ж не тебя оскорблю, но готов от тебя и другого
Сам отразить: моему ты родителю, старец, подобен!»

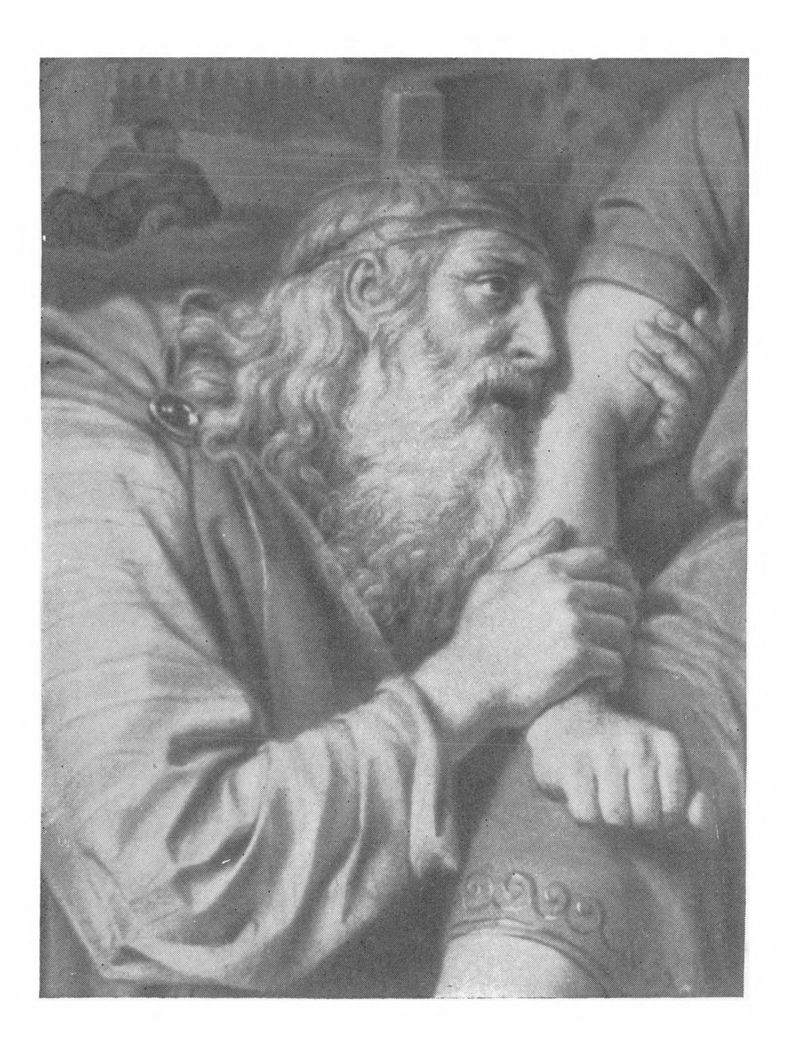
Гермесу бодро ответствовал старец Приам боговидный:
«Всё справедливо, любезнейший сын мой, что ты говоришь мне;
Но еще и меня хранит покровительной дланью
Бог, который дает мне такого сопутника встретить,
Счастья примету, тебя, красотою и образом дивный,
Редким умом одаренный; блаженных родителей сын ты!»

Вновь Дарданиду вещал благодетельный Гермес-посланник:
«Истинно всё и разумно ты, старец почтенный, вещаешь.
Но скажи мне еще, и сущую правду поведай:
Ты высылаешь куда-либо столько богатств драгоценных
К чуждым народам, дабы хоть они у тебя уцелели?
Верно, объятые страхом, уже покидаете все вы
Трою святую? Таков знаменитый защитник погибнул,
Сын твой! В сражениях был он не ниже героев ахейских!»

Гермесу быстро воскликнул старец Приам боговидный:
«Кто ты таков, от кого происходишь ты, юноша добрый,
Так мне прекрасно напомнивший смерть злополучного сына?»

Старцу ответствовал вновь благодетельный Гермес-посланник:
«Ты испытуешь меня, вопрошая о Гекторе дивном.
Часто, часто я сам на боях, прославляющих мужа,
Гектора видел, и даже в тот день, как, к судам отразивши,
Он побеждал аргивян, истребляя крушительной медью.
Стоя вдали, удивлялись мы Гектору; с вами сражаться
Нам Ахиллес запрещал, на царя Агамѐмнона гневный.
Я Ахиллесов служитель, в одном корабле с ним приплывший;
Родом и я мирмидонец; родитель мой храбрый Полѝктор;





Муж он богатый и старец, как ты, совершенно маститый.
Шесть у Поликтора в доме сынов, а седьмой пред тобою;
Жребий меж братьев упал на меня, чтоб идти с Ахиллесом.
Ныне осматривать поле пришел от судов я: заутра
Боем на город пойдут быстроокие мужи ахейцы.
Все негодуют они на долгую праздность; не могут
Бранного пыла мужей обуздать воеводы ахеян».

Гермесу паки ответствовал старец Приам боговидный:
«Ежели подлинно ты Ахиллеса Пелида служитель,
Друг, не сокрой от меня, умоляю, поведай мне правду:
Сын мой еще ль при судах, иль уже Ахиллес быстроногий
Тело его рассеченное псам разметал мирмидонским?»

Старцу ответствовал вновь благодетельный Гермес-посланник:
«Старец, ни псы не терзали, ни птицы его не касались;
Он и поныне лежит у судов Ахиллеса, под кущей,
Всё, как и был, невредимый, двенадцатый день, как лежит он
Мертвый,— но тело не тлеет, к нему не касаются черви,
Быстрые черви, которые падших в бою пожирают.
Правда, его ежедневно, с восходом денницы священной,
Он беспощадно волочит вкруг гроба любезного друга;
Но мертвец невредим, изумишься ты сам, как увидишь;
Свеж он лежит, как росою умытый; нет следа от крови,
Члена не видно нечистого, язвы кругом затворились,
Сколько их ни было: много суровая медь нанесла их.
Так милосердуют боги о сыне твоем знаменитом,
Даже и мертвом: любезен он сердцу богов олимпийских».

Рек он; и старец, наполняся радости, быстро воскликнул:
«Благо, мой сын, приносить небожителям должные дани!
Гектор — о если бы жил он! — всегда в благоденственном доме
Помнил бессмертных богов, на великом Олимпе живущих;
Боги за то и по смертной кончине его помянули.
Но преклонися, прими от меня ты прекрасный сей кубок
И, охраняя меня, проводи, под покровом бессмертных,
В стан мирмидонский, пока не приду к Ахиллесовой куще».

Вновь Дарданиду ответствовал Гермес, посланник Зевеса:
«Младость мою соблазняешь ты, старец; но я не склонюся
Дара, какой предлагаешь мне, тайно принять от Пелида.

Я уважаю Пелида и сердцем страшусь от героя
Дар похищать, чтобы после меня беда не постигла;
Но с тобою сопутствовать рад я землею и морем;
Рад я тебя проводить и до славного Аргоса-града;
И, с таким путеводцем, к тебе не приблизится смертный».

Рек, и на царских коней в колесницу вскочил Эриу́ний;
Быстро и бич и бразды захватил в могучие руки;
Коням и мескам вдохнул необычную рьяность и силу.
И, когда принеслися ко рву и стене корабельной,
Где незадолго над вечерей стражи ахеян трудились,—
Всех их в сон погрузил благодетельный аргоубийца;
Башни запор отодвинул, врата растворил, и Приама
Ввез внутрь стены, и за ним с дорогими дарами повозку.
Но лишь предстали они к Ахиллесовой куще великой —
Кущу царю своему мирмидонцы построили в стане
Крепко из бревен еловых и сверху искусно покрыли
Мшистым, густым камышом, по влажному лугу набравши;
Около кущи устроили двор властелину широкий,
Весь оградя частоколом; ворота его запирались
Толстым засовом еловым; трое ахеян вдвигали,
Трое с трудом отымали огромный замок сей воротный,
Сильных мужей; но Пелид и один отымал его быстро,—
Те благодетельный Гермес отверз перед старцем ворота,
Ввез дары знаменитые славному сыну Пелея,
Спрянул на дол с колесницы и так провещал к Дарданиду:

«Бог пред тобою, о старец, бессмертный, с Олимпа нисшедший,
Гермес; отец мой меня тебе ниспослал путеводцем.
Я совершил, и к Олимпу обратно иду; всенародно
Я не явлюсь Ахиллеса очам: недостойно бы было
Богу бессмертному видимо чествовать смертного мужа.
Ты же иди и, вошед, обыми Ахиллесу колена;
Именем старца родителя, матери многопочтенной,
Именем сына моли, чтобы тронуть высокую душу».

Так возгласивши, к Олимпу великому быстро вознесся
Гермес. Приам, с колесницы стремительно прянув на землю
Там оставляет Идея, дабы он стоял, охраняя
Коней и месков; а сам устремляется прямо в обитель,
Где Ахиллес находился божественный. Там Пелейона

Старец увидел; друзья в отдаленьи сидели; но двое,
Отрасль Арея Алкѝм и смиритель коней Автомѐдон,
Близко стоя, служили; недавно он вечерю кончил,
Пищи вкусив и питья, и пред ним еще стол оставался.
Старец, никем не примеченный, входит в покой, и Пелиду
В ноги упав, обымает колена и руки целует —
Страшные руки, детей у него погубившие многих!
Так, если муж, преступлением тяжким покрытый в отчизне,
Мужа убивший, бежит и к другому народу приходит,
К сильному в дом,— с изумлением все на пришельца взирают,—
Так изумился Пелид, боговидного старца увидев;
Так изумилися все, и один на другого смотрели.
Старец же речи такие вещал, умоляя героя:

«Вспомни отца своего, Ахиллес, бессмертным подобный,
Старца, такого ж, как я, на пороге старости скорбной!
Может быть, в самый сей миг и его, окруживши, соседи
Ратью теснят, и некому старца от горя избавить.
Но, по крайней он мере, что жив ты, и зная и слыша,
Сердце тобой веселит и вседневно льстится надеждой
Милого сына узреть, возвратившегось в дом из-под Трои.
Я же, несчастнейший смертный, сынов возрастил браноносных
В Трое святой, и из них ни единого мне не осталось!
Я пятьдесят их имел при нашествии рати ахейской;
Их девятнадцать братьев от матери было единой;
Прочих родили другие любезные жены в чертогах;
Многим Арей-истребитель сломил им несчастным колена.
Сын оставался один, защищал он и град наш, и граждан;
Ты умертвил и его, за отчизну сражавшегось храбро,
Гектора! Я для него прихожу к кораблям мирмидонским;
Выкупить тело его приношу драгоценный я выкуп.
Храбрый! почти ты богов! над моим злополучием сжалься,
Вспомнив Пелея-отца: несравненно я жалче Пелея!
Я испытую, чего на земле не испытывал смертный:
Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!»

Так говоря, возбудил об отце в нем плачевные думы;
За руку старца он взяв, от себя отклонил его тихо.
Оба они вспоминая, Приам — знаменитого сына,
Горестно плакал, у ног Ахиллесовых в прахе простертый;
Царь Ахиллес, то отца вспоминая, то друга Патрокла,

Плакал, и горестный стон их кругом раздавался по дому.
Но когда насладился Пелид благородный слезами
И желание плакать от сердца его отступило,—
Быстро восстал он и зà руку старца простертого поднял,
Тронут глубоко и белой главой и брадой его белой;
Начал к нему говорить, устремляя крылатые речи:

«Ах, злополучный! много ты горестей сердцем изведал!
Как ты решился, один, при судах мирмидонских явиться
Мужу пред очи, который сынов у тебя знаменитых
Многих повергнул? В груди твоей, старец, железное сердце!
Но успокойся, воссядь, Дарданйон; и как мы ни грустны,
Скроем в сердца и заставим безмолвствовать горести наши.
Сердца крушительный плач ни к чему человеку не служит:
Боги судили всесильные нам, человекам несчастным,
Жить на земле в огорчениях, боги одни беспечальны.
Два великих сосуда лежат перед прагом Зевеса,[1]
Полны даров — счастливых одна и несчастных другая.
Смертный, которому их посылает, смесивши, Кронион,
В жизни своей переменно и горесть находит и радость;
Тот же, кому он несчастных пошлет,— поношению предан;
Нужда, грызущая сердце, везде по земле его гонит;
Бродит несчастный, отринут бессмертными, смертными презрен.
Так и Пелея — дарами осыпали светлыми боги
С юности нежной; украшенный выше сынов земнородных
Счастьем, богатством, владыка могучий мужей мирмидонских,
Смертный, супругой богиню приял от руки он бессмертных.
Бог и ему ниспослал злополучие: он не имеет
В доме своем поколения, сына, наследника царства.
Сын у Пелея один, кратковечный; но я и доныне
Старца его не покою; а здесь, от отчизны далеко,
Здесь я в Троаде сижу, и тебя и твоих огорчаю.
Сам ты, о старец, мы слышали, здесь благоденствовал прежде.
Сколько народов вмещали обитель Макарова, Лесбос,

---

[1] Πίθος переводят обыкновенно das Faß, *бочка*. Но это совершенно ложно в сравнении с *нашими* бочками, которых у древних вовсе не было. Тысячи рисунков на сосудах этрусских это доказывают. Вместо бочек они употребляли огромные глиняные *сосуды* в виде наших больших горшков, кувшинов или бутылей, которые и назывались Πίθος; в таком горшке изображен на сосудах этрусских и Диоген-циник.

Фригия, край плодоносный, а здесь — Геллеспонт бесконечный;
Ты среди всех, говорят, и богатством блистал и сынами.
Но, как беду на тебя ниспослали небесные боги,
Около Трои твоей неумолкная брань и убийство.
Будь терпелив, и печалью себя не круши беспрерывной:
Ты ничего не успеешь, о сыне печаляся; плачем
Мертвого ты не подымешь, но горе свое лишь умножишь!»

Сыну Пелея ответствовал старец Приам боговидный:
«Нет, не сяду я, Зевсов любимец, доколе мой Гектор
В куще лежит, погребенью не преданный! Дай же скорее,
Дай сим очам его видеть! а сам ты прими искупленье:
Мы принесли драгоценное. О, насладись им, и счастлив
В край возвратися родимый, когда ты еще позволяешь
Старцу мне бедному жить и солнца сияние видеть!»

Грозно взглянув на него, говорил Ахиллес быстроногий:
«Старец, не гневай меня! Разумею и сам я, что должно
Сына тебе возвратить: от Зевса мне весть приносила
Матерь моя сребконогая, нимфа морская Фетида.
Чувствую, что и тебя (от меня ты, Приам, не сокроешь)
Сильная бога рука провела к кораблям мирмидонским;
Нет, не осмелился б смертный, и младостью пылкой цветущий,
В стан наш вступить: ни от стражей недремлющих он бы не скрылся,
Ни засовов легко б на воротах моих не отдвинул.
Смолкни ж, и более мне не волнуй ты болящего сердца;
Или страшись, да тебя, невзирая, что ты и молитель,
В куще моей я не брошу и Зевсов завет не нарушу».

Так говорил; устрашился Приам и, покорный, умолкнул.
Сын же Пелеев, как лев, из обители бросился к двери;
Но не один, за царем устремилися два из клевретов —
Сильный Алким и герой Автомѐдон, которых меж другов
Более всех Пелейон почитал, по Патрокле умершем.
Быстро они от ярма отрешили и коней и месков;
В кущу ввели и глашатая старцева; там посадивши
Мужа на стуле, поспешно с красивого царского воза
Собрали весь многоценный за голову Гектора выкуп;
Две лишь оставили ризы и тонкий хитон хитротканный,
С мыслью, чтоб тело покрытое в дом отпустить от Пелида.
Он же, вызвав рабынь, повелел и омыть и мастями

Тело намазать, но тайно, чтоб сына Приам не увидел:
Он опасался, чтоб гневом не вспыхнул отец огорченный,
Сына узрев, и чтоб сам он тогда не подвигнулся духом
Старца убить и нарушить священные Зевса заветы.
Тело рабыни омыли, умаслили мастью душистой,
В новый одели хитон и покрыли прекрасною ризой;
Сам Ахиллес и поднял и на одр положил Приамида,—
Но друзья совокупно на блещущий воз положили.
Он же тогда возопил, именуя любезного друга:

«Храбрый Патрокл! не ропщи на меня ты, ежели слышишь
В мрачном Аиде, что я знаменитого Гектора тело
Выдал отцу: не презренными он заплатил мне дарами;
В жертву тебе и от них принесу я достойную долю».

Так произнес, и под сень возвратился Пелид благородный;
Сел на изящно украшенных креслах, оставленных прежде,
Против Приама стоявших, и слово к нему обратил он:

«Сын твой тебе возвращен, как желал ты, божественный старец;
Убран лежит на одре. С восходом зари возвращаясь,
Сам ты увидишь его; но теперь мы о пище воспомним.
Пищи забыть не могла и несчастная матерь Ниоба,
Матерь, которая разом двенадцать детей потеряла,
Милых шесть дочерей и шесть сыновей расцветавших.
Юношей Феб поразил из блестящего лука стрелами,
Мстящий Ниобе, а дев — Артемида, гордая луком.
Мать их дерзала равняться с румяноланитою Летой:
Лета двоих, говорила, а я многочисленных матерь!
Двое сии у гордившейся матери всех погубили.
Девять дней валялися трупы; и не было мужа
Гробу предать их: в камень людей превратил громовержец.
Мертвых в десятый день погребли милосердые боги.
Плачем по них истомяся, и мать вспомянула о пище.
Ныне та мать на скалах, на пустынных горах Сипилийских,
Где, повествуют, богини покоиться любят в пещерах,
Нимфы, которые часто у вод Ахелоевых пляшут,—
Там, от богов превращенная в камень, страдает Ниоба.
Так, божественный старец, и мы помыслим о пище.
Время тебе остается оплакать любезного сына,
В Трою привезши; там для тебя многослезен он будет»

Рек, и, стремительно встав, Ахиллес белорунную овцу
Сам закалает; друзья, обнажив и опрятав, как должно,
В мелкие части искусно дробят, прободают рожнами,
Ловко пекут на огне и готовые части снимают.
Хлеб между тем принесши, поставил на стол Автомѐдон
В пышных корзинах; но брашно делил Ахиллес благородный.
Оба к предложенным яствам питательным руки простерли.
И когда питием и пищей насытили сердце,
Долго Приам Дарданид удивлялся царю Ахиллесу,
Виду его и величеству: бога, казалось, он видит.
Царь Ахиллес удивлялся равно Дарданиду Приаму,
Смо̀тря на образ почтенный и слушая старцевы речи.
Оба они наслаждались, один на другого взирая;
Но наконец возгласил к Ахиллесу божественный старец:

«Дай мне теперь опочить, Зевесов любимец! позволь мне
Сном животворным хоть несколько в доме твоем насладиться.
Ибо еще ни на миг у меня не смыкалися очи
С дня, как несчастный мой сын под твоими руками погибнул;
С оного дня лишь стенал и несчетные скорби терпел я,
Часто в оградах дворовых по сметищам смрадным валяясь.
Ныне лишь яствы вкусил, и вина пурпурового ныне
Принял в гортань; но до этой поры ничего не вкушал я».

Так говорил; Ахиллес приказал и друзьям и рабыням
Стлать на крыльце две постели и снизу хорошие полсти
Бросить пурпурные, сверху ковры разостлать дорогие
И шерстяные плащи положить, чтобы старцам одеться.
Вышли рабыни из дому с пылающим светочем в дланях;
Скоро они, поспешившие, два уготовали ложа.
И Приаму шутя говорил Ахиллес благородный:

«Спи у меня на дворе, пришелец любезный, да в дом мой
Вдруг не придет кто-нибудь из данаев, которые часто
Вместе совет совещать в мою собираются кущу.
Если тебя здесь кто-либо в пору ночную увидит,
Верно, царя известит, предводителя воинств Атрида;
И тогда замедление в выкупе мертвого встретишь.
Слово еще, Дарданид; объяснися, скажи откровенно:
Сколько желаешь ты дней погребать знаменитого сына?
Столько я дней удержуся от битв, удержу и дружины».

Сыну Пелея ответствовал старец Приам боговидный:
«Ежели мне ты позволишь почтить погребением сына —
Сим для меня, Ахиллес, величайшую милость окажешь.
Мы, как ты знаешь, в стенах заключенные; лес издалека
Должно с гор добывать; а трояне повергнуты в ужас.
Девять бы дней мне желалось оплакивать Гектора в доме;
Гробу в десятый предать и пир похоронный устроить;
В первый-на-десять мертвому в память насыпать могилу;
Но в двенадцатый день ополчимся, когда неизбежно».

Старцу ответствовал вновь быстроногий Пелид благородный:
«Будет и то свершено, как желаешь ты, старец почтенный.
Брань прекращаю на столько я времени, сколько ты просишь».

Так произнес Ахиллес, и Приамову правую руку
Ласково сжал, чтобы сердце его совершенно спокоить.
Так отпустил; и они на переднем крыльце опочили,
Вестник и царь, обращая в уме своем мудрые думы.
Но Ахиллес почивал в глубине крепкостворчатой кущи,
И при нем Бризеида, румяноланитая дева.

Все, и бессмертные боги и коннодоспешные мужи,
Спали целую ночь, усмиренные сном благодатным.
Гермеса токмо заботного сон не осиливал сладкий,
Думы в уме обращавшего, как Дарданида Приама
Вывесть из стана, привратным незримого стражам священным.
Став над главою Приамовой, так возгласил Эриуний:

«Ты не радишь об опасности, старец, и так беззаботно
Спишь у враждебных мужей, пощаженный Пелеевым сыном!
Многие дал ты дары, чтобы выкупить мертвого сына;
Но за живого тебя троекратной ценою заплатят
Дети твои, у тебя остающиесь, если узнает
Царь Атрейон о тебе, и ахейцы другие узнают».

Так провещал; ужаснулся Приам и глашатая поднял.
Гермес мгновенно запряг им и ко̀ней и месков яремных;
Сам через стан их быстро погнал, и никто не увидел.
Но лишь достигнули путники брода реки светловодной,
Ксанфа пучинного, богом рожденного, Зевсом бессмертным,—
Там благодетельный Гермес обратно вознесся к Олимпу.

В ризе златистой заря простиралась над всею землею.
Древний Приам, и стенящий и плачущий, гнал к Илиону
Ко̀ней; а мески везли мертвеца. И никто в Илионе
Их не узнал от мужей и от жен благородных троянских
Прежде Кассандры прекрасной, златой Афродите подобной
Рано на за̀мок восшед, издали в колеснице узнала
Образ отца своего и глашатая громкого Трои;
Тело узрела на месках, на смертном простертое ложе;
Подняла горестный плач и вопила по целому граду:

«Шествуйте, жены и мужи! Смотрите на Гектора ныне,
Вы, что живого, из битв приходившего, прежде встречали
С радостью: радостью светлой и граду он был и народу!»

Так вопияла; и вдруг ни жены не осталось, ни мужа
В Трое великой; грусть несказанная всех поразила,—
Все пред вратами столпилися в встречу везомого тела.
Всех впереди молодая супруга и нежная матерь
Плакали, рвали власы и, на труп исступленно бросаясь,
С воплем главу обнимали; столпившиесь плакали стоя.
Верно, и целый бы день до заката блестящего солнца,
Плача над Гектором храбрым, рыдали толпы за вратами,
Если бы старец Приам не воззвал с колесницы к народу:

«Дайте дорогу, друзья, чтобы мески проехали; после
Плачем вы все насыщайтесь, как мертвого в дом привезу я!»

Так говорил; расступилась толпа и открыла дорогу.
К славному дому привезши, на пышно устроенном ложе
Тело они положили; певцов, начинателей плача,
Подле него поместили, которые голосом мрачным
Песни плачевные пели; а жены им вторили стоном.
Первая подняла плач Андромаха, младая супруга,
Гектора-мужеубийцы руками главу обнимая:

«Рано ты гибнешь, супруг мой цветущий, рано вдовою
В доме меня покидаешь! А сын, бессловесный младенец,
Сын, которому жизнь злополучные мы даровали!
Он не достигнет юности! Прежде во прах с оснований
Троя рассыплется: пал ты, хранитель ее неусыпный,
Ты, боронитель и града, защитник и жен и младенцев!
Скоро в неволю они на судах повлекутся глубоких;

С ними и я неизбежно; и ты, мое бедное чадо,
Вместе со мною; и там, изнуряясь в работах позорных,
Будешь служить властелину суровому; или данаец
За руку схватит тебя и с башни ударит о землю,
Мстящий за трату плачевную брата, отца или сына,
Гектором в битвах сраженного: много могучих данаев,
Много под Гектора дланью глодало кровавую землю.
Грозен великий отец твой бывал на погибельных сечах;
Плачут о нем до последнего все обитатели Трои.
Плач, несказанную горесть нанес ты родителям бедным,
Гектор! — но мне ты оставил стократ жесточайшие скорби!
С смертного ложа, увы! не простер ты руки мне любезной,
Слова не молвил заветного, слова, которое б вечно
Я поминала и ночи и дни, обливаясь слезами!»

Так говорила, рыдая; и с нею стенали троянки.
Тут между ними Гекуба рыдательный плач подымает:

«Гектор, из всех мне детей наиболее сердцу любезный!
Был у меня и живой ты богам всемогущим любезен;
Боги с небес о тебе и по смертной кончине пекутся!
Прочих сынов у меня Ахиллес, быстроногий ристатель,
Коих живых полонил, за моря пустынные продал,
В Имброс, в далекий Самос и в туманный, беспристанный Лемнос;
Но, тебя одолев и оружием душу исторгнув,
Как он ни долго влачил вкруг могилы Патрокла-любимца,
Коего ты одолел,— но его, мертвеца, он не поднял!
Ты ж у меня, как росою омытый, покоишься в доме,
Свежий, подобно как смертный, которого Феб сребролукий
Легкой стрелою своей, налетевший незапно, сражает».

Так вопияла Гекуба, и плач возбудила всеобщий.
Третья Елена Аргивская горестный плач подымает:

«Гектор! деверь почтеннейший, сродник, любезнейший сердцу!
Ибо уже мне супруг Александр знаменитый, привезший
В Трою меня, недостойную! Что не погибла я прежде!
Ныне двадцатый год круговратных времен протекает
С оной поры, как пришла в Илион я, отечество бросив;
Но от тебя не слыхала я злого, обидного слова.
Даже, когда и другой кто меня укорял из домашних,

Деверь ли гордый, своячина или золовка младая,
Или свекровь (а свекор всегда, как отец, мне приветен),
Ты вразумлял их советом, и каждого делал добрее
Кроткой твоею душой и твоим убеждением кротким.
Вот почему о тебе и себе я, несчастнейшей, плачу!
Нет для меня, ни единого нет в Илионе обширном
Друга или утешителя: всем я равно ненавистна!»

Так вопияла она; и стенал весь народ неисчетный.
Старец Приам наконец обращает слово к народу:

«Ныне, трояне, свозите вы лес в Илион; не страшитесь
Войска ахейского тайных засад: Ахиллес знаменитый
Сам обещал, отпуская меня от судов мирмидонских,
Нас не тревожить, доколе двенадцатый день не свершится».

Так говорил; и они лошаков и волов подъяремных
Скоро в возы запрягли и пред градом немедля собрались.
Девять дней они в Трою множество леса возили;
В день же десятый, лишь, свет разливая, денница возникла,
Вынесли храброго Гектора с горестным плачем трояне;
Сверху костра мертвеца положили и бросили пламень.

Рано, едва розоперстая вестница утра явилась,
К срубу великого Гектора начал народ собираться.
И, лишь собралися все (неисчетное множество было),
Сруб угасили, багряным вином оросивши пространство
Всё, где огонь разливался пылающий; после на пепле
Белые кости героя собрали и братья и други,
Горько рыдая, обильные слезы струя по ланитам.
Прах драгоценный собравши, в ковчег золотой положили,
Тонким обвивши покровом, блистающим пурпуром свежим.
Так опустили в могилу глубокую и, заложивши,
Сверху огромными частыми камнями плотно устлали;
После курган насыпàли; а около стражи сидели,
Смòтря, дабы не ударила рать меднолатных данаев.
Скоро насыпав могилу, они разошлись; напоследок
Все собралися вновь и блистательный пир пировали
В доме великом Приама, любезного Зевсу владыки.

Так погребали они конеборного Гектора тело.

1812—1828

О ТАКТИКЕ АХЕЯН И ТРОЯН, О ПОСТРОЕНИИ ВОЙСК, О РАСПОЛОЖЕНИИ И УКРЕПЛЕНИИ СТАНОВ (ЛАГЕРЕЙ) У ГОМЕРА

(Из общих примечаний к переводу Илиады).[1]

Тактика

Гомер есть единственный поэт, которого история смеет призывать в свидетельство. Илиада, первая поэма, есть и первая история Греции. Полибий и другие древние писатели, рассуждавшие о военном искусстве, говорят, что первые основания тактики и расположения станов (лагерей) находятся у Гомера; они правы, особенно, когда вспомним, что всё, над чем великие умы в каком-либо искусстве трудились и что наконец усовершенствовали, произошло от начал малых и простых, которые точно можно найти в Гомере. Если начала тактики состоят в том, чтоб тела движущиеся, имеющие известные силы, назначенные для известной цели, двигалися на известном пространстве, в известном направлении и порядке, то есть, стройно и красиво, следственно с удобностью и легкостью и притом с величайшею силой и быстротою, то в самом деле начала военного искусства можно находить в Илиаде, которые рассеял Гомер с великой простотою, но с важностью наставника.

Тактика, однако ж, в пространном смысле, заключает более предметов, нежели сколько их здесь должно войти в рассмотрение.[2] Здесь

---

[1] Названием *общих* примечаний переводчик предполагает отличить их от примечаний частных: последние обыкновенно изъясняют какое-либо слово, выражение или стих поэмы; но первые должны относиться к таким предметам, которые или входят в целый круг ее действия, например: *военное искусство, мифология, восточность* (ориентализм) нравов и обычаев у Гомера; или требуют особенных изысканий и объяснений, как *щит Ахиллеса, скиптр Агамемнона* и проч. Таким образом, примечания общие, долженствующие разливать ясность на всю поэму, не могут быть кратки, как примечания частные.

[2] Здесь они излагаются сколько нужно для объяснения поэмы.

она означает единственно тот способ, по которому войска, во времена героические, были составляемы, разделяемы и приводимы в боевой порядок и построение. Но как и сей способ требует, чтобы войска хорошо были разделяемы на части, чтоб определяемы были вожди, их долг и подчиненность, то надобно сказать, что во время войны Троянской предметов сих были известны одни начала.

В течение 9 лет брани под Троею, трояне держались в стенах; ахейцы же то опустошали смежные места, то покушались взойти на стены,[1] то делали засады, чтобы произвесть какую-либо военную хитрость, не со всех, впрочем, сторон осаждая город и не совершенно заградив всякий выход для осажденных; однако ахейцы не сделали в войне никакого успеха. Между тем возгорелася вражда между Ахиллесом и Агамемноном; и когда первый, питая гнев, удерживал своих мирмидонов от брани, Агамемнон, из ненависти и презрения к нему, решился вывесть воинства[2] и без Ахиллеса взять город. В то же время и трояне, узнав о раздоре в стане врагов, решились выйти из города, на что прежде не осмеливались,[3] удерживаемые советом старейшин,[4] которые справедливо полагали, что ахейцы, истощив силы войною продолжительною, отступят, ничего не сделав. Полидамас, по довольно счастливом приближении к стану корабельному, еще убеждал троян последовать тому же совету; но Гектор, и гордостью побуждаемый и видя, что богатства троян истощались долговременною бранью,[5] не хотел войск заключить в стены.

Построение войск

Но прежде чем говорить о боевом построении войск, должно нечто сказать о самых войсках. Трояне, кроме своих, имели войска союзные, собранные частью из самой Троады, частью из соседственных варварских народов. Воинство ахеев состояло из народов одного племени и происхождения, с некоторою, однако, разностью поколений, семейств, земель и жилищ, также нравов и оружия. Важнейшая сила воинства их заключалась в колесницах и воинах, тяжело вооруженных, которых, однако, число было, кажется, гораздо менее. Они большею частью были вооружены копьями метательными; отрядов, сражавшихся одними стрелами, если не обманываюсь, весьма немного,— хотя, впрочем, луки составляли общее оружие воинств. Только локры употребляли единственно лук и пращу.[6] Другие имели тяжелые доспехи, т. е. длинное копье, щит, шлем, поножи, как мирмидоняне,[7] абанты,[8] также аргосцы и лакедемоняне, которые все, как явствует, были ὁπλῖται — *тяжело вооруженные*.

---

[1] Песнь VI, ст. 435 и след.
[2] II, ст. 29 и след.
[3] Песнь V, ст. 788, 799. IX, 351 и след. XIII, 101—5 и след.
[4] XV, ст. 721—3 и след.
[5] XVIII, ст. 285 и след.
[6] Песнь XIII, ст. 713.
[7] XVI, ст. 211 и след.
[8] II, ст. 542 и след.

Такими же доспехами, но большей тяжести и веса, были вооружены те, которые находились на колесницах; они назывались ἱππεῖς — *конные;* остальные же все, какой род оружия ни употребляли,— *пешие* πρυλέες, как в песне V, ст. 743, хотя у грамматиков они обыкновенно называются πεζοὶ ὁπλῖται. О самых начальниках, которые сражаются сойдя с колесницы, говорится, что они сражаются πρυλέες — *пешие.*[1] Предводитель пеших, πρυλέων, упомянут в одном только месте.[2]

Пешие, которые после нападений, начатых передовыми (promachi), вступают в бой, сражаются, как видно, почти толпами, отрядами, а не каким-либо правильным строем; неизвестно также, многие ли и какого рода ряды были в каждом отряде; стоящие позади первых рядов могли одними метательными копьями действовать, или стояли праздные. Первые ряды, по крайней мере в начале сражения, так были расположены, что сомкнутыми щитами составляли фалангу. Впрочем, в Илиаде нет ничего, что бы относилось к общему боевому порядку; но видно только, что отрядами, толпами то нападают, то отступают, то возобновляют сражение. Толпами также стараются то ворваться в толпы неприятельские, то сомкнутыми рядами отразить неприятелей; об этом свидетельствуют несколько мест, рачительно замеченных древними.[3] Этот род построения называется πύργος — *башня,* и сражаются πυργηδόν, построясь *в виде башни,* каждая толпа особенно.

Таким образом, первые основания тактики видимы в том, что толпы старались, по крайней мере, соблюдать известный порядок. Им также приписываются στίχες — ряды, в общем некотором значении: о наших рядах нельзя еще думать; и без сомнения, эти слова ὅμιλος, στίχες, φάλαγγες — *толпа, ряды, фаланга* — не с такой точностью употребляются, чтобы можно было сказать что-нибудь определительное.

Начальники, находящиеся на колесницах, которые, как известно, были легки и столь низки, что на них удобно всходили сзади, сражаются не одинаким образом: иногда на колесницах, врываяся в толпы пеших или близко их разъезжая, чтобы видеть, где можно разорвать ряды слабейшие; иногда с колесниц сходят и сражаются пешие, имея вблизи колесницу с возницею, ибо управлять конями, стоя в колеснице, было дело другого; сей назывался ἡνίοχος, а сражавшийся παραιβάζης.[4] Колесница должна была находиться вблизи сражающегося, чтобы утомленный, или раненый, или утесняемый врагом, взойдя на нее, мог спасаться. На колеснице также полагали доспехи, с пораженных снятые, увозили тела убитых начальников. Начальники сии, ἀρῆξηες всегда находятся впереди, проходят между двух боевых линий и меж рядами; они по большей части называются πρόμαχοι — *впереди сражающиеся, передовые,* хотя и не собранные в один отряд, но каждый пред своею толпою сражающиеся. Когда сойдутся в бой, толпы сначала раздражают неприятеля, бросая в него, наудачу, метательные копья; потом выбегают передовые и сражаются впереди рядов; таким образом, бой во многих местах распространяется. Обычай сражаться с ко-

---

[1] Песнь XII, ст. 77. XI, ст. 49.
[2] XV, ст. 517.
[3] XIII, ст. 129 и след. XVI, ст. 211 и след.
[4] Песнь XIII, ст. 192.

лесницы долженствовал иметь особенную силу пред всяким обычаем и способом тогдашней войны; весь почти успех битвы зависел от сей части воинов; сей обычай доставлял великую пользу во многих отношениях: могли быстрее двигаться, на одних незапно нападать, другим легко помогать; находящиеся долго на колесницах могли живее сходить к пешему бою, или, боем утомленные, всходить в колесницу, ибо герои Гомеровы употребляли доспехи тяжелые и обременительные, под которыми они не могли не затрудняться в движениях; к тому же для ношения таких доспехов требовалось тело огромное, сила великая, изъяснением чего Гомер часто любит заниматься. Обычай и употребление передовых, вперед выбегающих, удивительно были способны для умножения и воспаления храбрости в каждом воине. Сей обычай передовых, выходящих на бой перед воинство, породил особенный род сражения: храбрейший вызывал от неприятеля храбрейшего, и нередко, по сделанному условию, успех и того и другого воинства и весь спор о деле должен был решиться таким единоборством, что и видим в Илиаде.[1] Этот же выход передовых перед воинство давал место и повод к тем речам, которые, вышедши к бою, между собой говорят герои Гомеровы; ополчения с той и другой стороны, увидев сходящихся двух передовых, стоят неподвижно. Таким образом, разговоры эти на поле битвы, несообразные с понятием нашим, суть не вымыслы поэта, но древний обычай народа, следы которого сохраняют и новейшие греки, что подтверждают многие писатели, нам современные,[2] личные свидетели подобных явлений — в настоящую войну греков с турками.

Обнажать убитых также едва ли было можно иначе, как посредством передовых, из рядов выбегающих: каждого из них окружает своя дружина. Таким образом, для обнажения или похищения мертвого тела обыкновенно завязываются битвы, то частные, то общие, целыми толпами или множеством передовых, в одно время выбежавших. Большая часть стихов Гомеровых заключает в себе эти битвы, толпами производимые, особенно за тело Патрокла.

Здесь нельзя не заметить, что обычай не предавать тел убитых в жертву неприятелю, столь священный между воинами древности, сохранился греками до наших времен, и представил полковнику Вутье трогательные примеры патриотизма. Но вместе нельзя не подивиться древнему мнению, столько несообразному с нашим, о воинской славе и чести: убитого иногда обнажает другой, не убивший его, и это не почиталось бесчестным.[3] Легко понять, сколько сей обычай — обнажать тела — производил в сражениях беспорядков и остановок. Поэтому Агамемнон, в битве еще сомнительной, дает повеление, чтобы никто не обнажал тел и не делал остановки сражению.[4]

Из военачальников ахейских, знающих некоторое искусство тактическое, именуются двое: Менесфей, вождь афинский,[5] о коем, впрочем, кроме похвалы его знанию устраивать в бой коней (колесницы) и му-

---

[1] Песнь III, ст. 15 и след.

[2] Voutier: Mémoires sur la guerre actuelle de Grecs. Fauriel: Chants popul. de la Grèce moderne и другие.

[3] Песнь IV, ст. 463.

[4] VI, ст. 67.

[5] II, ст. 553 и след.

жей щитоносных, ничего не встречается более, что бы подтвердило о нем сказанное, разве только то, что *отборные афиняне* — προλελεγμένοι под предводительством Менесфея противопоставили нападающему Гектору отряд, крепко сомкнутый.[1] Другой, Нестор, два раза предлагает род тактики. В первом месте,[2] когда дает совет Агамемнону, чтобы он повелел воинству разделиться на φῦλα и φρήτρας — племена и колена. Таким образом, кажется — чему, впрочем, трудно верить,— что до того времени сражались все вместе, без порядка, собираяся в одну громаду для боя. Сим способом, продолжает Нестор, легко можно открыть, который из вождей и какой из отрядов оказывает храбрость; можно также узнать, от неразумения дела или от нерадения воинов война так долго продолжается. В другом месте[3] можно видеть построение воинства, какое он делает; он велит, чтобы конные поставлены были впереди, пешие, сколько есть храбрейших, сзади, а в средине слабые, на храбрость которых нельзя полагаться. Дело это, хотя не большой изобретательности, но заслуживает похвалу при начатках тактики. К этому присоединяет он другое повеление,[4] до конных относящееся: чтобы конники *удерживали коней*, не делая смятения; чтоб *стояли в рядах*, не выезжая вперед, ни позади рядов не оставаяся; от этого сила их будет значительнее; наконец, когда сближатся с врагами так, что в колеснице стоящий может противника достать оружием, чтоб с *колесницы его принимал копьем*, а с нее бы не сходил и пеший не сражался. Пользу сего способа доказывает он примерами предков; почему и видим, что таким образом сражаются.[5]

Впрочем, как ни полезны предложенные Нестором наставления тактические, особенно последнее, чтобы войска слабейшие были помещаемы в средине, между первым и последним строем, но в Илиаде не видно точного исполнения оных. Похвалы, по большей части общие, приписываются ахейцам, аргивянам, данаям, или порознь — то вождям, то народам; но каким образом составлялось боевое построение ахеян, поэт с точностью нигде не излагает; большая часть объясняется вождями, которых доблестию совершаются подвиги. И они-то суть те предметы, к которым гений Гомера быстро устремляется, употребляя или размышление, или чувство, когда спешит рассказать то, что может произвесть какое-либо впечатление в душе слушателя. Он хорошо разумеет, что на него не возлагается долг и обязанность историка; он не желает учить и, *поучая, пленять*, но хочет пленять и, *пленяя, поучать*. Поэт также хорошо понимает, что для достижения цели своей ему не должно останавливаться над общим изображением сражения, но должно заниматься доблестию *каждого*, ибо подвиги каждого в особенности, единственно выгодны для повествования поэтического; сим способом вид сражения может быть разнообразим до бесконечности. Таким образом, всё почти повествование в Илиаде относится или к передовым, или к отважным, или к отважным делам каждого героя.

---

1 XIII, ст. 689.
2 II, ст. 362.
3 IV, ст. 297.
4 IV, ст. 297 и след.
5 VIII, ст. 118 и слел.

Некоторый вид описания общего боевого строя можно, кажется, находить там, где повествуется об Агамемноне, обходящем ряды воинства, когда он и советами и угрозами воспламеняет души; в этом обходе сначала приходит он к отрядам критян, которые, надобно думать, стояли от него ближайшие; [1] потом к ратям саламинян; далее пилосцев, афинян, кефалонян, которых Одиссей, и аргосцев, которых Диомед предводили. Здесь можно спросить, с кого начал и до кого дошел Агамемнон? *Середину боевого строя*, вероятно, составлял Агамемнон и Менелай с микенцами и лакедемонцами; Агамемнон же обходил отряды *по левому крылу;* такой однако ж порядок отрядов не довольно согласен с повествованием о самой битве: так, Аякс везде занимает крайнюю часть левого крыла. Далее неизвестно, какие народы стояли на *правом крыле*, которое в таком случае было бы обнажено, если Ахиллес, это место занимать долженствовавший, оставался в стане, ибо правую к Сигею сторону стана он занимал с мирмидонами. Разве одно сказать можно, что о средине строя между двумя крылами вовсе не должно думать, но что строй протяженный простирался от одного крыла к другому.

Выше замечено, что в устроении боевого порядка ничем не управляла и не располагала воля *одного* в целом воинстве, но что каждый из вождей, по собственному произволу, распоряжал своими воинами — и это тотчас видно в начале первого сражения: когда пред ополчением Агамемнона и Менелая происходит бой между Парисом и Менелаем, и когда вскоре, по нарушении договора, оба противные воинства опять сходятся в битву — кефалонцы и афиняне, смотря издали, ожидают не столько знака к сражению, сколько примера других ополчений, которые устремились бы на неприятелей.[2]

В первой сшибке, в которой сходятся сначала отряды щитоносцев (ὁπλιτῶν),[3] вслед за ними видим сперва сражающегося Антилоха, следственно пилосцев,[4] Аякса, итак — саламинцев, Одиссея с ификийцами, Диора [5] из Элиды, Фоаса этолийского; потом Диомеда, снискавшего отличную хвалу своею храбростью в сей битве.[6] После бегства троян упоминаются Агамемнон, Идоменей с сподвижником Мерионом, Менелай, Мегес — сей последний привел войско из Эхинад,— Эврипил из Фессалии, Сфенел, сподвижник Диомедов. Не видно, чтобы они сохранили какой-либо порядок, по крайней мере поэт никакого не показывает или не примечает порядка ни в сражении, ни в сражающихся, так что из следующих за сим описаний битв нельзя составить понятия о расположении общего боевого строя.

Воинство троян устроено было с искусством, как кажется, гораздо грубейшим. Гектор хотя имел начальство, как видно из песни II, ст. 802, но его можно почитать предводителем своих только граждан; союзники Трои были народы стран различных, говорили языком различным, и оружием и образом битв различные и повиновавшиеся

---

[1] Песнь IV, ст. 251.
[2] Пес. IV, ст. 330.
[3] IV, ст. 447 и след.
[4] IV, ст. 457.
[5] IV, ст. 517.
[6] V.

своим только воеводам; Гектор, кажется, управлял всею войною в том единственно отношении, что подавал знак к сражению.

Таким образом, в воинстве ахейском вообще видно более порядка, устройства и знания военного искусства; сим причинам соответствуют и действия. Ахеи идут в бой в большем устройстве; *вожди отдают повеления*,[1] ратники идут *безмолвные*, как бы люди, по выражению поэта, *не имеющие голосу;* глубокое молчание сохраняют они из почтения к вождям и чтобы слышать их повеления.

Таковы в самом деле существенные свойства военного устройства: порядок и тишина необходимы, чтобы повеление и исполнение были в согласии.

Трояне, напротив, в стане своем, по выражению поэта, подобны овцам в загоне, которые *блеют* непрестанно; [2] смятенный крик раздается по широкому их стану.

Когда ахеяне, по голосу их вождей, строятся в битву, стройно и густо смыкаются ряды их: [3]

Словно как стену строитель из плотно слагаемых камней
В строимом доме смыкает, в отпору насильственных ветров,—
Так шишаки и щиты круговидные сомкнуты были,
Щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком
Плотно спирались; шеломы, волнуясь, касались друг друга
Светлыми бляхами,— так мирмидоны сомкнувшись стояли.

В сих стихах древние находят первые основания фаланги; и Полибий, после двух тысяч лет, еще удивляется (в стихах у Гомера) верности и живости сего изображения фаланги в действии.

Вот успех ее сражения: на фалангу, предводимую Аяксами,[4] напали трояне, предводимые Гектором:

...Пред троянами Гектор
Бурный летел, как в полете крушительный камень с утеса,
Если с вершины громаду осенние воды обрушат,
Ливнем-дождем разорвавши утеса жестокого связи;
Скачущий кверху, летит он; трещит, на лету им крушимый
Лес; беспрепонно и прямо летит он, пока на долину
Рухнет и, как ни стремителен, там не крушится он боле,—
Гектор таков! при начале грозился до самого моря
Быстро пройти меж судов и меж кущей, по трупам данаев;
Но едва лишь упал на сомкнувшиесь твердо фаланги,
Стал, как ни близко нагрянувший: дружно его аргивяне,
Встретя и острых мечей и дротов двуконечных ударом,
Прочь отразили.—

Здесь можно заметить, что сопротивление представлено поэтом как более достойное уважения, более славное, чем самое нападение.

---

[1] Песнь IV, ст. 428.
[2] IV, ст. 433 и след.
[3] XIII, ст. 131 и след., XVI, ст. 212.
[4] XIII, ст. 136 и след.

Сия мысль осталась навсегда утвержденною, освященною в военных мнениях греков: бесчестием всегда почиталося потерять щит, но не меч; таким мнением как бы воздавалось уважение тому началу нравственному, что война почтенна и священна тогда наиболее, когда защищаются, когда защищают отечество и сограждан.

Таким образом, в Илиаде мужество благоразумное, подкрепляемое искусством и вспомоществуемое порядком, впоследствии берет верх над силою и храбростью, не имеющею устройства и знания, и наконец составляет торжество образованности над варварством, Европы над Азиею.

<1826>

ПРИМЕЧАНИЯ

Редактирование текста перевода «Илиады» осуществлялось при консультации академика | И. И. Толстого |, принимавшего участие и в решении отдельных вопросов комментирования поэмы.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Все наиболее значительные произведения и переводы свои Гнедич печатал отдельными изданиями (см. стр. 844—845).

В 1829 году вышел труд почти всей жизни Гнедича — перевод «Илиады» Гомера.

Лирические стихотворения и переводы печатались в различных журналах, сборниках и альманахах в 1804—1831 годах, иногда за полной подписью, иногда за подписью «Г—ч», «Г» или NN. Большая часть этих произведений была введена в единственный прижизненный сборник «Стихотворения» Н. Гнедича. СПб., 1832. Собрание это Гнедич составил из наиболее известных своих произведений и переводов. На первом месте, после вступительного стихотворения «К моим стихам», помещены: поэма «Рождение Гомера» и две идиллии (перевод идиллии «Сиракузянки» Феокрита и оригинальная идиллия «Рыбаки»). Стихотворения размещены в двух отделах: «Лирические, дидактические и другие стихотворения» и «Смесь». Сборник замыкается двумя крупными переводами: «Простонародных песен нынешних греков» и трагедии Вольтера «Танкред».

Из известных в настоящее время 120 лирических произведений Гнедича в сборник 1832 года избрано 77. Тот же состав в издании 1854 года. В издание, именуемое «Первым полным», 1884 года, вошли еще 14 стихотворений. В следующем, являющемся последним («Полное собрание сочинений и переводов». СПб., 1905), в томе первом нет стихотворения «Зачем в час грустный расставанья» и имеется стихотворение «К сестре», не вошедшее в предыдущие издания.

В оба эти издания не вошли 4 стихотворения из опубликованных в 1884 году П. Тихановым. В 1903 и 1915 годах были опубликованы еще 8 стихотворений, не вошедших ни в одно издание сочинений Гнедича. Сверх этих 104 стихотворений, известны еще 6, печатавшихся в разное время и не вошедших ни в одно издание, а также 10 черновых набросков и стихотворений, имеющих характер домашних шуток и посланий, до настоящего времени не опубликованных (см. стр. 842—843).

В данное издание включено лишь 50 из общего количества 120 стихотворений, известных по печатным или рукописным источникам.

Цель издания — познакомить читателя с теми произведениями Гнедича, которые наиболее четко характеризуют своеобразие его

поэзии. Тем самым основное место в данном издании отведено знаменитому переводу «Илиады» Гомера. Выбор остальных произведений и переводов Гнедича основан на его собственном отборе для единственного сборника стихотворений издания 1832 года.

Все крупные произведения сборника 1832 года вошли и в данное издание, из мелких произведений сборника 1832 года в данное издание не вошли некоторые незначительные стихотворения альбомно-бытового характера, а также несколько официальных произведений («Приношение Екатерине Павловне, покойной королеве Виртембергской» и др.).

Из стихотворений, которые по своим поэтическим достоинствам не относятся к лучшим, несколько стихотворений тем не менее введены в данное издание в качестве образцов того или иного жанра (басня «Медведь», эпиграмма «Помещик Балабан»), или для иллюстрации литературных и театральных взглядов и связей поэта (сатирический «Ответ Хвостову», «Троица на масленой неделе»).

Из стихотворений, не входивших в сборник 1832 года, в данное издание введены те произведения, которые были написаны или окончательно обработаны после мая 1832 года (дата цензурного разрешения сборника 1832 года), а также и те наиболее значительные стихотворения, которые не вошли в прижизненное издание Гнедича по причинам цензурного порядка («Общежитие» и др.) или по соображениям литературной дипломатии («Циклоп»).

Основными источниками текста данного издания являются: сборник стихотворных произведений Гнедича 1832 года и издание перевода «Илиады» 1829 года с теми последними поправками, которые Гнедич нанес на принадлежавшие ему экземпляры того и другого издания (хранятся в Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, см. стр. 842).

Для произведений, не входивших в издание 1832 года, источниками текста являются прижизненные публикации или рукописи, а в случае отсутствия таковых — публикации посмертные.

Немногочисленные черновые рукописи не дают возможности полностью проследить историю текстов произведений Гнедича. Между редакциями ранних и позднейших прижизненных публикаций существенной разницы в большинстве случаев не наблюдается. Исключение представляют собой сохранившиеся черновики и ранние публикации отдельных отрывков перевода «Илиады», дающие возможность изучить направление кардинальной переработки перевода: работы над усовершенствованием гекзаметра и стилем.

Стихотворные произведения Гнедича в данном издании расположены в следующем порядке:

I — Лирика; II — Поэма, идиллии, «Простонародные песни нынешних греков», трагедия «Танкред»; III — «Илиада».

В собрании своих стихотворений Гнедич не отделял переводы (составляющие треть лирики) от оригинальных стихотворений. Этот принцип Гнедича соблюден и в данном издании. Оригинальные и переводные лирические произведения размещены в общей, хронологической последовательности.

Стихотворения первого раздела расположены в хронологическом порядке лет (более точная датировка имеется только в отношении нескольких произведений). Те стихотворения, в отношении которых датировка не установлена, помещены в конце первого раздела. Одно из

них — «К моим стихам», напечатанное в качестве предисловия к сборнику 1832 года (см. примечание),— поставлено в начале данного собрания.

Второй раздел состоит из произведений крупных жанров. Поэма и идиллии расположены в той последовательности, какая установлена в издании 1832 года, после них следуют переводы «Простонародных песен нынешних греков» и трагедии Вольтера.

Орфография и пунктуация текстов Гнедича по возможности даны современные, но с сохранением некоторых особенностей языка Гнедича.

Несовпадение пунктуации, принятой в тексте «Илиады», с современными нормами во многих случаях объясняется архаическим синтаксисом перевода (типа: «Лучше, когда, совокупно сошед мы с пути боевого, сядем на холме подзорном, а брань человекам оставим»). В других случаях редакция стремилась передать особенности стиха Гнедича, которые он зафиксировал своей, индивидуальной пунктуацией в прижизненном издании (типа: «Так возгласивши бессмертные, вновь удалились к бессмертным»).

Данное издание является первым комментированным. В примечаниях оговорены сколько-нибудь значительные различия между ранними и последними редакциями произведений, но варианты даны выборочно, лишь для характеристики работы Гнедича над стилем и стихом. В виде исключения полностью приведена в примечаниях первая редакция стихотворения «Семеновой при посылке ей экземпляра трагедии «Леар», так как эта редакция дает более ясное представление о театральных отношениях начала 1800-х годов, на которые имеется лишь намек в поздней редакции. В примечаниях к переводу «Илиады» дано довольно большое количество примеров усиленной работы Гнедича над текстом (часть этих примеров приведена во вступительной статье к данному изданию).

Примечания к переводу «Илиады», сохраняя структуру комментария к изданиям большой серии «Библиотеки поэта» (необходимая библиография и фактические справки по тексту), несколько выделяются своим объемом. Комментарий этот разделен на две части: 1. Комментарий к переводу. 2. Примечания к тексту «Илиады» Гомера.[1]

За последние годы, в связи с широким масштабом переводческой деятельности в СССР, подняты и вопросы теории перевода. По этому поводу написаны и пишутся не только статьи, но и книги. Начинающих и многих известных поэтов волнуют вопросы методов и характера переводческого мастерства. Перевод «Илиады» по праву может быть назван грандиознейшим переводческим подвигом поэта. Труду этому было посвящено около двадцати лет. История и система перевода, изложенные в примечаниях к данному изданию, могут быть интересны и поучительны для поэтов-переводчиков.

---

[1] Объяснения сделаны на основе комментария И. М. Тронского (Гомер. «Илиада». Academia, М.—Л., 1935) и отчасти работы С. И. Пономарева («К изданию «Илиады» в переводе Гнедича». СПб., 1886).

ПРИМЕЧАНИЯ

I

К моим стихам (стр. 59). Дата неизвестна. Впервые — в сборнике «Стихотворения Н. Гнедича». СПб., 1832, стр. 1—3. Повидимому, написано в качестве вступительного стихотворения к указанному сборнику. Не исключена возможность и более раннего написания, так как Гнедич собирался издать собрание своих стихотворений еще в 1825 году и тогда же мог приготовить традиционное обращение поэта к стихам.

Общежитие (стр. 61). Датировано Гнедичем 1804 годом. Впервые — в «Северном вестнике», 1804, ч. II, № 5, стр. 369. В сборник «Стихотворений Н. Гнедича» 1832 года, повидимому, не вошло по цензурным причинам. Стихотворение является вольным переложением философской оды французского поэта Тома́ (1732—1785), близкого энциклопедистам. Эта ода «Les Devoirs de la société, ode adressée à un Homme qui veut passer sa vie dans la solitude» была переведена Ю. А. Нелединским-Мелецким в 1813 году под названием «О должностях общества (Соч. Томаса). Надписана человеку, хотящему жить в уединении». Нелединский-Мелецкий в своем переводе сохранил в точности стихотворную форму оригинала, в частности обязательную для оды строфичность, причем соблюдена в деталях и форма четырехстишных строф и их число (26). Н. И. Гнедич в своем переложении следовал общему ходу мысли и фразеологии французской оды, но совершенно изменил ее форму: вместо строфического построения, свойственного одам, он избрал вольный ход разностопных стихов, характерный для медитативных элегий. В своем переложении Гнедич усилил политическую тему оды. Так, стихи «Ты спишь, злодей, уж цепь цветами всю увив...» и следующие не имеют соответствия во французской оде. В оригинале сказано гораздо менее определенно: «Ты спишь, а люди вокруг тебя стенают; окровавленная земля стала жертвой несчастья». Развивая тему, Гнедич приблизил ее к русской действительности, заменив североамериканского гурона лапландцем и камчадалом. Эпиграф к «Общежитию» воспроизводит первый стих оды Тома́: «Проснись, смертный, стань полезным обществу».

Последняя песнь Оссиана (стр. 65). Датировано автором 1804 годом. Впервые — в «Северном вестнике», 1804, ч. I, № 1, стр. 65, с примечанием Гнедича: «Мне и многим кажется, что к песням Оссиана никакая гармония стихов так не подходит, как гармония стихов русских». В рукописи имеется пометка: «Это не перевод, но подражание Оссиану». *Оссиан* — легендарный народный певец (бард) III века н. э., воспевавший былую славу Шотландии. Автором так называемых «оссиановских» песен был шотландский поэт Макферсон (1736—1796). Однако в поэзию Макферсона вошел подлинный шотландский эпос, так как поэт пользовался записями народных песен, собранных им в Шотландии. Некоторые мотивы шотландского песенного творчества вошли и в поэму «Берратон», подражанием которой и является данное произведение Гнедича. Судя по совпадению отдельных выражений, Гнедич пользовался русским прозаическим переводом Е. Кострова (1792), сделанным по французскому переводу Летурнера (1777). *«Берратон»* — последняя песнь барда Оссиана, пережившего всех своих современников и близких. В ожидании смерти Оссиан поет песню, обращенную к умершим. *Лутау* — Лута, река в «оссиановской» стране Морвене. *Сельма* — дворец Фингала, царя Морвенского, главного героя «оссиановских» поэм. *Мальвина* — спутница Оссиана, вдова погибшего сына его Оскара.

Перуанец к испанцу (стр. 69). Датировано автором 1805 годом. Впервые — в «Цветнике», 1809, ч. IV, № 11, стр. 166. Введено в сборник 1832 года с некоторыми стилистическими поправками. В качестве стихотворения, посвященного теме борьбы инков с испанскими колонизаторами Перу, не вызывало цензурных запретов. Как стихотворение, призывающее к борьбе с рабством и тиранией, имело хождение в декабристских кругах. О нем были показания в военно-судном деле В. Ф. Раевского («первого декабриста», арестованного в 1822 году). Юнкера, находившиеся под его началом, показали, что майор Раевский заставлял их «учить некоторые примеры стихов наизусть», и на память приводили данное стихотворение Гнедича (в ранней редакции, с незначительными стилистическими вариантами). Допрашивающий нашел, что это стихотворение «совершенно в духе Раевского». *Перу* — ныне республика Южной Америки, с XI по XVI век представляла собой государство с элементами первобытного коммунизма. Власть принадлежала одному правителю, инку (отсюда государство инков). С 30-х годов XVI века Перу было завоевано испанцами, сделавшими страну инков своею колонией. Инки были превращены в рабов, восстания их беспощадно подавлялись. Последнее восстание происходило в конце XVIII века и ставило целью воскрешение царства инков (1780—1781). *Не славы победить, ты злата лишь алкал* — испанские мореплаватели высадились на перуанском берегу в поисках золота.

На гробе матери (стр. 73). Датировано автором 1805 годом. Впервые — в «Цветнике», 1809, ч. IV, № 12, стр. 295, с заглавием «Песнь при гробе матери» и с небольшими стилистическими отличиями от окончательного текста в сборнике «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года, стр. 164. Гнедич посетил могилу матери в Полтавской губ. в 1805 году. Умерла мать Гнедича, повидимому, вскоре после его рождения, т. е. еще в 1784 году.

Мильтон, сетующий на свою слепоту. Отрывок из третьей книги «Потерянного рая» (стр. 75). Датировано автором 1805 годом. Впервые — в «Пантеоне русской поэзии», 1814, ч. II, стр. 276. Является переводом первых шестидесяти стихов III части «Потерянного рая» английского поэта Мильтона, который ослеп в 1652 году и уже слепым написал свои поэмы «Потерянный рай» и «Возвращенный рай». Эпопея «Потерянный рай» изображает борьбу ангелов с сатаной, отпадение ангелов от бога и падение человека. Начало третьей книги поэмы посвящено размышлениям Мильтона о своей слепоте. Перевод Гнедича является вольным переложением французского стихотворного перевода Делиля, который, в свою очередь, тоже не является точным. Этим объясняются отступления Гнедича от подлинника и даже некоторые ошибки. Например, вследствие неясности делилевского перевода Гнедич в конце отрывка обращается к музе, вместо обращения Мильтона к свету. *Гора Сионская* — Сионская гора в Иерусалиме, на которой возвышается крепость. *Тирезий, Тамирис, божественный Омир* — знаменитые в античном мире слепцы. Тирезий — легендарный прорицатель, ослепший после того, как увидел богиню Афину купающейся в ручье. Тамирис, или Тамирид,— легендарный поэт Греции, которого музы лишили зрения за дерзость вызова их на состязание. Омир — Гомер, который, согласно легендам был слеп.

Скоротечность юности (стр. 77). Датировано автором 1806 годом. Впервые — в «Цветнике», 1809, ч. II, № 6, стр. 273. *А ты, для коей я вселенну* и след.— Гнедич очень любил свою сестру Галину Ивановну Бужинскую, см. стих. «Сбылась нежданная, плачевнейшая трата».

К К. Н. Батюшкову («Когда придешь в мою ты хату») (стр. 80). Датировано автором 1807 годом. Впервые — в «Вестнике Европы», 1810, ч. XLIX, № 3, стр. 184. Адресовано поэту Батюшкову Константину Николаевичу (1787—1855), ближайшему другу Гнедича. В послании говорится о темах и героях произведений и переводов Гнедича и Батюшкова. *Где Рима прах красноречивый.*— В Риме похоронен Торквато Тассо, итальянский поэт (1544—1595), поклонником которого был Батюшков. Именно в это время (т. е. в 1807 году) Батюшков начал переводить «Освобожденный Иерусалим». О своем увлечении итальянским поэтом Батюшков писал в стихотворном послании Гнедичу 1805 года. *За божий гроб святую рать.*— Завоевательные, так называемые крестовые походы средневековой Европы в Палестину прикрывались целью освобождения из рук мусульман «гроба господня». Один из таких походов, окончившийся взятием Иерусалима (1099), а именно поход герцога Готфрида Бульонского, является сюжетом «Освобожденного Иерусалима» Тассо. *Неумирающий Омир* — Гомер. Гнедич в это время уже начал переводить «Илиаду». *Иль посетим Морвен Фингалов* и следующие пять строф посвящены теме песен Оссиана, которые переводил и которым подражал Гнедич. См. стих. «Последняя песнь Оссиана».

Гомеров гимн Минерве (стр. 83). Перевод сделан, по-видимому, не ранее 1807 года. Впервые — в «Цветнике», 1809, ч. III, № 7, стр. 3. В сборник «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года не включено. Является довольно точным переводом гимна Гомера

«К Афине». Кроме «Илиады» и «Одиссеи», Гомеру приписывали гимны к богам и о богах. Большинство гимнов — позднего происхождения (самые ранние из них относятся к VIII—VII векам до н. э.). Созданы они разными поэтами. Это своеобразные обращения к богам, которые назывались у древних проэмиями, т. е. прелюдиями. Они исполнялись в качестве вступлений в большие эпические поэмы. До нас дошли тридцать четыре гимна, составившие особый сборник. Гнедич перевел шестистопным ямбом VI, XXVII и XXVIII гимны. Самой ранней возможной датой перевода гимнов, повидимому, надо считать 1807 год — время первого обращения к Гомеру и начало перевода «Илиады» александрийским стихом. В сборнике данный гимн числится как двадцать седьмой. *Эгидоносную всемощну Тритогену* — так именовали Афину-Палладу по месту, где ей особенно поклонялись,— в Беотии у реки Тритон. *Которую родил сам Дий многосоветный.*— Дием именовали Зевса. Афина была его дочерью (родилась из головы его). *Гиперионов сын* — Гелий, сын титана Гипериона, бог солнца, ведущий по небу огненную колесницу.

Гомеров гимн Диане (стр. 84). Впервые — в «Вестнике Европы», 1810, ч. LI, № 10, стр. 123. В сборник «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года не вошло. Перевод гимна «К Артемиде» (см. примечание к «Гимну Минерве»). В сборнике 1832 года данный гимн числится как двадцать восьмой. *В златом обилии Дельфийских древних стен* — в Дельфах был знаменитый своей роскошью храм Аполлона (Фив, или Феб), брата Артемиды. *Латона* — первая супруга Зевса, мать Аполлона и Артемиды.

Гомеров гимн Венере (стр. 85). Впервые — в «С.-Петербургском вестнике», ч. I, № 2, стр. 181. В сборник «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года не вошло. Является близким к подлиннику (за исключением трех последних стихов) переводом приписываемого Гомеру гимна «К Афродите» (см. примечание к «Гимну Минерве»). В сборниках числится как гимн шестой. *Защитницу веселых Кипрских берегов.*— Кипр — остров на Средиземном море, любимое местопребывание Афродиты. *Там радостные Оры, владычицу встречая.*— Оры — три богини порядка, прислужницы Зевса, открывающие и закрывающие врата неба.

Семеновой при посылке ей экземпляра трагедии «Леар» (стр. 86). Датировано автором 1808 годом. Впервые — в «Драматическом вестнике», 1808, ч. II, № 39, стр. 103, с тем же заглавием, принятым нами и для данного издания. В несколько измененной редакции вошло в сборник «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года, стр. 179. В содержании заглавие — «Семеновой, бывшей актрисе трагической» (заглавие это вызвано соображениями личного характера — тем, что Семенова, ставшая графиней Гагариной, с 1826 года покинула сцену).

В редакции «Драматического вестника»:

Стихи г-же Семеновой,
при послании ей экземпляра трагедии «Леар»

Прийми, Корделия, Леара своего.
Он твой; дары твои украсили его.

Давно уж строга Мельпомена,
Надменной, грубою игрою прогневленна,
Сей благородныя не зрела простоты,
Которую в игре берешь с природы ты.
И оттого твой глас всех чувства умиляет
И оттого твой взор до сердца проникает.
Могущество даров и прелестей твоих
Обезоружило всех критиков моих.
Когда ты силой чувств в нас чувства потрясала,
То умиленьем их, то страхом наполняла,
Как слезы, вестники довольных душ, текли,
Сатира бледная вдали
В смущеньи на тебя в безмолвии взирала,
Невольную слезу, закрывшись, отирала.

Прийми ж в признательность убогий дар ты мой,
А доброхота глас в совет тебе благой:
Холодная душа не может быть высокой.
Все страсти пламенны, рисуемы тобой,
Не изражала бы ты с силою такой,
Коль сердце бы твое, источник их глубокой,
Не наполнилося священным тем огнем,
Что возжигается одной природой в нем.
Не всем она сей дар так щедро уделяет!
Цени его и уважай;
Искусством, опытом, трудом усовершай.
Пусть робость, век ползя во мраке, исчезает;
Высокая ж душа, презрев обычный путь
И славою одной свою питая грудь,
Тернистою стезей бессмертья достигает.
Семенова, твой дар стезю ту пролагает.
Иди — и славой будь в трудах оживлена,
Клерон и Лекуврер венчавшей имена.

Прости, коль я тебя некстати поучаю;
Люблю твои дары и душу почитаю.

Адресовано Екатерине Семеновне *Семеновой* (1786—1849), одной из крупнейших русских трагических актрис. Семенова дебютировала в 1802 году и некоторое время играла в комедиях и чувствительных драмах, а затем перешла на трагические роли, которыми и прославилась. Успеху ее содействовал Гнедич. По его свидетельству, он занимался с Семеновой с 1807 года «лет 18 постоянно и ревностно, ибо успехи блистательные вознаграждали». Среди театральных деятелей и зрителей было много таких, которые считали «методу» Гнедича губительной для Семеновой, якобы мешающей естественности ее игры. Именно эта тема является главной в ранней редакции послания. Кроме того, в этой редакции имеется и тема возможного для Семеновой соревнования с европейскими знаменитостями. Ранняя редакция связана лишь с первыми победами Семеновой, началом ее воцарения на трагической сцене. Вторая редакция обращена уже к победительнице, которой надлежит лишь быть снисходительной к тем, кто стремится с ней соперничать (речь идет о Валберховой, которую выдвигал

на роли Семеновой Шаховской, и об ученице Катенина — Колосовой-Каратыгиной). Трагедия «Леар» — перевод-переделка трагедии Шекспира «Король Лир», сделанная Гнедичем не с оригинала, а с французского перевода (в свою очередь являющегося переделкой) драматурга Дюсиса. Гнедич, по свидетельству С. П. Жихарева, говорил: «Я перевожу, или, лучше, переделываю «Леара», собственно, для бенефиса Шушерина, по его просьбе». Действительно, «Леар» был представлен 29 ноября 1807 года, в бенефис актера Шушерина Якова Емельяновича (1749—1813), и Шушерин с успехом играл Леара (короля Лира). Перевод Гнедича вышел в свет в 1808 году («Леар», траг. в 5 д., в прозе, передел. из Шекспира. СПб., в тип. импер. театра). Гнедич послал, повидимому, одновременно экземпляры Семеновой и Шушерину. Последнему с надписью, представляющей начало данного стихотворения, с заменой имени Семеновой именем Шушерина: «Прийми, о Шушерин, Леара своего».

Повидимому, Гнедич работал с Семеновой над ролью Корделии, рассчитывая на участие Семеновой в бенефисном спектакле Шушерина. Но роль Корделии была отдана актрисе Мар. Ив. Валберховой (1788—1867), которая и выступала в ней без особого успеха. Судя по репертуарной летописи, в конце января 1808 года трагедия шла в последний раз (пьеса имела много неблагоприятных отзывов. Переводчика порицали за искажение образа короля Лира, переделки, связанные с ролью Эдгарда, и др.). 8 января 1817 года трагедия была вновь поставлена, и роль Корделии отдана Семеновой. *Но как прекрасно, как возвышенно сказать* и след. 19 стихов имеют в виду установившиеся добрые отношения Семеновой с ее главной соперницей — актрисой Колосовой Ал. Мих. (1802—1880). Судя по тому, что в стихотворении 1826 года «Троица на масленой неделе» отмечается как «чудо» приезд Семеновой к Гнедичу вместе с Колосовой, отношения установились лишь в 1826 году, когда Колосова уже окончательно определилась в качестве комедийной, а не трагедийной актрисы, а Семенова собиралась покинуть сцену (что и осуществила в конце 1826 года).

Задумчивость (стр. 88). Датировано автором 1809 годом. Впервые — в сборнике «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года, стр. 149.

На смерть Даниловой (стр. 91). Впервые — в «Вестнике Европы», 1810, ч. LI, № 10, стр. 124. Написано на смерть танцовщицы Даниловой Марии Ивановны, умершей 8 января 1810 года в семнадцатилетнем возрасте (род. в 1793 году). Данилову называли русской Тальони и царицей танца. В «Летописи русского театра» сказано, что она «отличалась в тех ролях, где требовалось изящество искусства, грация, прелесть и увлечение». Она была любимой ученицей Дидло и Евг. Колосовой, передавшей ей свое мастерство мимистки. Неожиданная смерть Даниловой вызвала множество слухов. Существовало два объяснения ее ранней гибели: одно, что Данилова стала жертвой своей любви к вероломному танцору Дюпору, другое — что причиной было падение при неудачном полете во время представления балета «Амур и Психея» и что здесь не обошлось без происков завистливых соперниц. На смерть Даниловой было написано несколько стихотворений (Карамзин, Милонов, Измайлов). *Богатых*

завистью, убогих же дарами и *Ни злобы умыслов, ни зависти гонений* — эти стихи, повидимому, имеют в виду соперницу Даниловой, танцовщицу Сен-Клер. По свидетельству мемуариста, Данилова говорила Колосовой незадолго до смерти, что ей не хочется умирать при мысли, что Сен-Клер займет ее роли. Французская танцовщица Сен-Клер (судя по отзывам современников, скорее отличавшаяся бойкостью и остротой танца, чем высокими качествами актерского дарования) действительно начала выступать вместе с Дюпором в ролях Даниловой уже во время болезни последней.

Дружба. К Батюшкову (стр. 93). Датировано автором 1810 годом. Впервые — в «Пантеоне русской поэзии», 1814, ч. II, стр. 186.

Ответ на послание гр. Д. И. Хвостова, напечатанное 1810 года (стр. 95). Написано, повидимому, в 1810 году. Впервые— в «Сыне отечества», 1814, ч. XI, № 5, стр. 200. В сборник «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года не включено. Адресовано Хвостову Дмитр. Ив. (1757—1835), стихотворцу, написавшему огромное количество произведений. В 10—20-х годах XIX века эпигонские, архаические стихи Хвостова были предметом всеобщих насмешек, что нисколько не смущало недалекого Хвостова. Гнедич встречался с Хвостовым на заседаниях «Беседы любителей российского слова» и в доме Оленина. Отношение Гнедича к стихотворной мании Хвостова было такое же, как и у поэтов пушкинского поколения. Гнедич написал несколько шуточных пародий на произведения Хвостова, но не печатал их, не желая обижать стихотворца (см. стр. 843). Данное стихотворение является ответом на послание Хвостова «Н. И. Гнедичу», начинающееся стихами:

Вступя с парнасскими богинями в союз,
Ты, Гнедич, показал свои дары и вкус.
С Омиром ли поешь для россов древни брани,
Или с чувствительных сердец сбираешь дани,
Волтера дивного стремяся по следам,
Везде ты плавен, чист и близок к образцам.

Автохарактеристика Гнедича, в ответ на похвалы достоинствам его поэзии, интересна тем, что Гнедич считал себя не столько вдохновенным поэтом, сколько поклонником и исследователем поэзии («Мой дух лишь воспален любовию к наукам» и след.). *А кто, горя одним честолюбивым жаром,* и след. семь стихов — лукавый намек на стихотворческое самомнение Хвостова, стремящегося «к вершинам Геликона». *Слепому Плутусу я также не слуга* и примечание к этому стиху являются ответом на следующие стихи послания Хвостова:

Не лучше ли, поэт! за чистый взяться ум?
Оставя лирный звук и ключ богатых дум,
В бездумно откупов переселиться царство?
О жизнь откупщиков! прямое в мире братство!

Графу ***, который, восхищаясь игрою трагической актрисы Семеновой, говорил мне, что сам Аполлон учит ее (стр. 97). Стихотворение написано, повиди-

мому, в 1810 году. Впервые — в сборнике «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года, стр. 223. Обращено к графу Д. И. Хвостову (см. о нем «Ответ на послание гр. Хвостова»). Хвостов был поклонником игры Семеновой и в послании «Музе-враждебнице» (1819) писал:

Привык прелестное ловить;
Большой [1] Семеновой пленяюсь,
И Каталани удивляюсь:
Люблю достойное хвалить.

Можно предполагать, что восторги Хвостова были связаны с исполнением роли Гермионы в трагедии Расина «Андромаха»; эта трагедия шла в переводе Хвостова. Роль Гермионы Семенова играла впервые 16 сентября 1811 года. Смысл данного шуточного экспромта заключается в том, что учителем Семеновой был сам Гнедич. По поводу своих занятий с Семеновой Гнедич писал своему приятелю Лобанову в 1828 году, когда Семенова уже ушла со сцены: «Что до восклицания вашего — нет Семеновой! Хотя оно отчасти справедливо, но будет справедливее, когда в подобных случаях станете восклицать вы, и именно вы,— нет Гнедича! (Он-де становится самолюбив до глупости, как Катенин, подумаете вы; может быть,— но вспомяните роли, которые Семенова самоучкою играла. Что она сделала с ними? Между тем как роль Габриель де Вержи [2] представляла таланту сильные способы для эффектов глубоко трагических. Но что талант без просвещения и понятий искусства» (неопубликованное письмо от 10 января 1828). *Известно, граф, что вам приятель Аполлон.*— Хвостов в своих произведениях выражался о своей музе в высоком стиле и любил упоминать Аполлона, Геликон и т. п.

Подражание Горацию. А. Н. О. (стр. 98). Датируется 1811—1812 годом предположительно. Впервые — в «С.-Петербургском вестнике», 1812, ч. III, № 8, стр. 263. В сборник «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года не вошло, повидимому по цензурным причинам. Адресовано Алексею Николаевичу Оленину (1763—1843). Является вольным переводом XXVI оды первой кн. Горация. *Пиерида* — муза.

Циклоп (стр. 99). Датировано автором 1813 годом. Опубликовано в кн. П. Тиханова «Н. И. Гнедич». СПб., 1884, стр. 21—23. В издание вводится впервые с предисловием, не публиковавшимся (автограф в Пушкинском Доме Акад. наук СССР. Рукописн. отд., ф. 265, оп. 2, № 691). Пародия на одноименную идиллию Феокрита. Является автобиографической шуткой (Циклоп — чудовищный гигант с одним глазом посредине лба (античн. миф.). Гнедич уподобляет себя циклопу, так как лишен одного глаза). Пародия и предисловие к ней направлены против тех переводчиков античной поэзии, которые считали возможным передавать греческие гекзаметры русским песенным размером. В частности, Гнедич здесь полемизирует с А. Мерзляковым,

---

[1] В отличие от сестры ее, актрисы Нимфодоры Семеновой «меньшой», Екатерину именовали «большой».

[2] Трагедия де Беллуа «Габриель де Вержи», которая шла в апреле 1825 года. Гнедич в этот период был болен и уезжал лечиться, почему и не занимался с Семеновой.

который переводил идиллии Феокрита и Вергилия размером и в стиле русской песни. Книге Мерзлякова предпослано было в 1807 году предисловие, которое и высмеяно в предисловии к «Циклопу». *Цвет юности алой угас, и кудри не вьются* — цитата из идиллии «Циклоп» Феокрита в переводе Мерзлякова. *Стих сей, незнакомый Феокриту, знаком каждому русскому.* — Повидимому, Гнедич имел в виду тему многих русских песен, например «Коли будет совет да любовь», где есть слова:

Завиваются ли кудри
От веселья, от радости;
Развиваются ли кудри
От печали, от горести,
От тоски, от кручинушки.

(См. различные варианты этой же темы в сб. А. И. Соболевского «Великорусские народные песни», т. IV, №№ 71, 72, 73, 490). *Хвалить самому себя в предисловии* и т. д. — здесь, повидимому, речь идет о предисловии Делиля к переводу «Георгик» Вергилия, где Делиль расхваливает собственные приемы перевода. *К ним, к ним прибегал Полифем, циклоп стародавний* — в идиллии Феокрита влюбленный в Галатею циклоп поет любовную песнь (тем самым прибегнув к музам, покровительницам искусств). *Сидит и в окошко глядит* — пародия на соответствующую ситуацию в идиллии: Полифем сидит на морском берегу, на скале и выслеживает прячущуюся Галатею. *На голос раскатистый «Чем я тебя огорчила?»*, т. е. на голос известной песни Сумарокова. *На Красный Кабак на лихом мы поедем есть вафли* — трактир на окраине Петербурга (на Петергофском шоссе), где были цыганские хоры и прочие увеселения.

Сетование Фетиды на гробе Ахиллеса (стр. 102). Датировано автором 1815 годом. Впервые — в сборнике «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года, стр. 141. Стихотворение написано в период, когда Гнедич впервые начал заниматься так называемым гомеровским вопросом, стремясь параллельно с переводом «Илиады» подготовить комментарий (см. стр. 780 и 830). Данное произведение построено на мифе о том, что богиня морских пучин Фетида (родившая Ахиллеса от смертного, Пелея) стремилась сделать сына бессмертным, но Зевс предрек ему судьбу героя, который погибнет ранней смертью. Весьма вероятно, что стихотворение «Сетование Фетиды», тема которого повторена в поэме «Рождение Гомера», являлось первоначальным вариантом части этой поэмы, осуществленной затем в другом, более сжатом варианте и в другом стихотворном размере. *Презренным убийцею в Трое сражен* — Ахиллес был убит Парисом, виновником Троянской войны, похитителем ахеянки Елены (античн. миф.). *Лишь гроб себе темный в пустыне купил* — гроб Ахиллеса находился на пустынном берегу Геллеспонта (античн. миф.). *Ферсит* (Терсит) — презренный всеми, злобствующий горбун, пытающийся оклеветать ахейских героев, предпринявших поход на Трою («Илиада», II, 212—242). Гомер изобразил его демократом, человеком без роду и племени, тогда как, согласно древнему мифу, Терсит принадлежал к царскому роду, тому же, к которому принадлежал и аргосский царь Диомед.

Новости (стр. 105). По содержанию датируется концом 1815 — началом 1816 года. Опубликовано в Сборн. Отд. русск. яз. и словесн. Акад. наук, т. 91. СПб., 1914, стр. 32. В издание стихотворений вводится впервые. Является сатирой на статью В. В. Капниста «Краткое изыскание о гипербореянах и коренном российском стихосложении», читанную на собрании «Беседы» и напечатанную в «Чтениях» Общества (18-е чтение 1815 года). В статье высказывалось фантастическое предположение о том, что древнейшими предками русского народа были гиперборейцы. Страна их, согласно Геродоту, находилась «близ северныя оси земли», и там господствовал древний культ бога искусства Аполлона, лишь впоследствии перенесенный в Грецию. «Определя таким образом настоящее местоположение Гипербореи, сей любезной Аполлону страны,— пишет Капнист,— остается доказать, что греки заимствовали от жителей ее науки свои, музыку и стихотворство». Гнедич находился в дружеских отношениях со своим земляком В. Капнистом и сатиру свою не предназначал для печати. О фантастической идее Капниста он отозвался в печати лишь вскользь, в сноске к рецензии на книгу «Поэзия эллинского языка, или греческая просодия», 1817. Гнедич в рецензии отрицал смысл в обучении русского юношества способам сложения греческих стихов, прибавляя: «если верить одному из моих соседей, человеку весьма ученому, то греки за искусство слагать стихи обязаны едва ли не нашим предкам». *Близ Колы был Сатурн, за Колой Геркулес* и след.— В статье «О гипербореянах» Капнист пишет, что «Сатурн, отец богов... обитал на берегах Ледовитого моря» и что «Гесперидские сады, из которых Геркулес похитил золотые яблоки», и «гора Алтай, соседняя Рифейским вершинам (т. е. Уральскому хребту), может быть есть оная гора Атлас, название свое чрез перемещение одной буквы переменившая, и южный кряж ее, поныне под названием Яблочного известный, может напомянуть нам о яблоках гесперидских». *Пиндар учился петь у русских ямщиков.*— Капнист пишет, что одна ода Пиндарова «в разделении своем, так в выходках и в хоре, а наиболее в общем вкусе пения, похожа на одну древнюю русскую хорную песню». *Где, в желтом доме? — Нет, в приятельской беседе* — речь идет об обществе «Беседа любителей российского слова».

К Морфею (стр. 106). Датировано автором 1816 годом. Впервые — в «Сыне отечества», 1816, ч. XXVIII, № 8, стр. 64.

Перстень (стр. 108). Датировано автором 1817 годом. Впервые — в «Полярной звезде» на 1823 год, стр. 108.

К ***, требовавшей экземпляра сочинений Батюшкова (стр. 109). Датируется по содержанию 1817 годом. Впервые — в «Полярной звезде» на 1823 год, стр. 111. Повидимому, обращение к артистке Екатерине Семеновой (см. выше, стр. 798). Гнедич был редактором и издателем «Опытов в стихах и прозе» К. Батюшкова, вышедших в начале 1817 года.

К провидению (стр. 110). Датировано Гнедичем 1819 годом. Впервые — в «Сыне отечества», 1820, ч. LXIV, № 40, стр. 324. Является довольно точным переводом предсмертной оды французского поэта Жильбера (1751—1780) «Ode imitée de plusieurs psaumes»

(Ода в подражание разным псалмам). Последняя (9-я) строфа оды Жильбера заменена в переводе четырьмя строфами, являющимися как бы вариациями темы этой строфы. Ода Жильбера приобрела большую известность в эпоху раннего романтизма и явилась образцом так называемой унылой элегии.

К другу («Когда кругом меня всё мрачно, грозно было») (стр. 112). Датировано автором 1819 годом. Впервые — в сборнике «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года, стр. 88.

Осень (стр. 114). Датировано автором 1819 годом. Впервые — в «Соревнователе просвещения и благотворения», 1820, ч. X, № 6, стр. 299, а затем с исправлениями — в «Сыне отечества», 1821, ч. LXVII, № 3, стр. 127.

К NN («Когда из глубины души моей угрюмой») (стр. 116). Датировано автором 1819 годом. Впервые — в «Полярной звезде» на 1823 год, стр. 288, с данным заглавием. В сборник стихотворений 1832 года вошло вместе со стихотворением «К другу», с заглавием «К нему же». Является довольно точным переводом стихотворения Байрона «Экспромт в ответ другу» («Impromptu, in reply to a friend», 1813).

Приютино (стр. 117). Датировано автором 1820 годом. Впервые — в «Сыне отечества», 1821, ч. LXXIII, № 44, стр. 171, и в том же году особой брошюрой (СПб., 1821). Посвящено хозяйке усадьбы «Приютино», жене президента Академии художеств А. Н. Оленина — *Елизавете Марковне Олениной* (1768—1838). Елизавета Марковна была гостеприимной хозяйкой петербургского салона Оленина, посещавшегося многими художниками, писателями и учеными. Летом вечера и праздники устраивались на даче Олениных «Приютино», расположенной в 17 верстах от Петербурга, за Охтой. Поэт Вяземский, побывавший в «Приютине», писал о нем жене: «Деревня довольно мила, особливо для Петербурга... есть довольно движения в видах, возвышенность, вода, лес». Правнучка Олениных А. Н. Оом в предисловии к дневнику своей бабушки пишет: «Барский дом стоял над самым прудом; дачу окаймлял дремучий лес... В саду, близ дома, разбросаны были разные отдельные флигеля, которые Алексей Николаевич построил для размещения гостивших у него друзей» (Дневник А. Н. Олениной. Париж. 1936, стр. XV). «Приютино» было излюбленным местопребыванием Гнедича; он и Крылов, оба холостяки, не имевшие прочного гнезда, чувствовали себя в «Приютине» как дома. *Есть край, родной мне край зефиров легкокрылых.* — Украина, с которой Гнедич расстался в раннем возрасте. *В тени их мавзолей под ельными ветвями.* — Речь идет о памятном мавзолее сыну Олениных Николаю Алексеевичу (1791—1812), убитому в Бородинском сражении.

К И. А. Крылову («Сосед, ты выиграл! скажу теперь и я») (стр. 122). Датировано автором 1820 годом. Впервые — в сборнике «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года, стр. 215.

Адресовано баснописцу Ивану Андреевичу Крылову, с которым Гнедич был связан долголетней дружбой, поддерживаемой совместной

службой в Публичной библиотеке и близостью к дому Оленина. Биограф Крылова П. А. Плетнев, посещавший Крылова и Гнедича, пишет, что Крылов жил в среднем этаже на углу, что к Невскому проспекту. Одна и та же лестница, мимо Крылова, вела наверх в квартиру Гнедича. По поводу того, как Крылов изучал греческий язык, Плетнев пишет: «В 1818 году разговорились однажды у Оленина, как трудно в известные лета начать изучение древних языков. Крылов не был согласен с общим мнением и вызвал Гнедича на заклад, что докажет ему противное. Дело принято было всеми за шутку, о которой и не вспоминал никто. Между тем Крылов, сравнительно с прежним, реже видался с Гнедичем, давая знать ему при встречах, что пустился снова играть в карты. Через два года, у Оленина же, он приглашает всех присутствующих быть свидетелями экзамена, который Гнедич должен произвести ему в греческом языке. Раскрывают в «Илиаде» одно место, другое, третье — и так далее. Крылов всё объясняет свободно. Каково было при этой новости всеобщее удивление, особенно Гнедича, который узнал, что приятель его, без помощи учителя, сам собою, только в течение двух лет, достигнул того, над чем сам Гнедич провел половину жизни своей! Но Крылов не собирался извлечь из этого никакой выгоды ни себе, ни обществу: он удовольствовался только тем, что выиграл заклад у Гнедича и развеселил приятелей своих».

К И. А. Крылову, приглашавшему меня ехать с ним в чужие края (стр. 123). Датировано автором 1821 годом. Впервые — в «Сыне отечества», 1821, ч. LXXIII, № 43, стр. 127. В сборник «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года не включено. Обращено к баснописцу Ивану Андреевичу Крылову (см. К И. А. Крылову. «Сосед, ты выиграл!»). Написано в связи с неосуществившимся замыслом Крылова в 1821 году отправиться в заграничное путешествие. Послание по своей теме несомненно связано с басней Крылова «Два голубя», достаточно сопоставить последние четыре стиха с концовкой басни:

Что б ни сулило вам воображенье ваше,
Но, верьте, той земли не сыщете вы краше,
Где ваша милая иль где живет ваш друг.

Арфа Давида (Из Байрона) (стр. 125). Датировано Гнедичем 1821 годом. Впервые — в «Вестнике Европы», 1822, ч. CXXII, № 3, стр. 176, где названо «Подражанием Байрону». Является довольно близким переводом «The Harp the Monarch Minstrel swept» («Арфа царя-певца») Байрона, второго стихотворения из его «Еврейских мелодий» («Hebrew melodies»).

Военный гимн греков (стр. 126). Датировано Гнедичем 1821 годом. Впервые — в «Вестнике Европы», 1821, ч. CXIX, № 20, стр. 258. Является довольно близким переводом революционного гимна, написанного поэтом-революционером Константином Ригасом (1754—1798). Ригас был основателем первого тайного общества (гетерии), ставившего себе целью освобождение Греции от турецкого владычества. Он был расстрелян турецкими властями. Сборник «Гимнов Ригаса из Велестина» был опубликован лишь в 1814 году на

греческом языке в Яссах, но еще при жизни Ригаса гимны его вошли в обиход борющегося греческого народа. Байрон, посетивший Грецию в 1811 году, записал и перевел гимн Ригаса. С тех пор он приобрел популярность в Европе, возросшую в 1820—1821 годах, во время греческого восстания. Министр внутренних дел Кочубей, докладывая Александру I о настроениях, возбужденных греческим восстанием, обращал внимание царя на «военную песнь греков, напечатанную в Москве» («Вестник Европы» был московским журналом). Характерно, что царская цензура воспринимала стихотворение как оригинальное и пыталась запретить его включение в сборник «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года. Цензор докладывал в комитет, что поэт выражается о древних царях и греческих тиранах «с особою жестокостью, озлоблением». *Героя Леонида* и след. одиннадцать стихов посвящены героической защите Греции от нашествия персов, осуществленной спартанским царем Леонидом, который погиб в Фермопилах в 480 году до н. э.

Кузнечик. Из Анакреона (стр. 128). Датировано автором 1822 годом. Впервые — в «Полярной звезде» на 1823 год, стр. 88. Является переводом оды XLIII из сборника Анакреона. Лирика греческого поэта Анакреона (VI—V век до н. э.) пользовалась такой популярностью, что ей подражали в течение нескольких веков. Так, в начале нашей эры создался сборник, куда под именем Анакреона вошло множество произведений, ему не принадлежавших, но написанных в духе его легкой поэзии. Данное стихотворение приписывается самому Анакреону. Ода была переведена на русский язык Н. А. Львовым (перевод сб. Анакреона, 1794) и Державиным (1802, изд. в «Анакреонтических песнях», 1804). В оде речь идет не о кузнечике, а о цикаде, которая почиталась древними почти как существо божественное, не знающее старости, счастливое. За свое пение цикада была «любезна» покровителю искусств Аполлону и музам. О цикаде см. «Илиаду», песнь III, ст. 151—152, и примечание к этому стиху Гнедича.

Тарентинская дева (Из Андр. Шенье) (стр. 129). Датировано автором 1822 годом. Впервые — в «Полярной звезде» на 1823 год, стр. 180, с заглавием «Тарентинская дева. Элегия». Стихотворение является довольно близким переводом «La jeune Tarentine» А. Шенье (1762—1794). *Тарент* — город в южной Италии (в провинции Летче) у Тарентского залива Ионического моря. *Камарина* — древний город в Сицилии над заливом.

В альбом Шимановской (славной музыкантши) (стр. 131). Датируется предположительно 1822—1823 годом. Впервые — в «Московском телеграфе», 1827, ч. XVIII, № 23, стр. 121, где статья П. А. Вяземского «Об альбоме г-жи Шимановской» заканчивается стихотворением Гнедича (статья эта вошла в Собр. соч. Вяземского. СПб., 1879, т. II, стр. 58—66). Написана в альбом пианистки и композитора Марии Шимановской (род. 14 дек. 1790 г., ум. 25 июля 1831 г.). Первый концерт Шимановской состоялся в Петербурге 2 мая 1822 года. С этого началась ее мировая слава. В 1823 году Шимановская уехала за границу и провела четыре года в Германии, Франции, Англии и Италии, давая концерты и совершенствуясь в

своем мастерстве. В 1827 году вернулась в Петербург, где и поселилась. В упомянутой статье Вяземский писал об альбоме Шимановской, что он, «хранилище собственноручных приписаний первых поэтов и литераторов нашего времени, есть точно драгоценность в своем роде». В альбоме этом имелись записи всех знаменитостей: Гете, Бетховена, Пушкина, Томаса Мура, Каталани, Шатобриана, Гумбольдта и др. Судя по датировке записей русских писателей, опубликованных в статье Вяземского: Карамзина, Дениса Давыдова, Дмитриева,— начало альбома было положено в Петербурге во время первых концертов Шимановской, сопровождаемых бурным успехом. Повидимому, стихотворение Гнедича записано тогда же, т. е. в 1822—1823 годах.

Мелодия (Из Байрона) (стр. 132). Датировано автором 1824 годом. Впервые — в сборнике «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года, стр. 184. Является довольно близким переводом «My soul is dark» («Душа моя темна») Байрона, девятого стихотворения из его «Еврейских мелодий» («Hebrew melodies»), впоследствии переведенного Лермонтовым.

Иностранцам гостям моим (стр. 133). Датировано автором 1824 годом. Впервые — в сборнике «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года, стр. 176. Вероятнее всего, что один из иностранцев был французский литератор Дюпре де Сен-Мор (1772—1854), который во время пребывания своего в Петербурге (1819) собирал образцы русской поэзии для своей антологии, изданной в 1823 году в Париже: Anthologie russe suivie de poésies originales. Сен-Мор перевел и включил в свою антологию отрывки из поэмы «Рождение Гомера» (Fragment du poème intitulé: la Naissance d'Homère) и из идиллии «Рыбаки» («Les deux pêcheurs», idylle). Дата отъезда Сен-Мора в Париж неизвестна: 18 декабря 1823 года он находился в Петербурге (упоминается в письме А. Тургенева к Вяземскому). Весьма возможно, что после выхода в свет антологии Сен-Мор вновь приезжал в Россию и посещал знакомых литераторов.

На смерть *** («Цвела и блистала») (стр. 135). Написано в начале мая 1824 года. Впервые — в «Северных цветах» на 1825 год, стр. 287, с заглавием «На смерть NN». Является эпитафией на смерть Софии Дмитриевны Пономаревой, умершей 4 мая 1824 года (род. в 1784). Гнедич был одним из завсегдатаев скромного салона Пономаревой, который посещали Дельвиг, Кюхельбекер, Рылеев, Баратынский и другие. В описании вечеров у Пономаревой фигурирует и «Гнедич, всегда задумчивый, рассеянный и серьезный». Он «беседует о своем труде с Дельвигом, который весьма рассеянно слушает его рассуждения о русских спондеях». Все чувствовали себя у Пономаревой «весело, легко и свободно». В кружке царил дух непринужденности и вольномыслия. Сама хозяйка отличалась не только внешней обаятельностью, но и недюжинным умом и остроумием. Поэты посвящали Пономаревой стихи, а после ее неожиданной и опечалившей всех смерти — эпитафии.

К П. А. Плетневу (Ответ на его послание) (стр. 136). Датировано автором 1824 годом. Отрывок с заглавием «К П. А. П-ву» (кончая стихом «Доверенность к друзьям, но не слепая вера») напечатан в «Северных цветах» на 1828 год, стр. 47. В «Северных цве-

тах» на 1831 год, стр. 61 — полностью, вслед за «Посланием Н. И. Гнедичу» П. А. Плетнева. Адресовано поэту и критику *Плетневу* Петру Андреевичу (1792—1865) и является ответом на его «Послание к Н. И. Гнедичу» 1821 года, напечатанное в «Новостях литературы», 1822, № XXV, стр. 188 и перепечатанное в «Северных цветах» на 1831 год. Оно начинается стихами:

Служитель муз и древнего Омера,
Судья и друг поэтов молодых!
К твоим словам в отважном сердце их
Есть тайная, особенная вера.
К тебе она зовет меня, поэт!
О Гнедич, дай спасительный совет:
Как жить тому, кто любит Аполлона?
Завиден мне счастливый жребий твой:
С какою ты спокойною душой
На высоте опасной Геликона!
Прекрасного поклонник сам и жрец,
Пред божеством своим в мольбе смиренной,
Ты свет забыл и суд его пременный;
Ты пренебрег минутный в нем венец
И отдал труд и жизнь свою потомству.
А я слепец... всё ощупью брожу,
И рабски всем страстям своим служу...

Дальше Плетнев говорит о непостоянстве своих поэтических устремлений, о том, что его равно волнуют все виды и роды поэзии и что в результате «и музы мстят неверностью» ему и он бессилен как поэт. Послание заканчивается стихами:

Скажи: еще ль бороться мне с судьбой,
Иль позабыть обманов сладких поле?
Быть может, я вступил средь детских лет
На поприще поэзии ошибкой?
Как друг скажи мне с тихою улыбкой:
«Сними с себя венок — ты не поэт!»

Послание Гнедича, уклончивое в смысле оценки поэзии Плетнева, написано на тему о том, что поэт сам лучший судья своего творчества. *Что был бы гордый Меценат* и след.— римский государственный деятель Меценат (74—8 до н. э.) покровительствовал Горацию Флакку и Вергилию Марону и был воспет в лирических произведениях обоих поэтов, а также в поэме «Георгики» Вергилия. *И ты, богини сын, и ты, Пелид-герой* — Ахиллес, сын богини Фетиды. *Когда пророк Хиоса вдохновенный* — Гомер. Среди городов, оспаривавших между собой честь быть родиной Гомера, числился и Хиос, или Хио. Пророк — здесь синоним слова поэт.

Любовью пламенной отечество любя (стр. 140). Датируется не ранее второй половины июля 1826 года предположительно. СПб., 1914, стр. 38. В собрание стихотворений вводится впервые. Повидимому, Гнедич имел в виду Никиту Михайловича Муравьева (1796—1843), с которым был связан давней дружбой. После приговора над декабристами (10 июля 1826 года) Гнедич написал

матери Муравьева, что его любовь и уважение к Никите Муравьеву возросли после совершившихся событий (см. стр. 48), и просил портрет Никиты. Стихотворение по своему характеру могло явиться надписью к этому портрету Муравьева. *Любовью пламенной отечество любя* — стих, который мог бы относиться к любому декабристу, но в отношении Н. Муравьева имеет еще и тот смысл, что он занимался русской историей, стремясь в своих исследованиях показать «величие отечества», и утверждал исключительную роль России в мировой истории. *Богатство, счастье, мать, жену, детей, свободу* — точно соответствует биографическим данным о Муравьеве. Он был очень богат, счастлив в браке, в 1826 году имел двоих детей. Мать Муравьева Екатерина Федоровна (1771—1848) посвятила всю жизнь сыновьям, и особенно Никите. В стихотворении речь идет не о смерти матери, жены и детей, а о той потере близких, которая была связана с приговором и отправкой на каторгу.

Троица на масленой неделе (стр. 141). Датировано автором 1826 годом. Впервые — в сборнике «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года, стр. 221—222, с заглавием «Чудо на масленой неделе» и с иной редакцией стихов 20-го и 27-го в соответствии с заглавием. На авторском экземпляре сборника, хранящемся в Рукописном отд. Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина (F XIV, № 2), рукой Гнедича к заглавию сделано примечание: «Заглавие пиесы было *Троица на масленой неделе.* Цензура не позволила — вследствие этого должно было изменить и заглавие и некоторые стихи; но шутки с заглавием печатным не существует». Как сказано в авторском примечании, стихотворение связано с приездом к Гнедичу на масленой неделе, т. е. между 31 января и 6 февраля 1826 года, трех актрис: Семеновой (см. стих. «Семеновой при посылке ей экземпляра трагедии «Леар»), Колосовой Евгении Ив. (1782—1869), знаменитой балерины-мимистки, и ее дочери Ал. Мих. Колосовой (1802—1880), актрисы, соперничавшей с Семеновой, но с 1825 года окончательно утвердившейся в ролях так называемой высокой комедии. Повидимому, именно то, что Колосова больше не претендовала на трагические роли, и было причиной примирения и даже дружбы между соперницами. *Одна — душой лица, могуществом очей* — речь идет о Семеновой. *Другая — лишь вступила* — Колосова Евгения Ив. *Мельпомена* — муза трагедии, *Талия* — муза комедии. Здесь намек на то, что истинный талант Колосовой не в трагических, а в комедийных ролях. По этому поводу еще в начале марта 1824 года Гнедич писал М. Загоскину: «Если хочешь видеть, чего мы на русской сцене не видели, если хочешь иметь идею о хорошей, настоящей, такой, как в Европе водятся, актрисе комической,— приезжай посмотреть Александру Колосову». (Здесь, повидимому, Гнедич имел в виду роль Прелестиной (Селимены) в «Мизантропе» Мольера, в которой Колосова дебютировала в конце 1823 года и, по общему мнению, превзошла знаменитую французскую актрису Марс.) *Пусть лопнет завистью раздутый человек* — речь идет о Катенине Павле Александровиче (1792—1853). Характеристика Гнедича не оригинальна: сравнить, например, отзыв Пушкина об «авторской спеси», «литературных сплетнях и интригах» Катенина. В стихотворении говорится о «зависти» Катенина к славе Семеновой и о его враждебном отношении к занятиям с нею Гнедича. Катенин занимался с Колосовой, считая и свой метод и талант Коло-

совой выше. В своем раздражении он поддерживал в матери и дочери Колосовых неприязнь к Семеновой.

Медведь (стр. 143). Датировано автором 1827 годом. Басня напечатана в альманахе «Альциона» на 1832 год, стр. 85. Гнедич написал несколько басен. Три из них, в том числе данную, он включил в свой сборник «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года, стр. 191.

Тантал и Сизиф в аде (стр. 145). Датировано переводчиком 1827 годом. Впервые — в сборнике «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года, стр. 145. Является переводом стихов 581—600 одиннадцатой песни «Одиссеи» Гомера, где описываются впечатления Одиссея в аду: зрелище мучений фригийского царя Тантала и коринфского царя Сизифа. Античный миф о Тантале рассказывает, что он был любимцем богов до тех пор, пока не совершил страшного преступления: по одной из версий это было похищение пищи богов — амврозии и нектара, унесенных Танталом на землю к людям. Сизиф был наказан за непомерное корыстолюбие и хитрость. Точность и вытекающая из нее образная сила перевода Гнедича отчетливо видна в сравнении с аналогичными стихами в переводе Жуковского (переводившего не с оригинала). Так, стихи 587—590 у Жуковского:

Много росло плодоносных дерев над его головою,
Яблонь и груш и гранат, золотыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц и маслин, роскошно цветущих.

Чтобы приблизительность перевода и условность эпитетов Жуковского были видны отчетливее, достаточно, например, вспомнить, что деревья маслины и смоковницы отличаются не «роскошным», а, наоборот, очень незаметным на взгляд цветением, не говоря о том, что цветение это происходит ранней весной и несовместимо с «золотыми плодами» яблонь и груш. Смешения признаков весны и осени нет в оригинале.

На смерть барона А. А. Дельвига (стр. 146). Датировано Гнедичем 1831 годом. Написано после 14 января. Впервые — в «Литературной газете», 1831, т. III, № 4, стр. 29. Написано на смерть поэта Дельвига, последовавшую 14 января 1831 года. Стихотворный размер этого произведения, характерный для поэзии Дельвига элегический дистих, Гнедич впервые применил в данной эпитафии. Гнедич был в многолетней дружбе с Дельвигом, прерывавшейся лишь на некоторое время (в 1829 году) из-за небольшой размолвки. Поэтов связывал общий интерес к античному миру и выражению его в современной поэзии. Так же как и Гнедич, Дельвиг работал над жанром идиллии, и в частности идиллии с русским, народным сюжетом.

В последние годы жизни Дельвига и Гнедича поэты особенно сблизились. Во время болезни Гнедича, о которой он упоминает в эпитафии, Дельвиг писал Гнедичу: «Ваша болезнь отравляет самые лучшие минуты моей ревельской жизни. Молю грекомифологических и кафолических богов и угодников восстановить силы ваши».

Еще в 1820 году Дельвиг написал восторженное шестистишие «Н. И. Гнедичу», посвященное переводу «Илиады».

Муза вчера мне, певец, принесла закоцитную новость:
В темный недавно Айдес тень славянина пришла;
Там, окруженная сонмом теней любопытных, пропела
(Слушал и древний Омер) песнь Илиады твоей.
Старец наш, к персям вожатого-юноши сладко приникнув,
Вскрикнул: «Вот слава моя, вот чего веки я ждал!»

Мрачное царство вражды, грустное светлой душе — в этом стихе Гнедич, повидимому, намекает на доносы Булгарина, которыми был омрачен последний год жизни Дельвига. Эти доносы, разоблачающие какие-то недозволенные политические намеки в «Литературной газете», привели к тому, что Дельвигу запретили ее издавать. Этого-то и хотел издатель «Северной пчелы». Друзья Дельвига считали, что это запрещение и грубые окрики Бенкендорфа, вызывавшего Дельвига к себе, ускорили смерть поэта.

К нему же, при погребении (стр. 147). Впервые — в сборнике «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года, стр. 186. Написано на погребение Дельвига, происходившее 16 января 1831 года на Волковом кладбище.

А. С. Пушкину, по прочтении сказки его о царе Салтане и проч. (стр. 148). Датировано автором 23 апреля 1832 года. Впервые — в сборнике «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года, стр. 187. Автограф послания с указанной датой был послан Пушкину и опубликован И. А. Шляпкиным в его книге «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», 1903, стр. 169. Послание является отзывом на «Сказку о царе Салтане», напечатанную в «Стихотворениях А. Пушкина», ч. III (книга вышла в марте 1832 года). Пушкин хотел отвечать Гнедичу посланием, которое по какой-то причине не было завершено («С Гомером долго ты беседовал один»). В этом послании Пушкин характеризует самоотверженный труд Гнедича над переводом «Илиады», не мешающий, однако, Гнедичу широко интересоваться всеми видами поэзии, и в частности народной русской сказкой:

И с дивной легкостью меж тем летает он
Вослед Бовы иль Еруслана.

Гнедич еще в конце 10-х годов был в числе тех поэтов, суду которых Пушкин особенно доверял (в шутку он именовал своих судей «ареопагом»). Гнедич был неизменным, восторженным поклонником поэзии Пушкина и одним из немногих друзей, не отвернувшихся от него во время гонений, а, напротив, ценившим его вольномыслие и независимость (см. послание Пушкина Гнедичу: «В стране, где Юлией венчанный»). Отзыв Гнедича о сказке был тем ценнее для Пушкина, что многие из его прежних единомышленников (напр., Баратынский) отрицательно отзывались о сказках Пушкина. *Байрона гений, иль Гете, Шекспира.*— Многие критики в положительном смысле сравнивали Пушкина с этими поэтами, именуя Пушкина «нашим Байроном», «русским Шекспиром» (за «Бориса Годунова») и т. п. (в числе критиков, сопоставлявших Пушкина с Байроном, был Вяземский).

«Пушкин, прийми от Гнедича два в одно время привета» (стр. 149). Датировано 26 мая 1832 года. Опубликовано в книге И. А. Шляпкина «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», 1903, стр. 171. В издание стихотворений вводится впервые.

Является запиской к Пушкину при посылке ему какого-то кренделя или торта в связи с новосельем Пушкина, переехавшего с Галерной улицы на Фурштадтскую в дом Алымова, а также в связи с рождением 19 мая первенца — дочери Марии.

Дума («Печален мой жребий, удел мой жесток!») (стр. 150). Датировано Гнедичем 1832 годом. Впервые — в сборнике «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года, стр. 169. Стихотворение навеяно мрачными размышлениями во время тяжелой болезни Гнедича, которая и привела его к смерти в следующем году. К этим же настроениям примыкает и другое стихотворение, с заглавием «Дума» («Кто на земле не вкушал жизни на лоне любви»), которое, вероятно, написано в это же время.

Дума («Кто на земле не вкушал жизни на лоне любви») (стр. 151). Датируется 1832 годом предположительно. Впервые — в «Альционе», 1832, стр. 67, с заглавием «Четверостишие». См. стихотворение «Дума» («Печален мой жребий, удел мой жесток!»).

Неизвестные годы

Кавказская быль (стр. 152). Дата неизвестна. Опубликовано в альманахе «Новоселье». СПб., 1833, стр. 187 (цензурное разрешение 1 февраля 1833 года). На этом основании в Сочинениях Н. И. Гнедича, 1884, т. I, датировано 1833 годом. Гнедич умер 3 февраля 1833 года и последние недели перед смертью был в полубессознательном состоянии. Отсутствие «Кавказской были» в сборнике 1832 года не определяет позднейшей даты создания этого стихотворения. Гнедич мог обработать для альманаха и старый черновик. Как известно, «Домик в Коломне» Пушкина, напечатанный в том же альманахе, был написан в 1830 году. Стихотворение Гнедича могло быть написано еще под непосредственным впечатлением от посещения Кавказа в 1825 году. Летом 1825 года Гнедич по настоянию врачей отправился на Кавказские минеральные воды. Стихотворение является единственным произведением, связанным с Кавказом (именно с Северным Кавказом, где и побывал Гнедич).

19 февраля 1832 года «почти все известные литераторы были в гостях на новоселии у Смирдина по случаю переезда его книжного магазина на Невский проспект. Смирдин пишет в предисловии к упомянутому альманаху: «Гости-литераторы из особенной благосклонности ко мне вызвались, по предложению Василия Андреевича Жуковского, подарить меня на новоселье каждый своим произведением, и вот дары, коих часть издаю ныне».

Сюжет стихотворения основан на многочисленных рассказах о кровавой мести и убийствах, которые были распространены среди горских племен (в том числе и среди кабардинцев, принадлежавших к черкесскому племени). С этой темой связаны поэмы Лермонтова (конца 20-х годов): «Каллы», «Аул Бастунджи». Пушкин в «Путе-

шествии в Арзрум» писал о черкесах: «Кинжал и шашка суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать. У них убийство — простое телодвиженье». *Давнишний кунак, казаку обреченный.*— Среди черкесских племен, к которым принадлежат и кабардинцы, был распространен обычай куначества, или побратимства, т. е. обязательства жить между собой как братья, оказывая взаимную помощь и всем делясь друг с другом. *Беда кабардинке, гяуром прельщенной* — т. е. обольщенной христианином (магометане гяурами именовали христиан).

Ласточка (стр. 155). Дата неизвестна. Впервые — в альманахе «Альциона», 1833, стр. 69. Публикатор автографа предполагает, что стихотворение относится ко времени предсмертной болезни Гнедича, т. е. к 1831—1832 годам. В Сочинениях Н. И. Гнедича, СПб., 1884, т. I, стихотворение напечатано с датой «1833». Основания этой даты сомнительны, так как Гнедич умер 3 февраля и последние месяцы был безнадежен. Тема прилета ласточки, птицы, считавшейся у многих народов покровительницей домашнего очага (*птица, любезная людям, Счастье приносишь ты в дом)*, встречается в творчестве многих народов. В предисловии к «Простонародным песням нынешних греков» Гнедич приводит «Песнь ласточки», относящуюся к народному творчеству древних греков и известную по сборнику Афенея (III—II век до н. э.). Эту песню он сравнивает с украинской «Веснянкой». Аналогичное с данным стихотворением имеется у Дельвига — «К ласточке» (1820-е годы). *Чистая птица, на прахе земном ты ног не покоишь.*— Ласточки проводят большую часть жизни на лету и по земле передвигаются с трудом.

Эпиграмма («Помещик Балабан») (стр. 157). Дата неизвестна. Впервые — в сборнике «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года, стр. 206. Из издания 1854 года, повторяющего издание 1832 года, эпиграмма исключена. На кого направлена эпиграмма — неизвестно.

Надпись к гробу Кантемира (стр. 158). Дата неизвестна. Впервые — в сборнике «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года, стр. 204. Надпись к гробу сатирика Антиоха Дмитриевича Кантемира (1708—1744). В письме 1810 года Гнедич просит приятеля прислать ему «Кантемировы сонаты». Аналогичная надпись имеется и у Державина:

На Кантемира

Старинный слог его достоинств не умалит.
Порок, не подходи: сей взор тебя ужалит.
(1777)

Надпись к гробу Суворова (стр. 159). Дата неизвестна. Впервые — в сборнике «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года, стр. 204. Двустишие на подлинную надпись могильной плиты Суворова: «Здесь лежит Суворов» (в церкви Александро-Невской лавры в Ленинграде). Надпись эта принадлежит Державину. За несколько дней до смерти Суворова (в 1800 году) Державин был у него. Суворов спросил: «Какую же ты мне напишешь эпитафию?» — «По-моему, много слов не нужно,— отвечал Державин.— Довольно ска-

зать: Здесь лежит Суворов».— «Помилуй бог как хорошо!» — сказал Суворов. Гнедич в своей «Записной книжке», опубликованной П. Тихановым (см. библиографию), писал: «Ни один из знаменитых людей, мне современных, не вселял в меня столько разнообразных чувств, как Суворов. Я видел в нем идеал, какой составил о героях; кроме этого, я находил в нем то, чего ни в одном герое — ни новых, ни древних веков — найти не можно. Занимаясь им, я наполняюсь глубоким удивлением к совершенному искусству полководца, почтением к славе героя, плачу при воспоминании доблестей великого человека и помираю со смеху от проказ этого чудака!»

Амбра (стр. 160). Дата неизвестна. Впервые — в сборнике «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года, стр. 224. Гнедич имеет в виду свойство янтаря (франц. ambre), представляющего собой застывшую смолу. В ней нетленно сохраняются насекомые или части растений, некогда попавшие в ее состав. Гнедич здесь соединяет представление об ароматической амбре и янтаре, именуемом амброй в высоком стиле. Тема эта, повидимому, взята Гнедичем из античной поэзии. См., например, две эпиграммы Марциала (поэта древнего Рима, род. около 40 года, ум. около 104 года н. э.): «De ape electro inclusa», кн. IV, эпиграмма XXXII, о пчеле, сохранившейся в веках в составе янтаря, и «De formica succino inclusa», кн. VI, эпиграмма XV, о муравье, попавшем в смолу. Последняя эпиграмма была переведена Ломоносовым для 141-го параграфа его «Риторики»:

В тополевой тени гуляя муравей,
В прилипчивой смоле увяз ногой своей.
Хотя он у людей был в жизнь свою презренный,
По смерти в янтаре у них стал драгоценный.

В «Записной книжке» Гнедича (см. библиографию) есть запись: «Не амбра ли ты?» — сказал Саади куску глины, с земли его подымая. «Нет,— отвечал он,— я простая земля, но несколько времени жил с розою». Запись эта, повидимому, имеет автобиографический смысл, т. е. Гнедич имеет в виду прикосновение свое к античному эпосу Гомера.

II

Рождение Гомера (стр. 165). Поэма датирована автором 1816 годом. Была прочтена Гнедичем на торжественном собрании (ежегодном) Публичной библиотеки 2 января 1817 года, а затем издана отдельной книжкой: «Рождение Гомера, поэма в 2-х песнях». СПб., 1817. Примечания к поэме были написаны в 20-х годах и вошли лишь в сборник «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года, стр. 9—35.

Поэма и примечания к ней связаны с работой Гнедича над переводом «Илиады» и осмыслением так называемого «гомеровского вопроса» для предполагаемого развернутого комментария к поэме Гомера. См. также «Сетование Фетиды у гроба Ахиллеса».

Сиракузянки, или Праздник Адониса. Идиллия Феокрита (стр. 183). Датируется 1820—1821 годом предположи-

тельно. (Повидимому, перевод этой идиллии предшествовал созданию оригинальной идиллии «Рыбаки», 1821.) Впервые — в сборнике «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года, стр. 45—57, с предисловием на стр. 39—44. Является переводом (с древнегреческого языка) идиллии «Сиракузянки», или «Женщины на празднике Адониса», написанной в III веке до н. э. сиракузянином Феокритом (или Теокритом). Данная идиллия по счету пятнадцатая из числа тридцати идиллий Феокрита, дошедших до нашего времени. Гнедич выбрал для перевода эту идиллию не случайно. Именно она лучше, чем другие идиллии Феокрита, показывает ошибочность взгляда на жанр идиллии как на идеализированное изображение непременно сельской жизни. «Сиракузянки» — сцена из городской жизни. В ней раскрыты реальные черты быта и характеров, современных Феокриту. И самый перевод идиллии и предисловие к нему явились со стороны Гнедича веским обоснованием защиты античного жанра от позднейших наслоений средневековой и новой поэзии. Эта защита необходима была Гнедичу для доказательства жизнеспособности жанра идиллии. Идея Гнедича состояла в том, что жанр этот может быть применен к изображению сцен из русской народной жизни, чему доказательством и явились идиллия Гнедича «Рыбаки», «Отставной солдат» Дельвига и другие. Текст предисловия отчасти совпадает с тем предисловием к идиллии «Рыбаки», которое Гнедич затем исключил (см. примечание к идиллии). Белинский писал, что «перевод идиллии Феокрита «Сиракузянки» с присовокуплением к нему, в виде предисловия, рассуждения об идиллии есть двойная заслуга Гнедича: перевод превосходен, а рассуждение глубокомысленно и истинно» («Сочинения Александра Пушкина»). Оценивая жанр идиллии и его применение в средневековой и новой поэзии в статье «Разделение поэзии на роды и виды», Белинский делает вывод, что «отличительный характер этой пастушеской поэзии» есть «приторная, сладенькая сентиментальность, растленное, гнилое чувство любви, лишенное всякой энергии», и возмущается, что эту поэзию «выдумали на основании древних, во имя Теокрита. Чтобы показать, до какой степени нелепа эта плоская клевета на древних и на Теокрита, и чтоб дать истинное понятие об идиллии,— пишет Белинский,— представляем здесь мнение об этом предмете знаменитого Гнедича, глубокого знатока древности, проникнутого ее художественным духом, обвеянного ее священными звуками, истинного поэта по душе и по таланту. Вот что говорит он в предисловии к переведенной им с греческого идиллии Теокрита „Сиракузянки, или Праздник Адониса"». Дальше Белинский обильно цитирует это предисловие Гнедича. XV идиллия Феокрита изображает первый день Адоний, празднества в честь Адониса, юного супруга богини любви Афродиты. Адонис почитался древними как бог растительности, умирающий и воскресающий. Велением Зевса Адонис должен был проводить одну треть года в мрачном подземном царстве, в обществе влюбленной в него Персефоны, грозной повелительницы теней Аида. Остальное время он оставался на земле с Афродитой. Возвращение Адониса на землю, его воскресение к жизни и составляло первый день празднества. Второй был посвящен печальным похоронам Адониса, его проводам в подземное царство. Праздник этот принял особо пышный характер в Александрии, при дворе Птоломеев. Ритуал празднества совершался главным образом женщинами, которые выставляли великолепно укра-

шенные изображения Адониса и Афродиты и пели гимны в честь Адониса. Таким гимном и заканчивается данная идиллия. *Беллерофон*, или *Беллерофонт* — герой одного из древних греческих мифов, победитель Химеры. Культ его был в Коринфе. *Алавастры* — коробки для благовоний. *Анеф* — анис. *Завтра его, при росистой заре, всенародно отсюда* и след.— Речь идет о втором дне празднества, когда похоронная процессия из женщин отправлялась к морскому берегу, чтобы погрузить в его пучины изображение Адониса, обреченного смерти. *Лапифы*, *Девкалиды*, *Пелониды*, *Пелазги* — легендарные обитатели Греции, предки ахеян и троянцев.

Рыбаки. Идиллия (стр. 195). Датировано автором 1821 годом. Впервые — в «Сыне отечества», 1822, ч. LXXVI, № 8, стр. 22, и особой брошюрой, изданной в 1822 году. Со стилистическими исправлениями идиллия вошла в сборник «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года, стр. 59, с следующим предисловием: «Это первый опыт русской народной идиллии. Сочинитель осмелился испытать род этот без Дафнисов и Хлой, лиц, принадлежащих миру несуществующему, земле чужой, небу чужому, и, следовательно, требующих таких свойств красок и живописи, в которых, конечно, они были бы истинны, но привлекут только удивление ума, а не участие сердца, ибо сердце наше не найдет в них ничего себе знакомого, ничего родного. Вот корень, почему род сельской поэзии в новейшие времена так неуспешен. Кроме господствующих заблуждений о роде сей поэзии, чтоб лица и повествование были из времен отдаленных, дабы пользоваться мифологическими вымыслами,— кроме заблуждений сих, есть еще другое, которое не менее вредит успехам сельской поэзии. Подражая древним, мы берем и формы их творений и самые предметы, забывая, что формы в поэзии — то же, что рамы в картине: рамы, как и формы, могут быть в искусстве общими, но предметы едва ли. Успеет ли опыт сочинителя подтвердить его теорию — предоставим судить читателю». Прежде чем приступить к разработке данного сюжета, Гнедич делал наброски к русской идиллии «Пастухи».

Идиллия «Рыбаки» была признана лучшим из оригинальных произведений Гнедича еще его современниками. О ней писали Бестужев и Плетнев. Положительно воспринимались не только поэтические достоинства идиллии, но и ее идейная сущность, то, что она «облагораживает нечувствительно в глазах наших таких людей, на которых мы часто, по странной привычке, смотрели с пренебрежением (Плетнев «Идиллия Гнедича „Рыбаки"»). Белинский выражал удивление, что идиллия «Рыбаки» написана в 1821 году, тогда как еще в 1820 году издавали идиллии г. Панаева. Этим он подчеркивал несоизмеримость этих явлений. В статье «Разделение поэзии на роды и виды» Белинский писал: «На русском языке было много оригинальных идиллий, но, следуя пословице: „кто старое помянет, тому глаз вон", мы о них умалчиваем. Блестящее исключение представляет собою превосходная идиллия Гнедича „Рыбаки". Быт и самый образ выражения действующих лиц в ней идеализированы, но не в смысле мнимоклассической идеализации, которая состояла в ходулях, белилах и румянах, а тем, что слишком проникнута лиризмом и веет духом древнеэллинской поэзии, несмотря на руссизм многих выражений. Во всяком случае, роскошь красок, глубокая внутренняя жизнь, счастливая идея и прекрас-

ные стихи делают идиллию Гнедича истинным, хотя, к сожалению, еще и не оцененным перлом нашей литературы». Эпиграф к идиллии является автоцитатой. См. идиллию, стр. 204.

Шпиц тверди Петровой, возвышенный, вспыхнул над градом — шпиц Петропавловской крепости в Петербурге. *Вот ночь, а светла синевою одетая дальность* и след. 26 стихов в соответствующей ранней редакции цитировал Пушкин в примечании к первой главе «Евгения Онегина». Примечание Пушкина начинается словами: «Читатели помнят прелестное описание петербургской ночи в идиллии Гнедича». *Тогда филомела полночные песни лишь кончит.* — Филомела в античной мифологии — царевна, превращенная в соловья. *Понесся из терема сладостный гул тихострунный* — речь идет о даче Строганова в Петербурге, при впадении Черной речки в Большую Невку; там устраивались в летнее время концерты силами лучших музыкантов. *Боярин* — Строганов Александр Сергеевич (1733—1811), вельможа, покровительствовавший художникам, музыкантам, поэтам.

Простонародные песни нынешних греков (стр. 207). Перевод датируется 1824 годом. Три песни («Гроб клефта», «Кальякуд» и «Олимп») напечатаны в «Северных цветах» на 1825 год (альманах вышел в конце декабря 1824 года), стр. 266—269, с заглавием «Греческие простонародные песни» и с примечанием издателя: «С удовольствием уведомляем наших читателей, что собрание лучших простонародных новогреческих песен, переведенных отличным писателем нашим Н. И. Гнедичем, скоро выдет из печати, украшенное любопытным предисловием о духе поэзии нынешних греков и сходстве ее с простонародною русскою». Полностью — в издании: «Простонародные песни нынешних греков, с подлинником изданные и переведенные в стихах, с прибавлением введения, сравнения их с простонародными песнями русскими и примечаний, Н. Гнедичем». СПб., 1825 (книга вышла в начале февраля 1825 года), с введением (стр. VII—XLI). Книга посвящена Алексею Николаевичу Оленину.

Песням предпослано следующее примечание Гнедича:

«Песни греческие, как и везде народные, переходя из уст в уста, из рук в руки, разнятся более или менее между собою переменами (вариантами), прибавлениями или убавлениями, не всегда счастливыми. Такими нашел некоторые из них, и особенно в песне «Олимп», один из просвещеннейших литераторов нынешней Греции, протоиерей Константин Экономос, эконом покойного патриарха Константинопольского, живущий ныне в Петербурге. По приязни своей ко мне, он предложил некоторые перемены (варианты), кажется лучшие, и некоторые стихи, опущенные в издании г. Фориеля, но необходимые для ясности. Таким образом, если читатели останутся более довольны здешним, нежели парижским греческим подлинником издаваемых песен, благодарность принадлежит почтенному отцу Экономосу. О переменах или прибавлениях важнейших будет сказано в примечаниях к песням, другие заметят сами любопытные читатели». В сборник «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года стихотворный русский текст и примечания введены полностью. Греческий текст и предисловие в этом издании отсутствуют (по поводу необходимости помещения в собрание произведений Гнедича «введения к простонародным песням нынешних греков и сравнения их с русскими песнями» см. у Белинского «Сочинения Александра Пушкина», статья третья).

Гнедич составил свой сборник на основе «Les chants populaires de la Grèce moderne recueillis et publiés par C. Fauriel, v. I, 1824, v. II, 1825. Первый том «Народных песен современных греков», собранных Клодом Фориелем (1772—1844), состоит из «Песен исторических» (Chants historiques). Из общего числа 45 песен — 35 посвящены подвигам клефтов, или арматолов, «деяниям неустрашимых героев свободы, которые составляли доныне палладиум древней свободы эллинов после столетнего порабощения их отечества, обитая в высоких, неприступных горах, идущих от средины древней Эллады в Акарнанию, Фессалию, Этолию и Эпир, и защищаясь в своих клефтических, или разбойничьих, пещерах» (рец. «Моск. телеграфа», 1825, ч. II, № 6, стр. 125 [1]). Фориель не только сам собирал песни, но воспользовался авторитетными записями греческих патриотов, сличил и отобрал лучшие варианты. Каждую песню Фориель сопроводил французским прозаическим переводом. Гнедич отобрал для своего сборника 12 клефтических песен из числа 35 и подверг их дополнительной проверке и исправлениям по спискам, известным Константину Экономосу. Эти исправления в греческих текстах нашли свое отражение в стихотворных переводах Гнедича и оговорены в примечаниях к отдельным песням. Введение к песням состоит из двух частей: одна является критической цитацией основных мыслей и фактов, изложенных в предисловии Фориеля, в другой Гнедич высказывает свою точку зрения на связь греческой народной поэзии с русской. Вопрос о сходстве греческой народной поэзии с русской для Гнедича не ограничивался сопоставлением поэтических приемов. Подоплека этого сравнения — в идейной близости греческих песен и свободолюбивых песен русского народа (так называемых разбойничьих). Влияние славянской поэзии на греческую, восходящее к глубокой древности, Гнедич трактовал в духе исторических идей декабристов о величии древних славян и их роли в событиях античных времен. Рецензент «Московского телеграфа» оспаривал аргументацию Гнедича, обвиняя его в искажении исторической перспективы. Пушкин писал Гнедичу (23 февраля 1825 года): «Об остроумном предисловии можно бы потолковать. Сходство песенной поэзии обоих народов явно — но причины?» Остроумными, повидимому, казались Пушкину наблюдения Гнедича и характеристика особенностей русской народной поэзии, в частности отрицательных сравнений в русских песнях. (Пушкин. «План издания русских песен».) Поэтические достоинства греческих песен и перевода Гнедича получили высокую оценку сразу же по выходе книги. Пушкин в упомянутом письме писал, что «Песни греческие прелесть и tour de force <чудо мастерства>». Рецензент «Московского телеграфа» (1825, ч. II, № 6, стр. 125—137) отметил явное преимущество русского перевода перед французским, «несмотря на цепи стопосложения», к чему рецензент сделал примечание: «Гнедич переводил амфибрахием, анапестом и дактилем, без рифм. Механизм стихов его прекрасен».

Белинский, перечисляя заслуги Гнедича, писал, что «Простонародные песни нынешних греков», изданные в 1825 году, есть еще

[1] Рецензия не подписана. Вяземский сознавался, что статьи и рецензии в «Московском телеграфе» 1825 года, подписанные буквой «А», принадлежали ему, однако иногда этой же литерой подписывал свои статьи и Полевой, в то время работавший в тесном сотрудничестве с Вяземским.

прекрасная заслуга русской литературы» («Сочинения Александра Пушкина», статья третья). *Ла Гиллетьер* — имя, под которым печатал свои произведения Гиллье де Сен Жорж (1625—1705), французский литератор, историк искусства. Среди его произведений имеется «Лакедемон древний и новый» («Lacedémone ancienne et nouvelle, où l'on voit les moeurs et les coutumes des Grecs modernes, des mahométans et des juifs du pays». Paris, 1676, 2 vol.). *Несколько песен сулиотских.*— В первом томе сборника Фориеля помещены, кроме 35 клефтических песен, 10 песен разного содержания, из них восемь связаны с войной греко-албанского горного племени сулиотов с турецким (янинским) Али-пашой. *Жаль, если одним томом заключится издание.*— Гнедич писал предисловие до того, как вышел второй том сборника Фориеля.

Танкред (стр. 243). Перевод трагедии Вольтера, написанной в 1759 году и впервые поставленной в 1760 году. Перевод датирован 1809 годом. Напечатан впервые отдельным изданием в 1810 году: «Танкред, трагедия Вольтера стихами». С поправками Гнедича в 1816 году («Танкред», трагедия в пяти действиях. Соч. Вольтера. Перевод Н. Гнедича).

В оригинале имеется следующая общая ремарка, предшествующая первому акту: «Действие происходит в Сиракузах во дворце Аржира и в зале Совета, затем на площади, где находится это здание. Время действия — 1005 год. Африканские сарацины заняли всю Сицилию в IX веке. Сиракузы свергли это иго. Норманнские дворяне начали расселяться близ Салерно в Пулии. Греческий император занял Мессину, под властью арабов были Палермо и Агрифианто». Один из рецензентов, повидимому драматург А. Шаховской, пишет: «Любовь и честь — главные пружины в трагедиях, заимствованных из времен рыцарства» и что «„Танкред" занимает отличное место в числе рыцарских трагедий. Гете, записной враг французского театра, перевел на немецкий язык „Танкред"». Рецензии на перевод Гнедича появились лишь после выхода его в свет и возобновления спектаклей (в 20-х годах). Критика сводилась к некоторым неточностям перевода. Гнедич усилил все те места, в которых выражены вольнолюбивые и патриотические чувства.

«Танкред» в переводе Гнедича прочно вошел в репертуар Большого петербургского театра и пользовался неизменным успехом еще в 1824 году. Поводом к переводу «Танкреда» явилась игра в этой трагедии (в роли Аменаиды) знаменитой французской актрисы Жорж (Жозефина Веймер, 1786—1867), игравшей на петербургской и московской сценах в 1808 и 1809 годах. Целью Гнедича было соревнование его ученицы Семеновой (см. «Семеновой при посылке ей экземпляра трагедии «Леар») с европейской знаменитостью. Для этого он выбрал роль наименее выигрышную для Жорж и позволяющую раскрыться особым качествам Семеновой. В самых восторженных отзывах об игре Жорж отмечались некоторые недостатки артистки в изображении глубоких чувств. Рецензент «Драматического вестника» писал: «Выражение сильных страстей свойственнее сей актрисе, нежели томное, нежное, горестное выражение чувств... Г-жа Жорж в трагедии „Танкред" не могла представить роль Аменаиды с невинностью, нежностью и чувствительностью пламенной, но молодой любовницы». Семенова, «имевшая голос чувства», в роли Аменаиды одержала победу над соперницей. «Во многих местах,— писал Гнедич,— Семенова играла Аменаиду лучше, чем Жорж». *Сарацинские народы* — африканские

народы (мавры), вторгшиеся в Южную Европу еще в начале IX века. В монологах первого явления первого действия дается как бы обозрение событий в Южной Европе и, в частности, в Сиракузах Сицилийских за два столетия: борьба с маврами и засилие норманнов. Здесь разъясняется и подоплека изгнания француза Танкреда (лицо выдуманное, не имеющее отношения к Танкреду Готвильскому). *Пелаг* (Пелайо) — король Астурии, основатель испанской монархии, царствовавший с 719 по 737 годы. Вел борьбу с маврами. *Мартел Карл* — палатный мэр Франции, в 732 году разбил мавров при Пуатье. Эта битва покончила с вторжением мавров во Францию. *Леон IV* — папа римский, освободивший Рим от мавров в 849 году. *Кусси надменный к нам пришел как властелин* — герцог де Кусси властвовал в Сицилии при Карле Лысом, короле Франции с 840 года.

III

«Илиада» Гомера (стр. 309)

1. Перевод

Датировка работы Гнедича.

Гнедич начал переводить «Илиаду» в 1807 году, продолжая работу Ермила Кострова, издавшего шесть песен в 1787 году. В начале 1812 года Гнедич приступил к новому переводу всей «Илиады» гекзаметрами. Судя по отдельным публикациям, Гнедич перевел одновременно ряд отрывков из разных песен поэмы, повидимому для того, чтобы окончательно утвердиться в необходимости перехода к гекзаметрическому размеру и показать его преимущество критике, относившейся к гекзаметру с предубеждением. Для этого Гнедич печатал образцы разнохарактерного текста (отрывок из VI песни с описанием свидания Гектора с Андромахой, из XI — героической, где описываются подвиги Агамемнона, и из финальных: XXIII с описанием погребения Патрокла и XXIV с трогательным описанием прихода старца Приама в стан Ахиллеса). Примерно с 1815 года Гнедич начал переводить песни подряд, попутно исправляя уже переведенные отрывки. Работа была закончена 15 октября 1826 года, но исправления и доработка продолжались вплоть до корректурных листов в конце 1828 года. По выходе издания в 1829 году Гнедич принялся за внимательную вычитку его (см. далее об экземпляре с исправлениями Гнедича). Правка эта продолжалась вплоть до конца 1832 года, т. е. почти до последних дней жизни поэта. Параллельно с работой над переводом Гнедич готовил комментарий к «Илиаде». В двадцатых годах (не ранее 1817) Гнедич начал работу над особым, тематическим комментарием к «Илиаде», для которого непрерывно, вплоть до 1827 года, собирал материалы. Одна из тем комментария Гнедича была напечатана в 1826 году (см. ниже). 31 октября 1826 года А. Н. Оленин писал Голицыну: «Окончив перевод писателя классического, г. Гнедич желает представить публике труд сей в виде достойном. Для этого, не спеша изданием, желает еще заняться усовер-

шенствованием перевода. Сверх того, находит необходимым присовокупить введение в «Илиаду» и примечания исторические и критические». Как бы в подтверждение этого в 1826 году в «Сыне отечества» было напечатано одно из таких примечаний Гнедича («О тактике ахеян и троян»). К новому типу комментария Гнедич пришел не сразу. В 1827 году Гнедич вынужден был отказаться от обширного замысла комментария и подготовил необходимый справочный материал в виде «Введения, характеристики содержания песен и нескольких подстрочных примечаний к изданию 1829 года».

Библиография перевода.

Автографы: 1) Черновая тетрадь с отрывками перевода из IV, VII, X, XI, XIX, XX и XXIII песен (Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел. Оленинская опись F XIV, № 14; 2) Писарская копия отдельных песен поэмы с поправками и вставками Гнедича; имеются отдельные наброски примечаний и вступительной статьи. Эти подстрочные примечания не совпадают с теми, которые Гнедич дал в издании 1829 года. Там же F XIV, № 1; 3) Корректурный экземпляр издания перевода 1829 года с многочисленными поправками и заметками Гнедича. В конце 30-х годов экземпляр этот был передан Белинскому, который его хранил, а затем подарил И. С. Тургеневу. Там же F XIV, № 3; 4) Печатный экземпляр перевода «Илиады» изд. 1829 с позднейшими исправлениями Гнедича (черновыми и беловыми). Там же F XIV, № 2; 5) Материалы для введения и примечаний к «Илиаде», различные выписки Гнедича, сделанные рукой писаря, снабженные замечаниями и разметкой Гнедича. Там же F XVIII, № 6; 6) Запись в альбоме Кеппена трех стихов из VI песни «Илиады» (с пометкой 25 мая 1821 года) в Институте русск. лит. Академии наук СССР. Рукоп. отд. 10 102. LXб. 24; 7) Черновая рукопись отрывков из перевода «Илиады» и материалы к переводу в Центр. Гос. лит. архиве СССР, ф. 1225, № 6.

Прижизненные публикации.

Отдельные песни и отрывки перевода печатались в разных журналах: из I песни — в «Северном наблюдателе», 1817, ч. I, № 5, стр. 154, в «Сыне отечества», 1818, ч. XLIII, № 1, стр. 26; из II песни — в «Сыне отечества», 1816, ч. XXXI, № 27, стр. 22; из III песни — в «Сыне отечества», 1818, № 29, стр. 127, № 30, стр. 175 и в «Трудах Общ. люб. росс. слов.», 1818, ч. X, стр. 20; из V песни — в «Сыне отечества», 1820, ч. LXV, № 45, стр. 226, № 46, стр. 266, и № 47, стр. 29; из VI песни — в «Чтениях в Беседе люб. русс. слова», 1813, кн. 13, стр. 73; песнь XI — в «Сыне отечества», 1815, ч. XXV, № 44, стр. 217, № 45, стр. 251, № 46, стр. 13; из XIX песни — в «Полярной звезде» на 1825 год, стр. 263; из песней XXIII и XXIV — в «Вестнике Европы», 1815, ч. LXXIX, № 1, стр. 20.

Полностью перевод напечатан в 1829 году («Илиада» Гомера, переведенная Н. Гнедичем, членом имп. Российской академии, членом-корреспондентом имп. Академии наук, почетным членом имп. Виленского университета, членом Общества любителей словесности С.-Пе-

тербургского, Московского, Казанского и проч.», ч. I—II. СПб., 1829. Ценз. разр. 29 сентября 1828 года) с гравюрой Уткина к первой песне и картой троянского поля в конце второй части. Переводу предпосланы предисловие, содержание каждой песни и «изъяснение виньета и карты». К отдельным стихам в сносках к тексту сделано несколько примечаний (6).

Текст данного издания.

«Илиада» печатается по изданию 1829 года с поправками, внесенными Гнедичем в этот текст в 1829—1832 годах. Исправления внесены по экземпляру издания 1829 года, лично принадлежавшему Гнедичу; на этом экземпляре имеется множество автографических исправлений в тексте и на вклейках (Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина. Оленинская опись F XIV, № 2). Исправления, сделанные Гнедичем, имеют в основном стилистический характер и далеко не случайны; в них — явное стремление к большей простоте и точности. Эти исправления написаны и чернилами и карандашом, и между строк и на отдельных, специально вклеенных листах. Они составляют довольно трудную задачу для редактора, так как требуют тщательного отбора последних чтений и отсева тех поправок, которые не доведены до конца, даны условно, с намерением доработки.

Первым изданием перевода «Илиады», в которое были внесены исправления Гнедича, явилось изд. 1839 года (Лисенкова). В издание вошли не все поправки Гнедича, и в то же время некоторые из них внесены с явным ущербом для текста, так как представляют собой не доработанные Гнедичем стихи.

Начало критическому отбору исправлений Гнедича положил редактор издания Academia 1935 года И. М. Тронский (Гомер. Илиада. Перевод Н. И. Гнедича. Редакция и комментарий И. М. Тронского при участии И. И. Толстого).

В данное издание внесены, помимо установленных в изд. Academia, поправки Гнедича к следующим стихам: I — 15, 27, 45, 49, 73, 177, 225—226, 370, 374, 489, 537, 544—545, 560. II—51, 84, 93—94, 96, 145—146, 158, 182, 210, 213, 247, 254, 279, 387, 414, 447, 465—466, 670, 777, 872. III—8, 64—65, 117, 137, 142, 194, 198, 211, 223, 252, 268—269, 293, 302—303. IV—9—10, 13, 122, 135, 137—138, 186—187, 426, 533. V — 83, 90, 187, 255, 357, 718, 857, 891. VI — 16, 202, 446, 469—470, 500. VII — 7, 154, 215—216, 422, 429. VIII — 26, 106, 163, 215, 220, 294, 404, 457, 555—557, 561—562. IX — 33, 45, 69, 102, 241, 313, 345, 349, 379, 428, 443, 462, 512, 614, 637. X — 7, 10—11, 14, 23, 51—52, 341, 484, 493, 521, 534, 576. XI — 7, 15, 21, 63, 69, 75, 147, 246, 297, 348, 365, 548, 631—632, 788. XII — 289. XIII — 7, 10, 53, 199, 340—341, 498, 688. XIV — 29, 95, 153, 216, 351, 392, 399, 416. XV — 204. XVI — 162—163, 365, 779, 791. XVII — 51, 422, 472—473, 476, 645—647. XVIII — 9, 105—106, 178, 206, 223, 225, 316, 411, 549, 551, 569—571, 596, 609. XIX — 13, 15, 140—141, 203, 313, 356, 382. XX — 1, 253. XXI — 15—16, 47, 60—61, 145—146, 236, 384, 521. XXII — 135—137, 204, 254, 330. XXIII — 82, 88, 112, 118, 175, 183, 234, 243—244, 250, 282, 320, 327—328, 619, 767. XXIV — 1—2, 35, 40, 52, 80—81, 128—130, 163, 172, 212, 220, 234, 240, 253, 260, 269, 335, 439, 504, 527, 537, 653, 700, 804.

Особенности в истории и характере перевода.

История знаменитого перевода Гнедича начинается с того времени, когда в качестве знатока греческого языка и поклонника античной героической поэзии Гнедич взялся за продолжение работы Ермила Кострова и стал переводить «Илиаду» шестистопным ямбом с рифмами, начав с VII песни поэмы и прервав работу на XI песне. Впоследствии отношение Гнедича к этому переводу было таково, что в 20-х годах, найдя рукопись его, он написал: «„Илиада". Первые опыты перевода в ямбах. Сжечь» (перевод был уничтожен. Сохранились лишь напечатанные VII и VIII песни). Но опыт первого перевода имел значение лаборатории для перевода гекзаметрического. В первом переводе Гнедич не только соблюдал приблизительное соответствие с архаической лексикой и некоторой торжественностью стиля перевода Кострова, но усиливал эту торжественность и речевую архаику, считая, что именно таким стилем должны быть переведены плавные, певучие гекзаметры героической поэмы. Показательно сличение одних и тех же отрывков перевода у Гнедича и Кострова (уже после того, как Гнедич перевел VIII песнь, она была найдена в рукописях Кострова). У Кострова стихи, соответствующие стихам 486—489 гекзаметрического перевода Гнедича, переведены:

Спустившись понта вглубь эфирны кони Феба
Снедает жалостью троян утекший день;
Но греков веселит отрадной ночи тень.

В первом переводе Гнедича эти же стихи:

Блестящий солнца свет нисшел в пучину водну,
Ночь мрачную влача на землю многоплодну;
В печаль пергамлянам день скрылся от очей,
Но столь отрадная для греческих мужей,
Трекрат желанная ночь темная настала.

В отрывках этих имеются уже черты, характерные для той стилистической манеры, которая вполне применена была Гнедичем в его гекзаметрическом переводе. В предисловии к изданию перевода «Илиады» 1829 года Гнедич пишет, что долго не имел смелости «отвязать от позорного столба стих Гомера и Вергилия, прикованный к нему Тредьяковским». Будучи уже уверенным в непригодности рифмованного ямба для передачи торжественной и вместе с тем простой, народной речи Гомера, Гнедич долго не решался перейти к гекзаметру, так как еще с юношеских лет, в университете терпел насмешки за свое пристрастие к «Телемахиде» Тредьяковского, в которой находил «бесподобные стихи» (см. «Записки» С. П. Жихарева, запись от 26 февраля 1806 года в «Дневнике студента»). Из отрывков гекзаметрического перевода, которые Гнедич печатал в 1813—1815 годах, явствует, что вначале переводчик делал лишь опыты и потому переводил из разных по своему характеру мест поэмы. Этим объясняется то, что уже в 1815 году печатались отрывки из последних двух песен «Илиады»: XXIII и XXIV. Опыты эти свидетельствовали не о колебаниях Гнедича, а о желании утвердиться в стихотворном размере и по возможности оживлять монотонность этого размера, которая больше всего пугала критику. Именно в этом направлении и высказывались ре-

цензенты о тех отрывках, которые Гнедич публиковал в журналах по мере продвижения перевода. Начиная с середины 10-х годов печать высказывалась уже не столько о преимуществе или недостатках гекзаметра и александрийского стиха, сколько о характере гекзаметров Гнедича и языке перевода. Сохранился листок, в известной мере раскрывающий последовательность работы Гнедича над каждым стихом перевода «Илиады». Листок представляет собой подстрочный, буквальный перевод начала IX песни. Почти каждый стих имеет варианты в подстрочнике, так как переводчик не сразу подбирал полное словесное соответствие. В подстрочнике к стиху 7-му мы читаем, что волны «извергают на брег многую траву», затем Гнедич исправляет: «многие растения», затем пишет в скобках «(мох)». В стихотворном тексте все эти слова заменены словом «порост», которое не сразу попадает в перевод Гнедича. Именно слово «порост» означало определенный сорт водорослей, выбрасываемых на берег. Характерна работа Гнедича над буквальным переводом стиха 18-го. Приводим перевод этого стиха в подстрочнике:

Тяжким бедствием отягчил меня сын Кронов.

Затем Гнедич начинает более точные соответствия первой части стиха:

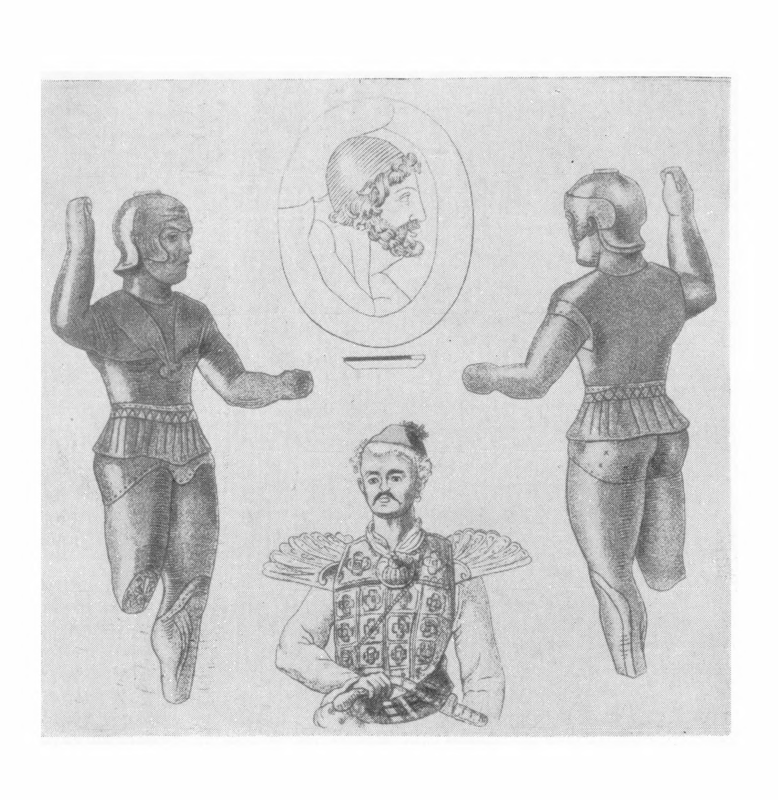
а) Тягостным долгом;
б) Трудным долгом;
в) Тягостным вредом;
г) Жестоким бедствием;
д) Злом роковым.

Но наиболее неуловимой является та мысль, что Зевс запутал Агамемнона, поймал его. Гнедич передает это следующими взаимно исключающими (но не зачеркнутыми для того, чтобы иметь выбор) словами: отягчил, обременил, опутал, обвязал, уловил, затруднил, оковал.

Слово «опутал» в подстрочнике подчеркнуто как наиболее точное. Между тем для соответствующего стиха перевода Гнедич избирает слово «уловил» и эпитетом «пагубный» в стихе 19-м ограничивает характеристику Зевса, который подверг тяжелым испытаниям Агамемнона. Однако дело не только в отыскании нужного слова. Прежде чем найти нужное слово, необходимо было представить себе те предметы, действия или лица, о которых идет речь у Гомера. Гнедич принимался за исследовательскую работу филологическую, археологическую, искусствоведческую. Такие исследования иногда надолго задерживали перевод. Прежде чем слово или понятие, встреченное у Гомера, не разъяснялось, Гнедич не переходил к следующему стиху. Он сохранял единую, принципиальную линию в отношении языка и стиля перевода с 1807 года до конца своей жизни. То, как понимал Гнедич свою стилистическую задачу, выражено им в предисловии к изданию 1829 года. Академик И. И. Толстой так пишет об этом, однажды выработанном Гнедичем стиле: «Наиболее типичной чертой, характеризующей слог «Илиады» Гнедича, является очень ярко выраженная общая возвышенность тона, созданная преимущественно подбором славянских и старинных русских слов, неупотребительных в обиходной речи...» [1].

---

[1] Гомер. «Илиада». Перевод Н. И. Гнедича. Academia, 1935, стр. 101—107.



ΕΓΡΑΦΕ
ΔΙΟΜΗΔΗΣ

Торжественность и архаичность стиля, в глазах Гнедича, не противоречила простоте, а была даже признаком простоты, но простоты величавой. Среди черновиков перевода имеется запись, заключающая мысль, лишь отчасти отразившуюся в предисловии к изданию 1829 года. Гнедич пишет: «В переводе я остерегал себя более от излишней украшенности, нежели от излишней простоты, ибо первая идет от прекрасного и вовсе несвойственна древним и более опасна, нежели последняя. Так, излишняя украшенность есть самая опасная крайность, ибо мы наиболее в нее вдаваться способны. Простота кажется глупостью, когда не бывает ни с приятностью, ни с правильностью совершенною; напротив, в блестящем слоге заключено что-то удивляющее ум посредственный, он поражает обыкновенного читателя, который готов верить, что такого рода сочинения и самые трудные и самые превосходные. Излишне украшенный слог есть недостаток наиболее опасный в наше время, ибо люди впадают в эту крайность в такое время, когда уже писатели с дарованиями произвели превосходные образцы в разных родах. Желание нравиться новым заставляет пренебрегать и естественное и простое и наконец заглушает в нас и самое к нему чувство». Выработав однажды стилистический принцип, Гнедич непрерывно совершенствовал стиль перевода, и это совершенствование носило характер не случайных поправок, а было результатом новых наблюдений, нового понимания текста Гомера, являющихся у Гнедича, по мере продвижения его труда, одним из элементов этого постепенного вчитывания переводчика в поэтику Гомера, явилась смелость, неожиданность эпитетов (вроде тучный дым, широкозаливное море, троежальные стрелы и т. п.) и словотворчество, или, вернее, новое корнеупотребление там, где не подыскивалось необходимого для перевода слова. Принципиально новым по отношению к первым опытам перевода является, например, постепенно углубляющееся у переводчика понимание народности поэмы Гомера. Это понимание привело Гнедича к поискам аналогичного выражения для русского текста, к попытке приблизить перевод к истокам русского народного творчества. Гнедич стал вносить в перевод элементы народного древнерусского языка и пользоваться фразеологией литературных памятников русской древности. Таким же новым и постепенно утверждавшимся в сознании Гнедича было понимание простоты в поэтическом языке Гомера. Язык простых людей, просторечия, часто диалектного характера, не сразу появились в тексте Гнедича, а по мере углубления в работу. При этом характерна обдуманность, с которой Гнедич решался употреблять эти просторечия, выбирая их не только из русских диалектов, но даже из украинского языка. Согласно общему замыслу стиля Гнедич при переводе избегал слов и выражений «чужеземного» происхождения, обращаясь постоянно и к древнерусскому книжному языку и к простонародным выражениям. Так называемые технические слова Гомера Гнедич считал необходимым «переводить доброзвучными старинными или новыми, подобными им, русскими названиями». Для нахождения таких слов мало было словарей. Требовались живые наблюдения над современным просторечным и диалектным словоупотреблением, чтобы найти для перевода такие слова, как: уметить (попасть), швение (вышивка), ручня (сноп), цевка (шпулька), поножи (род гетр), щегла (мачта), котва (якорь) и т. д.

Характер совершенствования языка перевода очевиден при беглом

сравнении отдельных стихов последних песен поэмы, переведенных в 1815 году, с окончательным текстом перевода этих песен.

Вот каковы, например, в ранней редакции (напечатанной в «Вестнике Европы», ч. LXXIX, № 1) стихи об Ахиллесе, терзающемся гибелью его друга Патрокла (XXIII, 58—61):

Все для покоя вожди уклонились в высокие кущи;
Но печальный Пелид, на бреге шумящего моря,
Мрачный, стенящий лежал средь безмолвных рядов мирмидонян
Ниц, на сырой земле, где вздымалися черные волны.

Эти же стихи в поздней редакции:

Все разошлись успокоиться, каждый под сень уклонился,
Только Пелид на брегу неумолкношумящего моря
Тяжко стенящий лежал, окруженный толпой мирмидонян,
Ниц на поляне, где волны лишь мутные билися в берег.

Стихи о старце Приаме, явившемся к Ахиллесу, чтобы вымолить у него тело убитого сына (XXIV, 472—479), в ранней редакции (напечатанной там же) были:

Там он любимца богов обрел посреде восседящим:
Други сидели вдали; пред ним же едины клевреты;
Отрасль Арея Алким и смиритель коней Автомедон,
Близ предстоя, служили; едва бо он вечерю кончил,
Пищи вкусив и питья; еще предстояла трапеза.
Ими незримый Приам приступил, и, повергшись на землю,
Ноги Пелида объял и, лобзая, припал к его дланям
Грозным, убийственным, многих сынов его души исторгшим.

В поздней редакции эти стихи были заменены следующими:

Там Пелейона
Старец увидел; друзья в отдаленьи сидели, но двое,
Отрасль Арея Алким и смиритель коней Автомѐдон,
Близко стоя, служили; недавно он вечерю кончил,
Пищи вкусив и питья, и пред ним еще стол оставался.
Старец, никем не примеченный, входит в покой и, Пелиду
В ноги упав, обымает колена и руки целует,
Страшные руки, детей у него погубившие многих!

Последние поправки к тексту перевода, внесенные Гнедичем на экземпляр издания 1829 года, свидетельствуют о стремлении упростить язык, не отказываясь от основного принципа, от общего характера торжественного, архаического стиля. Гнедич считает необходимым освободиться лишь от излишних церковнославянизмов, вычурности, лишних эпитетов, неясного синтаксиса. Стремясь к простоте, Гнедич в то же время избегает в языке перевода всякой модернизации, вытравляя ее беспощадно.

Вот примеры упрощений языка в переводе:

Вдали воссидя — далеко сидя
Сим утешаются — тем утешаются
Волны понурые скачут — волны понурые плещут
В кущах — в стане
Багряным вином оросивши — поливая и т. д.

Таких поправок десятки (см. перечисленные отличия данного издания и изд. Academia на стр. 822). Характерны две поправки, касающиеся именно модернизации языка, допущенной в тексте.

В издании 1829 года было:

Оба еще омывались в красиво отесанных ваннах (X, 576).

Гнедич исправил:

Оба еще омывались в красиво отесанных мойнах.

Пример этот характерен для языковых познаний и чутья Гнедича. Слово «ванна» (немецкого происхождения) вошло в русский язык лишь в XVII веке. Самые понятия — современное Гнедичу и гомеровское — не совпадали. Мойны, или мойни времен Гомера представляли собой скорее глубокие сосуды, типа бочек, чем ванны в нашем смысле.

В издании было:

С палевым медом душистым (XI, 631).

Слово «палевый» было из числа слов, вошедших в язык не ранее начала XVIII века, для обозначения золотистого цвета (франц. paille — солома). Гнедич исправляет этот стих:

С медом новым

и этим простым эпитетом дает читателю представление о цвете меда. Однако среди поправок имеются и такие, которые на первый взгляд могут показаться неудачными по сравнению с первоначальным вариантом. Так, представляется более выразительным и понятным слово «стрелец», а не заменившее его слово «лучник» в 718 стихе II песни. Между тем последнее более точно соответствует греческому обозначению, имеющему в виду воина, хорошо стреляющего из лука. Слово «стрелец», употребляемое и в отношении стреляющих из огнестрельного оружия, Гнедич нашел недостаточно точным. Более громоздким кажется стих 142 песни III: «Быстро из дому идет со струящеюсь нежной слезою» — заменивший стих: «Быстро из терема шествует, с нежной слезой на ресницах». Между тем новый вариант ближе к греческому, где отсутствует слово «ресницы». Таким же уточнением по отношению греческого текста являются и многие другие исправленные Гнедичем стихи, которые в первоначальной редакции были, быть может, более гладкими или звучными. Характернейшей из такого рода поправок является последний стих «Илиады»:

Так погребали они коneборного Гектора тело.

Первоначальный вариант этого стиха:

Так знаменитого Гектора Трои сыны погребали —

является более понятным современному читателю, но в то же время и более далеким от греческого стиха, где наличествует «конеборный», т. е. тот, кто сильнее коня, которого он может побороть. Гнедич увидел ошибку в замене этого яркого, выразительного определения — эпитетом нейтральным, характерным для каждого из главных действующих лиц эпопеи.

В предисловии к изданию 1829 года Гнедич изложил основные требования, которые он предъявлял к себе, как переводчику «Илиады». Они сводились к двум руководящим мыслям: что «должно переводить нравы так же, как и язык» и что «грамматический смысл не составляет еще поэзии»; а «робкое сохранение мыслей не перевод их, ежели они не производят того же чувствования, не производят в действие сего насильственного волшебства, которое обладает душой». Другими словами, Гнедич считал себя обязанным быть историком-исследователем, никогда не забывая о своем назначении поэта. Труд ученого должен был предшествовать вдохновению поэта. Для передачи поэтического образа надо было проделать скрупулезную работу полного осмысления текста. Трудно судить о количестве слов и речений в «Илиаде», которые заставили Гнедича произвести исследовательскую работу. Только в 20 опубликованных письмах Оленина к Гнедичу таких слов 193, а можно с уверенностью сказать, что напечатанные письма Оленина (изд. «Переписка А. Н. Оленина с разными лицами по поводу предпринятого Н. И. Гнедичем перевода Гомеровой „Илиады"». СПб., 1877) не исчерпывают не только всех трудностей переводимого текста, но и всех справок, которые делал по этому поводу для Гнедича Оленин. Судя по собственному признанию Гнедича, он всегда начинал с самого Гомера — «изъяснения Гомера самим Гомером, к толкователям же прибегая в таких только случаях, когда Гомер к уразумению себя не представляет способов». Для того чтобы понять искомое слово или выражение, Гнедич искал его в других местах «Илиады», в «Одиссее» или в так называемых Гомеровых гимнах. Затем, если «Гомер не давал ответа», он обращался к другим античным памятникам, иногда не только греческим, но и римским. Из толкователей, или комментаторов «Илиады» наибольшее количество справок давал Христиан-Готлиб Гейне (Heyne. Homeri Ilias. Leipzig, 1802), к которому постоянно обращался Гнедич, следуя за ним во многих спорных местах (см. далее о выписках из его комментария). Под рукой у него, кроме различных словарей, был еще и словарь Дюканжа, а также все европейские переводы «Илиады» как старые, так и современные: немецкий (Фосс), английский (Попп), французский (Дасье), итальянский (Чезаротти) и другие. Характерной особенностью Гнедича-переводчика было, однако, недоверие к чужим справкам и решениям, которые он тщательно проверял. Так, например, он просил Оленина выяснить значение греческого слова «тарс», которое в словарях греко-латинских (Скапул и Стефан) имеет перевод «ладонь». Слово это, действительно, при обращении к другим справочникам оказалось не ладонью, а частью подошвы ноги, что несомненно было немаловажно для переводчика. Большинство справок «толкователей» Гнедич проверял античными источниками: историками Геродотом, Плутархом, Светонием, Ксенофонтом и др. За различными справками Гнедич постоянно обращался к специалистам-эллинистам, которые не только наводили эти справки, но предпринимали по поводу их целые исследования — «диссертации», как смеясь называл их Гнедич. Таким образом, не только в решении о стихотворном размере перевода (см. стр. 24—25), но и в его осуществлении принимали участие лучшие гуманитарные силы России. За справками филологического порядка Гнедич постоянно обращался к профессору-эллинисту Д. П. Попову (1790—1862) — лингвисту-комментатору древних, автору (доныне не изданного) полного перевода «Илиады» и «Одиссеи» в прозе, сопро-

вожденного греческим подлинником. В каталоге Рукописного отд. Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина к копии этого перевода F XIV, № 22 сделано примечание, что «перевод был предпринят с археологическою только и частью педагогическою, а не литературною целью». В особо трудных случаях Гнедич обращался к известному лингвисту-эллинисту академику Ф. Б. Грефе (1780—1851), которого Гнедич и Оленин называли своим «прорицалищем». Совершенно особое участие в исследованиях Гнедича по тексту «Илиады» принимал Оленин (о нем см. выше, на стр. 21—22). Оленин был археологом-любителем, он занимался и античной археологией (преимущественно греческой) и древнерусской. Кроме того, в его руках — президента Академии художеств, директора Публичной библиотеки и члена археологических комиссий, созданных по его инициативе,— сосредоточивались многие памятники античного искусства и быта, различные увражи, таблицы, рисунки, справочники и коллекции. Гнедич обращался к Оленину преимущественно за справками и разысканиями, как он выражался, «технического порядка», т. е. о словах, связанных с вооружением и бытом. Предметами, рассматриваемыми Гнедичем с помощью Оленина, были: ткацкий станок, брони и латы всех видов, одежда и обувь воинов, оснащение кораблей и т. п. Памятником разысканий, которые предпринимал Оленин для Гнедича, является уже упомянутое издание (270 стр.) «Переписки», где одному исследованию слова «кнемеды», т. е. ножные латы (поножи), отводится 18 страниц всевозможных разысканий и ссылок. Об исследовательской работе, которую проделывал Гнедич, чтобы перевести одно слово или речение Гомера, можно судить по следующим примерам. Перевод стиха 529 второй песни потребовал от Гнедича разысканий по поводу брони, сделанной из полотна. Он писал Оленину: «Имею нужду в кратком понятии, что это за род броней... О льняных латах говорит Ксенофонт; а о подобных, известных и в Европе, латах оленьих, тридцать раз полотном подбитых, говорит Брантом». Общее указание на то, что полотняные латы существовали и в древности, но употреблялись еще и в XVI веке, не удовлетворило Гнедича. Он просил Оленина сообщить ему, как и с какой целью надевались латы и каково их устройство. Повидимому, письмо Оленина с подробными сведениями и ссылками на Геродота, Плутарха, Светония (письмо от 29 декабря 1826) вызвало еще вопросы Гнедича, потому что 31 декабря он дает Гнедичу дополнительные сведения. «Я надеюсь, что вы теперь убедились в том, что сии полотняные брони были не что иное, как попросту сказать род фуфаек без рукавов, сделанных из нескольких полотнищ льняного холста или бумажного полотна, простеганных на вате»,— отвечал Оленин и посылал Гнедичу выписку из Павзония, который писал: «...сего рода брони были гораздо легче медных и железных, и если они не защищают от сильных ударов железом, то зубы львов и леопардов на них отупляются, и потому они полезнее на охоте, чем на войне». Не менее интересен путь исследований Гнедича по поводу кораблестроительных терминов. Для выяснения этих слов не только пришлось изучать устройство греческого корабля и все его части, но и обратиться к русскому летописанию и справкам у северных и волжских русских корабельщиков. Гнедич не удовлетворялся сведениями, ему нужны были реальные представления, так как без них не могло быть творчеста, и он добивался этих представлений разными путями: справками у античных и новых историков, рассмотрением античной живописи, скульптуры

и т. п. Так, для ознакомления с льняной или полотняной броней Гнедич должен был посмотреть не только этрусские вазы, изображающие отъезд Ахиллеса и Патрокла на войну и сражение Ахиллеса с Телефом, но и «такого же рода броню» в коллекции Мраморного дворца, где имелся монгольский шлем, у которого «тулья», наушники и задок сделаны из стеганой и крепко набитой хлопчатою бумагою, или ватою, шелковой материи. Оленин был хорошим рисовальщиком и постоянно снабжал свои письма всевозможными рисунками, отвечающими на вопросы Гнедича по текстам «Илиады». На основании своих разысканий Оленин изображал воинов в действии, детали вооружения или костюма, части судов, станков и проч. Эти рисунки дополняли те представления, которые Гнедич мог получить по разным памятникам скульптуры, изображениям на вазах и т. п.

Комментарий Гнедича.

Комментарий к поэме создавался в процессе перевода и был результатом углубленной работы над передачей на русский язык понятий и образов античного мира. По первоначальному плану Гнедич думал ограничиться толкованиями к отдельным словам и выражениям Гомера. Образцы такого толкования имеются в черновых рукописях «Илиады». Например, к стиху: «Полосу встречные гонят; ручни на ручни упадают» (XI, 69) было дано примечание: «Обычай древних был — жнецов ставить с двух краев нивы, чтобы они жали друг к другу приближаясь, с тем намерением, чтобы возбуждать в них сторона противу стороны рвение и чтобы господин мог видеть, в ком оно больше». Повидимому, огромное количество аналогичных мест в поэме, которые нуждались бы в толковании, заставило Гнедича обобщить их. План обобщенного комментария рисуется по сохранившейся тетради «Материалов для введения и примечаний» (Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел. Оленинская опись F XVIII, № 6). Тетрадь эта состоит из выписок, сделанных рукой переписчика по разметке Гнедича из исследований европейских толкователей Гомера: Х. Г. Гейне, Вольфа, Шуберта, Вебба и Найта. Выписки снабжены замечаниями Гнедича. В тетрадь входят выписки из комментариев немецких исследователей Гомера Х. Гейне (Homere Carmina, тт. I—IX. Лейпциг, 1802—1822), Фридриха Вольфа (Wolf. Prolegomena ad Homerum, 1795), из книг английских археологов: Филиппа Баркера Вебба «Замечания на древнее и нынешнее состояние троянского поля. Милан, 1821» и Ричарда Пайна Найта (Knight Carmina Homerica Ilias et Odyssea). Выписки характеризуют круг задуманного Гнедичем комментария. Сюда входит и полемика о Гомере, и современная локализация событий войны, воспетой в «Илиаде», и, наконец, широкий круг тем, в основном исчерпывающих пояснения к поэме. Выписки, сделанные из комментария Гейне, дают 20 тем (темы избраны из девяти томов труда Гейне) и, повидимому, определяют основной состав будущего комментария Гнедича. Вот эти темы: 1. О Гомеровом Олимпе и об амврозии; 2. О скипетре Агамемновом, царстве и преемстве, о пределах государства и об аргосцах; 3. О местах, на которых сражались предводительствующие Троею, троянцы и греки; 4. О расположении и укреплении греческих лагерей; 5. О мифологии Гомеровой; 6. О Гарпиях; 7. О религии Юпитера по мнению Гомера и древних его истолкователей; 8. О счислении дней в Илиаде и разделении сра-

жений по оным; 9. О щите Ахиллесовом; 10. Об ионическом диалекте Гомера; 11. Об употреблении древних грамматиков в истолковании стихотворения Гомерова; 12. О Гомеровой аллегории; 13. Мнения ученых мужей о рапсодии; 14. Об Илиаде вообще и о частях ее и о составе рапсодий; 15. О содержании Илиады и о частях стихотворения; 16. Об Илиаде, читанной по рапсодиям, и рапсодах; 17. О составе рапсодии; 18. О Гомере, авторе Илиады; 19. О достоинствах Гомеровых сочинений; 20. О строе Гомеровом и тактике греков и троянцев. Последняя тема была разработана Гнедичем и напечатана в виде статьи «О тактике ахеян и троян» (см. стр. 780), что служит доказательством того, что все остальные темы Гнедич предполагал разработать подобно этой. Статья эта, напечатанная в журнале «Сын отечества», 1826, ч. 109, № XX, стр. 330, была снабжена, кроме авторского примечания, еще и примечанием издателя журнала Н. Греча: «Н. И. Гнедич, кончив перевод Илиады гекзаметрами, готовит оный к изданию в свет с археологическими примечаниями, которые должны способствовать читателям как к уразумлению творения Гомерова, так и вообще для распространения познаний о древностях греческих. Желая познакомить отечественную публику нашу с свойством и достоинством замечаний, кои г. Гнедич присоединяет к переводу своему, мы испросили у него позволение напечатать некоторые из них в «Сыне отечества» («продолжение впредь»). Продолжения, однако, не последовало, хотя из заметки Греча явствует, что у Гнедича было написано несколько статей такого же характера. Статья «О тактике ахеян и троян» является оригинальной работой Гнедича. В примечаниях к напечатанной статье Гнедич сам делает наименование циклов, которые и должны были, повидимому, составить особую монографию, комментирующую поэму,— это циклы: Военное искусство, Мифология и др. Данная тема должна была входить в цикл «Военное искусство», с несколькими очерками, аналогичными статье «О тактике ахеян и троян».

Чтобы судить об объеме разысканий, предпринятых Гнедичем для данной статьи или главы будущего комментария, достаточно обратиться к уже упомянутой книге «Переписки» Оленина. В этой книге разыскания и таблицы, отсылавшиеся Гнедичу, на темы: о лестницах, башнях, о материалах, из которых делались стены, и о способах взятия крепостей — занимают треть всей книги, т. е. 70 страниц. Между тем разыскания Оленина составляли лишь часть того материала, который нужен был Гнедичу для комментария. Упомянутые выписки Гнедича из исследований европейских комментаторов показывают, что Гнедич работал, проверяя одного комментатора другим, о чем свидетельствуют заметки Гнедича на полях рукописи с выписками. В связи с темой статьи «О тактике» Гнедич занимался таким критическим, сравнительным изучением исследований на данную тему — X. Гейне, Вебба, Найта (см. выше). Для живого, наглядного представления о тактике, вооружении, одежде и военной морали героев «Илиады» Гнедич обратился к литературе о современных греческих войсках, книге ученого, путешественника Пуквиля («Путешествие в Морею, Константинополь, Албанию и проч. провинции Оттоманской империи». Париж, 1805, тт. 1—3) и книге «Мемуаров полковника Вутье о современной войне греков». Париж, 1823, на которую Гнедич ссылается в своей статье. В ответ на упрек Оленина, что Гнедич не упомянул о броне и латах, Гнедич отвечал: «В статье о тактике не упоминал

я обо всех родах оружий Гомерических, потому что не об них идет речь, а в особенной об них статье, конечно, будут они все исчислены». Статья «О тактике ахеян и троян» дает представление о характере всего комментария Гнедича, весьма своеобразного на фоне академического педантизма, который характеризует, например, комментарий X. Гейне.

Задача Гнедича состояла в доступности комментария, в простоте изложения. По этому поводу Гнедич писал Оленину: «Душевно рад, что статья о Тактике вам нравится, я думаю не менее и оттого, что она не обременена тщеславною выказкою учености. Писатель изъяснений должен быть учен для себя, а не для читателя». В связи с требованием Оленина написать объяснение о латах и броне, с перечислением различных, упомянутых у Гомера названий, Гнедич пишет, что «названиями оных определить их род и вид по Гомеру невозможно: он поэт, а не систематик», и дальше, спрашивая у Оленина о льняной броне Аякса, пишет, что нуждается «в кратком понятии», добавляя: «мне никогда не должно упускать из виду, что я не пишу археологических диссертаций, а только поясняю Гомера».

Монография-комментарий, задуманная Гнедичем, была большой задачей, не только научной, но и литературной. Целью ее было широкое ознакомление читателя с героическим миром Гомера.

Быть может, именно потому, что безразборное нанизывание сведений и разысканий не устраивало Гнедича, комментарий к переводу не был завершен. Отрывки его (кроме напечатанной статьи о тактике), повидимому, были уничтожены Гнедичем, так же как и большая часть тех исследований, которые должны были служить материалом для комментария. Уже в апреле 1827 года Гнедич писал: «Порывался приготовить к изданию „Илиаду", с примечаниями и введением читателя в мир Гомерический, и ничего не успел от немощи» (письмо к В. В. Измайлову от 21 апреля 1827 года).

2. *Краткие объяснения к тексту «Илиады»*

«„Илиада",— пишет Гнедич,— заключает в себе целый мир, не мечтательный, воображением украшенный, но списанный таким, каков он был, мир древний, с его богами, религией, философией, историей, географией, нравами, обычаями, словом — всем, чем была Греция». Поэма, названная Гнедичем «энциклопедией древности», была создана в Греции около середины VIII века до н. э.

Имя Гомера, поэта-аэда (аэды были певцы-импровизаторы, исполнявшие свои произведения всенародно или в домах знатных людей), окружено легендами. Записи отдельных отрывков или песен «Илиады» были соединены и очищены от чуждых наслоений античными филологами II века до н. э. Издана «Илиада» была впервые в 1488 году. Первый опыт русского перевода был сделан Ломоносовым в 1748 году (Стихотворные отрывки из VIII, IX и XIII песен). В 1778 году «Илиада» была полностью издана в прозаическом переводе П. Екимова. В 1787 году вышли 6 песен «Илиады» в стихотворном переводе Е. Кострова. Первым полным стихотворным переводом является перевод Гнедича.

В основе сюжета «Илиады» лежат легенды о Троянской войне.

Поэт говорит о том, что повествование его основано на устных преданиях:

Сами сказания давние слыша из уст человеков (XX, 204).

Легенды эти имеют исторические корни. Крепость Илион-Троя действительно существовала. Она находилась на малоазиатском берегу Эгейского моря (на небольшом расстоянии от моря) к югу от Дарданелльского пролива. На современные карты, рядом с турецким наименованием Гиссарлык, нанесено и наименование Илион. Раскопки 70—80-х годов XIX века, предпринятые знаменитым археологом Шлиманом, обнаружили остатки нескольких городов, возвышавшихся над дорогой, ведущей к проливу. Каждый из обнаруженных раскопками городов получил наименование Трои. Один из них, а именно Троя VI, по своему положению и обломкам зданий наиболее соответствовал описаниям в «Илиаде». Город располагался террасами, стены его зданий были сделаны из гладко отесанных камней (см. стихи 243—248 песни VI). Раскопки обнаружили и следы пожара, который археологи относят к XIII—XII векам до н. э. Воинственность троянцев определялась положением их крепостей, доминирующих над торговыми путями, но война такая, какую изобразил поэт в «Илиаде», потребовавшая объединения всех областей Греции против небольшого государства, остается для историков загадочной.

Цикл легенд о Троянской войне повествует о том, как троянский царевич Парис вероломно обманул спартанского царя Менелая, похитив у него красавицу жену Елену. Оскорбленный Менелай соединился со своим братом Агамемноном, главой Микенского царства, и призвал к войне властителей всех греческих областей. Войска греков приступили к осаде Трои, которая длилась десять лет. Троя пала после гибели Гектора. Чтобы проникнуть в крепость и открыть ворота, грекам понадобилась хитрость. Ее подсказала им богиня Афина (легенда о деревянном коне, в котором поместился отряд греков). Разрушением и сожжением Трои и возвращением Елены к Менелаю еще не заканчивается троянский цикл. За этим следует повествование о странствиях и несчастиях греческих победителей на пути их домой («Одиссея»).

Тема «Илиады» не охватывает всего цикла, а лишь те события, которые приближают войну к развязке на десятом году осады крепости.

События эти объединены основным сюжетом — ссорой юного царя Фессалии Ахиллеса с верховным правителем микенским (аргосским) царем Агамемноном. Ахиллес (самый храбрый и самый сильный из ахейцев) отказался участвовать в битвах.

Без помощи Ахиллеса греки не выдерживают натиска троянцев. Ахейская армия близка к гибели, и только вмешательство друга Ахиллеса юного храбреца Патрокла, а затем, после его гибели, самого Ахиллеса спасает положение греков.

Ссоре Ахиллеса и Агамемнона посвящена первая песня. На протяжении пятнадцати песен развертываются последствия ссоры.

XVI песнь начинается косвенным вмешательством в события непреклонного до того времени Ахиллеса, отпустившего для единоборства с Гектором своего друга Патрокла. Последние шесть песен, начиная с XVIII, посвящены подвигам Ахиллеса, разъяренного гибелью своего друга.

События осады показаны в поэме двусторонне: и в стане осаждающих и в осажденной крепости. Действующими лицами являются, с одной стороны, герои ахейцы, с другой — троянцы.

Рассказ беспристрастен, и троянцы и греки изображены с хорошей и дурной стороны, хотя троянцам в поэме уделено меньше места, чем ахейцам. Два главных героя противопоставлены друг другу: Ахиллес и Гектор. *Ахиллес* — сын Пелея *(Пелид, Пелейон, внук Эака, Эакид)* и морской богини Фетиды, царь Мирмидона в южной Фессалии (отсюда название войск Ахиллеса — «мирмидоны»). Он всегда победоносен, но Зевс предсказал ему недолговечность в случае, если он не перейдет к мирному существованию. Но у него душа героя, и он предпочитает смерть бесславному существованию (XIX). Его обуревают страсти, самая сильная из них гнев, на которой и построен весь сюжет «Илиады». *Гектор* — сын троянского царя Приама *(Приамид)*, предводитель троянских войск. Неустрашимость и мощь его равняются могучей храбрости Ахиллеса. Чувство д о л г а перед народом и войском руководит всеми его поступками. (См., например, сцену прощания Гектора с женой Андромахой и сыном, VI.)

Главными действующими лицами со стороны греков являются: *Агамемнон* — сын Атрея *(Атрид, Атрейон)*, царь Микен, вождь всей греческой (ахейской) армии, состоящей из войск союзных греческих царств; *Менелай* — брат Агамемнона (тоже *Атрид, Атрейон)*, царь Спарты, супруг красавицы Елены. Обида, которую нанес ему троянец Парис, явилась поводом к войне; *Аякс* — сын царя Теламона *(Теламонид)*, самый сильный, после Ахиллеса, ахейский воин; *Нестор* — сын Нелея, царь Пилоса, старейший и мудрейший предводитель ахейских войск; *Одиссей* — сын Лаэрта *(Лаэртид)*, царь Итаки, умом, хитростью и изобретательностью превосходящий всех остальных героев (его приключениям посвящена вторая поэма Гомера «Одиссея»); *Диомед* — царь Аргоса, один из храбрейших ахейцев.

Главными действующими лицами, представляющими Трою, являются: *Приам (Дарданион, потомок Дардана, сына Зевса)* — царь Трои, замечательный своей мудрой распорядительностью, домовитостью и сочетанием семейственных чувств с долгом властителя (III и XXIV); *Парис*, или Александр, один из многочисленных сыновей Приама *(Приамид)*, предпочитавший негу трудностям бранной жизни. Нужны упреки его мужественного брата Гектора, чтобы подвигнуть его к сражениям (III). Роль его является роковой: он похититель гречанки Елены, от его стрелы суждено погибнуть Ахиллесу.

Две женщины являются героинями поэмы: гречанка *Елена*, с ее губительной красотой,— слепое орудие в руках богини любви Афродиты, и добродетельная *Андромаха*, троянка, супруга Гектора.

События войны перемежаются картинами мирных занятий (сельское хозяйство, домоводство, ремесла, искусство) и описаниями отношений героев (родительские чувства Приама, скорбь Ахиллеса о друге Патрокле, супружеская любовь Гектора и Андромахи).

Судьбы Трои и воюющих сторон — в руках всесильных богов. Олимп — такое же место действия, как и Троянское поле. Боги разделились на два враждебные лагеря: сторонников ахейцев и сторонников троян. Происходит борьба богов, выражающаяся в подобных человеческим интригах, хитростях, жестоком преследовании. Наиболее выразительны эпизоды ссор богини Геры со своим супругом, вседержителем Зевсом (VIII) и знаменитый эпизод обольщения и усыпления

Зевса (XIV), предпринятых Герой для того, чтобы иметь возможность помочь троянцам.

Олимпийские покровители троянцев: *Зевс* (*Эгиох*, держащий эгид, скипетр), сын древнего властителя Олимпа Крона (*Кронид, Кронион*) и Реи, низвергнувший с Олимпа своих родителей,— повелитель неба и земли. В его руках судьбы богов и людей, но и он вынужден уступать велениям всесильного рока. *Афродита, Киприда, Киприогения* (т. е. родившаяся на Кипре) — богиня любви, дочь Зевса. Она покровительствует Парису, и она виновница Троянской войны. *Аполлон, Феб, Сминфей* — сын Зевса и Латоны, бог-покровитель искусств, бог-стрелок, особо почитаемый троянцами, поставившими ему храм в Пергаме (крепость в Трое). Помощницей Аполлона является его сестра богиня-девственница *Артемида* (*Феба*), богиня охоты.

Ахейцам покровительствуют две сильные богини: *Гера* (*Аргивская* по культу аргивян) — супруга и сестра Зевса и богиня войны, мудрости и ремесел *Афина Паллада* (*Алалкомена, Тритогония, Тритония*). В зависимости от хода военных действий и событий, которые происходят в осажденной Трое и в ахейском стане, и менее могущественные боги оказывают помощь героям. Гера посылает к ахеянам своего сына, бога войны *Арея* (*Эниалий, неистовый*). Богиня морских пучин *Фетида* опекает своего сына Ахиллеса, и по ее просьбе *Гефест* (или *Вулкан*, прозванный *Амфигиеем*), бог-кузнец, кует ему несокрушимый щит (XVIII). *Гермес* (*аргусоубийца*, т. е. убивший Аргуса) (V), юный сын Зевса,— бог-посланник, опекает старца Приама в его опасном путешествии в стан Ахиллеса.

Песнь I

Богиня, воспой (1) — обращение к музе, которая должна вдохновить поэта, чтобы воспеть гнев Ахиллеса. Музой героической песни считалась Каллиопа. *Аид*, или *Аидес* (4) — невидимое царство мертвых. *Ахеяне, ахейцы* (2, 22), *аргивяне* (42), *данаи* (87) — название греческих племен, которыми заменяется название «греки». *Лета*, или *Латона* (9, 36) — первая супруга Зевса, мать Аполлона и Артемиды, богиня солнечного и лунного света. *Пернатая* стрела (48) — стрела, выпускаемая из лука, была оперена металлическими перьями. *Меск* (50) — мул, помесь лошади и осла. *Гекатомба* (142, 309, 438) — жертва богам, состоящая из сотни коз или телят (*стотельчая*). *Черен* (219) — рукоятка оружия. *Скипетр* (239) — жезл, который подавался царю или жрецу, когда он держал речь перед народом. *Лютые чада гор* (268) — *кентавры*, великаны, полулошади-полулюди. *Менетид* (307) — сын Менетия, *Патрокл*, друг Ахиллеса. *Понт* (350) — море. *Посейдон* (400) — бог моря. *Эгеон*, или *Бриарей* (403) — великан, сторукое чудовище. *Титан* (404) — сын Геи и Урана (земли и неба), древних богов, которых Зевс низвергнул с Олимпа в подземное царство *Тартар*. *Котва* (436) — старинное русское название якоря. *Соль и ячмень подымают* (449) — возносят к небу как жертвенные, чтобы потом осыпать ими жертву богам. *Пеан* (473) — гимн в честь богов. *Нектар* (598) — ароматический напиток богов.

Смех несказанный воздвигли блаженные жители неба (599) — этот стих и породил выражение «гомерический смех».

Песнь II

Хитон (42) — рубашка без рукавов. *Плесницы* — обувь, род сандалий. *Рамена* (45) — плечи, плечо (рамо). *Осса* (93) — вестница Зевса. *Стогны* (141) — площади. *Эвр* (145) — юго-восточный ветер. *Нот* (145, 395) — южный ветер. *Зефир* (147) — северо-западный ветер. *Хлена* (262) — плащ из шерсти, теплая одежда. *Парки* (302), или *Мойры* — богини судьбы. *Эгида*, или *Эгид* (349, 447—449) — щит богов, вид которого вызывал ужас. Его носили Зевс и Афина, и он имел вид косматой шкуры, украшенной головой горгоны. *Стотельчие* — см. в примечании к I песне *«Гекатомба»*. *Каистр* (461) — река в Лидии. *Пифос* (519) — древнее название дельфийского (г. Дельфы, центр культа Аполлона) храма и оракула. *Кифара* (600) — музыкальный инструмент, род лютни. На нем аккомпанировали пению аэдов и рапсодов. *Иней* (641) — царь Этолии, области, входившей в состав Микенского царства (Греции). *Деметра*, или *Церера* (696) — богиня земли, плодородия, она дарует человеку хлеб. *Алкеста* (714—715) — жена фессалийского царя Адмета, пожертвовавшая своей жизнью за мужа, которому прорицатели сказали, что день его смерти мог бы быть отсрочен, если бы нашелся человек, который за него умрет. *Филоктет* (718) — царь Фессалии. Геркулес, умирая, подарил ему свой лук и стрелы. Согласно прорицаниям, именно Филоктет должен был убийством Париса (из лука Геркулеса) завершить войну с троянцами. Это и заставило ахеян пригласить престарелого царя. *Гидра* (723) — водяная змея. *Эврипил* (736), или *Эвмонов сын* — царь города Ормения в Фессалии. *Стикс* (755) — река в подземном царстве (Аиде). *Сулица* (774) — род копья. *Тифей* (782) — бог подземного огня, извержений вулканов. *Ириса* (786) — богиня-посланница. *Мирина* (814) — амазонка, всадница-воительница. Амазонки помогали троянцам и совершали набеги на греческие земли. *Дардане* (819) — жители Дардании, города Троянского царства у горы *Иды*. *Рвы очищают* (153) — речь идет об особых каналах, по которым суда спускали в море.

Ферсит, или *Терсит* (212—271) — в основе имени слово «наглец». По древним мифам *Ферсит* принадлежал к царскому роду и был родственником ахейского царя Диомеда. Гомер изобразил его злобным демагогом.

Песнь III

Пигмеи (6) — карлики, с которыми ежегодно воюют журавли. Нападение сопровождается криком. Здесь с журавлями сравниваются троянцы, которые шли в бой с воинственными кликами, что считалось признаком диких нравов. *Пард* (17) — барс. *Скейская башня* (149) — крепостная башня у западных ворот Трои (Скейские ворота), ведущая в лагерь осаждающих. *Илиос* (277) — солнце. *Поножи* (330) — род медных гетр, часть лат, покрывающая ноги от колен до ступни. *Наглезна* (331) — застежка на поножах, у ступни, в том месте, которое именуется *глезной*, или голенью. *Кожу вола, пораженного силой* (375) — т. е. ремень, сделанный из этой кожи.

Песнь IV

Геба (2) — дочь Зевса и Геры, олицетворяющая юность, прислужница олимпийских богов. *Ладонь* (109) — мера длины. *Нащечник* (142) — часть сбруи из особых дисков для щек лошади. *Завязка стрелы* (151) — струна, которая приматывалась к концу древка. *Хирон* (219) — кентавр, воспитавший Ахиллеса. Он прорицатель и искусный врач. *Ахейская башня* (334) — здесь в значении вала, стены, образовавшейся из сплоченного ряда греков. *Сын скиптроносца Петея* (338) — Менесфей, предводитель афинских войск. *Сразилися кожи* (447) — встретились кожаные щиты врагов. *Мы и престольные Фивы разрушили, град семивратный* (407) — Фивы в пределах Греции, в Беотии, в отличие от «стовратных» Фив в Египте.

Песнь V

Бодатели (102) — погонщики, подстрекающие волов к бегу. *Сорвал корысти* (151) — снял вооружение и одежду воина. *Ганимед* (266) — см. о нем в песне XX, 232—235. *Хариты* (338) — три спутницы Афродиты, богини радости и красоты. *Амврозия* (369) — пища богов, дающая вечную юность и крепость. *Пергам* (446) — крепость Трои. *Алоиды* (386) — великаны, дети Алоея, внуки бога подземного царства Посейдона. *Скимн* (476) — лев (слово греческое, оставленное непереведенным). *Плева* (499) — мусорный злак, засоряющий хлеба. *Борей* (524) — северный ветер. *Сын знаменитый и внук* (631) — *Геркулес*, или Геракл, сын Зевса, знаменитый своими подвигами и силой, и его сын *Тлиполем*, царь острова Родос. *Горгона* (741) — чудовище, олицетворение ужаса. Люди каменели от ее взора. *Горы* (749) — богини времен года. *Шлем Аида* (845) — шлем, делающий богиню невидимой даже для богов (см. Аид в примечании к песне I). *Так, Тлиполем, Геракл разорил Илион знаменитый* (648).— У царя троянского Лаомедонта (отца Приама) была дочь Гессиона, которую Геркулес спас от чудовища, хотевшего ее пожрать. Лаомедонт обещал за это подарить Гераклу волшебных коней и обманул его, после чего Геркулес разорил Трою и убил Лаомедонта. *Тонкий покров разрешила* (734) — т. е. сняла.

Песнь VI

Мириковый куст (39) — тамариск. *Химера* (179) — чудовище с львиной головой, хвостом дракона и туловищем козы. *Беллерофонт* (197) — победитель Химеры. *Сарпедон* (199) — властитель Ликии, сын Зевса и Лаодамии, союзник троянцев. *Златобраздая гневная Феба сразила* (205) — смерть, наступившая внезапно, объяснялась стрелой, которою пронзила богиня Афина (Феба). *Гридня* (316) — помещение для пиршеств, столовая зала. *Лакоть* (319) — локоть, мера длины, равная приблизительно 20 сантиметрам.

Песнь VII

Иардан (135) — река на западе Пелопоннеса. *Усмарь* (221) — шорник, кожевник. *Воспящать* (342) — обращать вспять, останавливать.

Песнь VIII

Тартар (13, 481) — подземное царство, бездонная пропасть под землей и морем, соответствующая представлению об аде, где мучатся души грешников. *Цепь золотую* (19) — цепь, которая соединяла небо и землю. *Перун* (75, 133) — молния, стрела громовержца. *Одиссей, благородный страдалец* (97) — эпитет связан с легендами о страданиях Одиссея на пути домой после гибели Трои (на этом построен сюжет «Одиссеи»). *Быстро орла ниспослал* (247) — орел считался *священной птицей*, вестником Зевса. *Налящать* (325) — напрягать, натягивать. *Сына его, Эврисфеем томимого* (363) — речь идет о Геркулесе, который вынужден был терпеть поругания злобного царя микеян *Эврисфея*. *Япет* (479) — один из титанов, свергнутых Зевсом в преисподнюю. *Жесточь* (531) — ожесточенный натиск.

Песнь IX

Порост (7) — морская трава красного цвета. *Галант* (122) — единица веса. *Ифианасса* (145) — вероятно, *Ифигения*, дочь Агамемнона, которую он принес в жертву богине Артемиде. Согласно мифу, она была жрицей при храме богини в далекой греческой колонии Херсонесе. *Вено* (146, 288) — выкуп за невесту. *Накольня* (187) — перекладина, скрепляющая рога на лире. *Град Гетиона* (188) — Фивы. *Лот* (206) — корыто. *Автолик* (266) — царь, живший близ горы Парнас, дед Одиссея, знаменитый своими обманами, нарушением клятв и воровством. *Эриннии*, или Эвмениды (454) — немилосердные девы, терзающие нераскаявшихся, олицетворяют совесть. *Персефония* (457) — Прозерпина, богиня загробного мира, дочь Деметры. *Марписса* (557) — нимфа, которую смертный Ид отнял у похитившего ее Феба. *Алкиона* (563) — Клеопатра, дочь Марписсы и Ида, жена Мелеагра, которая после смерти его с тоски обратилась в алкиону-чайку. *Эреб* (572) — ад, кромешная тьма.

Песнь X

Цевница (13) — духовой музыкальный инструмент, сопелка. *Филеев сын* (110) — Мегес, сын Филея, племянник Одиссея. *На мечном острии распростерта* (173) — на острие меча, поговорка, означающая, что вопрос решится в ту или другую сторону. *Звезды ушли уж далеко; более двух уже долей* (252) — ночь делили на три доли, определяя их по положению звезд. *Ведомец* (324) — разведчик. *Ил* (415) — основатель Илиона, главного города Троянского царства.

Песнь XI

Тифон (1) — брат старца Приама, троянец, которого Зевс сделал бессмертным по просьбе нимфы Эос. *Кинирас* (20) — царь Кипра, основатель культа богини любви Афродиты. *Воронь* (24—35) — чернь. Черным, сизым или темноголубым цветом производилось на Кипре искусное вороненье медных лат. *Звезда вредоносная* (62) —

Сириус, с ее восхождением в июле связывали летние лихорадки. *Ручни* (69) — снопы (буквально: горсть, стебли, взятые в горсть). *Илифии* (270) — дочери Зевса и Геры, богини, помогающие родильницам или вызывающие роды. *Трость* (584) — древко стрелы.

Песнь XII

Сокрушали грудные забрала (258, 263) — прикрытия стен, брустверы (нем. Brustwehr — грудное забрало).

Песнь XIII

Гиппомолги (5) — народ, питающийся молоком кобылиц (буквально: доители кобылиц). Комментаторы предполагают, что речь идет о скифском племени. *Панцырей, вновь уясненных* (342) — вычищенных. *С нуждой* (687) — здесь в смысле: «с трудом».

Песнь XIV

Лествицы (35) — ряды. *Океан и Тефиса* (201) — родители Реи, матери Зевса и Геры. *Лект* (284) — мыс против о. Лесбоса. *Виталище горной* (290) — летающей в горах, речь идет об ястребе (*киминда*, или *халкида*). *Дионис*, или Вакх (325) — бог радости и вина, сын Зевса и Семелы. *Гиакинф* (348) — гиацинт, цветок, обладающий сильным запахом и нежной окраской (луковичный).

Песнь XV

По советам премудрой Афины (71) — согласно легендам, Троя была взята после пожара, который зажгли проникшие в крепость греки. По совету богини они соорудили деревянного коня, который и служил им укрытием. *Аскалаф* (111) — сын бога войны Арея, убитый *Деифобом* (см. об этом в песне XIII).

Песнь XVI

Гарпии (150) — демоны вихря, существа женского пола, одна из гарпий *Подагра* (быстроногая). *Сперхий* (174) — бог реки. *Селлы* (234) — жрецы, толкователи воли Зевса. *Покляпый* (428) — пригнутый книзу. *Ужасную ночь* (567) — здесь в смысле: темноту, наступившую днем. *Плясатель ты быстрый* (617) — насмешка по адресу Мериона, он был родом с о. Крита, знаменитого танцами.

Песнь XVII

Панфоевы дети (23) — дети одного из почтеннейших троянцев Панфоя: Полидамас, Эвфорб. *Гиппофоой* (288) — один из сыновей троянского царя Приама. *Видел других человеков* (328) — речь идет о походе на Трою Геркулеса (см. примеч. к п. V).

Песнь XVIII

Нереиды (38) — морские богини, или русалки. Одна из них — мать Ахиллеса *Фетида*. *Амфигией* (462) — Гефест, или Вулкан, бог огня, кузнец. *Плеяды, Гиады и мощь Ориона* (486) — созвездия. *Арктос* (487) — Большая Медведица. *Хитрый Дедал* (592) — скульптор и зодчий, строитель знаменитого лабиринта на о. Крит. *Сфенел* (116) — сын Персея *(Персеид)* и Андромеды, царь микенский. *Поперсье* (393) — хомут. *Должен от мощного бога и смертного мужа погибнуть* (417) — *Ахиллес* погиб от стрелы Париса, но стрелу эту направил меткий Аполлон.

Песнь XX

Пелиас (90, 187) — копье Ахиллеса именуется пелионским, так как сделано из дерева ясеня с горы Пелион. *Сами сказания давние слыша из уст человеков* (204) — здесь комментаторы видят указание на легендарные источники «Илиады».

Песнь XXI

Пруги (12) — саранча. *Ахелой* (194) — самая большая река в Греции (в Этолии). Здесь царь Ахелой как божество этой реки. *Копь* (259) — канавка для стока воды. *Понималось* (300) — покрывалось. *Кипер душистый* (351) — род тростника, растущего в низинах. *Нам поспешать* (459) — помогать, споспешествовать. *Тул* (502) — колчан. *Агенор* (545) — троянец, сын почтенного *Антенора*, друга Приама.

Песнь XXII

Пес Ориона (29) — Сириус, см. песнь V, 5. *Нет, теперь не година с зеленого дуба иль с камня* (126), т. е. теперь не время возвращаться к самому началу. Здесь поговорка, основанная на представлении о происхождении людей от деревьев и камней. *Геспер* (318) — вечерняя заря. *Менада* (460) — вакханка, участница культа Вакха (Диониса). *Чаще ж его от трапезы счастливец семейственной гонит* (496) — сирота считался неполноценным, неугодным богам, и его не допускали к культовым праздникам.

Песнь XXIII

Кóзон (88) — игральная кость, бабка. *Кудри обрезать* (146) — обычай при наступлении зрелости обрезать кудри и бросать их в реку у ее истоков, посвящая речному богу. *Обрядили* (167) — здесь в смысле: освежевали. *Сажень маховая* (327) — мера длины, расстояние от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой. *Адраст* (347) — царь Аргоса, главный участник похода на Фивы, которого спас на поле битвы его конь Арейон, происходивший от богов Де-

метры и Посейдона. *На вержение диска* (523) — расстояние полета диска. *Цевка* (761) — катушка, на которую наматывается *уток* — нити в ткани, идущие поперек основы.

Песнь XXIV

Землю, землю немую (54) — прах, то, что стало землей, т. е. тело мертвого. *Быстро, подобно свинцу, в глубину погрузилась богиня* и след. (80) — т. е. подобно удочке со свинцовым грузилом. Устройство ее с прикреплением «под рогом вола полевого» комментаторам неизвестно. *Эриуний* (360) — эпитет, применяемый к богу Гермесу (дружелюбный или благодушный). *Обитель Макарова Лесбос* (544) — о. Лесбос был некогда царством Макара, сына Эола, родоначальника эолийцев.

ОСНОВНЫЕ СОБРАНИЯ РУКОПИСЕЙ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. И. ГНЕДИЧА

Рукописное отделение Государственной Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде

1. Печатный экземпляр «Илиады» с последними поправками Гнедича (карандашные и чернильные поправки на вклеенных листах и между строк).— Оленинская опись F XIV, № 2.

2. Черновые тетради перевода «Илиады», 160 л. (IV, VII, X, XI, XIX, XX, XXIII песни).— Оленинская опись F XIV, № 14.

3. Писарская копия перевода «Илиады» с автографическими поправками Гнедича.— Оленинская опись F XIV, № 1.

4. Материалы для введения и примечаний к «Илиаде» с заметками Гнедича.— 208 л. F XVIII, № 6.

5. Корректурный экземпляр «Илиады» с заметками и правкой Гнедича.— Оленинская опись F XIV, № 5.

6. Печатный экземпляр стихотворений Н. И. Гнедича изд. 1832 года, с последними автографическими поправками.— Оленинская опись F XIV, № 2.

7. Черновые автографы стихотворений Гнедича (16 автор.).— Архив П. Тиханова № 787/53.

8. Черновые наброски поэмы о Васильке Теребовльском.— Собр. автографов Н. И. Гнедича, лл. 71—74 об.

Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР

1. Автограф подстрочного перевода начала IX песни «Илиады».— Ф. 93, оп. 4, № 7.

2. Автограф подстрочного (с различными заметками) перевода IX песни «Илиады», ф. 627, оп. 2, № 8.

3. Запись в альбоме П. Кеппена отрывка перевода «Илиады» (VI, 526—528).— 10102. LXб. 24.

4. Автограф стих. «Приютино».— 10089. LXб. 22.

5. Автограф стих. «На смерть... дочери Греча».— Ф. 627, оп. 2, № 9.

6. Автограф стих. «Вот Александр благословенный».— Ф. 142, оп. 1, № 59.

7. Автограф стих. «Арфа Давида».— 9642. LVIIб. 2.

8. Автограф стих. «А. А. Олениной» («В шуму сегодняшних веселых поздравлений» 4 февр. 1832).— 14370 LXXXIIIб. 15.

9. Автограф стихотворения «Циклоп» с предисловием к нему, ф. 265, оп. 2, № 691.

Центральный Государственный литературный архив СССР

1. Автографы отрывков перевода «Илиады» и разных стихотворений (18 листов), в том числе стих. «На французские революционные знамена».— Ф. 1225, ед. хр. 6, шифр 1740/59.

2. Автограф стих. «Кавказская быль», там же.

Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина

1. Автограф стих. «В сей день — о день, питомцу муз изящный» (помета: «5 сент. 1815. Приютино»).— 3618 Б. 3.

2. Автограф стих. «Новости».— 3618 Г. 1.

3. Автограф стих. «Послание гр. Д. И. Х. в Приютино».— 3618 Б. 4.

4. Автограф (?) «Что если б вы, бессмертны тени...».— 3618 Б. 1.

5. Список стих. «Любовью пламенной отечество любя». («Список рукой В. А. Олениной, с пометкой, что стих. принадлежит Гнедичу.).— 3618 Б. 5.

6. Список стих. «Здесь некогда наш сын дуб юный возращал» (той же рукой, там же).

7. Список стих. «Радость детей, любовь!» (1819), с пометкой А. Н. Оленина.— 3618 Б. 2.

Библиотека гос. театров в Ленинграде

1. Список стихотворного перевода трагедии «Медея» Лонжпьера (перевод 3-го действия принадлежит Гнедичу, 1-го Марину и И. Озерову, 2-го Дельвигу, 4-го Катенину, 5-го Поморскому).— № 7675.

ИЗДАНИЯ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГНЕДИЧА

Прижизненные издания

«Илиада», песнь VII, пер. с греческого александрийскими стихами. СПб., 1809.

«Танкред», трагедия Вольтера, стихами. Переведена и представлена в 1-й раз 1810 г.[1] СПб., в тип. имп. театра, 1810 (2-е изд. с исправлениями Гнедича в 1816 году).

Рождение Гомера. Поэма. СПб., 1817.

«Рыбаки», идиллия. СПб., 1822.

Простонародные песни нынешних греков, с подлинником изданные и переведенные в стихах, с прибавлением введения, сравнения их с простонародными песнями русскими и примечаний. СПб., 1825 (дата цензурного разрешения 24 октября 1824 года).

Издание открывается обширным введением Н. И. Гнедича на 33 страницах.

«Илиада» Гомера, переведенная Н. Гнедичем, членом имп. Российской академии, членом-корреспондентом имп. Академии наук, почетным членом имп. Виленского университета, членом Обществ любителей словесности С.-Петербургского, Московского, Казанского и проч. Ч. I—II. СПб., 1829 (дата цензурного разрешения 29 сентября 1828 года). Издание открывается предисловием на 15 страницах.

Стихотворения Н. Гнедича. СПб., 1832.

В сборник введены, кроме лирических стихотворений, идиллия «Рыбаки», поэма «Рождение Гомера», перевод идиллии Феокрита «Сиракузянки, или Праздник Адониса», «Простонародные песни нынешних греков» (без предисловия), перевод трагедии Вольтера «Танкред» (переведено в 1809 году).

Посмертные издания

«Илиада» Гомера, перевод Н. Гнедича, издание второе, книгопродавца Лисенкова, напечатанное с экземпляра, исправленного переводчиком. СПб., 1839.

---

[1] В сборнике «Стихотворения Н. Гнедича» 1832 года проставлена более точная дата перевода: 1809.

Сочинения Гнедича, издание Александра Смирдина. СПб., 1854. Издание является перепечаткой собрания стихотворений 1832 года.

Сочинения Н. И. Гнедича, т. I—III. Первое полное издание с портретом Н. И. Гнедича, гравированным на стали, и биографиею, составленною Н. М. Виленкиным (Минским). Издание товарищества М. О. Вольф. СПб.— Москва, 1884.

Первый том состоит из произведений, вошедших в сборник 1832 года, с прибавлением нескольких стихотворений по автографам и журнальным публикациям Гнедича. Тома II—III — «Илиада» (перепечатка издания 1829 года).

Полное собрание поэтических сочинений и переводов Н. И. Гнедича. Три тома. Библиотека «Севера». 1905.

«Илиада», перевод Н. И. Гнедича, редакция и комментарий И. М. Тронского. При участии И. И. Толстого. Л., Academia, 1935.

Вступительные статьи П. Ф. Преображенского, И. М. Тронского и И. И. Толстого. Текст перевода подвергся критическому пересмотру. Издание сопровождено подробным комментарием.

Н. Гнедич. Стихотворения. Вступительная статья, редакция и примечания И. Медведевой. «Советский писатель». Библиотека поэта, малая серия, № 11. Л., 1936. Избранные стихотворения, шесть (из 12-ти) песен из сборника «Простонародные песни нынешних греков» и отрывки из VI и VIII песен «Илиады».

Посмертные публикации неизданных произведений

Ласточка. «Альциона», 1833, стр. 69.

Кавказская быль. «Новоселье», 1833, стр. 187.

«Русская старина», 1880, № 7, стр. 502. Публикация стихотворения «К сестре».

Николай Иванович Гнедич (1784—1884). Несколько данных для его биографии по неизданным источникам сообщил П. Тиханов. СПб., 1884.

В сообщение П. Тиханова входит публикация следующих стихотворений Гнедича: «Печален мой жребий, удел мой жесток!», «Циклоп», пародия идиллии Феокрита (1813), эпиграмма «Ты прав, Дурин, лицом я непригож», послание «Мой добрый друг, Лобанов», «Душа, душа, ты рано износила».

Г. П. Георгиевский. А. Н. Оленин и Н. И. Гнедич. Новые материалы из Оленинского архива. Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. 91. СПб., 1914, стр. 1—137.

Опубликованы следующие стихотворения Гнедича: «Новости», «Что, если б вы, бессмертны тени», «Радость детей, любовь!», «В сей день — о день, питомцу муз изящный», «Послание гр. Д. И. Х. в Приютино», «Здесь некогда наш сын дуб юный возращал», «Любовью пламенной отечество любя».

Ф. Я. Прийма. «Слово о полку Игореве» в научной и художественной мысли первой трети XIX века (Материалы). Сборник статей «Слово о полку Игореве». М.—Л., изд. АН СССР, 1950. В статье Ф. Я. Приймы опубликованы наброски начала поэмы Гнедича о Васильке Теребовльском.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* Н. И. Гнедич. Портрет на фоне бюста Гомера. Масло. Неизвестного художника (конец 1820-х годов). Пушкинский Дом АН СССР.
2. *Между стр. 48 и 49.* Н. И. Гнедич среди группы писателей (Пушкин, Крылов, Жуковский). Масло Чернецова. Этюд к картине «Парад на Марсовом поле 1831 года». Пушкинский Дом АН СССР.
3. *Между стр. 200 и 201.* Иллюстрация к идиллии «Рыбаки». Гравюра Галактионова с рисунка М. Воробьева в альманахе «Северные цветы на 1827 год».
4. *Между стр. 232 и 233.* Греческий солдат-повстанец (Клефт). Гравюра с рисунка Вутье в «Mémoires du colonel Voutier sur la guerre actuelle des Grecs». Рисунок воспроизведен в книге «Простонародные песни нынешних греков, изданные и переведенные в стихах Н. Гнедичем». СПб., 1825.
5. *Между стр. 288 и 289.* К. Семенова, трагическая актриса. Гравюра Н. Уткина по рисунку О. Кипренского. Семенова в роли Аменаиды была приложена к изданию «Танкреда» Вольтера в переводе Гнедича, изд. 2-е 1816 г. Под портретом четверостишие Гнедича.
6. *Между стр. 320 и 321.* Герои «Илиады». Гравюра Н. Уткина (с композиции художника и гравера Вильгельма Тишбейна (1751—1829) из его альбома «Гомер, рисованный по античным образцам» (1801—1823 гг.), предпосланная в виде заставки к первому изданию «Илиады» Гомера в переводе Н. Гнедича, 1829. Заставка сопровождена следующим «изъяснением» Гнедича: «Изображенные головы героев, начиная от левой руки зрителя, суть: Агамемнона, Ахиллеса, Нестора, Одиссея, Диомеда, Париса, Менелая».
7. *Между стр. 768 и 769.* Приам, испрашивающий у Ахиллеса тело Гектора. Картина маслом Александра Иванова (1824). Третьяковская галерея в Москве. Замысел художника имеет прямую связь с тем восприятием античности, которое выразилось в переводе «Илиады» (см. стр. 34).
8. *Между стр. 768 и 769.* Приам, испрашивающий у Ахиллеса тело Гектора. Деталь картины Александра Иванова.

9. *Между стр. 824—825.* «Древний резной камень с изображением Одиссея. Античная бронзовая статуя, показывающая вооружение древних и вооружение современного сулиота». Рисунки А. Н. Оленина, посланные Гнедичу в качестве доказательства сходства между вооружением и одеждой древних греков и воинов повстанческой греческой армии начала 1820-х годов. «Переписка А. Н. Оленина с разными лицами по поводу предпринятого Н. И. Гнедичем перевода Гомеровой Илиады». СПб., 1877, таблица VI.
10. *Между стр. 824 и 825.* Фигуры, объясняющие положение Диомеда, раненного в ногу. Рисунки А. Н. Оленина. Там же, таблица VII.

СОДЕРЖАНИЕ[1]

I

[1] Первая цифра обозначает страницу текста; вторая, курсивом, страницу примечаний.

Неизвестные годы

II

ПРИМЕЧАНИЯ

ГНЕДИЧ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор *Ю. Г. Оксман*

Художник *И. С. Серов*

Техн. редактор *С. И. Брусиловская*

Корректоры *З. Н. Петрова* и *П. Е. Суздальский*

Сдано в набор 30/XII 1955 г. Подписано к печати 2/VI 1956 г. М-22369. Бумага 84×108/32. Печ. л. 53,25 + 8 вкл. (43,67 + 8 вкл.). Уч.-изд. л. 42,45.
Тираж 25000. Цена 14 р. 95 к.
Заказ № 2501.

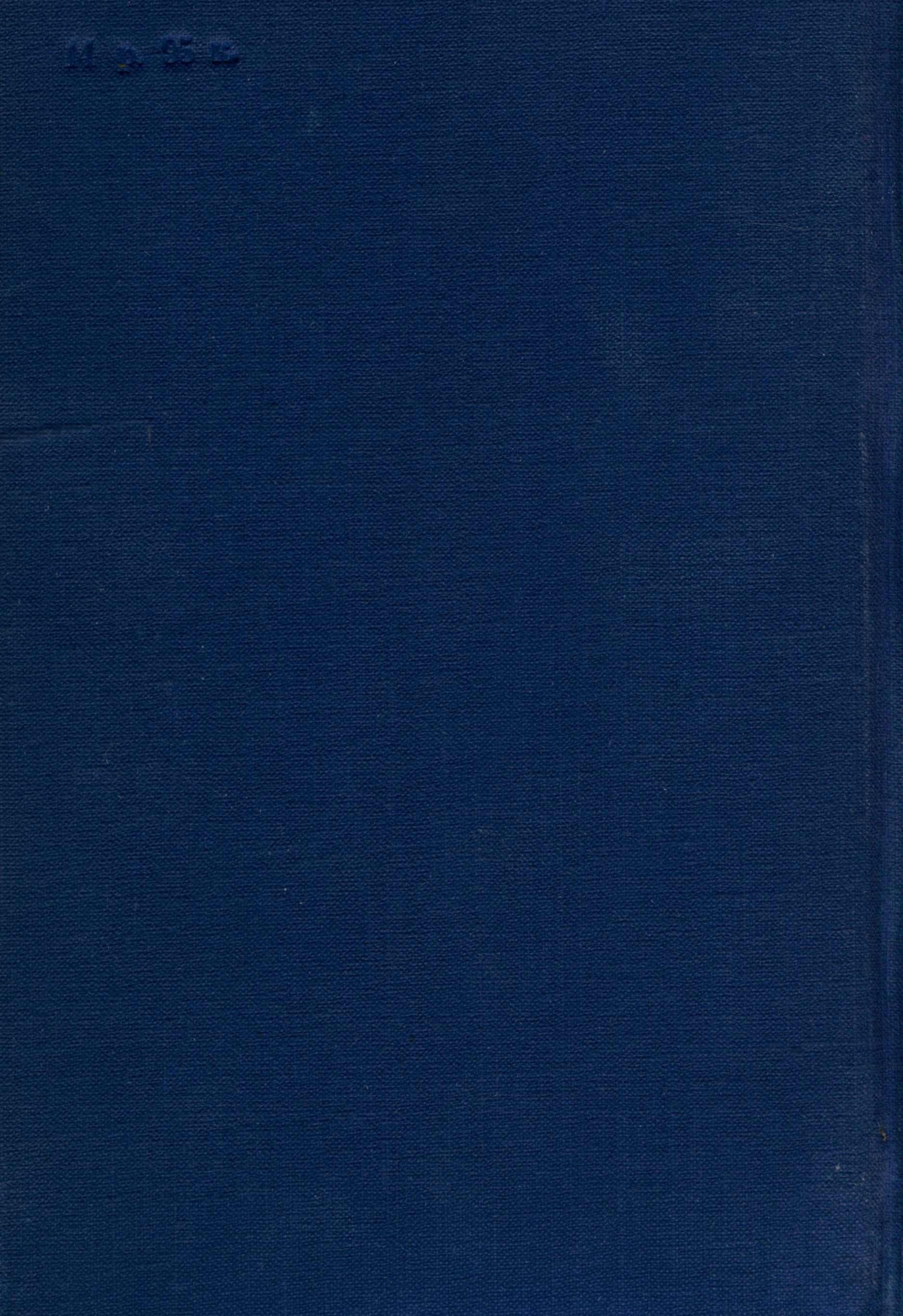
Ленинградское отделение
издательства „Советский писатель"
Ленинград, Невский пр., 28.

Типография № 2 Управления культуры
Ленгорисполкома. Ленинград,
Социалистическая, 14.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
266	11 сн.	ужас	ужасном
275	10 св.	То ль	Толь
431	1 сн.	длиннодежной	длинноодежной
523	2 св.	враждебн	враждебным
546	17 сн.	яхеян	ахеян
615	20 св.	тунчейшей	тучнейшей

Н. И. Гнедич


11 р. 95 к.